

**ЛЕКСИЧЕСКИЙ
АТЛАС**

РУССКИХ
НАРОДНЫХ
ГОВОРОВ

Российская академия наук

Институт лингвистических исследований

Лексический атлас русских народных говоров

Материалы и исследования 2014

Издательство

С-Петербург

Нестор-История

MMXIV

УДК 81.28
ББК 81.2Рус-67

ПЕЧАТАЕТСЯ ПО РЕШЕНИЮ УЧЕНОГО СОВЕТА ИЛИ РАН

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР: *А. С. Герд*

РЕДКОЛЛЕГИЯ: *С. А. Мызников, О. Н. Крылова,
О. В. Глебова, Р. В. Гайдамашко*

РЕЦЕНЗЕНТЫ: ДОКТОР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК *О. Д. Кузнецова*
КАНДИДАТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК *В. Б. Колосова*

СБОРНИК ПОДГОТОВЛЕН К ИЗДАНИЮ ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
РОССИЙСКОГО ГУМАНИТАРНОГО НАУЧНОГО ФОНДА (РГНФ)
ПРОЕКТ № 13-04-00166А

РАБОТА ВЫПОЛНЕНА В РАМКАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАДАНИЯ ИЛИ РАН
(ТЕМА № 0187-2014-0007 «РУССКАЯ ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ И
ЛИНГВОГЕОГРАФИЯ»)

ЛЕКСИЧЕСКИЙ АТЛАС РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ (МАТЕРИАЛЫ И
ИССЛЕДОВАНИЯ) 2014 / Ин-т лингв. исслед. – СПб.: Нестор-
История, 2014. – 808 с.

ISBN 978–5–4469–0498–3

В СБОРНИКЕ ОПУБЛИКОВАНЫ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ УЧАСТНИКОВ
ПРОЕКТА «ЛЕКСИЧЕСКИЙ АТЛАС РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ». В РАБОТАХ
ОСВЕЩЕН ШИРОКИЙ КРУГ ВОПРОСОВ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ,
СЕМАНТИКИ, СТРУКТУРЫ ОТДЕЛЬНЫХ ТЕМАТИЧЕСКИХ ГРУПП И
СЛОВООБРАЗОВАНИЯ. ЗНАЧИТЕЛЬНУЮ ЧАСТЬ КНИГИ СОСТАВЛЯЮТ СТАТЬИ ПО
ДИАЛЕКТНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ, СИНОНИМИИ, ИСТОРИИ СЛОВ И ОНОМАСТИКЕ.
ОСВЕЩАЮТСЯ ТАКЖЕ ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ И
НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОГЕОГРАФИИ.

СБОРНИК ВНОСИТ ВКЛАД В ТЕОРИЮ И ПРАКТИКУ
ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРЕДСТАВЛЯЕТ ИНТЕРЕС ДЛЯ
ШИРОКОГО КРУГА ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА.

ISBN 978–5–4469–0498–3

© ИЛИ РАН, 2014
© КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ, 2014

Содержание

Компаративные фразеологические единицы в русских говорах на территории Республики Мордовия <i>Э. Н. Акимова, Т. И. Мочалова</i>	11
Мотивация наименований подорожника как способ отражения опыта освоения носителями говоров мира растений (на материале орловских говоров) <i>Л. М. Алёшина</i>	25
Лексика говорения, характеризующая речевую деятельность по акустическим признакам, в самарских говорах (опыт недифференциального лексико-семантического анализа) <i>Н. Ю. Баженов</i>	31
Некоторые особенности лексической системы самарских говоров <i>Т. Е. Баженова</i>	49
Наименования янтарных бус в русских народных говорах <i>И. В. Бакланова</i>	59
Наименования растения шиповник и его плодов <i>Л. П. Батырева</i>	70
Названия гриба валуй в русских говорах: мотивационный аспект <i>М. В. Боброва</i>	81

Диалектный ландшафт Лабинского района Краснодарского края (по материалам полевой экспедиции)	100
<i>О. Г. Борисова, Л. Ю. Костина</i>	
Возвращаясь к древнейшим названиям ягод в финно-угорских языках (брусника и морошка)	124
<i>И. В. Бродский</i>	
Признаки и свойства диалектной картины мира (на материале донских говоров)	140
<i>Е. В. Брыкина, Т. И. Морозова</i>	
Из опыта исследования монологической диалектной речи: фольклорные и бытовые тексты	155
<i>И. А. Букринская, О. Е. Кармакова</i>	
Наименования объектов нанорельефа как отражение диалектной языковой картины мира (на материале орловских говоров)	165
<i>Н. В. Буржо</i>	
Словарный состав «Слова о полку Игореве» и лексика русских народных говоров (по данным новых диалектных словарей)	174
<i>А. А. Бурыкин</i>	
Русское диалектное слово во времени и в пространстве	194
<i>Т. И. Вендина</i>	
Комментарии к этимологиям финно-угорской субстратной лексики ландшафта в русских говорах Прикамья: <i>оль/уль, пыром, чурк/чурок</i>	219
<i>Р. В. Гайдамашко</i>	
Диалектные устойчивые выражения как отражение норм жизни носителей говора	231
<i>В. Н. Гришанова</i>	

Лингвистическое картографирование в областном словаре (семантические карты в Псковском областном словаре)	238
<i>Ю. Ф. Денисенко</i>	
Мультимедийный корпус региональных текстов как форма представления локальной концептосферы в аспекте проблематики ЛАРНГ	268
<i>Ю. Н. Драчева, П. Н. Задумина</i>	
Особенности морфологии тамбовских говоров по полевым записям на этапе современной фиксации	278
<i>С. Ю. Дубровина</i>	
Синонимические ряды названий домашних животных в русских говорах Мордовии	288
<i>Н. И. Ершова</i>	
Лексика питания в пермских говорах: мясомолочные продукты	302
<i>Ю. В. Зверева</i>	
Лингвогеографические и экстралингвистические факторы в формировании позднепереселенческих говоров	317
<i>Т. Ф. Зиброва</i>	
Диалектное слово в Интернете	326
<i>Л. Ю. Зорина</i>	
Записи народной речи как источник изучения диалектной языковой личности	342
<i>Е. Н. Ильина</i>	
Названия червей в воронежских говорах	353
<i>Т. В. Карасёва</i>	

Национально-культурная информативность микропонимов Смоленского края	357
<i>В. С. Картавенко</i>	
<i>Путь</i> в архангельских говорах: семантический и словообразовательный потенциал	366
<i>М. С. Картышева</i>	
Тексты-иллюстрации в материалах к некоторым картам Лексического атласа русских народных говоров	376
<i>Л. А. Климкова</i>	
Семантика общерусского слова <i>мёртвый</i> в архангельских говорах	394
<i>А. Б. Коконова</i>	
Лексикографическое описание архивных материалов Словаря русских народных говоров	402
<i>Е. В. Колосько</i>	
Семантическая оппозиция 'выход' / 'вход (заход)' в славянских говорах	411
<i>М. М. Кондратенко</i>	
Специфика формирования легенды к карте (из опыта работы с лексико-семантическими группами народных наименований)	417
<i>Л. Я. Костючук</i>	
Образ человека через репрезентацию действий (на материале тульских говоров)	427
<i>Н. А. Красовская</i>	
Мотивации наименований растения колокольчик в русских говорах	442
<i>Р. И. Кудряшова</i>	

Семантические диалектизмы в Словаре курских говоров <i>Л. И. Ларина</i>	451
Основные диалектные особенности некоторых западно-полесских говоров <i>Л. В. Леванцевич</i>	464
Программа для составления диалектных карт <i>А. Н. Левичкин</i>	477
Варианты наименований птицы соловей в русских говорах (лингвогеографический аспект) <i>Т. М. Малыхина, Л. Е. Писарева</i>	486
Об особенностях изучения лексики духовной культуры (на материале русского говора д. Степанёнки Кезского района Республики Удмуртия) <i>В. Н. Мартъянова, М. А. Пономарева</i>	496
Диалектные особенности инфинитива и спрягаемых форм глагола в говорах Орловской области (на материале одного говора) <i>В. И. Меркулова</i>	501
Некоторые особенности префиксальных имен прилагательных в говорах Орловской области <i>Л. И. Меркулова</i>	508
Мотивация лексики свадебного обряда Калужской области <i>М. С. Миронович</i>	517
Возможности использования экстенциальных лексических единиц при составлении карт Лексического атласа русских народных говоров <i>Л. П. Михайлова</i>	527

Неисконная глагольная метеорологическая лексика и возможности ее лингвогеографического описания <i>С. А. Мызников</i>	537
Заместительные глаголы как региональный компонент в говорах Поволжья <i>Я. В. Мызникова</i>	550
Названия плодородных и неплодородных почв в говорах Костромской области <i>Г. Д. Неганова</i>	558
Названия мужской крестьянской одежды, обуви и головных уборов первой половины XX века (на материале говора посёлка Высокого Таловского района Воронежской области) <i>Л. В. Недоступова</i>	568
Производное слово как результат речевой деятельности (на материале лексики ЛАРНГ) <i>Л. Н. Новикова</i>	577
Структура русских диалектных номинаций <i>В. А. Пыхов</i>	584
Лексика растительного мира в говоре села Краснолипыя Репьёвского района Воронежской области <i>О. А. Слюсарева</i>	600
О <i>шабале</i> , <i>шabalke</i> и других словах (по вятским материалам Д. К. Зеленина) <i>З. В. Сметанина</i>	608
Диалектные названия обуви в нижегородских говорах <i>И. В. Толкачева</i>	615

Выражение родственных взаимоотношений в воспоминаниях донских казаков	626
<i>Н. А. Тупикова, Н. А. Стародубцева, И. А. Нелина</i>	
Лексика охоты на медведя (на материале архангельских говоров): социолингвистический аспект	635
<i>А. С. Уткина</i>	
Народные географические термины в составе диалектных фразеологизмов (на материале донских говоров)	640
<i>М. В. Флягина</i>	
Костромская микротопонимия как источник сведений для ЛАРНГ: ЛСЛ 428. Поемный луг, прилегающий к реке, озеру	647
<i>Е. В. Цветкова</i>	
История изучения говоров Воронежской области	656
<i>А. Д. Черенкова</i>	
Addenda, corrigenda (СРНГ)	664
<i>В. В. Шаповал</i>	
Лексические особенности тверских говоров (на материале говоров с. Хотилицы Тверской области)	688
<i>Н. В. Шевченко</i>	
Стилистические диалектизмы (на материале пензенских говоров)	696
<i>Р. В. Ширшаков</i>	
Словообразовательная категория степени интенсивности признака в русских народных говорах	700
<i>Л. Г. Яцкевич</i>	

Список сокращений 734

Указатель диалектных слов и устойчивых словосочетаний 747

Компаративные фразеологические единицы в русских говорах на территории Республики Мордовия

Э. Н. Акимова, Т. И. Мочалова

В статье рассматриваются структурно-семантические особенности компаративных фразеологических единиц, функционирующих в русских говорах на территории Республики Мордовия.

Ключевые слова: фразеологическая единица, компаратив, диалект, семантика, структура

Компаративные диалектные фразеологизмы, отражающие своеобразный, этнически детерминированный способ постижения действительности, изучались лингвистами на материале различных групп говоров [Борисова 1973: 15–26; Гаврин 1973: 63–77; Прокошева 1974: 103–111; Бакланова 2011а: 27–31; Бакланова 2011б: 238–247 и др.]. Примечательно, что «фразеологизмами сравнения охвачены если не все, то большинство сфер человеческой жизни» [Бакланова 2011: 246], поскольку сравнение, являющееся древнейшей мыслительной операцией человека, уходит своими корнями в мифологичность сознания, обладает высоким когнитивным и креативным потенциалом.

Во «Фразеологическом словаре русских говоров на территории Республики Мордовия» (Семенкова 2007) зафиксировано более 250 компаративных фразеосочетаний, касающихся различных сфер жизни человека. Объектом сравнения становится человек и окружающий его мир живой и неживой природы. Большую группу составляют фразеологические единицы, построенные на основе антропоморфного сравнения, при этом в собирательном образе человека отра-

жаются какие-либо обобщенные качества и свойства. В составе таких компаративных фразеосочетаний употребляются имена собственные, утрачивающие индивидуальное значение и начинающие называть человека по каким-то типичным чертам характера, чаще негативным.

Наиболее частотными в исследуемых говорах оказались фразеосочетания с мужскими именами Вавила, Иван (Ванька), Миша и др. В крестьянской среде всегда высоко ценились выносливость, физическое здоровье мужчины, что связано с его обязанностью трудиться, обеспечивать семью, продолжать род; эти представления находят отражение и во фразеологии: **как вавила варнаков** 'о физически крепком человеке'. Иван — одно из распространенных русских имен, которое, как видим, ассоциируется с номинацией «русский человек» вообще. Это имя в его обиходно-разговорном варианте Ванька употребляется в составе фразеосочетания **как ванька ветров**, характеризующего пустого, легкомысленного человека: *Што ты ума-тѣ ни нѣбирѣсси, как ванькѣ ветрѣф ходиш* (Лаврентьево, Темниковский район). Наричательный характер компонента передается и графически: в словаре отсутствует оформление имени с заглавной буквы. Но если **иван** — это фрагмент общезыковой русской картины мира, то антропоним **миша пүёткин** (также нарицательного характера) принадлежит национальной картине мира диалектоносителя русских говоров на территории Мордовии, о чем свидетельствует и тип фамилии. Устойчивое сочетание **как миша пүёткин** используется для оценки интеллектуального уровня человека и номинирует умственно ограниченного человека: *Што ты как мишѣ пүёткин, ни пѣнимаши ничаво* (Лаврентьево, Темниковский район).

Имя Ермошка — уменьшительная форма канонического мужского имени Ермолай — зафиксировано в составе оборота **как на ермошке**, употребляющегося для характеристики некрасиво сидящей на человеке одежды. В данном случае утрачивается гендерная маркированность фразеологической

единицы, а на первый план выступает негативная характеристика внешнего вида человека, не соответствующего традиционным представлениям: *Нъ тебе этът кастюм как нъ ярмошки* (Лаврентьево, Темниковский район).

Незначительно в говорах число компаративных фразем, включающих в свой состав женские имена. При этом доминантным в оценке женщины становится ее внешний вид: *как акуля (акулька) одеться (повязаться, собраться)* ‘некрасиво, неряшливо’. В рамках рассматриваемой группы отмечены фразеологические единицы, содержащие мужское и женское имена в качестве нарицательной характеристики пары: *как казена с парашей* ‘о супругах, живущих дружно, согласно’; *как кира с марей* (неодобр.) — ‘неумные или пьяные люди’. Причем последний фразеологизм, несмотря на то, что Кира — сокращенно от Кирилл, не имеет четкой дифференциации в употреблении относительно мужского и женского референтов. Диалектные контексты не дают точного указания на то, что речь идет именно о паре мужчины и женщины: *Марушь, ты поглянь-кѡ, идут кира с марей, дороги малѡ. Выридились как кира с марей* (Солдатское, Ардатовский район).

Зафиксировано фразеосочетание *как на Петровки ва-режки (нужен, нужна)*, которое служит для указания на кого- или что-либо совершенно ненужное. Формирование семантики фразеологизма строится на основе сравнения с определенным временем: Петровка — пост перед Петровым днем, в это время обычно стоит жаркая погода: *Нъ Пятрофку фсягда жара стаит. Этът цвятюк ф Пятрофку цвितѣт* (Алексеевка, Темниковский район).

Фразеологические единицы могут строиться на основе уподобления по какому-либо признаку человеку в зависимости от его рода деятельности (*дойти как кузнец до пшику* ‘испытать крайнюю нужду’, *как мельник* ‘пыльный, грязный (о человеке)’, *как стогометатель* ‘очень высокий человек, верзила’), характерных особенностей пове-

дения (*как баба рязанская (кричать, орать)* ‘громко кричать, браниться’), возраста (*как малое дитя жить* ‘жить без забот, без хлопот’), внешности (*как однобрюшки* ‘очень похожие друг на друга’).

В исследуемых говорах многочисленны фразеосочетания, которые через зооморфное сравнение ярко, образно передают информацию о человеке и окружающем его мире, дают оценку его качествам и поступкам, не соответствующим морально-нравственным устоям территориально замкнутого социума. В данном случае закрепленные за словом-зоонимом значение и оценочно-когнитивная информация об одобрительном или неодобрительном отношении к обозначаемому животному транспонируются на человека: конь олицетворяет движение, быстроту (*как конь загнаный*), лошадь — здоровье, силу, выносливость, способность выполнять тяжелую работу (*как ломовая лошадь, как мериньха/мериница*) и в то же время неуравновешенность (*как лошадь встрѣпанная*). Овца в народном представлении отражает такие негативные качества человека, как бесцельное времяпрепровождение, слабоумие, болтливость, легкомыслие (*как круговая овца, как овца колобродная, как овца шутоломная/кручѣная*), состояние крайнего беспокойства, испуга (*как овца промеж волков*). Уподобляется овце также тот, кто имеет много долгов или вызывает отвращение (*как овца в репьях*).

Противоположные коннотации приобретает в говорах зоним собака, поскольку это животное наделяется как положительными, так и отрицательными чертами. С одной стороны, отмечается быстрый бег собаки (*на собачьих ногах*), а с другой — если человек сравнивается с собакой, псом, то в сознании диалектоносителей создается образ злого, сердитого человека (*как пѣс цепной*), бессовестного, желающего захватить что-либо в большом количестве, перехватить у других (*рвать как собака*). О том человеке, кого совсем

не хочется видеть, настолько это неприятно, в диалектной среде говорят *глаза бы как на собаку не глядели*.

Во фразеологизмах, содержащих сравнение с курицей, дается отрицательная оценка неряшливого внешнего облика человека (*как курица общипанная* 'с растрепанными волосами', *как мокрая курица* 'небрежно, неряшливо одетый'). Кроме того, *как куриный отрёбушек* называют в говорах невзрачного, неряшливого человека. В то же время курица, несущая яйца, становится символом благополучия, достатка в крестьянской семье, что отражается и во фразеологии: *как курка яичко снесла* 'кому-либо везет в жизни, хорошо живется'. Заметим, что близкое значение 'в полном достатке (жить)' реализуется также в компаративном фразеосочетании *как мышь (мышка) в коробу́ (коробушке, крупе)*.

На основе сравнения с птицами и животными определяются диалектоносителями такие параметрические качества человека, как рост, полнота. Так, не соответствующим норме сельские жители считают излишне худого (*как щегол* 'об очень худом человеке', *как палая кошка* 'худая, изможденная женщина') или невысокого человека (*как жук по ногам* 'очень маленького роста'). В говорах встречаются бранные выражения, характеризующие медлительного, нерасторопного человека (*как телок опоённый, как жук навозный*), слабого или плохо питающегося человека (*как цыплок варёный*). Любопытно, что негативную, ироничную оценку получает человек, стремящийся жить очень долго, подобно ворону: *как ворон (жить)*.

Человек, не имеющий возможности делать что-либо самостоятельно, по собственному желанию, находящийся в полной зависимости от кого-либо, в подчинении у кого-либо, в говорах уподобляется улитке (*как улитка в лубке*), пойманной блохе (*как блоха под ногтём*). С повадками насекомых сравнивается надоедливое, неотвязчивое поведение (*как мухи*) или излишне подвижное (*как вошь на*

гребешке вертеться). *Как вшей в нагашнике, как собак нерезаных* употребляют в диалектной среде в том случае, если что-то представлено сверх меры, в большом количестве.

Менее распространенными являются фразеосочетания, которые через сопоставление с растениями оценивают физическое состояние человека (*как огурец* 'бодрый энергичный'), его умственные способности (*как пенёк с глазами* 'тупица, дурак'), социальное положение, образ жизни (*как яблочко на блюдечке кататься* 'легко, беззаботно жить', *как горькая осина* 'об одиноком, не имеющем семьи человеке', *как соломина в глазу* 'единственный, избалованный'), особенности речевого поведения (*как с дубу хлыстать* 'говорить зло, грубо'), отношение к труду (*как невитое семя* 'лениво, нехотя').

Через уподобление представителям флоры в диалектном социуме может быть дана и оценка внешнему облику человека: очень тонкий, худой — *как былинка, как конопляник*; полный, румяный — *как яблочко наливное*. С растениями издревле связывались различные народные поверья, приметы, магические ритуалы: *как корнями обвести* 'приворожить'. Интересно сравнение *как негороженный стог*, построенное на основе уподобления незащитного человека (обычно незамужней женщины) негороженному стогу: *Мы вот биз мужьёф как нигарожьный сток, и фсяк тирибит. А у ней мужык нипьющий, хазяйствёз, машина, вот ана и ходит гърдыбачицёз* (Кулишейка, Теньгушевский район).

Частотными в исследуемых говорах оказались фразеологические сочетания, построенные на основе сравнения с явлениями природы, окружающим человека миром неживой природы. Так, в составе диалектных устойчивых сочетаний зафиксированы общерусские фразеобразующие элементы, обозначающие различные стихии (вода, ветер, воздух, огонь, жар и др.), изменения в атмосфере (дождь, лед, гром и др.). Такие признаки воздушных масс, как легкость,

мягкость, безграничность послужили основанием для сравнения с ними предметов и явлений действительности: *как в воздух взлететь* ‘бесследно исчезнуть’, *как на воздушях лететь* ‘идти быстро, легко, едва касаясь земли’, *как на воздухе* ‘мягкий, пышный (о хлебе)’.

Встретились случаи употребления компонента *огонь* в составе устойчивых сочетаний, при этом в диалектной фразеологии отразились такие свойства этой стихии, переносимые на человека, как неукротимость, мощь, быстрота распространения огня (*как огнем ожечь* ‘очень быстро сделать что-либо’), панический страх человека перед этой огненной стихией (*как (хуже) плящего (плещего, тлящего) огня бояться (пугаться, страшиться)* и т. п. — ‘очень, панически’). С огнем сравнивается вспыльчивый, раздражительный человек (*как огонь*), действию огня уподобляется ощущение жгучей боли (*как огнем палить*). Примыкает к этой группе фразеосочетание с компонентом *жар*, употребляющееся для характеристики поведения человека (*как жаром обсыпает* ‘кто-либо краснеет от стыда’).

Что-либо трудное, тяжело дающееся или сложно исправимое сравнивается в народном представлении с горячим камнем (*как горячий камень* ‘трудно, тяжело’), тиной (*как в тине потонуть* ‘оказаться в трудных условиях’, *как из тины лезть* ‘быть тщедушным, медленно расти’), крутой горой (*как крута гора* ‘очень трудно, тяжело’). Действие света, разгоняющего темноту и приносящего тепло, в сознании диалектоносителей ассоциируется с лёгкостью, добром, изменениями к лучшему. Например, в исследуемых говорах распространен компонент *свет* в сочетании с адъективным распространителем *милый* в составе сравнительного оборота: *как милый свет* ‘тихий, скромный, незаметный (о человеке)’, *как милый свет стать* ‘измениться в лучшую сторону’, *как милый свет увидеть* ‘почувствовать облегчение, избавиться от какого-либо недуга’.

Номинация человека может быть представлена через сравнение с небом (*как в небо дыра* ‘о человеке очень высокого роста’) и землей (*как только земля таскает* ‘как только возможно, допустимо чье-либо существование (о человеке, обладающем дурными качествами)’). Вспыльчивый, раздражительный человек уподобляется пыли, которая взвивается, поднимается при малейшем воздействии на нее — *как пыль: Не знаю, как уш оне жыть-тѣ будут: и он горьчѣй, и она как пыль* (Говорово, Старошайговский район).

Умение ловко наживаться воспроизводит компаративное фразеосочетание *как из земли рыть*. Небесные светила (солнце, месяц), природные стихии символизируют в народном сознании быстроту, неожиданность, кратковременность события: *как ураган проволока* ‘прошло, пролетело быстро, незаметно (о времени)’, *как красно солнышко* ‘неожиданно, внезапно’, *как ясный месяц* ‘о ком-либо появляющемся где-либо ненадолго’. Для указания на бесследное исчезновение употребляется сравнение *как в прорубь (лагун) кануть*. Поскольку данная группа связана с предметами неживого мира, то в некоторых случаях через сравнение номинируются качества этих предметов (*как грязи* ‘очень много’, *как гуца* ‘мокрый’) или характерное действие (*как жар гореть* ‘блестеть, сверкать’).

Многочисленна группа фразеологических сочетаний, включающих наименования предметов материального мира: частей крестьянского дома и надворных построек; различных приспособлений, орудий, которые используются в трудовой и хозяйственной деятельности; пищевых продуктов и др. Однако в составе компаративных фразеологических единиц наименования данных предметов могут утрачивать прямое конкретное значение, при этом происходит наделение их символическим смыслом. Так, борона связана с негативной характеристикой человека или особенностей его речи (*как борона (борону) боронить* ‘выговаривать, произносить слова неправильно, искаженно’), веретено символизирует легко-

мысле, непостоянство (*как кривое веретено* ‘о легкомысленном, непостоянном человеке’), жернов, метла — неразборчивость в еде (*как метлой мести, молотъ как жернов* ‘есть все подряд, без разбору’), мялка — состояние сильной усталости (*как в мялку пропустили* ‘кто-либо испытывает сильную усталость, слабость, недомогание’).

Посредством сравнения с предметом, его действием в горах может оцениваться внешний вид человека, его физические особенности, характер: *как скалка* ‘о худой, тощей женщине’, *как стена* ‘о глухом человеке’, *как столб воротный* ‘о высоком, сильном человеке’, *как мельница* ‘о болтливом человеке, пустомеле’, *как в машину пропусти́нный* ‘больной, немощный’. Через сравнение с различной утварью, посудой, бытовыми приспособлениями оценивается сам человек (*как в мяльцах был, как в мяльцы пропустили* ‘о неряшливой, помятой одежде’, *как в лубке ходить* ‘быть очень худым, тощим’), его действия и состояния (*как ножом (ножами) резать* ‘о сильной боли’, *как сковородником проехать* ‘плохо обработать (землю)’, *как в ступе истолочь* ‘сильно измять (обычно одежду)’, *как кружева вязать* ‘легко, нетрудно’, *как на точиле сидеть* ‘долго находиться в одном положении’, *как пехтёль в ступе* ‘в одном положении, на одном месте (топаться, находиться и т. п.)’), предметы и явления окружающего мира (*как бредень* ‘плохо защищающий тело от холода (о легкой или износившейся одежде)’, *как головешка* ‘черный’, *как из сита сеять* ‘идти мелкими каплями, моросить’, *как колотушка* ‘о черстве хлеба’).

Небольшую группу составляют компаративные фразеологические сочетания, построенные на основе сравнения человека с продуктами питания, их термической обработкой, процессом приготовления пищи: *как лепёшка* ‘о полной женщине’, *ломаться как пряник двухкопеечный* (неодобр.) — ‘кривляться, поясничать’, *ломаться как блин овсяный* ‘вести себя заносчиво, высокомерно’, *идёт как с маслом* ‘имеет

горделивую осанку и плавную походку’, (*как*) *квас парить* ‘ходить взад и вперёд’, *как варёный* ‘малоподвижный, молчаливый’, *как варом сварило* ‘кто-либо внезапно заболел, быстро уснул’.

Большое значение для сельского жителя имеет дом, надворные постройки, приусадебное хозяйство, поэтому не случайно в говорах встречаем обилие компаративных сочетаний, где в качестве опорного компонента выступают слова этой тематической группы: *как в светличке* ‘тщательно, до блеска (вымыть, вычистить)’, *как в челядне* ‘очень холодно (в помещении)’, *как в погребке расти* ‘быть очень бледным; быть неосведомленным’, *как из погреба вылез* ‘о бледном, худом человеке; о человеке, не знающем того, что всем уже известно’, *как в печь бросить* ‘израсходовать, истратить впустую, без пользы’, *как в сад сесть* ‘быстро освоиться, приспособиться к чему-либо’ и др. Общепринятый фразеологизм *как за каменной стеной* со значением ‘под надежной защитой’ в говорах Мордовии имеет эквивалент *как за городской стеной*.

Религиозные и мифологические воззрения сельских жителей также отразились в компаративной фразеологии. Представления о темных силах, аде вербализуются во фразеосочетаниях, характеризующих состояние постоянных забот, хлопот (*как в смоле кипеть, как чёрт в колесе (вертеться)*), что-либо, случившееся независимо от чьего-либо желания (*как чёрт пособил*), грязное, неубранное пространство (*как в огнощце*), злое, сердитое поведение (*как анчутка*; ср.: *анчутка* в 1 знач. — ‘черт, бес, дьявол’). Лишь единичное компаративное образование *как барыня в раю* ассоциируется в говорах с раем, божественным началом и употребляется для обозначения жизни в полном достатке. Женщина с распущенными и растрёпанными волосами всегда в сознании народа воспринималась в связи с тёмными силами, потусторонним миром, магией: *как волхв* ‘с распущенными, растрёпанными волосами (о женщине)’ (ср.:

волха ‘колдунья’). Вера в чудодейственные силы заговоров отразилась во фразеологизмах *как бабка отворожсила, как бабушкой отходили, как мать отходила* ‘о чем-либо неожиданно прекратившемся’.

Особую группу составляют фразеологические единицы, формирование семантики которых затемнено, поскольку в их составе употребляются собственно лексические диалектизмы. Семантически немотивированными оказываются фразеологические единицы *как ошляй* ‘подавленный чем-либо, удрученный’, *как клица* ‘о черством хлебе’, *как ваха* ‘о неуклюжем, неповоротливом человеке’, *как ремидоша* ‘грязный, оборванный’ и др., поскольку в частной диалектной системе утратились слова *ошляй, клица, ваха, ремидоша*, способные восстановить ассоциативную связь номинируемых предметов или лиц с объектом сравнения.

В отдельных случаях восстановить объект, взятый в процессе номинации за основу сравнения, позволяет лексический диалектный корпус. Так, например, быстрого, подвижного ребенка называют *как вьюрок*, что восходит к сопоставлению с постоянно вращающимся предметом: в русских говорах Мордовии *вьюрок* ‘деревянное приспособление для наматывания ниток на вьюшку или вертящийся в виде планки запор у двери’. Компаративное фразеосочетание *как на ялане* ‘на невозделанном, необжитом участке земли’ соотносится с лексемой *елань*, обозначающей ровное открытое пространство, поляну. Фразеологизм *как назола* ‘о худом, тощем человеке’ опосредованно восходит к диалектному слову *назола*, употребляющемуся в исследуемых говорах для обозначения грусти, тоски: стать худым как от тоски, одолеваящей печали.

С точки зрения структуры фразеологизмы-компаративы представляют собой сочетание сравнительного союза *как* со словами разных частей речи. Употребление других союзов в говорах Мордовии встречается крайне редко: зафиксирован союз *словно* в составе оборота *словно лихо́й взглянул* ‘у

кого-либо начались беды, несчастья', вариативный характер имеет употребление союза *будто* во фразеологизме *будто (как) хмылом взяло*. По формальному признаку рассматриваемые единицы представляют собой сочетание слов (*как головешка, как все равно*), словосочетание (*как невитое сено, как горячий камень* и др.) и предложение (*как курочка яичко снесла, как бабка отворожила* и др.). Реже сравнение выражается посредством существительного в форме творительного падежа или наречием: *вьюном вить* 'быть ловким, проворным', *благушей кричать (орать)* 'громко плакать', *быком пить (напиться, нахлебаться)* 'пить из большого сосуда (ведра, бочки и т. п.) или источника' и др.

Компаративные фразеологические единицы строятся по традиционным для общенародного языка моделям.

1. Фразеологические единицы субстантивного типа: союз *как* + существительное: *как коляда, как копейка, как лепешка, как мухи, как мельница, как бредень* и др. При этом существительное может распространяться согласованным определением, выраженным прилагательным: *как баба рязанская, как горячий камень, как крутая гора* и т. д. Чаще атрибутивный распространитель находится в препозиции по отношению к определяемому слову, но возможно и постпозиционное его употребление (ср.: *как горькая осина — как куля рогожная*). Поскольку существительные в составе компаративных фразеосочетаний имеют оценочное атрибутивное значение, союз *как* может опускаться: (*как*) *кривое веретено, (как) круговая овца, (как) куча навозная* и т. п. Союз *как* может сочетаться с предложно-падежной формой существительного с обстоятельственным значением: *как на воздухе, как в нужнике, как в огнище* и др. Встречаются в исследуемых говорах соединения союза *как* с существительным в именительном падеже с зависимым от него существительным в косвенном падеже.

2. Фразеологические единицы адъективного типа строятся по модели: союз **как** + прилагательное, в том числе отглагольное: **как косяшный, как оглашенный, как оплёванный, как опоённый, как налитой** и т. п.

3. Фразеологические единицы глагольного типа разнообразны по своему компонентному составу. Единичны сочетания союза **как** непосредственно с глаголом: **как обнять, как украсть, как стрелнёт** и др. В диалектной среде чаще встречаются обороты, имеющие приглагольные распространители и строящиеся следующим образом: 1) **как** + существительное с предлогом или без него + глагол (**как борона боронить, как в смоле кипеть, как варом сварило, как в мяльцы пропустили, как в прорубь кануть** и др.); 2) глагол + союз **как** + существительное с зависимым прилагательным или без него (**одевать как куклёнка, идет как с маслом, жить как у праздника, гнуться как сдобный пряник** и т. п.); 3) глагол + союз **как** + глагол (**идет как пишет**).

4. Фразеологические единицы адвербиального типа: **как попадя** 'небрежно, кое-как', **как сейчас** 'ясно, отчетливо', **как займы** 'очень много' и т. п.

Таким образом, «компаративность представляется не только как универсальный механизм познания мира, но и результат обработки знаний: для сравнения берутся различные предметы и явления, ассоциирующиеся в сознании автора с изображаемыми действиями, признаками, предметами и явлениями» [Абрамова 2004: 9–10]. Сравнение при этом выступает как своеобразная фотография образа мышления, а потому — один из ведущих объектов для снятия информации о национальной языковой картине мира.

Литература

Абрамова Г. И. Этносемантика фразеологических компаративных единиц как элемент национально-культурной специфики (на примере русского, казахского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 24 с.

Бакланова И. И. Фразеологизмы сравнения в пермских говорах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. № 4(16). С. 27–31.

Бакланова И. И. Фразеологизмы сравнения как источник изучения жизни народа (на материале пермских говоров) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2011. СПб.: Наука, 2011. С. 238–247.

Борисова А. Н. Фразеологический состав говора Соликамского района Пермской области // Вопросы фразеологии и лексики русского языка. Пермь: Изд-во Пермск. гос. пед. ин-та, 1973. С. 15–26.

Гаврин С. Г. Компликативные модели компаративной фразеологии // Вопросы фразеологии и лексики русского языка. Пермь: Изд-во Пермск. гос. пед. ин-та, 1973. С. 63–77.

Прокошева К. Н. Структура устойчивых сравнительных оборотов в говорах Северного Прикамья // Вопросы лексики, фразеологии и синтаксиса. Пермь: Изд-во Пермск. гос. пед. ин-та, 1974. С. 103–111.

Мотивация наименований подорожника как способ отражения опыта освоения носителями говоров мира растений

Л. М. Алёшина

В статье выявляются мотивационные признаки, положенные в основу наименования фитонима, помогающие увидеть специфику восприятия окружающего мира диалектоносителями.

Ключевые слова: номинация, мотивация, носители говоров

Взросший за последние годы интерес исследователей к изучению народной фитонимии обусловлен тем, что «это одна из древнейших лексических микросистем, в которой закреплён опыт практического и культурно-мифологического освоения мира растений как части окружающего человека мира природы» (Коновалова 2000: 4).

Для наблюдения были отобраны названия подорожника, зафиксированные в орловских говорах. Задача — выявить набор мотивационных признаков, положенных в основу наименований данного растения. Как известно, предмет (явление) действительности характеризуется целым рядом отличительных признаков и любой из них может послужить основой для номинации. Поэтому выявление набора мотивировочных признаков поможет, во-первых, увидеть предмет как бы с разных сторон и, во-вторых, понять, какие признаки являются ценными для носителей говоров.

Подорожник — трава-путешественник. Сейчас он растёт повсеместно, за исключением, пожалуй, Крайнего Севера. Неприхотливое растение приспособилось даже к вытаптыванию. На этот случай и загадка придумана: «Его бьют сапогом, его бьют колесом, ему все нишечем, хоть ударь кирпичи-

чом». Семена подорожника приклеиваются к обуви человека и лапам животных, и, так путешествуя, переселяются на другие территории. Интересен исторический факт из жизни растения. Когда европейцы открыли Америку, вместе с ними на континент «переселился» и подорожник. Индейцы заметили появление нового растения и назвали его «след белого человека».

Для называния травы с мелкими цветками, собранными в колос, в орловских говорах используются следующие названия: *подорѳжннк*, *поддорѳжннк*, *прндорѳжннк*, *бѳбка*, *вытягѳшннк*, *дѳготннк*, *дѳктор*, *лечѳбннк*, *попѳтннк*, *попѳтчнк*, *прпѳтннк*, *порѳзннк*, *рѳннк*, *сѳзнк*, *собѳчнй язык*.

Обращает на себя внимание, что все языковые единицы, входящие в данный ряд, имеют прозрачную внутреннюю форму. Давно замечено, «что слова, ясные в словообразовательном и этимологической отношении, при прочих равных условиях (степень употребительности, характер предметной соотнесенности и прочее) легче воспринимаются и воспроизводятся, прочнее удерживаются в памяти, нежели слова, лишённые мотивации» [Моисеев 1963: 126].

В общенародном языке при наименовании растения актуальным оказывается сема 'место произрастания'. Данный признак вводится составителями Словаря русского языка в 4-х томах и в дефиницию: *подорѳжннк* 'луговая трава с широкими листьями и мелкими цветками в соцветиях в виде колоса, растущая преимущественно около дорог' (выделено нами — Л. М.) (МАС 3: 207).

Слово *подорѳжннк* известно и носителям говоров: *Мы на пѳдарѳжннку ходим, топчнм ѳиво, а ведѳ травкѳ лечѳбннѳ* (Новосильский р-н). Но широкое распространение получают его словообразовательные варианты, отличающиеся префиксами, *поддорѳжннк*, *прндорѳжннк*: *Пѳддарѳжннк, он на лапѳх пахож, поменьшы толькѳ. У дарѳх рас-*

тётъ (Кромской р-н). *Придарожник*, *пэтаму што у дароги растётъ* (Верховский р-н).

Признак 'место произрастания' актуализируется и в других названиях подорожника *попутьник*, *попутьчик*, *припутьник*: *Па пути всегда встретишь, паэтэму и завут йиво папутьник* (Ливенский р-н). *На дароги растётъ папутьчик* (Болховский р-н). *Припутьник ат усеа балезей пальзитилин* (Урицкий р-н).

Необычна в ряду наименований подорожника лексема *дэготник*, зафиксированная в Болховском районе, мотивация которой ярко представлена в контексте: *Дэготник — поддорожник. Когда ездит телега, а она усеагда бывает в дэгте, то есть колёса у телеги, и эта трава уся бывает измазана.*

Как видно из контекста, данное название, реализующее сему 'результат действия', ассоциативно связано с рассмотренными ранее словами *подоробожник*, *поддоробожник*, *придоробожник*, *попутьник*, *попутьчик*, *припутьник*, актуализирующими локативный признак (дорога, по которой ездит телега — телега со смазанными дэгтем колёсами — след дэгтя, остающийся от колес на траве, — измазанная дэгтем трава, растущая вдоль дороги).

Подорожник — лекарственное растение. Химический состав листьев этой травы богат витаминами С и К, каротином, солями калия, полисахаридами, содержит дубильные вещества и горечь. Издавна применяется в народной медицине как ранозаживляющее и кровоостанавливающее средство, для лечения язвенной болезни желудка и двенадцатиперстной кишки, при хронических гастритах, колитах, а также при кашле [Резникова, Лернер 1986: 126–127].

Отличительный признак, указывающий на назначение растения — лечить, закрепился в названии *лечёбник*: *Я, кагда палиц абрежу, личебник прикладывзю* (Залегощинский р-н).

Другие наименования подорожника связаны с актуализацией определенных функций: заживлять раны — *раннык*: *К*

ранки прилажы лист ранникъ, он кровь астановит; заживлять порезы — **порéзник**: Раньшы разувшы хадили. Бывала, наколишь ногу, приложышь парезник, кровь и астанавливзитца (Верховский р-н); размягчать и вытягивать — **вытягúжник**: Вытягушник привяжышь к валдырю, зажывет как на сабаке (Болховский р-н), сравни: Када пальцы нарывають, пѣдарожник прикладывзим (Орловский р-н).

Попутно отметим, что лексема **лечéбник** выступает в качестве гиперонима по отношению к словам **вытягúжник**, **порéзник**, **рáнник**, поскольку является недифференцированной по признаку ‘назначение растения’.

В наименованиях **дóктор**, **бáбка**, **собáчий язык** функциональный признак номинируется опосредованно: *Дитями, бывалъ, разбивалися частъ, кровь тичётъ, дохтуръм залепишь и усё* (Новосильский р-н); *Прилажы к рани бабку* (Мценский р-н).

Данный способ номинации основан на метафорическом переносе. При этом устанавливаются отношения подобия, сходства с различными реалиями внешнего мира, а именно: с человеком по выполняемой функции (**дóктор** ‘лицо с высшим медицинским образованием, лечащее больных’ (МАС 1: 420) → **дóктор** ‘подорожник’; **бáбка** ‘лекарка, знахарка’ (СОГ 1: 52) → **бáбка** ‘подорожник’), с частью тела животного (**собáчий язык** ‘орган в полости рта в виде мышечного выроста; язык собаки’ → **собáчий язык** ‘подорожник’).

Общеизвестно, что слюна собаки обладает бактерицидными, ранозаживляющими свойствами. На основе сходства оказываемого действия становится возможным перенос наименования органа животного на растение. Дополнительной, сопутствующей мотивацией служит также сходство по форме языка собаки и листьев подорожника.

В научной литературе описаны разновидности подорожника. Выделяют подорожник большой (*Plantago major* L.), имеющий темно-зелёные листья широкоэллиптической формы; подорожник средний (*Plantago media* L.) с листьями эл-

липтической формы и подорожник ланцетовидный (*Plantago lanceolata* L.), отличающийся более узкими ланцетовидными листьями [Резникова, Лернер 1986: 126–127].

В словаре В. Даля приведены следующие названия: «*попутник*, растение *Plantago*; *Plantago arenaria*, *толстуха*, *бабка*, *блошное семя*; *Plantago lanceolata*, *арженик*, *узик*, *подорожник*, *ранник* и *порезник*; *Plantago major*, *путник* — большой, крупный подорожник; *Plantago media*, *припутник*, *арженик* или *подорожник*; *Plantago maritime*, *воробейник*; *Alisma plantago*, *шильник*, *частуха?*» (Даль 3: 308), «*путник*, раст. *попутчик*, *подорожник*, *Plantago major*» (Даль 3: 544).

В орловских говорах номинации подвергается только одна из разновидностей растения. Подорожник ланцетовидный получает название *сѹзик* по форме листьев — это подорожник с узкими листьями: *Сузык кладуть на раны* (Новосильский р-н).

Таким образом, наши материалы свидетельствуют о том, что реляционный признак, указывающий на отношения классификационной отнесенности растения, не является значимым. Сравни рассмотренные ранее наименования подорожника *бабка*, *порезник*, *ранник*, *путник*, *попутчик* и др., использующиеся в орловских говорах в качестве общих наименований растения, с многочисленными видовыми названиями, зафиксированными в словаре В. Даля. На наш взгляд, это связано с тем, что все разновидности подорожника обладают одинаковыми свойствами: оказывают лечебное действие, растут повсеместно как сорное растение. Именно эти признаки доминируют при назывании растения.

Как видим, в обозначении подорожника в орловских говорах широко представлены как лексические, так и словообразовательные варианты.

Анализ материала позволил выделить мотивировочные признаки, лежащие в основе номинации фитонима: локативный, актуализирующий сему 'место произрастания' (*подо-*

рѳжник, поддорѳжник, придорѳжник, попутник, попутчик, припутник), функциональный признак (*вытягушник, лечѳбник, порѳзник, ранник*), реляционный признак, указывающий на отношения подобия по функции (*дѳктор, бѳбка, собѳчий язык*), на отношения классификационной отнесенности растения (*сѳзык*), акторный признак, актуализирующий сему 'результат действия' (*дѳготник*).

Рассмотренная лексика свидетельствует о том, насколько важен для диалектоносителей фактор осознания живой внутренней формы слова. Богатство и разнообразие наименований подорожника в орловских говорах достигается, во-первых, за счет актуализации разнообразных мотивационных признаков; во-вторых, в результате использования различных мотивирующих слов при совпадении мотивационного признака (сравни локативный признак, актуализирующийся в названиях *подорѳжник, поддорѳжник, придорѳжник* и *попутник, попутчик, припутник*); в-третьих, благодаря разным способам номинации при одинаковом мотивационном признаке, сравни лексемы, указывающие на функциональный признак, *лечѳбник* (прямой способ) и *дѳктор, бѳбка, собѳчий язык* (опосредованный способ).

Литература

Моисеев А. И. Мотивированность слов // Уч. зап. Ленингр. ун-та. № 322. Вып. 68. Л., 1963.

Резникова А. С., Лернер В. И. Лекарственные растения Приокской зоны / под ред. М. А. Кузнецовой. 2-е изд., перераб. и доп. Тула: Приок. кн. изд-во, 1986.

Лексика говорения,
характеризующая речевую деятельность
по акустическим признакам,
в самарских говорах
(опыт недифференциального
лексико-семантического анализа)

Н. Ю. Баженов

Статья представляет собой попытку семантического анализа лексем, именующих речь по её акустическим характеристикам и входящих в лексико-семантическое поле «Речь» в самарских говорах. Подобные наименования обнаруживают высокий семантический потенциал и множество линий для их семантической дифференциации.

Ключевые слова: русский язык, народные говоры, диалектная лексикология, лексическая семантика, речевой акт

Изучение лексики самарских говоров в настоящее время является приоритетным направлением исследований самарских диалектологов, в том числе в связи с участием в проекте ЛАРНГ и разработкой Лексического атласа самарских говоров. Тем не менее, до настоящего времени отсутствовали исследования, освещающие лексический строй говоров Самарской области как реальную языковую систему. Можно сказать, что настоящее исследование является первым опытом полного системного описания конкретной лексико-семантической парадигмы на диалектном языковом материале, зафиксированном на данной территории.

В сборнике ЛАРНГ за 2013 год была опубликована моя статья, посвящённая лексике говорения в диалектах Самар-

ской области [Баженов 2013: 7–21]. При подготовке настоящей статьи был использован иной принцип выборки: внимание обращалось не только на специфические диалектные лексические единицы (далее — ЛЕ), а на **все** слова, имеющие отношение к денотату — речевой деятельности человека, включая слова просторечные и общерусские. Такой подход обеспечивает возможность полного системного описания лексико-семантической парадигмы (далее — ЛСП) «Речь» в диалектах Самарской области. Ведь ещё в 70-е гг. XX в. Ф. П. Сороколетов отмечал: «Одной из задач диалектной лексикологии является исследование сложных взаимоотношений общенародного и местного (диалектного) фонда в системе диалектного словаря»; деление же словарного состава диалекта на общенародную и специфическую местную лексику «отражает объективную картину словаря диалекта с точки зрения его соотношения с другими формами национального языка», а «своеобразие лексических систем говоров создаётся неповторимым сочетанием диалектных и общенародных лексических элементов, их взаимопроникновением и взаимовлиянием» [Сороколетов 2011: 192]. Установление этого «неповторимого сочетания» при попытке выстроить конкретную лексическую парадигму представляется важным этапом в определении системности лексики конкретного говора.

Как отмечает Л. М. Васильев, «каждый нормальный речевой акт непременно связан с произношением тех или иных единиц речи, выражением с их помощью каких-либо мыслей и сообщением этих мыслей слушающему» [Васильев 1971: 213]. Данное определение позволяет выделить три важнейших аспекта речевого действия:

- 1) Внешний акустический (или акустико-физиологический) аспект, характеризующий процесс произнесения членораздельной речи посредством речевого аппарата;
- 2) Внутренний, содержательный аспект, отражающий общение, изъяснение некоего мыслительного, информативного содержания;

3) Аспект, отражающий коммуникативную связь адресанта речи и её адресата, т. е. передача некоторой информации говорящим и её восприятие слушающим.

В рамках данного исследования внимание сконцентрировано на ЛЕ, отражающих внешний акустический аспект речевой деятельности.

Акустико-физиологические характеристики воспринимаются на слух и откладываются в сознании слушающего. От особенностей произношения во многом зависит усвоение содержания высказывания и взаимопонимание участников разговора.

Внешние параметры речи как наиболее отчётливые в плане семантики выделяются практически всеми исследователями парадигмы ЛЕ речевого действия [Васильев 1981; Кочеткова 1977; Ничман 1973]. Интегрирующий признак (условно назовём его «внешняя сторона речи») может быть конкретизирован дифференциальными семами, важнейшие из которых:

- а) интенсивность, сила звучания, громкость речи;
- б) темп речи;
- в) отчётливость, внятность речи;
- г) особенности голосового тембра говорящего;
- д) особенности ритмо-мелодического строя речи (мелодичность, напевность, протяжённость — резкость);
- е) интонационные особенности.

Кроме того, семантическая составляющая у некоторых лексем может дополняться оценочными характеристиками, касающимися благозвучия высказывания, соответствия нормам произношения, возможного наличия речевых дефектов и понятности для слушающего. По словам Ю. А. Бессоновой, «в одном случае правильное произношение позволяет слушателю осознать и понять то высказывание, которое до него хочет донести говорящий. В другом случае, если речь имеет акустико-физиологические нарушения, слушателю становится затруднительно понять, что хочет сказать говорящий, ибо

в речи последнего наблюдаются различные дефекты: неправильное произношение слов, быстрый темп высказывания и т. д.» [Бессонова 2005: 122–123]. (Подробнее об оценочной составляющей слов ЛСП «Речь» будет сказано ниже.)

В выявлении семантических микрополей, ЛЕ которых объединены одной или несколькими дифференциальными семмами, мы будем опираться на данные лексикографических источников.

Акустический компонент ‘высокая степень громкости’ выражается:

а) в семантике глаголов с общим значением ‘кричать’:

кричать, закричать — «Прокофйевна-тѣ дома?» — «Дома!» — «Позови йойо» — «Иди, Марыванна крычыт!» Шиг.: Клим. [Малаховский 1957: 59]. *Вот спонадоблюс я тебе, крычы меня: «Сифка-бурка, вешча коурка, фстань передо мной, как лист перед травой». <...> Он опять крычыт: «Сифка-бурка». Шиг.: Подв. [Малаховский 1957: 60]. *Пѣдажди, не кричи, дай што скажу. Б.-Черн.: Укр. Смотрю — волк. А я думала, этѣ сабака лѣсника, и кричу йиму: «Иди, иди ка мне». <...> Я сестре кричу: «Жень, Жень, вот сабакѣ». Кин.-Черк.: Тим. (МДА ПГСГА). А он (мѣлодец, — Н. Б.) встаѣт и думает: резать пришили. И как закричит: «Терзай! Ломай! Хватай!» (из сказки). Хворост.: Чув. (МДА СамГУ);**

базанитъ Как ани базанят, ой, слушѣть пративнѣ. Кин.-Черк.: Тим. *Чиво базанишь? улухих у нас нет. Б.-Черн.: Укр. Пьяныи, видать, базанят. Красноарм.: Крив.-Иван. (МДА ПГСГА);*

брехатъ Патом ка мне явилси, ночью пришил, брихаитъ за ажном, аткрывай, грить. Хворост.: Чув. (МДА СамГУ);

вопитъ, завопитъ Вдрук што-тѣ ф хатъ звѣпил. Ставр.: Жиг. [Малаховский 1957: 138];

гомонитъ Рибятнишки гомонят. Приволж.: Дав. *Саеткѣ сѣ свайим уѣманит, каторѣй день уж рууайуцѣ па-*

чём зря. Б.-Черн.: Нов. Кам. *Сеньку в армию сегодня провожают, маладѣи целый вечер нынче гомонить будут.* (...) *Иди-кѣ, паслушай, чѣ ана там гѣманит.* Исакл.: Сок. *Не рѣзберу, что ты гѣманишь.* Краснояр.: Нов. Буян. *Ты потише говори, дети спят, чѣ гомонишь-то на всю избу?* Богат.: Печин. (МДА ПГСГА);

зѣвѣть¹ *А дед шхѣй зѣvlo, только зѣvѣт весь день.* Похв.: Ст. Похв. (МСГП: 215);

тарантѣть, затарантѣть *Зять как начал тарантѣть: Да как! да зачем! — нь пазволил мне.* (...) *Не таранти мне пад ухом.* Б.-Черн.: Укр. У, затарантел. *Чиво я тебе сделала-тѣ?* Б.-Черн.: Нов. Кам. (МДА ПГСГА);

рѣйкнуть ‘крикнуть; зарычать’ Кошк.: Орлов. (МДА ПГСГА);

шуметь, расшуметься *На собаку шумим: «Пшол! пшол!» На кошку: «Брысь!», когда на стол прыгнѣт.* Похв.: Кротк. [Малаховский 1957: 73]. *В възкрисенья только уснула — шумить: «Мама-мама!».* Богат.: Бел. [Малаховский 1957: 100]. *Петька шумит мне: «Уйди с дороги!» — а я и не слышу.* (...) *Чѣ ты шумишь мне в ухо?* Красноарм.: Крив.-Иван. *Как ѣети сваи тусофки заведут, так шибко шумят* (о молодѣжи) Пестрав.: Мос. (МДА ПГСГА). *Шумни-кѣ Машку с агародѣ.* Алекс.: Самов. Иван. *Ток фсѣ шумят: Валодѣ, Валодѣ.* Богат.: Арзам. *Можнѣ из них тулуп шшыть? Ани ѣамѣ шумят: можнѣ.* Алекс.: Алекс. (МСГП: 353–354). *Чего расшумелась?* Приволж.: Дав. (МДА ПГСГА).

б) в семантической структуре существительных и прилагательных, обозначающих людей крикливых, склонных к ведению разговора на повышенных тонах:

базѣн *Базаны — каторы арут, громко рѣзгаваривѣют.* Краснояр.: Нов. Буян. (МДА ПГСГА);

¹В Материалах Словаря говоров Поволжья **зѣвѣть** ‘шуметь; кричать, орать’ (МСГП: 215).

горла́н Вот ведь горлан! Кин.-Черк.: Тим.; Исак.: Сок. (МДА ПГСГА);

зевло́ А дед шихтй зевло, только зёва́т весь день. (...) Мальчишке пятый год пошёл, да больно зёвлó. Похв.: Ст. Похв. (МСГП: 215);

горлопа́нка ‘крикунья’ уарлапанка паарать любить. Б.-Черн.: Укр. (МДА ПГСГА);

га́лда Шент.: Креп. Конд.;

горла́ч ‘крикун’ Б.-Черн.: Нов. Кам.;

горлопа́й ‘крикун’ Богат.: Печин., Пестрав.: Мос.;

существительное общего рода *крикúша* ‘крикун’ Шент.: Креп. Конд. (МДА ПГСГА);

горла́нистый Она с сыновьями-близнецами приезжала — эх и горланистые! Пестрав.: Мос. (МДА ПГСГА);

горла́стый Жена у ниво горластая, песенница, петь горздая. (...) уарластая дефка, ничё ни скажэви. Йийо за километр услыхатъ можна. Красноарм.: Крив.-Иван. (МДА ПГСГА);

ора́стый ‘крикливый; сварливый’ Кто сварицца любит, про таво орастэй гэворят. Приволж.: Дав. (МДА ПГСГА).

Можно заметить, что среди подобных номинаций частотны существительные и прилагательные с корнями *горл-* (ср. *горло*), *зев(л)-* (ср. *зевать*, *зевло* ‘рот, глотка’), *галд-* (ср. *галдеть*), *крик-*.

Особого внимания заслуживает глагол *шуметь*. В литературном языке он принимает значения: 1. ‘Издавать шум, протекать с шумом’: *Деревья шумят на ветру*; 2. Перен. ‘Оживлённо обсуждать что-л., делать предметом всеобщего внимания’: *Шуметь о своих успехах*; 3. ‘Громко выражать недовольство’ (разг.): *Шуметь из-за пустяков*; 4. Перен. ‘Вести себя шумно’: *Дети шумят. Не шумите!* 5. 1 и 2 л. не употр., перен. ‘О том, что воспринимается многими, производит впечатление: существовать, находя широкий отклик’: *Шумит слава. Шумит новый фильм* (Ожегов: 902). Из приведённых контекстов, взятых из материалов по самар-

ским говорам, у глагола *шуметь* можно вывести следующие значения:

1) ‘вести себя шумно’: *Как ѳети сваи тусофки заведут, так шибко шумят.* Пестрав.: Мос. (МДА ПГСГА) (непереходный);

2) ‘производить шум, крича или громко разговаривая’: *Чё ты шумишь мне в ухо?* Красноарм.: Крив.-Иван. *Чего расшумелась?* Исакл.: Сок. (МДА ПГСГА) (непереходный);

3) ‘громко говорить, кричать, пытаюсь донести какую-либо информацию’: *Петька шумит мне: Уйди с дороги! — а я и не слышу.* Красноарм.: Крив.-Иван. (МДА ПГСГА); *Можнѳ из них тулуп шшыть? Ани ѳамѳ шумят: можнѳ.*² Алекс.: Алекс. (МСГП: 353–354) (переходный, в конструкции с прямой речью);

4) ‘звать, кликать, окликивать’ (в МСГП: ‘звать, кликать’): *Шумни-кѳ Машку с агародѳ.* Алекс.: Самов. Иван. (МСГП: 353–354) (переходный: *шуметь* — кого?); *Ток фсѳ шумят: Валодѳ, Валодѳ.* Богат.: Арзам. (переходный, в конструкции с прямой речью).

Это позволяет нам высказать некоторые замечания.

а) В литературном языке, если судить по примерам, данным в словарной статье, фрагменты которой приведены выше, при глаголе *шуметь* не употребляется прямой объект в винительном падеже; в говорах же (в определённых контекстах) такая конструкция возможна: «*Шумни-ка (кого?) Машку...*». Добавим, что нетипична для литературного языка и конструкция с существительным в винительном падеже с предлогом: «*На собаку шумим...*».

б) Во 2-м значении, указанном в толковом словаре, семантика глагола *шуметь*, на наш взгляд, предполагает не столько громкость, сколько чересчур большой объём сказанного (ср. *Шумят послушные витии... — Петька шумит мне: Уйди с дороги!*); в материалах самарских говоров таких контекстов нами не отмечено, равно как и с конструкциями

²В МСГП этот пример приводится при значении ‘говорить хором’.

шуметь + *о* + сущ. в предложном падеже (что, однако, вовсе не означает, что в говорах такие контексты невозможны).

в) 3-е значение, приведённое толковым словарём, отчётливо указывает на эмоциональное отношение говорящего к чему-либо; подобные контексты встречаются и в говорах: *Чего шумишь?* Громкость здесь может входить в состав актуализируемых признаков — наряду с другими: интенсивность (как способ действия), обвинительное содержание, выражаемое недовольством, возмущением и т. п.

г) В примерах речи диалектоносителей обнаруживается бо́льшая степень конкретизации семантики глагола *шуметь* в сторону речевого действия; этому способствует употребление глагола *шуметь* в конструкции с прямой речью. Также в этом плане показательна особая синтаксическая конструкция *шуметь* + существительное или местоимение в дательном падеже: «*Чё ты шумишь мне в ухо?*», «*Петька шумит мне: Уйди с дороги! — а я и не слышу*», «*Ани йаму шумят: можнѣ*».

д) В первом сформулированном нами значении — ‘вести себя шумно’ — глагол *шуметь* относится скорее к глаголам звучания, нежели к глаголам речи.

В целом можно судить о том, что в говорах некоторые слова исследуемой лексической парадигмы, такие, как (общерусский!) глагол *шуметь*, в говорах проявляют определённую лексико-синтаксическую специфику, а система значений их далеко не полностью тождественна той, что зафиксирована в литературном языке.

Сильновероятна сема высокой громкости и у глаголов *голосить* (в нетерминологических³ значениях ‘громко говорить; кричать’ и при выражении эмоционального состояния

³К терминологическим значениям глаголов *вопить*, *голосить*, *причитывать*, *плакать* и т. д. относятся обозначения определённых составляющих обрядового действия — свадебного или погребального: *Нивеста уласила, как свбирають к вянцу* Хворост.: Чув. (МДА СамГУ), ср. *гблос* ‘свадебный плач с причитаниями невесты’ *Гблос начала* Дон. (СРНГ 6:

— ‘плакать’) и *ругаться* (во взаимноозвратных конструкциях: *Сасеткѡ съ свайим уѡманит, каторѡй день уж руай-уццѡ пачѣм зря.* Б.-Черн.: Нов. Кам. (МДА ПГСГА) — и в конструкциях с прямой речью: *Апять ехали, ехали, а ана (Нюрка. — Н. Б.) апясть: «Нюрка пить хочит!» — Ну мама вроди порууалас: «Да замолчи ты штоль это! Идеш (где же. — прим. собирателя) я тебе это вазьму папить?»* Хворост.: Чув. (МДА СамГУ)).

Глагольные лексемы, перечисленные выше, могут в своей семантике отражать, помимо акустической характеристики, и другие аспекты речевой ситуации. В частности, многие слова, характеризующие громкую речь, несут в себе также информацию о взаимоотношениях говорящего и второго участника речи: *Сасетка со своим гомонит, каторый день уж ругаются пачѣм зря.* Б.-Черн.: Нов. Кам. У, затарантел. Чиво я тебе сделала-тѡ? (МДА ПГСГА); *Ну мамѡ вроди пѡрууалѡс: «Да замолчи ты штоль етѡ! Идеш я тебе етѡ вазьму папить?»* Хворост.: Чув. (МДА СамГУ).

Низкую степень громкости речи обозначают глаголы *бормотать* (*Я йиму: «Што ты бормочѡш, ни слышнѡ ведь нѡчиво».* {...} *Не бармачи, громче говори.* Шиг.: Мур. *Бармочет сибѡ пад нос што-тѡ, а што бармочет — нипанятнѡ.* Б.-Черн.: Укр. *Да не бармачи ты, гѡвари толкѡм!* Исакл.: Сок. (МДА ПГСГА)) и *шептать* (*Ана мне шепчет: иди сюда скорей.* Красноарм.: Волч. (МДА СамГУ). *Вижу: Манька систре маей на ухо што-то шепчет.* Краснояр.: Нов. Буян. (МДА ПГСГА)).

Тихая, неотчётливая речь в сознании диалектоносителя может актуализировать сему невнятности и непонятности речи: *Бармочет сибѡ пад нос што-тѡ, а што бармочет — нипанятнѡ.* Б.-Черн.: Укр. (МДА ПГСГА).

Сема громкости может быть выражена как эксплицитно, так и имплицитно, т. е. присутствовать в слове в каче-

---

325), арх. *голосить* ‘В похоронном обряде — причитать нараспев, оплакивая покойника’ и подобные значения (СРНГ 6: 327).

стве «внутренней формы», указывая на предмет, на основании сходства с которым происходит номинация [Кузнецова 1982: 110]. Так, исследователями [Ничман 1973: 11] отмечена связь глаголов устной речи с глаголами звучания. (Сразу отметим, что сема громкости актуальна прежде всего для глаголов, обозначающих устную речь; именно устная речь, в силу известных причин, в основном подвергается номинации в диалекте.) Имеющийся материал даёт следующие примеры. Так, глагол *звенеть* в говорах способен принимать значение ‘сплетничать’: *Звянит, звянит пра фсех*. Богат.: Ефрем. (МСГП: 214) (ср. разг. *раззвонить* ‘разгласить, всем рассказать’), — и это значение явно переносное. Сема громкости здесь прослеживается лишь на уровне внутренней формы, которая отсылает к денотату основного значения — ‘издавать звуки высокого, металлического оттенка’ (БАС 4: 1140–1141). То же можно сказать и о глаголах *тарабанить* и *трубить*, последний из которых в говорах может выступать в том же значении, что и *звенеть*; здесь переносное значение образуется по ассоциативной связи с громким звучанием музыкального инструмента. (Более подробно о словах, развивающих значение речевого действия как вторичное и переносное, будет сказано ниже).

Также достаточно чётко прослеживается диахроническая связь слов, именующих речь по акустическому признаку громкости, со словами, описывающими выражение эмоций. Это наблюдение отчасти вытекает из связи лексем говорения и лексем звучания. Возьмём в качестве примера глагол *зевать*, ср.: *А дед шхзй зевло, только зёват весь день*. Похв.: Ст. Похв. (МСГП: 215) — *Зыпку-ту зэ постать, а сама жнёншь дэ обеда, а робёнзк-ть зёват, зёват!* Ставр.: Мих. [Малаховский 1957: 40]. Если в первом случае обозначение речевого действия можно допустить (хотя контекст не очень показательный), то во втором примере совершенно точно объектом номинации становится уже не речевое поведение, бессловесное голосовое выражение эмоций.

Слова, актуализирующие в своей семантике семы громкости и протяжности речи, в говорах могут употребляться при обозначении звуков, издаваемых животными, преимущественно домашними. Это относится к таким словам, зафиксированным в самарских говорах, как *горластый* (*Если бык мноуѡ ривѣтъ, то йиво уарластым кличуть*. Б.-Черн.: Нов. Кам. (МДА ПГСГА)), *базанить* и *зевать*: *Карова базанит, значыт, есть просит*. Приволж.: Дав. *Базанить — так а скатинь гъварят*. Кошк.: Орлов. (МДА ПГСГА). *Зафтрѡ поедѡм, пѡведѡм корову, прѡдадим йойо, купим другую и хлепцѡ купим. Дѡ параньшы нады, а то зѣвать она станѡт*. Ставр.: Писк. [Малаховский 1957: 43].

Немаловажен с точки зрения восприятия произносимого слушающим такой аспект речи, как её скорость. В самарских говорах на высокий темп речи могут указывать следующие номинации:

балабол: *Хто чистѡт, часто гъварит, тот ы бѡлабол*. Приволж.: Дав. (МДА ПГСГА);

сыпать горѡх, тарaxтѣть, трещать, частить, чиковать: *Марушь, говорю, подожди, не сыть горох, не понимаю я, что говоришь*. Исакл.: Сок. (МДА ПГСГА). *Говори спокойно, не тарaxти!* Исакл.: Сок. (МДА ПГСГА). *Пишыт пѣрѡм, как сорокѡ чыкуйѡт: у нас так гъворят прѡ того, хто частѡ гъворит: ну, ну, зачыковал, сорока*. Ставр.: Узюк. [Малаховский 1957: 54]; (МСГП: 347).

На высокий темп речи, наряду с большим объёмом сказанного, указывает и глагол *шлѣить* (в МСГП — ‘много говорить, болтать без умолку’ Кин.-Черк.: Кож. (МСГП: 352), без примера).

Любопытно, что все указанные слова характеризуют исключительно быстрый темп речи, в то время как для обозначения медленной, размеренной (или, возможно, затруднённой) речи нами не обнаружено никакого другого обозначения, кроме как *медленно говорить*.

Быстрота речи нередко актуализирует другую сему — ‘невнятность, непонятность’. Как показывает материал, часто семы быстроты и невнятности дополняют друг друга, поскольку излишняя быстрота речи может затруднить её восприятие, напр., *сыпать горох: Марусь, гварю, пздажди, не сыть гарох, не пнимаю я, што гваришь*. Исакл.: Сок. (МДА ПГСГА). Показателен звукоподражательный характер некоторых таких лексем (в частности, отмеченной выше лексемы *балабол*⁴). Вообще непонятность может быть вызвана не только чрезмерной скоростью речи, но и недостаточной интенсивностью говорения (об этом было сказано выше). Иногда контекст напрямую не указывает на причину непонятности сказанного, напр., *бормонѹтъ: Патом пдашли клѣдафцик ы пртсѣдатель. Я клѣдыфцику казалѣ, он мне што-тѣ бирманул. Я падумѣла: «Вот трепло!»* Серг.: Верх. Орл. [Малаховский 1957: 131]. (Возможно, в данном контексте интенсифицируется и сема ‘пустое содержание’, о чём свидетельствует лексема *трепло*, но это не бесспорно.) В иных случаях непонятность может быть вызвана не акустическими особенностями речи собеседника, а тем, что он говорит на другом языке, напр., *тарабанить: Нет, мордва, они — если, скажем, в баню с ними пойдѣшь, они же тебя не замечают, только по-своему, по-мордовски тарабанят*. Исакл.: Сок. (МДА ПГСГА). В данном случае речь уподобляется пустому набору ритмичных звуков, и поэтому в значении этого глагола в данном контексте главенствующей является сема звучания. Случаев употребления глагола *тарабанить* применительно к русской речи нами отмечено не было, что, однако, не означает, что такое употребление невозможно.

Анализ приведѣнного фактического материала показывает, что бѣльшую часть исследуемого ЛСП составляют наиме-

⁴Эта лексема толкуется как звукоподражательная в «Словаре образных слов и выражений народного говора» (СОСВНГ: 34); диалектным словам со звукоподражательными основами *бара-, бала-* посвящена статья Е. В. Пурицкой, см. [Пурицкая 2009: 132–138].

нования, включающие в свою семантическую структуру пейоративно-оценочный компонент. Наличие оценочного компонента в значениях лексем, связанных с номинациями человека по различным признакам (внешность, особенности характера, интеллектуальные способности, особенности его речи и поведения, отношение к труду и собственности и т. д.) и преобладание номинаций, содержащих предмет наименования, уже не раз было отмечено исследователями. «Чаще всего оценочные парадигмы организованы асимметрично с отклонением в сторону отрицательной оценки, с широким спектром эмоциональных реакций», — пишет З. И. Резанова [Резанова 1995: 71]. Яркое проявление оценочного компонента в значении лексем говорения можно объяснить особенностями менталитета русского человека, отличающегося скромностью и имеющего склонность скорее к осуждению, нежели к восхвалению. В целом же, по мысли М. Г. Вершининой, «маркирование носителем культуры того или иного явления действительности как положительного или отрицательного позволяет выявить не только фрагменты действительности, на которые обращено наиболее пристальное внимание, но и ценностные основы носителя традиционной культуры. Тем самым выявление положительно и отрицательно коннотированных лексических единиц ⟨...⟩ позволяет сделать вывод о существующей речевой норме в том или ином языковом коллективе, а обозначение крайних точек в ЛСГ говорения позволяет сделать выводы о “нормальной” и “идеальной” речи» [Вершинина 2012: 72].

Отметим, что признак, легший в основу номинации и подвергшийся оценке, как правило, постоянен, привычен для обозначаемого лица. При этом оценка речевого действия, выражаемая глаголами, может не распространяться на характеристику человека в целом; часто признаки, обозначаемые глаголами, ситуативны. Так, например, высказывание: «*Ешь, не вякай*» Пестр.: Мос. (МДА ПГСГА) обращено к ребёнку, непрерывно разговаривающему с набитым ртом во

время еды и обратившемуся к своей бабушке с каким-то вопросом⁵. В той ситуации бабушка не разобрала сказанное внуком, однако при других обстоятельствах она вряд ли бы использовала это слово, поскольку мальчик говорил без ярко выраженных дефектов.

Однако и глаголы могут обозначать постоянный речевой признак. Прежде всего, это касается тех случаев, когда речь обозначаемого субъекта воспроизводится с некоторыми артикуляционными дефектами, затрудняющими понимание или портящими впечатление от говорящего. По наличию одного из этих дефектов, а именно, по неприятному носовому признаку, человек может обозначаться как *гну́сáвый* Богат.: Печин., Пестрав.: Мос., Б.-Черн.: Укр., Исакл.: Сок. (МДА ПГСГА), *гну́сáтый* Кошк.: Орлов. (МДА ПГСГА), *гундóсливый* Красноарм.: Крив.-Иван., Шент.: Креп.-Конд., Краснояр.: Нов. Буян (МДА ПГСГА), *гундóсый* Приволж.: Дав., Шиг.: Мур., Киин.-Черк.: Тим. (МДА ПГСГА), *гундýсый* *Гундусый ты какой-то*. Красноарм.: Волч. (МДА СамГУ), а его речь может быть охарактеризована глаголом *гну́сáвить* Шиг.: Мур., Киин.-Черк.: Тим., Красноарм.: Волч., Богат.: Печин., Пестрав.: Мос., Б.-Черн.: Укр., Исакл.: Сок. (МДА СамГУ; МДА ПГСГА), *гну́сáть* *А он ещё гнусил очень*. Шиг.: Мур. (МДА ПГСГА), Красноарм.: Волч. (МДА СамГУ), *гундóсить* Алекс.: Самов.-Иван. (МСП: 198). Другие дефекты могут именоваться глаголами *картавить*, *шамкать*, *прищёлкивать* (в карточке у этого слова отмечено значение 'делать языком цокающий звук': Б.-Черн.: Укр. (МДА ПГСГА)) и *заикаться* Приволж.: Дав., Шиг.: Мур., Киин.-Черк.: Тим., Богат.: Печин., Красноарм.: Крив.-Иван., Шент.: Креп.-Конд., Краснояр.: Нов. Буян, Пестрав.: Мос., Б.-Черн.: Укр., Исакл.: Сок. (МДА ПГСГА); Красноарм.: Волч. (МДА СамГУ).

⁵Фраза записана автором данной работы в ходе диалектологической экспедиции в июле 2011 г.

Перечисленные лексемы отражают в себе и такую немаловажную характеристику речи, как её благозвучие. И здесь мы также можем наблюдать наличие в значениях этих лексем отрицательного оценочного компонента: нарушение говорящим произносительных норм приводит к снижению благозвучия его речи.

Номинации акустических признаков, не выходящих за пределы общепринятой в социуме нормы, гораздо менее многочисленны. Это подтверждает мысль, высказанную Е. М. Секретовой, о том, что «всё позитивное в человеке является нормой и не требует называния», в то время как негативные черты «воспринимаются более остро, и поэтому даже отдельные оттенки в поведении человека получают особые наименования» [цит. по: Гурская 2010: 199]. В нашем материале мы в качестве примера можем привести лишь слово **чистобай**: *Уж такой чистобай был!* Безенч.: Натал. (МСГП: 348). В МСГП у слова **чистобай** приводится значение ‘человек, говорящий без дефектов’; приведённый (отнюдь не прозрачный) контекст не противоречит такой формулировке, но и не подтверждает её. В связи с этим отнесение указанной лексемы к подгруппе существительных, именующих человека по акустическим особенностям его речи, только предположительно (в текстовом материале, который бы позволил бы нам привести развёрнутый контекст, это слово нам не встретилось).

Достаточно специфическую семантическую группу образуют слова, отражающие интонационные особенности произносимого. Сразу стоит отметить, что интонация в принципе служит отражением эмоционального состояния говорящего, а иногда и взаимоотношений участников разговора, что проявляется в стремлении эмоционально воздействовать на собеседника: *причитать, причítывать* ‘причитать’: *Манах сидит нò пароуи и причитайе* (из сказки). Пестрав.: Выс. [Малаховский 1957: 110]. *Фсё причítываит дед, фсё причítываит*. Хворост.: Чув. (МДА СамГУ).

Говоря о «внешних» особенностях речи, упомянем и о такой немаловажной составляющей речевого акта, как его внутренняя членимость. Здесь речь идёт в основном о глагольных лексемах. Так, одни из них могут называть непрерывное, длящееся речевое действие, другие — прерывистое, но повторяющееся, третьи — кратковременное однократное речевое действие: *кричатъ, вопить, орать* — *причитатъ, причитыватъ, прибасатъ* (в МСГП — ‘приговаривать’: *Вэт ы будьши прибасатъ: «Дѣдуикъ Деніс, пѣтяні солмышкѣ на нѣс.* Б.-Глуш.: Тамб. (МСГП: 292)) — *вскрикнуть, рыкнуть, охнуть, айкнуть* и др., ср.: *И фсѣ кричит: «Йистъ хочю».* Исакл.: Ключ. [Малаховский 1957: 32]. *А дед ихѣй зевло, только зѣватъ весь день.* Похв.: Ст. Похв. (МСГП: 215). *Таг громкѣ фскрикнулѣ, што я аш ыспуалѣсь.* Б.-Черн.: Нов. Кам. (МДА ПГСГА).

Обозначая проявление тех или иных свойств человека в процессе говорения, диалектные слова позволяют проследить за теми особенностями, что характеризуют особенности мировосприятия диалектного социума.

Сокращения названий населённых пунктов

Алекс. — Алексеевка Алексеевского р-на	Клим. — Климовка Шигонского р-на
Арзам. — Арзамасцевка Богатовского р-на	Кр. Яр — Красный Яр Красноярского р-на
Бер. — Берёзовка Шигонского р-на	Креп. Конд. — Крепость Кондурча Шенталинского р-на
Богд. — Богдановка Нефтегорского р-на	Крив.-Иван. — Криволучье-Ивановка Красноармейского р-на
Волч. — Волчанка Красноармейского р-на	Кротк. — Кротково Похвистневского р-на
Гавр. — Гавриловка Алексеевского р-на	Мал. Глуш. — Малая Глушица Большеглушицкого р-на
Дав. — Давыдовка Приволжского р-на	Мих. — Михайловка Ставропольского р-на

Мос. — Мосты Пестравского р-на	Преобр. — Преображенка Став- ропольского р-на
Мур. — Муранка Шигонского р-на	Разл. — Разладино Кинельско- го р-на
Нат. — Натальино Безенчукско- го р-на	Сам. Иван. — Самовольная Ивановка Алексеевского р-на
Нов. Буян — Новый Буян Крас- ноярского р-на	Сколк. — Сколково Кинельско- го р-на
Нов. Кам. — Новый Камелик Большечерниговского р-на	Сок. — п. Сокский Иса克林ско- го р-на
Орлов. — Орловка Кошкинско- го р-на	Ст. Похв. — Старое Похвистне- во Похвистневского р-на
Парф. — Парфёновка Кинель- ского р-на	Съезж. — Съезжее Богатовско- го р-на
Печин. — Печинено Богатовско- го р-на	Тим. — Тимашево Кинель-Чер- каского р-на
Писк. — Пискалы Ставрополь- ского р-на	Укр. — Украинка Большечер- ниговского р-на
Подв. — Подвалье Шигонского р-на	Чув. — Чувичи Хворостянского р-на

Литература

Баженов Н. Ю. Наименования человека по его речевому поведению в русских народных говорах: лексико-семантический аспект (на материале самарских говоров) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 7–21.

Бессонова Ю. А. Диалектные глаголы речи в орловских говорах, отражающие ситуацию коммуникативного дискомфорта // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2005. СПб.: Наука, 2005. С. 122–126.

Васильев Л. М. Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи // Очерки по семантике русского глагола. Уфа, 1971.

Васильев Л. М. Семантика русского глагола (глаголы речи, звучания и поведения). Уфа: Изд-во Башкир. ун-та, 1981. 72 с.

Вершинина М. Г. Лексика говорения и народная речевая культура (на материале пермских говоров) // Русский язык и литература в поликультурном коммуникативном пространстве: Материалы

Международной научной конференции: в 2-х ч. Ч. I. Псков: Псков. гос. ун-т, 2012. С. 72–78.

Гурская С. Л. Имена существительные общего рода, характеризующие человека по особенностям его характера и поведения, в ярославских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2010. СПб.: Наука, 2010. С. 189–200.

Кочеткова Т. В. Глаголы говорения в художественном и научном стилях // Вопросы стилистики. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1977. Вып. 13. С. 3–23.

Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. М.: Высшая школа, 1982.

Малаховский В. А. Куйбышевская областная диалектологическая хрестоматия // Учёные записки Куйб. пед. ин-та. 1957. Вып. 17. С. 29–168.

Ничман З. В. К вопросу о лексико-семантических классах слов (на материале глаголов устной речи в современном русском языке // Научные труды / Новосибир. пед. ин-т. Вып. 91. Новосибирск, 1973.

Пурицкая Е. В. Звукоподражательные лексемы с компонентами *бара-* (*бала-*) в псковских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2009. СПб.: Наука, 2009. С. 132–138.

Резанова З. И. Человек в ценностной картине мира (на материале сибирских диалектных лексических систем) // Культура Отечества: прошлое, настоящее, будущее. Сб. тез. докл. IV Духовно-исторических чтений. Томск, 1995. С. 69–74.

Сороколетов Ф. П. Диалектная лексика как система // Ф. П. Сороколетов. Избранные труды. СПб.: Наука, 2011. С. 191–201.

Некоторые особенности лексической системы самарских говоров*

Т. Е. Баженова

В статье анализируется система диалектной лексики самарских говоров с точки зрения генезиса и типологии, выявляется соотношение лексических особенностей с основными фонетическими характеристиками, делается попытка определения своеобразия лингвистического ландшафта.

Ключевые слова: русский язык, диалект, русские народные говоры, диалектная лексика, диалектология

Вопрос о типологии диалектных различий на уровне фонетики и морфологии на материале самарских говоров рассматривался неоднократно [Скобликова 1965, 1985; Горбачева 1969; Зиброва 1971, 2010; Зиброва, Барабина 2004; Барабина 1980; Баженова 2001] и в плане лингвогеографического обобщения фонетических и морфологических особенностей имеет значительные результаты (Зиброва, Барабина 2009). Лексика самарских говоров оставалась долгое время, к сожалению, на периферии научных интересов, так как программа ДАРЯ (вернее, её лексический раздел) не давала возможности для систематического обобщения. Только в связи с разработкой ЛАРНГ и регионального атласа проблема определения особенностей лексико-семантической системы наших говоров приобрела особую актуальность. О полной ясности в определении особенностей диалектной лексики, представленной в самарских говорах, типологии лексических разли-

---

* Статья публикуется при поддержке гранта РГНФ № 13-14-63001(а/р) «Лексический атлас самарских говоров».

чий и о региональных особенностях словаря говорить пока не приходится, однако имеются уже определенные результаты.

При выяснении особенностей бытования диалектной лексики учитывались, прежде всего, лингвогеографические данные — электронные версии карт Лексического атласа самарских говоров (подготовлено уже более 40 карт по темам «Материальная культура», «Животный мир», «Полеводство и овощеводство», «Природные явления», «Свадьба»). Карты составлены на базе обширного архива полевых материалов и словарной картотеки, основа которой была заложена В. А. Малаховским и пополнялась О. А. Безугловой. Для уточнения сведений, извлечения иллюстративного материала использовалась диалектологическая хрестоматия [Малаховский 1957]. Часть фактического материала, собранная по программе ЛАРНГ (9 сел из 165), была представлена в виде набора типовых файлов, включающих свыше 7000 единиц и словоупотреблений. Для исследования системных отношений в самарской диалектной лексике привлекались данные региональных атласов (Баранникова 2000); (Зиброва, Барабина 2009) и работы обобщающего характера, опубликованные в ежегодных сборниках научных трудов ЛАРНГ.

Говоры Самарской области, находящиеся за пределами территорий раннего русского расселения, отличаются своей разнотипностью, поскольку их формирование происходило на базе генетически неоднородных диалектных основ на протяжении XVI — начала XX вв., когда шло освоение средневожских земель. На уровне фонетики и морфологии к числу таких типологических различий относятся: в окающих говорах и в акающих среднерусских с севернорусской основой говорах — сохранение «этимологических» гласных в ударном вокализме после мягких и отвердевших шипящих согласных, твердые *ч* и *ши*, стяжение в глагольных формах (*понимашь, боleshь, знат, умет*), *е* в формах местоимений (*оне, моех, твоех*); в южнорусских и в образованных на их основе среднерусских говорах — системы неразличе-

ния гласных после мягких согласных (яканье с признаками диссимиляции гласных в основе), рефлексы фрикативного *г* (*ɣ*), билабиального *в* (*w*) и др. Особенности формирования самарских вторичных говоров проявляются не только на уровне фонетики и морфологии, но и на лексическом уровне.

Ряд диалектных лексических параллелей, определяющих лингвистический ландшафт самарского региона, сохраняет признаки сходства с материнскими говорами. По этому ряду лексических особенностей можно дифференцировать генетически однородные для нашей территории среднерусские акающие и окающие (владимирско-поволжские неполноокающие) говоры и говоры южнорусские. Так, например, достаточно компактные ареалы слов *гребовать*, *корец*, *рогач*, *дежа*, *чапельник*, *ведмедь*, *сукотная*, *песни играть* наблюдаются в южных степных районах области, где бытуют неодинаковые по своей природе позднереселенческие южнорусские говоры и сформировавшиеся на их основе среднерусские говоры.

Но в целом в новых условиях бытования наблюдается своеобразная лексическая система, большая часть которой является общей для всех говоров Самарского края. Значительная группа диалектных слов встречается здесь во многих говорах различной типологии: *изба* 'традиционная жилия постройка, рубленный дом среднерусского образца', *клев* 'помещение для домашнего скота', *соха* 'столб, жердь', *калда* 'огороженное место, загон для скота в поле, в лесу', *городьба* 'изгородь', *клушка* 'курица-наседка', *пбдловка* 'чердак', *пбсконь* 'мужская особь конопли', *кулига* 'участок, делянка', *пброз* 'мирской бык', *стрыгáн* 'жеребенок по второму году', *моркошка*, *морква* 'морковь', *посиделки* 'вечерние собрания молодежи в помещении', *шабёр* 'сосед', *зыбка* 'колыбель', *калякать* 'говорить, разговаривать', *оболокаться* 'одеваться', *ягода* 'лесная земляника', *пирог* 'белый хлеб из сеяной пшеничной муки', *кулага* 'каша из ржаной муки', *запон* 'передник', *запой* 'сговор, сватовство' и т. д.

Ареально-типологическая характеристика элементов лексической системы свидетельствует о вторичности самарских говоров и широте междialeктных и межъязыковых контактов [Баженова 2012: 1498].

Традиционный словарь русских говоров Самарской области содержит значительный пласт лексики, отражающей языковую картину мира сельского человека в Среднем Поволжье.

Лексика природы: *кб́лок* ‘участок земли, заросший лесом’; *куга́* ‘озерная трава, разновидность камыша’; *дуброва* ‘дубовый и вообще лиственный лес’; *волжанин, волжанка* ‘гриб волнушка’; *чилли́га* ‘вид полыни’; *кату́н, кату́шка* ‘трава перекаати-поле’.

Полеводство: *жниво* ‘сжатое поле’; *голова* ‘большой сноп, который кладется сверху укладки снопов’; *конопи* ‘названия угодий, засеянных коноплей’; *залог* ‘необработанная земля, целина’; *одонье, крестцы* ‘укладки снопов’; *жито* ‘хлеб в зерне’; *ку́рень* ‘куст картофеля, помидора’.

Животноводство, птицеводство: *люлята* ‘гусята, утята’; *стриган, поводник, башмак* ‘годовалый бычок’; *пыря́ться* ‘бодаться (о корове)’; *переходница* ‘нестельная корова’; *пы́рын* ‘индюк’.

Огородничество: *зель* ‘овощи’; *морква, моркошка* ‘морковь’; *пулята* ‘завязь огурцов’; *синенькие* ‘баклажаны’.

Жилые постройки. Слово *изба* повсеместно является основным обозначением традиционной постройки в самарских селах. Но есть говоры, в которых слово *изба* обозначает только старинную постройку, старый, ветхий, маленький дом, а хорошую постройку называют *домом, пятистенником*, и наоборот: *изба* — хороший, просторный дом нового образца, а старинную постройку называют *кухней, саманкой, землянкой, хатой*.

Домашнее хозяйство: *настольник* ‘небольшая скатерть’; *подтюря* ‘похлёбка из воды и мелко накрошенного

ржаного хлеба»; *саламат* 'похлебка в виде киселя из пшеничной муки и картофельного крахмала'; *палишки, пылушки* 'пресные лепёшки'; *блинцы* 'тонкие блины'; *кокурки* 'лепешки из пресного теста'; *руньё* 'одежда, рухлядь'; *москвичка, полусак, полупольтик* 'виды верхней одежды'; *поршни, коты* 'женская обувь с ремешками или завязками'.

Рыбная ловля, охота и т. п.: *жаки, вятель/вятерь, морда* 'виды рыболовных снастей'.

Семейная терминология: *хозяин* 'муж'; *большак* 'старший сын или брат'; *княгиня, князь* 'молодые муж и жена после венчания в первый день свадьбы'; *выблюдок* 'ребенок, рожденный вне брака'; *лёля, няня* 'тетка или старшая сестра'; *мамака* 'крестная мать'; *сама, сам* 'супруги по отношению друг к другу'; *тятенька, тятя* 'обращение к отцу'; *примак* 'зять, перешедший жить в дом жены'; *бабить* 'принимать роды'.

Лексико-семантическая система самарских говоров представлена в основном сложными многочленными оппозициями, в составе которых выделяются общерусские и диалектные слова. Основу этой системы образуют общенародные слова, на фоне которых выделяются диалектные лексемы.

Из числа диалектных лексем выделяются отдельные лексемы, которые на нашей территории имеют полярную диалектную приуроченность и образуют ареалы. Эти ареалы вписываются в общую картину противопоставления среднерусских окающих и акающих говоров северной и центральной части области и южнорусских говоров на юге. Так, ареалы лексем *шкурд* и *кладь* (карта «Наименования большой продолговатой укладки снопов»), *кортюшка* и *картовь* (карта «Наименования картофеля»), *грухва* (карта «Наименования брюквы») выделяются только в оппозиции с общерусскими лексемами в пределах условной границы между среднерусскими и южнорусскими говорами. Однако чаще всего диалектные лексемы в составе многочленных лек-

сических оппозиций образуют дисперсные ареалы и имеют зоны пересечения с другими диалектными и общерусскими словами. Так можно охарактеризовать, например, лексемы *одонье* ‘большая продолговатая укладка снопов’, *картоха*, *буква* и *букня* ‘брюква’.

В частных диалектных системах зачастую оказываются возможными слова разной диалектной приуроченности. Так, например, в соседстве с другими диалектными и общерусскими лексемами в пределах одного села бытуют на нашей территории слова *бирюк*, *ведмедь*, *берёжся*, *кочет*, *рогач*, *дежа*, *дюже*, *брешет* (о собаке), *замашки* ‘конопля’ и др.

Таким образом, на территории Самарской области складывается своеобразная лексическая система, не совпадающая с материнскими говорами. Об этом свидетельствуют факты диалектных соответствий, сложившихся уже на территории самарского Поволжья. Лексический материал, нанесенный на карты, дает возможность провести территориальную дифференциацию внутри изучаемой зоны.

Заметна специфика лексических систем говоров, бытующих в северных и северо-восточных районах области, где сохраняется типично севернорусская диалектная лексика (*падерун* ‘плохая погода, буран с мокрым снегом и ветром’, *баской* ‘хороший, красивый, подходящий’; *стайка* ‘помещение для скота в хлеву, загон’, *калька* ‘брюква’, *порато* ‘очень’ и др.). Наряду с фонетическими и морфологическими признаками севернорусских основ в частных диалектных системах на севере области преобладает лексика, имеющая сходство по ареально-типологическим характеристикам с восточными окающими говорами. Например: *жнивьё* ‘убранное поле’, *кладеный* ‘кастрированный, холощеный (о быке, борове, баране)’, *кут* ‘темный угол в помещении, сарае, избе’, *шши* ‘простейшее сооружение для сушки снопов’, *лагун* ‘большой деревянный сосуд’, *казёнка* ‘подполье’, *полоуз* ‘перекрытие между постройками во дворе, сарай с плос-

кой крышей для хозяйственных нужд' и др. Здесь наиболее вероятны межъязыковые контакты с нерусским населением (татарами, мордвой, чувашами), которые находят отражение в лексике (*турлук* 'изгородь из жердей, частокол', *сабан* 'соха', *карда* 'огороженное место для скота', *вакан* 'общая деревянная посудина, из которой ели всей семьей', *салма* 'кушанье, суп из самодельной лапши или клёцек с травой и сметаной').

На юге области выделяются своими лексическими особенностями позднепереселенческие говоры в районе реки Ир-гиз. В этой микроне зафиксированы южнорусские лексемы *горщице*, *гора* 'чердак', *пуня* 'сарайчик, кладовка', *крыга* 'льдина', *ёмка* 'ухват', *кухня* 'традиционная однокамерная жилая постройка без фундамента и чердака', *браник* 'посконь, мужская особь конопли', *плант* 'место, на котором находится дом, ряд домов, порядок', *понява* 'старинная женская одежда' и др., которые нигде больше в пределах нашей области не встречаются и даже на фоне общей языковой пестроты региона воспринимаются как своеобразные «экзотизмы». Своеобразие лексики самарских южнорусских говоров степных районов состоит ещё и в том, что в её составе наблюдаются тюркизмы: *ирян* 'напиток из кислого молока, разведенного водой', *баимак* 'теленочек по первому году', *чакан* 'стебли камыша', *байгуш* 'пьяница', *таган* 'тренога, подставка для варки на открытом огне', *кизяк* 'топливо из сухого помета, смешанного с соломой' и др. Встречаются здесь и украинизмы: *цыбуля* 'особый сорт лука', *рушник* 'полотенце для вытирания рук', *жменька* 'горсточка', *побачить* 'посмотреть, встретиться'.

Противопоставление северной и южной половины территории соответствует внутрдиалектному членению самарских говоров на основе диалектных особенностей фонетического и морфологического уровня. На уровне лексики всё размыто и случайно, но всё же отмечается упорядоченность в лингвогеографическом представлении отдельных лексем.

Картографирование лексики позволило выделить на карте Самарской области дополнительные микрзоны на западе области (район Самарской Луки) и на востоке (пограничные с Оренбургской областью районы), неодинаковые с точки зрения времени и характера освоения территории. О существовании лексических различий в пределах этих микрзон свидетельствуют ареалы лексем, локализованные соответственно на востоке или западе области, например, *калда* и *карда* (карта «Наименования огороженного места для скота в поле, в лесу»), *конопель* и *поскóнь* (карта «Наименования мужской особи конопли»). Ареальный анализ диалектного наименования брюквы показал, что лексема *грухва* и коррелирующая с ней лексема *брухва* образуют на картографируемой территории четко очерченный ареал в западных правобережных и левобережных районах и на Самарской Луке, в отдельных селах в центре и восточнее — в районах между речья Сока и Кондурчи. Очертания ареала дают основания предполагать, что он образован изоглоссами, которые начинаются на западе за пределами области. Большинство говоров, в которых отмечены лексемы *грух(о)ва* и *брухва*, относятся к владимирско-поволжскому типу, остальные говоры (6 сел из 22) — среднерусские акающие с признаками севернорусской основы. А вот диалектные наименования брюквы *бухня/бухна* компактного ареала не образуют, однако можно отметить их преимущественное распределение по восточным районам области и преобладание их связи с южнорусскими говорами. Наконец, редкие вообще в современных говорах и, в частности, на нашей территории диалектные названия кукушки зафиксированы в наших говорах только в районе Самарской Луки: *кокушка*, *пустушка*, *годовка*.

Эти дополнительные микрзоны на территории Самарской области выделяются с учетом комплекса лексических и фонетических особенностей. Нам уже приходилось отмечать, что среднерусские говоры Самарской Луки и прилегающих районов самарского левобережья являются наиболее

ранними и максимально приближенными к владимирско-поволжской основе [Баженова 2001: 13]. Этим говорам свойственно умеренное яканье с сохранением различия предударных гласных, в частности, с проявлениями лексической закреплённости особого произношения этимологического Ъ, т. е. максимально соответствующее определению «акающего слепка» с севернорусского ёканья.

Таким образом, картографирование лексических особенностей на территории Самарского Поволжья даёт возможность представить более полную картину бытования русских народных говоров, с одной стороны, в их богатстве и многообразии, с другой — в своеобразии единства их генезиса. Лексическая система поволжских переселенческих говоров содержит признаки полярных диалектных основ, демонстрируя при этом определенную специфику. Для лексики наших говоров характерна высокая степень вариативности, обусловленная широкими междиалектными и межъязыковыми контактами в условиях значительной экспансии литературного языка. В большинстве случаев современное состояние лексической системы самарских говоров подтверждает существование генетических связей с говорами основных диалектных группировок Центра России, что наиболее наглядно проявляется на фонетическом уровне и находит подтверждение в диалектных лексических системах.

Литература

Баженова Т. Е. Типология систем предупредного вокализма в среднерусских акающих говорах Самарской области: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 2001.

Баженова Т. Е. Типология лексических особенностей в самарских говорах // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. Т. 14. № 2(6). С. 1493–1498.

Барабина М. Н. Шипящие согласные в говорах Куйбышевской области. (Проблема устойчивости диалектного произношения): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1980.

Горбачёва Е. Ф. Предударный вокализм Владимирско-Поволжских говоров. (На материале окающих говоров Куйбышевской области): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Куйбышев, 1969.

Зиброва Т. Ф. Особенности глагольных форм в говорах Заволжья: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Куйбышев, 1971.

Зиброва Т. Ф. Типологическое своеобразие самарских южно-русских говоров // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2010. СПб.: Наука, 2010. С. 219–226.

Зиброва Т. Ф., Барабина М. Н. О типологическом своеобразии говоров территории позднего заселения (на материале говоров Самарского края) // Категории в исследовании, описании и преподавании языка: Сб. научных трудов к 80-летию Е. С. Скобликовой. Самара: Самарский университет, 2004.

Малаховский В. А. Куйбышевская областная диалектологическая хрестоматия // Учёные записки Куйб. пед. ин-та. 1957. Вып. 17. С. 29–168.

Скобликова Е. С. К вопросу об особенностях безударного вокализма Владимирско-Поволжских говоров // Вопросы русской диалектологии. Труды IV-V конференций кафедр русского языка пед. ин-тов Среднего и Нижнего Поволжья. Куйбышев, 1965. С. 72–88.

Скобликова Е. С. Системы диалектного вокализма и произношение начального *о* во втором предударном слоге // Диалектография русского языка. М.: Наука, 1985. С. 50–59.

Наименования янтарных бус в русских народных говорах*

И. В. Бакланова

Материал, изложенный в данной статье, свидетельствует о распространённости наименований янтарных бус в русских народных говорах на всей территории России. Выделяются три основных ареала бытования рассматриваемых лексем. Наименование янтарных украшений носит универсальный характер во всех говорах. В основу номинации положены как внешние характеристики, так и способы создания изделия. Абсолютное их большинство является производными словами или мотивированными устойчивыми словосочетаниями и отличается прозрачной внутренней формой.

Ключевые слова: номинация, заимствованный, исконный, мотивированный, русские говоры

В данной статье рассматриваются наименования янтарных бус на территории России. Временная фиксация рассматриваемых лексем: середина XIX — середина XX вв. Во внимание принимаются все варианты названий — как морфологические, так и фонетические.

По материалам Словаря русских народных говоров и некоторым другим источникам (КАОС; СКПГ; КСРНГ) на территории России выделяются отдельные ареалы распространения наименований янтарных бус.

В севернорусских говорах, а именно на беломорском Севере, зафиксировано 14 наименований янтарных бус: *антарі́* (Пинеж. Арх.) (СКПГ), *восковы́е пёрла* (Мезен. Арх.) [Иванова, Дмитриева 2003], *восковы́е пёрлышки* (Мезен.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта («Сводная диалектная лексикография: теория и практика»), проект № 13-04-00148.

Арх.) (КАОС), *восковые пёрля* (Мезен. Арх.) (КАОС), *восковые прёдки* (Лешукон. Арх.) [Иванова, Дмитриева 2003], *ентарí* (Ким. Арх.) (КАОС), *пёрлышки* (Пинеж. Арх.) (КАОС), *пёрл янтарáшный* (Север), *пёрлы* (Мезен. Арх.) (КАОС), *соврúлины* (Холмог. Арх.) (КСРНГ), *соворúлины* (Холмог. Арх.) (КАОС), *соврúльки* (Олон. Арх.) (КСРНГ), *соврúльки-стрóганцы* (Пинеж. Арх.) (СКПГ), *янтарí* (Пинеж. Арх.) (КАОС; КСРНГ). К этой же группе отнесем единичную фиксацию *янтáрные снízки*, отмеченную в Пошехонском уезде Ярославской губернии.

Надо отметить, что лексика данной группы очень немногочисленна. Среди них есть как заимствованные из литературного варианты от слова *янтáрь*, так и узкорегionalные, возникшие в конкретно рассматриваемом ареале. Новая реалья, появляющаяся в быту, как правило, влечет за собой в язык и новое, иноязычное название, заимствованное из той местности, откуда она появилась. Со временем иноязычное слово претерпевает различные фонетические и/или морфологические изменения и вливается в активный запас языка в трансформированном виде, образуя новые словообразовательные гнезда. В случае с названиями янтарных бус в севернорусских говорах заимствованные варианты от литературного *янтáрь* составляют малую часть. Примером служат такие названия как *антарí*, *ентарí*, *янтарí*. Значительную же часть составляют местные словообразовательные варианты: *восковые пёрла*, *восковые пёрлышки*, *восковые пёрля*, *восковые прёдки*, *пёрлышки*, *пёрл янтарáшный*, *пёрлы*, *соврúлины*, *соворúлины*, *соврúльки*, *соврúльки-стрóганцы*, *янтáрные снízки*. Локальные наименования значительно превышают количество заимствованных. Это хорошо прослеживается в таблице № 1.

Таблица 1

	Заимствованные	Локальные
1.	<i>антарі́</i>	<i>восковы́е пёрла</i>
2.	<i>ентарі́</i>	<i>восковы́е пёрлышки</i>
3.	<i>янтари́</i>	<i>восковы́е пёрля</i>
4.		<i>восковы́е прѣдки</i>
5.		<i>пёрлышки</i>
6.		<i>пёрл янтари́шный</i>
7.		<i>пёрлы</i>
8.		<i>совру́лины</i>
9.		<i>совору́лины</i>
10.		<i>совру́льки</i>
11.		<i>совру́льки-стрóганцы</i>

В южнорусских говорах зафиксированы всего два наименования янтарных бус: *янтáрки* (Грайворон. Курск.) (КСРНГ) и *восковы́е снѣзки* (Брян.) (КСРНГ). Первое из них — производное от литературного *янтáрь*, второе наименование — вариант локального образования (см. табл. 2).

Таблица 2

	Заимствованные	Локальные
1.	<i>янтáрки</i>	<i>восковы́е снѣзки</i>

В говорах позднего заселения, на территории Сибири, отмечены следующие наименования янтарных бус: *антари́* (Приангарье) (КСРНГ), *янтáрь* (Енис. Енис.) (КСРНГ), *янтари́* (Забайкалье) (КСРНГ), *янтáровые бусы* (Алт.) (СРГА 4: 254). Все названия представляют собой заимствования от литературного *янтáрь* (см. табл. 3).

Таблица 3

	Заимствованные	Локальные
1.	<i>антарі́</i>	
2.	<i>янтáровые бусы</i>	
3.	<i>янтарі́</i>	
4.	<i>янтары́</i>	

Итак, на территории России выделяются три ареала распространения наименований янтарных бус: севернорусские говоры — побережье Белого моря, южнорусские — Курская и Брянская области, а также говоры позднего заселения — районы Сибири.

При номинации янтарных бус в говорах нередко используется сразу несколько мотивационных признаков (см. табл. 4):

— **соотнесенность с материалом**, из которого бусы изготовлены: *антарі́, пё́рл янтара́шный, янтáрки, янтарі́, янтарі́, янтáрные сні́зки, янтары́;*

— **соотнесенность с цветом**: *восковы́е пё́рла, восковы́е прё́дки, восковы́е сні́зки;*

— **по размеру бусин**, схожих с крупным жемчугом (устар. *перл*): *восковы́е пё́рла, восковы́е пё́рля, восковы́е пё́рлышки, пё́рлы, пё́рлышки, пё́рл янтара́шный;*

— **по способу изготовления**: *восковы́е сні́зки* (снизанные на нить), *совру́лины, совру́льки, совру́льки-стрóганцы* (с помощью просверливания отверстий в бусине либо собирания на нить);

— **по способу расположения**: *восковы́е прё́дки* (расположенные прядями, как волосы, один к одному).

Таблица 4

	Способ	Лексические единицы
1.	соотнесенность с материалом, из которого бусы изготовлены	<i>антарí, пёрл янтарáш- ный, янтáрки, янтарí, янтарí, янтáрные снiз- ки, янтары</i>
2.	соотнесенность с цветом	<i>восковы́е пёрла, восковы́е прéдки, восковы́е снiзки</i>
3.	размер бусин	<i>восковы́е пёрла, восковы́е пёрля, восковы́е пёрлыш- ки, пёрлы, пёрлышки, пёрл янтарáшный</i>
4.	способ изготовления	<i>восковы́е снiзки, соврú- лины, соврúльки, соврúль- ки-стрóганцы</i>
5.	способ расположения	<i>восковы́е прéдки</i>

«Соотнесенность с некоторым предметом через указание на другой предмет или признак ⟨...⟩ предполагает сопоставление двух предметов (вещей, явлений, процессов и т. п.) или двух признаков предметов на основе разнообразных отношений, существующих между ними в реальной действительности или в воображении коммуниканта ⟨...⟩ вычленение и перенос отдельных признаков, свойств, качеств объектов обозначения основывается на способности человека к ассоциативному мышлению, отражающему реальную зависимость явлений и предметов окружающей действительности» [Азнаурова 1977: 92].

В рассматриваемых нами локальных наименованиях янтарных бус номинация осуществлялась по соотнесенности с материалом, из которого бусы изготовлены; по соотнесенности с цветом; по размеру бусин, схожих с крупным жемчугом;

по способу расположения бус, а также по способу изготовления.

Таблица 5

	Способ	Севернорусские	Южнорусские
1.	соотнесенность с материалом, из которого бусы изготовлены	пёрл янтара́шный , янта́рные снízки	
2.	соотнесенность с цветом	восковы́е пёрла, восковы́е прéдки	восковы́е снízки
3.	размер бусин	восковы́е пёрла, восковы́е пёрля, восковы́е пёрлышки, пёрлы, пёрлышки, пёрл янтара́шный	
4.	способ расположения	восковы́е прéдки	
5.	способ изготовления	совру́лины , совру́льки , совру́льки-стрóганцы , янта́рные снízки	восковы́е снízки

Таблица № 5 наглядно демонстрирует картину номинации местных названий янтарных бус в севернорусских и южнорусских говорах. Полужирным шрифтом в составных терминах выделены определительные признаки в называемой группе. В севернорусских говорах номинация осуществляется по пяти признакам, в южнорусских — по двум. Наиболее характерным признаком для севернорусских говоров являет-

ся признак номинации по размеру бусин, схожих с крупным жемчугом, наименее — признак «способ расположения».

В заимствованных наименованиях янтарных бус в качестве способа номинации выступает семантическая деривация, а именно метонимический перенос. В его основе, как правило, лежит внешнее и/или функциональное сходство. В данном случае можно выделить следующий прием наименования «материал → изделие из него»: *антарí, ентарí, янтары́, янтарí, янтáрки*.

Характеризуя способы словообразования наименований янтарных бус можно отметить следующее. Для номинации янтарных бус используются односоставные и двусоставные (аналитические) термины:

— односоставные: *антарí, ентарí, янтары́, янтарí, янтáрки, совору́лина, совру́лины, совру́льки, пёрлушко, пёрлы*;

— двусоставные: *восковы́е пёрла, восковы́е пёрля, восковы́е пёрлышки, восковы́е прéдки, восковы́е снízки, пёрл янтарáшный, янтáрные снízки, янтáровые бусы*.

Номинация односоставных названий осуществляется по следующим признакам:

— соотнесенность с материалом, из которого бусы изготовлены: *антарí, ентарí, янтары́, янтарí, янтарки*;

— способ изготовления: *совру́лины, совру́льки, совору́лины*.

Составные названия номинируются по следующим моделям:

— ‘сходство по цвету + способ сборки бус’: *восковы́е снízки, янтáрные снízки*;

— ‘сходство по цвету + способ расположения’: *восковы́е прéдки*;

— ‘сходство по цвету + сходство по размеру’: *восковы́е пёрла, восковы́е пёрля, восковы́е пёрлышки*;

— ‘сходство по размеру + соотнесенность с минералом’:
пёрл янтарáшный.

Таблица 6

	Способ	Односоставные	Двусоставные
1.	соотнесенность с материалом, из которого бусы изготовлены	<i>антарí, ен-тарí, янта-ры, янтарí, янтарки</i>	<i>пёрл янтарáшный, янтáрные снízки</i>
2.	способ изготовления	<i>соврúлины, соврúльки, соворúлины</i>	<i>восковы́е снízки, янтáрные снízки</i>
3.	размер бусин	<i>пёрлы, пёр-лышки</i>	<i>восковы́е пёрла, восковы́е пёр-ля, восковы́е пёрлышки, пёрл янтарáшный</i>
4.	способ расположения		<i>восковы́е прédки</i>

В структуре лексики наименований янтарных бус тер-мины, представляющие словосочетания, составляют значи-тельную группу. Составные образования представляют со-бой сложные терминологические сочетания существительно-го с прилагательным (относительным). Прилагательное, в большинстве случаев, находится в препозиции по отношению к существительному. Согласно терминологии и классифика-ции, предложенной Л. Ф. Киреевой [Киреева 1960], в назва-ниях рассматриваемых украшений представлены все типы терминологических сочетаний:

— существительное и прилагательное употребляются в прямом значении: *янтáрные снízки;*

— существительное в прямом значении и прилагательное в переносном значении: *восковые снѣзки*;

— существительное выступает в переносном значении, а прилагательное — в прямом: *пѣрл янтарѣшный*;

— самая многочисленная группа: «прилагательное + существительное» с переносным значением обоих компонентов: *восковыѣ пѣрла, восковыѣ пѣрлышки, восковыѣ пѣрля, восковыѣ прѣдки*.

Рассмотрим способы образования наименований янтарных бус.

— Суффиксальный способ образования: *янтáр-к-и, пѣрл-ышк-и*. Данные наименования образованы от основ существительных с присоединением суффикса *-ышк-* с уменьшительно-ласкательным значением и суффикса *-к-* со значением субъективной оценки.

— Суффиксально-префиксальный: *со-вр-ѹл-и, со-вр-ѹл/ин-ы, со-вр-ѹль/к-и*. Отмеченный словообразовательный тип образован от основ глаголов. В рассматриваемых единицах этого типа используются префикс *со-* (обозначающий совместность) и суффиксы: *-ул-* (*-ул'-*) со значением предмета, который характеризуется действием, названным мотивирующим глаголом (в диалектах встречаются подобные структурные формы — *бродѹля* ‘пароход с небольшой осадкой’, *копарѹля* ‘тяпка, мотыга’, *косѹля* ‘род сохи, отваливающий пласт на одну сторону’); *-ин-* в значении ‘результат действия’, т. е. ‘бусы, изготовленные в результате нанизывания’ (ср. подобные структурные модели в диалектах: *изгибѹл-ин-а* ‘изгиб, кривизна’, *задѹл-ин-а* ‘неровная поверхность снега, обдутого ветром’, *передѹл-ин-а* ‘сугроб, перенесенный ветром’, *закавѹл-ин-а* ‘затруднение, препятствие’); *-к-* в значении ‘предмет, предназначенный для осуществления действия’, т. е. ‘бусы, которые надо собрать, нанизать’, суффикс частотный во многих говорах: напр., *копарѹлька* ‘лопата’, *врѹлька* ‘лгун, лгунья’, *скребѹлька* ‘скребок’.

— Сложение, при котором из двух слов создается сложносоставное слово: *соврѹльки-стрѳганцы*.

Как мы видим, для односоставных наименований продуктивны три типа морфологического словообразования: аффиксация суффиксальная и суффиксально-префиксальная, а также сложение. Продуктивность всех трех морфологических типов словообразования примерно одинакова.

В основе способа номинации янтарных бус может также лежать лексико-семантический способ словообразования, например, слово русского литературного языка, претерпевшее те или иные изменения фонетического и морфемного состава, системы грамматических форм, которое в процессе трансформаций закрепляется впоследствии как диалектная норма. Примером может служить литературный вариант слова *янтáрь*, который лег в основу диалектных названий янтарных бус *антарѹ* (Пинеж. Арх, Приангарье), *ентарѹ* (Ким. Арх.), *янтары* (Енис. Енис.), *янтарѹ* (Мезен. Арх., Забайкалье). Изменение фонетического облика слова, а также изменение грамматической категории числа привело к появлению новых лексических вариантов.

Итак, основные признаки, благодаря которым создаются номинации янтарных бус на территории России (указания на цвет, размер), имеют в целом универсальный характер. Комплексный подход носителей языка к определению реалии строится на подчеркивании и внешних характеристик, и способов создания изделия.

Характеристика наименований янтарных бус с точки зрения способов их образования показала, что абсолютное их большинство является производными словами или мотивированными устойчивыми словосочетаниями и отличается прозрачной мотивировкой. Диалектный материал свидетельствует о тенденции к созданию наименований с прозрачной внутренней формой, их большинство.

Литература

Азнаурова Э. С. Стилистический аспект номинации словом как единицей речи // Языковая номинация (виды наименований). М.: Наука, 1977.

Иванова Т. Г., Дмитриева С. И. Этнокультурный контекст эпической традиции на Мезени. Фундаментальная электронная библиотека, 2003. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/byliny/texts/bl3/bl3-0122.htm>. Время доступа: 12.05.2014.

Киреева Л. Ф. Устойчивые словосочетания прилагательного с определяемым существительным в терминологической функции // Научные записки Днепропетровского университета. Сборник работ филологического факультета. 1960. Т. 70, вып. 17. С. 97–107.

Наименования растения шиповник и его плодов (по данным картотеки ЛАРНГ)

Л. П. Батырева

В статье представлена номенклатура наименований растения шиповник и его плодов, бытующих на территории, обследованной в рамках Лексического атласа русских народных говоров, отмечается локализация лексем.

Ключевые слова: диалектология, лингвогеография, названия шиповника

В русских говорах, по данным картотеки ЛАРНГ, в качестве названия растения *Rosa L.*, сем. розанных, шиповник, роза и его плодов используются слова с корнем *серб-*, *шип-*, *чип-*, *толок-*, *пе-*, *бара*¹.

На всей обследованной территории распространено слово *шиповник*.

Корень *шип-* актуализирует сему ‘обладающий шипами’, что отмечают сами информанты: *Отчего он шиповник? Он, шиповник, колется, шипы у него* (Нижегородская обл., Лукояновский р-н). Эту мотивацию опосредованно выявляет фрагмент молитвы, служащий иллюстрацией в одной из словарных статей в МССГ (МССГ 1: 49): *Маяли меня, мучили... крапивою, шипишником, боярышником*.

Отмечая слово с корнем *щип-* — *щипичник* — в Обонежье, С. А. Мызников пишет, что «информанты мотивируют его следующим образом: *щиплет, дак и щипичник*» [Мызников 2003: 89]. Однако мягкий шипящий может быть

---

¹В статье оставлены без внимания лексемы, употребляющиеся либо только как названия растения, либо только как названия плодов.

и следствием лексикализации гиперкорректного произношения в говорах с твердым долгим глухим шипящим, и это подтверждается, например, следующим фактом: в письмах 1941–1944 гг. жителя г. Шуи Ивановской обл. И. С. Котова имеются, с одной стороны, указания на твердость долгого шипящего (*с днем 26^ю годовщины Великой октябрьской Революции*), с другой стороны, встретилось написание **щиповник** (*За ягодами щиповника и виноградом пишу в день твоего ангела и проздравляю маму с ангелом*).

Корень **щип-** не дает определенного ареала, но слова с этим корнем, включающие в свой состав тот или иной суффикс, входят в ареал слов с данным суффиксом (далее эти факты будут представлены).

Слово **шипница** фиксируется в севернорусских говорах на территории Архангельской, Вологодской, Кировской, Пермской, Ленинградской, Костромской обл., в Республике Коми, Удмуртии, Карелии; фонетический вариант **щепница** — в Вытегорском р-не Вологодской обл. В пределах данного ареала представлены производные от **шипница** — **шипичник** (**шипичник**, **щипичник**), **шипичняк**. Лексемы **шипичник** и **шипичняк** считаем производными от **шипница**, а не от **шипика**, т. к. число пунктов, в которых одновременно употребляется **шипница** и **шипичник** или **шипичняк** — значительно (20); **шипичник** и **шипичняк** отмечены также в пунктах, находящихся по соседству с теми, где распространена лексема **шипница**. Пункты же, в которых одновременно бытовали бы лексемы **шипика** и **шипичник** или **шипичняк**, отсутствуют. Слово **шипика**, впрочем, также чаще отмечается в севернорусских говорах.

Слово **шиповняк** обнаружено в Плюсском р-не Псковской обл., в Молоковском р-не Тверской обл., в Якшур-Бодьинском р-не Удмуртии. Известны другие лексемы с суффиксом **-няк** (**-як**) — **петуньяк**, **петушняк**, **шипульняк**, **шипичняк**, **толокняк**. Все они отмечаются на территории севернорусских и среднерусских говоров.

Слово *шипíга* бытует в севернорусских говорах (на территории Республики Коми, Карелии, Архангельской, Костромской, Кировской, Пермской обл., Удмуртии); в среднерусских говорах (в Ивановской, Нижегородской, Тверской обл. и др.); в южнорусских говорах (в Рязанской, Тамбовской, Курской обл. и др.). Известны факты употребления слова *щипíга* (в Добрянском р-не Пермской обл. и Нижнесергинском р-не Свердловской обл.). *Шипíжник* и *шипíжница* отмечаются в тех же пунктах, что и *шипига*.

В Некоузском, Угличском, Мышкинском р-нах Ярославской обл., в Уренском р-не Нижегородской обл., в Пудожском р-не Карелии употребляются слова, морфемный состав которых включает суффикс *-уль-* — *шипúля*, *шипúльник*, *шипульняк*.

Слово *шипáрь* известно в говорах Владимирско-Поволжской группы.

Слово *шип(ы)* употребляется на территории Владимирско-Поволжской группы среднерусских говоров, в Курско-Орловской, Рязанской, Тульской группах южновеликорусского наречия.

В Верхне-Деснинской, Курско-Орловской, Рязанской группах южновеликорусского наречия отмечены лексемы с суффиксом *чин-* (*шин-*) — *шпчíна* (*щпчина*, *шпшина*, *шупшина*, *супшина*).

На разных территориях имеются случаи единичной фиксации лексем с корнем *шип-* (*шеп-*) — *шипша*, *шипíха*, *шепéха*, *шепéчка*, *шипкóвник*, *шипнóвник*, *шиповéц*, *шипóвка*, *шипúшник*, *щепётник*, *шипúчка*, *шипéц*, *шипúвка*, *шипíна*, *шипíша*, *шипíшка*, *шипичнýг*, *шипúга*, *шепéга*, *шипýа*. Отмечаются также слова с модифицированным по разным причинам корнем *шип-* — *шипкóвник*, *шипшкóвник*.

Корень *чин-* (*чеп-*, *ча-*), очевидно, появился в результате соотносительности с глаголом *читать* (*чепать*) ‘зацеплять, цепляться за что-то; задевать, трогать’, который дается у

Даля с пометами пск., юж., зап. (Даль 4: 589) или *чапать* ‘трогать, брать, хватать, цапать’ (Даль 4: 582).

Локализация слов с корнем *чип-* // *чеп-* // *чап-* (*чапарыш*, *чапарыжник*, *чипарыга* (*чапарыга*), *чеперыха*, *череперышник*, *чипарык*, *чипарыс* (*чипорыс*), *чипурыхи*) — Вологодская, Костромская, Кировская обл. и Карелия. В словаре Даля лексемы *чипорас* и *чипорыга* представлены с пометой нвг. (Даль 4: 605). С. А. Мызников, ссылаясь на КСРГК, называет ладого-тихвинские говоры территорией бытования лексемы *чипарыжка*, белозерские говоры — территорией, на которой фиксируется слово *чипарыга* [Мызников 2003: 89].

Наименования шиповника и его плодов с корнем *пе-*, образованные от производящей основы *петун-* или *петух-* с помощью суффикса *-ин* (*петунина*, *петушина*), *-ник* (*петунник*, *петушник*), *-инник* (*петушинник*), *-(н)як* (*петньяк*, *петушняк*), *-няг* (*петушняг*), *-к* (*петушки*), *-ят* (*петушнята*), *-атник* (*петушатник*), и описательные выражения, включающие в свой состав слова с этим корнем (*петунье дерево*, *петушни ягоды*, *петушьи ягоды*, *петуховы ягоды*, *петрушьи ягоды*), используются в новгородских говорах, на территории Ладого-Тихвинской и Онежской групп говоров, случаи единичной фиксации — в среднерусских говорах. По данным СРНГ, наименования растения *петунье дерево*, *петушья ягода*, *петушиное дерево*, *петушник*, *петушняг* известны в новгородских говорах, номинация *петуховы ягоды* ‘плоды шиповника’ — в новгородских и вологодских говорах, сочетание *петушья ягода* ‘растение *Rosa L.*, сем. розанных; шиповник, роза’ отмечается в олонецких говорах, слово *петушки* ‘плоды шиповника’ представлено в СРНГ с пометой Медвежьегор. КАССР (СРНГ 26: 332–334).

Номинации с корнем *пе-* являются калькой с вепсского языка [Мызников 2003: 86–88]: на территории Карелии, Ленинградской, Вологодской обл. бытуют заимствованные из

вепсского языка лексемы *кўкка-карáнда*, *карáдыш*, *кўка*, *кукакарáндыш*, *кукарáндыш*, *кукишкарáндыш*, *кукошкарáндыш*, *кўкоши*, *куккышкарáнгыш*, *кукышкарáндыш*.

Локализация слов с корнем, восходящим к праславянскому *s(v)ьrb- // *s(v)orb- ‘зудеть, чесать’ (Фасмер 3: 721), — главным образом, Курско-Орловская, Тульская, Рязанская группы говоров.

В этом корне обнаруживаются разного рода чередования. Во-первых, это исторические чередования, являющиеся результатом развития праславянских сочетаний *-ьг- // *-ог-: *с(в)ерб-* // *свороб-* (с 1-ым полногласием) // *сереб-* (*серьб-*) (с рефлексами 2-го полногласия) — *сербері́на*, *сербарі́на*, *сербеі́на*, *сербері́ка*, *сербері́шник*, *серберня́та*, *сербері́нник*, *сербері́н*, *сербелі́на*, *сербалі́на*, *сербалі́н*, *сербалі́нник*, *сербені́на*; *свербені́ка*, *свербеві́ка*; *своробі́н*; *серебері́на* и слова с корнем *серьб-*, например, *серьбері́на* (СРНГ 36: 196); *сорбалі́на*. Во-вторых, различия в фонемном составе корневой морфемы связаны с проявлениями яканья — отмечены варианты с гласным [e], [и], [а] в корне (в записях собирателей — *сварьбьяві́ка*, *сербяі́на*, *сирьбері́на* и др.); с диерезой — *себер-* (*себері́нник*); меной звонкого согласного на глухой — *сирп-* (*сирпилі́нник*); с меной губно-губного на губно-зубной — *сервэ́ры* (СРНГ 37: 182). Отмечен фонетический вариант корня *семб-* — *сембарі́на* и *сембері́ка*. Различается место ударения в слове: *свербері́на* и — единственный раз — *свербі́рина*.

Эти существительные образованы от глагола *сербетъ* (*сербитъ*) (СРНГ 37: 183) или *свербетъся* (СРНГ 36: 235) ‘зудеть, чесаться; саднить’, *свербитъ* ‘скрести, чесать при зуде’, ‘жечь, вызывать зуд (о чем-либо колющем, жгучем)’ (СРНГ 36: 236). Мотивационный признак, лежащий в основе номинаций, — реакция человеческого организма на соприкосновение с растением — возникновение зуда. Известны од-

нокоренные наименования другого растения — крапивы, которая вызывает аналогичную реакцию. Ср.: «*Сербука*, ж. Растение *Urtica urens* L., сем. крапивных; крапива жгучая. Дон. (...) *Сербука* — такая низкая, вроде травы, а притронешься рукой — да и ожгешь»; «*Сербучка*, ж. 1. Растение *Urtica* L., сем. крапивных; крапива. Волгогр.» (СРНГ 37: 183). Ср. также псковское *сербалина* и белорусское *цербалін* 'ежевика' (Фасмер 3: 721).

Локализация глаголов с корнем *с(в)ерб-* и соответствующих наименований шиповника практически совпадают. Так, глагол *сербеть*, по данным СРНГ, имеет широкий ареал бытования, о чем свидетельствуют пометы, в числе которых — Курск., Ворон., Дон., Волгогр., Ряз., Тул., Калуж. Глагол *сербить* представлен в СРНГ с пометами Орл., Курск., Тул. На южнорусской территории отмечены также имена прилагательные со значением 'шиповниковый': *серебериковый* (*Ой во кусте, кусте калиновом, Во другом кусте серебериковом, Сидел соловей да с соловушкой, Сидел молодой с молоденькою* (песня). Самар., 1882) и *серебериновый* (*По мосту-мосту по калиновом, По другом мосту серебериновом, Купцы ехали, становилися*. Щигр. Курск.) (СРНГ 36: 196).

Именному суффиксу в слове с корнем *с(в)ерб-* предшествует гласный глагольной основы — [e] или [a], причем звук [a] может обозначаться как буквой *а* (*сербалин* и *сербалина*), которая отражает реальное произношение, так и буквой *о* (например, *сербалин* и *сербалина*).

Отмечаются колебания в родовой принадлежности существительных: используются родовые корреляты *серберина* и *серберин*, *сербалина* и *сербалин*. При этом слова мужского рода встречаются редко — имеется лишь 2 случая их фиксации.

Морфемный состав слов с корнем *с(в)ерб-* включает разные суффиксы. Наиболее частотный — *-рин* (*-ин*, *-лин*, *-нин*) (*серберина*, *сербарина*, *сереберина*, *сербе-*

рин, сербелина, сербалина, сербалин, сорбалина, сербелина, сербенина, сверберина, своробин, сембарина). Отмечаются слова с суффиксом *-инник* (*серберинник, себеринник, сербалинник, серпелинник*), с суффиксом *-рик* (*-вик, -ник*) (*серберика, семберика, свербевика, свербеника*), *-нят(а)* (*сербернята*), *-шник* (*серберешник*). В СРНГ включены слова с суффиксами, не представленными в материалах ЛАРНГ: *сербалёзник, сербальшина* (СРНГ 37: 181), *серверы* (СРНГ 37: 182), *сербигуз, сербигус* (СРНГ 37: 183).

Существительные с корнем *серб-* (*сверб-*) служат номинациями разных видов шиповника, боярышника, относящегося к тому же семейству, и других растений, не относящихся к семейству розанных. Так, *сербалина* — это не только растение *Rosa L.*, сем. розанных, шиповник, роза, но и растение *Rosa canina L.*, сем. розанных, шиповник собачий, а также растение *Rosa Tourn.*, сем. розовых и растение *Crataegus L.*, сем. розанных, боярышник (СРНГ 37: 181). *Сербаринник* и *сербелина* — шиповник, шиповник собачий и боярышник (СРНГ 37: 181–182). *Сербарин* и *сверберина* — шиповник и боярышник (СРНГ 37: 181). *Сверберина* — растение *Rosa L.*, сем. розанных, шиповник, роза; растение *Crataegus L.*, сем. розанных, боярышник; растение *Crataegus oxyacantha L.*, сем. розанных, боярышник колючий; растение *Mentha*, сем. губоцветных, мята (СРНГ 37: 182). *Серберичник* — растение *Rosa tomentosa Sm.*, сем. розанных; шиповник войлочный; растение *Rosa cinnamomea L.*, сем. розанных; шиповник коричневый (СРНГ 37: 182). *Сербигуз* и *сербигус* — растение *Rosa L.*, сем. розанных, шиповник, роза и растение *Bunias orientalis L.*, сем. крестоцветных, свербига восточная (СРНГ 37: 183).

С другой стороны, номинацией растения шиповник служат лексемы *боярышник, боярыня, ба́рыня-баярыня, барышник, ба́рина, бяры́ка*. Некоторые из них одновременно отмечаются в качестве названия растения боярышник. Это,

прежде всего, общерусское слово *боярышник*. Кроме того, *барыня* и *баярка* — ‘вид куста боярышник, *Crataegus oxycantha*’ (Даль 1: 49); *барыня*, *барынка*, *барынька* — кустарник или небольшое дерево боярышник; плоды боярышника (СДГВО 1: 106); *барыня* — растение *Crataegus oxycantha* L., сем. розанных; боярышник колючий; ягода боярышника; растение *Xanthium spinosum* L., сем. сложноцветных; дурнишник колючий; растение *Rhamnus cathartica* L., сем. крушиновых; крушина слабительная (СРНГ 2: 125). Слово *крушина*, в свою очередь, в Тутаевском р-не Ярославской обл. отмечено как название шиповника.

Известны наименования других растений, служащие одновременно названиями шиповника, например, слово *дерябник*, отмеченное в Малоархангельском р-не Орловской обл. Ср.: «1. Растение *Lycoperidium Jelago* L., сем. плауновых; плаун баранец. (. . .) 2. Кустарник с шипами (например, терновник, шиповник)» (СРНГ 8: 32). Существительное *дерябник* образовано от глагола *дерябать* или *дерябить* ‘царапать’ (среди территориальных помет в СРНГ — Орл.), *дерябаться* ‘сильно царапаться’, ‘сильно чесаться’ (СРНГ 8: 30, 31). Иначе говоря, *дерябник* — растение, которое *дерябает* (царапает), либо которое заставляет *дерябаться* (чесаться). Слово *дерябки* в Малоархангельском р-не Орловской обл. известно как название плодов шиповника.

В качестве наименования шиповника в Буреевском р-не респ. Башкортостан и в Чернском р-не Тульской обл. используется лексема *терновник*.

В Тутаевском р-не Ярославской обл. отмечена номинация *волчьих ягод* ‘шиповник’. Известен другой факт: лексема *кукарандыш* служит одновременно номинацией шиповника и волчьих ягод (СРГК 3: 51). То же касается слов с корнем *толок-*. С. А. Мызников, отмечая наименования шиповника *толокняга* и *толокнянка* в псковских и новгородских говорах, полагает, что они могли «возникнуть в результате омонимического притяжения к общенародному

слову *толокнянка* — род вечнозеленых кустарников, реже небольших деревьев сем. вересковых (БЭС, 1208); это растение, напоминающее бруснику с ярко-красными плодами, употребление которых в пищу опасно для жизни (Скляров, 157), более известно под народным названием «волчья ягода» (Мызников 2007: 55). Лексемы *толокняник* (*толокняник*, *толовняник*, *толоклятник*, а также *кляклятник* (с пометой Моск. (СРНГ 13: 211) — вероятно, фонетически трансформированное *толоклятник*), *толокнянка*, *толокняк*, *толокнян*, *толокяник*, *толокняга*, *толокняжка*, *толокняха*, *толокняшка*, *толокняшник*, *толокбница* фиксируются чаще на территории северновеликорусского наречия, реже — в среднерусских говорах и на территории южновеликорусского наречия.

Слово *жиламужина* записано в Мезенском р-не Архангельской области и представлено в СГРС в значении ‘шиповник’. Лексемы *жиламузник*, а также *жаламудник* и *жаламудина* в архангельских говорах используются как наименования растения жимолость. В русских говорах известно другое слово, также употребляющееся в качестве названия шиповника и жимолости и ее плодов — *барашки*.

По данным СРНГ, *барашками* называют самые разные растения, а также их плоды: 1. Сережки у березы; 2. Растение *Primula veris* L., сем. первоцветных; первоцвет аптечный; 3. Растение *Lonicera* L., сем. жимолостных; жимолость; 4. Растение *Lilium* L., сем. лилейных; лилия; 5. Растение *Antennaria dioica* (L.) Gaertn., сем. сложноцветных; кошачья лапка двудомная; 6. Растение *Sedum acre* L., сем. толстянковых; очиток едкий; 7. Ржаные барашки; *Claviceps purpurea* Tul., сем. гимениальных; спорынья; 8. Растение *Hieracium praealtum* DC., сем. сложноцветных; ястребинка стройная; 9. Полевые барашки. Растение *Veronica spicata* L., сем. норичниковых; вероника колосистая, андреев крест; 10. Растение *Paeonia* L., сем. лютиковых; пeon во время образования семенных коробочек; 11. Плоды растения *Rosa* L., сем.

розанных; шиповник; 12. Цветы горного левкоя; 13. Растение *Malva pusilla* Smith, сем. мальвовых; просвирняк низкий; 14. Растение *Trifolium montanum* L., сем. мотыльковых; клевер горный; 15. Растение *Astragalus onobrychis* L., сем. мотыльковых; астрагал эспарцетный (СРНГ 2: 110–111). В ОСВГ *барашки* — ягоды голубики (ОСВГ 1: 55). В СГРС *барашки* — ягоды жимолости, гроздь брусники, шишка хвойного дерева (СГРС 1: 47).

Слово *барашки* как название шиповника и его плодов отмечается в говорах северновеликорусского наречия (Архангельская, Пермская, Костромская обл.), в Рязанской и Курско-Орловской группах южновеликорусского наречия, на территории Волгоградской обл., имеются отдельные случаи фиксации слова в среднерусских говорах.

Итак, одна лексема может служить в говорах для обозначения разных растений, как относящихся к одному семейству (шиповник, терновник, боярышник), так и «неродственных» (шиповник, крушина, волчьи ягоды, жимолость). Это обусловлено одинаковыми свойствами растений: 1) наличием шипов, которые «дерябают» (отсюда — слово *дерябник* ‘шиповник’ и *дерябник* ‘терновник’); 2) возникновением звука после соприкосновения с шиповником, крапивой и ежевикой (отсюда — номинации с корнем *серб-* для этих растений); 3) специфическим внешним видом растений, позволяющим сравнивать их с известным животным. Это может быть форма листьев (см., например, рассказ о шиповнике: *Барашками кличут. А ты глянь сама, какой он кучерявый-то, листья как завёрнуты, ну, прямо шкурка у овцы* (п. 675)). Это может быть похожесть плодов разных растений. Отсюда — номинация *волчьи ягоды, кукарандыш* и слова с корнем *толок-* для шиповника и волчьих ягод, *жиламужина* и *барашки* — для шиповника и жимолости, *крушина* — для шиповника и боярышника. Все эти факты свидетельствуют о несовпадении научной и диалектной картин мира.

Литература

Мызников С. А. Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб.: Наука, 2003.

Названия гриба валуй в русских говорах: мотивационный аспект

М. В. Боброва

В статье рассматриваются наименования гриба валуй, функционирующие в русских говорах, в мотивационном аспекте. Выявлены модели образования названий, лексические мотиваторы, мотивационные признаки. Сделаны выводы о специфике принципов номинации гриба валуй.

Ключевые слова: русские говоры, диалектология, миконим, валуй

Наименования грибов неоднократно становились предметом исследований лингвистов, которые проводили главным образом описательные изыскания, обычно попутно — решали общетеоретические проблемы (см. работы Т. А. Бакулиной, Л. И. Балахоновой, В. М. Вахрушева, О. И. Жмурко, А. Ф. Ивановой, Р. С. Кануновой, В. А. Корольковой, Е. Б. Кузьминой, И. В. Лебедевой, В. М. Марковой, В. Г. Маслова, В. А. Меркуловой, Е. А. Нефедовой, Т. А. Пецкой, И. В. Поповичевой, Ю. Ю. Саввиной, О. В. Смирновой, диссертационные исследования З. У. Борисовой, Н. А. Григоренко, Н. А. Енгальчева, И. В. Лебедевой, Е. А. Нефедовой, О. Сенк-Шеленгевич, Б. З. Ульяновой; др.).

Ранее мы обращались к изучению наименований гриба валуй в структурном и словообразовательном аспектах (см. [Богачева 2011]). В настоящей работе мы сосредоточим внимание на мотивационных моделях и признаках номинаций, реализованных в данной миконимической микрогруппе. При этом мы использовали терминологию, разработанную О. И. Блиновой (см., например, [Блинова 1971, 2009]).

При анализе мы опирались на данные картотеки «Лексического атласа русских народных говоров». Но в процес-

се сбора названий гриба обнаружен целый ряд не отраженных в материалах ЛАРНГ лексем, выявлены новые радикасы, актуальные для миконимов данной микрогруппы. Дополнительные сведения помогают не только скорректировать ареалы распространения той или иной единицы, уточнить наблюдения над спецификой реализации той или иной структурной модели, употребления тех или иных аффиксов, но прежде всего уточнить опорный словарь. Так, нами дополнительно выявлены следующие названия гриба валуй: *бульбик* (СРГСПК), *воловик*, *волун*, *волюята*, *волынка*, *гладушка*, *евдак*, *елдак*, *елдачок* 'ум.-ласк. к *елдак*', *ёвдак*, *ёлдак*, *заячьи грузди*, *колпак*, *лобан*, *свинорой* (СГРС), *волынец*, *свинурка* (АОС), *гладуха* 'валуй больших размеров' (ТСГТО 5), *губарь* (СГРС; СРНГ), *исаковицы* 'грибы кульбики', *миндуль* 'гриб кульбик', *склизун* (СРНГ), *пучкарё* (СРГК), *кубарик* 'грибок' (СГРС; СРНГ), *кольбушка* [Пермякова 2012], *квашенник* (СПГ), др.

Всего по уточненным данным собрано 167 оригинальных наименований гриба валуй; общерусским является именно это, научно признанное, название.

При анализе мотивационных связей в группе наименований гриба очень важны связи денотативные. Обобщая признаки, на которые опираются биологи (по данным различных источников в сети Интернет и определителей грибов), приведем такую характеристику реалии:

«ВАЛУЙ (*Russula foetens*) относится к царству грибов, отдел базидиомицетов, класс агарикомицеты, порядок *Russulales*, представляет собой вид семейства сыроежковых, многочисленного рода *RUSSULA* (сыроежка). Шляпка 4–20 см в диаметре, у молодых валуев почти шаровидная, позднее плоскораспростертая, с углублением в центре и чётко выраженными радиальными бороздками по краю, сильно слизистая и липкая, жёлтая, жёлто-бурая или охристо-буроватая; вначале напоминает шляпку белого гриба-боровика. Кожица гладкая, в сырую погоду очень слизистая, в сухую бле-

стящая; не снимается, в отличие от большинства сыроежек. Белые пластинки крупные, частые, желтовато-белые; выделяют капли неприятно пахнущего желтоватого водянистого сока, отчего на ножке появляются буроватые пятна. Ножка цилиндрическая или бочонковидная, в длину 3–12 см и толщиной до 3 см, белая; ровная, внутри коричневая, как бы обгоревшая. В середине ножки с возрастом образуется полость неправильной формы, и ножка, вначале относительно прочная, становится очень рыхлой. Мякоть плотная, грубая, белая, на срезе постепенно темнеет и становится бурой. Жгучегорькая на вкус, может вызывать тошноту. Запах резкий, неприятный, похожий на прогорклое масло. Очень червивый гриб.

Валуи распространены повсеместно, довольно обычны и для южной части страны. Предпочитает тенистые, влажные места. Растет летом и осенью в лиственных (встречается под дубом, буком, грабом, березой), особенно в березовых и дубовых, в смешанных и хвойных лесах. Плодоносит обильно, одиночно или небольшими группами. Первые отдельные грибы появляются еще в июле, основная их масса приходится на август-сентябрь.

Обычно собирают молодые плодовые тела с нераскрытой шляпкой диаметром не больше 6 см. Валуи солят, реже маринуют, предварительно с грибов снимают кожицу и удаляют горечь путём вымачивания или отваривания (можно валуи не вымачивать, но в этом случае их следует варить 25–30 минут)».

Таким образом, научная характеристика отражает такие признаки гриба, как: 1) родо-видовая отнесенность, 2) форма, 3) цвет, 4) особенности строения, 5) размер, 6) вкус, 7) запах, 8) подверженность заражению паразитами, 9) место произрастания, 10) способ произрастания (одиночность/множественность плодов, редкость/частотность и т. п.), 11) время произрастания, 12) хозяйственная ценность, 13) особенности использования (сбора, обработки,

употребления). Примем этот список в качестве опорного для описания наивных представлений диалектоносителей-номинаторов о грибах.

Признаки грибов, актуализируемые в их народных названиях (мотивировочные признаки, далее также МП), количественно уступают признакам, актуализируемым в научном описании. Например, по В. А. Меркуловой, существует 7 семантических моделей образования миконимов: 1) ‘цвет’ > ‘гриб’, 2) ‘свойство, воспринимаемое на вкус или осязание’ > ‘гриб’, 3) ‘дерево’ > ‘гриб’, 4) ‘гриб’ > ‘подобный ему гриб’, 5) ‘предмет’ > ‘гриб’, 6) ‘имя собственное’ > ‘гриб’, 7) ‘животное’ > ‘гриб’ [Меркулова 1967: 156–158]. Соответствующими названиями актуализируются биологические признаки ‘форма’, ‘цвет’, ‘особенности строения’, ‘вкус’, ‘место произрастания’, а также ‘незначимый признак’ (предполагаем это в миконимах, которые отвечают модели 6: «...для мотивировочного признака категория существенности по отношению к реалии в принципе не является необходимой, так как выделение этого признака есть прежде всего элемент лингвистической техники, обслуживающий потребности номинации. Поэтому нет особых противопоказаний для выбора в качестве мотивировочного какого-либо периферийного, необщезначимого или только ситуативно обусловленного признака. Таковыми являются, вероятно, большинство наименований “по именам людей”» [Голев, URL]).

«На материале пермских говоров выявлено 9 семантических моделей: ‘цветовой признак’ → ‘гриб’, ‘признак места произрастания (обитания)’ → ‘гриб’, ‘признак формы’ → ‘гриб’, ‘качественный признак’ → ‘гриб’, ‘временной признак’ → ‘гриб’, ‘признак соотносительности названия гриба с человеком’ → ‘гриб’, ‘признак воздействия человека на гриб’ → ‘гриб’, ‘признак соотносительности номинаций грибов с животным’ → ‘гриб’, ‘признак подобия’ → ‘гриб’» [Пермякова 2012: 14]. Соответствующими названиями актуализируются биологические признаки ‘цвет’, ‘место произрастания’, ‘форма’,

‘вкус’, ‘время произрастания’, ‘хозяйственная ценность’, ‘особенности использования’, ‘особенности строения’, ‘особенности употребления’.

Ю. Ю. Саввина выделяет 10 МП названий грибов в елецком говоре: 1) по названию дерева, под которым обычно растет гриб, 2) по цвету шляпки, 3) по месту роста, 4) по способу роста, 5) по времени роста, 6) по климатическим условиям, которые способствуют росту гриба, 7) по свойствам, характерным для плодового тела, 8) по сходству/подобию с другим грибом, 9) по сходству по форме с каким-либо предметом, 10) по сходству гриба с каким-то признаком животного [Саввина 2007: 193–194]. Несколько иные признаки указаны исследователем в автореферате диссертационной работы: 1) по цвету тела; 2) по виду, форме, массе плодового тела; 3) по характеру произрастания; 4) по внешнему виду, схожему с каким-либо бытовым предметом; 5) по внешнему виду, схожему с каким-либо другим растением; 6) по месту произрастания; 7) по свойству, оказывающему какое-либо пагубное влияние на человека и животного; 8) по способности плодового тела выделять какое-либо вещество; 9) по климатическим условиям, влияющим на произрастание растения [Саввина 2010]. Соответствующими названиями актуализируются биологические признаки ‘вкус’, ‘место произрастания’, ‘цвет’, ‘способ произрастания’, ‘время произрастания’, ‘условия произрастания’ (здесь — погодные и климатические), ‘особенности строения’, ‘форма’, ‘особенности употребления’, ‘свойство, воспринимаемое осязанием’.

Выводы диалектологов формально несколько расходятся, т. к. исследователи исходят из разного понимания мотивационных и семантических моделей, мотивационных признаков, придают им разную степень абстрактности (абстрагированности от частных признаков реальности и от производящих лексем). Кроме того, возможно, на выводы влияет количество обработанных лексем, имеющих несходные денотаты. Вместе

с тем обращает на себя внимание совпадение выделяемых основных признаков, мотивирующих номинации грибов.

Результаты варьируются также при изучении названий одного вида грибов в разных говорах.

В настоящем случае в качестве мотивем выступают существительные, прилагательные и глаголы. Отсюда основные понятийные мотивационные типы: 'предмет' > 'гриб', 'признак' > 'гриб', 'действие' > 'гриб'. По признаку актуализированности внутренней формы выявляемые модели можно разделить на ясные и затемненные.

Исследованные нами миконимы отвечают ряду семантических моделей и способствуют актуализации нескольких признаков обозначаемой реалии. Расположим их в порядке убывания частотности реализации модели.

1. Ясные мотивационные модели

1) 'Животное, часть тела животного' > 'гриб': *бык, бык-соловѣк, бычѡк, быкѡн, быкѡвик, бычечка, вол, волѡвѣк, волѡшка, вѡлѡй, волѡята, волѡн, волѡнка, волѡвѣтик, волѡйка, зѡйчик, зѡячьи грѡзди, корѡветник, корѡвка, свинѡрѣ, свинѡрка, свинѡрѡйка, свинѡшка, халѡй, холѡй, халѡян, холѡян, холѡянка, хорѡшѣ; корѡвѣе копѣто, свинѡе ѹхо, свинѡчье рѣло, хруль*. Лексические мотиваторы (далее — ЛМ) — *бык, вол, заяц, корова, свинѡя, хѡра* 'некладеный баран или олень, бык' (Даль 4: 1220), *халѡй* 'чурка, свинка, для игры в городки' (Даль 4: 1164), *хруль* 'бабка, костыга, козан' (Даль 4: 1236), *копѣто, ѹхо, рѣло*. По мнению В. А. Меркуловой «модель 'животное' → 'гриб' не менее трудна для определения, но исключительно широко представлена. Она, во-первых, может выражать отношение сходства по любому признаку: форме, цвету, свойствам и т. д. (...) Во-вторых, та же схема используется в том случае, когда обозначается несъедобность или малоупотребительность гриба для человека (...) Возможно, такого происхождения слово *волѡй* («воловий гриб») из др.-

русск. волуи ‘воловий’⟨...⟩ В-третьих, эта модель может выражать отношение, показывающее съедобность данных видов грибов для животного, эта возможность представляется наименьшей. Какой из трех описанных типов отношений присутствует в каждом конкретном случае, определить трудно» [Меркулова 1967: 157–158]. Предполагаем, что проявлением первого типа отношений служат названия *корбѡвѡе копѡто*, *свинѡе ѹхо*, *свинѡчье рыло*, *зѡйчик*, *зѡячьи грѹзди*, второго и третьего типа отношений — названия с корнем *бык-*, *вол-*, *свин-*, *хорюши*. Мотивационные признаки (МП) — ‘форма’, ‘цвет’, ‘хозяйственная ценность’.

2) ‘Возвышение’ > ‘гриб’: *вал*, *валуѹга*, *валуѹшко*, *валѹша*, *валуѹк*, *вѡлѹѹй*, *вѡлѹн*, *валѹѹка*, *вѡлѹх*, *валѡвѹк*, *валѹшка*, *валуѹк*. ЛМ — *вал* ‘насыпь’. Констатируем наличие внутренней формы названий, указывающей на особенности шляпки молодого, еще не раскрывшегося валуя. МП — ‘форма’.

3) ‘Свойство, воспринимаемое осязанием’ > ‘гриб’: *гладѹха*, *гладѹшка*, *склизѹн*, *слѡнѡвѹѹй*, *соплѹвик*, *соплеѹк*, *соплѹвник*, *соплѹвчик*, *соплѹвѹѹй*, а также *волгѡнка*, *волжѡнка*. ЛМ — качественные *гладкий*, *склизкий*, *слѡнѡвѹѹй*, *сопливѹѹй*, *волганѹѹй, *волжанѹѹй (ср. *волгкий*, *волгнѹѹй*, *волговатѹѹй* ‘влажный, сыроватый, отсыревший’ (СРНГ 5: 37)): валуй, особенно после дождя, покрыт обильной слизью, а за счет осклизлости возникает представление о том, что шляпка этого гриба влажная и гладкая. МП — ‘свойство, воспринимаемое осязанием’.

4) ‘Часть тела человека’ > ‘гриб’: *губѡрѹ*, *кулѡк*, *кулачѡк*, *елдѡк*, *евдѡк*, *ѡлдак*, *елдачѡк*, *ѡвдак*, *лобѡн*, *устѡха*, *устѡшка*. ЛМ — *губа*, *кулак*, *лоб*, *елда* ‘membrum virile’ (Фасмер 2: 13), *уста* ‘губы’: хозяйственную ценность имеют прежде всего молодые валуи, с еще не раскрывшейся шляпкой, откуда метафорическое сравнение их с выпуклыми и округлыми или собранными в определенную фигуру частями тела человека. Сходство молодого гриба, имеюще-

го шаровидную шляпку и бочонковидную плотную ножку, с мужским половым органом послужило мотивом для использования в живой народной речи соответствующего табуированного наименования. МП — ‘форма’.

5) ‘Квалитативное наименование человека’ > ‘гриб’: *бо-ян, волынец, гусак, обманщик, окулька, урюпыш, урюпа, хлуй*. ЛМ — *бян* (ср. *бян* ‘трусливый, пугливый человек’ (СРНГ 3: 143)), *волынец* (ср. *волынец* ‘своевольник, вольный гуляка, сорванец’ (СРНГ 5: 83)), *гусак* (ср. *гусак* ‘о надутом глупом человеке’ (БАС 3: 505)), *обманщик, окула* (ср. *окула* ‘плут, обманщик’ (СРНГ 23: 172)), *урюпа* (ср. *урюпа* ‘неряха, разгильдяй, замарашка’, ‘хныря, хныкала, нюня, рева, плакса’ (Даль 4: 1064)). Названия апеллируют к представлениям о том, что трусам свойственно плакать, вплоть до выделения слизи из носа, и приобретать неопрятный вид, что характерно также для неряшливых и плаксивых людей, а валуи имеют неприятную на ощупь осклизлую поверхность, и это также создает впечатление неопрятности, способной вызывать брезгливость. Грибу валую свойственно «своевольно» ежегодно менять место произрастания. Кроме того, валуй вводит в заблуждение своими внешними особенностями, его легко спутать с некоторыми грибами. Таким образом, в названиях обнаруживаются мотив внешней неопрятности, мотив самопроизвольности действий, мотив обмана.

Предполагаем, что название *гусак* ассоциативно связывает представления о бочонковидной, «раздутой» ножке гриба и о чванливом, напыщенном, «надутом» человеке. Можно допустить, что лексический мотиватор наименования *гусак* — *гусь*, и тогда в названии реализована модель ‘птица’ > ‘гриб’: такое название могло быть вызвано отдаленным сходством молодого гриба, имеющего белое плодовое тело и желтоватую шляпку, с этой птицей, имеющей белое оперение и оранжевые клюв и лапки. Возможные актуализируемые признаки гриба в таком случае — ‘цвет’, ‘форма’. Однако вторую гипотезу мы считаем маловероятной из-за непродуктивности

данной модели в названиях валуя и грибов в целом. Метафорическое происхождение наименования считаем предпочтительным.

МП — ‘цвет’, ‘форма’, ‘свойство, воспринимаемое осязанием’, ‘способ произрастания’.

6) ‘Дерево’ > ‘гриб’: *берёзовик, берёзовка, подберёзовик, поддубёшник, тополёвые, тополёвая рядбвка*. ЛМ — названия пород деревьев *береза, дуб, тополь*: валуй растет преимущественно в лиственных (березовых и дубовых) лесах. МП — ‘место произрастания’.

7) ‘Производить характерный звук’ > ‘гриб’: *скрипун, скрипница, хрустина, хрустюшка, хрюстюшка, хрустяшка*. ЛМ — глаголы *хрустеть, скрипеть*: сбору обычно подвергаются молодые грибы с крепким плодовым телом, которое издает скрип при срезании, а при поедании после засолки — хруст (ср.: *Валу́й краси́вый, кре́пкий — как ко́стяной. Его ре́жешь, а он скри́пит* (Моск.)). МП — ‘свойство, воспринимаемое на слух’.

8) ‘Предмет посуды’ > ‘гриб’: *ку́бик, кубы́шка, стака́н, толка́ч, толка́чик, толокони́ца*. ЛМ — *кубик, кубы́шка* (ср.: *куб* ‘большой, обычно глиняный, сосуд, горшок, служащий для разных хозяйственных надобностей’, ‘большой горшок с узким горлом’, а также *куб* ‘кочан капусты’ (СРНГ 15: 375), *кубик* ‘посуда для молока’, ‘котел для кипячения воды’, ‘небольшой самовар, самоварчик’, а также *кубик* ‘наземный плод картофеля’ (СРНГ 15: 382), *кубышка* ‘глиняный с узким горлом кувшин для хранения чего-либо’, ‘бутылка’ и др. значения (СРНГ 15: 386–387)), *стакан, толкач, толкачик* (ср.: *толкачик* ‘пест для толчения, дробления чего-либо’ (СРНГ 44: 188)), *толоконица* (ср.: *толоконица* ‘посуда для хранения толокна’ (СРНГ 44: 203)). Все такие названия гриба валуй связаны с наименованиями сосудов, которые напоминает гриб, причем в перевернутом виде, ножкой кверху (ср. также: *Быжи сначала рюмочкой, стаканчиком, а прозеваешь — шаньгой распль-*

вѣтся (Волог.); *Волынцы как вот картошина, горшоуцьком, те уж хорошеньки* (Арх.); под.). МП — ‘форма’.

9) ‘Вязкая жидкость’ > ‘гриб’: *слизняк, слизун, соплюха, сопляк, соплюшка*. ЛМ — *слизь, сопля*: при влажной погоде валуй становится очень слизким; вследствие этого информантами как особый признак отмечается в описаниях то, что гриб почти невозможно удержать в руках, неприятно брать, а потом и употреблять в пищу (ср.: *Гриб сопливик, неприятно брать его* (Сверд.); *Сопливики трудно чистить, потому что они скользкие* (Удм.); *Валуй раньшо-та вообще не брала: скользок, всё одно как поганка* (Влад.); *Уж больно плохо сопливики собирать: больно липнут* (Нижегор.); *Сопливик, я его не люблю: невкусный, да и пока срежешь, весь иссопливится* (Нижегор.); *Сопливик скоро ешио не сорвѣшь, у нѣго шляпка скользка* (Нижегор.); *Холуи мало кто срывает: они каки-то сопливы* (Нижегор.); др.). Отсюда большой набор наименований, связанных с лексемой, имеющей негативные коннотации (*сопля*). МП — ‘свойство, воспринимаемое осязанием’.

10) ‘Цвет’ > ‘гриб’: *желтѹха, жѣлтый гриб, желтѹк, соловѣй*. ЛМ — соответствующие названия цветов ((*жѣлтый, соловой* ‘желтовато-серый’ (Фасмер 3: 712)). МП — ‘цвет’.

11) ‘Обрабатывать определенным образом’ > ‘гриб’: *помойник, квашѣнник, квашѣнка, мочѣник*. ЛМ — *помыть, квасить, мочить* ‘вымачивать перед засолкой’: валуй используют только в соленом виде после предварительного вымачивания в воде и (или) отваривания, что послужило причиной использования процессуальной лексики. МП — ‘особенности использования (обработки)’.

12) ‘Предмет определенной геометрической формы’ > ‘гриб’: *кубарь, кубарик, шарик*. ЛМ — *кубарик, кубарь* (ср. *кубарь* ‘деревянный шар’, ‘катыш, шарик’ (СРНГ 15: 377)), *шарик*: очевидна связь названий с шаровидной формой шляпки молодого валуя. МП — ‘форма’.

13) 'Группа предметов' > 'гриб': *пучка́ри, рядо́вка, то-полёвая рядо́вка*. ЛМ — *пучок, ряд*: валуи нередко образуют большие скопления. МП — 'способ произрастания'.

14) 'Предмет неживой природы' > 'гриб': *валу́нец, валу́нник*. ЛМ — *валун* 'большой камень округлой формы'. Внутренняя форма названий вновь указывает на особенности шляпки, а также, вероятно, цвета молодого валуя. МП — 'форма', 'цвет'.

15) 'Место' > 'гриб': *земляну́шки, боро́вик*. ЛМ — *земля, бор/боровой*: валуи нередко растут в борах (там же, где и белые грибы), но способны появиться на открытой земле, не покрытой растительностью. МП — 'место произрастания'.

16) 'Гриб' > '(подобный ему) гриб': *за́ячьи гру́зди*. ЛМ — название гриба *груздь*, с которым валуй имеет некоторое сходство (возможно, не случайно поэтому пересечение и таких, например, наименований, как *скрипи́ца, сви́нушка* 'валуй' и *скрипица* 'гриб рода млечников', *сви́нушка* 'гриб семейства сви́нушковых', известный также как *чёрный груздь*; эти грибы не менее трудно отличимы от груздя; ср. также: *Валуй — что-то между чёрным и белым груздем* (Новгор.); *Неопытный грибник с кулаком груздь путает* (Влад.); под.). МП — 'особенности строения'.

17) 'Предмет мебели' > 'гриб': *сту́льчик*. ЛМ — *стул, стульчик* (ср. также: *стульчик* 'обрубок дерева, чурбан', 'короткий обрубок толстого бревна, поставленный стоймя и употребляемый вместо стула', 'толстый и невысокий обрубок бревна' (СРНГ 42: 92, 87)). Вероятно, и здесь обнаруживается ассоциативный перенос названия предмета по сходству с ним перевернутого молодого гриба валуя. МП — 'форма'.

18) 'Палка, жердь' > 'гриб': *тычо́к*. ЛМ — *тычок* (ср.: *тычок* 'заостренная палка, кол' (СРГК 6: 545), 'торчок, копыл, рожон, колышек, пенек, все, что торчит тычком, стойком, колом' (Даль 4: 886), 'сухой остроконечный прутик, торчащий одиноко' (Добровольский 1914: 923)). Возникновение

такого наименования, очевидно, обеспечено ассоциативной связью гриба валуй, заметно возвышающегося над поверхностью земли, с соответствующими реалиями. МП — ‘форма’.

19) ‘Кушанье’ > ‘гриб’: **чѳбрик**. ЛМ — **чѳбрик** (ср. **чѳбрик** ‘род пышек; блинки, пряженцы, олады’) (Даль 4: 1337): едва ли не единичный случай номинации старого гриба, шляпка которого из шаровидной превращается в распростертую и действительно очень напоминает блин и подобные виды кушаний (ср.: *Быки сначала рюмочкой, стаканчиком, а прозеваешь — шаньгой расплывѳтся* (Волог.); *Есть ещѳ, как их, кульбики ещѳ есть. А на вкус он на груздя походит. Бычки. А когда они сильно перерастут, они свои крыльья направляют, и вот такие большие* (Перм.)). МП — ‘форма’.

20) ‘Предмет одежды’ > ‘гриб’: **колпѳк**. ЛМ — **колпак**: иногда шляпка молодого гриба принимает вытянутую форму и очень походит на указанный головной убор. МП — ‘форма’.

21) ‘Растение’ > ‘гриб’: **бѳльбик**. ЛМ — **бульба** ‘картофель’ (СРНГ 3: 273): желтая, желтовато-бурая шаровидная шляпка молодого валуя напоминает плод картофеля. МП — ‘форма’.

22) ‘Иметь определенную форму’ > ‘гриб’: **вѳюл**. ЛМ — **вѳться**: края шляпки молодого валуя загибаются внутрь (ср. также: *Валуй очень горький, завивши, как клубок* (Пск.)). МП — ‘форма’.

23) ‘Перемещаться определенным образом’ > ‘гриб’: **катѳх**. ЛМ — **катѳть/катѳться**: усматриваем здесь связь с округлой формой шляпки молодого гриба. МП — ‘форма’.

II. Затемненные мотивационные модели

1) ‘Гриб’ > ‘парономаз (сходное по звучанию слово)’ > ‘гриб’: **балѳй, забалѳй, обалѳй, балѳйка, забалѳйка, завалѳйка, обалѳйка, балѳедка, балѳечка, балѳечек, забалѳдѳй, обалѳдѳй; хрѳстѳшка, хрѳстѳшка**. ЛМ — **валуй, хрѳстѳшка**. МП не определяется.

2) ‘Заимствование’ > ‘гриб’: *кўльбик, кўльвик, кўль-ник, кўрбик, кўльбак, кульба́ка, кулеба́ка, кулюба́ка, кўльбыш, кульбѣшка, кольбѣшка; міндуль* (вероятно, из коми-пермяцкого языка, т. к. ареал распространения ограничивается преимущественно Пермским краем, а также примыкающими районами пограничных областей). Лексические мотиваторы и мотивировочные признаки не определяются.

3) ‘Неясная лексика’ > ‘гриб’: *балелѣй, балѣк, балѣк, барда́к, бардачо́к, валхѣн, хлѣй*. Лексические мотиваторы и мотивировочные признаки не определяются.

4) ‘Имя собственное’ > ‘гриб’: *васѣха, исаковѣцы, сысѣя, дѣнюшка*. ЛМ — *Васюха* (из Василий), *Исак* (из Исаак), *Сисой, Дуня/Дунюшка* (из Евдокия). Согласимся с В. А. Меркуловой в том, что прямая связь ‘имя собственное’ > ‘название гриба’ маловероятна и наиболее близки к действительности схемы типа ‘неповоротливая, нескладная’, ‘неряха, ротозей’ > ‘гриб’ [Меркулова 1967: 185], т. е. такие, в которых название гриба опосредуется метафорическим, переносным употреблением оного. Однако не всегда есть возможность определить основание для переноса (но ср. выше *окўлька*), именно для таких случаев выделена данная модель. МП не определяется.

5) ‘Месяц (в году)’ > ‘гриб’: *февраль*. ЛМ — *февраль*. Фиксации в 5 различных областях и республиках России (Костромской, Саратовской, Воронежской, Волгоградской областях, республике Марий Эл) заставляют отвергнуть версию об их ошибочности. МП не определяется.

Мы допускаем спорность отдельных предложенных этимологий, в связи с чем предложенная классификация может уточняться. Сомнение может вызвать, например, определение лексемы *уста* в качестве лексического мотиватора наименований *устѣха, устѣшка*. Наиболее спорна по наполнению группа наименований с радикасом *вал-*, поскольку допускает различные мотивационные (и этимологические) свя-

зи. Во-первых, здесь возможна контаминация корней *вол-* (*волуй* и производные в таком случае отражают невысокую хозяйственную ценность гриба, имеющего горьковатый вкус, требующего специальной длительной обработки и годного для животных, но малоупотребительного людьми) и *вал-* 'насыпь' (*валуй* и его производные здесь — названия, которые отражают округлую форму шляпки молодого гриба, т. е. такого, какой обычно используется в пищу); форма *валуй* в этом случае — результат воздействия акающего произношения. Во-вторых, возможно семантическое развитие корня *вал-*, который обнаруживаем в наименованиях кого-, чего-либо, не имеющего либо лишенного хозяйственной ценности, а также в номинациях ленивых или глупых (т. е. также «бесполезных») людей, ср.: *заваль* 'что-либо ненужное, хлам; совсем изношенная одежда, обувь' и 'ничтожные люди, сброд' (СРНГ 9: 294), а также *валуж* 'кастрированный баран или бык', 'о годовалом ягненке' и 'нерасторопный, неповоротливый человек; лентяй', 'дурак' (СРНГ 4: 31), под. Данная группа названий требует специального изучения.

Обзор мотивационных моделей и актуализируемых с их помощью признаков реалии позволяет сделать следующие наблюдения.

Наиболее продуктивен предметный мотивационный тип (22 модели), единичны процессуальный (4 модели), атрибутивный (1 модель); одна модель ('неясная лексика' > 'гриб'), возможно, реализует несколько мотивационных типов. Число миконимов, имеющих ясные мотивировочные признаки, в изученной микрогруппе составляет 129 единиц, т. е. 77%. В говорах ограниченных территорий количество лексем с прозрачной внутренней формой может быть выше; например, в елецких говорах такие единицы составляют 85,6% [Саввина 2009: 18]. Но в наших материалах, охватывающих говоры значительных территорий, среди 36 неясных лексем (23%) велико количество фонетических вариантов и вариантов типа паронимов; например, имеется 15 вариантов основного

наименования *валуй*, 10 вариантов заимствованной лексемы *кульбик*. В целом неясные наименования гриба валуй в русских говорах репрезентируют всего 9 инвариантов.

Выделяется наиболее продуктивная модель номинации гриба валуй (тип I, 'животное, часть тела животного' > 'гриб', 35 единиц), группа средних по продуктивности моделей, которым отвечает от 4 до 16 единиц (тип I, модели 2–11; тип II, модели 1–4), группа малоупотребительных моделей (тип I, модели 12–23; тип II, модель 5).

Однокоренные мотиваторы, отражающие сходные признаки гриба, могут реализовывать различные семантические модели (ср. *сопля* и *сопливый*, тип I, модели 9 и 3).

Биологические признаки в разной степени и разными способами отражаются в речи диалектоносителей. Так, например, форма очень часто мотивирует название гриба. В то же время подверженность заражению паразитами отмечается диалектоносителями, но только в устном описании (*Валуй быстро червивеет* (Твер.); *Кулаки — грибы очень гнилые, червяк их любит* (Влад.); *Кулаки растут друг к дружке, их много, да червивы* (Нижегор.); *Валуй — желтоватый гриб. Они чаще всего червивы* (Моск.); *Холуй всегда червивый* (Влад.); и т. п.), в номенклатурных единицах данный признак отсутствует. Номинаторами чаще отмечаются (очевидно, как наиболее значимые) шаровидность шляпки молодого гриба, характерный для него цвет и осклизлость. Кроме того, нами замечено, что наименования отражают признаки гриба в разные периоды созревания, однако наибольшее количество номинаций связано с обозначением молодого, т. е. наиболее актуального для засолки, гриба. При этом такой важный МП, как 'хозяйственная ценность' гриба чаще отражается косвенно — через номинации, апеллирующие к представлениям о животных, их ценности и ценности частей их тела.

Сходные мотивы могут передаваться различными способами. Единицы, отвечающие модели 'животное, часть тела

животного' > 'гриб', интересна, в частности, тем, что среди них обнаруживаются наименования, свойственные другим грибам. Появление омонимов связано со сходством гриба валуй в начале роста с белым грибом (*корóветник, корóвка*), затем — со свинушкой (*свинáрь, свинúрка, свино-рóйка, свинúшка*) и груздем (*скрипíца, зáячьи грúзди*). Любопытно, что отражение сходства с белым грибом проявляется также в существовании метафорических названий, отсылающих к форме денотата и семантически связанных с наименованиями игральные кости: ср. *хруль, халу́й* (также 'валуй') и *бабка, бойки, пан, коровка* (также 'белый гриб боровик'), что опять же свойственно, в первую очередь, наименованиям белого гриба. Сходство реалий может отражаться не только лексическими (омонимичными) единицами, но также семантическими (метафорическими) средствами. Показательно в этом смысле наименование *обманщик*: валуй вначале настолько похож на белый гриб, а затем на груздь, что способен ввести в заблуждение неопытного грибника (ср.: *Валуи вот жёлтоватые, крепкие грибы, вроде груздёв белых* (Твер.); *Валу́й тоже типа белого груздя* (Моск.); *Кулак издалика похож на белый гриб* (Волог.); *Стакан... похож немного на белый гриб* (Яр.); *Помню, еще девочкой была, нашла в роще уйму грибов, набрала. Думала, белые, а маманя посмеялась: всё оказались валуи* (Тамб.); *Соплюху-то с боровиком спутать можно* (Влад.); *Думала, белый, а это валуя* (Влад.); под.).

Названия гриба валуй (аналогично иным миконимам) показывают, что его признаки, актуализируемые номинаторами — носителями наивного сознания, количественно уступают признакам, актуализируемым в научном описании. При этом один и тот же признак может актуализироваться разными лексемами и разными семантическими моделями. Наиболее востребован признак 'форма', который обслуживают 14 моделей номинации; в названиях 4 моделей отражается цвет гриба, в названиях 3 моделей — свойства гриба, воспринима-

емые осознанием. По две модели обслуживают признаки ‘способ произрастания’ и ‘место произрастания’. Единичные модели обслуживают признаки ‘свойство, воспринимаемое на слух’, ‘особенности использования (обработки)’, ‘особенности строения’. Иными словами, наименования гриба валуи отражают преимущественно внешние особенности реалии.

Выявленные мотивационные модели и мотивирующие признаки соотносимы с основными моделями и признаками (кроме признаков ‘условия произрастания’, ‘вкус’), обнаруженными другими исследователями на материалах иных территорий и в названиях иных грибов. Вместе с тем неоспорима специфичность интересующих нас названий.

Вероятно, экстралингвистическими факторами объясняется то, что наши показатели расходятся с показателями, полученными другими исследователями. Так, например, по подсчетам О. Сенк-Шеленгевич, среди наименований грибов в русском языке «особенно продуктивным является МП ‘цвет гриба’: он лежит в основе 23% выявленных наименований, другие МП составляют значительно меньшие группы, например: МП ‘запах гриба’ (примерно 2%), МП ‘звук, который в определенных случаях может издавать гриб’ (примерно 2%) и некоторые другие. Как показывают исследования, самой немногочисленной группой оказался МП — ‘связь названий грибов с явлениями природы’ (примерно 1%)» [Сенк-Шеленгевич 2009: 20]. Ср. также подсчеты Ю. Ю. Саввиной: «Наиболее многочисленны из всех перечисленных групп наименования: 1) по цвету (19%), 2) по запаху (16,4%), 3) по схожести с животными, птицами (12%), 4) по именам собственным (9,2%), 5) по схожести с бытовым предметом (7,9%). Другие группы менее представлены: 1) по внешнему виду, схожему с другим растением (8%); 2) по способности плодового тела выделять какое-либо вещество (7,8%); 3) по наименованию деревьев (7,3%); 4) по фармакологическим показателям (6,8%). Третьи: по климатическим условиям (1%), по особенностям строения растения (1%); по астрономическим и

астрологическим названиям (1,9%) — малочисленны. Представлены фактически единичными лексемами наименования: 1) по терминам родства (0,1%), 2) «числовые» (0,2%), 3) по суеверным представлениям народа (0,2%); 4) по наименованиям православных праздников (0,1%); 5) по названию топонимов (1%); 6) по видам одежды (0,1%)» [Саввина 2009: 20]. Тем самым на названия гриба валуй не распространяются тенденции, характерные для номинации других видов грибов.

Характерно, что и диалектоносителями отмечается множественность актуальных для них как номинаторов признаков гриба, ср.: *У нас гриб кулачок, а где валуи, где холуи. Кулачки, а где называют сопливки. Он же, валуй, завитой; где его найти — точно как кулачок... Хруль, кулачок, соплик — всё одно и то же. Он склизкой* (Нижегор.).

Обращает на себя внимание «включение» реалии в процесс номинации на разных этапах ее сбора, обработки, использования. Наряду с теми названиями, которые отражают специфику растущего гриба валуй и позволяют его идентифицировать в сравнении со сходными реалиями (другими грибами), существует достаточно много единиц, возникших, очевидно, в речи диалектоносителей, собирающих такие грибы и знакомых с его видом после срезания, в перевернутом виде, ср.: *елда́к, евда́к, ёлдак, елдачо́к, ёвдак, кю́бик, кубышка, стака́н, толка́ч, толка́чик*, а также: *Стакан... похож немного на белый гриб... если выломить корешок, повернуть шляпку краями кверху, то шляпка примет вид стакана с круглым дном* (Яр.).

Для номинаций с затемненной внутренней формой характерно образование паронимов, количество которых со временем, очевидно, только возрастает. Однако предпочтение отдается лексике с ясной мотивацией, употребление затемненных наименований закрепляется традицией на определенных, достаточно четко очерченных территориях.

Становится очевидным, что реалии дифференцируются в наивном сознании на основе прагматически обусловленных признаков.

Литература

Блинова О. И. Концепция мотивационного словаря сибирского говора // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 1(5). («Филология»). С. 5–12.

Блинова О. И. Лексическая мотивированность и некоторые проблемы региональной лексикологии // Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Л.: Наука, 1971. С. 92–105.

Богачева М. В. Названия гриба валуй в русских говорах: структура и словообразование (на материале ЛАРНГ) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2011. СПб.: Наука, 2011. С. 344–354.

Голев Н. Д. О некоторых общих особенностях принципов номинации в диалектной лексике флоры и фауны; URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z08.html>

Л 158 Валуй // Картотека «Лексического атласа русских народных говоров».

Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. Травы. Грибы. Ягоды. М.: Наука, 1967. 260 с.

Пермякова Л. А. Миконимическая лексика пермских говоров: семантический, ономаσιологический и лингвосемиотический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2012. 18 с.

Саввина Ю. Ю. Тематическая группа «Грибы» в елецком говоре // Европейские языки: историография, теория, история: межвуз. сб. науч. тр. Елец, 2007. Вып. 6. С. 191–196.

Саввина Ю. Ю. Фитонимическая лексика елецких говоров: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2009. 26 с.

Сенк-Шеленгевич О. Структурно-семантическая организация и функционирование номинаций грибов в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.

Диалектный ландшафт Лабинского района Краснодарского края (по материалам полевой экспедиции)*

О. Г. Борисова, Л. Ю. Костина

В статье представлены результаты диалектологической экспедиции в Лабинский район Краснодарского края: охарактеризованы фонетические и морфологические черты говора, продемонстрированы основные тематические группы диалектной лексики, отмечены зафиксированные локализмы.

Ключевые слова: говоры вторичного образования, кубанский диалект, лингвогеография, диалектная лексикография, региональный компонент

В июле 2013 года была проведена диалектологическая практика студентов филологического факультета Кубанского госуниверситета в Лабинском районе Краснодарского края. В ходе полевой экспедиции были обследованы говоры казачьих станиц Новой линии: Ахметовской (1861 г.), Владимирской (1848 г.), Вознесенской (1841 г.), Зассовской (1853 г.), Каладжинской (1861 г.), Отважной (1859 г.), Упорной (1857 г.), Чамлыкской (1841 г.). Поясним, Новая линия — особый род казачьих пограничных поселений, основанных при захвате русскими Кавказских предгорий. Все они населялись казаками из прежних станиц Кавказского линейного войска, из упраздненных станиц Ставрополя, выходцами с Дона и Терека. Новая линия называлась также Лабинской линией. Её станицы в первое время попадали в непосредственное соседство с побежденными, но непокоренными горскими племенами, которые непрерывно следили за казаками,

---

* Статья публикуется при поддержке гранта РГНФ № 14-14-23001.

часто нападали на их поселения. Казаки не могли заниматься земледелием, жили в стенах городков, как в осаде, питались казенным провиантом, приходившим периодически под конвоем, и даже за водой к речкам выходили с вооруженным прикрытием. В 1860 г. станицы Новой линии вошли в состав Кубанского казачьего войска. Началось дальнейшее продвижение за Кубань и Лабу, станицы оказались в тылу, и жители смогли пользоваться благами относительно мирной жизни, заниматься сельским хозяйством.

Все обследованные станицы входят в Лабинский район, образованный в 1924 г. В августе 1953 г. в его состав вошли населённые пункты упразднённого Упорненского района с центром в станице Упорной. В ходе экспедиции были опрошены 90 человек, относящихся к разным возрастным группам. Все наши информанты — коренные жители Лабинского района, составляющие диалектное сообщество, то есть «относительно замкнутый социум с тесными связями между его членами и особо значимыми межличностными отношениями, обладающий целостной, «наивной» картиной мира» [Белякова 2005: 65]. Все они осознают отличие своей речи от кубанской *балачки* (кубанского говора с украинской языковой основой). На вопрос диалектолога, *балакают* ли в станице Зассовской, участники местного фольклорного коллектива возразили: *У нас чистая рэчь*. Между тем носители диалекта отмечают особенности своего говора, противопоставляя его как *балачке*, так и литературному языку, о чём свидетельствуют устойчивые оппозиции глаголов: *говорыть* 'разговаривать на местном диалекте с южнорусской языковой основой' / *балакать* 'разговаривать на диалекте с украинской языковой основой' и *разговарывать* 'говорить на литературном языке': *Мы гаварым, а вы разгаварываити*.

Говор Лабинского района имеет южнорусскую языковую основу, что обусловлено историей заселения. На фонетическом уровне наиболее устойчивыми оказались: поддерживаемое литературной нормой аканье, спорадическое яканье,

фрикативное [г], sporadическое прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычного [к] (*маленькя, Ванькя*), протетическое [в] (*вокно, вулица, вугол, вон, вона*), замена предлога **в** на **у** слоговое (*у магазин, у школу*). Фонема <ф> в речи представителей традиционного слоя заменяется сочетанием **хв** перед гласным и **х** перед согласным (*хворель, кохта*). Яркой произносительной чертой исследуемых говоров является веляризация [р] перед гласными переднего ряда (*р[э]чка, пр[ы]мак*). В речи пожилых людей последовательно отмечается замена [д] на [ж] в глаголе *видеть*: [*вижыть — вижышь, вижыти*].

На морфологическом уровне достаточно последовательно сохранились: окончание **-ы** в именительном падеже множественного числа существительных среднего рода (*вокны, колёсы, вёдры*), флексия **-е** в родительном падеже у существительных первого склонения (*у куме, у вдове, у сестре*). В д. п. у существительных 3-го склонения наряду с литературным окончанием **-и** употребляется **-е** (*по грязе*). Достаточно устойчива, как показывают наблюдения, флексия **-у** в п. п. ед. ч. у сущ. 2-го склонения. Прочные позиции флексии **-у**, характерной ещё для древнерусского языка, вероятно, обусловлены тем, что она до сих пор существует и русском литературном языке, и в южнорусских говорах. В кубанских говорах окончание **-у** чаще всего встречается у существительных с локально-временным значением: *У крисцу питнацать снапов* (ст-ца Вознесенская). *Квочка — лук. Многа зубков на луку* (ст-ца Засовская). *На паталку лук складали* (ст-ца Упорная). Одной из ярких грамматических черт кубанского диалекта являются дублетные окончания **-ам** и **-ах** у сущ. мн. ч. с предлогом **по** при глаголах любого лексического значения. Вариативность флексий вызвана тем, что носители диалекта могут использовать в указанной конструкции как дательный падеж, так и предложный. Принимая во внимание, что употребление п. п. в данном случае характерно для украинского языка XIX века

и его восточных говоров (в них предложный падеж русского языка соответствует местному падежу) и не характерно для современного русского языка и южнорусского диалекта, в том числе донского, логично признать флексию *-ах* в кубанских говорах с южнорусской языковой основой влиянием на них говоров с украинской языковой основой (*по банках, по больницах, по врачах, по домах, по наймах, по родниках*).

Наблюдается переход существительных среднего рода в категорию женского (*У мня **п**латья адна была всю жызнь*). Как известно, средний род — неустойчивое звено в морфологической системе русского языка. Однако не приходится говорить о разрушении категории среднего рода в изучаемом говоре, поскольку данное явление зафиксировано исключительно в речи информантов, относящихся к традиционному слою диалектоносителей.

Записи диалектной речи демонстрируют, что диалектные указательные местоимения в речи диалектоносителей сосуществуют с литературными вариантами: *Малинький — **энта** бздюха... Касьё — **энта** ручка касы* (ст-ца Владимирская). *Эта* *щас* *калязачки* *у* *дителей*, *а* *раньшы* *не* *была* (ст-ца Каладжинская). Высказывается предположение, что диалектные указательные местоимения *э(е)нтот*, *э(е)ента*, *э(е)нти* возникли в результате «вклинивания» предлога *на* между частицей *э*, входящей в состав местоимения *этот*, и местоимением *тот*: *э* + *н(а)* + *тот* = *энтот* [Русская диалектология 2006: 154].

В сфере глагола сохраняется яркая южнорусская черта — мягкое [т'] в окончаниях третьего лица единственного и множественного числа (*высохнуть, идёт, идут, уьёт*). Обращает на себя внимание удвоение приставки *по-*. В южнорусских говорах, в том числе и кубанских с южнорусской языковой основой, широко функционируют диалектные глаголы с дополнительным префиксом *по-*. В лексемах, образованных от приставочных глаголов с *по-*, реализуются

собственно диалектные способы действия, не имеющие соответствия в литературном языке [ср. Русская диалектология 2005: 170]. Представляется обоснованным рассматривать подобную последовательность элементов *попо-* как производную приставку, функционирующую в диалектной словообразовательной системе. Семантика данных глаголов связана с аспектуальным признаком интенсивности, который проявляется в виде значений усиления/ослабления действия, в выражении которых принимают участие элементы контекста, например: *попоразвезаться* (*Я адна жыву: дети фсе напаразвезались*); *попомереть* (*Радни нима, папамёрли фсе*). См. также: *попоболеть*, *поподелать*, *поподелитъ*, *попоестъ*, *попожечь* и др. Устойчиво сохраняется особая форма инфинитива с удвоенным формообразующим суффиксом у глагола *идти* и его производных: *идтитъ*, *пойтитъ*, *прыйтитъ*. Отмечается замена глагольного суффикса несовершенного вида *-ыва-/-ива-* суффиксом *-а-* в словах типа *накладать*, *обеспечать*, *раскладать*, *складать*. Распространены формы страдательных причастий с суффиксом *-т-*: *поломатый*, *порватый*, *ранетый*. Употребляются образованные от возвратных глаголов деепричастия с суффиксом *-вши* в предикативной функции (*наевши*, *обувши*) с отсутствующим постфиксом *-ся*, выражающим залоговые отношения: *Пастухи харашо пасли: и карова прыдѣт наефшы, и тилѣначик прыдѣт наефшы*. Зафиксирована форма деепричастия с суффиксом *-миш*, характерным для говоров южнорусского наречия (*сземмиш*).

На синтаксическом уровне обращает внимание последовательное использование предлога *до* + р. п. вместо *к* + д. п. (*до бабулики*, *до кумы*); предлога *за* + в. п. вместо *о* + п. п. при глаголах речи, мысли, чувства (*рассказать за родителей*); предлога *от* + р. п. вместо беспредложного р. п. при сравнительной степени прилагательных *старше*, *моложе*, *младше* (*Она старше от ей*); предлога *с* вместо *над* с гла-

голами *смеяться, издеваться* (*смеяться с неё*); предлога *с* вместо *от* с р. п. (*с родов умерла*).

Основной целью экспедиции был сбор лексического материала, осуществлявшийся разнообразными методами, ведущими из которых являлись беседа на заданную тему и опрос по Программе ЛАРНГ. При работе с информантами — участниками фольклорного коллектива ст-цы Зассовской — применялся также «метод мозгового штурма», успешно апробированный в полевой экспедиции в Щербиновский район (2012 г.). Названный метод заключается в привлечении одновременно нескольких информантов разных возрастных и социальных групп, которым даётся установка на выявление диалектных лексических единиц, характерных для данного населённого пункта. В целях достижения максимальных результатов важным условием является создание естественной, непринуждённой обстановки общения [Борисова, Костина 2012: 108]. Помимо традиционных способов впервые использовался опрос с опорой на региональные лексикографические источники (СКГВ; РГК), отражающие диалектную лексику и фразеологию, собранную именно на юго-востоке края в ходе экспедиций прошлых десятилетий. Так, в ст-це Упорной в полуторачасовой беседе со Стасевской Анастасией Антоновной (1940 г. р.) записывались реплики-реакции на слова-стимулы, отобранные из указанных словарей. А. А. Стасевская оказалась лингвокреативной языковой личностью, что нашло отражение в её ответах, представляющих собой яркие речевые зарисовки, в которых значение слов и устойчивых выражений раскрывалось через ситуативный контекст. Приведём некоторые реплики-реакции.

Прискипаться как баран. Ну, гаварят так: *прискипался как баран. Ну, баран жы, как он он жы прискипался: пака иму шо ни дашь с руки, он ни атайдѣть, будит итти за табою. Эта у нас первая была паговорка: «Што ты да мне прискипался как баран?»*

Тумак тумаком. *Тумак тумаком. Ну что и, какой человек.. В школу не ходил, не ходи, што он понимает? Ну, тумак тумаком.*

Ужасхнутъся. *Ужасхнуца — эта ни удивицца, а вот ужасхнуцца. Ой-ё-ёй, што и я натварыла! Ужас какой! Я аш ужасхнулась!*

В некоторых случаях информант сама давала словам-стимулам экспрессивно-стилистическую характеристику:

Слепондя. *Слипандя гаваряць. Эта груба. Абижаюцца люди. На слипово гаваряць. С азартам прям гаваряць.*

Информант также обращала внимание на многозначность слов и устойчивых выражений, приводя их в соответствующих контекстах:

Жаба цыцки дала. *Ну, ужэ умир чиловек: жаба цыцки дала. А ищэ када борщ испортился, тожэ гаваряць.*

Швайка. — *Сама швайка есть, ана такая круглинькая, загнутая, и канец у ний... Вот раньшы шыли обуфь вот. — А это слово имеет другие значения? — Да. Гаваряць «как швайкой ширнул». Ну вот ударил чиво. Ну и мальчишка, шустрый такой, как швайка.*

Опираясь на содержательную беседу с А. А. Стасевской, нам удалось зарегистрировать у некоторых лексических единиц не отмеченные в региональных источниках дополнительные значения, а также оттенки значения. Так, у УС **как чёрт в баклаге**, характеризующего того, кто находится в состоянии постоянных хлопот и напряжённого труда, на основании контекста — *Как чёрт в баклаге... Ну, эта если грязный такой вылизить аткуда. Павылазили, все в зимле — как чёрт вылизли* — записано значение 'о грязном, перепачканном человеке'. Глагол **ухандокатъся** 'сильно устать, обессилеть от тяжёлой работы' в СКГВ отмечен как моносемант (СКГВ: 234). Из высказывания информанта — *Эты вот ухандокаца — ударицца. Та и гаваряць, вот, в аварю папал, ну и ухандокало иво* — следует, что слово может иметь второй ЛСВ. Диалектизм **подлабунитъся** в СКГВ

зарегистрирован в значении ‘с помощью лесты или показной ласкы добиться расположения кого-л. для выгоды’ (СКГВ: 170). Между тем информант подчеркнул: *Эта падлабуницца мужык тока з жэницине можыт, штоп ана стала иво паллюбовницэй*. Данный контекст, вероятно, свидетельствует о сужении значения диалектизма.

Избранный подход в работе с диалектоносителем позволил во время относительно непродолжительной беседы зафиксировать ценные сведения о степени архаизации слов, а также выяснить новые, не зарегистрированные ранее значения и оттенки значений.

Применение разнообразных методов опроса информантов сделало возможным охватить различные сферы жизни станичников. В беседах с ними традиционно значительная роль отводилась методу ретроспекции, который в 1916 г. Д. К. Зелениным был образно назван способом «пятиться назад в глубь истории (. . .) от нового к старому, исчезнувшему» [Толстой 1997: 313]. Метод ретроспекции строится на постепенной смене картины современного диалектного ландшафта рядом предполагаемых и восстанавливаемых предшествующих ландшафтов.

Собранный материал позволяет выявить наиболее наполненные тематические группы (ТГ):

ТГ «**Человек**», внутри которой выделяется несколько подгрупп. Семья, родственные отношения: *бабунька* ‘(ласк.) бабушка’, *брошенка* ‘женщина, оставленная мужем’, *братка* ‘брат’, *булькатый* ‘о человеке с глазами навыкате’, *двоешки* ‘двойнята’, *деды* ‘дедушка и бабушка вместе’, *диверь* ‘деверь, брат мужа’, *доня* ‘дочка’, *мачуха* ‘мачеха’, *жсинка* ‘жена’, *мамашка* ‘крёстная мать’, *няня* ‘старшая сестра’, *папашка* ‘крёстный отец’, *последушек* ‘последний, обычно поздний ребёнок’, *разводяга* ‘разведённый мужчина’, *свекруха* ‘свекровь’, *своячина*, *своячиня* ‘свояченица’ и др. Внешний вид человека: *грудистая* ‘женщина с большой грудью’, *мужсиняка* ‘крупный мужчина’, *ре[э]птя* ‘пол-

ный неуклюжий человек’, *худак* ‘худой мужчина’, *худаконка* ‘худая женщина’, *худорба* ‘худой человек’, *шиковый* ‘модный, хорошо одетый’ и др. Характер и поведение человека, род занятий: *валаховатый* ‘нерасторопный, неповоротливый человек’, *гыркаться* ‘переругиваться, ругаться’, *додельница* ‘трудолюбивая женщина’, *жалиться* ‘жаловаться’, *замолодчик* ‘старший при молотье’, *каплюжник* ‘пьяница’, *кугут* ‘скупой человек’, *кулёма* ‘неудельный человек’, *ледачий*, *лягавый* ‘ленивый’, *пиндитный* ‘привередливый, капризный’, *портная* ‘портниха’, *прикрепатъ* ‘навязать кому-л. что-л. или кого-л.’, *разбышака* ‘1) разбойник; 2) отчаянный, ничего не боящийся человек; 3) шалун, баловник, негодник’, *рукатый* ‘о человеке, склонном к воровству’, *цикавый* ‘язвительный, острый на язык’, *частишница* ‘женщина, поющая частушки’, *чистотка* ‘чистюля, чрезмерно аккуратная’, *читалка* ‘чтица по покойнику’, *шалюка* ‘женщина непристойного поведения’ и др.

Благодаря созданной собирателями доверительной обстановке удалось зафиксировать и лексику, которая, как правило, не всплывает во время беседы, так как касается интимной сферы жизни информантов. Так, были записаны субстантивированное прилагательное *вре[э]менные* ‘менструация’, несколько диалектных существительных, называющих женские половые органы: *золотник* ‘матка’, *павлинка*, *лепёха*, *хваря* ‘внешний женский половой орган’; а также глаголы *грести* ‘совершать половой акт’, *сделать* ‘сделать аборт’; устойчивое выражение *живот поправлять* ‘помогать при родах’.

ТГ «Обрядовая лексика»: *бояре* ‘(устар.) участники свадебного поезда верхом, на конях сопровождавшие жениха и невесту’, *быки* ‘бутылки со спиртным, перевязанные красной лентой; атрибут свадебного стола’, *вечер* ‘девичник перед свадьбой’, *входины* ‘новоселье’, *гильцо* ‘атрибут свадебного стола: ветки, обмазанные тестом, запеченные и украшенные конфетами и лентами’, *душить курэй, на ку-*

рей 'приходить вечером на третий день свадьбы на куриную лапшу, предварительно собрав кур по дворам гостей', *забивать кол* 'обычай в последний день свадьбы во дворе, где женился последний ребёнок, забивать деревянный кол в землю, оберегающий от разводов и означающий, что в этом доме свадеб больше не будет', *катать родителей* 'шуточный свадебный обряд: катать родителей в тачке по станице, что завершается их купанием в грязи', *кидать белую подушку* 'подбрасывать вверх белую подушку, символизирующую нечестность невесты', *кидать красную подушку* 'подбрасывать вверх красную подушку, символизирующую честность невесты', *кисель* 'блюдо, появление которого на свадебном столе означало конец застолья', *купать родителей* 'шуточный свадебный обряд: купать испачканных в грязи родителей и переодевать их в купленную на собранные гостями деньги новую одежду', *лавки мыть* 'последний день свадьбы, когда гости приходят продолжить застолье под предлогом помочь с уборкой', *платочки вязать* 'обязывать новобранцев носовыми платочками', *своды* 'сватовство', *сорокодневка* 'сороковой день после смерти человека', *хомут надевать* 'надевать на мать нечестной невесты хомут', *шишка* 'свадебная булочка в форме шишки' и др.

ТГ «Народная медицина»: *бабка* 'женщина, лечащая заговорами или травами', *бег* 'опухоль, покраснение', *беркулёз* 'туберкулёз', *болесть* 'болезнь', *бешиза* 'опухоль с нарывом', *волос* 'нарыв на пальце', *выгрызать грыжу* 'лечить грыжу заговором', *выливать* 'лечить молитвой или заговором', *жога* 'изжога', *младенческий* 'детская болезнь спазмофилия', *носить под курэй* 'носить ребёнка в курятник для заговора от ночного крика', *пак(х)олки* 'ангина', *паховая грыжа* 'паховая грыжа', *пупковая грыжа* 'пупковая грыжа', *сибирка* 'гнойное воспаление кожи, которое сопровождается высокой температурой', *сояшники* 'аппендицит', *шептать* 'лечить заговором' и др.

ТГ «**Одежда, обувь и их части, ткани**»: *брыжи* ‘оборки на одежде’, *брыль* ‘соломенная шляпа’, *бухта* ‘собранный у плеча верхняя часть рукава’, *завеска* ‘фартук’, *зон* ‘коленкор, чаще белый’, *зоновая юбка* ‘юбка, сшитая из зона’, *капелюха* ‘тёплая шапка с наушниками’, *кофта* ‘прямолинейная стёганая одежда немного ниже колен, без воротника, с застёжкой на одну пуговицу у горла, с широкими косыми полами, образующими глубокий запах; в полу кофты женщина могла завернуть ребёнка’, *манишка* ‘вышитый ворот рубашки’, *матрёшка* ‘клетчатый платок’, *москвичка* ‘мужская куртка’, *намысто* ‘монисто, бусы’, *парочка* ‘юбка и кофта, сшитые из одной материи’, *плюховая доха* ‘полупальто из плюша’, *подшальник* ‘тёплый головной платок’, *померезжить* ‘украсить мережкой’, *поршни* ‘обувь из целого куска кожи, стягиваемого шнурком у щиколотки’, *спидница* ‘ночная рубашка’, *халоша* ‘часть штанов, надеваемая на одну ногу’, *хромки* ‘хромовые сапоги’, *хустка* ‘фартук’, *чуни* ‘домашняя обувь’ и др.

ТГ «**Пища и напитки**»: *блинцы* ‘блины’, *бурсак* ‘пирожок с сыром’, *вершок* ‘сливки в отстоявшемся молоке’, *вечёрошник* ‘молоко вечернего удоя’, *гандей*, *гандимоз* ‘самогон’, *закваска* ‘кислое молоко, простокваша’, *затирка* ‘суп, сваренный на воде, бульоне или молоке, заправленный мелкими, величиной с горошек, катушками круто замешенного пресного теста’, *кабашная каша* ‘тыквенная каша’, *бурячный квас* ‘свекольный квас’, *кваша* ‘запаренный пшеничный солод, смешанный с фруктами и запечённый’, *квашонка* ‘заквашенное кипячёное молоко’, *кендюх* ‘свиной желудок, начинённый мясом’, *кондёр* ‘густой суп из пшеницы с картофелем на молоке или на растительном масле, заправленный луком, пережаренным с салом; обычно варился во время работы в степи’, *кулага* ‘жидкое кушанье из заваренной муки и сухофруктов’, *ладики* ‘оладии’, *лампасейки* ‘леденцы’, *латун* ‘лепёшка из травы, смешанной с мукой’, *мамалыга* ‘крутая каша из кукурузной муки’, *пас-*

ка 'пасхальный кулич', *пелюска* 'заквашенная кочанами капуста', *перегон* 'обрат', *пирог* 'хлеб', *рака* 'самогон', *рябко* 'суп с фасолью и кукурузной крупой', *свежатина* 'свежее мясо, мясо только что забитого животного, птицы', *сдорое сало* 'нутряное сало', *сметана* 'сливки', *соус* 'тушёное мясо с картофелем', *сыр* 'творог', *узвар* 'компот с сухофруктами', *утрешник* 'молоко утреннего удоя', *холодный борщ* 'окрошка', *хрячатина* 'мясо некастрированного кабана', *юшка* 'жидкая часть кушанья' и др.

ТГ «Предметы быта»: *быльца* 'металлические спинки кровати', *вихоть* 'ветошь, тряпка', *держак* 'деревянная ручка тяпки, лопаты, вил и др. орудий труда', *доёнка* 'ведро для дойки', *каганец* 'светильник, состоящий из черепка с маслом и фитиля', *казан* 'большой котёл с выпуклым дном', *каталка* 'валёк для катания белья', *кодря* 'покрывало из грубых ниток', *корец* 'ковш', *корчик* 'ковшик', *крапивный мешок* 'мешок из грубого полотна', *кресало* 'огниво; кусок камня или стали для высекания огня из кремня', *кушин* 'кувшин', *ложник* 'домотканое шерстяное или полушерстяное одеяло, подстилка', *лоток* 'корыто для замешивания теста', *макитра* 'глиняный горшок', *махотка* 'небольшой глиняный горшок', *оклунок* 'неполный мешок', *подзорник* 'отделанная кружевами занавеска кровати, идущая до пола', *полстёнка* 'тканое шерстяное одеяло', *примост* 'нары', *пряха* 'прялка', *рогач* 'ухват', *рубель* 'валёк для катания белья', *рундук* 'деревянный сундук или ящик для хранения зерна и муки', *рядно* 'холст из пеньковой или грубой льняной пряжи', *таганок* 'железный треножник для варки пищи на костре', *цебарка* (1) деревянное ведро; 2) ведро из оцинкованного железа, расширяющееся кверху', *чиплейка* 'сковородник', *чистилка* 'металлическая пластинка, приделанная около порога, о которую чистят обувь', *чувал* 'мешок', *щётка* 'кисть для побелки или покраски' и др.

ТГ «Постройки и их части»: *баз* 'огороженное место, как правило, с крытыми помещениями, где содержали

скот', *балган* '1) шалаш; 2) навес', *бассейн* 'вырытая во дворе глубокая яма для воды, зацементированная или обложенная кирпичом, которую используют для хозяйственных нужд', *большая хата* 'самая большая комната; зал', *глухая стена* 'стена без окон', *груба* 'печь, напоминающая голландскую', *закутка* 'загон для животных (овец, свиней и др.)', *зем* 'земляной пол', *котух* 'хлев для домашней скотины', *курник* 'курятник', *лопас* 'односкатная крыша, навес', *ляда* 'дверца в погреб или на чердак', *маленькая хата*, *пе[э]ре[э]дня хата* 'первая комната', *погребка* 'надстройка над погребом', *потолок* 'чердак', *сажок* 'хлев, где держат свиней', *столбьянка* '1) столб в каркасе набивной хаты; 2) турлучная хата', *сходцы* 'ступени крыльца', *теплушка* 'комната с печкой', *хата* 'комната', *шибка* 'стекло оконной рамы' и др.

ТГ «Домашние животные и птицы»: *бугай* 'некастрированный бык', *бузивок* 'годовалый телёнок', *валух* 'кастрированный баран', *вась-вась* 'подзывные слова для свиней', *вutti* 'утки', *гусак* 'гусь', *гуска* 'гусыня', *дойка* 'сосок коровьего или козьего вымени', *заморуш* 'замерший в яйце цыплёнок', *заморушек* 'хилый, недоразвитый цыплёнок', *индовutti* 'индоутки', *индовутак* 'индоутак', *квочка* '1) курица-наседка; 2) курица с цыплятами', *кочет* 'петух', *ти-ти-ти* 'подзывные для кур', *трус* 'кролик', *труска* 'крольчиха', *тюру-тюру* 'подзывные для цыплят', *утак* 'селезень', *утя-утя* 'подзывные слова для уток', *хряк* 'некастрированный кабан', *худоба* 'домашние животные', *цоб-цобе* 'слова, которыми погоняют быков', *цоб* 'название быка, идущего в упряжке с правой стороны', *цобе* 'название быка, идущего в упряжке с левой стороны', *шарчонок* 'щенок' и др.

ТГ «Птицы»: *горобец*, *жид* 'воробей', *грак* 'грач', *де[ы]ркач* 'дергач', *зозуля* 'кукушка', *кукун* 'самец кукушки', *мыша летучая* 'летучая мышь', *худудуд* 'удод', *шпак* 'скворец' и др.

ТГ «Растения и их части»: *ажина* 'ежевика', *альва* 'айва', *баргамота* 'сорт груш, бергамот', *чёрная барыня* 'боярышник с чёрными ягодами', *красная барыня* 'боярышник с красными ягодами', *бесюка* 'белена', *бубка* 'одна ягода винограда, малины, ежевики', *будылка* 'стебель растения', *бурак* 'свёкла', *буркун* 'донник лекарственный и донник белый. *Melilotus officinalis*, *Melilotus albus*', *вишняк* 'вишенник', *ганус* 'тмин обыкновенный. *Carum carvi*', *деревей* 'тысячелистник обыкновенный. *Achillea millefolium*', *дубок* 'цветок семейства хризантем', *дуля* 'сорт груши', *жених* 'жасмин', *жигука* 'крапива', *жырдела* 'дерево дикий абрикос и его плоды', *зимовка* 'позднее фруктовое дерево', *карагач* 'вяз лиственный, берест. *Ulmus campestris*', *кашка* 'цветы акации', *колхозница* 'сорт сладкой дыни', *конопель* 'конопля', *кубышка* 'сорт тыквы продолговатой формы, плод которой, очищенный от семян, используют как ёмкость для воды', *куга* 'камыш озёрный. *Scirpus lacustris*', *кукурузянка* 'стебель кукурузы', *лазорик* 'степной тюльпан', *листушек* 'листик', *любистик* 'любисток аптечный. *Levisticum officinale*', *люцерка* 'люцерна', *май-ка* 'сорт ранней вишни, а также плоды этих деревьев', *медовка* 'сорт сладкой яблони и её плоды', *невеста* 'садовое растение. Молочай декоративный. *Euphorbia decorativa*', *панычи* 'вьюнок трёхцветный. *Convolvulus tricolor*', *печерица* 'гриб-шампиньон', *преснячка* 'яблоня с пресными яблоками', *репанка* 'сорт дыни', *рожа* 'мальва, просвирник курчавый. *Malva crisp*', *тёщин язык* 'кактус с длинным плоским стеблем', *угорка* 'сорт сливы', *чакан* 'рогоз широколистный. *Typha latifolia*', *чёбор* 'чебрец Маршалля. *Thymus Marschallianus*. Чебрец обыкновенный. *Thymus serpyllum*', *шипишна* 'шиповник щитконосный. *Rosa corymbifera*', *чернобровки* 'бархатцы мелкоцветные. *Tagetes patulus*', *шпанка* 'сорт крупной вишни', *шпорыш* 'горец птичий или птичья гречиха, спорыш. *Polygonum aviculare*', *щерица* 'трава семейства амарантовых. *Amarantus retrofletus*' и др.

ТГ «Местные названия населённых пунктов»: *Ахметовка* — ст-ца Ахметовская, *Вознесенка* — ст-ца Вознесенская, *Каладжа*, *Каладжинка* — ст-ца Каладжинская, *Лабинская* — г. Лабинск, *Мосты* — пос. Мостовской, *Чамлык* — ст-ца Чамлыкская.

Яркий пласт лексико-фразеологической системы говора Лабинского района образуют устойчивые выражения, которые употреблялись информантами как в спонтанной речи, так и в ответах на конкретные вопросы собирателя о наличии/отсутствии в местном диалекте определенных ФЕ и УС, по структуре представляющих собой как словосочетания, так и предложения. Среди записанных диалектных фразеологизмов преобладают единицы, состоящие из общерусских слов и их структурных и семантических вариантов: *белая мага* 'белая магия'; *быкам хвосты крутить* 'бездельничать'; *в рюмку заглядывать* 'часто выпивать спиртные напитки'; *выезжать на кочерёжке* 'гадать на замужество'; *выйти на детей* 'выйти замуж за вдовца с детьми'; *глазом не глянешь* 'о высоком человеке'; *гостем не проживёшь* 'о невозможности прожить без забот'; *длинный как гадюка* 'о чём-либо очень длинном'; *и все капли подобрать* 'быть похожим на кого-либо'; *как будто с неба сорвать* 'о человеке неземной красоты'; *как в(у) сундучку* 'о хорошем ремонте в доме'; *пойти на гору* 'умереть'; *с зубком замуж выйти* 'выйти замуж беременной'; *посадить под корыто* 'выйти замуж раньше старшей сестры'; *разбрюзгнуть как китаец* 'сильно опухнуть от пьянства (о лице)'; *чёрная мага* 'чёрная магия' и др.

В отдельную группу можно выделить выражения, включающие в качестве компонентов диалектизмы, которые, как правило, употребляются в говоре и в свободном значении: *аж руки свербят* 'о сильном желании что-либо сделать' (*свербеть* 'чесаться'); *гладкий как бугай* 'о полном, упитанном человеке' (*бугай* 'некастрированный бык'); *горобцам дули крутить* 'заниматься бесполезным делом, без-

дельничать' (*горобец* 'воробей'); *грудкой не докинешь* 'о зазнавшемся человеке' (*грудка* 'комоч земли, сахара и т. п.>'); *дать буханцов* 'побить' (*буханец* 'удар, шлепок, чаше по спине'); *затулять рот* 'закрывать рот, не давать говорить' (*затулять* 'закрывать'); *как ганчирка грязный* 'об очень грязном человеке' (*ганчирка* 'кухонная тряпка'); *как скажженный* 'о злом, взбешённом человеке' (*скажженный* 'злой, бешеный'); *мотаться как гойда* 'жить без забот, в праздности' (*гойда* 'человек, проводящий время в бесцельном хождении, беготне'); *прыскипаться как баран, прыскипаться как сатана* 'сильно приставать, надоедать' (*прыскипаться* 'приставать, надоедать'); *слабый на уторы* 'о недержании мочи' (*уторы* 'вырез, паз в нижней части бочки, в который вставляется дно'); *через дорогу на вприсядки* 'о дальней родне' (*на вприсядки* 'на корточки') и др.

Представим некоторые фразеологические единицы в зафиксированных контекстах, отражающих особенности их функционирования в речи диалектоносителей:

— Знаете такое выражение: «Без стуку, без грюку перевезли як суку»? — Цэ? *Эта нивеста ничесная была и ужэ биреминная. Замуш ужэ биреминная выхадила* (ст-ца Владимирская).

Братву, шо на рэчке хадыли, пасабырал ых усэх. Усамо трудная врэмья была одежды не было и денег не было. Попрыходылы на пол усэ пасадилисья. А вон с ными начал агытацью: «Рэбята, ну чё вы глаза лягушкам выкавыривати, идыти вон на мэханизатараф учыца в Лабински». Тут открьлся тэхникум, тэхучилище было (ст-ца Зассовская).

Старых ужэ нэма: все умерли. Ужэ скора и мы пайдём на гору. На гаре-та харашо (ст-ца Каладжинская).

Садилсь вот, например, на качирёшку и глаза завязывали. И едим. Если я выхала в варата, значить, я выйду в этом гаду замуш, а если нет, значить, нет (ст-ца Владимирская).

В некоторых высказываниях отражается видение информантами современной жизни, её сопоставление с прошлым. См., например: *Щас асиминяют дитишек* (ст-ца Каладжинская). *Жинтоник харашо бьёт на шарам* (ст-ца Каладжинская). *Каланизацию капали и фсё вручную* (ст-ца Каладжинская). *Щас мы унэ панствуим — гас...* (ст-ца Упорная). *Живём на горке — хлеба ни корки* (ст-ца Зассовская). *Что ты сырничилшь сваим дабром? Ты и ни знаишь, што будит дальшы. Ана ни панимаит ничиво: сварыли — выбрасили* (ст-ца Упорная). *Щас привыкли роскошна жыть, а тагда нет. Тагда кублилися, усех кучий положуть где-нибудть и спи* (ст-ца Владимирская). *Тут папробуй, развидись ж жынкай, иму в партии как дадут чих-ных, а сичас видите, какая бизабразия* (ст-ца Владимирская). *Вот как сказала, так и фсё. Слушались дети. А штоп такие, как сичас, да Божы упаси, я п им лохмы паразарвала* (ст-ца Владимирская).

Анализ диалектного лексического состава демонстрирует его богатство и многообразие. В изучаемом говоре представлены все типы диалектных слов.

Собственно диалектные: *анчутка* ‘чёрт’, *багно* ‘топкая, непролазная грязь, долго не просыхающая после сильного дождя’, *бедарка* ‘одноконная повозка’, *гаманок* ‘кожаный мешочек для денег’, *гамсе[э]лить* ‘бить’, *гамузом* ‘вместе, сообща’, *забруснетъ* ‘затвердеть, загубеть’, *закоцубнуть* ‘замёрзнуть’, *калюжа* ‘лужа’, *кизек* ‘топливо из сухого навоза, перемешанного с соломой, в виде кирпичей или лепёшек’, *колготня* ‘суета, беспокойство’, *кресалить* ‘высекать огонь кресалом’, *крыхта* ‘крошка, небольшой кусочек’, *кулочить* ‘водить в игре в прятки’, *медянка* ‘ядовитая змея’, *наварнякать* ‘плохо приготовить пищу’, *отлыгать* ‘выздороветь’, *попинаться* ‘тянуться за чем-либо’, *пучка* ‘мягкая часть пальца’, *разбулгачить* ‘разбудить человека’, *распаназатъ* ‘сильно разрезать’, *сгортать* ‘сгребать’, *уквичать* ‘наряжать’, *улаштотваться* ‘устроиться,

улечься', *хурта* 'метель', *хуртеть* 'мести (о снеге)', *чучикать* 'качать ребёнка, укачивать', *шпаровать* 'обмазывать глиной, штукатурить' и др.

Акцентологические: *áрбуз*, *брэзентóвый*, *зóла*, *осе-ньó*, *подошвá*, *рóскошнó*, *руслó*, *трáва*, *холóднó* и др.

Фонематические: *абы* 'дабы', *ахтобус* 'автобус', *базарь* 'базар', *бакша* 'бахча', *город* 'огород', *дамно* 'давно', *дырка* 'дырка', *дражнить* 'дразнить', *застогнать* 'застогнать', *зябры* 'жабры', *каструля* 'кастрюля', *колидор* 'коридор', *колкол* 'колокол', *колязочка* 'колясочка', *корм* 'корм', *краженный* 'краденый', *кружовник* 'крыжовник', *ланпас* 'лампас', *леберда*, *лобода* 'лебеда', *ленда* 'лента', *лыча* 'алыча', *обнакновенный* 'обыкновенный', *окурнуть* 'окунуть', *оттыда* 'оттуда', *павитель* 'паутель', *Пасха* 'Паска', *рижый* 'рыжий', *Рожество* 'Рождество', *свайба* 'свадьба', *слухать* 'слушать', *узюм* 'изюм', *чижало* 'тяжело', *чижёлый* 'тяжёлый' и др.

Грамматические: (какая) *безобразия*, *мыша*, *полотенец*, (злой) *собака* (м. р.), *церква*, *форель* (м. р.) и др.

Словообразовательные: *близочко* 'близко', *вароужка* 'ворожея', *висоужары* 'созвездие Стожары', *здоровкаться* 'здороваться', *карачай* 'карачаевец', *колдовка* 'колдунья', *молчака* 'молча', *мужес* 'мужнин', *обвернуться* 'повернуться', *обзывать* 'отзывать', *обскорблять* 'оскорблять', *поддорожник* 'подорожник', *попервах* 'сперва', *руками* 'вручную', *скалечиться* 'покалечиться', *снасиловать* 'изнасиловать', *схотеть* 'захотеть', *тыквачный* 'тыквенный', *хохлач* 'хохол', *хорошочки* 'хорошо', *чернилка* 'чернильница', *чисточко* 'чисто' и др.

Семантические: *берёзка* 'вьюнок полевой. *Convolvulus arvensis*', *брать* 'убирая коноплю, выдёргивать её из земли', *ветка* 'дерево', *жалкий* 'милый, дорогой', *заиграть* 'запеть', *закутать* 'закрыть', *играть* 'петь', *клещи* 'деревянная основа для хомута', *красный* 'рыжий', *мазать* 'обмазывать глиной, штукатурить', *могилки* 'кладбище', *най-*

ти ‘родить’, *найтись* ‘родиться’, *отколоть* ‘отвязать корову’, *отойти* ‘начать самостоятельно жить’, *редкий* ‘водянистый, нежирный’, *репа* ‘топинамбур’, *рожать* ‘приносить плоды, давать урожай’, *самостоятельный* ‘умный человек’, *сила* ‘о богатом урожае’, *строгий* ‘норовистый (о лошади, корове)’, *хозяин* ‘домовой’ и др.

Собранный материал позволяет представить системные отношения в лексике изучаемого говора.

Синонимы, среди которых выделяются синонимы-дублисты: *алой* — *доктор*, *дохтор* ‘растение алоэ’, *байстройк* — *нагулюш* ‘незаконнорождённый ребёнок’, *большая хата* — *теплушка* ‘комната, где стоит печка’, *бугор* — *скола* ‘гора’, *бузевок* — *туганок* ‘пухлый, упитанный малыш’, *вареница* — *пустышка* ‘сваренное тесто без начинки’, *гарбуз* — *кабак* — *тыквач* ‘тыква’, *глывкой* — *кляклый* ‘о непропеченном мучном изделии’, *гулый* — *камоловый* ‘о животном без рогов’, *додельный* — *путявый* ‘уеющий всё делать’, *жид* — *горобец* ‘воробей’, *жменя* — *прыгорша* ‘количество чего-л., захватываемое горстью’, *завеска* — *хустка* ‘фартук’, *занехаянный* — *замурзанный* — *недзямурный* ‘грязный, запущенный’, *звочки* — *роттики* ‘цветы львиный зев *Antirrhinum majus*’, *кавун* — *арбуз* ‘арбуз’, *квочка* — *курушка* ‘кураца-наседка’, *ковбык* — *кендюх* ‘начинённый желудок кабана’, *ледачий* — *лягавый* ‘ленивый’, *лесовые яблоки* — *кислица* ‘дикие яблоки’, *лодарь* — *лут*, *лутяка* ‘лентяй’, *мазать* — *шпаровать* ‘обмазывать глиной, штукатурировать’, *мужсянка* — *бугай* ‘крупный, здоровый мужчина’, *набузовать* — *нагатить* ‘положить с избытком, много’, *поливанный* — *облитый* ‘покрытый глазурью (о посуде из глины)’, *потолок* — *горище* ‘чердак’, *раечка* — *цыганочка* ‘райская яблоня и её плоды. *Malus pumila*’, *сильный* — *рясный* ‘обильный (об урожае)’, *скиглить* — *скавчатъ* ‘ныть, жаловаться, плакать’, *ухандокаться* — *ухэкатся* ‘сильно устать, выбиться из сил’, *фитоген* — *карасин* ‘керосин’, *худорба* —

сибилда — *таранка* — *шилёвка* ‘очень худой человек’, *шарчонок* — *кутёнок* ‘щенок’ и др.

Синонимы-фразеологизмы: *быкам хвосты крутить* — *горобцам дули крутить* — *глаза лягушкам выковыривать* ‘заниматься бесполезной работой, бездельничать’.

Идеографические синонимы, отличающиеся дифференциальными семами: *в сирень* ‘на кладбище в ст-це Владимирской’ — *на гору* ‘на кладбище’, *ворожка* ‘женщина, лечащая заговорами’ — *лекарька* ‘женщина, лечащая травами’, *утиральник* ‘полотенце’ — *рушник* ‘вышитое полотенце’, *хмара* ‘туча’ — *хмарка* ‘небольшая тучка’, *чувал* ‘мешок большого размера’ — *оклунок* ‘мешок небольшого размера’ и др.

Антонимы: *бык* ‘кастрированный бык’ — *бугай* ‘некастрированный бык’, *вахлаватый* ‘медлительный, нерасторопный’ — *моторный* ‘быстрый, расторопный’, *кабан* ‘кастрированный кабан’ — *хряк*, *кнур* ‘некастрированный кабан’, *лоханка* ‘толстый человек’ — *худорба* ‘худой человек’, *погода* ‘хорошая погода’ — *негода* ‘плохая погода’, *тугососая* ‘корова, которая трудно доится’ — *слабая* ‘корова, которая легко доится’ и др.

Полисемия: *бабай* ‘1) существо наподобие домового, которым пугают детей; 2) молчаливый человек’, *бугай* ‘1) некастрированный бык; 2) крупный, здоровый мужчина’, *валух* ‘1) кастрированный баран; 2) неповоротливый, медлительный человек’, *душа* ‘1) горло; 2) сердцевина, мякоть арбуза’, *зозуля* ‘1) кукушка; 2) женщина, которая бросает своих детей’, *каталка* ‘1) скалка; 2) валёк для катания белья’, *недэжямурный* ‘1) грязный; 2) некрасивый’, *хустка* ‘1) фартук; 2) платок’, *цыганка* ‘1) райская яблоня и её плоды. *Malus rumila*; 2) цыганская игла; 3) общее название кошек чёрного цвета’, *швайка* ‘1) сапожная игла; 2) о подвижном ребёнке’, *юшка* ‘1) жидкая часть кушанья; 2) кровь’ и др.

Структурная вариантность: *братка* — *братушка* ‘брат’, *буханец* — *буханина* ‘удар, шлепок (чаще по спине)’, *волна* — *воланка* ‘овечья шерсть’, *гандей* — *гандимоз* ‘самогон’, *жесдѣла* — *жердела* ‘дерево дикий абрикос’, *земля* — *зем* ‘земляной пол’, *квочка* — *квохтушка* ‘курица-наседка’, *кисляк* — *кислуха* ‘простокваша’, *коптушка* — *коптюшка* ‘примитивный осветительный прибор, коптилка’, *младенец* — *младенческий* — *младенская* ‘детская болезнь спазмофилия’, *пакалки* — *пахалки* ‘ангина’, *первадка* — *перветка* ‘первотёлка, животное, впервые давшее приплод’, *полоник* — *полоняга* ‘разливательная ложка, половник’, *преснячка* — *пресняк* ‘яблоня с пресными яблоками и её плоды’, *своячина* — *своячиня* ‘свояченица’, *потрошку* — *трошки* ‘немного’, *ужаск* — *ужасака* ‘уж’, *цикавый* — *сикавый* ‘язвительный, острый на язык’, *чекалдыкнуть* — *калдыкнуть* ‘выпить спиртное’ и др.

Зарегистрированные лексические единицы в подавляющем большинстве ходят в общекубанский лексико-фразеологический пласт. Отдельную группу составляют локализмы — слова или значения слов, не зарегистрированные в картотеке кубанских говоров, в СРНГ и в украинских лексикографических источниках.

Так, лексический диалектизм *бузивок* функционирует в кубанских говорах в двух акцентологических вариантах и в первом значении номинирует годовалого телёнка. В данном ЛСВ слово тюркского происхождения имеет широкую дистрибуцию в южнорусских говорах. Между тем носители местного диалекта употребляют слово *бузивок* ещё в двух локальных значениях — ‘крупный, здоровый малыш мужского пола’ и ‘шустрый, беспокойный малыш мужского пола’, образованных на базе метафорического переноса и связанных с первым ЛСВ по типу радиальной полисемии: — Называют в вашей станице крупных, упитанных детей «бузивок» или «бузивок»? — *Ну да. Вот мой чытыри с палави-*

най килаграмма радился, вот и бузивак (ст-ца Зассовская). *Бузивак — шустрый такой* (г. Лабинск).

У существительного **брехун** зарегистрирован локальный ЛСВ 'радио': *Ва врэмья вайны радива была. Канешна, были радива, но толька у савети. Радива «брихуном» называли* (ст-ца Зассовская). Значение, вероятно, мотивировано тем, что лексема **брехун** номинирует не только человека, говорящего неправду, но и того, кто красноречив, имеет талант рассказчика.

Прозрачной внутренней формой обладает субстантивированное сложное прилагательное **водаплавный** 'приезжий, неместный', имеющее презрительную и ироническую коннотацию: *Я ш ни кубанка. Как гаваряют, вадаплавная. Ну, приехала чёрт знает откуда. Вот сидять, значить, кукурузу кидаютъ у кучу, гаварять: «У, панаехали вадаплавные к нам». — Ана ш на поизди приехала, а фсё равно ш иё называють вадаплавная* (ст-ца Владимирская).

В результате метафорического переноса у общенародного слова **глазок** развился ЛСВ 'отверстие в ухе для серёжки'.

Диалектизм **квочка** зарегистрирован в локальном значении 'сорт зубчатого лука'. Приведём запись, в которой информант объясняет развитие у слова дополнительного ЛСВ: *Квочка — зубчатый лук. Он на части распадаицца, и как у квочки цыплята-дольки* (ст-ца Чамлыкская).

Лексема **рогачи** записана в локальном значении 'гинекологическое кресло', которое актуализируется у слова только в форме множественного числа. В основу метафорического переноса положено сходство предметов по внешнему виду. Приведём лексему в расширенном контексте: *Падруга гаварит: «Ваня! Види Тоню в бальницу». «Што делала, хай сама раслѣбываицца». Я сама ели дашла да бальницы и сазнание патирыяла на рагачах. Как жыва асталась. — Что это, рогачи? — Ну рагачи — эта ш на гинекалогии* (ст-ца Чамлыкская).

К локализмам можно отнести два устойчивых выражения. Узко-локальным является *в(у) сирень* ‘на кладбище в ст-це Владимирской’. *На магилку. Там сирень растёт, на кладбище. Как тваи дила? Да скоро в сирэнь!* В ст-це Зассовской записан устойчивый оборот, экспрессивность которому придаёт усилительная тавтология, — *чужая чужина* ‘о чужом, неродном человеке’: *Мы са свикрухай дружна жыли. А ана да дочки пашла жыть и ни ужылась с радной дочкай. Я ей гаварю: «Ма, ну чё вы уходити?» А ана: «Знаши, Зина, ты всё равно мне чужая чужына, а эта ш дочка радная».*

См. также: *Дуркан* ‘ветер’. *Дуркан как начнёт нескалька дней. Дуркан если черис три дня не перестал, дуеть, ламать, листва — всё!* (ст-ца Зассовская). *Злоедучая* ‘о сорняке, заплетающем культурные растения’. *Паутель — эта такая лёткая, но злоидучия, заплитаит усё* (ст-ца Зассовская). *Как обчёсанный* ‘о человеке с точёной фигурой’. *Идут две девачки, одна девачка прям как апчёсанная, харошая, прям как апчисали иё, такая круглинъкая, такой у ей хароший стан, вот такая харошая* (ст-ца Упорная) и др.

Безусловно, зафиксированные локализмы имеют разную степень локализованности. Они могут функционировать в говоре как одного населённого пункта, так и нескольких.

В целом говор Лабинского района характеризуется гомогенностью. Ядро диалектного лексико-фразеологического состава данного говора образуют как лексические единицы, находящиеся в активном запасе диалектоносителей, так и устаревшие слова и фразеологизмы. Активная диалектная лексика информирует и живописует, содержит квалифицирующие и коннотационные характеристики, что по-своему продлевает её жизнь в диалекте.

Собранный в полевой экспедиции языковой материал позволяет описать диалектный ландшафт Лабинского района, который является частью лингвогеографической зоны Кубанское Предгорье, выделенной в результате предложенного

нами зонирования территории распространения кубанских говоров [Борисова, Костина 2014]. Эта зона расположена на юго-востоке Краснодарского края и включает в себя, помимо Лабинского района, Мостовской и Отрадненский. Последовательное полевое обследование указанных районов в дальнейшем создаст надёжную фактологическую базу для анализа современного состояния лексических микро- и макросистем говоров и фиксации общего и специфичного изучаемой зоны в диалектном континууме Кубани.

Литература

Белякова С. М. Образ времени в диалектной картине мира (на материале лексики и фразеологии русских старожильческих говоров юга Тюменской области): дис. ... докт. филол. наук. Екатеринбург, 2005.

Борисова О. Г., Костина Л. Ю. Диалектный ландшафт Щербиновского района Краснодарского края // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2012. СПб., 2012.

Борисова О. Г., Костина Л. Ю. Лингвогеографическая зона Кубанское Приазовье: лексика и фразеология // Русский язык: исторические судьбы и современность: Материалы V Международного конгресса исследователей русского языка. М., 2014.

Русская диалектология / под ред. Л. Л. Касаткина. М., 2005.

Русская диалектология / под ред. В. В. Колесова. М., 2006.

Толстой Н. И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // Русская словесность: антология. М., 1997.

Возвращаясь к древнейшим названиям ягод в финно-угорских языках (брусника и морошка)

И. В. Бродский

По закрепившимся ныне представлениям, названия ягод брусники и морошки являются древнейшими в уральской языковой семье. Исследование всех названий этих ягод в указанных языках, однако, не дает оснований для такого вывода. «Древние» названия встречаются лишь на западе и крайнем востоке финно-угорского языкового ареала, что свидетельствует, скорее, об их различном происхождении. При этом звуковые совпадения, по-видимому, являются случайными. Автор предлагает для прибалтийско-финских фитонимов германское происхождение; уральское происхождение названия брусники недостоверно, в то время как угорские и самодийские названия морошки, по-видимому, имеют общее происхождение и могут быть древним индоевропейским заимствованием.

Ключевые слова: финно-угорские языки, фитонимия, фитоним, брусника, морошка, заимствование, языковой контакт

В настоящее время общепринятыми считаются представления об уральском происхождении основных финно-угорских названий ягод брусники (фин. *puola*, коми *пув*, венг. *bogyó* и др.) и морошки (фин. *muurain*, коми *мыр-пом*, манс. *морах*, *morāk* и др.). Другие названия ягод в финно-угорских языках такими древними не являются. В предлагаемой работе автор предпринимает попытку рассмотреть весь известный фитонимический материал по этим ягодам в финно-пермских языках России с целью подтвердить или поставить под сомнение существующие взгляды на происхождение названий брусники и морошки. Финно-пермский материал привлекается автором потому, что данная статья

является частью исследования по финно-пермской фитонимии, однако материал других уральских языков также используется.

Далее названия сгруппированы по растению и языкам в следующем порядке: прибалтийско-финские, мордовские, марийский, пермские. Фитонимы объединены в лексико-этимологические гнезда, пронумерованные числами в скобках.

Брусника. *Vaccinium vitis-idaea* L.

Брусника — общераспространенное растение для финно-пермского ареала, ее характеризует исключительная нетребовательность к условиям произрастания и хладостойкость [Губанов 1998: 313–315]. Брусника хорошо известна всем финно-угорским народам России без исключения. Ягода, что особенно важно, легко заготавливается на зимний период: ее плоды отлично сохраняются благодаря наличию в них естественного консерванта (бензойная кислота); спелые ягоды сохраняются под снежным покровом до весны. Поэтому брусника с древности является предпочтительным объектом сбора. Отвар листьев брусники широко используется в народной медицине практически всех народов европейской части России.

Прибалтийско-финские и саамские названия брусники

(1) фин. puola, puolama, puolan, puolanen, puola(n)||marja, puolain, puolakka, puolukka, poloi, puala, кар. собств. buola, buola||marja, buolu, bual, poola, puola, puolakka, buolukka, кар. ливв. buola, buolo, buolu, buala||marju, кар. люд. buol(ę), buol||mard', buole, ижор. pōla, вепс. bol, эст. pohl, pohla||mari, pool, poolad, poola||mari, poolas, poolgas, poolgad, poolakas, pohulgas ~ poholgas ~ puhulgas, paalukad, pahlakas, palakas, pahlukad, palluna, palok, paloka, palokas, palohk, palohkas, palohkna, palohkva, palofka?, paluk, paluk||mari, paluke, palukas, pohlukad,

paluku, palukud, palu||mari, вод. poola, poolas, poolaz, poolekez, лив. bùol'gõz.

Эст. paluk, palukas и др. также нельзя рассматривать отдельно от этого ряда. ALFE (II: 479) усматривает здесь действие народной этимологии — под влиянием palu ‘пустошь; дубрава’. EES (351, 399) связывает подобные названия с глаголом põlema ‘гореть’, видимо, в связи с распространением брусники на бывших палах, горелых местах. Но и в этом случае эстонские фитонимы стали результатами действия народной этимологии. Оба толкования выявляют мотивацию названий брусники названиями мест ее произрастания.

Эст. (юж. наречие) palofka?, определенно, представляет собой результат русского влияния.

Саам. Фин. (Enontekiö) puolut < фин.

Саам. Норв. pùolu^{HT} (SKES) < фин.

Именно это гнездо рассматривается на сегодняшний день как древнее, имеющее уральское происхождение.

(2) фин. hilla||marja

Hilla может относиться в финском языке также к костянике и морошке (причем значительно чаще; соответствия имеются также в близкородственных языках). Этот фитоним обычно рассматривается как шведское заимствование, см. ниже, гнездо (4) раздела «морошка».

(3) эст. kuradi||mari

Букв. ‘чертова ягода’; это название зафиксировано в отдельном говоре (Palamuse), мотивация необычна не только для брусники, но и для всех съедобных ягод.

(4) вепс. nabolad

По-видимому, фитоним — результат контаминации заимствованного рус. *наболоть* ‘трава, растущая на болоте’ и bol (форма мн. ч. bolad).

(5) саам. Норв. jokŋa, саам. Фин. joango, саам. Кильд., саам. Йок. joŋŋ, также распространено в других саамских наречиях.

Фитоним заимствован из финского языка и собственно-карельского наречия (см. фин. *juomikka*, *juomukka*, *juomuke*, кар. *juomukaine*, *juomingane*, *juomoi*, *juomunga* и др.).

Мордовские названия брусники

(6) мокш. *кяркс марь* (MW — *Kärks-mař*, *Kärks-maí*, *Käíks-mař*)

Букв. ‘связка||ягода’, ‘нить||ягода’. Мотивация, по-видимому, основана на том, что ягоды брусники растут гроздьями, как бы на одной нити.

(7) эрз. *пиче умарь*, мокш. *пиче||марь*

Букв. ‘сосновая ягода’. Этот общемордовский фитоним мотивирован признаком выраженной склонности брусники к произрастанию в светлых сосновых борах. В MW представлено множество фонетических вариантов названия.

(8) мокш. *ρίѝ-sti̋*, *ρίѝ-stij*, *ρίѝ́n ksti̋*, *ρίѝ́n ksti̋*

Также букв. ‘сосновая ягода’; используемый детерминант, помимо общего названия ‘ягода’, имеет в мордовских языках значение ‘земляника’.

(9) мокш. *sarazēn Käŕga*

Букв. ‘трахея курицы’ (MW), однако второй компонент *Käŕga*, скорее всего, следует связывать с *Käŕks* ‘связка’, ‘нить’, см. гнездо (6).

(10) эрз. *эйдял, ejd-al-díkše, ejd-alga*

Основное значение фитонима — ‘костяника’, но он может также относиться к бруснике. Паасонен (MW) считает слово производным от *ejd* ‘ребенок’, что весьма вероятно.

Марийские названия брусники

(11) мар. Л. *пӧчыж* (*рӧсӧж*, *рӧжӧж*, *рӧсӧ*)

Этот фитоним относится в луговом наречии к бруснике, а в горном — к клюкве. Этимология затемнена. Заманчиво сопоставить его с мордовскими названиями сосны (*пиче*), учитывая мотивацию общемордовского сложного названия брусники произрастанием рядом с соснами, см. гнездо (7). В

таком случае можно говорить о мордовском заимствовании в марийском языке. Это косвенно подтверждает А. Аікіо в своей статье [Аікіо 2014: 131–132]: рассматривая историю вокализма марийского языка, автор не может объяснить сохранения *ö* перед *ě* в словах *рöćэж* и *löća*. Необычность их фонетического облика может указывать на позднее заимствование.

(12) мар. **вияш пöчыж**

Букв. ‘прямая (стройная) брусника’. Мотивация затемнена. Мы предполагаем, что этот фитоним все же относится к другому растению (содержится в ММ).

(13) мар. **шеры||вöчыж**

Букв. ‘сладкая брусника’. Этот сложный фитоним содержится в качестве определяющей части дополнительное уточнение — признак вкуса.

Пермские названия брусники

(14) коми зыр., северные диалекты коми перм. **пув**
(< ***pul**)

(15) коми зыр. **бур пув**

Букв. ‘хорошая брусника’.

(16) коми зыр. **прамей пув**

Букв. ‘хорошая брусника’; в этом и предыдущем фитонимах дополнительно присутствует семантически избыточное определение.

(17) коми перм. **пу||ягöд**

Букв. ‘древесная ягода’; по-видимому, в этом названии отражено произрастание брусники в условиях леса.

(18) удм. **ляг||мульы||пуд, яг||мульы||пу(д)**

Букв. ‘боровое ягодное дерево’. Удмуртское название семантически близко тат. **нарат жилэге** ‘брусника’, букв. ‘сосновая ягода’.

К гнезду (1) обычно приводят и следующие лексические данные: манс. **pil, pol, pul**, венг. **bugyó**, диал. **bolyo** ‘яго-

да', сельк. *palkon* 'морозка', уральск. *rōla (*pola*) 'ягода' (реконструкция является общепризнанной).

Основное, данное в гнезде (1) название брусники — хрестоматийный пример фитонима уральского происхождения. Казалось бы, нет причин сомневаться в древности этого названия, однако неразрешенной проблемой остается наличие фитонима в прибалтийско-финских языках при полном отсутствии соответствий в мордовских, марийском, удмуртском, хантыйском языках. При этом брусника хорошо известна и мордовским народам, и марийцам, и удмуртам, и ханты: у них имеется множество названий для этой ягоды. Объяснить исчезновение древнего названия брусники из такого количества родственных языков невозможно.

Наличие фитонимов гнезда (1) во всех прибалтийско-финских языках доказывает его существование в прибалтийско-финской языковой общности. С другой стороны, логично предположить, что коми фитоним, который нельзя возвести к общепермской эпохе, появился в языке лишь после распада пермской языковой общности, то есть, вероятнее всего, является заимствованием. В таком случае традиционное мнение о генеалогическом родстве слов, объединенных здесь в гнездо (1), нельзя признать доказанным.

Происхождение прибалтийско-финских фитонимов этого гнезда следует, по-видимости, искать в балтийских языках. В этой связи нельзя, как мы полагаем, пройти мимо лит. *spalgena* 'клюква' (Fraenkel: 858). Френкель сравнивает с этим фитонимом латышск. *spalgs* 'очень громкий, резкий', *spulgs* 'блестящий, сверкающий' (в котором *u* < *o*) и *spilgans*, *spilgts* 'блестящий'. Это или подобные названия при заимствовании в прибалтийско-финские наречия могли принимать вид **pa(a)lkę-* (**po(o)lkę-*), ср. эст. *poolgas*, *poolgad*, лив. *bùol'gõz* и др. слова в родственных языках с суффиксами вида *-ka*, *-kka*, *-kas*, которые могут являться результатом переосмысления финальной части балтийского источника.

Для фитонима пув в коми языке в равной степени вероятным представляется как прибалтийско-финское, так и обско-угорское происхождение. А наличие лишь одного возможного «самодийского» соответствия в селькупском языке никак не дает возможности реконструировать «уральскую форму» *pōla (pola). В таком случае ни сходный венгерский фитоним, ни, тем более, селькупский, не имеют отношения к гнезду (1).

Морошка. *Rubus chamaemorus*

Ареал распространения морошки перекрывает финно-пермский языковой ареал (она растет и на Новой Земле); лишь на территории современной Республики Мордовии она не растет, однако места компактного проживания мордвы к востоку от Мордовии попадают в ее ареал (Агроатлас). Таким образом, морошка, несомненно, хорошо знакома всем финно-угорским народам России. Это подтверждается и наличием названий этой ягоды во всех финно-пермских языках без исключения; в мордовских языках, например, без учета русского заимствования, имеется три таких названия.

Морошка — преимущественно болотная ягода. Как и брусника, она хорошо сохраняется в результате естественного консервирования. Ягода используется многими народами в лекарственных целях: ягоды — как противочинготное средство, листья (в виде отвара) — как закрепляющее и мочегонное.

В прибалтийско-финских языках (финский, эстонский, карельские наречия) наряду с общими названиями морошки, присутствуют также отдельные названия для незрелой и перезрелой ягод, например, эст. *mäda||pää* ‘перезрелая морошка’ — эти слова мы не включаем в наше исследование.

Название морошки, по существующим представлениям, имеет очень древнее происхождение и восходит к уральской эпохе.

Прибалтийско-финские и саамские названия морошки

(1) фин. *muura*, *muuro*, *muura(i)n*, *murrain*, *mura(i)-met*, *muuram(a)*, *muurme*, *muurmii*, кар. собств. *muura||marja*, *muuran*, *muurain*, *muuroi*, *murröi*, ижор. *mūran*, *mūrme*, вепс. *murašk*, *murik*, *murikeine*, *murm*, эст. *murakas*, *murak*, *muuramed*, *murahka*, *molohka*'

В южноэстонском фитониме *molohka*' в начале второго слога произошел переход $r > l$.

Рус. *морошка*, по-видимому, заимствовано из вепсского языка или карельских наречий, а не из угорских источников (см. ниже).

(2) фин. *maa||maarain*

Букв. 'болотная малина (или княженика)'.
 Это название относится, в основном, к княженике.

(3) фин. *suo||murra(i)n*, *suo||muuram(a)*, *suo||muramet*, *suo||muuramii*, эст. *soo||murakas*, *soo||murrakad*, *suo||murakas*

Букв. 'болотная морошка'. Уточняющее определение, видимо, оппозиционно *maa||-* 'земельный, наземный' в названиях гнезда (2), относящимся и к княженике: фин. *maa||muurain* и др.

(4) фин. *hilla*, *hillo*, *hillu*, *hillukka*, *höllö*, кар. *hilla*, *hillo* (относится к спелой ягоде), эст. *illaku*, *illud*, *üllid*

Фин. *hilla* имеет также значение 'компот, ягодная подлива'; ср. также в вепсском языке (SKES; SSAP) *hil* 'тюря'; соответствие имеется и в собственно-карельском наречии (*hillo*). По-видимому, вепс. < кар. в сравнительно недавнее время (вепс. *hil*, *hilod* в данном значении записаны А. Алквистом в середине 1850-х гг. — см. в Ahlqvist 1861).

Эти фитонимы считаются (см. в SSAP и др.) шведским заимствованием, ср. шв. диал. *hillo* 'варенье из ягод'. Из финского языка слово в дальнейшем и попало в карельские наречия.

(5) фин. *lakka*, кар. *lakka*

Ср. также эст. *lakk* в составе сложных названий растений, напр., *ussi-lakk* ‘вороний глаз’.

Наиболее привлекательной представляется версия о заимствовании фитонима из балтийских языков, ср. латышск. *lācene* ‘морозка’ (а также латышск. *lācis*, лит. *lokys* ‘медведь’). Версия Й. Койвулехто, представленная в SSAP (II: 44), о древнегерманском происхождении слова невероятна, прежде всего, по семантическим причинам.

(6) фин. *lakka||muurain*

Данный фитоним представляет собой соединение названий морозки из предыдущего гнезда и гнезда (1).

(7) фин. *lilla*

Название относится, в основном, к костянике. Вообще, в природных условиях морозка легко скрещивается с костяникой, что, по-видимому, может отражаться и в фитонимии.

(8) фин. *linti, lintit, lintti*

Эти названия также относятся в первую очередь к костянике, ср. другие финские названия этой ягоды *linnikka, linnukka, lintikka* и др.

(9) фин. *luppa*

Luppa (luppu, luppo) относится, в основном, к лишайникам и мхам (см. SKES II: 314 и др.). Перенос названия на морозку вызван произрастанием морозки на моховых болотах. Сам фитоним, возможно, является весьма древним — в том случае, если он связан с морд. *нупонь* (также эрз. диал. *лупонь*) ‘мох; лишайник’.

(10) фин. *löttö, löttö*

Ср. фин. *löttu, lötti* ‘лягушка’, кар. собств. *löttö* ‘лягушка’; по-видимому, фитоним в указанной форме является результатом отпадения детерминанта (< *löttö||marja*, букв. ‘лягушачья ягода’). Название также связано с произрастанием морозки на болотах.

(11) фин. *neva||marja*

Букв. ‘трясинная ягода’, см. также близкое семантически гнездо (3).

(12) фин. suo||marja

Букв. ‘болотная ягода’.

(13) фин. valokki, valokka, valakka, valakki, valakko

В SKES предполагается происхождение основы val8- от *vaðe-* (ср. названия малины *vadelma* и др., также образованные от этой основы).

(14) эст. jõhvikad

Основное значение этого фитонима — ‘голубика’; очевидно, название было перенесено с одной болотной ягоды на другую. В значении ‘морозка’ фитоним функционирует лишь в одном говоре.

(15) эст. kaarel, kaar(e)n, ka(a)rlad, kaarlas, kaarled, kaarlid, kaarmas, kaarmes, kaarmet, kaarnas, koarmas, koarmed, kuarmad, kaar||mari, kaar||marjad, kaarla||mar(r)i, kaarla||marjad, kaarle||mari, kaarma||marjad, kaas||marjad, kaerna||mari, koar||marjad

Названия мотивированы *kaaren* ‘ворон’; в данном гнезде происходили разнообразные фонетические мутации (мена согласных, сокращения), например, *kaarla||mari* < *kaarna||mari*, *kaas||marjad* < *kaarnas||marjad* ‘воронова ягода’ и т. п. Для этого ряда характерны многочисленные фонетические варианты, функционирующие в различных говорах.

(16) эст. kabal, kabalad, kabar, kabarad, kaaber, kaabra||marjad, käbal, käb(b)alad, käbalas, käb(b)ar, käbbarad, käbbarat, käbalid, kübbalad, käbäläd

Возможно, от эст. *käbal*, *käbar* ‘шишка; что-либо шарообразное’ (также ‘морозка’).

По-видимому, два предыдущих ряда подвергались взаимной контаминации, что было обеспечено, в частности, их распространённостью: ряды (15) и (16) широко представлены во всем эстонском языковом ареале (см. в [Vilbaste 1993]).

(17) эст. mec(a)||murakad

Букв. ‘лесная морозка’. Семантически «избыточные» определения, подобные имеющемуся в этом названии, не являются редкостью для прибалтийско-финской фитонимии.

(18) эст. *mulges*

Этот фитоним, возможно, представляет собой германское заимствование (ср. шв., дат. *multe* ‘морошка’, также исл. *múltu||ber /moltu||ber/*) либо продукт контаминации *murak* и фитонима германского происхождения. Интересно, что название зафиксировано только в говоре дер. *Rootsiküla*, букв. ‘шведская деревня’.

(19) эст. *raba||kaar(e)n, raba||kaarnad, raba||kaarlad*

Букв. ‘топяная морошка’. По поводу определяемой части *kaarn, kaarlad* ‘морошка’ см. гнездо (15).

(20) эст. *raba||murakas, rava||murakad*

Также букв. ‘топяная морошка’.

(21) эст. *valged käbarad*

В [Vilbaste 1993] название относится к морошке; букв. ‘белая морошка’, в связи с чем мы предполагаем, что *valged käbarad* обозначало незрелую ягоду.

(22) эст. *vanakesed*

Букв. ‘старики’; мотивация неясна. Название отмечено только в одном говоре *Nõo*, относящемся к тартускому диалекту.

(23) вод. *glaža, glažža*

Фитоним заимствован из русских говоров, ср. рус. *глажи* ‘морошка’, ‘малина’, ‘костяника’, ‘куманика’ (СРНГ 6: 183), также *глажина*, *глажевник* и др. Русские слова Фасмер сравнивает с прилагательным *гладкий* (Фасмер I: 409).

(24) лив. *kurrġ||mōr'a*

Букв. ‘журавлиная ягода’. Связь морошки с журавлем объясняется тем, что эта птица обычно ищет себе пищу на болотах. Ср., например, рус. *журавлика* ‘клюква’ и др.

(25) саам. Норв. *luomi*, саам. Кильд., Йок. *luomman, luemman, liemen, luomman* (форма мн. ч.)

По-видимому, название заимствовано из прибалтийско-финских языков, ср. фин. *liemukka* ‘костяника’ и другие названия этой ягоды.

Необходимо добавить, что в прибалтийско-финских языках, как и в русских говорах, наблюдается картина смешения названий целого ряда ягодных растений с похожими плодами (так наз. сложная костянка): малины, поленики, княженики, морошки и костяники. Например, фин. *lilla, linti*, относящиеся и к морошке, в первую очередь обозначают костянику.

Мордовские названия морошки

(26) мокш. *lakšta, lakšta·j, lakštaks, lakštajks*

(27) эрз. *лакшт умарь*, мокш. *lakšt-mar', lakšt-uma·r, lakšt-ârma·n*

Мокш. *lakšt-ârma·n* является результатом метатезы в определяемом компоненте *марь, умарь* 'яблоко; ягода'. Эти названия (гнезда 26 и 27) Паасонен (MW) считает производными от звукоподражания *lakšt* 'хлоп; бух; бульк'. Мы считаем возможным сравнить их с балтийскими фитонимами, см. гнездо (5) — фин. *lakka* и др.

(28) эрз. *морошка* < рус.

(29) мокш. *нупонь ксты, нупонь кстыйке*

Букв. 'моховая (болотная) ягода'. Ср. схожее название морошки в татарском языке — *саз жыләге*, букв. 'болотная ягода'.

Марийские названия морошки

(30) мар. *ур||вöчыж*

Букв. 'беличья брусника'.

(31) мар. *ур||мör*

Букв. 'беличья ягода'.

Пермские названия морошки

(32) удм. *куака||мулы*

Букв. 'воронья ягода'. В контактном татарском языке одно из названий морошки связывает с этой ягодой образ другой птицы: тат. *каз жыләге*, букв. 'гусиная ягода'.

(33) коми *мыр||пом (mür-pon (SW))*

По В. Лыткину, изначальное значение этого сложного названия — ‘морошка||плод (конец)’ (КЭСКЯ: 183–184), то есть ‘ягода морошки’. О наших возражениях см. ниже.

(34) коми перм. **вежь**||**ягӧд**

Букв. ‘желтая ягода’.

К гнезду (1) относят обычно манс. **морак**, **morāk** и др. ‘княженика’, хант. **mūrəχ** ‘морошка’; ‘княженика’, нен. **maraja**, эн. **mođagga**, **moragga**, уральск. ***mora** (?); имеются и внешние по отношению к уральским языкам данные: эвенк. **могою** ‘морошка’; индоевропейские — др.-гр. **μоров** ‘ежевика’ и арм. **мор** ‘ежевика’ (индоевр. ***мого-**).

Итак, названия морошки в рассматриваемых языках весьма многочисленны. Среди них выделяется своим распространением одно, представленное у нас гнездом (1). На основании наличия соответствий в прибалтийско-финских, коми, обско-угорских и самодийских языках предполагается древнее (прауральское) происхождение фитонимов этого гнезда. Однако достоверность этого вывода сомнительна в связи с полным отсутствием соответствий в других родственных языках, то есть существует ситуация, разительно похожая на языковую дистрибуцию названия брусники — см. гнездо фин. **puolukka** и др.

По нашему мнению, прибалтийско-финские данные следует отделить от угорских и самодийских. Вероятнее всего, речь идет о германском заимствовании в прибалтийско-финские языки, ср., например, норв. **myr**||**bær**, шв. **myr**||**bär** ‘морошка’ при **myr**, **mör** ‘болото’; также нем. **moor**, др.-герм. ***mör-** ‘болото’ (Pfeiffer 1999: 888). При этом, однако, надо сделать оговорку, что указанные германские названия сами, по-видимому, являются продуктом давней народной этимологии и происходят от лат. **mörum** ‘малина’ (Pfeiffer 1999: 850–851; Фасмер дает лат. **mörum**, **mörus** с переводом ‘ягоды тутового дерева’).

Рус. *морозика*, по существующим представлениям, имеет финно-угорское происхождение. Фасмер (Фасмер II: 658) осторожно говорит лишь о вероятности такого происхождения. Учитывая историю освоения русского Севера, наиболее вероятным должно выглядеть заимствование названия ягоды из прибалтийско-финских языков.

Этимология коми фитонима **мыр-пом**, **мыр-пон** неясна, и даже само отнесение его к данному гнезду проблематично. Коми **mir-pon** — это сложное по форме слово, второй компонент которого имеет значение ‘плод; конец’ (см. КЭСЯ: 183–184), а первый компонент сравнивается с прибалтийско-финскими, угорскими и самодийскими словами. При этом, однако, отмечается, что реконструируемое общепермское *mur ‘морозика’ не сохранилось в удмуртском языке. Но в таком случае мы не видим оснований говорить о наличии какой-либо общепермской формы, не говоря уже о том, что этимология **мырпон** (**мырпом**) может быть прозрачной, ср. коми **мыр** ‘пень’: ‘ягода [, растущая на] пне’.

Таким образом, названия морозики в финно-пермских языках образуют следующую картину. В коми языке имеется фитоним **мырпом**, восходящий, по существующим представлениям, к прауральской эпохе. Однако, для такого объяснения недостаточно данных, так как в пределах той же пермской ветви — в удмуртском и коми-пермяцком языках — функционируют лишь автохтонные сложные фитонимы. То же можно сказать о марийском и мордовских языках: функционирующие в них названия морозики не имеют отношения к гнезду (1).

Название морозики в коми языке является крайне сомнительным звеном между прибалтийско-финскими и угорскими фитонимами, объединяемыми ныне в единое этимологическое гнездо, а в его отсутствие связь между прибалтийско-финскими и уральскими словами становится совершенно призрачной и маловероятной. Объяснение отсутствия древнего названия морозики в удмуртском, мордовских и марий-

ском языках незнанием ягоды представителями этих народов опровергается данными ботанической географии и наличием множественных народных названий морошки во всех финно-пермских языках.

Суммируем полученные выводы.

Древнейшими считаются названия брусники и морошки, сохранившиеся в прибалтийско-финских языках и имеющие очень сходные по звучанию соответствия в других финно-угорских и самодийских языках. Исследование всей совокупности названий этих ягод в финно-пермских языках приводит к выводу о явной сомнительности указанных представлений. Достоверно известно, что обе ягоды хорошо известны всем финно-пермским народам, тем не менее, их «древние уральские» названия неизвестны целому ряду языков — причем этот ряд оказывается практически одинаковым для обеих ягод! «Древние» названия брусники и морошки отсутствуют в мордовских, марийском, удмуртском языках и почти во всех диалектах коми-пермяцкого языка, зато там имеется множество автохтонных названий этих растений.

Имеющиеся факты ставят под сомнение древнее происхождение названий брусники и морошки и заставляют искать альтернативные объяснения сложившейся картины дистрибуции фитонимов. Мы полагаем, что прибалтийско-финские, с одной стороны, и уральские фитонимы должны быть разделены в историко-этимологическом отношении, а их происхождение в рамках финно-угорской языковой группы признано независимым друг от друга, несмотря на схожий фонетический облик.

Сокращения названий языков

арм. — армянский	нем. — немецкий
венг. — венгерский	нен. — ненецкий
вепс. — вепсский	норв. — норвежский
вод. — водский	рус. — русский
др.-герм. — древнегерманский	саам. — саамский (Йок. — йо- каньгский диалект, Кильд. — кильдинское наречие, Лул. — наречие Лулео, Норв. — норвежско-саам- ский, Фин. — финско-саам- ский)
др.-гр. — древнегреческий	
ижор. — ижорский	
индоевр. — индоевропейский	
кар. — карельские наречия (ливв. — ливвиковское, люд. — людиковское, собств. — собственно-ка- рельское)	тат. — татарский
латышск. — латышский	удм. — удмуртский
лив. — ливский	уральск. — уральские языки
лит. — литовский	фин. — финский
манс. — мансийский	хант. — хантыйский
мар. — марийский (Л. — луго- во-марийский)	шв. — шведский
мокш. — мокшанский	эвенк. — эвенкийский
морд. — мордовские языки	эн. — энецкий
	эрз. — эрзянский
	эст. — эстонский

Литература

- Губанов И. А.* Пищевые растения России. М.: АБФ, 1998. 556 с.
- Ahlqvist A. E.* Anteckningar i nord-tschudiskan // Acta Soc. Scient. Fenn. Helsingfors, 1861. VI. S. 49–113.
- Aikio A.* On the reconstruction of the proto-Mari vocalism // Вестник РГГУ. 2014. № 5(127). (Вопросы языкового родства. № 11). С. 125–157.
- Vilbaste G.* Eesti taimenimetused. Emakeele Seltsi Toimetised, nr. 20(67). Tallinn, 1993. 708 lk.

Признаки и свойства диалектной картины мира (на материале донских говоров)

Е. В. Брысина, Т. И. Морозова

Диалектная картина мира по своему понятийному содержанию незначительно отличается от языковой картины мира, отражающей концептуализированные сведения об окружающей действительности. Процесс познания мира у разных народов протекает в целом одинаково, существенно различаясь лишь способами и средствами номинации познанного, соотношением универсального и идиоэтнического мировосприятия, вербализованного в знаке.

Ключевые слова: диалект, донские говоры, языковая картина мира

Понятийные характеристики диалектной картины мира (ДКМ) во многом совпадают с содержанием общеязыковой картины мира (ЯКМ), отражающей концептуализированные сведения об окружающей действительности, приобретенные человеком в процессе познавательной деятельности и вербализованные им в форме различных словесных знаков. Процесс познания мира у разных народов протекает в целом одинаково, существенно различаясь лишь способами и средствами номинации познанного.

Языковые картины мира разных народов неизменно содержат в себе общие (универсальные) представления о тех или иных реалиях окружающего мира. Скажем, дружба, верность, преданность ценятся всеми людьми. У большинства народов универсальными ценностями являются здоровье, жизнь, любовь, семья, добро, мудрость, справедливость и т. п.

Вместе с тем, у каждого народа есть национально-специфические представления и символы, отражающие особенности культурно маркированного мировосприятия. Эти отработанные в данной лингвокультурной общности символы и даже мифы служат хранителями информации, существенной для видения мира данным народом. Эти уникальные представления отражают и передают психологию данного народа, его образ жизни, многовековые традиции и обычаи, выступающие свидетельствами особенностей соответствующей культуры [Арутюнова 1999: 276].

Национально-культурная семантика языка, по мнению многих ученых, — это содержание, не имеющее реляционного, строго системного, относительного характера и в той или иной мере восходящее к особенностям экономики, географии, общественного устройства, фольклора, литературы, всех видов искусства, науки, к подробностям быта, обычаям народа, носителя языка. Данные сведения отражают элементы материальной и духовной культуры народа, его менталитет, особенности его этнического сознания, которые, реализуясь в языковых образах, и определяют этнокультурную специфику диалектной картины мира [Брысина 2003: 211].

Носители литературного языка и носители диалекта не только по-разному пользуются языком, но и по-разному оформляют в языке свои представления об окружающем мире. А. М. Пешковский отмечал, что при сравнении речи человека с другими привычными процессами нашего организма, например, с ходьбой или дыханием, можно было бы сказать, что «говорение» интеллигента будет так же отличаться от «говорения» крестьянина, как ходьба по канату от естественной ходьбы или дыхание факира от естественного дыхания. Понятно, что при таких условиях народные наречия и говоры не только не могут игнорироваться лингвистом, а, напротив, они для него и составляют главный и наиболее захватывающий, наиболее раскрывающий тайны языковой жизни объект

исследования, подобно тому, как ботаник всегда предпочтет изучение луга изучению оранжереи [Пешковский 1960: 211].

Следовательно, основные различия между диалектной и общенародной языковой картиной мира связаны главным образом с границами распространения этих вербализованных представлений о мире, а также с характером категоризации и концептуализации действительности, выделением приоритетных сфер, выбором форм и средств языковой реализации знания. Носители литературного языка и носители диалекта по-разному воспринимают и номинируют окружающий мир, избирая для этого разные языковые средства и разные мотивировочные признаки.

ДКМ разных народов, как уже было отмечено, отражает универсальное миропонимание и уникальные элементы мировидения, основанные как на характере приоритета ценностей, так и на специфике образов, положенных в основу той или иной языковой единицы. Опыт познания мира и порядок освоения окружающей действительности различен у разных народов. Каждый народ имеет свою историю, веками сложившиеся традиции, живет в определенной географической и климатической зоне, поэтому мир, который его окружает, наполнен неповторимостью. Вместе взятое все это и формирует своеобразие национально-культурного восприятия действительности, фиксируемого диалектом [Хайруллина 1995: 117]. Данные сведения, заложенные в семантике диалектных языковых единиц, отражают элементы материальной и духовной культуры народа, его менталитет, особенности его этнического сознания, которые, часто проявляясь в метафорических образах, и определяют этнокультурную специфику диалектной картины мира.

Наиболее ярко особенности ДКМ проявляются в конкретной реализации таких универсальных свойств общечеловеческой картины мира, как ее антропоцентричность и аксиологичность, обусловленных в диалекте спецификой мировосприятия данного этнокультурного сообщества.

В центре диалектной номинации (как, собственно говоря, и общенародной) стоит сам человек, познающий субъект, его восприятие действительности, ценностное отношение к миру реальных, и поэтому он сам и является главным мерилем значимости окружающего мира. В центре познания оказываются прежде всего тело, чувства, состояния, потребности и интересы самого человека. Мир вокруг себя человек воспринимает как созданный по своему образу и подобию. Антропоцентризм онтологический и ценностный отражается в диалекте в выборе «точки отсчета», оснований интерпретации реальных мира, а также в характеристике их аксиологической значимости.

Носитель диалекта, осваивая окружающий его мир, видит в нем прежде всего самого себя, оценивает и характеризует себе подобных. Кроме слов общеупотребительных, составляющих основу любого диалекта, в активном арсенале диалектоносителей обнаруживается целый ряд собственно диалектных наименований, связанных с физическими данными человека, чертами его характера (*неправый* 'калека', *недослых* 'плохо слышащий', *глуховатый*, *забурунный* 'скандальный, вздорный, необузданный', *режь* — *кровь не текёт* 'о слабосильном, немощем человеке', *хоть об лоб поросят бей* 'о физически здоровом, крепком человеке', *беспонречный* 'скромный, нетребовательный', *бзыкливый* 'вспыльчивый, неуравновешенный', *бескишечный* 'худой, болезненного вида'), внешностью (*безвидный* 'некрасивый', *хоть картинки пиши (с кого-л.)* 'привлекательный, красивый', *невзглядный* 'неприглядный, непривлекательный', *некутаха* 'неопрятный человек', *нехрютка*, *неумоя* 'грязный, неряшливый человек'), особенностями поведения, свойствами характера (*додельница* 'умелая хозяйка, мастерица', *бабнюк* 'любитель ухаживать за женщинами, бабник', *варакса* '1) грязнуля; 2) медленный, неповоротливый человек', *ненаедный* 'прожорливый', *нескулёбный* 'несобранный, неорганизованный', *нероботь* 'не способный

заработать', *слушмённый* 'послушный', *звонарь по чужой деньге* 'вор, грабитель, мошенник'), речевой и интеллектуальной деятельностью (*недосужий* 'несообразительный', *дубнутый* 'глуповатый, несообразительный', *допереть своим котелком* 'додуматься, сообразить', *набашковаться* 'набраться ума, опыта', *дотумкать* 'додуматься', *музоль на языке набить* 'болтать много и бестолку', *базгалить* 'ругаться, скандалить', *базява* 'сплетница', *белебенить* 'быстро говорить'), определенным душевным или физическим состоянием (*бедовать* 'бедствовать, терпеть нужду, испытывать горе', *незаручная* 'свободная, необрученная (о девушке)', *нетерпячка берёт* 'о невыдержанности, нежелании ждать, терпеть, о сильном желании', *бедуня* 'бедолага, несчастный человек', *невперенос* 'невыносимо, крайне тяжело', *набрыднуть* 'надоесть', *набульндиться* 'обидевшись, надуться, сделать недовольное лицо', *мухордиться* 'хмуриться'), родом занятий, профессиональной деятельности, типом межличностных отношений (*жить хозьяном* 'быть самостоятельным, иметь свой дом, содержать свою семью', *бабаечник* 'гребец на лодке', *знахарь* 'лекарь-самоучка', *балычник* 'рабочий на предприятии, изготавливающий балыки', *коваль* 'кузнец', *базорь* 'любовник', *желанник мамушкин* 'любимец в семье, добрый, ласковый, заботливый ребёнок', *зывальщик* 'человек, которому поручено зазывать, приглашать людей куда-либо')¹ и мн. др.

Антропоцентризм мировидения диалектоносителей проявляется еще и в том, что в говорах представлена развернутая синонимия наименований всего, что связано с самим человеком, его чувствами, переживаниями, физическими и физиологическими состояниями. Общерусскому слову *голова*, которое употребляется как оценочно нейтральное, в донских говорах соответствуют стилистически маркированные слова *калган*, *котел*, *котелок*; *руки* — *клевши*, *грабли*; *глаза* — *бельтюки*, *бельмы* и др.

¹Все примеры взяты из СДГВО.

Кроме того, общеупотребительная лексика нередко выступает в качестве фразеолекс в диалектных фразеологизмах и устойчивых конструкциях. Так, только одних фразем с компонентом *зуб (зубы)* нами выявлено свыше пятидесяти, ср.: *бить языком об зубы* ‘много и бестолку болтать’, *брать бороду в зубы* ‘поспешно собираться куда-либо’, *брать (взять) глаза в зубы* ‘внимательно смотреть, запоминать, обращать внимание на что-либо’, *брать зубом (на зуб)* ‘настойчиво требовать, добиваться своего’, *брать подол в зубы* ‘поспешно удаляться, убегать’, *взять в зубы нечего* ‘жить бедно, нищенски’, *взять зубы (губы) на замок* ‘замолчать’, *вставить зубы (кому-л.)* ирон. ‘побить’, *выставляя зубы* ‘1) смеяться над кем-л., насмеяться; 2) оказывать сопротивление’, *греть зубы* ‘смеяться, потешаться’, *грызть зубы* ‘1) сердиться; 2) важничать’, *губы и зубы говорят* ‘о ловком, подвижном, разговорчивом человеке’, *дать зуба* ‘побить’, *держат в зубах* ‘приводить в покорность, подчинять’, *звонить зубами* ‘дрожать от холода, замерзать’, *зуб горит (играет) (у кого-л.)* ‘кто-л. испытывает сильное желание’, *зуб до зуба не доходит (у кого-л.)* ‘кто-л. любит посмеяться, повеселиться’, *зуб об зуб колотится (у кого-л.)* ‘1) кто-л. сильно замерз; 2) кто-л. сильно напуган, встревожен’, *зуб с зубом не стыкается (у кого-л.)* ‘кто-л. много болтает, пустословит’, *зубы говорят (у кого-л.)* ‘кто-л. много болтает’, *зубы на полничку (положить)* ‘голодать, нуждаться в пище’, *и кровь уж из зубов не идёт* ‘о слабом, тщедушном, обессиленном человеке’, *клацать зубами* ‘голодать’, *кобыла зуб выпедила* шутл. ‘о беззубом человеке’, *ковырять в зубах* ‘проявлять нерешительность’, *конский зуб* ‘сорт крупной кукурузы’, *кутнёвый зуб* ‘последний, самый дальний в полости рта коренной зуб; зуб мудрости’, *ляскать зубами* ‘1) злиться; 2) страдать от недоедания, голодать’, *мыть зубы* ‘голодать, пить одну воду’, *набить (отбить) зубы* ‘угроза наказать, побить’, *не по-*

крывать зубов, не прикрывать зуб/зубов ‘постоянно смеяться, веселиться’, *носить в зубах кого-л.* ‘чрезмерно опекать, заботиться о ком-л.’, *оскаля зубы* ‘голодно, бедно, в большой нужде, ничего не имея’, *отскакивать от зубов (у кого-л.)* ‘кто-л. сильно бранится, даст отпор любому’, *повесить зубы на гвоздь* ‘голодать, не иметь возможности насыщаться’, *полоскать зубы* ‘пить, выпивать’, *приесть зубы* ‘надоесть’, *продавать зубы* ‘смеяться, хохотать’, *проесть все зубы* ‘сильно надоесть’, *проредить (прочистить) зубы* ‘наказать, побить’, *говорить скрозь зубы* ‘свысока, надменно говорить, разговаривать’, *сосчитать зубы (кому-л.)* ‘побить’, *сощемлять зубы* ‘напрягать усилия, сдерживаться’, *схватываться зуб за зуб* ‘вступать в решительную борьбу’, *считать зубы (кому-л.)* ‘бить кого-л.’, *толкать в зубы* ‘грубо напоминать кому-л. о чем-л.’, *хвост в зубы* ‘о спешных сборах’, *хоть зубами грызи* ‘о чём-л. грубом, твердом, прочном’, *хоть зубами ляскай* ‘о крайней бедности, голодном существовании’, *чесать зубы* ‘сплетничать, вести пустые разговоры’, *чистить зубы (кому-л.)* ‘наказывать кого-л., бить’, *язык в зубах завяз (у кого-л.)* ‘о чрезмерно молчаливом человеке’, *язык за зубы цепляется* ‘1) о сильно пьяном человеке; 2) о молчаливом человеке’ и нек. др.

С лексемой *нос* в диалекте зафиксировано более тридцати устойчивых сочетаний, ср.: *в носе не кругло (у кого-л.)* ‘кто-л. не способен сделать что-л.’; *запахать носом* ‘упасть’; *засовывать в рот и в нос* ‘есть с жадностью, утолять аппетит’; *и в носе сыро* ‘о молодом, неопытном человеке’; *и в нос не включается (кому-л.)* ‘кто-л. очень глуп, несообразителен’; *идти на носу* ‘быть сильно пьяным’; *как чирей на носу* ‘мешать, создавать неудобства’; *козы (кони, куры, овцы, свиньи) в носу ночевали (у кого-л.)* ‘кто-л. очень грязный, неаккуратный, неряшливый’; *копелить нос (губы)* ‘расстраиваться, плакать’; *не бросилось в нос* ‘не додумался, не сообразил’; *не вклю-*

нется в нос ‘кто-л. недогадлив, не смог (не может) додуматься, сообразить, понять’; *не высохло (не обсохло) под носом* ‘кто-л. еще мал, недостаточно опытен’; *не твоим носом сделано* ‘не твоё дело’ и др.

Устойчивых диалектных выражений с компонентом *рука* в донских говорах отмечено свыше шестидесяти, с компонентом *нога* — шестьдесят девять, *глаза* — около восьмидесяти. Достаточно широко представлены в качестве фразеолокс лексемы *лоб, губы, зубы, горло, язык, душа, сердце* и др., ср.: *язёвый лоб* ‘о глупом, неразумном человеке’, *один как глаз во лбу* ‘о полном одиночестве’, *(аж) с горла прёт (тянет)* ‘о полном насыщении, обжорстве’, *брать на горло* ‘добиваться своего криком, скандалом’, *горло не высыхает (не просыхает) (у кого-л.)* ‘кто-л. постоянно пьян, пьянствует’, *не загнать кусок в горло* ‘об отсутствии аппетита’, *набутузить губы* ‘обидеться’, *отквасить (отклячить) губы* ‘расплакаться’, *раскатать губы* ‘проявить излишнюю доверчивость, безосновательно поверить кому-л., напрасно размечтаться’, *через губу не переплюнет (кто-л.)* ‘о чрезмерно важничающем человеке, задавале’, *квелить душу* ‘сильно расстраивать, тревожить’, *класть душу на ладонь* ‘быть предельно откровенным’ и др.

Общеупотребительные соматизмы используются диалектоносителями не только для обозначений реалий, связанных непосредственно с частями тела человека, но и как косвенные номинации. Так, по представлению носителей говоров, нос может служить показателем интеллектуальных способностей человека, степени его сообразительности, опытности, ср.: *нос не дорос, в носе не кругло* ‘о тех, кто еще недостаточно опытен, мудр’; отнять свободу воли можно, если *взять за рёбра, завернуть нос, дать под салазки*; непосильная физическая работа определяется через состояние рук, ног, шеи, позвоночника (*не чуют под собой ног, руки-ноги отстают, надорвать хребтух*).

В донских казачьих говорах представлены разнообразные группы единиц, обозначающих «основные системы человека» [Апресян 1995: 51], ср.: физическое восприятие: *вонять* ‘пахнуть’, *и на понюх нет* ‘о полном отсутствии чего-л.’, *упулится* ‘смотреть пристально, не отрываясь’; физиологические состояния: *кишки пересудомились* ‘о сильном чувстве голода’, *голодовать* ‘голодать, испытывать нужду’; физиологические реакции на внешние или внутренние воздействия: *отбивать поморки* ‘падать в обморок’, *как жаром окатило* ‘бросило в жар’, *сбледнуться* ‘побелеть, побледнеть’; физические действия и деятельность: *кабкнуться, дрёпнуться* ‘упасть’; желанья, предпочтения: *уходить (венчаться) уходом* ‘выходить замуж без согласия родителей, игнорируя их волю и желанья’; *казаковать* ‘жить вольно, свободно’; вести беззаботный холостяцкий образ жизни; мышление, интеллектуальная деятельность в целом: *козломничать* ‘поступать по-своему, ни к кому не прислушиваясь’, *плетень без кольев* ‘о глупом, неразумном человеке’, *забивать глуды* ‘запутать, сбить с толку’; эмоции: *стать надолбнем* ‘замереть от страха’; *ковырять раны* ‘расстраивать, заставляя волноваться, периживать’ и др.

Диалектная картина мира отражает все основные стороны жизнедеятельности человека. Здесь представлено значительное количество диалектных лексем и фразем, репрезентирующих различные сферы жизни казачества — социальную, культурную, конфессиональную и др., а также значительный по объему мир артефактов, явления окружающего мира. Наиболее широко представлены в диалекте наименования, связанные с социальной сферой (*круг, казак, пай, атаман*), военной сферой (*полчане, односумы, урядник, сотник, атаманец*), социальным расслоением (*ни сохи ни бороны ни кобылы вороны, жировать, шапку палкой не достанешь, запирать ворота пирогами, кошку из-под стола выманить нечем*), верованиями и ми-

фологическими представлениями народа (*читать молебену, глазить, жить за Богородицей, шмига водяная, игреи, дуться как среда на пятницу, дояк, дед*), межличностными отношениями — дружескими, неприязненными, семейными и т. д. (*не давать в трату, не надыхать живота, извалять в перьях, и гав не брехал (о ком-л.), затынуть уздечку, отмутузить*), межэтническими контактами (*калмычина, сарынь-девка, как турки, сарай-ломаи-оглы, жить как хохол на отживе, завязать в калмыцкий узел*), трудовой деятельностью (*ледащий, моторный, не выходит из оглоблей, быть и в сохе и в бороне, запрягать в ярмо, как вянку вейть, важит, ковальня, кизеки, лежать колодой, не туда руки затёсаны*) и др.

Бытие человека оценивается им как непосредственная сфера применения его практических способностей, социального и культурного развития. Поэтому в диалекте широко представлены слова и фраземы, отражающие культурно-исторический, социально-общественный, профессиональный и бытовой опыт носителей диалекта. Например, значительно более разветвленной по сравнению с литературным языком является система номинаций кровных и некровных родственников (*папаша, папашка, папака, батяка, батя, батяшка, батюня; бабуня, бабаня, бабанюшка, бабака, бабика* и др.). Многочисленны и разнообразны диалектные наименования одежды и обуви казаков (*гусарики, гетры, чувяки, поршни, пальтушка, плюшка, донская шуба, зипун, гешка* и др.), продуктов питания и всевозможных национальных блюд (*кулага, бурсак, бурсачик, каньш, каравай, польская каша, казачий рассольник, ирьян, стечное (порточное) молоко, каймак* и др.

В ДКМ отражаются наивные — ненаучные — представления носителей диалекта о предметах, признаках, явлениях, действиях, состояниях и качествах окружающего мира, обусловленные в первую очередь квалификативной дея-

тельностью сознания и опирающиеся на утилитарные, аксиологические, морально-этические оценки. Эти оценки носят во многом универсальный характер (трудолюбие, честность, преданность, дружба, доброта положительно оцениваются у всех народов, ср.: диал. *баглай* неодоб. 'лентяй, бездельник', литер. *туняедец* 'тот, кто живёт за счёт чужого труда, бездельник, дармоед'; диал. *и на коне и на войне был* 'об опытном, ловком, лихом человеке', литер. *пройти огонь, воду и медные трубы* с тем же значением; диал. *тёмные друзья* 'верные, надёжные друзья', литер. *водой не разольёшь (кого)* с тем же значением; лень, безразличие, зло, воровство, грубость всеми осуждаются, ср.: диал. *ни цоб ни цобэ*, литер. *ни богу свечка ни чёрту кочерга* с общим значением 'ни то ни сё' и т. п.).

Аксиологический характер диалектной картины мира обусловлен спецификой самой знаковой номинации: разнообразные и подробные языковые обозначения получают те предметы, свойства, явления, которые наиболее важны и значимы в жизни народа, представляют собой этнокультурные ценности или оказываются постоянно востребованными в повседневной жизни и общении жителей сельской местности друг с другом.

Истоки ценностных отношений — в социальном характере деятельности людей. В качестве объектов такого отношения выступает все многообразие предметно-практической деятельности и общественных отношений, поэтому они не могут не быть отраженными в языке.

Ценности служат важным фактором социальной регуляции поведения диалектоносителей и их отношений. Однако этим не исчерпывается содержание понятия ценности. Если бы всякая потребность субъекта удовлетворялась автоматически, сама по себе, то ценностного отношения возникнуть не могло бы: добро ценится потому, что ему противостоит зло; истина выступает как ценность, так как существует ложь; прекрасное является ценностью благодаря тому, что на зем-

ле существует безобразное, жизнь и здоровье человека особо ценятся оттого, что есть болезни и смерть. Такое объективное противопоставление неизбежно формирует языковые оппозиции. В диалектной среде такими базовыми антиномиями, представленными значительным количеством оценочных номинаций (покажем это на примере фразем), можно считать «богатый — бедный» (*запирать ворота пирогами — кошку из-под стола выманить нечем*); «толстый — худой» (*баглай ожерелистый — как успенская селёдка*); «трудолюбивый — ленивый» (*все в руках горит — волка в огороде завелись*); «умный — глупый» (*куфилка варит (у кого-л.) — Ванька дома, Гришки нет*); «болтливый — молчаливый» (*как докучная басня — жаба на языке испекётся*); «говорить правду — врать» (*как на духу — брехать языком*); «оберегать — наказывать» (*не давать соринке упасть (на кого-л.) — накручивать вихры*) и др.

Система ценностей диалектоносителя как социального субъекта, формирующего языковую картину мира, может включать в себя ценности разного порядка, представленные в диалекте различным количеством языковых единиц в зависимости от места той или иной ценности в общекультурной иерархической структуре. Универсальными оказываются прежде всего ценности:

1) смысложизненные (представления о добре и зле, благе, счастье). В диалектной картине мира номинаций с такой семантикой немало, ср.: *зверь зверем* 'о злом, жестоком человеке'; *звериное сердце* 'о жестоком, бессердечном человеке'; *добрячий* 'очень хороший'; *добрина-человек* 'о добром, отзывчивом человеке'; *не в худой час* 'в хорошее время'; *один чёрт малевал (кого-л.)* 'об одинаково плохих людях'; *кататься как яичко на блюдечке* 'жить в полном достатке, счастливо, ни в чем не нуждаться' и др.;

2) витальные ценности (жизнь, здоровье, личная безопасность, благосостояние, семья, родственники, образова-

ние, правопорядок и под.): *как с креста снятый* ‘о ком-л., имеющем болезненный вид’; *бедство* ‘бедность’; *оборкой хлеб резать* ‘о крайней бедности, нищете’; *быть в щетине — стать в пуху* ‘разбогатеть’; *палкой рога не достанешь* ‘о богатом, заносчивом человеке’; *здоровяка* ‘человек, пышущий здоровьем’; *зажить как на собаке* ‘быстро зажить, перестать болеть’; *бить на «г»* ‘подчеркивать свою образованность’ и мн. др.;

3) ценности общественного признания (трудолюбие, квалификация, социальное положение и под.): *бурлак* ‘одинокый человек, не имеющий ни семьи, ни дома’; *алырник, баглай* ‘бездельник, лодырь’; *все укрыто, все умыто (у кого-л.)* ‘кто-л. умеет поддерживать порядок’ и др.;

4) ценности межличностного общения (честность, бескорыстие, доброжелательность, взаимопомощь, терпимость, верность, любовь и т. п.): *гутарить в открытую* ‘вести разговор начистоту’; *как попу на душу* ‘честно, откровенно’; *на повес головы* ‘с повинной’; *подпирать плечом* ‘оказывать помощь, поддерживать’ и др.;

5) ценности личного развития (чувство собственного достоинства, внешняя привлекательность, воспитанность, образованность, умение вести разговор, храбрость, смелость, альтруизм и под.): *безбоязный* ‘храбрый, отчаянный’; *изпод пят кожу рвет* ‘о ловком, смелом, решительном человеке’; *цимбала медовучая* ирон. ‘о разговорчивом человеке’; *волоха* ‘неопрятный человек’; *коситься сентябрём* ‘зазнаваться, вести себя высокомерно’; *алатарь* ‘оратор, красноречивый’ и др.

Коллективистские ценности связаны с такими понятиями, как солидарность, дружба, взаимовыручка, толерантность, интернационализм, дисциплина, организованность и под. В донском казачьем диалекте эти ценности репрезентированы значительным количеством лексических и фразеологических единиц, ср.: *казачий круг* ‘орган самоуправления казаков’; *выводить на склизкое* ‘привлекать к обще-

ственному суду'; *одна чашка-ложка* 'о близких по духу и образу жизни людях'; *полчане* 'друзья'; *братъ на поручительство* 'оказывать поддержку, ручаться за кого-л.' и др.

Партикулярные ценности представлены в диалектной картине мира:

1) ценностями традиционными (любовь к родной земле, к Дону-батюшке, подчеркнутая социальная обособленность казачества, авторитет атамана и нек. др.): *нет талану на Тихом Дону* 'о непростой, порою трагичной судьбе казаков'; *на родной сторонушке рад любой воронушке* (поговорка); *на донской сторонке каждый кустик ночевать пустит* (поговорка); *казачья узватка* 'особая казачья удаль';

2) ценностями религиозными (вера в Бога и Справедливость, стремление к абсолютам, дисциплина как добропорядочность, соблюдение основных заповедей и др.): *жить за Богородицей* 'жить счастливо, ни в чем не нуждаться'; *раскланиваться как перед иконой* 'выказывать кому-л. излишнее уважение'; *как дьякон на амвоне* 'долго и нудно говорить о чем-л.' и др.

Ценностная деятельность этнического сознания охватывает цели и идеалы, присущие представителям определенного этнического коллектива, поэтому ценности всегда социально детерминированы. В ценности отражаются сами потребности и интересы людей, отнюдь не являющиеся продуктами их субъективного произвола, а имеющие глубокие основания в существующей системе общественных отношений, в биосоциальной природе человека. Формирование ценностного мнения об определенном факте действительности осуществляется на основе личных взглядов и представлений индивида, сложившихся в определенном социокультурном обществе, развивающемся в русле межпоколенно транслируемых традиций, основ морали, стереотипов поведения, эталонов нравственности. Поэтому уверенно можно утверждать,

что ценностные смыслы, заложенные в языковой знак, отражают установки целого коллектива носителей языка, специфику этнического восприятия окружающего, своеобразие этноязыковой картины мира. Диалектная картина мира, базирующаяся на принципе антропоцентризма и сформированная в результате ценностной деятельности сознания, полно и многоаспектно отражает все особенности мировосприятия носителей диалекта.

Литература

Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 47–63.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999.

Брысина Е. В. Этнокультурная идиоматика донского казачества. Волгоград: Перемена, 2003. 448 с.

Пешковский А. М. Избранные труды / подгот. к печ., вступ. ст. и коммент. И. А. Василенко и И. Р. Палей. М.: Учпедгиз, 1959. 250 с.

Хайруллина Р. Х. Фразеологическая картина мира. Уфа, 1995. 357 с.

Из опыта исследования монологической диалектной речи: фольклорные и бытовые тексты*

И. А. Букринская, О. Е. Кармакова

В статье анализируются диалектные рассказы-воспоминания в сравнении с малыми жанрами фольклора — быличками и бывальщинами. Авторы на конкретном материале показывают, что фольклорные и обыденные тексты имеют много общих черт.

Ключевые слова: диалект, фольклор, нарратив, речевые жанры

Корпусы диалектных текстов, собранные во многих научных центрах России, включая Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, содержат наряду с лингвистическими данными и иные: социологические, исторические, этнографические, фольклорные, которые способствуют описанию диалекта как особой культурно-коммуникативной общности [Демешкина и др. 2006; Гольдин, Крючкова 2010].

Среди многообразия текстов нередко встречаются образцы устного народного творчества: былички, заговоры, песни, причитания, колядки, частушки и т. д. Наличие в записях быличек и бывальщин естественным образом натолкнуло нас на мысль сопоставить их с другими видами диалектных нарративов. Подобное сравнение показало, что повествовательная народно-поэтическая речь и обыденная имеют много общего. Как следует из записей, особенно часто вплетаются в ткань диалектных монологов именно суеверные рассказы — былички и бывальщины. Почему это происходит? Нам

---

* Исследование проводится при финансовой поддержке гранта РГНФ № 14-04-18029(е) «Диалектологические исследования центра Европейской части России и восточнославянского пограничья».

представляется важным замечание фольклористов по поводу того, что обращение к быличкам не бывает самоцелью для информанта, а всякий раз связано с определенной житейской ситуацией или психологической ассоциацией, и рассказ одной былички закономерно влечет за собой целый ряд похожих случаев. Обычно яркие, выразительные истории, в ткань которых вплетены былички, пословицы, поговорки и другие фольклорные жанры, можно услышать не от каждого информанта, а лишь от хорошего рассказчика, умеющего и любящего беседовать.

Напомним, быличка — это короткое повествование о встрече с чем-то сверхъестественным, чаще всего с «нечистой силой». Подобные факты оказываются включенными в обычную жизнь. Как пишет этнолингвист О. В. Санникова, «информация о сверхъестественном бытует (...) не как отвлеченное абстрактное знание (...), а как выражение конкретного бытового опыта людей, сталкивающихся с демоническим миром в повседневной жизни» [Санникова 1994: 81]. Именно поэтому главной чертой быличек и бывальщин — несказочной прозы — является установка на реальность, правдивость и достоверность описываемых событий.

Несмотря на близость характеристик, фольклористы разграничивают былички и бывальщины. Так, Э. В. Померанцева отмечает, что **быличка** представляет собой **меморат**, рассказ о личном опыте, единичном случае, а **бывальщина** — **фабулат**, историю, имеющую более сложный сюжет, в ней действующим лицом может выступать как рассказчик, так и другой субъект, т. е. представлен пересказ события, происшедшего с кем-то из знакомых [Померанцева 1968]. Бывальщины шире по тематике, к ним относятся истории не только о нечистой силе, но и о самых разных невероятных или таинственных событиях. При этом рассказчик не объясняет и даже не может объяснить случившегося (этот момент сродни волшебной сказке), иногда он сомневается, было ли оно вообще, или только привиделось ему, пригрезилось.

Тем не менее ориентация на достоверность является ведущей чертой описываемых фольклорных нарративов, поскольку автор считает произошедшее реальным. Но это не единственная их характерологическая черта, несказочной прозе присущи и другие универсальные установки — установка на мифологичность и эстетизацию. Особо хотелось бы подчеркнуть, что в описываемых жанрах сочетаются противоположные тенденции — мифологичность и достоверность. Так, фольклорист М. Н. Власова замечает: «Поэтика былички, во многом обусловленная ее связью с древнейшими религиозными воззрениями, являет собой систему отражения и преобразования действительности (...) “описания” ее в мифологических образах, мотивах, часто соотнесенных с архаическими представлениями и совмещающими в себе “понятие” и “образ” (т. е. в сущности, “информацию” и “эстетику”）」 [Власова 1992].

Универсальные составляющие — мифологичность и установка на достоверность — отличительные черты не только указанных фольклорных жанров, но и рассказов информантов, говорящих о прошлом и идеализирующих его. Нами было рассмотрено большое количество монологов-воспоминаний, в том числе автобиографических, записанных в разных областях России. Диалектной монологической речи свойственны следующие основные черты: композиционная сложность, многоплановость, постоянное указание рассказчика на реальность, истинность событий, иконичность (изобразительность), экспрессивность, эстетизация, допускающая поэтический вымысел.

Анализ нарративов показал, что у рассказов-воспоминаний, с одной стороны, быличек и бывальщин, с другой, можно обнаружить общие признаки. Рассматриваемые тексты хорошо выделяются в потоке монологической речи, так как характеризуются четким обозначением начала и конца повествования; наличием оценочного компонента; присутствием в тексте авторского взгляда на ситуацию, обобщением

жизненного опыта. Для убедительности говорящий приводит множество деталей и подробностей, которые могут восприниматься слушающим как избыточные. И воспоминаниям и быличкам/бывальщинам присущ изобразительный тип речи — репродуктивный регистр. Его составляющими является подсистема сюжетных времен, наличие конкретных наблюдаемых действий, хронотопа, перцептивного присутствия говорящего субъекта, автора [Золотова и др. 2004]. Важнейшую роль в построении таких рассказов играют повторы на всех уровнях: композиционные, синтаксические, лексические и даже фонетические.

Бытовые и фольклорные нарративы, как и другие разновидности фатических монологов, условно подразделяются на три группы: рассказ-случай, рассказ-повествование, рассказ-пластинка [Китайгородская, Розанова 1999: 43–44; Букринская, Кармакова 2008: 415–419]. Каждый из них может быть передан от лица самого рассказчика или являться пересказом истории, произошедший с другим. Рассказу-случаю соответствует быличка, а рассказ-повествование и рассказ-пластинка реализуются в бывальщине.

Обычно композиция былички такова: вначале обязательна ссылка на авторитет, указание на конкретного человека, с которым произошло описанное событие, на определенную местность. Часто действие происходит в сумерках, вечером, ночью (в темное время суток), разворачивается в уединенном, пустынном месте. После экспозиции следует сам случай, т. е. собственно встреча с «нечистой силой», его могут предварять слова: *вдруг, и слышу, и видит...* Далее идет концовка: самораскрытие нечистой силы и ее исчезновение.

Сравним различные типы текстов для подтверждения нашей точки зрения о сходстве фольклорных и бытовых нарративов. В качестве примера взяты записи, сделанные в 2006 г. в д. Лобок Невельского р-на Псковской обл. от Екатерины Яковлевны Тищенко, 1923 года рождения, окончившей 10 классов. Следует заметить, что от этой замечательной рас-

сказчицы записано большое число быличек и бывальщин, которые следовали одна за другой.

Первый пример — быличка-случай.

Поросёнок

А яшишо у Крякине у нас парни — я тады девчонкой была — ишли на танцы. Вышли (долгая пауза) — поросёнок, ну поросёнок такэй, пуда на два-три. Н, мы улядём один на одноу, а с тросточкой мы ишли. Откуда ж это он браўся, у коу он удрал? Один уовóрит: «Васька, дай ты тому этой палкой». Он раз на друуей бок перескочыў. Как этот тольки замазнется, он на этот бок перескочыт. Тады уовóрит: «Плохёи вы ходоки!» — и не стаў. А это нечистая сила была свиннёй.

(Вопрос диалектолога — А кто это сказал: «Плохие вы ходоки?») *Свиння эта, челоувечьим уолосом.*

В основе сюжета лежат народные верования в то, что в свинью может оборачиваться ведьма или черт. Быличка имеет классическую композицию: в самом начале дается указание на определенное место (*у Крякине*), на время: идут на танцы — значит, дело к вечеру («опасное» время). Достоверность подчеркнута тем, что рассказчица знала участников события и ведет повествование от их имени — «мы», даже не оговаривая этот факт, приведены уточняющие детали: «*я тады девчонкой была*», «*поросёнок такэй, пуда на два-три*», участники задаются вопросом «*у коу удрал*». Имеет место и наиболее распространенная концовка былички: заговорив, нечистая сила обнаруживает себя, а потом исчезает. В тексте присутствует изобразительный тип речи.

Следующий пример фольклорного нарратива — бывальщина, информантка пересказывает историю со слов своего свёкра.

Баня

А мой свёкор, йон был мужик такёй отчаянный, и он дуже не работал, а тольки по братám, по сестра́м, их мноуо было. Рыжаки (название деревни), магазинчик такей раньше, это раньше, до войны. И вот, уговорить, иду — ворона «кырк-кырк». Я, уговорить, иду, опять ина меня не оставлять, эта ворона, пока я, уговорить, не перекрести́ся. У меня шапка начала подыматься. А тады там стояла баня, иду (вот почаму я и боюся бань — замечание рассказчицы), иду, уговорить, слышу: ну такёи танцы, такёи пляски в этой бане, что ...ну невыносимо. Я шел, шел, у меня шапка на эту... уже с головы валится, я эту шапку в руку да быстрей, быстрей, да давай Боуу молиться. Да еле вот поднялся сюды на уору́, тут дярэвня стала. Ну такеи пляски ишли, уговорить, в той бане, вроде там какое-то вясёлле. Вот лично, я врать не буду, лично мне это было. А вот это нечыстая сила.

Приведенный текст является классической бывальщиной. Но эта история, хотя повествует о столкновении человека с чем-то загадочным, всё же, на наш взгляд, ближе к бытовому рассказу. Композиционно бывальщина строится по обычной схеме: есть экспозиция — указание на пространственно-временные параметры (*Рыжаки, магазинчик такей, это раньше, до войны*), на рассказчика (*мой свёкор*), присутствует мифологический персонаж — ворона, предвестник несчастья, посредник между мирами, мистическое место — баня, встреча с таинственным — песни, пляски в бане, которые слышны, но не видны. Однако потусторонние силы не обнаруживают себя явно, а вывод об их наличии делает сам автор, подводя итоги. Надо заметить, что для деревенской речи является типичным вести пересказ от первого лица даже в том случае, когда действие происходит не с самим говорящим, а с кем-то другим. Этот прием должен подтвердить

истинность происшедшего, которая к тому же подчеркивается обязательной формулой достоверности: *«Вот лично, я врать не буду, лично мне это было»*. Присутствует и детализация, свойственная диалектным текстам, события передаются в изобразительном регистре, разворачиваются как бы на глазах у слушателя. В рассказе мы отмечаем лексические и синтаксические повторы, а также субъективный взгляд автора: *«вот почаму я и боюся бань»*, в конце повторяются слова, завершающие и быличку: *«А вот это нечыстая сила»* — вывод, не вызывающий сомнений у информанта.

К рассмотренным фольклорным нарративам очень близки бытовые рассказы, повествующие о столкновении человека с чем-то пугающим и страшным. Таковым и является третий рассказ Е. Я. Тищенко.

Мама приходила

А у меня лично со мной был случай. Отправляла сына ув армию, ну ён поехал на это... в кино с друуом своим, а я думала, протру я мостру, что завтра ж гости собираются, а дожэжок такэй моросит, дожэжок, и тёпло, тёпло, тихо.

Родители были осенние. Вот как раз мы собирались в еты родители. Осенние родители оны бывают чятвертаую ноября, ууляли-то мы уже не в родительский день, а назавтреу. А я собираюсь, тут у меня жєнишина приглашєна ну уотовить ешио, собирать, уоворю: «Ну, я на кладбишио зоть ноччу, а все равно пойду, я не могу не сходить».

Я это узяла куттї, там закуски, пячєннє, конфет и побєула на кладбишиє. Прихожу да уоворю: «Мама, я отпрувляю Лєню своеу ув армию, остаємся мы тольки вдвоих, больше у нас никоуо нет» (а мама послє дочки умерла). Ну, а это Машка (сосєдка) тот уот...: «Забяуи ты и на мои кладбишиа, что я сеуднє не пойду». Я это кутти посыпала, конфет, пячєннє полбжила, забєула на ту мууилку и прихожу домой.

И стала протирать, а Сашка (зять) на печке спать, ну правда не пьяный — трезвый. Послушала (у нас очень слышно, куда под окном идет): по шлеху — шлёп, шлёп, шлёп, шлёп, шлёп (шлях 'дорога'). Ну, это Лёнька с кина бяуить. Я это прыу со стола долой, побёула, открыла дверь — ну никоуо нет. Ну я чуть ноуи себе не посякля, так спууалась, как дала оттуль. Сашку за ноуу потрясла: «Ты, уоворю, спишь, вот так со мной случилось». — «Во... ой, твою мать, а что с тобой случилось?» Да вот, уоворю, так и так. Ещё послушала, постояла: нет. — Идет, идет, шлёпаеть. Я это побёула открыла — никауо нет.

Вот это мама приходила. Точно знаю, что это ина приходила. Вот это лично уже со мной было. Такеи случаи. А вот она уварила: «Умру, тады всё тебе расскажу, приду с тоуо света, что, как это з Люсей (дочь) случилось». Никуда не видела, никуда не пришла и не рассказала. Это так. Видимо, не положено.

Приведенный рассказ-повествование, как было сказано выше, весьма похож на фольклорный нарратив, но присутствующая «таинственность» допускает и вполне реалистическое объяснение. Однако героиня, являясь представителем традиционного народного менталитета, видит в случившемся неоспоримую связь с потусторонним миром: приход покойницы-мамы, которая при жизни обещала навестить дочь. Любопытно, что рассказчица сама объясняет «неудавшуюся» встречу тем, что разным мирам «не положено» общаться. Обратимся к построению текста: в нем ясно выделяется начало и завершение рассказа, в экспозиции следует отсылка ко времени, в самой истории присутствует обилие ненужных для развития сюжета деталей: описание погоды, упоминание женщины, помогающей готовить, соседки, просившей зайти на могилу ее родных, гостинцев, что несла на кладбище, люстры и т. д. Все эти подробности делают слушателя как бы непосредственным свидетелем-участником собы-

тий. Происходит совпадение, что характерно для диалектной и фольклорной речи, ситуации темы с ситуацией текущего общения, проявляющееся в обилии прямой речи, в использовании глаголов настоящего времени при описании событий в прошлом. В тексте находим экспрессивные глагольные междометия *шлёп*, *прыг*, которые передают значение неожиданности, быстроты и резкости действия [Виноградов 1972: 435]. Присутствуют и различные виды повторов: композиционный, синтаксический, лексический. В качестве связующих элементов выступают повторяющиеся частицы с указательным и усилительным значением: *вот*, *это*, *ну*. Все перечисленные черты придают тексту большую экспрессивность. И вновь говорящим, как и в предшествующих текстах, для подтверждения правдивости рассказа используется фигура достоверности: «*Вот это лично уже со мной было. Такеи случаи*».

Приведенные нарративы заканчиваются определенным итогом, который эксплицирует суть сказанного. В большинстве случаев в завершение диалектных рассказов автор делает вывод, касающийся жизни как таковой, нравственное или духовное обобщение. Интенцией подобных нарративов может быть передача жизненного (или житейского) опыта, осмысление отношения к окружающей действительности, объяснение мира (мировоззренческая составляющая), желание предостеречь слушателей, дать им поучение, в некоторых случаях просто развлечь.

В заключение еще раз подчеркнем, что в диалектных рассказах, как в бытовых, так и фольклорных, ясно различим тот особый миропорядок русской деревни, в котором прослеживается связь человека со всем сообществом деревни, с живыми и умершими родственниками, связь с природой во всех ее проявлениях, включая общение с потусторонними силами, которое происходит хотя и с некоторой боязнью, но как нечто неизбежное, всем известное и происходящее искони,

помогающее в жизни или осложняющее ее. Граница между двумя мирами у деревенского жителя проницаема и зыбка, что и отражается в различных типах диалектных монологов, обуславливая их несомненную близость.

Литература

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Структура и жанровые особенности диалектного текста // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. III. М., 2008.

Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972.

Власова М. Н. Былички (базовые мотивы и их эволюция): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1992.

Гольдин В. Е., Крючкова О. Ю. Русская диалектология. Коммуникативный, когнитивный и лингвокультурный аспекты. Саратов, 2010.

Демешкина Т. А., Верхотурова Н. А., Крюкова Л. Б., Курикова Н. В. Лингвистическое моделирование ситуации восприятия в региональном и общероссийском дискурсе. Томск, 2006.

Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.

Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999.

Померанцева Э. В. Жанровые особенности русских быличек // История культуры, фольклор и этнография славянских народов. VI международный съезд славистов Доклады советской делегации. М., 1968.

Санникова О. В. Польская мифологическая лексика в структуре фольклорного текста // Славянский и балканский фольклор. Вера. Текст. Ритуал. М., 1994.

Наименования объектов нанорельефа как отражение диалектной языковой картины мира (на материале орловских говоров)

Н. В. Бурко

В данной статье рассматриваются наименования некоторых объектов нанорельефа (ям на дороге), которые отражают специфику восприятия окружающей действительности носителями русских народных говоров и позволяют лучше понять и полнее воссоздать диалектную языковую картину мира русского человека.

Ключевые слова: диалектная языковая картина мира, семантический диапазон, семантическая структура, семантический переход

Важное место в жизни человека и общества занимает язык, «являющийся и культурой, и формой её существования, и культурной и иной памятью народа» [Бондалетов 2004: 4].

«Лексика — очень чувствительный показатель культуры народа, — отмечает Э. Сепир, — и изменение значений, утеря старых слов, создание или заимствование новых — всё это зависит от истории самой культуры» [Сепир 1993: 243]. В формировании языковой картины мира важную роль играет природа, в частности элементы рельефа, из которых строится модель земной поверхности. «Диалектоноситель не только познает мир, но и одновременно оценивает его с точки зрения значимости его составляющих для удовлетворения своих потребностей» [Демидова 2007: 102]. Диалектная географическая лексика принадлежит к тем немногим разрядам слов, которые «по самой своей природе исторически особенно устойчивы, сохраняются на протяжении многих веков» [Кот-

ков 1975: 15] и позволяют более полно воссоздать языковую картину мира русского человека.

Нанорельеф (nanus — карлик; карликовый рельеф) — это «самые мелкие элементы рельефа, диаметр которых колеблется в пределах от нескольких см до 0,5–1,0 м, относительная высота до 10 (реже 30) см. Примеры нанорельефа — мелкие западины, бугорки, сусликовины, мерзлотные полигоны, кочки, неровности, созданные обработкой и т. д.» (ТСП: 143), «самые мелкие формы земной поверхности (например, кротовые кучки, пахотные борозды)» (БЭС: 254).

К объектам нанорельефа можно отнести и такие отрицательные формы рельефа, как ямы на дороге. Образуются такие углубления от частой езды (то есть бывают выбиты колесами) или же вымываются дождями.

В «Словаре синонимов русского языка» З. Е. Александровой (Александрова 1968: 600) в состав синонимического ряда со значением ‘яма на дороге’ включены слова *рытвина*, *ухаб*, *ухабина*, *колдобина*. В «Словаре синонимов русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой (ССРЯ: 638) этот ряд дополняет лексема *выбоина*.

В орловских говорах для обозначения названной географической реалии, кроме перечисленных общенародных слов, употребляются апеллятивы *валушка*, *колдабина*, *колдобань*, *колдобаха*, *колдубина*, *колдобка*, *колёвина*, *колявина*, *калюжка*, *клевинка*, *конубри*, *ляда*, *рычки*.

Как видим, среди перечисленных лексем выделяется целое словообразовательное гнездо: *колдобина*, *колдабина*, *колдобань*, *колдубань*, *колдобаха*, *колдубина*.

Апеллятив *колдобина*, имеющий в ряде словарей (БАС-2 2: 71; Александрова 1968: 600; ССРЯ: 638) помету «простореч.», известен и широко употребителен на Орловщине: *Там дарогэ — адни калдобины* (Орл.). *О-ой, па калдобинэм этым тащитца? Лутшы в абвэст* (Новодер.).

Происхождение слова не совсем ясно. «Возможно, восходит к *кодолбина*, пережившему метатезу и в этом случае

являющемуся образованием с суффиксом *-ина-* от *кодолба*. Последнее слово могло быть образовано как существительное ж. р. на *-а* от *кодолбить*, являющегося префиксальным производным (преф. *ко-* — то же, что в *каверза*, *ковер*, *коверкать...*) от *долбить*» (КЭСРЯ: 204). «Обычно связывается с укр. *ка́довб*, *ка́дуб* ‘старая бочка, чан’, блр. *кадоўба* ‘выдолбленный ствол дерева’, чеш. *kadlub* ‘посуда из цельного куска дерева; литейная форма’, польск. *kadłub* ‘ствол, колода, чурбан’⟨...⟩ Русское слово отличается по значению, но было бы рискованно объяснять его из **kolodylba* от *колесо*, то есть первоначально ‘колея’» (Фасмер 2: 287). Н. И. Толстой считает наиболее вероятным переход из сферы терминов посуды в сферу географической лексики [Толстой 1969: 220]. Интересно заметить, что в орловских и курских говорах зафиксировано слово *колдыбанка*, относящееся к терминологии посуды: ‘кадка, кадушка’, в курских также ‘лоханка, шайка (с водой)’ (СРНГ 14: 118).

Лексема *колдобина* распространена во многих русских говорах. Со значением ‘выбоина, ухаб, рытвина на дороге (часто с водой)’ она известна в орловских, воронежских, западно-брянских, пензенских, рязанских, тульских, калужских, смоленских, псковских, тверских, калининских, костромских, ярославских, свердловских говорах (СРНГ 14: 115), а с более узким значением ‘выбоина в дорожной колее’ отмечена в Болховском районе Орловской области (СРНГ 14: 115).

Представлено в русских народных говорах и множество фонетических и словообразовательных модификаций рассматриваемого слова. С таким же или близким к уже указанному значению известны лексемы: в орловских говорах (СОГ 5: 59) *колдобань* ‘рытвина или выбоина на дороге’ *Большая кълдабань на дароги. Дарога плахая, адни кълдабани* (Дмитр.), *колдабина* ‘рытвина, ухаб’ *Кълдабинъ была: вада там стаить* (Тросн.), *колдубина* ‘рытвина или выбоина на дороге’ *Дарогу выбили, што ехэть нильзя, адни*

калдубины (Колпн.), экспрессивно окрашенная лексема *колдобáха* ‘рытвина или выбоина на дороге’ *Ни дарога — адни кълдабахи* (Урицк.), а также *колдобáшина* и *колдоббiна* (СРНГ 14: 115). Две последние лексемы употребляются также в псковских, тверских, тульских и (*колдоббiна*) в рязанских говорах (СРНГ 14: 115). Кроме того, в соседних тульских говорах известно слово *колдобáина* ‘глубокая выбоина на дороге, заполненная водой’ (СРНГ 14: 115); в курских говорах *колдубáжина* ‘выбоина, ухаб’ (СРНГ 14: 117); в рязанских говорах *колдыбáшина* ‘рытвина, выбоина, ухаб, яма’, *колдыбáнь* ‘яма на дороге и в других местах’, *колдыбáха* ‘рытвина, выбоина, ухаб (на дороге)’ (СРНГ 14: 118–119); в воронежских *колдыбáшина* ‘выбоина на дорогах, лугах или степях’ [Толстой 1969: 223], *колдыбáнь* ‘рытвина, выбоина, ухаб (на дороге), часто с водой’ [Толстой 1969: 118]; в донских *колдубáнь* ‘выбоина со стоячей водой’ [Толстой 1969: 222]; в московских *колдоба*, *колдобаина* ‘выбоина, рытвина’ (Иванова 1969: 208), *колдыбáнь* ‘яма на дороге и в других местах’ [Толстой 1969: 222]; в ярославских *колдбмина* ‘ухаб, рытвина’ (ЯОС 5: 49); в псковских *калдббина* ‘рытвина на дороге’ [Толстой 1969: 222] и др.

Семантический диапазон слов, вариантов и производных от *колдббина*, во многих случаях значительно шире представленных здесь значений, но именно они явились своеобразной «отправной точкой» для дальнейших семантических переходов.

На основе значения ‘рытвина, выбоина, ухаб на дороге’ в некоторых народных говорах от слова *колдббина* образовался глагол *колдыбать*: в орловских говорах *колдыбать* ‘идти медленно, спотыкаясь’: *Я лутшы абайду, а то буду тут кълдыбать два часа* (Орл.). *Долгъ ты будиш кълдыбать? Иди пзбыстрее ды пад ноги сматри* (Залег.); в смоленских, курских говорах *колдыбать* ‘хромать, плестись, идти медленно, опираясь на палку’ (СРНГ 14: 119); в курских говорах *колдыбать* (удар.?) ‘медленно ехать, тащиться

еле-еле' (СРНГ 14: 119); в красноярских говорах *колдóбатъ* 'идти кое-как, спотыкаясь', 'хромать' (СЮКК: 147).

Дериват *колдобáнка* употребляется на Орловщине при обозначении дороги с выбоинами, ухабами (СОГ 5: 59): *Пъ кълдабанки ехълъ машина* (Урицк.).

Со значением 'рытвина или выбоина на дороге' употребляются в орловских говорах слова *калбóжка*, *колявина*.

В СОГ лексема *калбóжка* дана с правописанием через *о* — *колюжка* (СОГ 5: 70), что, возможно, не соответствует этимологии слова. Слово это этимологически не бесспорное, на его происхождение существуют по меньшей мере две точки зрения. Одни исследователи полагают, что рассматриваемое слово образовалось «из префикса *-ка-* и *luža*(...), собственно, "что за лужа"» (Фасмер 2: 170).

Другие же «не склонны выводить этимологию слова ⁺*kaluža* из местоименной приставки **ka-* и **luža*, или из сложения форм **kolo-luža*», а принимают «за исходный этимон слово **kaly* 'грязь' с суффиксальным образованием в виде пейоративов **-uža*, **-uža*» [Толстой 1969: 240]. В этом случае, возможно, значение 'болотистое место, топь, грязь', отмеченное у слов *калбóжа* в тульских говорах, *калбóжина* — в псковских, смоленских, краснодарских; *калбóжка* — в южных тульских, воронежских, курских говорах (СРНГ 13: 9), ближе к этимологически предполагаемому, а значит, значение 'лужа' — результат семантического перехода. В пользу этого, возможно, свидетельствует и тот факт, что в (СлРЯ XI–XVII 7: 38) лексема *калúга* отмечена только со значением 'болото, трясина'.

По наблюдениям Н. И. Толстого, «термин ⁺*kal'uža* — общеславянский с устойчивым основным значением, с достаточно широкой амплитудой семантического колебания в отдельных локальных зонах» [Толстой 1969: 238].

В русских народных говорах со значением 'лужа' употребляются слова: *калбóжа* — в орловских (СОГ 5: 13): *Дош был, на улицу ни хади: там калюжы* (Малоарх.), в курских,

донских, кубанских, краснодарских, ставропольских, брянских, тульских, свердловских говорах (СРНГ 13: 9); *калю́жина* — в курских, донских, краснодарских говорах; *калю́жна* — в тульских, рязанских, брянских говорах; *калю́жна* — ‘грязная лужа’ в тульских, воронежских, курских говорах (СРНГ 13: 9); *калюжина* — ‘лужа’ в ярославских говорах (ЯОС 5: 16). Слово *калюжа* известно также со значением ‘вода в дорожных колеях, выбоинах’ в курских говорах (СРНГ 13: 9), *калюжина* — ‘небольшая, но глубокая выбоина, ухаб (обычно на проезжей дороге), где во время дождя скапливается вода’ в смоленских, псковских, московских говорах (СРНГ 13: 9), ‘глубокая выбоина, ухаб, рытвина на дороге’ в московских говорах (Иванова 1969: 182), *калюжина* — ‘ухаб, яма, выбоина на дороге’ в ярославских говорах (ЯОС 5: 16), *калюжна* — ‘рытвина или выбоина на дороге’ в орловских говорах (СОГ 5: 70): *Калякѡ добрѡя, все калюшки аплодить* (Орл.).

Лужа — ‘вода, скопившаяся в углублении на поверхности почвы’ (БАС 6: 289). Когда вода в луже высыхает, остается углубление, ямка. Семантический сдвиг, основанный на метонимическом переносе (‘лужа’ → ‘ямка, выбоина, ухаб’) выглядит вполне логичным. В результате апеллятивы *калюжка*, *калюжина* становятся единицами орографической лексики.

Апеллятив *калявина* ‘рытвина или выбоина на дороге’ известен в орловских говорах Знаменского и Новосильского районов (СОГ 5: 70): *Нѡ дароги адни калявины, я там чуть ни пирвирнулѡсь, кагда ис Пишковѡ ехѡла* (Знам.). *А дароги нет, куда ни глянь — адни калявины* (Новос.). Возможно, он также восходит к *kaľь ‘грязь’, как и «смоленское *калявина*» [Толстой 1969: 240]. С другой стороны, возможна связь с лексемой *колея* ‘углубление, след от колес на дороге’ (БАС 5: 1156), которая образовалась «из *kaľĕja к *kolo* (ср. *колесо*)» (Фасмер 2: 290).

В томских и смоленских говорах как ‘выбоина на дороге’ употребляется фонетический вариант *колевина* (СРНГ 14: 121).

С уменьшительным значением ‘углубление, впадина, ямка на дороге’ известно на Орловщине слово *клевинка* (с утратой сильно редуцированного гласного [о] во II предударной позиции): *Кагда были клевинки, то их заравниволи* (Залег.) (СОГ 5: 43).

В словах *колдѡбка*, *колдѡбѡнь*, *колѡвина* актуализируется сема ‘след от колес’, что ведет к дальнейшему семантическому развитию и употреблению их со значением ‘углубление, след от колес на дороге; колея’ (СОГ 5: 59): *Калдопка — выбитѡя колѡсѡми калѡя* (Соск.). *Кѡлдабань — выбитѡя колѡсами калѡя* (Соск.). *Машины выбили калевину нѡ дороге, што прайти нильѡя стала* (Колпн.). *Калевины ни дають ехѡть* (Новос.). *Калевины вадѡй набрались, што машины ни праедуть* (Колпн. + Новос., Орл.).

Акцентологический вариант *колѡвина* ‘дорожная колея’ известен в тульских, западно-брянских, воронежских, курских, псковских, вологодских, сибирских, томских говорах, а в псковских и тверских говорах с тем же значением употребляется апеллятив *колѡвина* (СРНГ 14: 121).

Лексема *валѡшка* имеет достаточно прозрачную мотивационную основу: связана с глаголом *валѡться* ‘падать, сваливаться’ (БАС 2: 39).

В словаре В. И. Даля отмечен апеллятив *валѡшки* мн. ‘ухабы, шибки, выбоины и кочки, на коих валяет при езде’ (Даль 1: 162) с пометой «олонецкое». СРНГ также отмечает слово *валѡшки* множественного числа со значением ‘кочки, бугорки; ухабы’ как олонецкое (СРНГ 4: 31). В пензенских говорах встречается слово *валѡшки* мн. (ед. *валѡшка*) ‘кочки, бугорки’ (СРНГ 4: 34), а в вологодских говорах с тем же значением отмечено слово *валѡшка* ‘кочка, бугорок’ (СВГ 1: 55).

Видимо, потому, что на дороге, как правило, встречается не один ухаб или рытвина, а множество, то и употребляется лексема *валушка* чаще во множественном числе (что нашло отражение при его лексикографическом описании).

В орловских говорах слово *валушка* известно как ‘ухаб, выбоина на дороге’ (СОГ 1: 130): *Валушки — ухабы, выбоины, кочки на дороге* (Тросн.).

Как видим, у лексем *валушка* в русских народных говорах наблюдается энантиосемия по принципу ‘верх’ $\leftrightarrow$ ‘низ’: ‘кочки, бугорки’ $\leftrightarrow$ ‘ухабы, выбоины’. Эти значения образуют, по терминологии Н. И. Толстого, «двухзвеньевую семантическую цепь» ‘верх’ $\leftrightarrow$ ‘низ’ [Толстой 1969: 100], как и у однокоренного слова *увал* (называющего географические объекты бóльшего размера), значения которого очень подробно проанализированы Н. И. Толстым на материале северновеликорусских говоров [Толстой 1969: 99]. По всей вероятности, как и у слова *увал*, семантический переход у лексемы *валушка* произошел по линии ‘низ’ $\rightarrow$ ‘верх’, «как можно судить по этимологии слова (от *valъ, *valiti)» [Толстой 1969: 99].

В Должанском районе глубокую выбоину, ухаб, рытвину на дороге называют словом *ляда* (СОГ 6: 94): *Паехзли мы на станцию, у магэзин. Дорогэ плахая была, ляды сплашныи.*

В основе появления данного значения лежит переосмысление семантики существительного *ляда* с учётом признака ‘большой’ $\leftrightarrow$ ‘малый’: ‘низменное место, низина’ $\leftrightarrow$ ‘глубокая выбоина, ухаб, рытвина на дороге’.

Но не всегда мотивационная основа сейчас осознаётся.

Со значением ‘ухабы, выбоины на дорогах’ в орловских говорах употребляется лексема *рычки*: *Дорога у нас — рычки адни* (Кром.).

В словаре В. И. Даля (Даль 4: 119) зафиксирована лексема *рычек* ‘выбоина по дороге, ухабина, шибелина’ с пометой «моск.». В «Словаре говоров Подмосковья» (Иванова 1969:

452) также отмечено слово *рычок* ‘выбоина, рытвина, неровность на дороге’. Этимологически неясное слово.

Столь же непонятно происхождение апеллятива *конубри*. Субстантив этот, судя по данным диалектных словарей, узкорегionalный и имеет в местных говорах сложную семантическую структуру. Этим словом обозначают ‘рытвину или выбоину на дороге’ (СОГ 5: 76): *Там апятъ щас сплашныи кѡнубри пайдут. Всю дарогу разбили* (Орл.). *Я лучшы крѹк дам, чем на этим канубрям паеду* (Новодер.), а также ‘трудно проходимую из-за большого количества ям, рытвин и т. п. местность’: *Да, иди, шци ийё! Ахотѡ былѡ пѡ кѡнубрям лазить* (Орл.). Наблюдается и дальнейшее развитие семантики: появляется такое переносное значение, как ‘место, находящееся очень далеко; захолустье’: *А он идей-тѡ ф канубрях жывѣт* (Орл.).

Литература

Бондалетов В. Д. Предисловие // Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии: Учебное пособие / под ред. В. Д. Бондалетова. М.: Флинта: Наука, 2004.

Демидова К. И. Диалектная языковая картина мира и аспекты ее изучения. Екатеринбург, 2007.

Котков С. И. Лексические элементы «Слова о полку Игореве», связанные с Новгород-Северской землей // Русская речь. 1975. № 5.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.

Толстой Н. И. Славянская географическая терминология: Семасиологические этюды. М.: Наука, 1969.

Словарный состав «Слова о полку Игореве» и лексика русских народных говоров (по данным новых диалектных словарей)

А. А. Бурькин

Статья представляет обзор результатов сравнения лексики «Слова о полку Игореве» с данными словарей по современным русским диалектам. В словарях, изданных в 1960-е — 2010-е годы, выявляются все редкие слова и слова с неясными значениями, представленные в тексте этого сочинения второй половины XII века. Изучение диалектной лексики, зафиксированной в «Слове», в ареальном аспекте ныне не является перспективным в силу изменения ареалов всех лексических единиц, входящих в «Слово», включая последнее распределение их между русскими и украинскими говорами.

Ключевые слова: диалектология, диалектная лексика, историческая лексикология, лексика древнерусского памятника, диалектные словари, ареалы распространения лексики

Издание специального словаря — «Словаря-справочника «Слова о полку Игореве» (ССпрСПИ), начатое 40 лет назад и продолжавшееся два десятилетия (1965–1984), обогатило опыт русской исторической лексикографии составлением словаря языка памятника, дающего подробную разработку значений слов памятника на фоне исторической перспективы и сравнения лексики древнего текста с материалами по словарному составу русских народных говоров.

«Словарь русских народных говоров» (СРНГ) был начат изданием в 1965 г. На момент завершения работы по изданию ССпрСПИ, шестой выпуск которого увидел свет в 1984 г., было опубликовано 19 выпусков данного словаря, охватывающих материал до начала буквы Н. Однако, как показыва-

ет изучение текста ССпрСПИ, новые диалектные материалы при комментировании и толковании лексики «Слова» учитывались далеко не в полной мере. В силу непонятных причин лексика украинских говоров, привлекаемая к сопоставлению с лексикой «Слова», также оказалась учтена. По существу мы можем только сейчас, когда составление и издание «Словаря русских народных говоров» близится к завершению, и мы имеем в нашем распоряжении словари орловских и курских говоров (к сожалению, работа над словарем брянских говоров остановлена после 6 выпуска), обратиться к сравнительному изучению словарного состава «Слова» и лексики современных русских говоров, в первую очередь говоров юга и юго-запада России. Эта работа была начата автором данной статьи по материалам Псковского областного словаря [Бурыкин 2007], и она будет иметь продолжение по мере появления других региональных словарей по русским говорам Северо-Запада, запада и юго-запада России, по материалам ЛАРНГ [Бурыкин 2006, Бурыкин 2010, Бурыкин 2013], а также по территориально близким этому региону украинским и белорусским говорам [Бурыкин 2014].

Исходя из опыта нашей работы, и учитывая имеющиеся исследования, авторы которых пытались установить место написания «Слова» на основе диалектных данных [Мещерский 1956], мы можем констатировать, что подобные попытки, к сожалению, являются безуспешными. Ареалы распространения многих лексических единиц, параллели к которым зафиксированы в «Слове», существенно изменились, и они ныне являются либо смещенными, либо размытыми, либо фрагментированными, в чем неумолимо сказывается закон неравномерного сохранения лексического фонда в диалектах и близкородственных языках. Кроме этого, тут придется принимать во внимание не только данные русских говоров, но и материалы украинских говоров, сформировавшихся после создания «Слова» в последней трети XII века.

В настоящей статье мы представим наиболее интересные и наиболее значимые результаты сравнения лексических единиц «Слова о полку Игореве» с лексикой современных русских народных говоров, хотя и понимаем, что подобная работа требует продолжения и более объемного представления для историков языка и диалектологов.

Слово *болванъ*, документированное в тексте «Слова о полку Игореве» следующей цитатой — *«Дивъ кличетъ врѣху древа: велитъ послушати земли незнаемъ, Влѣзь, и Поморію, и Посулю, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ Тьмутораканьскый блѣванъ!»* — в «Словаре-справочнике «Слова...» имеет следующие значения: 'идол, изваяние', 'статуя', 'столп', 'сосуд в виде изваяния' (ССпрСПИ 1: 56–58). В Псковском областном словаре слово *болван* помещено в двух разных статьях: *Болван* 1 'колодка щетки', 'статуя, изваяние божества' (ПОС 2: 82), где второе значение совпадает с значением, традиционно усматриваемым в «Слове», и *Болван* 2 'место в озере, небольшой залив, заросший тростником и тиной' (ПОС 2: 82). Второе значение слова *болван*, вводящее слово в разряд географических терминов, позволяет думать, что в «Слове» оно относится не к неизвестной статуе, а к юго-восточной части Азовского моря, поскольку перед словосочетанием *Тьмутораканьскый блѣванъ* стоит целый ряд топонимов. Тем не менее, как кажется, было бы чересчур рискованным понимать лексему *болванъ* в «Слове» исключительно как географический апеллятив и изменять общепринятое чтение приведенного фрагмента памятника. Скорее всего, перед нами случай синкретизма, авторской игры совмещением значений многозначных лексических единиц в одном контексте, которая является характерной чертой поэтики «Слова о полку Игореве».

Для слова *боронь*, употребляемого в «Слове» в контексте *«Яръ туре Всеволодь! Стоиши на борони, прыщещи на вои стрѣлами, гремлеши о шеломи мечи харалужными»*, в современных русских говорах имеется такая параллель:

Боронить перех. 1. ‘Оборонять, защищать’ (СРНГ 3: 116). Данный пример интересен не только сохранением бесприставочного глагола в позднейших говорах, но и тем, что его география совпадает с ареалом потенциального написания «Слова».

Глагол **брехать**, встречающийся в «Слове» однажды в предложении «*Лисици брешутъ на чръленья щиты*» имеет в «Словаре-справочнике» (ССпрСПИ 1: 73) и Псковском областном словаре (ПОС 2: 167) одинаковое объяснение ‘лаять’. До недавнего времени такая интерпретация данной лексемы была достаточной. Однако в пробном выпуске «Лексического атласа русских народных говоров» (2004) имеется карта № 14 «Издавать громкие, характерные для лисы звуки», и из ее материалов, как и из приведенной цитаты, ясно, что данный глагол обозначает звуки, издаваемые лисицей, а не, например, собакой. Более того, распределение синонимов в рядах слов, картографируемых по данной позиции Программы ЛАРНГ, показало, что глагол **брехать** в данном значении представляет собой архаическую, уходящую из употребления лексему [Бурыкин 2006].

Для глагола **ввергнуться** («...*взврѣжесе на брѣзъ комонь и скочи съ него босымъ влѣкомъ*») в СРНГ имеется следующая параллель: **Ввержить, ввёржу, ввёржишь**, сов., перех. ‘Забросить, закинуть’ (СРНГ 4: 81). Этот пример важен тем, что по диалектным словарям обнаруживаются интересные примеры префиксальных глаголов, встречающихся в тексте «Слова».

Глагол **вергнуть** («*На седьмомъ вѣцѣ Трояни врѣже Всеславъ жребій...*») в ССпрСПИ (1: 103) определяется как ‘бросить, кинуть’, а соотносительный возвратный глагол **вергнуться** — как ‘броситься, кинуться’. В Псковском областном словаре имеется глагол **вергнуть** ‘бросить, кинуть куда-нибудь’ (ПОС 3: 80), в семантике которого акцентирована направленность действия.

Думается, что подача причастных и деепричастных форм в исторических словарях может составить отдельную тему для обсуждения. Тем не менее в «Словаре-справочнике «Слова...» имеется отдельная статья на причастную форму *верезенъ* ‘поврежденный в бою, славный — об оружии’ (ССпрСПИ 1: 104) с контекстом «*Уже понизите стязи свои, вонзите свои мечи верезени*». В Псковском областном словаре имеется гнездо слов *вередить, вередить-ся, веред, верезать*, находим мы там и причастия: *верезеный, верезённый* ‘больной; поврежденный в результате несчастного случая или тяжелой работы’ (ПОС 3: 81–83). Данное значение причастия совпадает с тем, которое реализовано в «Слове о полку Игореве»; определение ‘славный’ для рассматриваемой формы, бесспорно, должно быть признано неудачной гипотезой.

Причастие винительного падежа мн. числа муж. рода от глагола *вередити* — *верезени* — из цитаты «*Ярославе и вси Вередити, внуце Всеслави! Уже понизите стязи свои, вонзите свои мечи верезени*» соотносится с диалектными глаголами *вередить* 1. ‘Причинять вред, вредить’; 2. ‘Ушибать (руку, ногу и т. п.)’; 3. ‘Портить что-либо’ и *вередить-ся* 1. ‘Ушибаться’ (СРНГ 4: 127). Эти данные лишь незначительно дополняют то, что дает для данных форм Псковский областной словарь.

Слово *вътрило* из контекста «*О вътръ, вътрило! Чему, Господине, насильно въеши?*» определено в «Словаре-справочнике» как ‘ветер’ (ССпрСПИ 1: 112). Псковский материал дает для слова *вътрило* уточненное значение ‘сильный ветер’ (ПОС 3: 128), что позволяет видеть в тексте памятника не словообразовательную, а семантическую игру однокоренными лексическими единицами.

Глагол *взыти*, встречающийся во фразе «*Чръна земля подъ копыты костьми была постыана, а кровию польяна; тугою взыдоша по Руской земли*», в «Словаре-справочнике «Слова...» дан как ‘прорасти, вырасти’ (ССпрСПИ 1: 115).

Такой же глагол *взыти* ‘взойти’ отмечен и в Псковском областном словаре (ПОС 3: 167).

Для глагола *выльяти*, присутствующего в пассаже «*Ты бо можещи Волгу веслы раскропити, а Донъ шелома выльяти*», параллелей в говорах нет. В СРНГ на глагол *вылить* указывается неактуальное здесь значение ‘высыпать’ (СРНГ 5: 303–304), значения ‘разлить, разбрызгать’ в СРНГ нет, но такое значение у глагола *вылить* есть в севернорусских говорах, в частности, в русских говорах Карелии (СРГК 1: 271).

Хотя префиксальные глаголы «Слова о полку Игореве» должны сравниваться с аналогичными префиксальными глаголами других источников, для глагола *пригвоздити* («*Того старого Владимира нельзя бы пригвоздити къ горам Кіевьскимъ*») в Псковском областном словаре обнаруживается интересная параллель — глагол *гвоздить* объясняется в нем как ‘вбивать, вколачивать гвоздь’, ‘стучать’ (ПОС 6: 149). Из этих цитат явствует, что данный глагол предполагает прямой объект и должен иметь значение ‘прибивать гвоздем, прибивать гвоздями’. Это же значение усматривается и для вышеприведенного контекста «Слова». То же указывает нам и Словарь русских народных говоров: *Гвоздить, гвозжу, гвоздишь*, несов., перех. и неперех. 1. Перех. ‘Забивать, вколачивать гвоздь во что-либо’; 2. Перех. Сов. [?]. *Забить клином щель или дыру пробкою во второй раз*; 3. Перех. ‘Прибивать что-либо гвоздями’; 4. Неперех. ‘Стучать’; 5. Перех. ‘Сильно и долго бранить’ (СРНГ 6: 160).

Лексема *гоголь* встречается в «Слове» однажды в контексте «*стрежаше е[го] гоголемъ на водъ, чайцами на струяхъ, чрънядьми на ветръхъ*». Словарь русских народных говоров дает наиболее подходящее к тексту памятника толкование: *гоголь*, м. 1. ‘Самец или самка одного из видов дикой утки. Самец одного из видов дикой утки. Самка дикой утки. «Один из видов дикой утки (Anas cгаеса), самка; селезень ее называется: казачок»’ (СРНГ 6: 263). Однако в орловских и

курских говорах встречаются слова *гогол* ‘чайка, селезень’ с вопр. *гоголка*, *гоголица* (СРНГ 6: 262).

Для слова *година* («Уже бо, братіе, не веселая година встала, уже пустыни силу прикрыла») в Словаре русских народных говоров отмечено: *Година* (<...> 4. ‘Время, пора’ (<...>) 6. Судьба’ (СРНГ 6: 268).

Прилагательное *гораздый* («Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божіа не минути!») в СРНГ объясняется так: *Гораздный*, (обычно в кратк. форме). ‘Знающий, умеющий что либо, искусный в чем-либо’. Судя по цитатам, в этом же значении данное прилагательное фиксируется в фольклорных текстах, соотносительных с былинами киевского цикла (СРНГ 7: 18–19).

Для глагола *доткнутися* из цитаты «Тѣй клюками подпрѣся о кони, и скочи кѣ граду Киеву, и дотчесь стружіемъ злата стола кіевскаго». В СРНГ отмечены *доткнуться* (СРНГ 8: 154), *дотыкаться* 1. ‘Дотрагиваться до чего-либо, прикасаться к чему-либо’ (СРНГ 8: 154), данный глагол встречается в севернорусских и сибирских говорах.

Любопытная картина наблюдается со словом *жалость*, ср. «Спала князю умъ похоти, и жалость ему знаменіе заступи искусити Дону Великаго». В русских говорах слово *жалось* имеет значение ‘любовь; расположение’ и форма *жалось* отмечена со значением ‘жалость, чувство сострадания’ для брянских и орловских говоров (СРНГ 9: 67).

Глагол *заворочати* («Игорь плькы заворочаетъ, жаль бо ему мила брата Всеволода») в ССпрСПИ интерпретируется как ‘поворачивать назад, в сторону, изменять направление движения’ (ССпрСПИ 2: 97). В этом определении, к сожалению, не раскрыто фактитивное значение глагола движения ‘заставлять поворачивать назад’. Более точен в трактовке глагола *заворочать* Псковский областной словарь: ‘заставлять вернуться, возвращать’ (ПОС 11: 106).

Параллели к глаголу *заворочати* в СРНГ по имеющимся данным не могут быть выявлены, поскольку весь матери-

ал в этом словаре дан под формой *заворачивать*. В СРГК дана форма *заворóчатъ* ‘поворачивать в сторону, изменять направление движения’ (СРГК 2: 99) — о неодушевленных объектах.

Лексемы *заря, зоря*, трудно различимые в тексте «Слова» («*заря свѣтъъ запала...*», «*...давеча рано предѣ зорями?*», «*Погасоша вечеру зари*») имеют такую поддержку в материалах СРНГ: 1. *Заря*, ж. 1. В сочетаниях, *До потух (поту, петух, белой) зари* ‘Допоздна’; 2. *Вечерняя заря* ‘Планета Венера’. *Утренняя заря*. ‘Планета Венера’; 3. ‘Северное сияние’ (СРНГ 11: 14–15).

Слово *зорька* в русских говорах имеет следующие значения: 1. *Зорька*, ж. 1. ‘Потухающая заря’; 2. ‘Вспышка отдаленной молнии; зарница’; 3. ‘Утро’; 4. ‘Легкий ветерок на утренней заре’; 5. ‘Звезда’ // ‘Утренняя звезда’ (СРНГ 11: 343).

Семантическая структура слова *зоря* — лексического диалектизма в современном состоянии русского языка — такова: *Зóря*, и *зоря́*, ж. 1. В сочетаниях. *Дать (задать) зорю* ‘Не дать покою’; 2. ‘Звезда’ || ‘Падучая звезда’ || *Зори девичьи*, мн. ‘Линия звезд по Млечному пути’; 3. ‘Песня, которую девушки поют утром и вечером под окном невесты, прощаясь перед свадьбой’ (СРНГ 11: 344). Однако этот материал не дает по существу ничего нового для изучения лексики самого «Слова».

Глаголы *заступати, заступити* («*Солнце ему тѣмою путь заступаше*»; «*и жалость ему знаменіе заступни*», «*заступивъ королеви путь*») определены в ССпрСПИ соответственно как ‘заслонять, преграждать, загораживать’ (ССпрСПИ 2: 108); ‘преградить, загородить, заслонить’ (там же 2: 109). Как кажется, более точная формулировка значений соотносительных глаголов *заступать* и *заступить* дается в ПОС ‘загораживать собой (источник света), заслонять’ (ПОС 12: 155–156) — правда, последнее определение не вполне соответствует первому контексту из «Слова». Для

этих глаголов имеются и иные диалектные параллели: *заступить* — *заступать*. *Заступать* 2. Перех. ‘Загораживать, заслонять собою кого-, что-либо’. «Ступая, заслонять собою, преграждать, застенять» (СРНГ 11: 71), при форме *заступить* дана отсылка к *заступать* (СРНГ 11: 72).

Слово *зегзица* («*На Дунаи Ярославнынъ гласъ слышитъ, зегзицею незнаемъ рано кычетъ. Полечю, — рече, — зегзицею по Дунаеви*»), для которого Н. А. Мещерский и автор приняли перевод «чайка», имеет следующие параллели в русских говорах: *Загоженька*, ж. ‘Кукушечка’. *Загожечка*, ж. ‘Кукушечка’. *Загожий*, ‘Относящийся к загожке’. *Загожка*, ж. ‘Кукушка’. *Загошка*. *Загоза*, ж. ‘Кукушка’. *Загозий*, ‘относящийся к загожке’. *Загозка*, ж. ‘Кукушка’. *Загозонька*, ж. ‘Кукушечка’. *Загозочка*, ж. ‘Кукушечка’ (СРНГ 10: 15).

Любопытно то, что наряду с этими словами зафиксировано, причем в курских говорах, и слово *Зегзица*, ж. ‘Птица иволга’. Курск., 1886 (СРНГ 11: 244).

Слово *клюка* («*Тъй клюками подпръся о кони, и скочи къ граду Киеву, и дотчеся стружнѣмъ злата стола кѣвскаго*»), кажется, не привлекало особого внимания лексикологов, в тексте обычно видели его употребление в переносном значении. Диалектные параллели для слова *клюка* таковы: *Клюка* и *клюха*, 1. ‘Дорожная палка, посох’ ⟨...⟩ 4. ‘Крюк’; 5. ‘Брус с загибом, на который настилается крыша’; 6. ‘Железный крюк, на который вешается жолоб для стока воды под крышей’; 7. ‘Деревянный шест с загнутым в виде крюка концом для поддерживания водосточного жолоба у крыши’ (СРНГ 13: 319–320). Показательны «строительные» значения лексемы *клюка*, выявляющиеся в диалектных данных и вписывающие это слово в неожиданно открывающийся ряд строительных терминов в «Слове», входящих в состав скрытых метафор.

Слово *кнѣзь*, присутствующее в рассказе о сне Святослава («Уже дьски безъ кнѣса в моемъ теремъ златовръстмъ»), имеет в говорах такие параллели: 2. *Князёк*, м. 1. 'Верхнее продольное бревно, к которому прикрепляются верхние концы досок крыши'; 2. 'Бревно, которое кладется на князевое с целью удержания досок крыши; охлупень; обычно передняя его часть оформляется в виде коня или птицы'; 3. 'Верх, требень двускатной крыши' || 'Угол стыка двускатной крыши' || 'Верхняя внутренняя часть крыши'; 4. 'Верхняя часть избы'; 5. В сочетаниях. *Крыть князьком* 'Крыть на два ската'; 6. 'Узкий скат под фронтоном избы'; 7. 'Крыша над воротами'; 8. 'Продольный брус, к которому прикрепляется палуба парусного судна' (СРНГ 13: 352). В говорах также встречается и слово *Князь*, м. 1. 'Верхнее продольное бревно, к которому прикрепляются верхние концы досок крыши; князек'; 2. 'Верх, гребень двускатной крыши' || 'Верх крыши с фасада'; 3. 'Двускатная крыша'; 4. 'Основная балка, поддерживающая потолочный настил, матица'; 5. 'Верхний сноп в суслоне' (СРНГ 13: 354).

Слово *кожух* в тексте «Слова о полку Игореве» обозначает какую-то инокультурную реалию: *Орьтѣмами, и япончицами, и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякыми узорочьи половѣцкыми*. В говорах эта лексема имеет такие значения: 1. *Кбжух*, и *Кожу́х*, ж. 1. 'Кожа, шкура' ⟨...⟩ 'Кожа змеи, гадюки или ужа'; 2. 'Кожура плодов (фруктов, ягод, картофеля) и грибов'; 3. 'Скорлупа, шелуха, лузга гороха, бобов, орехов, семечек и т. п.'; 4. 'Кожаная непромокаемая одежда (рыбаков и др.)' || 'Верхняя одежда от дождя'; 5. 'Кожаная оболочка чего-либо'; 6. 'Яйцо' || 'Тараканье яйцо' (СРНГ 14: 54).

Рассмотрение слова *клюка* в контексте строительных терминов побудило автора данной работы посмотреть значения слова *конь* в русских говорах. Результаты таковы: *Конь*, м. 1. 'Стык двускатной крыши, верхняя слега или балка на нем; конек' || 'Крыша избы' || 'Верхняя слега на крыше

под коньком' || 'Выступающие с двух краев крыши концы стропил, иногда имеющих вид конской головы' || 'Род опрокинутого желоба на гребне двускатной крыши'; 2. 'Продольный деревянный брус на речных судах, укрепленный на двух стойках' (СРНГ 14: 275). Таким образом, *клюками подпърз ся о кони* (теперь похоже, что именно *о кони*, а не *о кони*, как иногда читали с толкованием «приобрел коней»), выглядит какой-то идиомой, использующей строительные метафоры, связанные с названиями дома, или скорее княжеского терема — может быть, автор намекает, что Всеслав стал князем киевским незаконно, в образной форме — проник в княжеский терем через крышу, как бы мы сейчас выразились, по водосточной трубе? Заметим, что слово *кони* в «Слове» в значении зоонима не используется, кони князей и дружинников именовались *комони*.

Глагол *лелѣяти* («*О, Донче! Не мало ти величїя, лелѣявшу князя на вълнах, стлавшу ему зельну траву на своихъ сребреныхъ брезтьхъ, одъвавшу его теплыми мѡглами подъ стѣнию зелену древу*») имеет аналогии в современных говорах, характеризующиеся разнообразным семантическим спектром. Для него отмечены следующие значения: *Лелеять*, несов., перех. и неперех. 1. Неперех. 'Волноваться, плескаться, вздыматься волнами, блестеть, переливаться (о воде)'; 2. Неперех. 'Широко разливаясь, затопляя большое пространство (о воде)'; 3. Неперех. 'Бурно течь'; Перех. 'Качать, колыхать на волнах'; 4. Перех. 'Укачивать ребенка, нося его на руках'; 5. Неперех. 'Манить, дразнить [?]' ; 6. 'Любить друг друга' (СРНГ 16: 344–345). Таким образом, как оказывается в свете диалектных данных, не случайно глагол *лелѣяти* (*възлелѣяти*) в «Слове» оказывается связанным с водными стихиями, рекой и морем — эти связи хорошо сохранились в диалектном материале. Однако форма *полелѣтя* выпадает из этого ряда.

Отмечены в русских говорах на лексикографическом уровне параллели и для слова *лѣжа* («*Игорь и Всеволодъ,*

уже лжу убуди, которую то баше успилъ отецъ ихъ»): **Лжа**, ж. 'Ложь' (СРНГ 17: 38).

Из лексики природы, в изобилии встречающейся в «Слове», интересные сравнительные материалы обнаруживаются для слова **мъгла** («*Мъгла поля покрыла*», «...и потече къ лугу Донца, и полеть соколѣмъ подѣ мъглами», «*Одевавшу его теплыми мъглами под стѣню зелену древу*»). Для современных говоров фиксируется такое употребление данного слова: **Мгла**, ж. 'Губительный для растений туман, роса' (СРНГ 18: 63). Правда, **мъгла** для автора и героев «Слова» это не только нечто неблагоприятное, но и вполне дружественное явление природы, позволяющее укрыться от погони.

Слово **луг**, относящееся к таким лексическим единицам, которые вполне могут остаться без внимания при изучении лексики древнего памятника за мнимой понятностью, присутствует в «Слове» («*И потече к лугу Донца*») и также требует сравнения с диалектными данными. В говорах русского языка слово **луг** имеет такие значения: **Луг**, м. 1. 'Заливной луг, пойма' || 'Лесистая пойма'; 2. В сочетаниях. **Боровой луг**. 'Кормовые травы на выгоревших местах'; **Высокий луг** 'Высокогорный луг'; 3. 'Низменное заболоченное место'; 4. 'Луговая суходольная поляна (обычно в лесу)'; 5. 'Место за селом, где собирается крестьянская молодежь для гулянья (игр, песен, танцев); праздничное гулянье, происходящее в этом месте'; 6. 'Лог' (СРНГ 17: 174–175).

Глагол **мыкати** («*Чему мычеши хиновъскыя стрѣлжы на своєю нетрудною крилицю на моя лады вои?»*) в русских говорах имеет разные значения: 1. **Мыкать**, несов., перех. 1. 'Расчесывать лен (или пеньку), подготавливая к прядению'; 2. 'Отделять костру от льноволокна, мять лен'; 2. **Мыкать**, несов., перех. и неперех. 1. 'Тормошить, тербить'; 2. Перех. 'Таскать, притаскивать, приносить'; 3. Неперех. 'Бегать, бежать'; 4. Перех. 'Качать'; 5. **Мыкать время**. 'Тратить, терять время' (СРНГ 19: 52–53). Диалектные ма-

териалы подсказывают, что в «Слове» этот глагол мог иметь значение ‘нести’, осложненное оттенком экспрессивности.

Наречие **наниче** («*Наниче ся години обратиша*») не имеет прямых аналогов в современных говорах, однако же диалектные слова сохраняют структуру словообразовательного гнезда, к которому принадлежало это наречие. Зафиксированы следующие слова с таким же морфемным комплексом: **Наника**, ж. ‘Нелицевая сторона, изнанка’. **Нанику**, нареч. ‘Навзничь’ (СРНГ 20: 48); **Наничина**, ж. ‘Нелицевая сторона, изнанка’. **Наничка**, ж. ‘Нелицевая сторона, изнанка’. ‘Подкладка одежды’. **Наничь**, нареч. 1. ‘Наизнанку’; 2. ‘Не так, как следует; наоборот’ (СРНГ 20: 49). В сущности, в этом гнезде сохранился и точный эквивалент наречия, присутствующего в тексте исследуемого памятника.

Диалектные факты заставляют по-новому взглянуть на возможности выведения исходной формы существительного **напасть** («*А вѣстона бо, братіе, Києвъ тугою, а Черниговѣ напастѣми*»). В русских говорах для существительного **напасть** отмечаются значения: 1. ‘Напраслина, наговор’; 2. ‘Притеснение’; 3. ‘Неожиданное счастье, удача’ (СРНГ 20: 65). И там же присутствует существительное **напастье**, ‘Несчастье, напасть’. *Во снях счастье, а в былъ напастье* (пословица) (СРНГ 20: 65).

Наречие **наильно** («*О, вѣтръ, вѣтрило! Чему, господине, наильно вѣеши?*») имеет довольно неожиданные для внутренней формы слова значения: **Наильно**, нареч. 1. ‘Едва, с большим трудом’; 2. ‘Наконец-то’ (СРНГ 20: 162). Эти значения дают основания для несколько иного понимания обращения Ярославны к ветру — здесь не только порицание за «хиновские стрелки», но и упрек за то, что воины Игоря страдают от палящих лучей «светлого и тресветлого солнца», потому что ветер при ярком степном солнце дует слишком слабо — правда, Ярослава думает тут прежде всего не о дружинниках, а о луках и тулах-колчанах...

Для глагола *неговати* («и нъгуютъ мя. Уже дьскы безъ кнѣса в моемъ теремъ златовръстьмъ») в русских говорах отмечена форма **Неговать**, несов., неперех. Фольк. 'Наслаждаться негой, лаской, заботой' (СРНГ 20: 371). Как можно думать, у данного глагола утрачено переходное значение 'ласкать, нежить', в то время как медиальное значение сохранилось.

В известных нам материалах нет эквивалентов для существительного *непособие* («Нъ се зло — княже ми непособие»), есть лишь слова, входящие в то же словообразовательное гнездо: **Непособимый**. *Неспособимое горе*. 'Горе, которому невозможно, нечем помочь'; 1. **Неспособный**. *Неспособное горе*. 'То же, что неспособимое горе'; 2. **Неспособный**. Фольк. 'Такой, который не подходит, не годится для чего-либо' (СРНГ 21: 121).

Прилагательное *нетрудный* встречается в «Слове» в достаточно прозрачном контексте: *Чему мычещи тиновъскыя стрѣлки на своєю нетрудною крилицю на моя лады бои?* Точные эквиваленты его в говорах не сохранились. Лексема *нетрудный* имеет уже другой спектр значений, ср.: **Нетрудный**. Фольк. 'Получаемый не от своего труда, нетрудовой'. **Нётрудъ**, ж. 'Лентяй' (СРНГ 21: 179).

Глагол *обеситится* («Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плвочи изъ Бѣла-града, обѣсиа синь мѣгль») имеет неожиданный по степени близости смыслов эквивалент в диалектных материалах: **Обвешаться**, несов. 'Вешать' (СРНГ 21: 360).

Слово *обида*, служащее в тексте памятника средством персонификации («Въстала обида...», «Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе, и на канину зелену наполому постала за обиду Олгову»), имеет такие формальные эквиваленты в современных русских говорах: **Обида**, ж. 1. Фольк. 'Вина, проступок'; 2. В сочетаниях. **Быть не в обиду**. 'Быть не в убыток' // **За обиду**, в знач. нареч. 'Обидно, тяжело' (СРНГ 22: 58). Исходя из диалектного материала,

оборот *за обиду* в «Слове» может и не быть обстоятельством причины, как это обычно понимается в комментариях и переводах памятника.

Слово *папорзи*, бесспорно, является одной из самых загадочных лексем рассматриваемого текста, тем более, что это гапакс, в других древнерусских текстах оно не встречается, переводы и определения делаются в основном по догадкам. «*Суть бо у ваю желъзныи папорзи подъ шеломи латински-ми*». Ясно, что речь идет о какой-то части шлема или о том, что находится или может находиться под шлемом. Но что это?

В рязанских говорах отмечено слово *Паверза*, ж. 'Шнур, продернутый по верху поневы для удержания ее на поясе или под животом'. Рр. Десна, Ока, 1927 (СРНГ 25: 108). Ср. еще *павороз*, *паворозка* 'завязка, шнурок' (СДГВО: 402), что близко к тем определениям, которые трактовали *папорзи* как 'ремешки для закрепления шлема под подбородком'. Слово *Паборзница*, ж. 'Било цепа' (СРНГ 25: 108), скорее всего, обозначает то, чем било соединялось с цепом. Таким образом, отпадает более раннее толкование формы *папорзи* как 'наплечник, верхняя часть брони; крыло' (ССпрСПИ 4: 55–56; 6: 231). Эти факты однозначно подтверждают конъектуру *паворзи* 'тесемки на головном уборе', которые у русских шлемов были шелковыми, а у западноевропейских — кожаными с металлическими бляшками [Бобров 1995: 12–13].

Глагол *пасти* («*Уже бо бѣды его пасеть птицъ подобію, влѣци грозу всрощатъ по яругамъ, орли клеткомъ на кости звѣри зовутъ, лисици брешутъ на чръленья щиты*») не вызывает больших проблем при сравнении исторического и диалектного континуумов. 1. *Пасти*, несов., перех. 1. 'Стеречь кого-либо, следить за кем-либо' || 'Охранять, защищать; оберегать' (СРНГ 25: 262–263).

Необычный по форме глагол *побарати* («*Здрави, князи и дружина, побарая за христѣяны на поганья плѣки*») находит некоторую поддержку в диалектной форме *Побарить-*

ся, сов. 'Побороться'. *Побариться с богатырем* (СРНГ 27: 186).

Загадочное слово *пороси* («*Земля тутнетъ, рѣкы мутно текутъ, пороси поля прикрывають, стязи глаголютъ*») выглядит гапаксом «Слова» или лексическим анахронизмом. Однако совсем не обязательно думать, что перед нами форма множественного числа от слова *порохъ* 'пыль'. Диалектный материал дает две возможности для понимания контекста «Слова». 1) *Порость*, ж. 1. 'Поросль; молодые деревья'; 2. 'Лишай, растущие на пнях, поросль'; 2. *Порость*, ж. 'Особый запах, присущий человеку какой-л. определенной народности'; 3. *Порость*, ж. 'Время, пора' (СРНГ 30: 80); 2) 2. *Порось*, ж. 'То же, что 1. Порость'; 3. *Порось*, ж. 'Мелкие капли росы на траве, растениях' (СРНГ 30: 80). Последний факт однозначно дезавуирует возможность присутствия здесь лексемы *порохъ* в значении 'пыль' (ССпрСПИ 4: 159–160), несмотря на наличие такого словоупотребления в Изборнике 1076 года и в «Повести об Акире», близкой по языку к «Слову о полку Игореве».

Глагол *поскепати*, выпадающий в фонетическом отношении из системы языка «Слова» («*поскепаны саблями маленькими шеломи оварьскыя отъ тебе...*»), поддерживается данными современных русских говоров: *Поскепать* и *поскапать*, сов. 'Расколоть, расщепить' (СРНГ 30: 164).

Глагол *потечи* («*и потече къ лугу Донца, и полеть соколомъ подъ мъглами*», «*...Влуръ възломъ потече*») имеет близкие и очевидные аналогии в современных русских говорах: *Потечь*, сов. 1. 'Взять начало, вытечь (о реке)'; 2. 'Побежать, пойти' (СРНГ 30: 280).

Глагол *потручяти* («*Ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломи половецкыя, на рѣць на Каяль, у Дону Великаго*»), в отличие от многих глагольных лексем «Слова», даже префиксальных, среди которых точные эквиваленты в говорах — обычное явление, не имеет прямых соответствий в современных говорах. Его проявле-

ниями в современном состоянии языка с известными оговорками можно считать такие слова, как **Потруснуть**, сов. 'Растреснуться, отколоться' (СРНГ 30: 310).

Глагол **потяти** («*Луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти*») имеет небольшое число весьма выразительных параллелей в современных русских говорах: **Потятый**. 'Медлительный, вялый, не активный'. **Потять**, сов. 'Порубить, посечь, поколоть' // 'Искалечить' (СРНГ 30: 330).

Существительное **похоти** («*Спала князю умъ похоти, и жалость ему знамение заступи искусити Дону Великаго*») в современных русских говорах отсутствует, но соотносительный с ним глагол имеется: **Похотить**, сов. 'Захотеть сделать что-л.'. *Похотила, пошла в садик*. Тосн. Ленингр., 1969 (СРНГ 30: 364).

Глагол **припешати** («*крильца припъшали поганыхъ саблями, а самую опустоша въ путины желъзны*») не имеет точных эквивалентов, и в памятнике, похоже, он употреблен в метафорическом значении. На это соображение наводит имеющийся в нашем распоряжении диалектный материал, ср.: **Припешить**, сов. 1. 'Устать (от ходьбы, бега), умориться'; 2. 'Сконфузиться'. **Припёшить**, сов., неперех. 1. 'Устать (от ходьбы, бега), умориться'; 2. 'Обеднеть'. **Припёшиться**, сов. 'Устать, умориться' (СРНГ 31: 342).

Глагол **притрепати** («*Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи о шелома литовскія, притрепа славу дъду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кровавъ травъ притрепанъ литовскými мечи*») не имеет близких по семантике форм в современных говорах, ср.: **Притрепать**. См. **Притрёпывать**. **Притрепаться**, сов. 1. 'Выбиться из сил, устать'; 2. 'Бить, колотить'; 3. Сов. 'Утрамбовать, прихлопать'; 4. Сов. 'Утомить (хождением)'; 5. Сов. 'Принести, добыть'; 6. Сов., неперех. 'Прибежать' (СРНГ 32: 25).

Параллели для глагола **простротися** («*по Руской земли прострошася половци...*») не слишком надежны, но тем

не менее имеются, ср.: *Прострежнуть*, сов., неперех. ‘Пробраться, пролезть куда-л.’ (СРНГ 32: 252).

Глаголы *прыскати* и *прыснути*, образующие видовую пару («*Яръ туре Всеволод?! Стоиши на борони, прыщещи на вои стрѣлами, гремлещи о шеломи мечи харалужными*»; «*Прысну море полунощи*»), имеют такие параллели в современных говорах: *Прыскать*, несов., *прыснуть*, сов., перех. и неперех. 1. Несов., неперех. ‘Испражняться жидким (при поносе)’; 2. Сов., неперех. ‘Плюхнуть’; 3. Неперех. ‘Играть на поверхности воды, выпрыгивая из нее (о рыбе)’; 4. Сов., неперех. ‘Отскочить, отлететь в сторону, прочь’; 5. Сов. ‘Ударить’; 6. Сов., перех. ‘Лягнуть (о лошади)’; 7. Неперех. ‘Мяукать (о кошке)’ (СРНГ 33: 73).

Глагол *раскропити* («*Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломи выльяти*») сохраняется в говорах в близких значениях: *Раскропать*, сов., перех. ‘Вытрясти из наволочки, матраца солому, пух и т. д., распотрошить постель’. *Раскропѣть*, сов., перех. ‘Окропляя что-л., разбрызгать всю жидкость’ (СРНГ 34: 139).

Прилагательное *сизый*, *шизый* («*шизымъ орломъ подѣ облакы*») не сохраняется в непроизводном состоянии, но отмечается в составе сложных слов, характеризующих птиц: *Сизый*. 1. ‘Фиолетовый (о цвете)’; 2. ‘Серебристо-серый (о масти лошади)’. *Черна сбруя, сизый конь*; 3. ‘Бледный (о цвете лица)’ (СРНГ 37: 298). *Сизокрыленький*. Фольк. Ласк. ‘Сизокрылый’. *Сизокрылка*, ж. 1. ‘Птица сизоворонка’ Даль. 2. Ласк. ‘То же, что сизаночка’ Костром., Даль. *Сизокрылышки*, мн. Фольк. ‘Сизые крылья’. *Сизоперенький*. Фольк. Ласк. ‘С сизыми перьями’. *Соколик сизоперенький*. *Сизопѣристый*. Фольк. ‘С сизыми перьями’. *Сизоперый*. ‘С сизыми перьями’ (СРНГ 37: 297).

Глагол *скачити* («*Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ...*», «*скочи съ него босымъ влѣкомъ*») имеет очень наглядные соответствия в современных говорах, ср.: 1. *Скачить*, сов.,

неперех. 1. ‘Прыгнуть, скакнуть’; 2. ‘Поскакать (о коне)’; 3. ‘Прыжками отбежать, отскочить’ (СРНГ 38: 120–121).

Загадочное и уникальное слово *сморци* («*Идутъ сморци мзглами*») имеет единичное, но весьма репрезентативное соответствие в живых русских говорах: *Сморак*, м. ‘Дым, чад’. *Не разлей молоко-то, а то смораку наделаешь* (СРНГ 39: 39). Таким образом, отпадает и исходная форма *сморк*, и толкование «*Сморкъ — смерчь*» (ССпрСПИ 5: 180–181); во-первых, *сморок* — не смерч, а род тумана, во-вторых, похоже, именно в этом значении та же форма *сморци* присутствует и в Хронике Георгия Амартола (ССпрСПИ 5: 180).

Для глагола *спалати* (или существительного *спала*) — («*Спала князю умь позоти, и жалость ему знамение заступни искусити Дону Великаго*») — точных параллелей нет ни в других памятниках, ни в современных говорах. На глагол *спалить* имеются следующие объяснения: *Спалить*, сов., перех. 1. ‘Подвергнуть действию огня, обжечь (при обработке чего-л.)’; 2. ‘Заморозить, подвергнуть действию холода’; 3. ‘Поставить в неловкое положение, сконфузить’ (СРНГ 40: 108).

Вне рассмотрения пока остаются глаголы *стрезжати* («*стрезжаше его гоголемъ на водъ, чайцами на струяхъ, чрънядьми на ветръхъ*»), *тутнуги* («*Земля тутнетъ, рѣкы мутно текутъ, пороси поля прикрывають*») и существительное *чернядь* (см. выше).

Таким образом, сравнение отдельных лексических единиц «Слова о полку Игореве», редких или уникальных для языка древнерусских памятников XI–XIII веков, со словами, отмеченными в русских народных говорах в XIX–XX веках, позволяет подтвердить существование ряда лексем для русского языка, расширить представления об их значении и стилистическом статусе, как это было с метеорологической лексикой [Бурькин 2013], и даже внести некоторые коррективы в прочтение неясных мест «Слова о полку Игореве».

Литература

Бобров А. Г. Папороз // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 4. П-Слово. С. 11–13.

Бурыкин А. А. Лексический атлас русских народных говоров и перспективы дальнейшего историко-диалектологического исследования лексики памятников древнерусского языка (выражение *лисици брешють* в «Слове о полку Игореве» и глагол *брешать* на карте № 14 Пробного выпуска ЛАРНГ) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2006. СПб.: Наука, 2006. С. 58–62.

Бурыкин А. А. Псковский областной словарь и «Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»: к проблеме пересекающихся лексических пространств в исторических словарях // Псковские говоры в свете актуальных проблем диалектологии. Псков, 2007. С. 30–44.

Бурыкин А. А. Словарный состав «Слова о полку Игореве» и лексика русских говоров (по данным новых диалектных словарей) // Славянский мир: духовные традиции современность. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Тамбов, 2010. С. 46–51.

Бурыкин А. А. Метеорологическая лексика «Слова о полку Игореве» в свете данных современных русских народных говоров // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 91–101.

Бурыкин А. А. Словарный состав «Слова о полку Игореве» и лексика украинских говоров (проблемы и перспективы исторического и диалектологического изучения языка «Слова о полку Игореве») // Славянская диалектная лексикография. Материалы конференции. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 29–31.

Мещерский Н. А. К вопросу о территориальном приурочении текста «Слова о полку Игореве» по данным лексики // Ученые записки Карельского пединститута. Петрозаводск, 1956. Т. 3, вып. 1. С. 64–88.

Русское диалектное слово во времени и в пространстве *

Т. И. Вендина

Статья посвящена русским диалектным эксклюзивам, их географии, причинам и времени возникновения.

Ключевые слова: русские диалектизмы, лингвогеография, ареалы

Гносеологический облик лингвистики XXI в. во многом изменился благодаря лингвистической географии, позволившей расширить парадигму исследования. Пространственный дискурс вместе с описанием структуры и функции языковых единиц в синхронии и диахронии создали своеобразное гносеологическое триединство лингвистики, исследующей язык в трех измерениях — структуры, пространства и времени.

Поэтому на современном этапе лингвогеографических исследований основной задачей является переход от эмпирических наблюдений к анализу карты как объекту исследований, т. е. от простой констатации соответствий отдельных элементов и структур к типологической интерпретации этих явлений. «Пока лингвистическая география ограничивалась картографическим изображением языковых фактов, она имела для лингвистики значение лишь вспомогательного, иллюстрирующего средства. Новая фаза развития лингвистической географии началась в тот момент, когда приступили к интерпретации лингвистических карт, объяснению изображенных на этих картах языковых явлений» [Немиров-

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 13-04-00160 «Русская диалектная лексика в лингвогеографическом аспекте»).

ский 1926: 236]. Эти слова М. Я. Немировского, написанные им почти 100 лет назад, актуально звучат и сегодня.

Несмотря на то, что этот методологический ориентир был определен еще в начале XX в., карта по-прежнему является часто лишь иллюстрацией, а не самостоятельным объектом исследования. Объясняется это, по-видимому, тем, что для такого рода работ необходим большой полевой материал, который, к сожалению, долгое время отсутствовал. Между тем ситуация изменилась с выходом в свет «Общеславянского лингвистического атласа».

Цель настоящей статьи сделать самостоятельным предметом исследования карты этого атласа и рассмотреть русское диалектное слово во времени и пространстве. Для этого необходимо взглянуть на него как на составную часть славянского диалектного континуума, и прежде всего определить корпус русских диалектизмов, выделяющих их на всем пространстве Славии.

Сегодня это исследование впервые может быть проведено в полном объеме, так как опубликованные материалы «Общеславянского лингвистического атласа» (а это уже восемь томов атласа: «Животный мир» (Москва, 1988), «Животноводство» (Warszawa, 2000), «Растительный мир» (Мінск, 2000), «Профессии и общественная жизнь» (Warszawa, 2003), «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (Москва, 2007), «Человек» (Kraków, 2009), «Сельское хозяйство» (Братислава, 2012), «Народные обычаи» (Москва, 2014, в печати)) являются серьезной базой для подобных разысканий.

Общеславянская перспектива позволяет не только выявить русские эксклюзивные лексемы и тем самым определить языковые особенности русских диалектов, но и понять, какие из русских диалектизмов отражают и продолжают отношения исходной системы, а какие свидетельствуют о неодинаковой реализации системы связей и отношений, унаследованных из праславянской эпохи.

Эксклюзивные лексемы — это лексемы, которые от- личительно характеризуют диалекты лишь одного славян- ского языка и не выходят за его пределы (ср., напри- мер, такие яркие эксклюзивы **русского языка**, **mu-g-aš-ъ** (mu'raš)¹ к. 41 'муравей' т. 1 «Животный мир»; **zem-j-an-ъk-a** (z'em'ĭanka) к. 45 'земляника' т. 3 «Растительный мир»; **podъ-dorž-ъn-ik-ъ** (pod:o'rožn'ik) к. 52 'подорож- ник' т. 3 «Растительный мир»; **po-gost-ъ** (po'gost) к. 50 'кладбище' т. 10 «Народные обычаи» и др.; **украинского** // **ež-ak-ъ** (ji'žak) к. 10 'еж' т. 1 «Животный мир»; **сус- en-ę** (сусэ'n'a) к. 26 'щенок' т. 2 «Животноводство»; **gęst- j-av-in-a** (hušća'vyna) к. 10 'густые заросли в лесу' т. 3 «Растительный мир»; **белорусского** **zob-a** ('z'uba) к. 18 'клюв птицы' т. 1 «Животный мир»; **po-par-ъ** (pa'par) к. 23 'пар, земля, которую не пахали в течение года' т. 4 «Сель- ское хозяйство»; **tъlst-ost-ъ, съ-dor-ъ** (t'łustas'c', zdor) к. 29 'топленое свиное сало' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; **польского** **jask-ol-ъk-a** (jaskułka, jaskoцka) к. 24 'ласточка' т. 1 «Животный мир»; **kot-ic-a** (koćica) к. 16 'кошка' т. 2 «Животноводство»; **ne-za-po-min- a-j-ъk-a** (ńizarom'inajka) к. 53 'незабудка' т. 3 «Раститель- ный мир»; **лужицкого** **potpul-a** ('pocpula, 'paćpula) к. 22 'перепелка' т. 1 «Животный мир»; **(bar)-ъ** (bar) к. 5 'мед- ведь' т. 1 «Животный мир»; **(kast)-ъ** (kašč, kačć) к. 48 'гроб' т. 10 «Народные обычаи»; **чешского** **ščík-a** (ščíka) к. 37 'щука' т. 1 «Животный мир»; **čар-ъ** (ča:p) к. 29 'аист' т. 1 «Животный мир»; **sěk-ač-ъ** (sěkač) к. 70 'мужчина, который косит косой' т. 4 «Сельское хозяйство»; **словац- кого** **smag-ъ** (smat) к. 9 'желание, потребность пить' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; **(olovrant)-ъ** (olovrant) к. 61 'полдник' т. 6 «Домашнее хозяйство и при- готовление пищи»; **pač-i-ть** <se> (pa:či: sa mi) к. 2 'нра- вится' т. 10 «Народные обычаи»; **словенского** **(pantegan)-a**

¹Примеры приводятся в морфонологической реконструкции, принятой в ОЛА, в скобках подаются собственно диалектные формы.

(*podgá:na*) к. 13 крыса т. 1 «Животный мир»; *pět-el-in-ъ* (*pete'li:n*) к. 11 'петух' т. 2 «Животноводство»; *čьbel-ar-ъ* (*čəbə'lar*) к. 27 'человек, который разводит пчел' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; **хорватского** *kuk-ov-ač-a* (*ku'kuvača*) к. 21 'кукушка' т. 1 «Животный мир»; **bos-ov-ic-a** (*bo'rovica*) к. 47 'брусника' т. 3 «Растительный мир»; *dět-ъč-ъk-o* (*'dečko*) к. 8 жених т. 10 «Народные обычаи»; **сербского** *kъr-ljusk-j-ъ* (*kř'lu:š*) к. 39 'чешуя рыбы' т. 1 «Животный мир»; *stъrv-in-a* (*střvina*) к. 51 'падаль,дохлое животное' т. 2 «Животноводство»; **македонского** *mač-og-ъk-ъ* (*mačorok*) к. 10 'кот' т. 2 «Животноводство»; *volk-ъn-a* (*'vłakna*) к. 46 'шерсть' т. 2 «Животноводство»; *paš-ъk-a* (*'paška*), *o-paš-ъk-a* (*o'paška*) к. 48 'хвост' т. 2 «Животноводство»; **болгарского** *pri-lěr-ъ* (*p'rilep*) к. 15 'летучая мышь' т. 1 «Животный мир»; *klъv-ač-ъ* (*kəl'vač*) к. 20 'дятел' т. 1 «Животный мир»; *bul-ъk-a* (*bułka*) к. 11 'женщина в день свадьбы' т. 10 «Народные обычаи» и др.).

Следует сразу сказать, что понятие эксклюзивной лексемы является относительным. Как показала история славянской лингвистической географии, и в частности, работа над «Общеславянским лингвистическим атласом», в ходе обследования славянских диалектов нередко обнаруживается новая локализация той или иной эксклюзивной лексемы, в результате чего ее эксклюзивный статус утрачивается.

Не исключена и обратная ситуация, когда лексема фиксируется разными историческими, диалектными или этимологическими словарями, а в «Общеславянском лингвистическом атласе» (либо в силу ограниченного характера его сетки, либо в результате естественных эволюционных процессов) она является эксклюзивной, так как распространена в рамках диалектов лишь одного языка. Примером подобной ситуации может служить лексема *kur-ъ* (*kur*) к. 11 'петух' т. 2 «Животноводство»: фиксация ее в «Этимологическом словаре славянских языков» довольно внушительна — это и болгарские, и сербские, и чакавские хорватские, и чешские,

и польские, и русские диалекты; между тем в ОЛА она имеет лишь небольшой ареал в кашубских (пп. 241-242, 244) и в мазовецких говорах (пп. 263-264, 274-275, 287).

Поэтому, говоря о русских эксклюзивных лексемах, мы имели в виду лишь те лексемы, статус которых подтверждается материалами лексико-словообразовательной серии «Общеславянского лингвистического атласа».

Русские эксклюзивные лексемы могут быть разных типов

Чаще всего это **лексические** (или точнее **лексико-словообразовательные**) эксклюзивы.

Иллюстрацией таких лексических эксклюзивов могут служить, например, русские эксклюзивные лексемы, обозначающие вечерний прием пищи //už-in-ъ, //už-in-a, //už-ьп-a к. 62 'ужин, вечерняя еда' (рус. 'užyn, 'užyna, 'užna) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», которые выделяют русские диалекты на всем пространстве Славии. В мотивационных признаках этих лексем отразилась идея движения солнца, его **пространственной локализации** на небосклоне как указания на время приема пищи (из праслав. *jugъ (Фасмер IV: 152)), тогда как для большинства славян характерно внимание к самой идее времени, в частности к определенному промежутку времени как части суток (ср. večer-ь, večer-j-a).

Однако кроме лексических эксклюзивов на картах Атласа имеется немало и таких, которые являются чисто **словообразовательными**, так как они выделяют русские диалекты с точки зрения словообразовательной структуры представленных в них лексем.

Богатый материал словообразовательных эксклюзивов дает к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи». На этой карте широко представлены лексемы с корнем kraj-. Однако в русских диалектах они имеют одно оформление

(ср. *kraj-ux-a*, *kraj-uš-ъk-ъ*, *kraj-uš-ъk-a*), в словацких — другое (ср. *kraj-ik-ъ*), в болгарских — третье (*kraj-išč-e*), в словенских — четвертое (ср. *kraj-ъč-itj-ъ*), в сербских — пятое (ср. *kraj-ik-a*) и т. д. Причем все эти названия являются эксклюзивами.

Другой пример такого словообразовательного эксклюзива можно найти на к. 42 'белая часть яйца' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи». Во всех славянских диалектах эти названия образуются от корня *běl-*. Однако в русских диалектах отмечено распространение эксклюзивных лексем *běl-uš-ъ*, *běl-uš-ъk-o*, в словенских — лексемы *běl-ъ=-ak-ъ*, в сербских — лексем *běl-ъc-ъ*, *běl-ъc-e* и т. д.

Яркой иллюстрацией словообразовательных эксклюзивов является и название полдника к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи». Во многих славянских диалектах получила распространение лексема с корнем *-už-* и суффиксом *in-* (ср. слн. 'wužina, хрв. 'južina, серб. užina, мак. užina, блг. 'užina, плс. juzyna, južyna), однако только в русских диалектах эта лексема имеет префиксальный элемент (ср. рус. *pa-už-in-ъ*, *pa-už-in-a*, *pa-už-in-ъk-a*, *pa-už-in-ъk-y*, *pa-už-in-ъk-ъ*, *pa-už-ъn-a*).

Наконец, самую небольшую в количественном отношении группу эксклюзивов составляют собственно **семантические**. К сожалению, в опубликованных томах Атласа представлено довольно немного семантических карт, которые в большинстве своем имеют лакуны в ответах, однако даже этот ограниченный материал позволяет говорить о существовании в русских диалектах и семантических эксклюзивов.

Ярким примером такого семантического эксклюзива может служить значение 'ячмень' у лексемы *žito* к. 60 *žito т. 4 «Сельское хозяйство» в севернорусских и в западной группе среднерусских говоров. На остальной славянской территории эта лексема известна либо в значении 'рожь' (в западнославянских, украинских, белорусских и в некоторых южнорус-

ских диалектах), либо в значении ‘пшеница’ (в болгарских, в некоторых сербских, словацких и чешских диалектах).

Другой пример представлен на к. 7 *čaša т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи». Эта лексема, распространенная во всех славянских диалектах, известна в основном в значении ‘стакан’ (в хорватских, сербских, македонских, болгарских, чешских диалектах), однако только в русских диалектах (в вологодских и костромских говорах) она встречается в значении ‘миска’ // ‘большая миска, выточенная из дерева’, а в словенских приморских говорах — в значении ‘большой ковш’.

С чем связано появление эксклюзивов?

Основная причина появления эксклюзивов связана со своеобразием номинативной логики в лексической параметризации окружающего мира, с особенностями осмысления и категоризации предметов и явлений внешнего мира. Своеобразие в восприятии и категоризации мира носителями русских диалектов, углубленная детализация мотивационных признаков, положенных в основу названий, и соответственно разная сегментация их языковым сознанием одного и того же семантического участка, привели постепенно к образованию отличительно характеризующей лексики. Давление же языковой системы способствовало тому, что освоение окружающего мира происходило по тем языковым моделям, которые были актуальными для данных диалектов.

Это своеобразное видение окружающего мира особенно ярко проявляется в мотивационных признаках эксклюзивных лексем.

Так, например, на к. 12 ‘деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева’ в русских диалектах представлены эксклюзивные названия *kvaš-ьn-j-a*, *kvaš-en-ьk-a* (*kvaš 'n'a*, *kva 'šonka*): в их мотивационных признаках отражена прагматическая составляющая, т. е. предназначение

этого корыта; в то же время в хорватских, македонских, болгарских и польских диалектах распространены названия, в которых актуализируется признак «результативности» (ср.: хрв.-мак.-блг. *kor-an-j-a*; мак.-плс. *kor-an-ъk-a*).

На к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' в эксклюзивных лексемах *u-stoj-ъ*, *u-stoj-ъk-ъ*, *съп-жьм-ъk-ъ*, *съп-жьм-ъk-у* (*us'toj*, *us'to-jək*, *s'n'imək*, *'symək*, *s'n'imk'i*), характерных для русских диалектов, актуализируется идея результативности, в то время как в других славянских диалектах в этих названиях актуализируется признак пространственной локализации: ср. лексемы с корнем *въгх-/въгš-* в словенских (*въгх-ъj-е* слн.: *'vr̩xje*, *'va:rxje*), хорватских (*въгх-ъп-ъj-е*, *въгх-ъп-j-a* хрв.: *'vr̩na*, *'vr̩ne*), македонских (*въгх-ъ*: мак. *vr̩f*), украинских (*въгх-ъ*, *въгš-ъk-ъ*, *въгš-ъk-у*, *въгх-ъп-in-a*: укр. *verx*, *vyr-'šok*, *verxny'na*), белорусских (*въгх-ъ*, *въгš-ъk-ъ* блр. *v'erx*, *v'ar'šok*) диалектах.

Нередко, однако, наблюдается ситуация, когда мотивационный признак может быть один и тот же, но в его лексической реализации прослеживаются расхождения, например, на к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' ведущим является акторный признак (предмет как результат действия), однако он осмысливается по-разному: в русских диалектах отчетливо просматривается обширный ареал эксклюзивной лексемы с корнем *-čist-* (*ob-čist-ъk-у*), в словенских, сербских, македонских, болгарских, словацких, польских, украинских, белорусских диалектах — с корнем *lup-*: (*lup-ъ*, *lup-a*, *lup-ъk-ъ*, *lup-ъk-a*, *lup-in-a*, *lup-aj-ъk-a* и др.); в польских — с корнями *ber-* (*ob-ber-ъk-a*, *ob-ber-in-a*), *struž-* (*struž-in-a*, *ob-struž-in-y*), *skrob-* (*skrob-in-y*, *ob-skrob-in-y* и т. д.).

Другая причина появления эксклюзивных лексем нередко связана с культурно-историческим влиянием других языков. Фонетическое и морфологическое освоение иноязычного слова в соответствии с правилами языко-

вой системы «принимающих» диалектов часто вело к образованию эксклюзивных лексем. Так, например, русская эксклюзивная лексема (aist)-ъ к. 29 'аист' т. 1 «Животный мир» связана с немецким диалектизмом *Heister* (Шапошников 1: 19); лексема (šink)-ov-an-ъ к. 44 'кислый, квашеный (о капусте)' восходит к ср.-в.-нем. *schinken*; лексемы (tabač)-ьп-ик-ъ (ta'bac'n'ik) и (tabak)-o-kur-ъ (taba'kur) к. 22 'человек, который курит папиросы' т. 10 «Народные обычаи» отсылают к нем. *Tabak*, фр. *tabac* < исп. *tabaco* < индейские языки; лексема šeleg-a к. 30 'пережаренные кусочки сала' соотносится с ненец. *силинга* 'выжарки оленьего сала'; лексема рě-sn-o-(xor)-ъ (p'esno'xor) к. 32 'певец' т. 10 «Народные обычаи» связана с греч. *χορός*; финно-угорскому происхождению обязана русская эксклюзивная лексема (vekš)-a ('v'ekša) к. 7 'белка' т. 1 «Животный мир» (Фасмер I: 287) и т. д.

Интересным примером такого культурно-языкового влияния, сказавшегося на образовании эксклюзивов во всех славянских диалектах, являются названия денег. На к. 49 'деньги' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» практически отсутствуют славянские названия. Исключение представляют лишь сербские и хорватские диалекты, в которых широко распространена лексема *nov-ъe-i* (1753 г.), являющаяся, по-видимому, универбом, восходящим либо к сочетанию *novi pjenez*, либо к сочетанию *novobradski pjenez*, где был когда-то монетный двор (Skok II: 526).

В остальных славянских диалектах «прижились» лексемы неславянского происхождения: в русских диалектах эксклюзивная лексема татарского происхождения (den'g)-у (она была заимствована из тюрк. диал. *dengā* (Шапошников 1: 217) и вошла в русский речевой обиход в период Золотой орды XIII–XIV вв.), в украинских и белорусских диалектах — лексема (groš)-i, восходящая к лат. *grossus*, в западнославянских диалектах, а также в словенских и в некоторых хорватских — лексема (pěnež)-e, (pěnež)-i германского

происхождения (герм. *pfenning*), в сербских, македонских и болгарских диалектах — лексема *pari* (из тур. *para* < араб. *parā*), в словенских диалектах — лексема (*dъnar*)-*ъj-е*, имеющая латинские корни (лат. *dēnārius*), наконец в приморских словенских и в отдельных хорватских чакавских говорах получила распространение лексема (*sold*)-*i*, (*šold*)-*i*, которая восходит к итал. *soldo*.

География эксклюзивных лексем

Каждая эксклюзивная лексема имеет свои особенности в топографических характеристиках. Однако несмотря на многообразие ареальных сценариев, в распространении эксклюзивных лексем прослеживаются два типа ареалов — обширный и ограниченный. Причем **обширные ареалы**, когда лексема плотно покрывала бы всю территорию того или иного языка или практически всю, во всех славянских диалектах встречаются довольно редко. В качестве иллюстрации можно привести следующие примеры русских эксклюзивных лексем: (*aist*)-*ъ*, (*kalist*)-*ъ* (*'aist*, *'kal'ist*) к. 29 'аист' т. 1 «Животный мир»; *češ-uj-a* (*češu 'ja*) к. 39 'чешуя рыбы' т. 1 «Животный мир»; *mur-aš-ъ* (*mu 'raš*) к. 41 'муравей' т. 1 «Животный мир»; *bab-ъč-ъk-a* (*'baboč'ka*) к. 45 'бабочка' т. 1 «Животный мир»; *gъs-ix-a* (*gu 's'ixa*) к. 19 'гусыня' т. 2 «Животноводство»; *лъg-ъč-i-ть* (*l'ex 'č'it*) к. 59 'кастрирует' т. 2 «Животноводство»; *gul-j-a-j-e-ть* <*se*> (*gu 'l'ajec'a*) к. 69 'бьется' (о свинье) т. 2 «Животноводство»; *čęst-j-a* (*'č'aš'a*) к. 10 'густые заросли в лесу' т. 3 «Растительный мир»; *zem-j-an-ъk-a* (*z'em 'l'anka*) к. 45 'земляника' т. 3 «Растительный мир»; *podъ-dorž-ъn-ik-ъ* (*pod:o 'rožn'ik*) к. 52 'подорожник' т. 3 «Растительный мир»; (*ogur*)-*ъc-ъ* (*ogu 'r'ec'*) к. 16 'огурец' т. 4 «Сельское хозяйство»; *pod-sъln-ъč-ъn-ik-ъ*, *pod-sъln-ух-ъ* (*pot 'sołn'eč'n'ik*, *pat 'sołnux*) к. 21 'подсолнечник' т. 4 «Сельское хозяйство»; *žit-o* (*'žyto*) к. 46 'ячмень' т. 4 «Сельское хозяйство»; *žit-o* к. 60 СМ *žit-o* 'ячмень' т. 4 «Сельское хозяйство»; *molt-il-ъšč-ik-ъ* (*moło 't'il's'ыk*)

к. 77 'мужчина, который молотит цепом' т. 4 «Сельское хозяйство»; *běl* // -yš-ь ('b'ełyš) к. 42 'белая часть яйца' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *žylt*-yš-ь (*žol'tyš*) к. 43 'желтая часть яйца' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; // *už-in*-ъ ('užyn) к. 62 'ужин' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *sz-kqs-yn*-Ъ (*s'kusnyj*) к. 65 'вкусный' (о еде) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *pas-t-uš-iχ-a* (*pastu* 'šyxa) к. 24 'женщина, которая пасет скот' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *po-gost*-ъ (*po* 'gost) к. 50 'кладбище' т. 10 «Народные обычаи» и др.

Особенность русских диалектов проявляется в том, что только в них это явление носит массовый характер, так как именно здесь эксклюзивы имеют часто самое широкое распространение (ср., например, обширные ареалы таких эксклюзивных лексем, как *kri-dl-yš-ыk-o* (*k'gytyška*) к. 19 'крылышко' т. 1 «Животный мир»; (*aist*)-ъ ('aist) к. 29 'аист' т. 1 «Животный мир»; *češ-uj-a* (*č'ešu'ja*) к. 39 'чешуя рыбы' т. 1 «Животный мир»; *bab-ъč-ыk-a* ('baboč'ka) к. 45 'бабочка' т. 1 «Животный мир»; *čęst-j-a* ('č'aš'a) к. 10 'густые заросли в лесу' т. 3 «Растительный мир»; *pod-sъln-ъč-yn-ik-ъ* (*pot'solnuš'ik*) к. 21 'подсолнечник' т. 4 «Сельское хозяйство»; // *už-in*-ъ ('vužyn) к. 62 'ужин' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и др.).

Объяснить явление широкого распространения эксклюзивной лексемы можно, по-видимому, тем, что данная лексема стала достоянием литературного языка (ср. рус. лит. *аист, бабочка, огурец, ужин, чешуя, чаща, огурец, ужин* и т. д.), что во многом способствовало укреплению ее «жизненной силы» и соответственно распространению.

Однако в целом таких случаев отмечено сравнительно немного, значительно чаще встречаются островные или даже точечные ареалы, причем в локализации этих ареалов также прослеживается определенная повторяемость.

В русских диалектах **очаги эксклюзивных лексем** локализируются в основном в севернорусских архангельских (особенно часто в шп. 542-543, 549) и вологодских говорах (особенно в шп. 602-603), значительно реже они встречаются в среднерусских новгородских (п. 631, 637), псковских (п. 652) и тверских (п. 694) говорах, кроме того, высокая концентрация их отмечена в русских старожильческих говорах в Эстонии (п. 527), ср. распространение следующих лексем: **(vekš)-a** ('v'ekša) к. 7 'белка' т. 1 «Животный мир»; **kur-o-pъt-ъ** ('kuropot') к. 23 'куропатка' т. 1 «Животный мир»; **mur-aš-ъ** (mu'raš) к. 41 'муравей' т. 1 «Животный мир»; **ry-t-ik-ъ** ('ryt'ik) к. 12 'крот' т. 1 «Животный мир»; **kočet-ъ** ('kočet) к. 11 'петух' т. 2 «Животноводство»; **klux-a, kluš-a, kluš-ъk-a** ('kluxa, 'kluša, 'kluška) к. 18 'курица, которая высиживает яйца' т. 2 «Животноводство»; **po-skot-in-a** (po'skot'ina) к. 53 'пастбище' т. 2 «Животноводство»; **pět-un-ъ** (p'i'tun) к. 11 'петух' т. 2 «Животноводство»; **par-un-j-a** (pa'run'ja) к. 18 'курица, которая высиживает яйца' т. 2 «Животноводство»; **par-ux-a** (pa'ruха) к. 18 'курица, которая высиживает яйца' т. 2 «Животноводство»; **sam-o-sěd-ъk-a** (sam'os'etka) к. 18 'курица, которая высиживает яйца' т. 2 «Животноводство»; **xrjak-ъ** (xr'ak) к. 8 'кастрированный самец свиньи' т. 2 «Животноводство»; **na-sěd-ux-a** (nas'e'duxa) к. 18 'курица, которая высиживает яйца' т. 2 «Животноводство»; **žъv-ač-i-ть** ('žvačit) к. 55 'жуёт жвачку' т. 2 «Животноводство»; **klad-e-ть** (kla'd'ot) к. 59 'кастрирует' т. 2 «Животноводство»; **lož-i-ть** ('ložyt) к. 59 'кастрирует' т. 2 «Животноводство»; **pogan-yš-ъ** (po'ganuš) к. 56 'ядовитый гриб' т. 3 «Растительный мир»; **pogan-ъc-ъ** (po'gan'ec) к. 56 'ядовитый гриб' т. 3 «Растительный мир»; **na-zem-ъ** (na'z'om) к. 28 'навоз' т. 4 «Сельское хозяйство»; **ot-rěz-ъ, nos-ъ, nos-ъk-ъ** (ot'r'ez, nos, no'sok) к. 31 'железная часть плуга, которая подрезает землю снизу' т. 4 «Сельское хозяйство»; **žъn-i-tv-in-a** ('žn'itv'ina) к. 38 'поле, с которого

убраны хлеба' т. 4 «Сельское хозяйство»; *kos-ov-išč-e*, *kos-ov-ъj-e* (*koso 'v'iš':e*, *koso 'v'jo*) к. 66 'палка, на которую насажена коса' т. 4 «Сельское хозяйство»; *kos-ak-ъ* (*ko 'sak*) к. 70 'мужчина, который косит косой' т. 4 «Сельское хозяйство»; *vęz-ъk-a*, *sz-vęz-ъk-a* (*'v'aska*, *sv'aska*) к. 71 'соломенный жгут, которым перевязывают снопы' т. 4 «Сельское хозяйство»; *molt-i-dl-o*, *pri-qz-a*, *pri-qz-ъj-e* (*moło 't'iło*, *pr'i 'vuz'je*, *p 'g'ivəsə*) к. 74 'цеп, орудие для ручной молотбы' т. 4 «Сельское хозяйство»; *po-kos-ъ* (*pa 'kos*) к. 83 'время, когда косят траву на сено' т. 4 «Сельское хозяйство»; *ključ-ъ* (*kl'uč'*) к. 1 'колодец' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *vod-o-nos-ъ* (*vədo 'nos*) к. 2 'кормысло' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *prost-ъ* (*pros 'toj*) к. 3 'пустой, ненаполненный' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kold-a*, *kvaš-ъnj-a*, *željб-ъ* (*ko 'loda*, *kvaš 'n'a*, *'žołop*) к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *gъrb-ъk-ъ*, *gъrb-uš-ъk-ъ*, *krom-ъč-ъk-a* (*gor 'boł*, *gar 'bušək*, *k 'romočka*) к. 18 'горбушка' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *krъx-y*, *krъš-on-ъk-a* (*k 'rox'i*, *kro 'šonka*) к. 19 'крошки' (хлеба) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *korv-in-a*, *korv-ęt-in-a* (*ko 'rov'ina*, *koro 'v'at'ina*) к. 22 'мясо коровы или вола' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *ob-švar-ъk-y*, *ob-šur-ъk-y*, *vutop-ъk-y*, *ob-top-ъk-y* (*ašk 'vark'i*, *o 'šurk'i*, *'výtərk'i*, *o 'topk'i*) к. 30 'пережаренные кусочки сала' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *prost-o-kyš-a*, *kys-ы-ux-a* (*prəsto 'k'iša*, *k'is 'tuxa*) к. 35 'сырое кислое молоко' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *u-stoj-ъ* (*u 'stoj*) к. 36 'сливки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *skor-ъk-a* (*'skorka*) к. 41 'скорлупа' (яйца) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *běl-yš-ъk-o* (*'b'elyško*) к. 42 'белая часть яйца' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *žыlt-yš-ъk-o*

(*'žouutyško*) к. 43 'желтая часть яйца' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *stręp-a-j-e-ть* (*st' r'apəit*) к. 45 'варит, готовит' (обед) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kor-ък-а, kož-ur-а* (*'korka, kožu'ra*) к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *pa-už-in-ъ, pa-už-ьп-а* (*'raužyn, 'raužna*) к. 61 'полдник' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *už-ьп-а, už-in-а* (*'užna, 'užyna*) к. 62 'ужин' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *po-gost-ъ* (*pogos*) к. 1 'небольшой сельский населенный пункт' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *šv-ьč-iх-а* (*šv'e'c'ixa*) к. 18 'женщина, которая шьет одежду' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *po-bir-aх-а, po-bir-aš-ък-а, po-bir-uš-ък-а, съ-bir-un-ъ* (*po'b'i'raha, po'b'i'raška, po'b'i'ruška, zb'i'run*) к. 59 'человек, который просит милостыню' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *po-bir-uх-а, po-mir-uš-ък-а* (*po'b'i'ruха, pəm'i'ruškə*) к. 60 'женщина, которая просит милостыню' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *kad-ьč-ьп-ik-ъ, kad-uš-ьč-ьп-ik-ъ* (*'kadoš'n'ik, ka'dušəšn'ik*) к. 8 'человек, который делает деревянные бочки и кадки' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *po-mel-ьšč-ik-ъ, mоk-o-mol-ъ* (*po'm'el's'ыk, muka'moł*) к. 19 'человек, который мелет зерно на мельнице' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *brjuš-in-а* (*br'u'šyna*) к. 51a 'брюхо животного' т. 9 «Человек»; *brjux-ov-in-а* (*br'uxo'v'ina*) к. 51a 'брюхо животного' т. 9 «Человек»; *plet-ьп-ъ* (*p'l'et'en'*) к. 26 'коса, заплетенные волосы у женщины' т. 9 «Человек»; *xol-ък-а* (*'xołka*) к. 44 'верхняя часть ноги человека' т. 9 «Человек»; *lap-ost-ъ* (*łapos'*) к. 46 'стопа, часть ноги ниже щиколотки' т. 9 «Человек»; *głęd-n-e-ть* <se> (*g'l'en'eс'a*), *kaž-e-ть se* (*'kažoc'a*) к. 2 'нравится' т. 10 «Народные обычаи»; *(tabač)-ьп-ik-ъ* (*ta'bac'n'ik*) к. 22 'человек, который курит папиросы' т. 10 «Народные обычаи»; *pě-sn-o-(xor)-ъ* (*p'esno'xor*) к. 32 'певец' т. 10 «Народные обычаи»; *pě-sn-o-(xor)-ък-а* (*p'esno'xorka*) к. 33

‘женщина, которая хорошо поет’ т. 10 «Народные обычаи»; **dom-ov-išč-e** (*domo 'v'išč:o*) к. 44 ‘гроб, в котором хоронят покойника’ т. 10 «Народные обычаи»; **ži-r-a** (*'žyга*) к. 43 ‘жизнь’ т. 10 «Народные обычаи».

Из других русских диалектов можно выделить южно-русские тульские (особенно п. 778) и орловские (п. 825) говоры, ср. распространение следующих лексем: **сёр-in-ък-а** (*сы 'p'inka*) к. 76 ‘часть цепа, которым бьют колосья’ т. 4 «Сельское хозяйство»; **lotok-ъ** (*ła 'tok*) к. 12 ‘деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; **kys-ы-уш-ък-а** (*k'is 'łuška*) к. 35 ‘сырое кислое молоко’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; **glin-ьн-ьн-ъ** (*γ 'l'in:ej*) к. 50 ‘сделанный из глины’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; **meļz-ьj-e** (*ma 'lož'ja*) к. 32 ‘молоко коровы сразу после отела’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; **svěž-in-a** (*s'v'i 'ž'ina*) к. 21 ‘мясо свиньи’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; **вѣ-ар-ъ, вѣ-ар-ьн-ик-ъ** (*ba 'č'ar, ba 'č'arn'ik*) к. 8 ‘человек, который делает деревянные бочки и кадки’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; **žul-ik-ъ** (*'žul'ik*) к. 55 ‘человек, который крадет’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; **po-bir-aš-ък-а, po-bir-uš-ък-а** (*po'b'i 'raška, po'b'i 'ruška*) к. 60 ‘женщина, которая просит милостыню’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; **buld-yž-ък-а** (*buł 'dyška*) к. 44 ‘верхняя часть ноги человека’ т. 9 «Человек»; **moļd-aj-ък-а** (*məła 'dajka*) к. 11 ‘женщина в день свадьбы’ т. 10 «Народные обычаи»; **јьgr-un-ъ** (*iγ 'run*), **pě-v-ъч-ь** (subst) (*'p'efč'ij*) к. 32 ‘певец’ т. 10 «Народные обычаи»; **јьgr-un-ьj-a** (*ig 'run'ja*), **јьgr-ух-а** (*iγ 'ruхə*) к. 33 ‘женщина, которая хорошо поет’ т. 10 «Народные обычаи».

Когда возникли эксклюзивы?

Ответить на этот вопрос чрезвычайно сложно, так как практически каждая эксклюзивная лексема имеет свою историю, особенно когда речь идет о взаимодействии культур. Вместе с тем возможность пространственной визуализации ареалов эксклюзивных лексем делает реальной их относительную хронологию.

И здесь чрезвычайно важную роль играют топографические признаки лексем, в частности, степень плотности ее ареала (является ли он сплошным, размытым или разрушенным, островным или даже мерцающим, точечным)? Объективность топографического критерия связана с тем, что он дает возможность выявить **закономерности** в формировании ареальных сценариев, существующих в разных пространственных контекстах.

Ареалогический анализ русских эксклюзивных лексем позволил выявить следующие особенности в распределении их ареалов.

Как уже отмечалось выше, ареал эксклюзивной лексемы может характеризоваться иногда высокой плотностью ее распространения, при этом контуры его оказываются практически ровными, часто совпадающими с государственными границами. Именно такой тип ареала имеют лексемы **gъrb-uš-ъk-a** (*gor'buška*) к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; **ob-čist-ъk-y** (*o'č'istk'i*) к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; **//už-in-ъ** (*'užyn*) к. 62 'ужин, вечерняя еда' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; **bab-ъč-ъk-a** к. 45 'бабочка' т. 1 «Животный мир»; **(denъg)-y** (*'d'en'g'i*) к. 49 т. 8 «Профессии и общественная жизнь» в русских диалектах. Такой тип ареала, несмотря на то, что он может быть довольно обширным, является свидетельством, скорее всего, позднего происхождения данной лексемы.

О позднем происхождении лексемы говорят и ограниченные ареалы, особенно т. н. мерцающие ареалы. Эти микроареалы, существующие в рамках диалектов лишь одного языка, являются, как правило, территориальными величинами позднего времени, поскольку репрезентируемое ими языковое явление как новое, только нарождающееся не получило еще в них широкого распространения из-за наличия других, более употребительных и лингвистически активных форм.

Эти наблюдения подтверждаются данными исторических и этимологических словарей. Так, например, русский эксклюзив //už-in-ъ к. 62 'ужин, вечерняя еда' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» впервые фиксируется в XVII в. (Черных II: 285) и получает широкое распространение в XVIII в. (Шапошников 2: 450); эксклюзивная лексема bab-ъĕ-ъk-a к. 45 'бабочка' т. 1 «Животный мир» в русском языке появляется лишь в нач. XVIII в. (Шапошников 1: 40), а pod-sъln-ъĕ-ъn-ik-ъ (pot 'solnušn'ik) к. 21 'подсолнечник' т. 4 «Сельское хозяйство» в современном значении лишь в XIX в. (Шапошников 2: 153).

Довольно поздно, не ранее XVI–XVII вв., появляются в памятниках письменности русские эксклюзивные лексемы, имеющие ограниченные ареалы (ср. na-zem-ъ (na 'z'om) к. 28 'навоз' т. 4 «Сельское хозяйство»: слово появляется в XVI в.: *И тѣмъ назмом землю назмят* (СлРЯ XI–XVII 10: 90); po-big-aĕ-a (pəb'i 'raĕa) к. 59 'человек, который просит милостыню' — в XVII в. (СлРЯ XI–XVII 15: 127); bъĕ-ar-ъ, bъĕ-ar-ъn-ik-ъ (ba 'c'ar, ba 'c'arn'ik) к. 8 'человек, который делает деревянные бочки и кадки' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» — в XVII в. (СлРЯ XI–XVII 1: 304); brjuš-in-a (br'u 'šyna) к. 51a 'брюхо животного' т. 9 «Человек» — в XVII в. (СлРЯ XI–XVII 1: 342); par-un-j-a (pa 'run'ja) к. 18 'кураца, которая высиживает яйца' т. 2 «Животноводство» — в XVII в. (СлРЯ XI–XVII 14: 157); molt-i-dl-o (məlo 't'ilo) к. 74 'цеп, орудие для ручной молотбы' т. 4 «Сельское хозяйство» — в XVII в. (СлРЯ XI–XVII 9: 252);

mur-aš-ь (*mu 'raš*) к. 41 'муравей' т. 1 «Животный мир» — в XVII в. (СлРЯ XI–XVII 9: 309)); а некоторые — даже позже (ср. *žul-ik-ь* (*'žul'ik*) к. 55 'человек, который крадет' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» — в сер. XIX в. из офенского жаргона (Шапошников 1: 276)); и лишь немногие — ранее (ср. *po-gost-ь* (*po 'gost*) к. 1 'небольшой сельский населенный пункт' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» — в XIV в. (СлРЯ XI–XVII 15: 196); *po-skot-in-a* (*pos 'kot'ina*) к. 53 'пастбище' т. 2 «Животноводство» — в XV в.: *А в ту поскотину скота не пуцати, поскотина у них своя* (СлРЯ XI–XVII 17: 170)).

Кроме того, многие из эксклюзивных лексем **либо отсутствуют в памятниках письменности** (ср., например, такие русские эксклюзивные лексемы, как *kluх-a*, *kluš-a*, *kluš-ьk-a* (*k 'luхa*, *'kluša*, *'kluška*) к. 18 'курица, которая высиживает яйца' т. 2 «Животноводство»; *pět-un-ь* (*p'e 'tun*) к. 11 'петух' т. 2 «Животноводство»; *par-ux-a* (*pa 'ruхa*) к. 18 'курица, которая высиживает яйца' т. 2 «Животноводство»; *rogan-uš-ь*, *rogan-ьс-ь* (*po 'ganuš*, *po 'gan'ec*) к. 56 'ядовитый гриб' т. 3 «Растительный мир»; *žьп-i-tv-in-a* (*ž 'n'itv'ina*) к. 38 'поле, с которого убраны хлеба' т. 4 «Сельское хозяйство»; *kos-ov-išč-e*, *kos-ov-ьj-e* (*kəsa 'v'išč'e*, *kəsa 'v'jo*) к. 66 'палка, на которую насажена коса' т. 4 «Сельское хозяйство»; *kos-ak-ь* (*ko 'sak*) к. 70 'мужчина, который косит косой' т. 4 «Сельское хозяйство»; *pri-oz-ь*, *pri-oz-a*, *pri-oz-ьj-e* (*p 'r'ius*, *p 'r'iuza*, *pr' i 'uz'je*) к. 74 'цеп, орудие для ручной молотбы' т. 4 «Сельское хозяйство»; *svěž-in-a* (*sve 'žьna*) к. 21 'мясо свиньи' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *škvag-у* к. 30 'пережаренные кусочки сала' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *u-stoj-ь* (*us 'toj*) к. 31 'пенка' (на молоке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *pa-už-ьп-a* (*'paužna*) к. 59 'обед, еда в дневное время' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *pa-už-a* (*'pa-uža*) к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' т. 6 «Домашнее хо-

зайство и приготовление пищи»; **kvaš-ъn-j-a** (kvaš 'n'a) к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; **ob-top-ъk-y** (o 'topk'i) к. 30 'пережаренные кусочки сала' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; **u-stoj-ъ, съn-jъm-ъk-y** (us 'toj, s 'n'ink'i) к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; **kraj-uš-ъk-ъ, kraj-uš-ъk-a** ('krajušək, kra 'juška) к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; **melz-ъj-e** (mo 'toz'je), **mold-ъj-e** (ma 'tod'ijo) к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; **prost-o-kyš-a** (prəsta 'k'iša) к. 35 'сырое кислое молоко' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; **kys-ы-ух-a, kys-ы-uš-ъk-a** (k'is 'tuxa, k'is 'tuška) к. 35 'сырое кислое молоко' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; **съ-sěd-yš-ъ** ('s:edyš) к. 35 'сырое кислое молоко' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; **skor-ъk-a** (s 'korka) к. 41 'скорлупа' (яйца) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; **žыlt-yš-ъ, žыlt-yš-ъk-o** (žo 'tыš, 'žo'tыško) к. 43 'желтая часть яйца' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; **ob-lup-ъk-y** (ob 'tupk'i) к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; **pa-už-in-ъ, pa-už-in-a, pa-už-in-ъk-a, pa-už-in-ъk-ъ, pa-už-ъn-a** ('raužыn, rau 'žыna, rau 'žынка, rau 'žынək, 'raužna) к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; **pa-ob-ěd-ъ, pa-ob-ěd-a, pa-ob-ěd-ъk-ъ** ('paob'et, paob 'b'eda, paob 'b'edok) к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; **zem-j-an-ъk-a** (z'em 'l'anka) к. 45 'земляника' т. 3 «Растительный мир»; **gul-j-a-j-e-ть** <se> (gu 'l'ajet') к. 69 'бьется' (о свинье) т. 2 «Животноводство»; **pas-t-uš-iχ-a** (pəstu 'šыxa) к. 24 'женщина, которая пасет скот' т. 8 «Профессии и обще-

ственная жизнь», *gqs-ix-a* (*gu's'ixa*) к. 19 'гусыня' т. 2 «Животноводство»; *lyg-ъč-i-ть* (*l'ek'č'it'*) к. 59 'кастрирует' т. 2 «Животноводство»; *buld-yž-ьк-a* (*buł'dyška*) к. 44 'верхняя часть ноги человека' т. 9 «Человек»; *kad-ъč-ьн-ик-ь*, *kad-uš-ъč-ьн-ик-ь* (*'kadəč'n'ik*, *ka'dušeč'n'ik*) к. 8 'человек, который делает деревянные бочки и кадки' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *plet-ьн-ь* (*'pl'et'en*) к. 26 'коса, заплетенные волосы у женщины' т. 9 «Человек»; *lap-ost-ь* (*'lapəs'*) к. 46 'стопа, часть ноги ниже щиколотки' т. 9 «Человек»; *po-mir-uš-ьк-a*, *po-bir-aš-ьк-a*, *po-bir-uš-ьк-a* (*pəm'i'ruška*, *pəb'i'raška*, *pəb'i'ruška*) к. 60 'женщина, которая просит милостыню' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *sz-bir-un-ь* (*zb'i'run*) к. 59 'человек, который просит милостыню' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» и т. д.), **либо фиксируются, но в ином значении** (ср., например, лексемы *ključ-ь* (*kl'uč'*) к. 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и др.-рус. *ключь* 'источник, родник' (Срезневский I: 1233; СлРЯ XI–XVII 7: 187); *vod-o-nos-ь* (*vədo'nos*) к. 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и др.-рус. *водонось* 'ведро' (Срезневский I: 278); *želb-ь* к. 12 (*'žołop*) 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и др.-рус. *желобь* 'желоб' (Срезневский I: 849); *skot-ьн-ic-a* (*'skotn'ica*) к. 34 'женщина, которая доит коров' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и др.-рус. *скотьница* 'казнохранилище' (Срезневский III: 388); *vьrš-ьк-ь* (*v'er'šok*) к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и др.-рус. *вьршькь* 'верх, верхушка' (Срезневский I: 468); *kold-a* (*ko'łoda*) к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и др.-рус. *колода* 'толстое бревно' (Срезневский I: 1255); *žir-ь* (*žyr*) к. 27

‘подкожный слой жира в свинине’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и др.-рус. **жирь** ‘богатство’ (Срезневский I: 875); **сыг-ъ** (**syг**) к. 32 ‘молоко коровы сразу после отела, молозиво’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и др.-рус. **сырь** ‘творог, сыр’ (Срезневский III: 876); **smol-a** (**smo’ła**) к. 32 ‘молоко коровы сразу после отела, молозиво’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и др.-рус. **смола** ‘древесный сок’ (Срезневский III: 445); **хогъсь-ъ** (**хо’гошь**) к. 65 ‘вкусный’ (о еде) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и др.-рус. **хорошии** ‘красивый, прибранный’ (Срезневский III: 1388); **sēra** (‘s’era) ‘смола (сок) хвойных деревьев’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и др.-рус. **сѣра** ‘жир’ (Срезневский III: 899); **podъ-dorž-ъn-ik-ъ** (**pəd:a’rožn’ik**) к. 52 ‘подорожник’ т. 3 «Растительный мир» и др.-рус. **поддорожникъ** ‘грабитель на дорогах, разбойник’ (СлРЯ XI–XVII 15: 252) и др.).

Кроме топографических признаков при определении носительской хронологии эксклюзивных лексем чрезвычайно важное значение имеют и собственно лингвистические критерии. Так, в частности, если обратить внимание на словообразовательную структуру эксклюзивов, то нетрудно заметить, что в большинстве своем они представлены производными лексемами, причем не только второй, но и третьей степени производности, что свидетельствует о вторичности их образования, ср.: рус. **гъrb-ък-ъ**, **гъrb-ъсь-ък-ъ** (**gor’bok**, **gor’boček**) к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; **жьlt-yš-ъ**, **жьlt-yš-ък-ъ**, **жьlt-yš-ък-о** (**žoł’tыś**, **’žoł’tыśэк**, **žoł’tыśок**, **’žoł’tыśко**) к. 43 ‘желтая часть яйца’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; ср. также **pēt-un-ъ** (**p’e’tun**) к. 11 ‘петух’ т. 2 «Животноводство»; **ro-skot-in-a** (**po’skot’ina**) к. 53 ‘пастбище’ т. 2 «Животноводство»; **na-ze-m-ъ** (**na’z’om**) к. 28 ‘навоз’ т. 4 «Сельское хозяйство»; **korv-in-a**, **korv-ēt-in-a** (**ko’rov’ina**, **koro’v’at’ina**) к. 22 ‘мясо коровы или вола’ т. 6 «Домашнее хозяйство и

приготовление пищи»; *kur-o-přt-ь* (*'kuropřt*) к. 23 'куропатка' т. 1 «Животный мир»; *na-sěd-ux-a* (*nas'e'duxa*), *sam-o-sěd-ъk-a* (*samo's'etka*) к. 18 'курица, которая высиживает яйца' т. 2 «Животноводство»; *kos-ov-išč-e*, *kos-ov-ъj-e* (*kās-av'iščə*, *kās-av'j-o*) к. 66 'палка, на которую насажена коса' т. 4 «Сельское хозяйство»; *съ-klad-ъп-ъщ-ъk-ъ* (*sk'ladn'išček*) к. 20 *dem* 'ножик, ножичек' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kvaš-en-ъk-a* (*kva'šonka*) к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *u-stoj-ъk-ъ*, *съп-ъm-ъk-y* (*us'tojek*, *s'n'imk'i*) на к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kraj-ux-a* (*kra'juxa*) к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kor-in-a* (*ko'r'ina*) к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *per-xvat-ъk-a* (*p'er'ex'vatka*) к. 58 'завтрак, утренняя еда' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *mold-aj-ъk-a* к. 11 'женщина в день свадьбы' т. 10 «Народные обычаи»; *ъgr-un-ъ*, *рě-sn-o-(xor)-ъ*, *рě-v-ъщ-ъ* (*subst*) к. 32 'певец' т. 10 «Народные обычаи»; *dom-ov-išč-e* к. 48 'гроб, в котором хоронят покойника' т. 10 «Народные обычаи» и т. д.). И это само по себе является свидетельством их позднего образования.

Будучи производными от праславянских основ, эти эксклюзивы, как правило, не имеют прямых индоевропейских соответствий, что также свидетельствует об их позднем происхождении.

О позднем образовании многих эксклюзивов говорит и вторичный характер их значения (ср., например, вторичный характер значения у русского эксклюзива // *už-in-ъ* (*'užyn*) к. 62 'ужин, вечерняя еда' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», первоначальное, более древнее его значение 'еда после полудня' (Черных II: 285; Шапошников 2: 450).

Нередко их семантическая структура является результатом семантического развития слова, и в частности, метафоризации, что также указывает на то, что данное значение является вторичным, ср.: *nos-ъ, nos-ъk-ъ* (*nos, no'sok*) к. 31 'железная часть плуга, которая подрезает землю снизу' т. 4 «Сельское хозяйство»; *gъrb-uš-a, gъrb-uš-ъk-a* (*gor'buša, gor'buška*) к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи».

О позднем образовании эксклюзивной лексемы нередко говорит и значение слова, отсылающее нас к реалиям современной жизни рус. (*tabač-ъn-ik-ъ* или (*tabak-о-kur-ъ* к. 22 'человек, который курит папиросы' т. 10 «Народные обычаи»).

Наконец, об этом говорит и тот факт, что очень часто появление эксклюзивных лексем связано с культурно-историческим влиянием других языков. Не случайно среди них так много **заимствований** из немецкого, латинского, греческого, тюркских и др. языков.

Сам этот факт говорит о том, что появление большинства эксклюзивных лексем относится к периоду самостоятельного существования русского языка и является свидетельством позднего культурного заимствования.

Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что многие из эксклюзивных лексем, имеющих обширные ареалы, стали достоянием литературного языка, что также свидетельствует о том, что их утверждение в русском языке относится к национальному периоду его развития.

Вместе с тем нельзя исключить и тот факт, что некоторые эксклюзивные лексемы имеют достаточно древнюю историю, т. е. восходят к праславянскому или, точнее, позднепраславянскому периоду, ср., например, русские эксклюзивные лексемы, которые обладают обширными ареалами и имеют фиксацию в древнерусских памятниках письменности: *čest-j-a* (*'č'aš'a*) к. 10 'густые заросли в лесу' т. 3 «Рас-

тительный мир», производное с суф. -j- от прилагательного *čęstь*, известно с 1097 г. (ЭССЯ 4: 109; Шапошников 2: 515); *češ-uj-a* (č'ešu 'ja) к. 39 'чешуя рыбы' т. 1 «Животный мир»: девербатив от глагола *čęsati, *češu*, известно с 1096 г. (ЭССЯ 4: 91; Шапошников 2: 525). Однако таких примеров отмечено сравнительно немного.

Таким образом, несмотря на различный характер ареалов эксклюзивных лексем, как обширные, так и ограниченные ареалы являются чаще всего величинами позднего времени, т. е. фактом собственной истории русского языка. Как видно из приведенных материалов, большинство эксклюзивных лексем сформировалось в период становления национального самосознания и оформления русской государственности. Процесс созревания этно-политического самосознания, осознание своей общности и вместе с ней исключительности, стремление отличить себя от соседей и подчеркнуть свою культурную специфику обретал в этих именах дополнительный стимул.

В заключение следует отметить, что информация, которую несет в себе лингвистическая карта, еще только начинает изучаться. Умение «читать карту» открывает широкие перспективы не только в исследовании эволюции единиц языка, но и в решении вопроса об истории формирования этнических общностей, ибо во многом карта имеет бесспорные преимущества перед другими лингвистическими источниками, а иногда она просто безальтернативна (подробнее см. [Гриценко 2004: 86]).

В этой связи невозможно не вспомнить слова Р. И. Аванесова, говорившего о том, что «лингвистическая карта сама по себе мертва и схематична. Из нее нельзя вывести историю языковых явлений и диалектов. Но она может озарить ярким светом историю языка, может помочь установить пути развития явления, время и первоначальную территорию его возникновения, если мы умело ею воспользуемся, если одно-

временно с данными лингвистической географии мы будем изучать внутреннюю историю развития языковых явлений, учитывать их относительную хронологию, данные письменных источников, если при этом мы будем рассматривать все эти данные в тесной связи с данными истории, исторической географии и археологии» [Аванесов 1952: 27].

Литература

Аванесов Р. И. Лингвистическая география и история русского языка // Вопросы языкознания. 1952. № 6.

Гриценко П. Е. Об интерпретации лингвистических карт // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 2004.

Немировский М. Я. Лингвистическая география и ее значение // Известия Горного педагогического института. Владикавказ. 1926. Т. III.

Комментарии к этимологиям
финно-угорской субстратной
лексики ландшафта
в русских говорах Прикамья:
оль/уль, пыром, чурк/чурок*

Р. В. Гайдамашко

В статье даны комментарии и дополнения к этимологиям финно-угорских заимствований в прикамских говорах на материале тематической группы «Ландшафт»: *оль/уль* ‘сырой, заболоченный лес’, *пыром* ‘место под поваленными деревьями, кустарником, занесённое снегом’, *чурк/чурок* ‘прибрежная скала, скалистая гора’.

Ключевые слова: диалектология, лексикология, лексика ландшафта, этимология

Настоящая статья продолжает серию публикаций, в которых рассматривается финно-угорское субстратное наследие в прикамских говорах на материале тематической группы «Ландшафт». Ранее были обсуждены лексемы *бурган* ‘яма в овраге, в которую стекает вода’, *гурган* (без удар.) ‘место карстового провала; яма; рытвина’, *урот* ‘лощина между горами, проход через хребет’ [Гайдамашко 2011], *зырья* ‘край, окраина’, *лоза* ‘заболоченное озерко, лужа, топкое место, старое русло’ [Гайдамашко 2013а], *эгер(ь)* ‘плохой, чахлый сосняк на сыром месте’, *пурга* ‘глухой, непроходимый лес’, *сёрд* ‘отдалённый участок земли (лес, поле)’, *туман* ‘(проточное) озеро’ [Гайдамашко 2013б].

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 13-34-01018(а1).

Оль/уль

Лексема *оль* введена в научный оборот С. А. Куклиным, в труде которого она наделена дефиницией ‘еловый низкорослый дровяной лес, на плохо дренированной почве’ и достаточно обширной пометой «Сев. Предуралье» [Куклин 1938: 228]. По материалам экспедиций А. К. Матвеева во второй половине 1950-х гг. слово *оль* ‘редкий невысокий лес, чаще чернолесье (ель, пихта), реже березник на низких сырых местах’ бытовало на крайне узкой территории — в н. п. Дий Чердынского р-на, Акчим, Усть-Улс и Писаная Красновишерского р-на [Матвеев 1959: 32; Матвеев 1964: 300].

Более поздними диалектологическими экспедициями Пермского университета отмечена лексема *оль* и только в н. п. Дий Чердынского р-на, но совместно с вариантом (или формой множественного числа): «*Оль, оля, один березник, травы не растёт*» (КСРГСПК).

В гнезде деревень в верховье р. Вишера (н. п. Акчим, Усть-Улс, Писаная Красновишерского р-на) были также зафиксированы дериваты *олёк, олина, олеватый, олистый* (все даны без ударения) [Матвеев 1959: 32].

Последний дериват запечатлён в названии р. *Олистая* в бассейне р. Колва [там же].

По наблюдению А. С. Кривощёковой-Гантман, коми-перм. слово *оль* ‘сырое низкое место в лесу, поросшее кустарником и высокой травой; смешанный берёзово-еловый лес на заболоченных кочковатых низинах’ представлено во многих топонимах: *Оль, Кёчыб оль*¹, *Ыджыт оль*², *Паськыт оль*³, *Миша оль, Захар оль* и др. [Кривощёкова-Гантман 1974: 38].

¹При коми-перм. *коч* ‘заяц || заячий’, ‘зайчик, хвостик (часть несжатого поля или нескошенного луга)’ (КПРС: 195) и *ыб* ‘поле || полевой’ (КПРС: 577).

²При коми-перм. *ыджыт* ‘большой’ (КПРС: 577).

³При коми-перм. *паскыт* ‘широкий’ (КПРС: 326).

В топонимии смежного региона, республики Коми, см.: р. *Оль*, левый приток р. Лэпью (Прилуз.) (ТК: Р-39-135,136), д. *Олек* (Усть-Кулом.), д. *Ольвидзь*⁴ (Княжпогост.), д. *Ольвыв* (Сыктывд.), н. п. *Ольвыл*⁵ (Усть-Кулом.) (Жеребцов 2001: 350–351), р. *Ольховей*⁶, бол. *Ольгевейтор* (СГТК: 41).

А. К. Матвеев предлагает сравнивать прикамские диалектные слова с коми лексикой [Матвеев 1959: 32], ср. коми-перм. *оль* ‘согра (берёзово-еловый лес на заболоченных кочковатых низинах)’, ‘сырое, болотистое место’ (КПРС: 292), коми-зыр. верх.-вычег., вым., нижн.-вычег., печор., ср.-сысол., удор. (Примезень) *оль*, нижн.-вычег. *ольвыв*, печор. (н. п. Покча) *ольтае* ‘согра, сырое травянистое место с мелким лесом’ (ССКЗД: 259).

Для коми слов пока не предложено исконной этимологии, однако апеллиатив *оль* и его дериваты относительно широко распространены в коми языковом массиве (включая топонимию), а на русской почве имеют весьма ограниченный ареал, что может являться доказательством исконности коми данных и однозначного направления заимствования коми > рус.

Э. М. Мурзаев упоминает также *уль* ‘чернолесье (ельник, кедровник), примыкающее к болоту; низменный лесной мыс среди болота; сырое место с кочками и лужами’

⁴При коми-зыр., коми-перм. *видз* ‘луг, сенокос, покос, пожня’ (ССКЗД: 48; КПРС: 70).

⁵При коми-зыр. луз. (н. п. Объячево), нижн.-вычег., присыкт., удор., коми-перм. южн. *выв*, верх.-вычег. (н. п. Керчомья), верх.-сысол., луз-лет., печор., ср.-сысол., коми-перм. сев. *выл* ‘верх, поверхность чего-либо’ (ССКЗД: 71; КПРС: 90).

⁶Как утверждается в СГТК, при коми-зыр. *хо* ‘берёза’ (СГТК: 56), которое заимствовано из ненецкого, ср. ненец. тундр. *хо*, *хõ* ‘берёза’ (Janhunen 1977: 73), и коми географического термина *вей* при коми-зыр. *вõй* ‘дикий’ (СГТК: 11). Последнее сравнение, на наш взгляд, некорректно как минимум по двум причинам: во-первых, в коми топонимии определение не может быть формантом, а, во-вторых, во всех доступных нам коми словарях *вõй* даётся в общем значении ‘дикий (о животных и т. п.)’, а не ‘дикий (о местности)’, ср. ‘пугливый’, ‘боязливый’, ‘застенчивый’, ‘дикий’, ‘неприрученный’ и т. п. (КРС: 46; ССКЗД: 64; КПРС: 82; КРК: 115 и др.).

в бассейнах Вишеры, Пелыма и на Северном Урале (Мурзаев 1984: 576). Последняя лексема неоднократно зарегистрирована экспедициями Уральского университета в Гаринском р-не Свердловской области: *уль* ‘сырое, болотистое место в лесу’ (СРГСУ-Д: 540). Рус. *уль*, судя по ареалу и вокализму, заимствовано из западных диалектов манси, ср. нижн.-лозьв. *ūl'* ‘mit Gestrüpp bewachsene Gegend, der Wald ist nicht besonders hoch | *corpa*’, пелым. *βūl'* ‘sumpfige, mit Zirbelkiefern bewachsene Stelle’ (WW: 149). При этом манс. < коми [Rédei 1970: 92]; (WW: 149).

Вряд ли возможно сопоставление коми *оль* с коми *уль* ‘сырой, влажный, мокрый’, ‘оттепель’ (Wolegow 1833: 89; ССКЗД: 398; КРК: 682), последнее из которых возводится к общеперм. **ǝl'* ‘сырой, мокрый, влажный’ и сравнивается далее в финно-угорской семье с манс. *il'* ‘сырой (о дровах)’ (КЭСЯ: 296), мар. *иле* ‘живой (о дереве); сырой, влажный (о сене)’ (мар. < удм. *ыль* ‘сырой, мокрый, влажный’) [Берецки 2005: 195].

Таким образом, рус. *оль* является коми субстратом, а рус. *уль*, вероятнее всего, мансийского происхождения.

Пыром

Слово *пыром*, записанное в Красновишерском р-не, определено А. С. Кривощёковой-Гантман как ‘место под пнём или под деревом в снегу, где сидит соболев’ [Кривощёкова-Гантман 1981: 53–54]. Аналогично слово толкуется в «Акчимском словаре»: *пырѳм* ‘укрытие, образуемое поваленными деревьями, кустарником, занесённое снегом’: «*Попалса ему [охотнику] след у куницы. Он за ней погнался. А она в эти наваленные деревья прыгнула. Он говорит: куница ушла в пыром*»; «*Пыром — буря прошла, наломало кучу деревьев, зимой всё снегом навалило*»; «*В пыром полезли, в снег-то, под пень, под колоду. Пыром это*» (н. п. Акчим Красновишерского р-на) (Акчим. сл. 4: 163).

В Красновишерском р-не известен микротопоним *Ва Паром* (= *Ва паром*)⁷, обозначающий место, где р. Молмыс уходит в землю [Чагин 2004: 93]. Ср. также название р. *Пырам*, левого притока р. Берёзовая, в Чердынском р-не (ТК: Р-40-117,118).

Такие топонимы на территории Республики Коми, как названия руч. *Перемшор*⁸, ур. *Перемнэрыскерос*⁹ (СГТК: 44), не связаны родственными отношениями с указанными выше апеллятивными и топонимическими фактами, так как содержат в основе коми географический термин *пөрóm* ‘ветролом; свалившийся, провалившийся, сваленный, поваленный’, восходящий, по нашему мнению, к коми *пёрны* ‘валиться, повалиться, развалиться, свалиться; опрокинуться’ (ССКЗД: 300), общепермского происхождения (КЭСКЯ: 229).

А. С. Кривощёкова-Гантман, анализируя коми-пермяцкие заимствования в русских говорах Верхнего Прикамья, срав-

⁷При коми *ва*: коми-зыр. ‘вода || водяной’, ‘водная поверхность; вода; река || водный’ (КРК: 72–73), коми-перм. ‘вода || водный, водяной’, ‘река || речной’, ‘мокрый, сырой; влажный’ (КПРС: 52).

⁸При коми *шор*: коми-перм. ‘ручей || ручьевой’, усол. ‘источник, ключ’ (Wolegow 1833: 97; КПРС: 565), коми-язв. (также встречается в форме *шорё*) ‘ручей’ [Лыткин 1961: 199], коми-зыр. ‘ручей, ручеёк || ручьевой’ (ССКЗД: 434).

⁹При коми-зыр. присыкт., ср.-сысол. *нёрыс*, верх.-вычег. (н. п. Керчомья) *нёрис*, вым., ижем., нижн.-вычег., удор. *нёрис* ‘небольшая возвышенность, холмик, бугор, увал’ (ССКЗД: 246), коми-перм. *норыс*, *нёрёс* ‘гривка, небольшая возвышенность между логами’ (Рогов 1869: 107), *нёрис*, *нёрыс*, *нёрёс*, *нёрёс* ‘гривка, небольшая возвышенность, холм, бугор, увал между логами’ [Кривощёкова-Гантман 1974: 37–38], *нёрёс*, *нёрис* ‘холм, возвышенность между двумя лощинами; бугор, пригорок; грива’ (КПРС: 278), коми-язв. *нэрис* ‘бугор, возвышение между двумя лощинами’ [Лыткин 1961: 151]. Также ср. омофоничные на русский слух коми-зыр. *керас* ‘вырубка; зарубка’ (ССКЗД: 152; КРК: 264), коми-перм. *керас* ‘вырубка’ (КПРС: 170), ‘новая вырубка’ [Кривощёкова-Гантман 1974: 34] и коми-зыр. *керёс* ‘возвышенность, гора, иногда покрытая лесом’ (ССКЗД: 153; КРК: 265), коми-перм. *керёс* ‘гора, возвышенность’ (КПРС: 171), ‘подъём’ [Кривощёкова-Гантман 1974: 34], усол. *керэсь* ‘гора, холм’ (Wolegow 1833: 44).

нивает рус. *пыром* ‘место под пнём или под деревом в снегу, где сидит соболь’ (см. выше) с коми-язьвинским материалом [Кривощёкова-Гантман 1981: 53–54], ср. коми-язьв. *пёрне* ‘заходить, зайти; проникать, проникнуть (например, вода в лодку), воткнуться (например, топор в дерево)’ [Лыткин 1961: 169].

При верной, на первый взгляд, идентификации языкоисточника (исходящей от ареала, ограниченного Красновишерским районом), требуется уточнение, что этимологом для русского слова послужила причастная форма, оформленная продуктивным в коми-язьвинском языке суффиксом причастия и второго прошедшего времени (результативного) *-ём* [Лыткин 1961: 67–69, 73]. Данная форма, очевидно, утрачена коми-язьвинским идиомом (или не вошла в словарные источники), но она сохранилась в коми-пермяцком языке, см. коми-перм. *пырём* прич. от *пырны* ‘заходить, зайти, входить, войти’, ‘лезть, влезть, залезать, забираться; пробираться’, ‘проникать, просачиваться’ и др. (КПРС: 391–392). См. также: коми-перм. усол. *пырэмь* ‘вход’ (Wolegow 1833: 74).

И коми-пермяцкие, и коми-язьвинские лексемы совместно с коми-зыр. верх.-сысол., вым., ижем., луз.-лет., нижн.-вычег., печор., присыкт., ср.-сысол., удор. *пырны*, верх.-вычег. *пырні* ‘заходить, зайти, входить, войти; вступать, вступить; просачиваться, просочиться; проникать, проникнуть; лазить, лезть; залезать, залезть’ (ССКЗД: 313) и удм. *пырыны* ‘зайти, заходить, войти, входить; заехать, проезжать, въехать, въезжать; вселиться, вселяться’, ‘вступить, вступить; поступить, поступать’, ‘попасть, попадать’, ‘вмешаться, вмешиваться; вторгнуться, вторгаться’ (УРС: 572–573) исконны в пермской языковой семье [Лыткин 1964: 196] и восходят к общеперм. *pür (КЭСКЯ: 237), которое полагается родственным мар. *пураш* ‘войти’ [Itkonen 1953–1954: 300] и венг. *férni* ‘входить, войти во что-либо, помещаться, поместиться в чём-либо’, ‘прийтись кстати’ и др. (ВРС: 239–240). На основе указанных финно-угорских лексических фактов

восстановлена допермская праформа *p8rā [Лыткин 1968: 237].

Так как форма **пыр6м** или близкая ей не отмечена исследователями в коми-язьвинском идиоме, но неоднократно зафиксирована источниками по коми-пермяцким диалектам, представляется оправданным возводить русскую лексему всё же не непосредственно к коми-язьвинскому идиому, а — шире — к коми-пермяцким диалектным данным.

Чурк/чурок

Лексема **чурок** и её деминутив **чурочек** впервые даны в труде Е. Н. Поляковой 1968 г. с семантикой ‘невысокое скалистое возвышение’ и географической пометой «село Акчим Красновишерского р-на», см. иллюстрации: «Тут Плишка называется чурочек», «Грива чурок, виситца над водой» [Полякова 1968: 81–82, 84]. По данным А. С. Кривощёковой-Гантман, в значении ‘гора; бугор, возвышенность’ в говорах Чердынского и Красновишерского р-нов отмечены лексемы **чурк** и **чурок** [Кривощёкова-Гантман 1981: 51]. Иллюстративный материал имеется также при слове **чурк** в н. п. Сидорова Кудымкарского р-на: «Бугор или чурк — всё одно» (Полякова 2007: 402).

Богаче, чем вариант **чурк**, в словарных источниках по русским говорам Прикамья представлен вариант **чур6к**: ‘известковая скала’ в д. Камышек (= У Камышки) Чердынского уезда¹⁰ (Кривощёков 1914: 410), ‘скалистая гора, скала, обычно на берегу реки’ в н. п. Романиха Красновишерского р-на (Полякова 2007: 402), ‘гора, возвышенность’ в н. п. Воронья Красновишерского р-на (КСРГСПК), ‘прибрежная скала, скалистая гора, горная цепь’ в селе Акчим Красновишерского р-на, при иллюстрациях «Чурок — скалы большие»; «За рекой у нас гора чурок называется»; «Гористый берег. Крутой берег, с чурками» и в том же Акчиму в значе-

¹⁰ Данный населённый пункт в те годы входил в состав Чердынского уезда, но находился не в бассейне Камы, а на р. Печора.

нии ‘крупный камень’ при иллюстрации «*В воде другой раз ийдёшь, всё везде камни, чурки, возле берега лежат вот таки горы — булыжниками и называют*» (Акчим. сл. 6: 210–211).

Там же записаны деминутив *чурóчек*, дериваты *чурко́вый* ‘растущий на чурке, скале’ и *чурóшный* в составе сочетания *чурошная земля* ‘тёмная каменистая почва’, см. отрывки диалектной речи: «*Растёт на чурках багульник чурковский*»; «*Чёрная, каменистая [земля], чурошная называют*» (Акчим. сл. 6: 210–211). Разность в инлауте слов *чурк* и *чурок* обусловила расхождение в словообразовании дериватов, ср., например, *чурко́вый* и *чурóшный*.

Уникальный материал содержится в Картотеке СРНГ: *чурóк* ‘отдельно стоящая небольшая конусообразная сопка или скалы подобного же вида на хребте’ на Среднем Урале и в Западной Сибири по записи 1849 г.; *чурка* ‘отдельно стоящие камни’ по р. Вишера в 1898 г. и в Чердынском уезде в 1905 г., ‘кряж’ в Чусовском р-не в 1946–1953 гг.; *чурóчек* ‘скала’ при иллюстрации «*Боец — это там чюрочек де-то есь. Вода коло него сильно бьёт*» в Прикамье¹¹ в 1961 г. (КСРНГ).

В настоящее время сходные топонимы в пределах Прикамья известны исключительно в Красновишерском р-не: невысокие прибрежные скалы *Осиевы чурки*, *Тошеватые чурки*, *Крутой чурок*, *Вогульские чурки*, *Лапный чурок* (= Лапный камень) (записаны в селе Акчим) [Полякова 1968: 81–82]; гора *Леонтьевский Чурок* в междуречье рек Молмыс и Бурнима (ТК: О-40-9); гора *Головский Чурок* у н. п. Усть-Улс [Чагин 2004: 90], на карте — гора *Голый Чурок* (ТК: Р-40-129,130); ур. *Маткайский Чурок* на р. Улс (ТК: Р-40-129,130); ур. *Ломаный Чурок* в бассейне р. Язьва (ТК: Р-40-141,142); поле *Чурок* [Чагин 2004: 94] и ур. *Чурк*

¹¹Без более точной географической пометы, однако нам известна скала Боец у ныне нежилой д. Боец при впадении р. Визья в р. Колва в Чердынском р-не (ТК: Р-40-113,114).

у н. п. Антипина [Лыткин 1961: 197]; поле *Весёлый Чурок* у н. п. Коновалова; д. *Чурочная* на р. *Чурочная*, притоке р. Большой Колчим (см. иллюстрацию «*Вот на чурочной*¹² *речке чурков этих много*», записанную в н. п. Романиха) (Полякова 2007: 402) и там же ур. *Чурочная Поляна* (ТК: Р-40-127,128); скала *Анчувский чурок*, на левом берегу р. Вишера, у подошвы Тулымского камня; *Монина чурки* — скалы на горе Монинг-тумп, находящейся при верховьях этой реки (по записи Д. Ф. Юрьева 1849 г.) (КСРНГ). При этом в несколько иной форме — *чурка* — данная единица в роли географического названия встречается на гораздо более южной территории, см. ур. *Чурка* — возвышенность между долинами трёх рек у н. п. Кургановка Усольского р-на (ТК: О-40-16).

Аналогичные географические названия известны в республике Коми: ур. *Чурк* на левой стороне р. Парчью, притока р. Малая Визинга (Сысол.), поч. *Чурк* (= *Чурк-Яг, Чуркъяг*)¹³ на правом берегу р. *Чурк*, левого притока р. Визь (Жеребцов 2001: 533), ур. *Родзчурк*¹⁴ на левой стороне р. Сердъёл близ её впадения в р. Вычегда (Усть-Кулом.) (Жеребцов 2001: 411), р. *Чуркзю*¹⁵, гора *Потчурк*¹⁶ (СГТК: 58), возв. *Жежимпармачурк* (= *Дже-*

¹²Очевидно, следовало бы дать географическое название с прописной буквы.

¹³При перм. яг: коми-зыр. диал. (повсеместно) ‘бор’ (ССКЗД: 454), вычег., вычег. (по р. Локчим), сысол., печор., луз., ижем. ‘сосняк (на песчаной почве)’, вычег., сысол., луз. ‘сухое плоскогорье с сосняком’, удор. ‘лес’, коми-перм. ‘кладбище, место погребения’ (SW: 73), ‘бор, сосняк’ (Рогов 1869: 58), ‘молодой сосняк; пихтовый лес; бор || боровой’, диал. ‘кладбище’ (КПРС: 592), усол. ‘бор (сосновый лес)’ (Wolegow 1833: 103), удм. ‘бор || боровой’ (УРС: 820).

¹⁴При коми-зыр. диал. нижн.-вычег. (н. п. Вёздино), удор. (на Мезени) родз ‘хлев на том берегу, где держат коров весной’ (ССКЗД: 320).

¹⁵При коми-зыр. диал. ю ‘река, речушка, речка’ (ССКЗД: 449), литер. ю ‘река, речка || речной’ (КРК: 769), коми-перм. ю ‘река || речной’ (КПРС: 586), коми-язьв. йу (йуён, йуис) ‘река’ [Лыткин 1961: 120].

¹⁶При коми-зыр. под ‘подножье горы; поверхность; земля, почва, грунт’ (СГТК: 45).

джимпармачурк) на территории лесного массива Жежимпарма¹⁷ (= Джеджимпарма) в бассейне р. Вычегда (Туркин 1986: 34–35). Также см. топонимы Восточного Урала: горы *Голобокый Чурок*, *Бутовый Чурок* (Карпинск Свердлов. ТК: О-40-11).

Сравнивалось с коми-зыр. устар. *чурк* ‘бугор, возвышающееся неровное место’ [Кривощёкова-Гантман 1974: 41]. В различных коми словарях также см.: коми-язьв. *ч’урк* ‘лесистый бугор, выделяющееся возвышение’ [Лыткин 1961: 197], коми-зыр. верх.-вычег. (н. п. Богородск), верх.-сысол., нижн.-вычег., ср.-сысол. *чурк* ‘резко возвышающееся место, бугор’ (ССКЗД: 421), коми-зыр. литер. *чурк* ‘бугорок’ (КРС: 212), *чурк(-й-)* ‘бугор, возвышающееся, неровное место’ (КРК: 716).

На основе коми лексем реконструировалось общекоми *č’urk и под вопросом сравнивалось далее с мар. *чорк* ‘о торчащем остром предмете’ (КЭСЯ: 314).

Структура русских диалектных слов ранее подвергалась анализу, см.: «Усложнение (или разложение) усматриваем в орониме *чурок*. Термин восходит к слову *чурк*, коми-язьвинскому ⟨...⟩ или коми-зырянскому ⟨...⟩. Предполагаем ассоциативное сближение лексемы с русским *чурка* (вследствие семантической адаптации заимствования) и «ложное структурирование» — выделение номинаторами корня *-чур-* и суффикса *-(о)к-*» [Богачёва 2009: 218].

Как и в случае с прошлым примером, источник русской лексемы вряд ли может быть определён с точностью. Оче-

¹⁷При коми *парма*: коми-зыр. ‘густой еловый лес на высоком месте’ (КРС: 147), диал. ‘лесистый кряж, увал’ (ССКЗД: 275), совр. ‘ельник на высоком месте’, ‘парма (sic!); лес; тайга || лесной, таёжный’ (КРК: 480), коми-перм. ‘очень высокая вершина горы, высокая гора’ (Рогов 1869: 120), сев. ‘густой лес’, ‘девственный лес’, ‘возвышенность, покрытая лесом’ (КПРС: 324). Предполагается, что основой топонима Жежимпарма (= Джеджимпарма) является коми *джеджим* — имя действия от глагола *джеджны* ‘ходить, шататься, снова, суетиться’, ср. удор. *джеджны* ‘снова, суетиться, юлить’ (Туркин 1986: 34).

видно лишь, что в основе рус. *чурк/чурок* — лексема одного из субстратных коми идиомов, соответствие которой находится далеко не во всех современных диалектах коми.

Литература

Берецки Г. Пермско-марийские лексические совпадения — заимствования или общие субстратные элементы? // *Linguistica Uralica*. 2005. XLI, № 3. С. 187–200.

Богачёва М. В. Названия возвышенностей в диалектной речи Пермского края II (этимологический аспект) // *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2009* / отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Наука, 2009. С. 210–220.

Гайдамашко Р. В. Пермская диалектная лексикография как источник новых финно-угорских этимологий (на материале субстратной лексики ландшафта) // *Современная русская лексикография*. 2011: Сборник статей / отв. ред. С. А. Мызников, О. Н. Крылова. СПб.: Наука, 2011. С. 30–41.

Гайдамашко Р. В. Комментарии к этимологиям финно-угорской субстратной лексики ландшафта в русских говорах Прикамья: *зырья, лоза* // *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013* / отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Нестор-История, 2013а. С. 116–123.

Гайдамашко Р. В. К этимологии русских диалектных слов Прикамья: *егер, пурга, сёрд, туман* // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2013б. № 4(24). С. 57–62.

Кривощёкова-Гантман А. С. Географическая терминология коми-пермяцкого языка // *Вопросы лингвистического краеведения Прикамья*. Вып. 1 / ред. А. С. Гантман. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ин-та, 1974. С. 19–43.

Кривощёкова-Гантман А. С. Коми-пермяцкие заимствования в русских говорах Верхнего Прикамья // *Этимологические исследования*. Вып. 2 / отв. ред. А. К. Матвеев. Свердловск: УрГУ, 1981. С. 46–62.

Куклин С. А. Звери и птицы Урала и охота на них. 2-е изд., испр. Свердловск: ОГИЗ, 1938. 244 с.

Лыткин В. И. Коми-язьвинский диалект. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 228 с.

Лыткин В. И. Исторический вокализм пермских языков. М.: Наука, 1964. 270 с.

Лыткин В. И. К вопросу о конечных гласных финно-угорского праязыка // Советское финно-угроведение. 1968. IV, № 4. С. 233–238.

Матвеев А. К. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала. Свердловск, 1959. 123 с. (Уч. зап. Урал. ун-та. Языкознание. Вып. 32).

Матвеев А. К. Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1964. T. 14, fasc. 3-4. O. 285–315.

Полякова Е. Н. Топонимия села Акчим // Географические названия Прикамья. Пермь, 1968. С. 80–88. (Уч. зап. Перм. ун-та. № 177).

Чагин Г. Н. Пермь Великая в топонимических доказательствах. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2004. 100 с.

Itkonen E. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremissischen und in den permischen Sprachen // Finnisch-ugrische Forschungen. 1953–1954. Bd. XXXI, hft. 3. S. 149–345.

Rédei K. Die syrjänischen Lehnwörter im Wogulischen. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1970. 195 s.

Диалектные устойчивые выражения как отражение норм жизни носителей говора

В. Н. Гришанова

Статья посвящена отражению в диалектных устойчивых выражениях этических норм носителей говора одного микросоциума.

Ключевые слова: устойчивые выражения, диалектные формы, мировосприятие

Народная речь представляет интерес не только для лингвистики, но и для этнографии, и для культурологии, т. к. в ней отражаются особенности быта, культуры, мировосприятия её носителей.

Подчеркивая неразрывную связь культуры и языка, Н. И. Толстой писал о соответствии различных видов национальной славянской культуры определенному типу языка, выстраивая иерархическую систему этих соответствий, при этом он указывал, что в этой иерархии можно выделить и более мелкое членение, в частности микродиалект, представляющий собой и лингвистическую, и этнографическую, и культурологическую единицу [Толстой 1995: 15–22]. Обращение к говору одного села, в данном случае к говору села Борилово Болховского района Орловской области, дает возможность получить представление об особенностях культуры узкого социума.

Единицы языка, будучи носителями культурной информации, могут отражать этические нормы, действующие в микросоциуме, ценностные ориентиры его членов, т. е. неписанные законы, по которым живут носители говора, особое место в этом плане принадлежит различного рода устойчи-

вым выражениям (фразеологизмам, поговоркам, прибауткам и т. п.), информационный потенциал которых особенно велик, т. к. все они имеют образную основу. «Система образов, закрепленных в фразеологическом составе языка, служит своего рода «нишей» для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о её культурно-национальном опыте и традициях», — писала В. Н. Телия [Телия 1996: 215].

Традиционный уклад жизни русских крестьян подчинялся определенным нормам, отражение которых до сих пор проявляется в диалектных устойчивых выражениях, независимо от их принадлежности к тому или иному типу: фразеологические единицы ли это, или поговорки, или другие клише. Главное, что это устойчивые единицы и, следовательно, они отражают то, что устойчиво в мировидении носителей говора.

Если обратиться к народным поговоркам, то обнаружится, что основной нормой жизни крестьянина был труд. Безделье, лень подвергались безусловному осуждению, что находит отражение в языковых клише. *Дома сесть — не много съесть. Дома сесть — не лихова съесть. Под лежащий камень вода не подойдёт.* Ещё более ярко проявляется это в контекстах информантов. *Схадила, цены узнала, пишына купила, марковки купила. А што и я, дома сесть — ни лихова съесть. Ни схадила бы — ничиво бы не была. // А как пословица гаварить: дома сесть — ни многа съесть. Хто сидит дома — биздельничайт. Сижу дома, ничиво ни делаю, жду, када мне этой-та принисеть. Пад лежащий камень вада ни падаидеть.* Эта норма сохраняется и в сознании современных пожилых людей: человек не должен бездельничать, для любого возраста есть посильная работа.

Язык отражает взгляд и на то, как должна выполняться работа. *Када спишыть што, гаварили: «Ни спишы кривая у баню — шиши выпаришы»,* т. е. не торопись, не

поспешай излишне. В этой поговорке сказывается взгляд на то, что и работать, да и просто жить надо размеренно, не излишествуя даже в делах. Народным сознанием отрицательно оценивается любое излишество, даже в работе, вероятно, потому, что поспешность ведёт, во-первых, к некачественному результату, во-вторых, к усталости и, в конечном счёте, снижает рабочий и жизненный потенциал человека. Это представление очень ярко отражено в диалектных глаголах [Гришанова, Степанова 2007] и фразеологизмах, например, **к смёрти грех** ‘очень срочно; так, что нельзя отложить даже на короткое время’. *Падажди, падажди, аклимайся, а то сичас пастираишь ды апать забалеишь — ни к смерти грех. // Зачем диван-та падымала? Прям тебе к смерти грех паслать этот палас была нада! // Што тебе, к смерти грех, што ты спишыла-та? Можна была падаждать.* Употребляется эта фразеологическая единица для выражения неудовольствия излишней поспешностью при выполнении какого-либо дела, произносится с укором или досадой. Образная основа её связана с христианским представлением о том, что человек, умирая, должен покаяться в своих грехах, если же грех совершен непосредственно перед смертью (*случился к смерти*), то необходимо срочно, не откладывая даже на короткое время, покаяться и таким образом избавиться от этого греха, чтобы предстать пред Господом с чистой душой. Дело, которое совершается с излишней поспешностью, как бы приравнивается к такому предсмертному греху, но в действительности таковым не является, поэтому излишняя поспешность, которая, как правило, каким-то образом вредит человеку (слишком тяжело поднял, очень устал, снова заболел и т. п.), вызывает у окружающих досаду, ведь оно отнюдь не требует такой поспешности в выполнении, как покаяние в грехе, совершенном перед смертью. Таким образом, фразеологическая единица, с одной стороны, косвенно отражает отношение носителей говора к греху, с другой — демонстрирует включение христианских представлений, христианского

мировосприятия в повседневную жизнь, т. к. фразеологическая семантика связывается с обыденными, обиходными, чисто житейскими ситуациями.

В течение года христиане соблюдают несколько постов, когда необходимо воздерживаться от мясной и молочной пищи, ограничивать себя в развлечениях, больше думать о духовном. Последний день перед постом — заговенье, в орловских говорах *заговены*. К человеку, не соблюдающему предписанные верой нормы, в народе относились неодобрительно, что и нашло отражение в фразеологической единице (*у кого-л.*) *за́говен нѣту (всѣ мясоѣд)* 'о человеке, не знающем меры, предела в своих желаниях'. *Вот ана шшыла адну юпку — другую захатела; шшыла другая — захатела третью. Вот и гаваряць: «Ну, разахотилась, загавин нету, усѣ мясает. И шшио будить шыць, загавин нету»*. В соответствии с мировосприятием носителей говора эта фразеологическая единица имеет неодобрительную эмоциональную окраску.

Формирование семантики и других фразеологизмов может быть связано с представлениями о нормах жизни, поведения, предписываемых христианской традицией, подробнее об этом в статье «Диалектные фразеологизмы с компонентом, обозначающим христианские понятия» [Гришанова 2004].

Отрицательно относились в крестьянской среде к болезни, т. к. нездоровый человек — плохой работник. И в этом отношении доходили до предельной жесткости, даже жестокости: к проявлению нездоровья было недоверие, оно расценивалось как отлынивание от работы, над ним иронизировали: *«Хварайць, па краюшке удирайць, па видѣрке вады пѣць, и халера ни биреть»*, — *ни верили чилавеку, што он балешць, эта агаворка за глаза, как у апсуд*.

В сельском социуме осуждалось хвастовство, похвальба, стремление представить себя в лучшем виде, чем есть в действительности, подчеркивание перед кем-либо своих преимуществ, достоинств и под. В говоре это получает частую

образную номинацию с негативной, иронической окраской. *Када чилавек старайтца вроди как выхвалитца, то и скажутъ: «Хоть на палке, ды вирхом». // Харашо, што с атцом работаитца, а ни балтаитца. А то вон што зря делаютъ адин пирид другим на выхвалячку.*

Неодобрение вызывает болтливость, сварливость, склонность к ругани. С точки зрения носителей говора, лучше промолчать, чем болтать попусту или ругаться, об этом свидетельствует поговорка *доброе молчание — ни в чём ответ*. *Малчаливый чилавек. Э-э, а што зря балтатъ, доброе молчание — ни в чём ответ, ана зла никаму ни делатъ. // «Ана (золовка) мною ни нуждаитца». — «Как ни нуждаитца?» — «Ана усё малчитъ». — «Ни усе любятъ брихатъ. Добрая малчания — ни у чём атвет. Зла-та ана тибе ни делатъ, ни ругаитца».*

Отражает говор и нормы деловых взаимоотношений. Так, выражения *как в займы, как в долг* имеют значение ‘очень много, очень полно или с верхом (налить, насыпать, наложить)’. *«Ой, а налила-та как у займы!» — «Как у займы — это много?» — «Полна». (Речь идет о том, что жидкую кашу налили в тарелку вровень с краями.) // «Штой-та ты налила-та (воду в чайник) как у долх». — «?» — «Ды дужа полна». В значении этих выражений заключена моральная установка для того, кто одалживает, которая очень чётко осознаётся и разъясняется информантами. *Эта када у долх давали, то полна насыпали, штоп чилавек патом отдавал, скока узьял, а ни большы. Он витъ если ниполна узьял, то аддавать-та полна будитъ, ни панисеть нидасыпанную видро. Неписано регламентировалась и норма для одолжившегося, которая отражена в поговорке *возьми лычко, а отдай ремешек*, свидетельствующей о представлении о совестьливости взявшего что-либо в долг. *Да как в старой пасловице гаваритца: «Вазьми лычка, а аддай римешык». Если што-та занял, то аддавай лутьшы. Патаму шта у долх дал чилавек, што у ниво есть, а ты хоть бири, хоть нет у***

долх, эта тваё дела. А аддавай — эта твая совисть, хоть лутьшы, хоть хуже. Ну, если узьял хорошая, а аддал плахоя — вот эта ужэ...!

Таким образом, этическая норма может быть представлена свёрнуто в семантике выражения, которая как бы аккумулирует представление о правиле жизни в социуме, а может быть представлена в развёрнутом виде как своеобразное дидактическое наставление. Устойчивое выражение может содержать прямое и косвенное указание на нормы поведения, о них может свидетельствовать образная основа и эмоционально-экспрессивная окраска.

В целом нормы крестьянской жизни сводились к тому, чтобы была большая сытая работающая семья. Эти критерии взаимосвязаны и взаимообусловлены, они вкладывались в сознание человека с младенческих лет, когда он слушал колыбельные песни, в которых содержались эти установки:

*А баю-баю-баю,
Жыл хазяин на краю,
Он ни беден, ни багат —
Пална хатачка рибят.
Все на лавачкам сидять,
Кашку с маслицем едятъ.
Кашка маслинъкия,
Лошка краснинъкия.
Кашка мнетца,
Лошка гнетца —
Душа радуитца.*

Литература

Гришанова В. Н. Диалектные фразеологизмы с компонентом, обозначающим христианские понятия // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2001–2004. СПб.: Наука, 2004. С. 119–124.

Гришанова В. Н., Степанова Е. С. Вербальное выражение понятия «работать» в орловских говорах как отражение мировосприятия их носителей // «Единым письмен употреблением па-

мяти подкрепляется вечность»: Сборник научных трудов памяти З. М. Петровой (к 85-летию со дня рождения). СПб.: Наука, 2007. С. 48–59.

Телмя В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995.

Лингвистическое картографирование в областном словаре (семантические карты в Псковском областном словаре)*

Ю. Ф. Денисенко

«Псковский областной словарь с историческими данными» (ПОС) — областной словарь с компонентами «малого» (регионального) лексического атласа; в 25 выпусках опубликовано 11 карт. Основные типы этих карт: семантические, синонимические, лексико-словообразовательные. Анализ 5 семантических карт показывает членение псковских говоров, складывание их семантической системы. В аспекте лексикографии семантические карты дают дополнительные аргументы для разграничения значений, в особенности — для вычленения омонимов в словаре.

Ключевые слова: лингвогеография, лингвистическая карта, семантические изоглоссы, ареалы в областном словаре

Задолго до создания «Инструкции Псковского областного словаря» в статье 1949 г. «О принципах составления атласа славянских языков» Б. А. Ларин говорит о «малых [региональных в том числе, — Ю. Д.] атласах»: «...Самое начало работы над общим атласом славянских языков (...) заставит выдвинуть даже малые атласы в разряд первоочередных работ, может оказать им прямое содействие (...) Параллельно с подготовкой общего и частных атласов славянских языков следовало бы осуществить **сплошное обследование небольших районов** [здесь и ниже выделено нами,

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта («Сводная диалектная лексикография: теория и практика»), проект № 13-04-00148.

— Ю. Д.], где имели место **особенно сложные узловые скрещения языков**, как, например, некоторые районы Македонщины, Баната, Виленщины, Гомельщины, Закарпатья или **Псковской области**» [Ларин 2003: 241, 251].

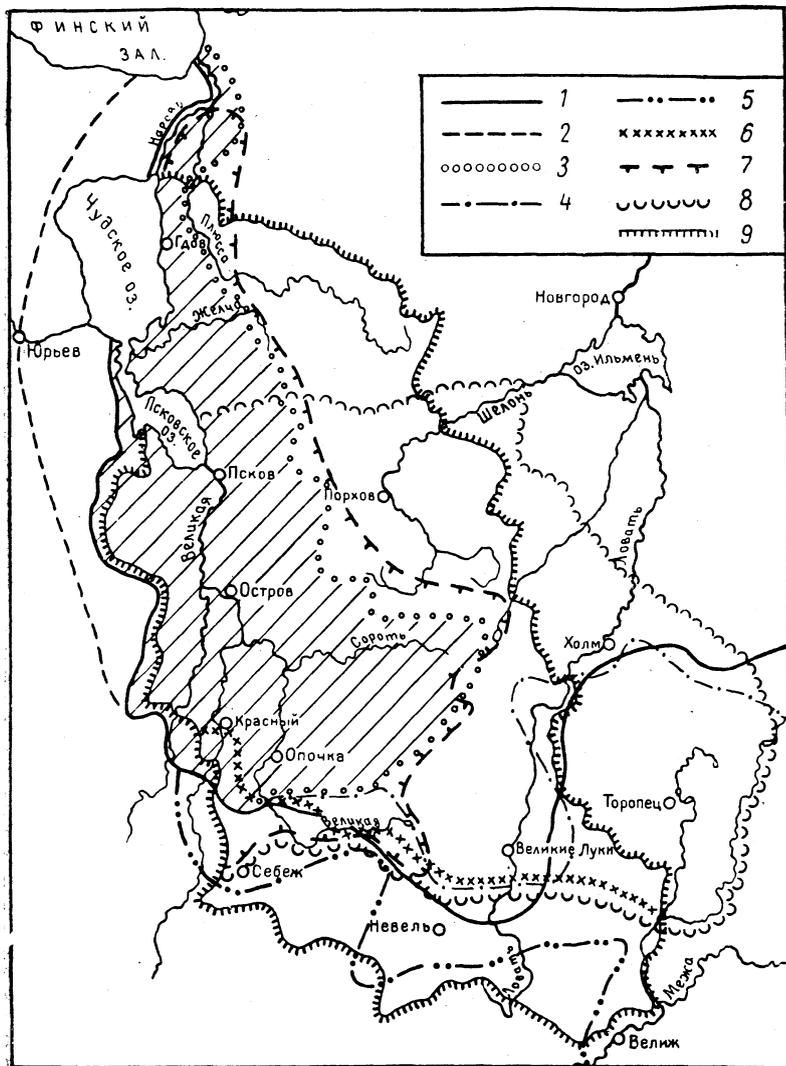
Древнейшие на восточнославянской территории псковские говоры привлекали внимание многих исследователей, о них писали А. И. Соболевский, А. А. Шахматов, Р. И. Аванесов, Б. А. Ларин, С. М. Глускина, А. С. Герд и многие другие (отсылаем к обзорам литературы: [Глускина 1962; Герд 2001]). Они располагаются на крайнем западе восточнославянского континуума, гранича с севера, северо-востока и востока с северными/северо-западными, на юге — с западными и белорусскими говорами, а с запада — с иноязыковым эстонио-латвийским миром (в прошлом балто-славянским и финским) — т. е. в одной из зон «особенно сложных узловых скрещений языков» и диалектов.

В 1961 г. Б. А. Ларин публикует программное положение об одном из «малых атласов», охватывающем псковские говоры, точнее о подобии регионального лексического атласа, — в специальном параграфе «Инструкции Псковского областного словаря»: «В виде приложения к ПОС будет добавлен **комплект карт географического распространения тех слов, которые** не являются повсеместно употребительными, а **имеют своеобразные изоглоссы на Псковской карте**. По большей части это слова, которые собраны нашими экспедициями по специальным программам, т. е. карты слов, границы распространения которых в Псковской области зафиксированы проверенными данными. Нет надобности в картах общеупотребительных слов, как и картах для слов, отмеченных как реликты, только в одном или двух-трех населенных пунктах. Их локализация в тексте словаря — указанием места записи — совершенно достаточна. Кроме лексикальных карт будут даны **исторические карты границ**: 1) Псковского княжества (XIV–XV вв.); 2) Псковского воеводства (XVI–XVII вв.) и 3) Псковской губернии (XVIII–

XIX вв.)» [Ларин 2003: 674]. С 1-го выпуска ПОС (1967) программа «областного словаря — малого атласа» стала осуществляться: в нем опубликованы историческая карта-схема Псковщины и три лингвистических карты.

Для реализации замысла «малого лексического атласа» псковского диалектного региона используется словарная картотека с охватом всех районов Псковской области и также ряда районов смежных областей, диалект которых тяготеет к псковскому (что отражено еще на исторических картах), — картотека двух вузов с давними и прочными традициями изучения псковских говоров — Санкт-Петербургского/Ленинградского университета и Псковского университета/пединститута; ее совокупный объем — около двух миллионов карточек [Лебедева, Лутовинова, Поцепня 1963: 61].

Отправной точкой псковского лингвистического картографирования послужили две карты (факты которых были известны Б. А. Ларину): 1) лингвистическая — С. М. Глускиной в ее статье «Морфонологические наблюдения над звуком [ch] в псковских говорах» [Глускина 1962] и также 2) «Историческая карта-схема Псковщины», созданная О. С. Мжельской по материалам «Очерков истории СССР» (М., вып. I–IV, 1953–1957) (ПОС 1: 7). На лингвистической карте отражены древнейшие особенности псковских говоров — «неразличение свистящих и шипящих (*мяхо* ‘мясо’, *хвет* ‘свет’) и вытекающие из этого явления» — широкое распространение на Псковщине глаголов на *-хать*, *-хывать*, *-хнуть*, в которых звук [x] соответствует общерусским [с] или [ш] (*мехать* — ср. *мешать*, *месиво*, *опояхывать* — ср. *опоясывать*, *опояшу*; *плехнуть* — ср. *плеснуть*); указанные глагольные образования с [x] распространены на территории древнепсковских говоров дофеодалного периода (см. подробнее: [Глускина 1962; Денисенко 2013]).

Историческая карта-схема Псковщины
 (использованы карты из «Очерков истории СССР». М., вып. I—IV, 1953—1957).

1 — границы Новгородской земли в XIII в.; 2 — западная граница Новгородской земли в XII в.; 3 — границы Псковской земли до 1510 г.; 4 — граница Великого княжества Литовского и Русского государства в начале 1490-х гг.; 5 — граница Великого княжества Литовского и Русского государства в 1551 г.; 6 — граница Речи Посполитой и Русского государства в конце XVI — начале XVII в.; 7 — границы Псковской провинции во 2-й четверти XVIII в.; 8 — границы Псковского наместничества в конце XVIII в.; 9 — границы Псковской области в 1965 г.

На исторической карте-схеме отражены границы псковских земель **феодалного и послефеодалного периодов, включая современные** (восьмивековое «прирастание» территории региона): 1–2) западные границы Новгородской земли XII, XIII вв.; 3) границы Псковской земли до 1510 г.; 4–5) границы Великого княжества Литовского и Русского государства в начале 1490-х гг.; в 1551 г.; 6) граница Речи Посполитой и Русского государства в конце XVI – начале XVII в.; 7–8) границы Псковской провинции во второй четверти XVIII в.; Псковского наместничества в конце XVIII в.; 9) границы Псковской области в 1965 г.

В одном из приложений к вводным разделам 1-го выпуска ПОС дан «Список названий населенных пунктов по районам» с годом записи в каждом пункте и номером, под которым пункт нанесен на карту (кату-основу), прилагаемую к словарю в виде вкладыша; номеров не имеют пункты, отсутствующие на географических картах области; под одним номером могут быть пункты (два, три и более), расположенные поблизости, в 3–4 км друг от друга.

Наличие карты-основы с полным набором отраженных на ней населенных пунктов (до № 766 на юге Невельского района) давало возможность и составителю, и читателю/пользователю словаря представить «картинку» распространения любой лексемы, ее значений и т. п. Пять таких «картинок» в первых двух выпусках ПОС реализованы в виде лингвистических карт, в дальнейшем лингвистическое картографирование в ПОС становится не столь регулярным.

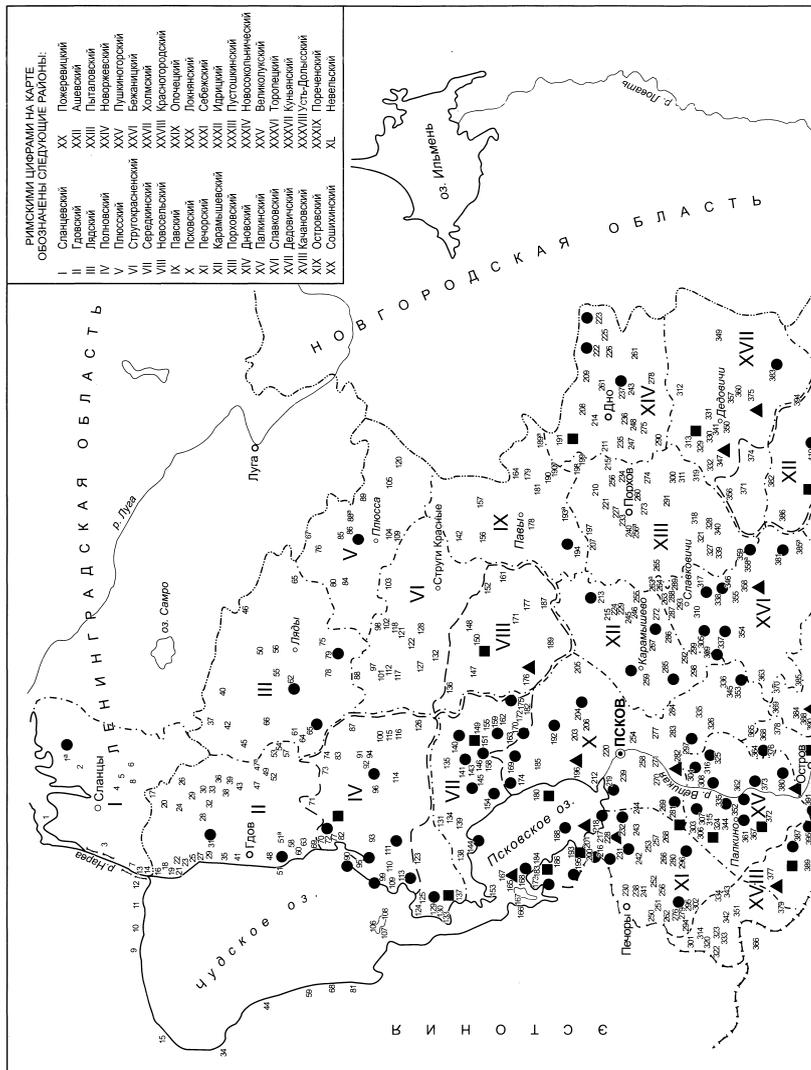
В 25-ти выпусках ПОС с 1967 по 2014 г. представлено 11 лингвистических карт трех типов: **семантические** (с презентацией значений одной лексемы/омонимичных лексем), **синонимические** (с демонстрацией различных наименований одного какого-либо понятия, явления и т. п.) и **лексико-словообразовательные** (с показом однокорневых или однотипных наименований определенной словообразовательной модели/моделей).

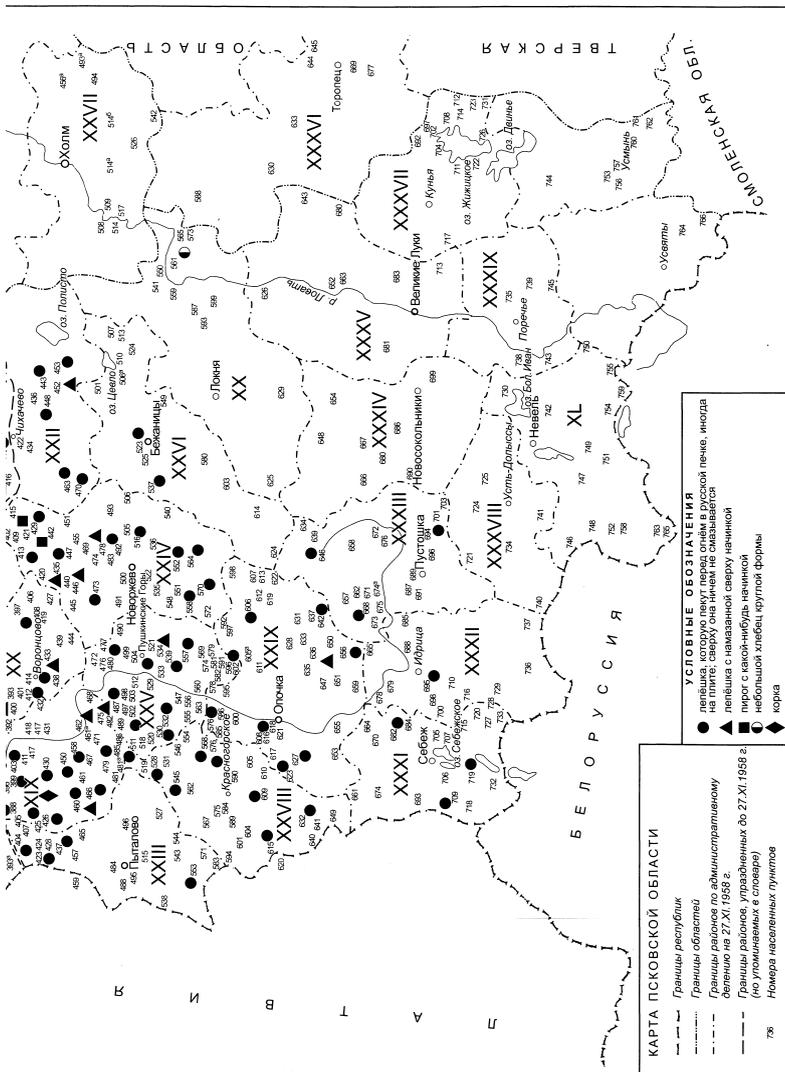
Совершенно естественно, что в Псковском областном словаре представлены карты типа «Значения какого-либо слова»: значения слова *бабу́рка* на карте 1 (вып. 1, 1967, сост. А. И. Корнев), *барка́н* на карте 2 (вып. 1, 1967, сост. Н. Яковлева), *бор* на карте 5 (вып. 2, 1973, сост. А. И. Корнев), *жмыль* на карте 8 (вып. 10, 1994, сост. О. В. Епейкина), *кочо́ра* на карте 10 (первый омоним; вып. 14, 2004, сост. Ю. О. Гурулева).

Прежде всего семантические карты являются прекрасными иллюстрациями к соответствующим словарным статьям ПОС — показывают распределенность разных значений в пределах Псковщины, как и различную рассредоточенность значений по ареальным группам. Но они являются также инструментом изучения семантических процессов в народной речи (и способов представления их в словаре), истории сложения и взаимодействия локальных групп говоров и других особенностей.

Семантическая карта слова *кочо́ра* (№ 10)

Карта отражает активность (наибольшее число знаков) исходного значения [первая позиция в легенде к карте] ‘лепешка, которую пекут перед огнем в русской печи, иногда на плите (без намазывания чем-нибудь сверху или без начинки)’ от Причудья, по берегам Псковского оз. с охватом на западе VII/Сер. и X/Пск. р-нов, по бассейну р. Великой (особенно часто по левобережью) до ее истоков с охватом на востоке XII/Кар., XVI/Сл., XXII/Аш., на юге XXIV/Н-Рж., XXV/Пушк. и XXVII/Кр. р-на; редкие фиксации с севера и по восточной окраине в новгородском приграничье п. 222, 223, 237 XIV/Дн., 383 XVII/Дед. р-на, далее ближе к центру п. 523 и 537 XXVII/Беж. р-на, на юге п. 646, 668, 694 XXXIII/Пуст., 695 XXXII/Идриц., 719, 709 XXXI/Себ. р-на [здесь и ниже римскими цифрами обозначены соответствующие районы Псковской обл. на лингвистических картах; сокращения районов такие же, как в ПОС].

Два других значения — ‘лепешка с намазанной сверху начинкой’ и ‘пирог с какой-нибудь начинкой’ [вторая и третья позиции в легенде] — отмечаются (каждое из них) в десятках раз реже, чем основное значение, и распределены среди его фиксаций, не выходя за его ареал и не образуя своих ареалов.

Последние значения [четвертая и пятая позиции в легенде] имеют единичные фиксации: ‘небольшой хлебец круглой формы’ в п. 565 ХХХ/Локн. и ‘корка’ в п. без номера XIX/Остр. р-на; значение ‘корка’ отмечается в гуще употреблений указанных выше значений, а ‘круглый хлебец’ — далеко на восток от фиксаций других значений лексемы **кoкoрa**.

Нет ни одного схождения употреблений двух или трех значений в одном пункте.

Карта № 10 интересна **совокупным ареалом** основных значений слова **кoкoрa** (‘лепешка’ и ‘лепешка/пирог с какой-нибудь начинкой’) — с отсечением на западе XI/Печ., ХХIII/Пыт., на севере I/Слан., восточной части II/Гд., III/Ляд., V/Плюс., VI/Стр., IX/Пав. р-нов и всего юга и юго-востока ниже линии 719 — 695 — 668 — 646 — 523 — 453 — т. е. **в пределах ядра древнейших псковских земель** (если сравнить эту карту с исторической картой-схемой, с лингвистической картой 11 распространения наречий **нoй-мa**, **нoнъмa** и под. [в 22-м выпуске ПОС последняя карта дана под неточным номером 10]).

Употребления не представленного на карте 10 второго омонима **кoкoрa** (как даны эти лексемы — первый и второй омонимы — в ПОС, вып. 14) в значениях ‘то, что имеет неаккуратный, неопрятный вид’ (в цитатах о ношенных, старых платье и рубашке), ‘*презрит*[ельно] — о располневшей женщине’ и, по материалам И. Карпова 1855 г., — ‘о скупом, жадном человеке’ и ‘о неприступном, твердом, как кремьень, человеке’ отмечаются в X/Пск., XI/Печ. и XIX/Остр. р-нах — в зоне частотных основных значений картографируемого **кoкoрa** ‘лепешка’ и ‘пирог’; они не образуют своего/своих ареалов и, по-видимому, не могут считаться омонимичными.

Их следовало бы представить на карте 10 в ряду с «хлебными» значениями — как возможные переносные: ‘неаккуратного вида предмет одежды’ — о том, что похоже на насупех слеplенную руками лепешку; ‘о располневшей женщине’ — о такой, как рыхлая и толстая лепешка; ‘скупой человек’ — о том, у кого даже простой лепешки не выпросишь; и т. п.

Представленные в ПОС (14 вып.) словообразовательные дериваты *кoкoбopина*, *кoкoбopинка*, *кoкoбopка* (в значениях ‘лепешка’, ‘пирог’) отмечаются в границах описанного ареала *кoкoбopа*, за исключением двух фиксаций *кoкoркa* ‘небольшой хлебец’ далеко за этими пределами — в ХХХ/Локн. и ХХХV/Вл. р-нах [как и *кoкoрa* с таким же значением в Локн. р-не].

Внутрипсковский ареал *кoкoрa* ‘лепешка’, ‘род ватрушки’, ‘круглый хлеб’ подтверждают материалы СРНГ (вып. 14, 1975; используем географические сокращения, принятые в этом словаре) с середины XIX в., а за пределами Псковщины — в Новг. обл. и республиках Прибалтики; в значении ‘подгорелое, пересушенное печенье’ *кoкoрa* отмечается в Петерб. губ. Дериваты в СРНГ: *кoкoбopина* ‘лепешка’, ‘род ватрушки’, ‘пирог’ — Новг., Пск. обл., республики Прибалтики; *кoкoбopка* ‘лепешка [разных видов]’ — Новг., Пск., Твер./Калин., Великолукск., Петерб. губ./обл. и один факт за пределами этого ареала — Новосиb. обл.; ‘род пышки, пончика’ — Новг. обл., ‘пирог, пирожок’ — Новг., Твер. обл./губ., ‘полушеничный хлеб’ — Пск. обл. и один факт за пределами этой группы — *кoкoбopки*, ‘мн. маленькие хлебцы, выпекаемые для пробы [перед основной выпечкой]’ в Краснояр. крае; *кoкoбopочкa* ‘блин’ и ‘род ватрушки’ — Новг. обл.

Итак, по этим данным *кoкoрa* (как и его производные) — слово Прибалт. — Петерб. — Новг. — Пск. — Великолукск. — Твер. ареала (новг. и ленингр./петерб. составляющие его подтверждаются также словарями НОС 2010 г. и СРГК 2: 1995, твер. — словарем ОСГКО 1972); отметим, что на псковской карте № 10 великолукская и притверская зоны

свободны от фиксаций этой лексемы в указанных значениях; очевидно, новгородско-псковское *кокора* ‘лепешка’ и ‘пирог’ — более древняя часть ареала.

Семантическая карта слова *баркán* (№ 2)

Карта представляет два очень разных по величине ареала.

1) В значении ‘морковь’ [первая позиция в легенде к карте] лексема отмечается в виде плотного ядра употреблений **по всему древнему псковскому континууму** с севера (начиная с I/Слан. р-на) с включением на юге XXVIII/Кр., XXIX/Оп., XXIV/Н-Рж., XXI/Пож., XVII/Дед. р-нов по всей ширине от границы эстоно-латвийской до границы с Ленингр. и Новг. областями; в виде разреженной полосы употреблений южнее этого ядра до п. 707 XXXI/Себ. — 734 XXXVIII/Усть-Долыс. — 713 XXXV/Вл. — 717, 722, 723 XXXVII/Кун. р-нов и далее до границ с Калин. и Новг. областями. В пределах этого ареала на севере в II/Гд., IV/Полн., V/Плюс. р-нах представлены редкие фиксации окающего варианта *боркán* и в п. 238 XI/Печ. р-на варианта *баракán* в том же значении [вторая и третья позиции в легенде]. А за границами этого ареала — в самом восточном п. 449 XXVII/Холм. р-на отмечено употребление *лесной баркán* ‘растение ромашка пахучая’ [четвертая позиция в легенде].

2) **На крайнем юге Псковщины** — в п. 755, 750 XL/Нев. — 764, 766 XLI/Усвят. — 744 XLII/Усмын. р-нов зафиксировано *баркán* в значении ‘изгородь, забор из толстых кольев, досок, кирпича’; один раз далеко за этими пределами в п. 664 XXXI/Себ. р-на отмечено в этом значении *паркán* [нижние две позиции в легенде]. С учетом различных факторов, в том числе и ареального размежевания, *баркан* ‘морковь’ и *баркан* ‘изгородь’ разведены в ПОС (вып. 1) как омонимы.

За пределами материалов ПОС:

1) в значении ‘морковь’ *баркán/боркán* отмечается в Новг., Ленингр., Пск., Твер. обл., *баркán* — в Латв., Эстон.,

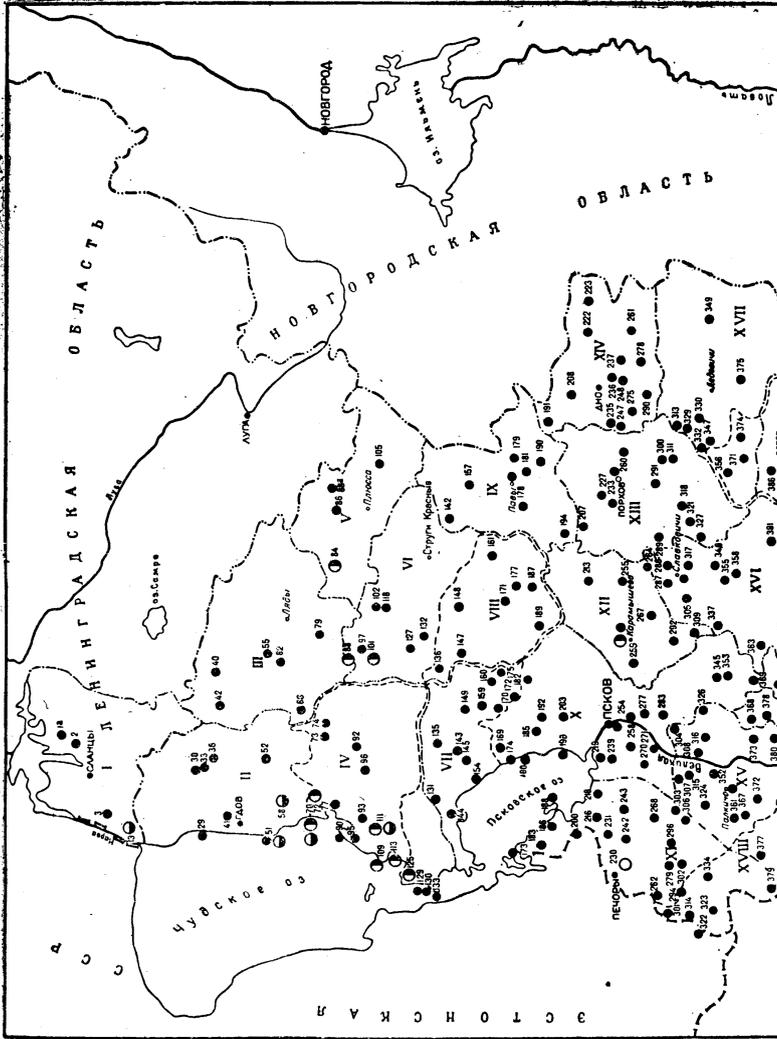
Мещов. Калуж. обл. (СРНГ 3: 99; МСРСГП: 24; на такой же территории, исключая Калуж. обл., фиксируются многие дериваты): *боркán* — в Волхов., Кириш., Тихв. Ленингр. и Любыт. Новг. (ср. также дериваты *баркáна* ‘морковь’ в Лоддейноп. Ленингр., *боркáнник* ‘пирог с морковью’ в Прионеж. Карел.) (СРГК 1: 97); в значениях ‘огородное растение морковь’ и ‘корнеплод моркови’ широко отмечается *боркán* (как и многие его дериваты) в Новг. обл. (НОС 2010: 60);

2) в значении ‘забор, изгородь’ *баркán* отмечается в Брян. Орл., ср. также дериват *баркáнник* ‘лес для баркана — забора, тонкие бревна’ Жиздр. Калуж. (СРНГ 2: 117), а *паркán* ‘забор, изгородь’ — как Зап. (Даль), Пск., Смол., Свердл. обл. и ‘забор из длинных горизонтальных досок’ — у «Русских на Буковине», ср. также дериват *паркáнчик* ‘забор’ — Пск., Смол. (СРНГ 25: 228).

Таким образом, псковский ареал *баркан* ‘морковь’ длится далее на северо-западе в Прибалтике, Ленингр. и Новг. областях, а южнопсковский ареал *баркан* ‘забор’ продолжается далее на западе и юге — в брянских и калужских говорах, единичное на Псковщине *паркán* ‘забор’ отмечается весьма разрозненно, но в таком же ареале — на западе, Смоленщине, Буковине.

ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА БАРКАН

КАРТА № 2

Семантическая карта слова *бор* (№ 5)

Как и предшествующая, эта карта представляет два разновеликих ареала:

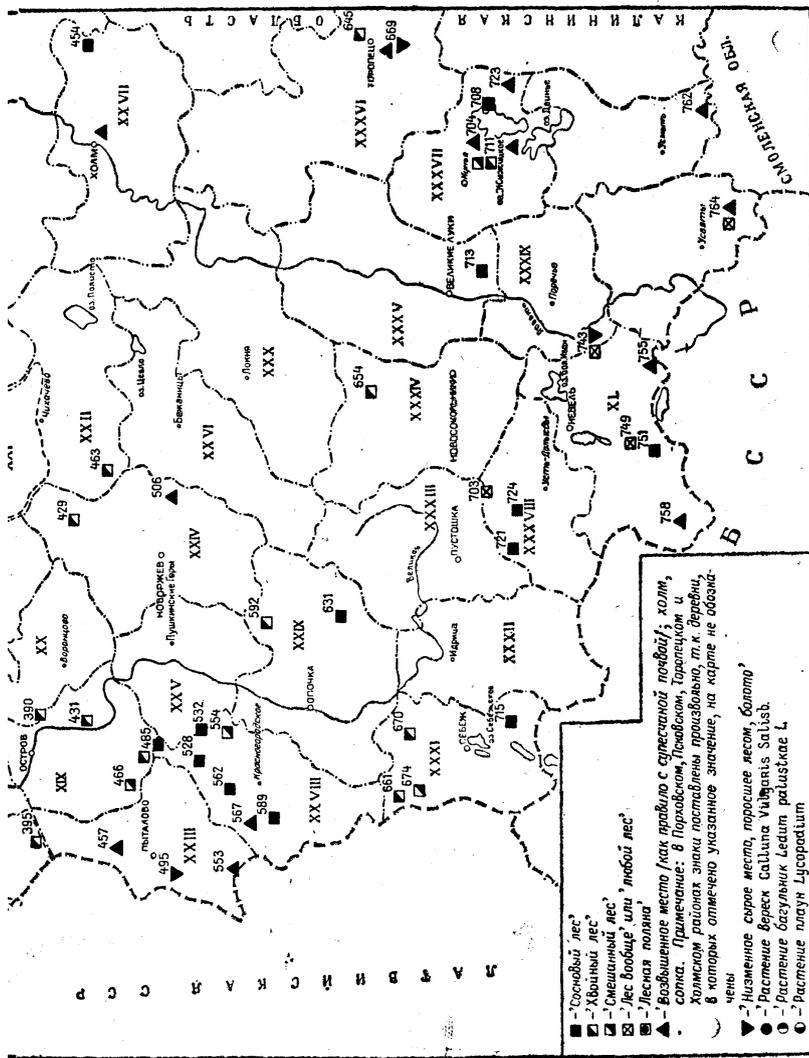
1) значения ‘сосновый лес’, ‘хвойный лес’, ‘смешанный лес’ и ‘лес вообще’, а также ‘лесная поляна’, ‘возвышенное место (как правило, с супесчаной почвой), холм, сопка’, ‘низкое сырое место, поросшее лесом, болото’ [в легенде к карте верхние три и следующие за ними вниз три знака] отмечаются разреженно и перемежаясь друг с другом **по всей Псковщине**, не образуя самостоятельных ареалов;

2) два «растительных» значения концентрируются только **на севере области**: ‘растение вереск’ — в п. 17, 26, 30, 33, 51 II/Гд., 43, 66, 79 III/Ляд., 73, 82, 95 IV/Полн., 97, 101 VI/Стр., 129 VII/Стр. р-на; ‘растение плаун’ в п. 22, 95 II/Гд. р-на [позиции в легенде к карте: третья снизу и последняя]. Значение ‘растение багульник’ лексемы *бор* [вторая снизу позиция в легенде] с одиночной фиксацией в п. 367 представлено в центральном XV/Палк. р-не [заметим, что на карте № 3, отображающей названия багульника (ПОС 1: 91), лексема *бор* не фиксируется].

В просмотренных нами областных словарях соседних с Псковщиной регионов слово *бор* ‘вереск’ и ‘плаун’ не отмечается, является **собственнопсковским** [сама же тенденция обозначения лексемой *бор* каких-либо растений не является локальной, для называния других растений она используется в ряде регионов]. *Бор* ‘возвышенное, преимущественно сухое место в лесу’ представлено в Мурман., Ленингр., Волог. обл., в Карел. (СРГК 2: 96); ‘лес’, ‘лес, преимущественно сосновый, растущий на сухом месте’, ‘густой, темный лес’, ‘сухое возвышенное место в лесу’, ‘возвышенность, горка’ — в различных районах Арх. обл. (АОС 2: 198); ‘возвышенное, преимущественно песчаное место’, ‘сухое песчаное место’, ‘сухое место, преимущественно песчаное, поросшее хвойным или лиственным лесом’, ‘лес на возвышенном месте’, ‘хвойный

лес', 'строевой лес', 'крупный густой лес' — в различных районах Новг. обл. (НОС 2010: 58); в ПОС (в другом вербальном выражении) эти значения находят подтверждение: псковское **бор** 'какой-либо лес', 'возвышенность в лесу' включено в обширный **северный** — **северо-западный ареал**.

Семантическая карта слова *жмыль* (№ 8)

Основной массив фиксаций значений лексемы отмечается на этой карте **по вертикали с севера на юг** — от п. 33, 35 П/Гд. до 668, 672 XXXIII/Пуст. р-на.

1) Исходное значение ‘что-л. смятое, сжатое, по форме похожее на шар’ (5 употреблений) [первая позиция в легенде к карте] распространено редко, но по отмеченной выше вертикали с севера на юг — по одному пункту в П/Гд., III/Ляд., IV/Полн., XIII/Порх., с южной точкой — п. 668 в XXXIII/Пуст. р-не.

2) Производные от исходного (всего 11 употреблений):

(а) ‘сжатый комок снега, снежок’ [вторая позиция в легенде] известно еще реже — только **в северных районах** П/Гд., III/Ляд. и IV/Полн.;

(б) ‘неровность, утолщение на пряже’ [четвертая позиция в легенде] отмечается преимущественно **по левобережью Великой** в XI/Печ., п. 306, знак без номера, 478, 481, 451, 431 (на правом берегу) в XIX/Остр. и 528 на севере XXVIII/Кар. р-на.

3) Редкие и малочастотные значения группируются **в центральных районах**:

(а) ‘отходы при изготовлении масла из семени’ [третья позиция в легенде] — п. 448 XXIV/Н-Рж., 490 XXV/Пушк.;

(б) ‘желвак, шишка, фурункул’ [седьмая позиция в легенде] — п. 337 XVI/Сл., 368 XIX/Остр., 558 XXIV/Н-Рж.;

(в) ‘мозоль’ [восьмая позиция в легенде] — знак без номера в XIX/Остр. р-не;

(г) ‘узелки на поверхности ткани, образующие узор’ [пятая позиция в легенде] — п. 429 XXIV/Н-Рж.

4) Самую выразительную «картинку» дают переносные значения *жмыль*/варианта *жмырь* — ‘скупой человек’ и ‘бранное’ (27 употреблений) [нижние четыре позиции в легенде] — в полосе с севера на юг: **в Причудье, на побережье Псковского оз., по всему бассейну Великой** (глав-

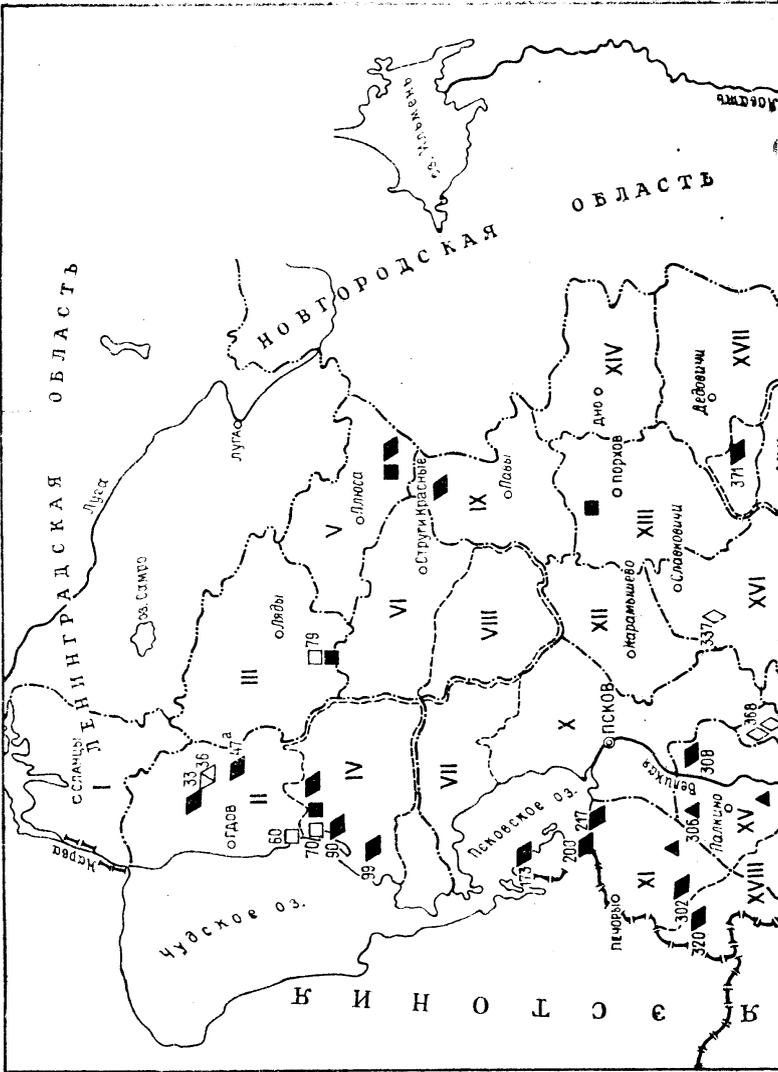
ным образом по левобережью) — от п. 33 в II/Гд. до 672 в XXXIII/Пуст. р-не; спорадически в V/Плюс., IX/Локн. р-нах (самые восточные п. 492 XXVII/Холм. и 565 XXX/Локн.).

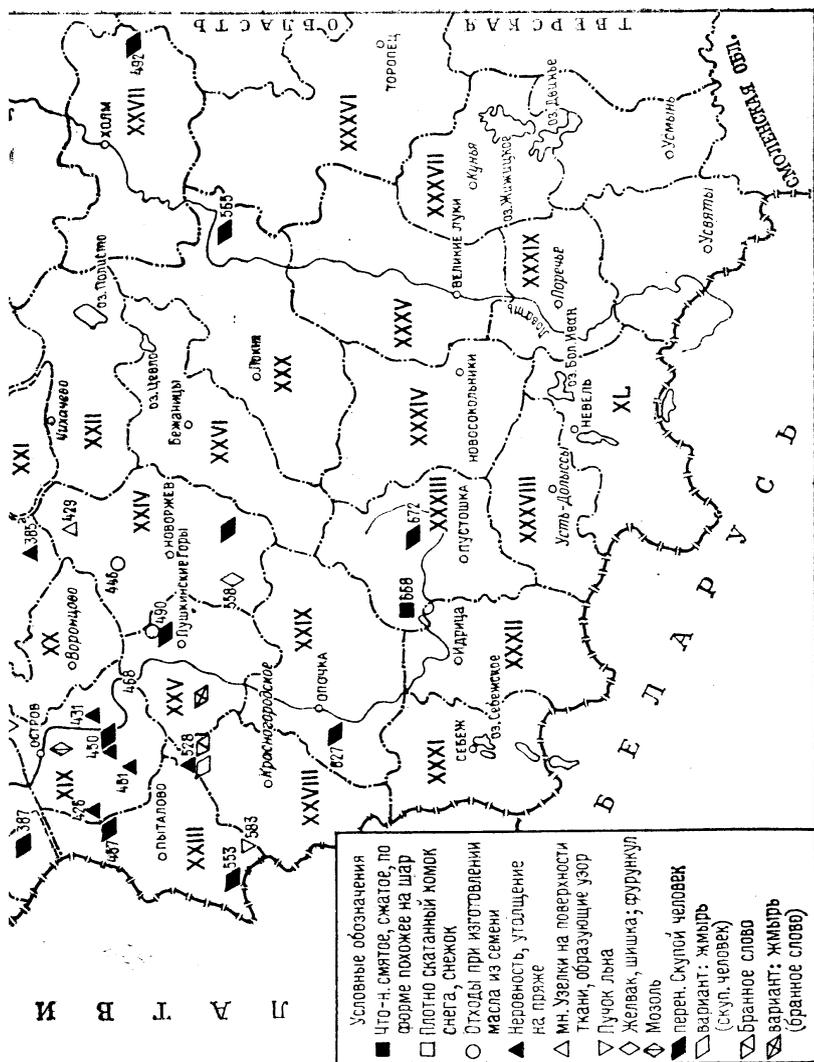
В СРНГ лексемы *жмыль* и *жмырь* (даны самостоятельно) отмечаются как Пск.: первый омоним *жмыль* ‘жгут травы, соломы’, ‘пучок связанного льна’, ‘утолщение на нитке; брак на ткани’, ‘нарыв, фурункул’; второй омоним *жмыль* ‘скупой человек, скряга’ и ‘ленивый человек’, *жмырь* ‘скупой человек, скряга’ (СРНГ 9: 208). Выделяемые в СРНГ омонимичные значения составители ПОС (по материалам КПОС) не сочли таковыми, дали в одной словарной статье. И на карте 8 ареально они не размежевываются.

По более новым данным областных словарей (после публикации 9-го выпуска СРНГ), за пределами Псковщины в значении ‘скупой человек, скряга’ *жмыль* отмечается в Чудов., Любыт. Новг. (СРГК 2: 71) и *жмыль*/вариант *жмырь* — в Валд., Крестец., Любыт., Пестов. Новг. обл. (НОС 2010: 262). Заметим, что другие словообразовательные дериваты с такой семантикой фиксируются как в Пск. (*жмода*, *жмодёр*, *жмой*, *жмойка*, *жмоль*, *жмот*, *жмота* и др.), так и в Новг. обл. (*жмор*, *жмодень*, *жмодина*, *жмотик*, *жмоя* и др.); у большинства дериватов значение ‘жадный человек’ является единственным. Карта № 8, таким образом, отразила **северо-западную (новгородско-псковскую) активность переносного значения лексемы *жмыль*. Общий ареал данного слова на этой карте укладывается в рамки древнепсковской территории** (ср. с исторической картой-схемой, а также с ареалом наречий типа *нойма*, *ноньма* и под. [Денисенко 2013]), но не замыкается на Псковщине, а длится на Новгородчине.

Карта №

ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА ЖМЫЛЬ

Семантическая карта слова *бабурка* (№ 1)

На карте представлен ареал лексемы в виде широкой, суживающейся к востоку полосы **центральных говоров Псковщины**: на севере полосы п. 320, 302 XI/Печ., 239 X/Пск., 259 XII/Кар., 227 XIII/Порх., 181 и 164 IX/Пав. р-нов; на западе несколько пунктов от 320 XI/Печ. до 706 XXXI/Себ. р-на вдоль государственной границы России с Эстонией и Латвией; на юге п. 706 XXXI/Себ., 678 XXXII/Идриц., 675 XXXIII/Пуст. [это единственная фиксация варианта *бeбурка*], 612 и 598 XXIX/Оп., 463 и 453 XXII/Аш. р-на; на востоке несколько пунктов от 383 XVII/Дед. до 164 IX/Пав. р-на вдоль границы с Новгородской обл.

Компактную треть этого ареала **на восточной половине** занимают фиксации *бабурка* ‘ямка, углубление для угольев в русской печи’, к нему примыкает на юге п. 371 для слова в метонимическом значении ‘железный крюк для выгребания углей’ [4-й и 5-й знаки в легенде к карте]. Остальные две трети ареала — **западную половину** — занимают употребления *бабурка*/варианта *бeбурка* ‘малая укладка снопов в поле, чаще из 6 снопов’ и ‘сноп ярового хлеба (ячменного, овсяного) или льна’ [первые 3 знака в легенде; обратим внимание, что в тексте словарной статьи ПОС есть употребление со значением ‘сноп ржи’ — п. 350]. В отношении последних двух близких значений отметим, что они представлены в разных пунктах (сосуществуют только в п. 259 и 426), но не образуют своих ареалов. Указанные ареальные и семантические размежевания (‘укладка снопов’/‘сноп’ — с одной стороны, и ‘ямка для углей’ — с другой) послужили основанием для выделения двух омонимов в ПОС.

Внутрипсковский ареал *бабурка* ‘укладка снопов’ имеет такое подтверждение в СРНГ (СРНГ 2: 28–29): ‘10 снопов ржи, пшеницы или льна’ Опоч. Пск.; ‘укладка из 5 снопов ярового хлеба’ Опоч., Пск. Пск.; ‘малая укладка из 6 сно-

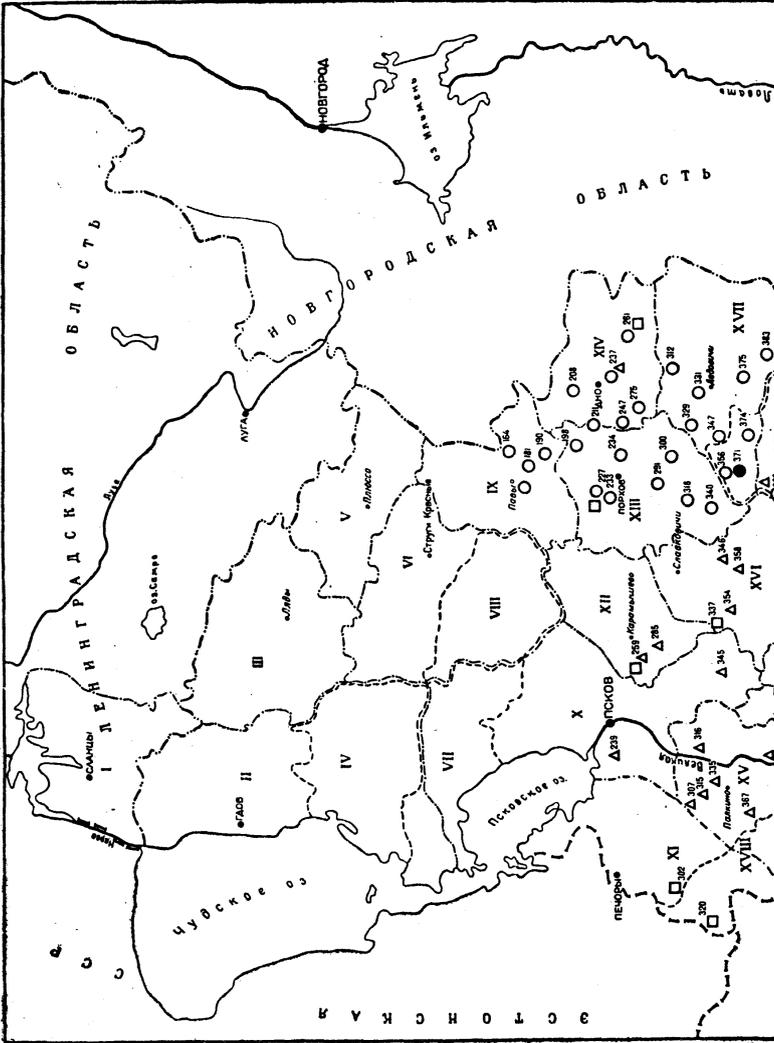
пов в поле' Остров. Пск., Пушк. Пск. Все упомянутые уезды/районы (XIII, XIX, XXIX — на карте) в пределах ареала карты № 1 ПОС.

За пределами Псковской губ./обл. *бабурка* 'малая укладка снопов зерновых и технических культур в поле для просушки' отмечается в Угличском Верхневолжье Яросл., Смол., Лит. ССР (СРНГ 2: 28–29; КЯОС: 27: 'укладка снопов в поле'; МСРСГП: 22: 'укладка снопов ржи'); 'укладка льна на лугу' — Маловишер. Новг. (НОС 2010: 9). Как видим, псковская часть ареала значения 'укладка снопов' длится на западе — в Литве, Смол. обл. и далее на востоке — в говорах Новг. и Яросл. обл. Заметим, что некартографируемое *бабурочка* (уменьшительное к *бабурка* 'укладка снопов') отмечается в п. 340 XIII/Порх. ('поставленные вместе 2–3 снопа'), 552 XXIV/Н-Рж. ('5 снопов ржи'), 358 XVI/Сл. р-на, в X/Пск. у. (Копаневич) ('укладка снопов'); в СРНГ (СРНГ 2: 29) отмечается также только в Пск. у. [в СРНГ не учтен факт *бабурочка* 'укладка снопов' Латв. ССР, 1963 (МСРСГП: 22)].

Внутрипсковский ареал *бабурка* 'сноп ярового хлеба или льна' остается таковым и по материалам СРНГ: 'один сноп' — Остров. Пск., Пск. (ср. дериват *бабурочка* в том же значении — Пск. Пск. — СРНГ 2: 28–29).

ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА БАБУРКА

КАРТА №1

Омонимичное *бабурка* ‘ямка, углубление для угольев в русской печи’ представлено в СРНГ как псковское, а за пределами Псковщины ‘место на шестке русской печи, куда сгребают горячие угли’ — Новг., Новолад. Петерб.; как Волотов., Солецк. Новг. — в Новгородском областном словаре (НОС 2010: 9). Т. е. псковская часть этого семантического ареала длится на северо-западе в Новг. и Петерб. обл./губ. Ср. дериваты, отмечаемые в тех же территориальных пределах: *бабурок* ‘ямка, углубление для угольев в русской печи’ Кириш. и Тихв. Ленингр. (СРГК 1: 27); *бабура* ‘угол внутри русской печи, куда сгребают горячие угли’ Солецк. Новг. (НОС 2010: 9); в ПОС (ПОС 1: 88) *бабурок* в таком значении отмечается за пределами северной части ареала *бабурка* ‘ямка для угольев’, расширяя его несколько северо-западнее — в п. 177 VI/Нов. (позже Стр.) р-на.

Семантические карты ПОС имеют такие особенности:

1) разобщенность омонимичных значений в разных частях лингвистического ареала (*баркан* ‘морковь’ и *баркан* ‘изгородь, забор’; *бабурка* ‘укладка снопов в поле’ и *бабурка* ‘ямка для угольев в русской печи’);

2) разобщенность разных значений в разных населенных пунктах (*бабурка* ‘укладка снопов в поле’ и ‘сноп’; *бор* ‘какой-либо лес’ и ‘растение вереск’);

3) разобщенность прямого и переносного значений в разных населенных пунктах (*бабурка* ‘ямка для угольев в русской печи’ и метонимическое ‘железный крюк для выгребания углей’; *жмыль* ‘что-нибудь смятое, сжатое’ и ‘скупой человек’, ‘бранное’).

Если семантическое размежевание омонимов не вызывает сомнений и является обоснованным ареально, то разобщенность в разных пунктах различных значений и особенно прямого и переносного значений нуждается в дообследовании (при целенаправленных беседах с информантами); хотя очевидная активность переносного значения типа ‘скупой чело-

век' в сравнении с исходным значением 'что-нибудь смятое' лексемы *жмыль* свидетельствует о давности такого переноса и о значительном отстранении его от исходного значения.

На основании пяти семантических карт выделяются такие ареалы в пределах Псковщины:

а) в небольшой группе **северных районов** отмечаются: *бор* 'растение вереск' и 'растение плаун' (на карте 5), оакущий вариант *боркан* 'морковь' (на карте 2);

б) только **на востоке центральной части области** — в п. 565 представлено *кокора* 'небольшой круглый хлебец' — за пределами ареала этой лексемы в значениях 'лепешка (без намазки или начинки/с начинкой)' и 'пирог' (на карте 10);

в) в небольшой группе **самых южных районов** отмечается *баркан* 'изгородь, забор' (на карте 2), но до этих мест не простираются ареалы лексем *бабурка*, *жмыль* и *кокора*;

г) *бор* в значениях 'сосновый (хвойный, лиственный и др.) лес' и 'низкое место, поросшее лесом (или безлесное)', 'возвышенное место' фиксируется **по всей Псковщине** (карта 5);

д) **в центральных районах** представлено *жмыль* 'отходы при изготовлении масла', 'желвак, фурункул', 'мозоль', 'узелки на поверхности ткани' (карта 8); оба омонима *бабурка* располагаются также **в центральной полосе районов** (карта 1);

е) первый омоним *бабурка* в значениях 'укладка снопов' и 'сноп' занимает **запад и часть центра** ареала; второй омоним *бабурка* в значении 'ямка для углей в русской печи' — **меньшую часть центра и восток** (карта 1);

ж) **по левобережью Великой** отмечается *жмыль* 'неровность, утолщение на пряже' (карта 8).

Семантические карты № 10 и № 2 показывают частоту фиксаций лексем *кокора* и *баркан*, а карта № 8 — общий ареал лексемы *жмыль* в пределах древнего ядра псковских говоров.

Все эти семантические ареалы, за исключением одного («растительных» значений ‘вереск’ и ‘плаун’ лексемы **бор**) являются частью более обширных ареалов северных/северо-западных, западных или южных. Семантическая система Псковщины лежит на перепутье скрещения, взаимодействия, влияния этих говоров. На основании анализа только пяти карт нам приоткрылась лишь незначительная часть этой системы, но картина многолика и сложна.

Применение электронных технологий на базе электронной карты-основы (которые использовались при создании 11-й карты в 22-м выпуске ПОС 2013 г.) значительно облегчает создание карт и их публикацию, чем должны воспользоваться все/многие члены авторского коллектива Псковского областного словаря. Интенсификация картографирования в ПОС без сомнения принесет интереснейшие результаты.

Выскажем некоторые пожелания: 1) хорошо бы вернуть обозначение деревень в словарные статьи, поскольку только пунктное прослеживание ареалов гарантирует их точность (жесткие требования к объему словаря давно отпали); 2) стоило бы повторить издание списка населенных пунктов с их номерами на карте и саму карту-основу — для интерактивного участия пользователей словаря при установлении ареала любого компонента словарной статьи, любой лексемы; 3) хорошо бы собрать все опубликованные карты вместе, подкорректировав их технически: они дают богатейший материал для более углубленного и систематического изучения псковских говоров.

Литература

Герд А. С. Очерк исторической диалектологии Верхней Руси (История ландшафта) / Санкт-Петербургский гос. ун-т. Научные доклады. СПб., 2001.

Глускина С. М. Морфонологические наблюдения над звуком [ch] в псковских говорах // Псковские говоры. Вып. 1. Труды первой псковской диалектологической конференции 1960 г. Псков, 1962.

Денисенко Ю. Ф. Об одном древнепсковском ареале // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013. СПб., 2013.

Ларин Б. А. Филологическое наследие: Сборник статей. СПб., 2003.

Лебедева А. И., Лутовинова И. С., Поценья Д. М. К 30-летию Межкафедрального словарного кабинета им. проф. Б. А. Ларина // Вопросы теории и истории языка. СПб., 1993.

Мультимедийный корпус региональных текстов как форма представления локальной концептосферы в аспекте проблематики ЛАРНГ*

Ю. Н. Драчева, П. Н. Задумина

В статье рассматривается создание электронных корпусов региональных текстов в аспекте проблематики ЛАРНГ. На примере вологодского электронного мультимедийного корпуса «Жизненный круг» авторы показывают возможность анализа функционирования концептов в региональных текстах.

Ключевые слова: электронный корпус, региональный ключевой культурный текст, региональная картина мира, концепт, диалектная языковая картина мира

В последние годы одной из самых динамично развивающихся сфер прикладного языкознания является корпусная лингвистика, а создание регионального корпуса в виде электронного собрания диалектных текстов, снабженного поисковыми инструментами, метаразметкой, морфологической разметкой, системой аннотирования является неисчерпаемым источником материала для учебных и исследовательских проектов. В то же время продуктивно продолжают-ся и такие долгосрочные проекты, как «Лексический атлас русских народных говоров», поэтому становится актуальным

---

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского государственного научного фонда (конкурс поддержки молодых ученых 2014 года, проект № 14-34-01263 «Мультимедийный корпус вологодских текстов «Жизненный круг»»).

вопрос взаимодействия различных методологических подходов к описанию русских диалектов.

Электронная лексикография в регионалистику, в частности русскую диалектологию, пришла достаточно давно, и уже существует ряд успешно реализуемых проектов: диалектные фонохрестоматии (например, тамбовская, вологодская), электронные словари различных типов на основе картотек говором (например, Электронный словарь строения слов вологодских говором), электронная лексикография по тематике ЛАРНГ (например, волгоградская [Кузнецова 2011] и корпусы (например, томский [Юрина 2011]). Можно сказать, что современная регионалистика в России переживает бум создания региональных/диалектных электронных корпусов. Самый разработанный региональный электронный проект в этой области — это Мультимедийный Саратовский диалектологический текстовый корпус при Центре изучения народно-речевой культуры имени профессора Л. И. Баранниковой, целью которого является построение модели традиционного сельского общения на диалекте (наполнение каждого подкорпуса (по отдельным говорам) текстовым материалом, отражающим типы диалектной речи (речь бытовую, фольклорную, обрядовую); различные формы речи (диалог, полилог, монолог); разнообразную тематику сельского общения; социальную дифференциацию носителей говора (пол, возраст, профессия, уровень образования)) [Крючкова, Гольдин 2011].

Описание русских диалектов средствами электронной лексикографии за счет обработки большого объема современного фактического материала позволяет обогатить, углубить, уточнить материалы ЛАРНГ. Например, подтема ЛАРНГ «Игры, танцы, фольклор» может быть уточнена в том отношении, что возможно дать более детальное описание игрушек. Так, в русских народных говорах функционируют многочисленные наименования мячей: в вологодских говорах это *катышóк* ‘небольшой мяч, мячик’: *Я катышóк нашлá;*

Давайте в катышки играть (СВГ 3: 48); *лопка* ‘тряпичный мяч’: *Раньше-то такую лопку сошьёшь и играешь* (СВГ 4: 49); *лоптя* ‘мяч из шерсти’: *Лоптя — мяч из шерсти, которыми играют* (СВГ 4: 50); *пузырь* ‘мяч’: *Ребята на улице в пузырь играют* (СВГ 8: 107); *теремок* и *теремочек* ‘шар наподобие мяча, сплетённый из широких ивовых лент, концы которых спрятаны внутрь’: *У нас отец делал теремок — вроде мячика, только не из берёсты, а из ивины. Ленты в два пальца, у теремка четыре конца. Их спрячут так — и не найти. Теремки — это мячики и были; Теремочек такой был. Всё раньше теремочками играли* (СВГ 11: 19); *жсарабок* ‘в игре: мяч, посланный сильным ударом, летящий по прямой, — его нужно схватить прежде, чем он упадет на землю, свечка’: *Славный был жсарабок, да не умёл, ротозей, хватить* (СРНГ 9: 74); *сноробка* ‘мяч, посланный вертикально, вверх, свечой’ (СРНГ 39: 126); *шарик* ‘мячик’: *Шарик-то возьми, да не распынывай больно* (СВГ 12: 73); в смоленских говорах — *адарка* ‘мяч в игре «опука-лапта»’: *Адарка у меня в руках, идите под город (город сдаётся, партия проиграна)* (СРНГ 1: 206); *одарка* ‘мяч, удачно пойманный при игре в лапту’: *Одарка у меня в руках* (СРНГ 23: 5); *опука* ‘мяч из тряпок, шерсти’: *Надо опуку шить* (СРНГ 23: 312); в русских говорах тобольского края — *голёнка* ‘мяч в игре’: *Поймал голёнку — поднял мяч* (СРНГ 6: 109); новосиб. *голок* ‘брошенный мяч’: *Поконяются на палке, кому голеть, а кому водить; если гольнёшь, а голок поймаю, то отводил* (СРНГ 6: 317); в новгородских говорах — *киля* ‘большой кожаный мяч, набитый шерстью и употребляемый для игры зимою’ (СРНГ 13: 206); том. *лаптушка* ‘мяч в одноименной игре (лапта)’: *Лаптушка сшита из кожи* (СРНГ 16: 268); перм. *лохта* ‘мяч для игры в одноименную игру (лапта)’ (СРНГ 16: 296), ср. *локта* ‘мяч для игры в одноименную игру (лапта)’ (СРНГ 17: 114); в курских говорах — *мечка* ‘мяч’ (СРНГ 18: 145); *пук* ‘мяч; мяч из коровьей шерсти’ (СРНГ 33: 118); в архангельских говорах — *мечок* ‘мяч’ (СРНГ 18:

146), *мячо́к* ‘мяч’: *Мячо́к заки́нули на крýшу, Ва́ся пла́чет* (СРНГ 19: 94); а также рост. *мняч* ‘мяч’ (СРНГ 18: 189); калуж. *мя́чка* ‘мяч’ (СРНГ 19: 94); калин. *даро́к* ‘пойманный в игре мяч’: *Пойма́л даро́к* (СРНГ 7: 276); моск. *поби́ушка* ‘мяч’: *Игра́ли, а побии́шка в ре́чку уката́лся* (СРНГ 27: 196); орл. *пы́шка* ‘мяч’: *Игра́ть в пы́шку* (СРНГ 33: 206); в ярославских говорах — *нале́тка* ‘мяч, летящий кверху’ (СРНГ 20: 12); *шы́тка* ‘мяч, сшитый из лоскутков, набитый опилками или паклей’: *Потеря́ли мою́ шы́тку* (ЯОС 10: 76) и др. Новейший фактический материал может быть также в будущем получен и верифицирован через региональные электронные корпуса.

Можно предположить, что в дальнейшем все региональные корпуса войдут в систему Национального корпуса русского языка (в котором существует диалектный подкорпус [Качинская 2009]), но этому препятствуют и отличия в подходах к созданию корпусов, и различающееся программное обеспечение, и вопрос авторского права. Проблема заключается также в том, что национальные корпуса описывают систему функционирования языка хотя и во всех его вариантах, но как единой гомогенной системы. В настоящее же время считается доказанным, что региональные варианты языка отличаются от литературного языка не только на уровне фонетических, лексических и грамматических структур (то есть того, что материально выражено и может быть включено в общий корпус, проиндексировано и т. д.), но и на уровне когнитивных структур. Например, по мнению К. И. Демидовой, языковая картина мира как способ представления концептуальной системы средствами языка рассматривается недостаточно в региональном аспекте [Демидова 2003: 46], в то время как, например, «вещное восприятие концептов в диалектном сообществе более ярко проявляется, чем у носителей литературного языка» [Демидова 2012: 183]; сейчас же диалектная картина мира как научно обоснованный феномен исследуется с разных сторон [Радченко, Закуткина 2004].

Изучение региональной концептосферы сейчас является актуальным направлением русской диалектологии. Теоретические положения региональной когнитивистики основываются на трудах таких представителей отечественной когнитивной лингвистики, как Е. С. Кубрякова, Н. Д. Арутюнова, Т. И. Вендина, К. И. Демидова, В. Н. Телия, Ю. С. Степанов, В. И. Карасик, В. В. Красных, С. Г. Воркачев, И. А. Стернин, Э. Д. Попова, В. Е. Гольдин и др. Проект «Мультимедийный корпус вологодских текстов “Жизненный круг”» отражает это актуальное направление тем, что он направлен на комплексное рассмотрение в функциональном, когнитивном и коммуникативном аспектах базовых концептов деятельности севернорусского крестьянства: <труд> и <игра>. Эти концепты представляют собой реализацию «жизненного круга» человека и воплощение того круга смыслов, который, по В. фон Гумбольдту, очерчен вокруг каждого народа. Тематически данные концепты соотносятся с такими темами программы ЛАРНГ, как «Трудовая деятельность» (полеводство, огородничество, садоводство, животноводство, птицеводство, пчеловодство, обработка льна и конопли, прядение, ткачество, плотницкое, столярное, кузнечное, гончарное, валяльное дело, рыболовство, охота), «Игры, танцы, фольклор», а также с такими темами, как «Народный календарь, праздники», «Семья, родственные отношения, свадьба, названия детей», поскольку игровое начало заложено не только в детских играх, но и в особенностях свадебного обряда (ср. выражение *свадьбу играть*), масленичных гуляний, святочных традиций и т. д. «Мультимедийный корпус вологодских текстов “Жизненный круг”» не претендует на всеохватность, характерную для ЛАРНГ, но освещает ряд ключевых для регионал сфер деятельности, в частности описывает такую реалию, как сенокос, в когнитивном, культурологическом и лингвистическом аспектах.

Типология электронных корпусов основывается на функциональном принципе: исследовательские корпусы, иллю-

стративные, мониторинговые (динамические), статические (авторские), мультимедийные и корпуса параллельных текстов. Исследование концепта сквозь призму региональных культурных текстов позволяет нам говорить о концепции многофункционального корпуса. Подкорпус устной диалектной речи является динамическим, исследовательским и иллюстративным. Подкорпус литературный объединяет статическую и иллюстративную функции с некоторой исследовательской составляющей. Также учитываются статико-динамический иллюстративный фольклорный подкорпус и динамический исследовательский газетный подкорпус. Мультимедиазация является основным требованием ко всей базе корпуса. Подкорпус значимых исследовательских работ, выполненных на местном языковом материале, также имеет прикладное значение.

Вологодские тексты имеют ряд отличительных черт, обусловленных спецификой региона, причем многие тексты содержат описание аксиологических аспектов диалектной картины мира, что позволяет использовать по отношению к этим текстам понятие **регионального вербального ключевого культурного текста**. Проект корпуса, который мы рассматриваем, ориентирован на описание именно **региональных** текстов: рассказов диалектоносителей, фольклорных записей, статей в местных СМИ, произведений вологодских писателей и поэтов. Ориентированность электронного корпуса на описание текстов определенной территории соотносится с ареальным принципом подачи материала в ЛАРНГ, и благодаря этому можно говорить о схожести предметов исследования и возможности использования текстов корпусов для выполнения отдельных задач ЛАРНГ.

На основе анализа записей диалектной речи, полученных в результате диалектологических экспедиций в районы Вологодской области, строится когнитивная модель различных видов деятельности севернорусского крестьянина. В материалах периодической печати (район-

ные газеты «Северная Новь», «Звезда», «Призыв») анализируются особенности пропаганды общественно-значимых идей, а также отражение в статьях культурно значимой материально-бытовой и деятельностной сфер жизни. Исследование текстов писателей-вологоджан позволит смоделировать художественно-эстетический образ труда, праздников, игры в индивидуально-авторской картине мира (В. И. Белов, Н. А. Ключев, Н. И. Рубцов, А. Я. Яшин, О. А. Фокина, С. В. Викулов, И. Д. Полуянов, В. Ф. Тендряков и др.). Материалы устного народного творчества (пословицы, поговорки, приметы и пр.) позволяют дополнить описание концептологической составляющей деятельностной сферы жизни человека.

Комплексное изучение трудовой деятельности значимо для описания и исследования региональной трудовой картины мира севернорусского крестьянина: это описание трудовых будней крестьянина, орудий труда, технологии работы на земле, специальной одежды, объектов и субъектов трудовой деятельности, ценностные ориентации, а также комплекса примет и верований. Собственно комплексное описание предполагает три основные составляющие: 1) описание различных трудовых ситуаций (трудовая ситуация сенокоса, трудовая ситуация уборки льна и др.); 2) описание составляющих частей каждой трудовой ситуации (цель, мотивация, технология деятельности, объект, субъект, орудия труда, приметы и верования и др.); 3) описание номинативного поля концепта <труд> с учетом специфики реализации концепта в картине мира жителя Русского Севера.

Например, в ходе анализа одного из этапов трудовой ситуации сенокоса по данным «Словаря вологодских говоров» и результатам диалектологических экспедиций определим следующие диалектные соответствия в вологодских говорах литературному описанию процесса «ворошить сено для просушки»: *переворáчивать*, *разбивáть* (СВГ 9: 7), *наворóчать* (СВГ 5: 29), *наворошítь*, *поворотítь*

(СВГ 7: 81), *переворотить* (СВГ 7: 33), *пошарáшить* (СВГ 8: 28), *пошолошить* (СВГ 8: 31). Наличие отдельных лексем для обозначения данного этапа трудовой ситуации свидетельствует о значимости этого этапа в трудовой картине мира севернорусского крестьянина и отражает природные реалии региона. Внутренняя форма выделенных лексем подчеркивает интенсивный характер описываемого действия (*-ворач-* // *-ворот-*, *-ворош-*, *-би(ть)*, *-шараш-* // *-шолош-*) и определенную периодичность его выполнения (*переворáчивать*, *разбивáть*, *наворóчать*, *наворошítь*, *поворотítь*, *переворотítь*, *переворошítь*, *пошарáшить*, *пошолошить* и др.).

Заготовка сена — одна из сложнейших процедур в крестьянском хозяйстве. Этап ворошения сена важен, поскольку трава должна хорошо просохнуть, перед тем как сено уберут в копны. На данном этапе на пожне работали как правило девушки, женщины и дети, которые должны были расшевелить валки, чтобы дать траве просохнуть и «обветреть». Если погода хорошая, то к концу дня сгребают сено обратно в «валки». Сено в «валке» легче и удобнее закатывать в копны. Работали специальными сенными граблями, такие грабли деревянные, а следовательно легкие и не сильно зацепляются за траву, и за почву. Для севернорусского крестьянина неприемлемо делать работу некачественно. Сезон уборки сена и так чрезвычайно короткий, поэтому ценится своевременно и качественно выполненная работа. В этом заключается особая рациональность в ведении хозяйства, что иллюстрирует ценностный компонент концепта <труд> в его региональной специфике.

Проект «Мультимедийный корпус вологодских текстов “Жизненный круг”» рассчитан на три года. В первый год выполняется работа по теоретическому обоснованию корпуса, по сбору и первичной обработке языкового материала (в устной и письменной форме фиксации), решению вопроса программного обеспечения (оболочки), наполнению тексто-

вой базы (подкорпус диалектной речи и литературный подкорпус). Второй год посвящается анализу уже собранных материалов, первичной разметке (токенизация, лемматизация, морфологический анализ) и созданию газетного подкорпуса. В третий год работы над проектом требуется редактировать и дополнять базу, совершенствовать информационно-справочный и поисковой аппарат корпуса.

Научная ценность проекта «Мультимедийный корпус вологодских текстов “Жизненный круг”» заключается в выявлении региональных черт общерусских концептов и комплексном описании локальной языковой картины мира; практическая же значимость проекта определяется созданием электронного корпуса, включающего в себя тексты, аудио- и видеоматериалы, запечатлевшие различные этапы «жизненного круга» человека в отдельном регионе, что в целом обуславливает значимость электронного корпуса для сохранения и распространения культурно-исторического наследия региона, а также обеспечения преемственности традиционных ценностей. Мультимедийный корпус разрабатывается в соответствии с отдельными темами в проблематике ЛАРНГ и в целом отражает направления развития современной диалектологии.

Литература

Демидова К. И. О возможностях изучения языковой картины мира в региональном аспекте // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2000. СПб., 2003. С. 45–51.

Демидова К. И. «Словарь лексики говоров Среднего Урала» как лингвокультурологический источник // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2012. Вып. 1(39). С. 181–184.

Качинская И. Б. Корпус диалектных текстов в Национальном корпусе русского языка: состояние и перспективы // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2009. СПб., 2009. С. 57–68.

Крючкова О. Ю., Гольдин В. Е. Корпус русской диалектной речи: концепция и параметры оценки // Компьютерная лингвистика

и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 25–29 мая 2011 г.). Вып. 10(17). М., 2011. С. 359–367.

Кузнецова Е. В. Интернет-проект «Лексический атлас Волгоградской области». Современный способ обработки диалектного материала // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2011. СПб., 2011. С. 69–80.

Радченко О. А., Закуткина Н. А. Диалектная картина мира как идиоэтнический феномен // Вопросы языкознания. 2004. № 6. С. 25–48.

Юрина Е. А. Томский диалектный корпус: в начале пути // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2(14). С. 58–63.

Особенности морфологии тамбовских говоров по полевым записям на этапе современной фиксации*

С. Ю. Дубровина

Для описания морфологии диалекта так же, как и при исследовании фонетики, морфонологии и словообразования говоров, важно сопоставление диалектного и соответствующего ему литературного варианта. В своих изысканиях по репрезентации лексики веры и церкви коренного населения Центрально-Черноземной России мы убеждаемся, что составляя часть морфологической структуры диалекта, этот лексический пласт может служить достойной иллюстрацией общих тенденций диалектной морфологии. Настоящая статья обращена к рассмотрению морфологических особенностей основных частей речи, в том числе, в ракурсе интересующей нас словарной группы. Отмечены дифференциальные признаки морфологии тамбовских говоров по частеречной принадлежности слов.

Ключевые слова: современная русская диалектология, русские диалекты, тамбовские говора, морфологические особенности, репрезентация лексики православия, диалектные реализации, категории имён, мена рода

Для описания морфологии диалекта так же, как и при исследовании фонетики, морфонологии и словообразования говоров, важно сопоставление диалектного и соответствующего ему литературного варианта. В своих изысканиях по репрезентации лексики веры и церкви коренного населения Центрально-Черноземной России мы убеждаемся, что составляя часть морфологической структуры диалекта, этот

---

*Издание статьи осуществлено при поддержке РГНФ, проект № 13-04-00017.

лексический пласт может служить достойной иллюстрацией общих тенденций диалектной морфологии. В настоящей статье мы обратимся к рассмотрению морфологических особенностей основных частей речи, в том числе, в ракурсе интересующей нас словарной группы [Дубровина 2013]. При этом используем имеющиеся в нашем распоряжении полевые материалы, собранные автором статьи лично или совместно со студентами Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина у информантов старшего поколения (около 1930-х годов рождения и выше) в последние 10 лет.

Морфология тамбовских говоров по частеречной принадлежности слов сохраняет следующие дифференциальные признаки.

Существительные

1. Класс имен существительных, относящихся в литературном языке к среднему роду, сужается, так как в именительном падеже эти существительные обнаруживают сближение с женским родом. У существительных бытовой семантики, относящихся к среднему роду, в безударных окончаниях именительного падежа наблюдается переход в женский род (*левая плячо, моя проса, новая платья*). Окончания среднего рода нивелируются с формами 1-го склонения по парадигме словоизменения: *рубь эту мясу, маслом обжелься, насыпь просу, нет платьи, энта время, посещениея, общенья*. Также формы согласования, затрагивающие названия служб и праздников, в именительном падеже обнаруживают колебания существительных среднего рода в своей родовой принадлежности: *питинья* и *питиньё* (*питинье*), *сретенья* и *сретенье*, *взнисенья* и *взнисеньё*, *полвинья* и *полвиньё*, *сдвиженья* и *сдвиженье*.

2. Окончания множественного числа порой говорят об утрате родовой принадлежности существительного. Это касается словоформы именительного падежа. Существительные среднего рода имеют в им. п. мн. ч. безударное окончание

-и (-ы): окны, зёрны. Напротив, существительное женского рода 3 скл. **дверь** в им. мн. приобретает окончание среднего рода: **Царские дверя́** с ударным [а] в окончании: «*В алтаре открываются Царския двиря́, на этих двиря́х иконы. На одной — Варвара-мученица, на второй — Матерь Божия с чашей*» (Д.-М. Знамя).

3. Отдельные существительные «церковного устава», относящиеся в литературном языке к женскому или мужскому роду, «меняют» в диалекте свою родовую принадлежность. Так существительное мужского рода **молебен** известно в говорах как имя женского рода — **молебна, молебена, молебовна**: *А мы, жы́тили фсе, вынасы́ли сталы́ на ўлицу и служы́ли мале́бину* (Кн. Морш.). Существительное **часовня**, относящееся в литературном языке к женскому роду и изменяющееся по 1 склонению, известно как **часовен** и представляет, таким образом, 2-ой согласовательный класс мужского рода: *Часовин на клатбищи, иде приходять харанить* (Ст. Сосн.). Информанты испытывают затруднения в определении рода церковной лексики, итогом чего является мена родовой принадлежности существительного по сравнению с литературным языком. Об этом свидетельствует, например, произношение греческого по происхождению слова **епитрахиль**, имеющего женский род в литературном языке. В тамбовских говорах — **питрахиль** — с колебанием мужского и женского родов у разных информаторов: *Питрахиль, эт у батюшки, с крестом. Питрахиль он на голову кладёт и крестит* (Тр. Тамб.). *Питрахиль у няво зялёный, по краям залатой* (Кр. Инж.).

4. Некоторые существительные среднего рода употребляются как слова мужского рода, что обнаруживается в формах согласования (**зялёный яблук, высокий крылец, глубливый озёр**). Колебания родовой принадлежности вызывают смысловые различия в семантике отдельных слов. Так, лексема **полотенце** имеет форму женского рода в значении 'предмет повседневного домашнего обихода, утирка' и фор-

му мужского рода в значении 'венчальный головной убор' (*посадный полотенец*) [Клокова 1999: 37–39].¹

5. Существительные 3-го склонения в Д. и П. падежах имеют окончание *-е*, как в 1-м склонении: *по грязи, к пече*.

6. Парадигма первого склонения для существительных женского рода является доминантной и «перетягивает» к себе существительные 3-го склонения. Сюда относится тамб. *дочерь, матря: уговорю дочерю, пойду к матри*. Остатки старого склонения на *-*ŭ* сохраняются в форме Им. ед.: *свьякры*.²

7. Существительные на *-мя* имеют в Д. окончание *-у*: *ко время*, в Предл. *-и*: *о времени*. При склонении сохраняется основа Им. (*как раз энта время уже зачинаица*). Таким образом проявляется тенденция к включению существительных на *-мя* (*время, семья, племя*) в продуктивные типы склонения путем выравнивания основ по основе именительного падежа.

8. Существительные твердого варианта исторического склонения на *ā в род. п. с предлогом *у*, в Д. и П. падежах имеют окончание *-е*: *у жене, к жене, о жене*.

9. В Р. ед. существительных с основой на *ā с ударенными окончаниями и основой на парный твердый согласный отмечено окончание <э>: *нет жене, две сестре*.

10. В безударных окончаниях Тв. ед. *-ей* у существительных с основой на парные мягкие согласные присутствует гласный [а]: *дерев[н'а]й, с тѣ[т'ай], с Кó[л'ай], с Мó[т'ай]*.

---

¹По нашим данным, слово *полотенец*, оформленное в м. р., употребляется как обозначение покрытия божнички — домашнего иконостаса. При этом используется расшитый, украшенный вышивкой *полотенец*.

²Пример перетягивания парадигмы склонения у существительного *рожь* — *ржа* был записан нами в контексте о Вознесении в Мичуринском районе: «Лесенки относили во ржу, чтоб урожай был. Приговаривали так: «Христос, полетишь на небеси, потяни нашу рожку за колоски». При этом возникает деформация основы (корня) существительного 3-го склонения *рожь, рожка* в пользу 1-го склонения — *ржа*.

Местоимения

1. Местоимения 2-го лица и возвратное местоимение имеют основу с корневым гласным *-о-*: *тоб-*, *соб-* в род. и вин. п.: *от тебе* [ат таб'э], *от себе* [ат саб'э], *у тебе*, *у себе*.

2. Местоимения 1-го, 2-го л. и возвратное имеют основу с гласным *-е-* в дат. и предл. п.: *мен-*, *теб-*, *себ-*.

3. Указательное местоимение *этот*, *эта*, *это* имеет вставной согласный [н] в основе: *энтот*, *энта*, *энто*.

Глагол

1. Формы 3 л. мн. ч. глаголов имеют «общее спряжение», что проявляется в безударных окончаниях *-уть*: [хóд'-ут'], [в'йд'ут'], [гóн'ут'], [об'йд'ут'].

2. В окончаниях 3 л. ед. и мн. ч. личных форм настоящего и простого будущего времени присутствует мягкий согласный [т']: [ид'óт'], [ид'út'], [гл'ад'йт'], [гл'ад'át'].

3. В формах ед. ч. м. р. прош. вр. на *-л* имеется безударная возвратная глагольная частица — <с'и>: *набрыкал<с'и>*, *боял<с'и>*, *родил<с'и>*. В формах 2 л. ед. ч. имеется возвратная глагольная частица — <с'с'и>: *находил<с'с'и>*, *умывал<с'с'и>*, *каил<с'с'и>*, *исповедаи<с'с'и>*.

4. В глаголах с основой на заднеязычный согласный твердый заднеязычный чередуется с мягким заднеязычным без палатализации: *пеку* — *пекём* — *пекёте*, *берегу* — *берегём* — *берегёте*.

5. В формах не 1 л. ед. ч. наст. вр. глаголов с основой на губной типа *сытать*, *дремать* остается инфинитивная основа без <л'>: *сытшишь* (*сытешь*), *сытит* (*сытет*), *дремшишь* (*дремешь*), *дремит* (*дремит*) при литературном *сыплешь*, *дремлешь* и т. п.

6. Форма инфинитива глагола *идти* звучит как *ит'йт'* [ит'йт'].

Перечисленные морфологические особенности тамбовского диалекта представлены в составе лексики народного православия. Наиболее выразительными в отношении интересующей нас лексики оказались колебания в роде у имен существительных, сохраняющиеся и в современном состоянии диалекта.

Особенно ярко проявляется тенденция к утрате категории среднего рода у существительных. Фиксируются двуродовые формы в названиях народного календаря в Им. п.:

Сретенье (ср. р.) — *Сретенья* (ж. р.)

Сдвиженье (ср. р.) — *Сдвиженья* (ж. р.)

Крещение (ср. р.) — *Крещенья* (ж. р.)

Вознесенье (ср. р.) — *Вознесенья* (ж. р.)

Сердохрестье (ср. р.) — *Сердохрестья* (ж. р.)

Полвиньё (ср. р.) — *Полвинья* (ж. р.).

В косвенных падежах эти формы приобретают окончания женского склонения: *на Сретенью, к Сердохрестью (пекут кресты), Полвиньёй пошла в церкву*. См.: «Тада на Раждяство и на Крищёню абедню служили рана. Тимно щё, а уже ат абедни приходють». Формы среднего рода полностью не исчезают и не переходят в другой родовой класс; употребление их лишь ограничено в диалекте.

Категория среднего рода поддерживается литературным языком, но оказывается излишней для диалекта. В нашем случае обычно в одной той же деревне сосуществуют два родовых варианта существительных. Вот запись из Ржаксинского района: «На третьей неделе в середу празник палвинья. Её фсихда́ щита́ють да абёда. Служут ф церкви. Пóсли службы идуть на сялú. У кавó скатина ни вóдица, у тавó и служут. Я в эт день пашла на палвиньё ф церкву, и ана [о дочке] са мной пашла. Патом на прудок, праслужили, што нужна» (Пах. Ржакс.). В первом употреблении

существительное *палвинья́* оформлено в женском роде, во втором, непрямом употреблении (вин. п.) то же слово изменится по среднему роду *на палвиньё́* (женское склонение диктует — *на палвинью́*).

Двуродовые формы существительных присутствуют в часто употребляемых названиях сроков календаря, церковных треб и таинств:

За́гвынье (ср. р.) — *За́гвынья* (ж. р.)

Соборвынье (ср. р.) — *Соборвынья* (ж. р.)

Причастие (ср. р.) — *Причастия* (ж. р.).

Сильная редукция заударных гласных в акающих говорах приводит к полному исчезновению первого заударного гласного и дальнейшему изменению [ъ] > в нуль звука: *за́гвынье* (*за́гвинье*) > *загвынье* (*за́гвинье*), *соборъвынье* > *соборвынье*.

Флексия среднего рода представлена как *-ьё* <'о>: *Засиньё́*, *Взнесеньё́* по сравнению с литературным *-ие* <'э>: *Вознесение*. Ср. также *евангельё́*, производительный вариант слова *евангелие*, записанный в северном Моршанском районе. Противопоставленность фонем <е> и <о> в позиции конца слова вызвана историческим переходом <е> в <о> и фонологизацией отношений между [е, о]. Слоги *t'o* < *t'e*, возникшие в результате этого исторического изменения в позиции на конце слова, распространились по законам грамматической аналогии, а не в силу действия фонетического закона перехода (перед твердым), поэтому изменение охватывает далеко не все слоги [Горшкова, Хабургаев 1981: 89].

Многочисленные фонетические варианты существительных также подвержены колебаниям в родовом оформлении: *солдохрестье* и *солдохрестья́*, *средохрестье* и *средохрестья́*, *Засиньё́* и *Засинья́*, *Взнесеньё́* и *Взнесенья́* (*Вознесение*), *Вздвиженье* (*Вздвиженьё́*) и *Вздвиженья́* и т. п.

Заемствования христианской лексики могут быть подвержены родовым трансформациям и переходу в женский род,

психологически объяснимому стремлением простонародного языка ввести церковное заимствование в речевой обиход своего узуса за счет определения родовой соотнесенности. Так, слово **кадило** употребляется с показателями ж. р. (**кадила**): «...Гришка говеть боится: Погонит меня, — говорит, — поп кадилой, а надо бы говонуть, как ни вертись!» [Шмелев 1996: 313].

Помимо колебаний среднего и женского родов, отмечены переходы слов мужского рода в женский и наоборот. Таково диалектное слово **проруб** (м. р.) в значении ‘прорубь на Крещение’: «Прорубь делали. В этом прорубе могли даже крестить детей. А делали его для здоровья. Говорили, кто в прорубе окунется, тому здоровье будет» (Кул. Тамб.). Как следует из примера, слово могло употребляться в разном родовом оформлении (**прорубь** (ее) **делали**, **в этом прорубе**). Местный падеж, которому в разных говорах русского языка свойственна противопоставленность флексий **-у**, **-е**, **-и** с разными правилами дистрибуции, имеет в данном случае окончание **-е**.

Ранее уже было отмечено существительное **молебна** или **молебена** с грамматическим женским родом: «Служыли ей малёбину [иконе Скорбящей Божией Матери]. Пёли и читали. Как канчáli, три разá йийó кунáli». «Па старинушке эт, при Никалашке делэ была. А мы, житили фсе, выносили стали на улицу и служыли малёбину». Само слово **молебена** в тамбовских говорах употребляется в двух значениях 1) ‘молебен во время церковной службы или после нее’; 2) ‘молебен в поле или у водоема по случаю засухи’. Родовое значение женского рода при этом сохраняется вне зависимости от лексического. Ср. во втором значении: «А леташный гот тоже даждя не была, ну ани и ни хадили. Вышли кто был нарот акуль церкви, сказали, што будить батюшка служить малёбину. Многа народу. И фсе абашли акуль церкви, акуль церкви служили. Прашила малёбина. И... вечер пашол доштэ».

Мену рода у существительных мы наблюдаем в названиях Николина дня: *Микола вешня* и *Микола вешний* (зимняя и зимний), *на вешнюю Миколу* (как в ж. р.) и *к вешнему Миколу* (как в м. р.). («*Огурцы можно было сажать 22 мая, на весеннего Миколу*» (Подг. Староюр.). «*Микола, ана 19 дикабря. И вясной Микола. Ана в гаду два разá бываить. Висёння Микóла, Зимня Микóла гаваряць*».

Такая трансформация свойственна, по-видимому, всем существительным мужского рода на *-ā (*Кузьма, Антипа, Зосима*): «*Бапка тада бывала на Кузьма питушка маладóва режить*» (вместо ожидаемого *на Кузьму*). В то же время «нормальное» мужское склонение на *ǫ обнаруживает в В. п. флексию -а: *Павел — на Павла, Петр — на Петра*.

В разряде прилагательных, склоняющихся по первому склонению, и существительных женского рода отмечается ослабление йотовой артикуляции в окончании им. п. и косвенных падежей, в результате чего утрачивается часть флексии: *весення (Микола)* вм. *весенняя, всеношна (всёнишна)* вм. *всенощная, моленна* вм. *моленная* (о человеке), тамб. *помянуца* наряду с тамб. *помянущая* («родительская суббота»).

Безударные окончания глаголов, которые в говорах центра и в северных говорах распределяются между 1-м и 2-м спряжением, в тамбовских говорах совпадают, образуя парадигму так называемого «общего спряжения». Общее спряжение нивелирует единственное устойчивое противопоставление нелабиализованного гласного неопределенного тембра [y] лабиализованному [y]. В форме 3-го л. мн. ч. обобщается окончание 1-го спряжения -ут: *сглазють* [сглас'ут']. Ср.: «*если человека сглазють, то он три раза плюёт чирис левая плячо*».

В окончаниях 3 л. ед. и мн. ч. личных форм настоящего и простого будущего времени присутствует мягкий согласный [т']: [гав'эйют'], [кст'át'], [атчйтвыйут'].

Своеобразие диалектного словообразования может создавать новые глагольные значения, несвойственные книжному языку. Так, в диалекте возможна видовая пара *говеть*, нес. в. — *говонуть*, сов. в., так как присоединением «суффикса однократности движения» *-ну-* создается новое для глагола значение мгновенного действия: глагольная словоформа *говонуть* указывает на мгновенность, целостность и завершенность действия. Приведем пример записи: *Говонуть, говонуться* [гавану́т', гавану́ца] — 'то же, что говеть'. «По научёнаму ни зна́йу, па на́шиму гавану́ть, гавану́ца». Для сравнения с тамбовским — пример из речи обывателя Замоскворечья 19 века: «...а надо бы говонуть, как ни вертись» [Шмелев 1996: 313].

Сокращения названий населённых пунктов Тамбовской области

Д.-М. Знам. — село Дуплято-Маслово Знаменского р-на
Кн. Морш. — село Княжево Моршанского р-на
Кр. Инж. — село Криволучье Инжавинского р-на
Кул. Тамб. — село Кулички Тамбовского р-на
Пах. Ржакс. — поселок Пахарь Ржаксинского р-на
Подг. Староюр. — село Подгорное Староюрьевского р-на
Ст. Сосн. — село Стёжки Сосновского р-на
Тр. Тамб. — поселок Тригуляй Тамбовского р-на

Литература

Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка: Учеб. пособие для ун-тов. М., 1981.

Дубровина С. Ю. Состав и системная адаптация лексики православия в русских диалектах (на материале тамбовских говоров): электронная монография. 2013 // <http://www.rfh.ru/index.php/ru/rezultaty/nauchno-populyarnye-izdaniya/216-scipop2012>

Клокова Л. Н. Категория рода в говорах Тамбовской области // Материалы к лингво-фольклорному атласу Тамбовской области. Тамбов, 1999. С. 37–44.

Шмелев И. С. Лето Господне. СПб.—М., 1996.

Синонимические ряды названий домашних животных в русских говорах Мордовии

Н. И. Ершова

В статье охарактеризованы названия домашних животных, функционирующие в русских говорах Мордовии; описаны синонимические отношения между ними.

Ключевые слова: существительное, диалектизм, синоним, говоры

Синонимический ряд в говорах, как и в литературном языке, образуют группы слов, связанные синонимическими отношениями. В него включаются слова с тождественным или близким значением, передающие сущность одного и того же понятия, закрепленные в говоре и представляющие неотъемлемую часть той или иной диалектной лексической системы. Принцип построения синонимического ряда основывается на различиях в семантике и эмоционально-экспрессивной окраске синонимов.

Названия домашних животных, функционирующие в русских говорах Мордовии, характеризуются исключительным богатством и разнообразием. Исследование данных лексем проводится на материале «Словаря русских говоров на территории Республики Мордовия». Их можно разделить на отдельные семантические группы, в рамках которых выделяются как небольшие и простые двучленные объединения синонимов, так и многочленные синонимические ряды.

I. Наименования домашних животных с обобщенным значением

В исследуемых говорах они могут обозначать:

— единичное домашнее животное: *собина* 'домашнее животное';

— совокупность домашних животных: *животина* 'домашний скот';

— домашнее животное по главенствующей роли в стаде: *вожай* 'животное, идущее впереди стада; вожак';

— домашнее животное по физическому состоянию: *кабысдох*;

— домашнее животное по индивидуальным свойствам — нраву, особенностям поведения и др.: *блудница* 'домашнее животное, не приученное к своему двору и отбивающееся от стада'; *хлыстуша* 'домашнее животное, не приученное к своему двору'. Напр.: *У нас Зорькэ така хлыстуша, вчерась цельный вечер искалэ* (Говорово, Старошайговский район);

— домашнее животное/их совокупность по возрастному признаку: *молодняк* 'молодые животные'; *годовик* 'годовалое животное'; *полутор, полторник* 'полторагодовалое животное'. Напр.: *Хачю на той нидели з гэдэвком нэ базар итти* (Карпеловка, Торбеевский район).

Как видим, диалектизмы с обобщенным значением составляют два синонимических ряда. Первый ряд включает в себя абсолютные синонимы *полутор* и *полторник*, выступающие в значении 'полторагодовалое животное'. Напр.: *У них тилёнэк вон уш какой, палутэр* (Муравлянка, Ельниковский район); *Пригани палутэрникэ ф канюшню* (Красногорное, Чамзинский район).

Второй ряд составляют семантические синонимы *блудница* 'домашнее животное, не приученное к своему двору и отбивающееся от стада' и *хлыстуша* 'домашнее животное, не приученное к своему двору'. Как видим, в смысловую структуру диалектизмов *блудница* и *хлыстуша* вхо-

дят общие семы ‘домашний’, ‘животное’, ‘не приученный’, ‘свой’, ‘двор’. Помимо них, лексическое значение существительного *блудница* содержит компоненты: ‘отбивающийся’ и ‘стадо’. Напр.: *У дяди Симёна каровъ-тѣ блудницѣ — так з ботълѣм ы ходит фсе лето* (Кайбичево, Краснослободский район); *Ну у нас каровѣ и хлыстуша, сама никогда домой ни придѣт* (Говорово, Старошайговский район).

II. Наименования взрослых особей домашних животных

1. Названия коровы

Диалектизмы, составляющие данную подгруппу, представляют собой:

— общее наименование коровы: *трубеха* ‘корова’;

— наименования коровы по степени удойности: *цyrкyшкa* и *недоенка* (во 2 значении) ‘корова, дающая мало молока’. Напр.: *И чаво эту цyrкyшкy диржать, толку никаковѣ, держут вить* (Русские Найманы, Большеберезниковский район);

— наименования коровы по отношению к отѣлу: *дромка* и *первак* ‘первотельная корова’; *недоенка* (в 1 значении) ‘молодая, еще не телившаяся корова’. Напр.: *Коровъ-тѣ у меня есть, дѣ недоёнкѣ, ни телмлѣсь шиѣ* (Маколово, Чамзинский район);

— наименование коровы по масти: *рыжонка* ‘корова рыжей масти’;

— наименования коровы по особенностям поведения: *брыжуша*, *пыряка*, *пырючка*, *пырячка* ‘бодливая корова’. Напр.: *Коровѣ наша пырякѣ* (Селищи, Краснослободский район).

В связи с тем что в сельской местности большое значение имеет удойность и появление потомства у домашних животных, наиболее распространенными в русских говорах Мордовии являются диалектные наименования, характеризующие

телившуюся или нетелившуюся корову, а также корову, дающую мало молока.

Рассмотренная подгруппа включает в себя три синонимических ряда, члены которых выступают в качестве абсолютных синонимов:

1. **църкушка, недоенка** ‘корова, дающая мало молока’ [*У саседий вот църкушка, сафсем нет мзлака ат ние* (Русские Найманы, Большеберезниковский район); *У нас ф колхози сафсем нет нидоёнкзф, породисты фсе* (Маколово, Чамзинский район)];

2. **дромка, первак** ‘первотельная корова’ [*Стару карову прадаць надз, а дромку купить* (Шигаево, Старошайговский район); *Стару прздада карову-тз, купилз мзладу, ищэ пирвак* (Рязановка, Старошайговский район)];

3. **брыкуша, пыряка, пырючка, пырячка** ‘бодливая корова’ [*Кака у вас коровз-тз брыкушиз* (Челмодеевский Майдан, Инсарский район); *Хужы нет пыряку иметь* (Красные Поляны, Ардатовский район); *К этэй пырючки у нас Ванькз и ни патходит, баиццз* (Тазино, Большеберезниковский район); *Зорькз у нас эх ы пырячкз, пака даиш, намучиши с ней, раз уш видро пиривиринула* (Веденяпино, Теньгушевский район)]. Как видим, большинство членов данного синонимического ряда относится к словообразовательным синонимам, различающимся суффиксами.

2. Названия быка

В русских говорах Мордовии представлено два существительных со значением быка, в смысловой структуре которых содержится указание на способность воспроизводить потомство. Они составляют двучленный синонимический ряд: **пороз** ‘бык-производитель’, **бугай** ‘племенной бык’. Напр.: *А таперичи адин порзс в диревни* (Новоямская Слобода, Ельниковский район); *Ну и силён у тибя бугай, сасет* (Смольково, Лямбирский район).

3. Названия лошади

Диалектизмы, составляющие данную подгруппу, включают:

— наименование лошади по возрасту: *напретьяк* 'трехгодовалая лошадь';

— наименования лошади по породистости, особенностям хода: *доброход* 'рысистая лошадь', *колдысталь* 'рабочая лошадь особой породы, тяжеловоз'.

Данные лексемы в русских говорах Мордовии не связаны синонимическими отношениями и не вступают в синонимические ряды.

4. Названия овцы

Эту подгруппу составляют:

— наименования с обобщенным значением: *бася*, *бляшка*, *кырячка* 'овца'. Напр.: *Вон бляшкэ ис стадэ дамой ни пришла, биги фстичать* (Карпеловка, Торбеевский район);

— наименования овцы по возрастному признаку: *старица* 'старая овца', *ярушка*, *перетока* (во 2 знач.) 'молодая овца, ярка'. Напр.: *Старицэ фтарой гот ни ягницицэ. Хватит иё дарэжать, прадать надэ* (Усыскино, Инсарский район); *Три пиритоки в зиму пускали — апять адна ни абьягнилэсь* (Тазино, Большеберезниковский район); *Мы фчяра ярушку зарезэли* (Атемар, Лямбирский район);

— наименования овцы по способности к воспроизведению потомства: *перетока* (в 1 знач.), *полуярок* 'необьягнившая овца'. Напр.: *Афца, коли ф первый год-эт ни абьягницицэ, то пиритокэ* (Чеберчино, Дубенский район); *Палуяркэ — этэ офца, которэ не ягницицэ* (Чеберчино, Дубенский район).

Данные диалектизмы составляют три ряда абсолютных синонимов:

1. *бася*, *бляшка*, *кырячка* 'овца' [*Этэй басы уи фтарой гот* (Горайновка, Кочкуровский район); *У миня три бляшки*

фсяво-нафсивъ (Карпеловка, Торбеевский район); *Вон та белинькъ кырячкъ нашъ* (Говорово, Старошайговский район)];

2. *ярушка, перетока* (во 2 знач.) ‘молодая овца, ярка’ [*Третий гот ярушкъ ялвѣв хадила* (Атемар, Лямбирский район); *Этъ пиретокъ племѣннѣя у нас* (Пичеуры, Чамзинский район)];

3. *перетока* (в 1 знач.), *полуярок* ‘необъягившаяся овца’ [*Летъсь сугягъ была, а нонишний гот афца у нас пиритокъ* (Веденяпино, Теньгушевский район); *Ф прошлѣм гаду абъягнилѣсь, а в этѣм нет, вот иѣ пѣлуярок и завут* (Чеберчино, Дубенский район)].

5. Названия барана

Это лексемы *валун, валух, валушок*, функционирующие в русских говорах Мордовии со значением ‘кастрированный баран’ и составляющие две синонимические пары. Члены первой пары *валун* — *валух* выступают в качестве абсолютных синонимов [*Токъ вѣлуноф вѣ дваре нескѣлькѣ былѣ* (Чеберчино, Дубенский район); *Валухъ ф праздник ели, уи больнѣ фкусный был* (Кулишейка, Рузаевский район)], члены второй пары *валух* — *валушок* — в качестве эмоционально-экспрессивных синонимов, поскольку слово *валушок* дается в «Словаре русских говоров на территории Республики Мордовия» с пометой «ум.-ласк.» (СРГРМ 2013: 63) [*Пѣглитити, у миня больнѣ скатинь-ти нет, рази ярка дѣ валух* (Кулишейка, Рузаевский район); *Аднаво вѣлушка прѣдала, уи больнѣ старинький он* (Усыскино, Инсарский район)].

Слово *бурбуль* с обобщенным значением ‘баран’ синонимов в исследуемых говорах не имеет. Напр.: *Нидалецъ мой бурбуль пасѣцѣв. Малѣ кто их, бурбулий-тѣ, доржыт* (Мельцаны, Старошайговский район).

6. Названия козы

Данные диалектизмы представлены существительными *козичка* и *цыба* с обобщенным значением 'коза', входящими в ряд абсолютных синонимов. Напр.: *У маей казичьки мѡлако густоя, вас паить буду* (Ямщина, Инсарский район); *Пѡгляди, фсѣ ли съелѡ цыбѡ наша* (Селищи, Краснослободский район).

7. Названия свиньи

Данные лексемы представлены единичными наименованиями *окся* 'свинья' и *крѣх* 'самец свиньи, хряк', не вступающими в синонимичные отношения.

III. Наименования детенышей домашних животных

Наименования детенышей домашних животных (особенно копытных млекопитающих) в русских говорах Мордовии характеризуются исключительным богатством и многообразием, что свидетельствует об особом внимании, которое им уделялось. При этом название дается по какому-либо характерному признаку: времени рождения, возрасту, особенностям поведения, хозяйственному предназначению. Встречаются диалектизмы, обозначающие детенышей, которые еще питаются материнским молоком. Следует подчеркнуть, что для диалектоносителей этот факт является основным, поэтому в процессе номинации даже отношение животного к определенному роду или виду (теленок, жеребенок и т. д.) может не актуализироваться, напр.: *молочник, молочничек* (= детеныш животного, еще сосущий матку) (см. [Мочалова 2010: 400]).

Синонимы *молочник* и *молочничек*, обладающие идентичным значением 'детеныш животного, еще сосущий матку', составляют двучленный синонимический ряд. Причем второй член указанного ряда дается в «Словаре русских

говоров на территории Республики Мордовия» с пометой «ум.-ласк.» (СРГРМ 2013: 541), следовательно, данные синонимы являются эмоционально-экспрессивными. Напр.: *У нас два малошника: тилёнък и жэзрибёнък* (Новые Русские Пошаты, Ельниковский район); *У соседий молошничик нэродилси, хорошнькэй такой жэзребёнък* (Мичурино, Чамзинский район).

В русских говорах Мордовии можно выделить следующие подгруппы наименований незрелых домашних животных:

1. Названия жеребят

Отметим, что в литературном языке существует только одно название для незрелой лошади — *жеребенок*. Что же касается диалектов, то в них функционируют многочисленные названия жеребенка, соответствующие его трем возрастным периодам (трем первым годам жизни). Для первого периода характерны лексемы *сосун, сосок, лошонок, лошак*; для второго периода — *стригач, стриган, стригун, летошник, полуторник*; для третьего периода — *третьяк, трехлеток, учка, первопашка, гуляк, бороньш, боронник, бороновалка* и др. Такое выделение возрастов характерно почти для всего южного наречия, для многих среднерусских говоров и части говоров северного наречия. В некоторых диалектах встречается и более дробное членение для периодов незрелой лошади, напр.: *сосун / жеребенок — стриган / стригач / лоншак / одногодок — боронка / бороньш / боронник / третьяк — соха / сошка / сошник / первопашка* и др. Причем это членение может усложняться различиями по полу: *кобылка / жеребушка / жеребулька — жеребчик / жеребок* или *лоншачка — лоншак, третьячка — третьяк* (см. [Касаткин 1999: 39–40]). Некоторые из указанных выше наименований жеребенка представлены и в русских говорах Мордовии.

В исследуемых говорах функционируют следующие существительные, обозначающие жеребенка:

— наименования с обобщенным значением: *солеженок*, *шенька*, *копяшка* ‘жеребенок’, составляющие ряд абсолютных синонимов. Напр.: *Ой, какой гажой каняшкэ!* (Тройни, Краснослободский район); *Шэнькэ токэ фчара пъявилси на свет* (Береговые Сыреси, Ичалковский район); *Надэ сзмижонкэ нэкармить* (Пичеуры, Чамзинский район);

— наименования по возрастному признаку: *выросток* ‘жеребенок до года’; *лонцак*, *лонщачок*, *стриганок*, *стрижен* ‘годовалый жеребенок’ — *стриган*, *стригун* ‘двухгодовалый жеребенок’ — *третьяк*, *трюлетка* ‘трехлетний жеребенок’.

Как видим, все существительные, обозначающие различные возрастные периоды жеребенка, в русских говорах Мордовии вступают в синонимические отношения. Исключение составляет лексема *выросток* в значении ‘жеребенок до года’. Напр.: *Пака жырибёнку годэ нет, яво вырвсткэм нэзывают. Снацалэ вырвсткэм завут, а патом стрыгунком* (Стародевичье, Ельниковский район).

Самым многочисленным является синонимический ряд со значением ‘годовалый жеребенок’, включающий в себя абсолютные синонимы *лонцак*, *стриганок*, *стрижен*, по отношению к которым диалектизм *лонщачок* (с пометой ум.-ласк.) выступает в качестве эмоционально-экспрессивного синонима. Напр.: *Вон лэнцаку первый рас ноги спутэли* (Авгуры, Старошайговский район); *Прошлым летэм у нас стриганок пропал ф колхози: одбился от матери и пропал* (Мичурино, Чамзинский район); *Харош наши стрижэн* (Плужное, Краснослободский район); *Летэсь купили лэнищичька* (Атемар, Лямбирский район).

Диалектизмы *стриган* — *стригун* ‘двухгодовалый жеребенок’ и *третьяк* — *трюлетка* ‘трехлетний жеребенок’ составляют двучленные объединения абсолютных синонимов. Напр.: *Стриган збалел у миня* (Муравлянка, Ельниковский район); *Резвый был стригун, стройный* (Куликово, Теньгушевский район); *Дли калхозэ ришыли купить три-*

тъяка (Новоникольское, Ельниковский район); *Када жэри-бёнку три года, звали яво трюлеткэ* (Русские Дубровки, Атяшевский район).

2. Названия телят

Данные существительные в русских говорах Мордовии можно разделить на две подгруппы:

— наименования по отношению к отёлу: *переходница* ‘телка, не телившаяся до трех лет’. Напр.: *Бывалэ пирихон-ницэф даржали — харошэ каровэ будит, а нони нет, здают гэсударству* (Рязановка, Старошайговский район);

— наименования по возрастному признаку: *полянник* ‘теленки в возрасте от семи-восьми месяцев до полутора лет’ — *подтелка* ‘телка в возрасте до года’, *подтелок* ‘теленки в возрасте до года’ — *тпрусенька* ‘годовалая телка’, *слеток* ‘годовалый теленок’ — *полторница*, *полтреница* ‘полуторагодовалая телка’ — *третьячка* ‘трехгодовалая телка’. Напр.: *Палянник — этэ тилёнэж, летэм он пасёцэж, вот и палянник* (Сивинь, Краснослободский район); *У нас была ф ту пору каровэ и паттёлкэ* (Польцо, Ковылкинский район); *А летэм ы поттёлкэ нэродился у нашэй Дарьки* (Киржеманы, Большеигнатовский район); *Доцкэ, ты выйди фстрецать нашу тпрусиньку* (Говорово, Старошайговский район); *Слеткэ зарезу дэ прадам, или гэсударству здам, токэ и дилоф* (Рязановка, Старошайговский район); *У нас на ферми тритъячкэжэ много. Тритъячкэки толькэ ф три годэ* (Тарханово, Ичалковский район).

Как видим, среди наименований телят наблюдается более дробное членение для возрастного периода от рождения до трех лет, чем у наименований жеребят. В отдельных случаях данное членение может усложняться различиями по полу животного: *подтёлка* / *подтёлок*, *тпрусенька* / *слёт-ток*. Однако, несмотря на многочисленность существительных, обозначающих телят в русских говорах Мордовии, в синонимические отношения они практически не вступают. Так,

можно отметить лишь один ряд, состоящий из абсолютных синонимов: *полторница* и *полтпреница* ‘полторагодовалая телка’. Напр.: *Полтърнициз — этъ тёлкъ пълтора годъ, вот её и зовут полтърницизй* (Суподеевка, Ардатовский район); *У мамы-ти полтпреницъ была* (Грибоедово, Кочкуровский район).

3. Названия ягнят

В русских говорах Мордовии эту достаточно большую подгруппу представляют:

— наименования ягненка с обобщенным значением: *яг-нак, ягнок, ярчонок, котенок* ‘ягненок’. Напр.: *Вот у саседий ягнак нърадилси, схадити, пългидити* (Казенный Майдан, Ковылкинский район);

— наименования ягненка по времени появления на свет: *весенничек* ‘ягненок, родившийся весной’; *осенник, осенничек, осенчук, поярка, поярочка* ‘ягненок, родившийся осенью’. Напр.: *С паяркъх шэрсть асобья* (Такушево, Теньгушевский район).

Как видим, все существительные, обозначающие ягненка, в исследуемых говорах вступают в синонимические отношения. Исключение составляет лексема *весенничек* в значении ‘ягненок, родившийся весной’. Напр.: *У миня два висенничкькъ ат адной афцы, дъ адин асенничик — вот ы три* (Салма, Ромодановский район).

Довольно многочисленным является синонимический ряд со значением ‘ягненок’, включающий в себя абсолютные синонимы *ягнак, ягнок, ярчонок* и *котенок*. Напр.: *У нас два ягнака дъ авца* (Казенный Майдан, Ковылкинский район); *Ана (собака) вон какая здаровзя, дави г Гурёвым залезлъ, чють двух йигнакох ни загрызлъ* (Паньжа, Ковылкинский район); *Ярчонък на той нидели нърадилси, больно слабинький ищё* (Береговые Сыреси, Ичалковский район); *У афцы-тъ катятъ, я их в ызбе даржу* (Еремеево, Лямбирский район).

Диалектизмы, называющие ягненка, родившегося осенью, составляют два ряда абсолютных синонимов:

1. **осенник, осенчук, поярка** [*Коли осинью радилси, так и асенник* (Кочуново, Ромодановский район); *У миня два асинчюка дъ висной три баранъ офцы абъигнили* (Усыскино, Инсарский район); *Прадайти-къ мне паярку адну* (Кочелаево, Ковылкинский район)];

2. **осенничек, поярочка** [*Нидавнъ асенничкъ купили, пбглитити, какой белинький* (Салма, Ромодановский район); *Паярчкъ у нас умирла, так жалкъ иё былъ, кто знат пбчиму* (Каменный Брод, Ельниковский район)].

Причем, члены второго синонимического ряда выступают по отношению к членам первого синонимического ряда в качестве эмоционально-экспрессивных синонимов, поскольку в «Словаре русских говоров на территории Республики Мордовия» характеризуются пометой «ум.-ласк.» (СРГРМ 2013: 737, 947).

4. Названия поросят

Данные диалектизмы в русских говорах Мордовии составляют многочленный ряд абсолютных синонимов с обобщенным значением ‘поросенок’: **барюран, чуня, чунек, чунька, тюсек, зюкай**. Напр.: *Три бзрюранъ хрюкают в хливу* (Слободские Дубровки, Краснослободский район); *Вон у соседий как чуня вижжит, аш здесь слыхатъ* (Киселевка, Zubovo-Полянский район).

Диалектные слова **зимнюх** ‘поросенок, проживший зиму’ и **откормыш** ‘откармливаемый на убой поросенок’ синонимов в исследуемых говорах не имеют.

5. Названия козлят

В русских говорах Мордовии встретилось единичное наименование козленка **козёлик** ‘детеныш козы’, не вступающее в синонимические отношения. Напр.: *Казёлик на улицу выбик* (Такушево, Теньгушевский район).

IV. Наименования животных и их детенышей, живущих при доме

В русских говорах Мордовии указанные существительные можно разделить на несколько подгрупп:

1. Названия кошки

В данную подгруппу входят диалектизмы, характеризующие особенности поведения и нрава животного: *хлын* 'проказливая кошка' и *мышеловка* 'кошка, хорошо ловящая мышей'. Напр.: *Ну у них Машкэ и хлын, то цвiток апракинит, то на стол залезит* (Говорово, Старошайговский район); *Кошка у миня куда-тэ делась, така мышелофкэ была* (Старая Михайловка, Ромодановский район).

2. Названия собаки

К ним относятся существительные, обозначающие собаку и ее породу: *тявка* 'собака' и *гончарка* 'гончая собака'. Напр.: *Наша тяфкэ харошэя, никада зря ни брешыт* (Ямщина, Инсарский район); *Нету гончарки, куда прапала, ни знаю* (Пичеуры, Чамзинский район).

3. Названия щенка

К диалектизмам, обозначающим щенка, относятся лексемы *кутёк*, *пащенок*, *собачонок*. Напр.: *Адгани кутэка-тэ* (Красино, Дубенский район).

Наименования котят в русских говорах Мордовии, по видимому, не функционируют.

Ряд абсолютных синонимов составляют существительные, обозначающие щенка: *кутёк*, *пащенок*, *собачонок*. Напр.: *Кутэки-тэ сляпыя ща* (Атемар, Лямбирский район); *Ты этэвэ пацэнкэ ни бойси, он ласкэвый, ни укусит* (Старо-

девичье, Ельниковский район); *Ат саседий сбачонкэ взяли, тинерь вот у нас жывет* (Внуково, Кочкуровский район).

Что же касается остальных наименований животных и их детенышей, живущих при доме, то они в русских говорах Мордовии синонимичных рядов не образуют.

Следует отметить, что синонимия в русских говорах Мордовии тесно связана с полисемией. Дело в том, что многозначное существительное, входящее в рассматриваемую группу, в разных своих значениях может входить в различные синонимические ряды. Так, диалектное наименование **недоёнка** является членом двух синонимических рядов. В первом значении ‘молодая, еще не телившаяся корова’ оно синонимично существительному **перетока**. Во втором значении ‘корова, дающая мало молока’ лексема **недоёнка** является абсолютным синонимом диалектизма **циркушка**.

Как видим, в основу номинации кладутся наиболее значимые для диалектоносителя признаки и характерные действия животного, что и объясняет существование большого количества слов, называющих домашнее животное в русских говорах Мордовии и входящих в многочисленные синонимические ряды.

Литература

Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.

Мочалова Т. И. Наименования домашних животных в русских говорах Республики Мордовия // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2010. СПб., 2010. С. 397–403.

Лексика питания в пермских говорах: мясомолочные продукты^{*}

Ю. В. Зверева

Статья посвящена изучению названий тематической группы «Питание» в русских говорах Пермского края. В статье рассматриваются наименования мясных и молочных продуктов, а также блюд из них. В этих названиях нашли отражение особенности и условия жизни русских.

Ключевые слова: пермские говоры, питание, мясные продукты, молочные продукты

Пища была и остается важным элементом материальной культуры народа, она отражает социальные отношения людей, особенности быта и хозяйствования, природно-климатические условия проживания носителей языка. Лексике питания в русских говорах посвящены работы К. И. Демидовой, С. В. Дмитриевой, Т. В. Карасевой, И. С. Лутовиновой и других. В работах Г. В. Судакова и И. С. Лутовиновой эта тематическая группа рассматривается в диахроническом аспекте. Е. Н. Полякова исследовала лексику питания на материале пермской ономастики, а также памятников письменности [Полякова 2009а, 2009б].

Предметом анализа в данной статье стали языковые единицы, называющие мясные и молочные продукты, а также блюда из них. Для традиционного русского стола было

---

^{*} Исследование выполнено при финансовой поддержке грантов РГНФ 12-34-01043 «Традиционная культура Пермского края по данным лексики говоров и памятников письменности Пермского края»; РГНФ 14-04-00437 «Свое» и «чужое» в условиях межкультурного взаимодействия (на материале памятников письменности, живой речи и ономастики Пермского края)».

характерным противопоставление пищи по признаку постное/скоромное, оно отражало особенности быта русского крестьянина. В пермских говорах для названия постной пищи использовалось слово *пóстно(е)* «*В промёжгонье молосное едим, а потом постное готовить надо*». Бельских Сол. (СПГ 2: 232); для пищи животного происхождения *ско-рбóмное* «*На Троицу ели скоромное: селянки делали рисовые, можно и картофельные, булочки, торта, супа*». Вильгорт Черд. (КСРГСПК) и *молóбно(е)* «*Три недели в рот ничё молосного не бирала: ни мяса, ни яичка*». Толстик Сол. (СПГ 1: 522). Отражается это противопоставление и в названиях конкретных кушаний. Так, к лексеме *шти (щи)* часто добавлялось определение *молóбные* (с мясом) или постные (*тóлстые, толстопъятые*).

Е. Н. Полякова отмечает, что в питании жителей Верхнего и Среднего Прикамья большую роль играли мясной и молочный стол, их роль особенно возрастала в холодные, неурожайные годы [Полякова 2009б: 5]. Данные пермских говоров показывают, что лексем, называющих мясомолочные блюда, не меньше, чем называющих кушанья из растительных продуктов.

Мясные блюда готовились с помощью тушения (томления в печи), жарения и варки, в пермских говорах отмечены такие языковые единицы: *жарёха* «*Поросят не продавали, сами жарили жарёху*». Занино Киш. (СПГ 1: 253); *печёное мясо* «*В мясоед молосная пища: жареное мясо и пецёное*». Кикус Черд. (КСРГСПК); *тушёнка* ‘мясо, тушённое с картофелем и луком’ «*Картошку нарежем и мясо на маленьки кусочки, лук. Это называется тушёнка*». Акчим Краснов. (Акчим. сл. 6: 55); *холодное мясо* «*Холодное мясо — это просто сварёно мясо, только холоднее*». Пянтег Черд. (КСРГСПК). Для долгого хранения мясо солили, а потом использовали для приготовления блюд: «*Мясо осолят и в леднике летом держат. Это погреб, туда снегу набьёшь*». Вогулка Ус. (СПГ 2: 51). Соленое мясо называ-

ли *солониной* и *солонинкой*: «Чё-ко вы не или солонинку-ту?» Краснов. «Давай кушай солонину». Сыпучи Краснов. (КСРГСПК). Одним из способов заготовки мяса было вяление. Е. Н. Полякова отмечает, что в пермских памятниках письменности вяленое мясо называлось *провеслым*, однако в современных пермских говорах это слово не сохранилось [Полякова 2009б: 7]. Сам же способ заготовки мяса жители Прикамья использовали: «Мясо томили. Где-то оно на голубнике, на вышках весится. Не шибко большими кусками, просолено. Не сильно — чтобы можно варить». Сивково Сукс. (СРГЮП 1: 191).

Мясная пища не была повседневной, часто она готовилась в праздники: «Кушанье почётно. Капушка с жарким, мясо в сале нажарят». Купчик Черд. (КСРГСПК). «И вот праздник — дак капуста квашеная — рубленка, мясо отварное, вот его разделашь как на нитки-то эти, и вот перемешашь и вот это было на столе». Ножовка Част. (СРГЮП 3: 50). Мясные блюда были обязательны на свадебном столе, в одной из записей диалектоносители говорят о том, что их должно быть двенадцать: «Одного мяса, чтобы было двенадцать переменных мяс (на свадьбу)». Пянтег Черд. (КСРГСПК). В этнографических записях П. С. Богословского (1926) отмечаются такие свадебные блюда: «Обед после венца: рыбный пирог, студень (холодное), холодное мясо с хреном, окорок, заушица, ноги, язык, щи, лопатка жареная, середка жареная, холка жареная, поросенок жареный, пирожное (хворост), вахли, картофельная селянка, гороховая селянка, морковная селянка, селянка с рыбьей икрой, просовая селянка, картофельный кисель». Каловая Александр. (ЭССТСП: 158). В диалектных материалах зафиксированы названия различных мясных блюд свадебного стола: *голова* 'блюдо из телячьей головы, которое подают на свадьбу' «К свадьбе уж завсегда голову ладили: телячья голова, в неё мяса накладывают, как на пельмяни сделают, подают на сковороде, а сперва-то её обдирают и обваривают кипятком».

В. Мошево Сол. (ЭССТСП: 42); *гўска* 'куриный зад, обязательное блюдо для молодых' «*Курицу, гуску (детородный орган у курицы считается) обязательно чтоб жених съел с невестой. В свадьбу молодым давали*». Никольское Караг. (ЭССТСП: 44); *лытка* 'обрядовая еда на обручении' «*В обручение подавали лытку — тонкую кость окорока, украшена цветной бумагой*». Черд. (ЭССТСП: 85); *поросёнок* 'зажаренный целиком, фаршированный поросенок' «*Поросёнка подавали в начинённом виде (на свадьбе). Поросёнок пекётся и мясо пекётся. Мясом начиняют*». Пянтег Черд. (КСРГСПК). «*Поросёнка на свадьбу только начиняли салом, крупой и запекали в печке — так, проста*». Ленск Кунг. (СРГЮП 3: 166).

Любое блюдо с добавлением продуктов животного происхождения могло стать свадебным, так, часто подавали на свадьбе холодец, в говорах для его обозначения используются лексемы: *студень* «*Мы студенью раньше звали холодец*». Илаб Сол. «*Суп наливают, студень тожно несут*». Кикус Черд. (КСРГСПК); *холодѣц* «*Холодец из ножек варят. Рубят мелко. Кушанье почётно*». Купчик Черд. «*Пирог рыбной на свадьбе, холодец, пиво*». Камгорт Черд. (КСРГСПК); *холóднее* «*Холоднее подавали (на свадьбе), раньше холоднее звали*». Пянтег Черд. «*Холоднее состряпашь. Ножки изладишь, голова ли чё ли. Изрубишь, сваришь*». Анисимово Черд. (Там же); *холўня* «*Холунья, ли студень, делают цеснок*». Велгур Краснов. (Там же). «*Готовили в качестве праздничных блюд также лапшу и пельмени: Лапша сальная была на свальбах. Гольное сало сваришь, лапшу спустишь*». Вильва Сол. (СПГ 1: 465); «*На третий день свадебжаны пельмени стряпают, это выгонишыжки называются*». Кикус Черд. (КСРГСПК). «*На второй день гостей угощать уж заставляют, пельмени варить. Никто не мешал, пельмени уже настряпаны были, морожены. Вот постряпушки, пироги, каравачи-разборники*». Берёзовка (СПГ 2: 186). В Юрлинском районе Пермского края готовили особое свадебное

блюдо — *заветные пельмени*, по которым гадали о судьбе: «*Во второй день у нас ещё пельмени заветные стряпали, по ним загадывали, исполнится желание или нет*». Пож Юрл. (ЭССТП: 108).

Пельмени — одно из самых распространенных мясных блюд как повседневного, так и праздничного рациона в Пермском крае. Е. Н. Полякова отмечает, что «пельмени с древности были распространены в Прикамье, они были удобной пищей для охотников, зимой уходивших на промысел надолго и далеко» [Полякова 2009а: 12]. Пельмени часто становились также блюдом поминального стола: «*Раньше всё на поминках три ествы только делали. Дак вот пирог, пельмени и шти молосны ле ну и суп. Вот и всё*». Усть-Уролка Черд. (КСРГСПК).

С мясом готовили также супы. В пермских говорах противопоставлялись лексемы *похлёбка*, *похлебёнь*, *похлебёц* ‘суп без мяса’ «*Ежели мяса не накладено — похлёбка*». Купчик Черд. «*Похлёбка — картошка, вода и лук. Суп — ишо мяс*». Тиуново Гайн. «*Без мяса — похлебец, картошки положат, капусты, раньше шти варили*». Камгорт Черд. (КСРГСПК) и *суп* ‘жидкое блюдо на мясном бульоне’ «*Похлёбку налили. Щи заправлены, суп заправлен, а похлёбка — капуста, картошка*». Редикор Черд. «*Суп. Накрошила мяса. Похлёбка не суп, отличается*». Половодо Сол. (КСРГСПК). Лексема *щи* (*шти*) могла обозначала различные виды жидких блюд: *молосные шти* ‘щи с мясом’ «*Шти молосные, суп нонешной*». Редикор Черд. (КСРГСПК). «*Молосные шти завсегда с мясом, хоть капустой, хоть крупой заправишь*». Толстик Сол. (СПГ 2: 561); *толстые (отрёпные, постные, толстопятые) шти* ‘похлебка с перловой крупой, обычно с добавлением простокваши или сыворотки’ «*В нескольких водах (крупу) вымоешь и кипятить. Потом в тарелку можно сметаны, это толстые шши, или постные*». Пянтег Черд. (КСРГСПК). «*Бабушка шти отрёпные сварила в русской печке, из толстой*

крупы, сейчас поедим со сметаной». Юм Юрл. (СРГКПО: 268). «*Ишо мы ячмень, овёс запаривали в пече да стряпали постные шти*». Акчим Краснов. (Акчим. сл. б: 240). «*А суп какой варили? — Ну когда чё положишь. Когда гроху, когда рису с мясом, молочные шти, а постные — толстопятые шти зовутся*». Черд. (КСРГСПК). Таким образом, в названиях жидких блюд также проявляется противопоставление по признаку постное/скоромное.

Употребляли в пищу *сало*, его солили и коптили: «*Солила сало. Я луковой шелухе солила, мне нравится. Раньше солили просто. У папки был ящичок литовой. Слой сала кусочкам наложит и сверху соли, чеснок, и всё, сверху придавит*». Ножовка Част. (СРГЮП 3: 120); «*Кабанчиков много держат на сало*». Бондог Черд. (КСРГСПК). Однако данные пермских говоров показывают, что чаще этот продукт использовали для жарки, предварительно его могли вытапливать: «*А в подойницах-то вот сало топят, да чё, а через рожок сливают. Подойницу-то для топки сала брали*». Черновское Больш. (СПГ 2: 126). В пермских говорах зафиксировано несколько лексем, имеющих значение 'остатки, полученные при вытапливании сала': *вы́топки* «*Сало жарить, остаются вытопки*». Покча Черд. (КСРГСПК); *отопки* «*Отопки останутся, сало топят дак; картошку в их жарят, в отопках-то*». В. Мошево Сол. (СПГ 2: 59); *ошурки* «*Ошурки называли после топки сала нутряного. Сало толёно сливашь, ошурки остаются*». Кривец Ильинск. (ДАК-ТиПЯ); *сморчки́* «*Сало перетопят, нарежешь мелконько, растоплятся, сморчки-те остаются — поросёнку снесёшь*». Половодово Сол. (КСРГСПК).

В пищу употребляли также кушанья из мясных субпродуктов и говяжьей крови. Внутренности животных обычно использовали для приготовления супов, пирогов, холодца. Кроме литературного слова *сбой* 'голова, ноги и внутренности убитого животного, употребляемые как пища' (Ожегов 2008: 698), собирательное обозначение субпродуктов имеют

в пермских говорах лексемы **бой** «*На печке из боя пирожки жарили. Сваришь, и жарилъ в печке, перепечки звали*». Тюинск Окт. (СРГЮП 1: 65); **осёрдие** ‘употребляемые в пищу внутренности убойных животных’ «*Осердьё всё вместе: сердце, печень, легкие — сварят, изрубят и пироги делают*». В. Мошево Сол. (СПГ 2: 49). «*Из коровьего осердя варили похлёбку: лёгкое, сердце, печень*». Покча Черд. (КСРГСПК); **печёнки** ‘требуха животного (сердце, легкие, печень, почки)’ «*Уже люди печёнки несут, а ты на охоту идёшь*». Романово Ус. (СПГ 2: 97); **пóтпрох** «*Сбой — весь потрох в животном, там и лёгкие, и сердце*». Ныроб Черд. «*Из капусты пироги делают, из потроха из скотского, из осердия*». Купчик Черд. (КСРГСПК); **смóлость** «*Летось курицу зарубили, дак смолость-то шибко уж была жирная. Я желудок вылуплю, зерно вытрясу, сдору кожу-ту, дак мясо-то и сало шибко сладкоё. Из лесу грибов нарубили да смолости-то положили, дак какие сладкие пироги-то были*». Толстик Сол. (СПГ 2: 359).

Из внутренностей домашних животных готовили похлёбку, которая называлась **ушно́** «*Ушино из ливера, в виде супа. Сначала сварят, изрубят. А потом кушают*». Камгорт Черд. «*Сварят лёгкое, осердые, ушно получается*». Кикус Черд. (КСРГСПК). Кроме пермских говоров, лексема **ушно(е)** с этим же значением отмечается в говорах Среднего Урала, а также в северо-западных русских говорах, в которых может обозначать суп, мясной навар, лапшу (Даль 4: 1123). Слово является производным от **уха** со значением ‘отвар, навар, похлебка’ (Шапошников 2: 467).

Употребляли в пищу также кровь. Обычно ее запекали или жарили, в пермских говорах фиксируются лексемы **запекáнка** ‘блюдо из жареной крови’ «*Из крови делают запеканки. В столовой возьмут кровь, наливают на сковороду и она жарится на масле*». Пянтег Черд. (КСРГСПК) и **кровя́н** «*У нас кровь не выпускают, а пекут в пече; она, как коровай, испекется; кровяном звали*». Тетерино Сол. (СПГ

1: 439). Встречаются упоминания и об употреблении ее в сыром виде: *«Кольцик был один, всегда уж кровь ему сырую наливали пить»*. Ленск Кунг. (СРГЮП 1: 403).

Если не было поста, то в пищу употребляли также молочные продукты и яйца. Часто молоко заквашивали, томили в печи, в говорах отмечены языковые единицы, называющие топленое молоко: **варене́ц** *«Варенец — парёное молоко»*. Оралово Краснов. *«Варёное молоко — варенец будет»*. Керчево Черд. (СРГСПК 2: 188); **варёное молоко** *«Кислое молоко, творог, сметана, холодное, варёное молоко с пенками красное, всё мешают и так едят»*. Половодово Сол. (КСРГСПК); **варени́к** *«Вареник часто ставлю, молоко в печке напаришь, и всё»*. Пож Юрл. (СРГКПО: 58); **парёное молоко** *«В печке молоко постоит, пенкой загорит, говорят: пареное»*. Акчим Краснов. (Акчим. сл. 4: 12) и квашеное молоко: **кислое молоко** *«Оденьё — отходы от молосного масла. Идёт в стряпню. Вроде, на кислое молоко находит. Сливошно масло ставят в печку, остаётся оденьё»*. Ужиткарс Гайн. (КСРГСПК); **простоква́ша** *«Молоко нацежу, вынесу на улицу. Заношу в комнату, дня три постоит, делается простокваша»*. Вильгорт Черд. (КСРГСПК); **простокíша** *«Простокшиша — молоко кислое»*. Покча Черд. (КСРГСПК); **кисля́к** *«Молока-то не осталось, дак попей кисляк — вон в банке на окошке стоит»*. Мишариха Лыс. (СПГ 1: 390). Сырое молоко в пермских говорах, как и во многих других (СРНГ 31: 93), называется **пресным**: *«Молоко пресное. Не квашено-то пресное»*. Рожнево Черд. (КСРГСПК).

Использовали в пищу также коровье молозиво (в пермских говорах — **сирь**, **сыры́сно молоко**, **сырб́чное молоко**, **сыры́шность**), которое запекали в печи: *«Сырысно де молоко-то како, его ставят в печи оно станется караваем, как яйца набьются, жёлто»*. Редикор Черд. *«Его (молозиво) надоишь, поставишь в печь, так оно как яичница делается. Оно густое сперва, сжеслта»*. Касиб Сол. (КСРГСПК);

«Сирь ведь и пекли раньше, как белый каравай, ноздреватый ещё сделаешь. Оно, молоко это, клейкое, к рукам льнёт, сиристое». Пегушино Сол. (СПГ 2: 338). Это блюдо иногда называли **селянкой**: «Селянку пекут, когда корова телится. Садят молоко в печь. А молоко-то густое, его садят в печь, в чашку нальют, в печь посадят. Потом оно испекётся». Еранина Черд. (КСРГСПК).

Из молока получали сливки, сметану, масло, творог, которые употребляли самостоятельно, а также использовали в приготовлении различных блюд. В крестьянском хозяйстве сливки обычно получали отстаиванием молока, затем снимали или сливали их, что отражается в самом наименовании **сливки** и его вариантах **сли́вка**, **сливо́к** «Из сливки сметана делается, потом мешают на масло». Акчим Краснов. (Акчим. сл. 5: 96). «Когда молоко устоится, то сливок будет, а когда простокиша устоится, то сметана будет». Черд. (КСРГСПК), а также в лексеме **устойчик** «Я вот молоко с устойчивиком люблю, ну сливки это, знаете, устоялось молочко». Русский Сарс Окт. (СРГЮП 3: 285). Позднее сливки начали получать путем сепарирования, в пермских говорах зафиксировано несколько слов, обозначающих снятое молоко: **обратка** «Молоко-то когда сдавали, дак обратку давали обратно. Отсюда и название». Фоки Чайк. (СПГ 2: 23); **перегón** «Перегон — снятое, обезжиренное молоко». Покча Черд. «Обрат ешо перегоном зовут. Это когда молоко сепарируют, то обрат получатся и сливки». Нырб Черд. (КСРГСПК); **отбой** «Сливов пробежал ужсе, там молоко на отбой». Акчим Краснов. (Акчим. сл. 3: 129).

Кроме литературного слова **сметана**, в пермских говорах этот продукт также называется **снiмок** «Снимок — сметана снята. Теперь молоко переганивают на сепарате». Тиуново Гайн. (КСРГСПК); **забела** «Раньше в суп травинки накладывают. А нынче суп забеливают забелой, сметаной забеливают». Тагьяшер Черд. (КСРГСПК); **белила** «Я забелила капусту, белила-то сын еще принес». Володи-

но Сол. (СПГ 1: 31). Первое наименование связано с тем, что сметану получали снятием верхнего отстоявшегося слоя с простокваши: *«Когда молоко устоится, то сливок будет, а когда простокиша устоится, то сметана будет»*. Черд. (КСРГСПК). Лексемы *белила* и *забела* мотивированы глаголами *белить* и *забелить* 'приправить жидкое кушанье или питье сметаной, молоком' (СПГ 1: 268). В русской кухне сметану часто использовали как добавку, соус к различным блюдам, а также для смазывания выпечных изделий: *«Его, ярушник-от сметаной помажешь, в печку посадишь. И он такой будет бравенькой дак»*. Пянтег Черд. (СПГ 1: 53).

Сливочное масло в пермских говорах называлось *коровьим, молосным, скоромным, скотским* *«Картовну селянку ладили: картошку измешашь, ичко толкнёшь, молока нальёшь; селянку коровьим маслом сверху помажешь. Испекётся — ножом можно резать»*. Жуланова Сол. (СПГ 2: 329). *«Масло скоромно скипятят, спускают пострепеньки»*. Половодово Сол. *«Розки варят в молосном, скоромном масле»*. Камгорт Черд. *«Варит в масле скотском»*. Камгорт Черд. (КСРГСПК). Для того, чтобы сливочное масло лучше хранилось, его перетапливали, оно называлось *топлён-ка*: *«Масло перетоплишь, будет топлёнка»* Покча Черд. *«Варёно-то варёно и есть (молоко), топлёно только масло бывает, а молоко-то не бывает топлёно»*. Пянтег Черд. (КСРГСПК) и *простое масло* *«Сливошное (масло). А если растопишь, в печь поставишь, такое масло простое, крупинками оно»*. Велгур Краснов. (КСРГСПК).

В результате сбивания масла оставалась *пахта*, которую в пермских говорах называли также *пáхтанье* *«Сметану-то в кринку положу и мешаю, пахтанье остаётся»*. Камгорт Черд. (КСРГСПК); *«Масло мешали деревянной мутовкой в кринке; на дне оставалось пахтанье, оно как молоко»*. Володино Сол. (СПГ 1: 507). Пахту использовали в выпечке, а также сквашивали ее и изготавливали творог: *«После мала отход — пахта. Построкваша из пахты, ставишь*

её на творог». Редикор Черд. (КСРГСПК). Наименований остатков от перетапливания масла в говорах больше: **водёнье** «Когда сливок смешают — будет масло. Масло будут топить — внизу будет воденье. Воденье белого цвета, а масло жёлтое. Воденья остаётся мало». Акчим Краснов. (Акчим. сл. 1: 139); **воденічка** «Надо угостить вас стряпнёй. Это коралички на водяничке да на молосном». Вёлгур Краснов. (СРГСПК 1: 251); **одёнки** «Молоко подоишь, через сепаратор пропустишь, сливки будут. Эти сливки смешают, в печь поставят, масло будет. А внизу-то одёнки, а сверху пена считается». Касиб Сол. (КСРГСПК); **оденье** «Оденье — отходы от молосного масла. Идёт в стряпню. Вроде, на кисло молоко находит. Сливошно масло ставят в печку, остаётся оденье». Ужиткарс Гайн. (КСРГСПК); **падёние** «Масло-то потом из печки достанёшь, на дне-то падение остаётся». Егва Ильинск. (СПГ 2: 69); **сок** «Комок разогревается — и масло бежит. Чисто масло бежит, а это остаётся сок. Из его пекли пироги». Акчим Краснов. (Акчим. сл. 5: 112). Остатки от топленого масла могли также называть **пахтой**: «Когда масло растопится в печи, оно не заплиснет, а внизу жидка пахта. Её скоту». Кривец Ильинск. (ДАКТиПЯ).

Из молока делали **творог**, в пермских говорах его также называли **сбитнем**: «Простокишу делают, а потом в печь иё ставят, и творог получатся, сбитнём зовут». В. Мошево Сол. (СПГ 2: 317). С творогом пекли пироги (**творобжники**, **сырные пироги**, **сырники**), делали вареники — **большие пельяны** «Сёдни больших пельянов настряпала, творожку маленько было дак». В. Мошево Сол. (СПГ 2: 82) и запеканки — **творобжницы** «Творожницы — масло, яйца, сметану, сахар — пекут на сковороде не толсто, чтобы пропеклося, потом режем». Акчим Краснов. (Акчим. сл. 6: 13). Для сохранения творога из него удаляли лишнюю жидкость и высушивали для хранения впрок: «Сыр с осени делали из своего творога — катали колобками, сушили

у окна на полочках, а зимой размачивали в молоке». Бахари Краснов. «Колобки из сыра. Творог выцедишь, посолишь, вымесишь, колобки сделаешь, сушишь, сыр получатся». Камгорт Черд. (КСРГСПК).

Кушанья из молочных продуктов часто готовили на церковные праздники: «В Паску всё едят коровное: молоко, сыр». Вильгорт Черд. (КСРГСПК). Так, в говорах отмечено несколько единиц — названий пасхальных блюд: **гладенец** «Гладенец делали на Пасху. Гладенец-то это что-то! Это топленое молоко, ну вот цельное топленое молоко, оно заквашивалось сметаной. Туда клался изюм и разливалось сразу в тарелки. И сверху-то, когда уже есть, песочку посыплют. А эту, паску делали из творога-то. У нас вот был такой вот ящичек, и тут, значит, на одной ХВ на дне-то было, на боках тоже какие-то фигурки были вырезаны». Калинино Кунг. (СРГЮП 1: 177); **пáска** «Паска. Тесто высокое с сахаром, масло, яйца. Только в праздник паску». Покча Черд. (КСРГСПК); **сыр** «Сыр стряпали на Паску». Илаб Сол. (КСРГСПК); **сырник** «На Пасху стряпали всё — яйца красили, шаньги пекли. Одно яичко на божницу. Потом де которые в пожар. Кто не бросит — в реку спускали. Сыр делали тоже — творог, яйца. Сырник это был». Посад Киш. (СРГЮП 3: 212); **сырбóк** «Готовили специальный пасхальный сырок, творог делали. На форму крест. Отожмёшь его, изюм добавляли, сахар. Сырок называли». Тапья Куед. (Там же); **творобженик, творобженик** «Твороженник — яиц туда много били и запекали, форма не деревянная, его в печку надо». Ленск Кунг. «Твороженник делали к паске. Прессовали как-то его, а потом сметаной. Изюм туда». Юговское Кунг. (СРГЮП 3: 220).

Блюда из яиц так же, как из молока, появлялись на столе в дни, когда не было поста. Из яиц готовили яичницу, которую в пермских говорах называли **скородумкой, скорородумкой, скородумкой** «Я на скору руку все большие скородумку делаю». Пож Юрл. (СРГКПО: 222). «Скворо-

дунка — это одне ячичка, без молока, разболтанные ячичка». Тюлькино Сол. «Яйца набьют, масла накладут и нажарят — сковородунка была». Жуланова Сол. (СПГ 2: 343). «Утром сготовишь скородунку». Курашим Пермск. (СПГ 2: 346); **скоропёшкой** «Скоропешка — яичница». Кривцы Гайн. (КСРГСПК). При добавлении молока получали омлет, который в говорах получил название **молосная яичница** «Молосна яичница из молока, яис». Половодово Сол. (КСРГСПК); **копанка** «Копанку-то поставила на плиту, а сама-то и вышла на улицу-то. Зашла, а у меня сгорело всё». Большой Букор Чайк. (СРГЮП 1: 409); **мешанка** «Вот мешанку — яйцо с молоком смешаешь, комочком получатся. Яичница, только она мешатся. Я и щас когда делаю. Два яйца, молока, зелёного луку. А яичница, её в печь ставишь, а это на газу». Ножовка Част. (СРГЮП 3: 423); **смятка** «Яичницу тоже не носят на кладбище, дома готовим, мы смяткой зовём». Васильевка Окт. «Смятку стряпали, в поля уйдём, там едим, берёзку тоже наряжали». Каменный Ключ Чайк. (СРГЮП 3: 140); **сок** «Сварят из муки с яйцами и с молоком — сок называется, или яичница». Ельники Нытв. (СПГ 2: 370).

Яйца как компонент обязательно входили в различные запеканки — **селянки**, готовили их с добавлением картофеля, различных круп, овощей, а также рыбы. В пермских говорах отмечены такие номинативные сочетания: **картёвная селянка** «Селянки наделаешь — картовну, морковну — морковь сваришь, истолёешь, ячичко, в печку поставишь запекать». Пермь-Серьга Кунг. (СРГЮП 3: 98); **манная селянка** «Ишо манну селянку стряпают, тоже на сковороде с простокишей». Редикор Черд. (КСРГСПК); **моркóвная селянка** «Картовну селянку делают, делают из яичек, делают морковную». Еранина Черд. (КСРГСПК); **пистичная селянка** «Весной по пистички ходили, пистичину селянку варили». Вильгорт Черд. (КСРГСПК); **рисовая селянка** «Селянку испекут, бывает рисовая, картонная». Сакиново

Черд. (КСРГСПК); *ры́бная селя́нка* «Рыбну селянку лажу — масла налью, рыбу накладу, поджарю, заливаю яичками». Тюлькино Сол. (СПГ 2: 329). *Селянка* так же, как и мясные блюда, могла выполнять функцию обрядовой пищи на свадьбе: «*Делают селянку. Её делают так: сварят просо, пшено, яйсы набьют, потом блинами покроют. И до тех пор пока жених на сковороду денежки не положит*». Бондюг Черд. (КСРГСПК).

Таким образом, мясомолочные продукты занимали большое место в традиционном питании жителей Пермского края. В пермских говорах фиксируется большое число названий мясных, молочных блюд, а также кушаний с яйцами. Диалектные записи свидетельствуют о том, что блюда из этих продуктов в прошлом служили приметой праздничного стола. Это связано с чередованием в христианском календаре постов и мясоедов.

Сокращенные названия районов Пермского края

Александр. — Александровский	Нытв. — Нытвенский
Больш. — Большесосновский	Окт. — Октябрьский
Гайн. — Гайнский	Пермск. — Пермский
Ильинск. — Ильинский	Сол. — Соликамский
Караг. — Карагайский	Сукс. — Суксунский
Киш. — Кишертский	Ус. — Усольский
Краснов. — Красновишерский	Чайк. — Чайковский
Куед. — Куединский	Част. — Частинский
Кунг. — Кунгурский	Черд. — Чердынский
Лыссьв. — Лысьвенский	Юрл. — Юрлинский

Литература

Дмитриева С. В. Общие названия пищи в псковских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследование) 1997. СПб., 2000. С. 89–91.

Карасева Т. В. Названия молочных напитков в воронежских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2007. СПб., 2007. С. 118–123.

Лутовичова И. С. Слово о пище русской // URL: <http://profismart.org/web/bookreader-139383.php> (дата обращения — 30.03.2014).

Полякова Е. Н. Культура питания в Прикамье XVI–XVIII веков (по данным лексики и ономастики пермских памятников письменности). Статья первая // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009а. Вып. 1. С. 3–17.

Полякова Е. Н. Культура питания в Прикамье XVI–XVIII веков (по данным лексики и ономастики пермских памятников письменности). Статья вторая // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009б. Вып. 5. С. 5–15.

Судаков Г. В. Застолье по-русски: Из истории слов. Вологда, 2012.

Лингвогеографические и экстралингвистические факторы в формировании позднепереселенческих говоров

Т. Ф. Зиброва

В статье рассматриваются процессы, происходящие в говорах на территории позднего заселения, к каким относится и Самарская область. С одной стороны, здесь достаточно сильно влияют на диалектные системы лингвогеографические факторы — диалектная пестрота, способствующая трансформации языковых систем и формированию своеобразных ареалов диалектных явлений. С другой, при особых экстралингвистических условиях наблюдается сохранность (устойчивость) языковых черт, свойственных говорам территорий раннего заселения. На примере отдельных диалектных черт (консонантных и вокалических) говоров двух сел области — Чувичи Хворостянского района и Тростянка Пестравского района — прослеживается генетическая связь «дочерних» и «материнских» диалектных систем.

Ключевые слова: лингвогеографические факторы, позднепереселенческие говора, диссимилятивное яканье, южнорусские говора, сохранность диалектных черт

На карте МДК 1915 года территория Самарского края входит в так называемый «южновеликорусский поволжский остров» [Дурново и др. 1915]. Но как показали материалы обследования говоров края для ДАРЯ, такого острова в Заволжье не существует, о чем писал В. А. Малаховский еще в 50-е годы XX века [Малаховский 1955]. На самом деле территория Самарского края в плане лингвогеографическом характеризуется значительной диалектной пестротой: здесь бытуют и окающие говора владимирско-поволжского типа, и акающие

среднерусские, и южнорусские, что показано на соответствующей карте «Атласа говоров Самарского края» (Зиброва, Барабина 2009: 49).

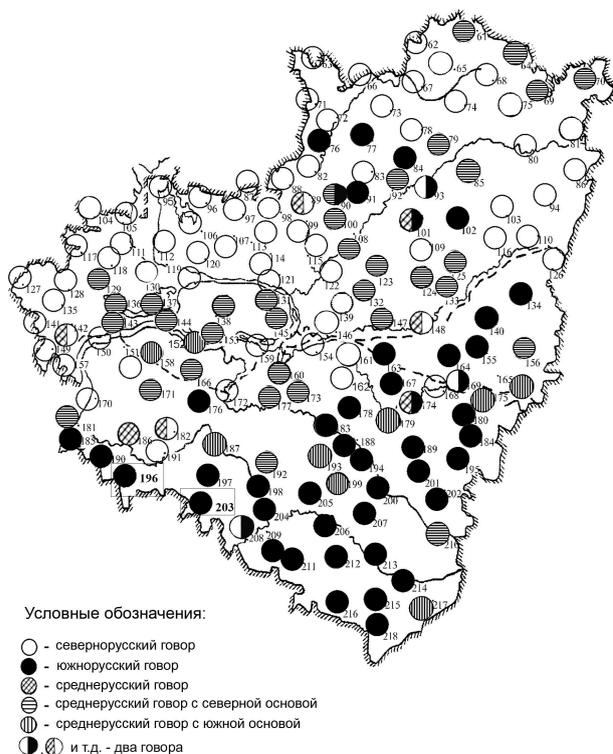
Однако следует заметить, что появление этого «острова» на карте МДК вовсе не случайно. Во-первых, южнорусские говоры занимают значительную часть территории Самарской области (из 150 населенных пунктов, картографируемых в областном атласе, более чем в 50 бытуют южнорусские говоры, принесенные сюда переселенцами из центральных губерний России — Тамбовской, Рязанской, Курской, Орловской, Воронежской, Тульской и др.). Во-вторых, южнорусские говоры расположены достаточно компактно на юге, на границе с Саратовской областью. Но нередко фиксируются в центре нашего края и даже в северных районах — на границе с Пензенской, Ульяновской областями и Татарстаном.

Правда, в силу экстра- и интралингвистических условий в этих говорах идет очень сильный процесс нейтрализации диалектных систем, и во многих случаях мы констатируем уже лишь южнорусскую основу в говорах переходного типа (примерно в 1/5 части бывших южнорусских сел).

Тем удивительнее и интереснее фиксировать на территории края говоры, уникально сохраняющие черты материнских диалектов. К таким особым системам можно отнести говоры двух сел — с. Чувичи Хворостянского района и с. Тростянка Пестравского района (на картах самарского атласа они обозначены номерами 196 и 203 соответственно) (см. карту 1).

Карта № 1

Типы говоров на территории Самарской области

В говорах этих сел, основанных 200–250 лет назад переселенцами из Орловской, Курской, Воронежской губерний, до настоящего момента «живут» такие реликтовые для нашей территории диалектные черты как **ў** (*деўка, лаўка*), контаминированный предлог **ув** (*ув этой, ув хате*), прогрессивное смягчение заднеязычных согласных (*чайкю, Петькя*); **х** в соответствии с **ф** орфографическим (*кохта*); утрата категории среднего рода (*большая село, ведро такая*); формы 3-го лица без элемента **т** (*разбудя, отжроя, приго-ня*); полный вариант частицы **-ся** после гласного (*дралися, умылися*).

Приведем примеры из речи жителей села Чувичи¹.

Среди **консонантных** явлений фиксируются:

1. **у** — **ў** в соответствии с **в** литературного языка (*у́гла-дбоўка, киламётрбоў, мужыкобоў, Ивантееўкэ* инф. 2; *блинцо́ў, пирауо́ў, деўки, каро́ў, пасе́ў был / а убира́ть не́кому* инф. 1; *кауда́ этэ у по́урип сходиш / усё там дэ́лэли / усё рука́ми рассе́ивали* инф. 4);

2. контаминированный предлог **ув** (*а у нас ув адно́й был тако́й слўчай* инф. 5; *дэсить дите́й ув нїх ббы́л* инф. 1);

3. **х** в соответствии с буквой **ф** (*наси́ли йупки с ко́хтами* инф. 1);

4. прогрессивное смягчение **к** (*мэлако́ то́лька йёли* инф. 2; *ско́лькя / ниско́лькя ни будут* инф. 1; *када́ йїх то́лька нэди-ва́ли* инф. 1; *мале́нькя / то́лька пэжылы́и ўуля́ють* инф. 3).

Из **морфологических** особенностей привлекают внимание:

1. утрата категории среднего рода (*вितяро́г дўнул / а пла́тьчишка а́на тудá дўнулэсь* инф. 5; *мы праубо́ннэ́йш мэлако́*

¹Примеры, иллюстрирующие те или иные явления в говоре, взяты из текстов связной речи, записанной в 1992 и 1993 годах от следующих информантов: Алпеевой Марии Кирилловны, 1918 года рождения (инф. 1); Алпеевой Александры Никитичны, 1910 года рождения (инф. 2); Ползиковой Акулины Васильевны, 1906 года рождения (инф. 3); Евдокимовой Екатерины Семеновны, 1908 года рождения (инф. 4); Панферовой Раисы Павловны (инф. 5).

йёли — прапўстим йийб — етэ на́ша была́ инф. 2; вядро́ ќннши — а́на́ пр́ям у-у-у — ни успива́ли таска́ть инф. 4; нэ́ друу́ю ў́трэ прыйё́дя инф. 4; у нас ы насиле́ньйэ́ тэ́ балы́шбя́ была́ инф. 3);

2. полный вариант возвратной частицы после гласной (*ка́кийь аста́лися жы́выы инф. 2; слў́шались / радил́ся́ / вися́-мл́лися́ / дра́лйся́ / нэ́ряжа́лися́ / сэ́барал́ися́ инф. 1);*

3. утрата конечного элемента **т** в глаголах 3-го лица (*бригади́р разбу́дя и а́пя́ть пайё́хали паха́ть инф. 2; пэ́сма-три́тя́ / каг ба́нкэ́ бу́дя пр́ясть инф. 1; што́ каво́ пирубо́ня на вя́ски (вязании) инф. 1; вот вы́купит нивё́сту жанй́х / ат-крё́б / пэ́цалў́я / сэ́дя инф. 3).*

Все названные явления на соответствующих картах самарского атласа имеют «точечные» или «мерцающие» ареалы (см. карты 15, 17, 20, 32, 50, 56) (Зиброва, Барабина 2009: 62, 64, 66, 69, 81, 99, 105), а также см. в сети Интернет². Черты эти в говорах сел Чувичи и Тростянка, несомненно, сохранились от «материнских» говоров в силу особого географического расположения сел — удаленности от областного и районного центров.

Особое внимание диалектологов привлекает в говорах этих сел **предударный вокализм после мягких согласных**. Материалы экспедиций 1991 и 1995 годов в с. Чувичи и в 1988 в с. Тростянка, показывают нехарактерное для нашей территории **диссимилятивное** яканье; при этом по примерам обследования говора с. Чувичи проявляется даже его подтип — суджанский. Дело в том, что на территории Самарского края нигде более этот тип яканья не отмечается. Наиболее характерным вокализмом для нашей территории оказывается **умеренный** тип яканья (для среднерусских и южно-русских говоров); значительное количество говоров показывает **ассимилятивно-диссимилятивный** вокализм (отмечен более чем в 20 населенных пунктах), а также **умеренно-**

²URL: <http://fotki.yandex.ru/users/bordunova2010/album/145965/>;
<http://fotki.yandex.ru/users/bordunova2010/album/73278/>

диссимилиативный тип яканья (фиксируется, по данным карты № 2 атласа, в десятке населенных пунктов) (Зиброва, Барабина 2009: 51) (см. карту 2).

Карта № 2

Типы предударного вокализма после мягких согласных

Условные обозначения:

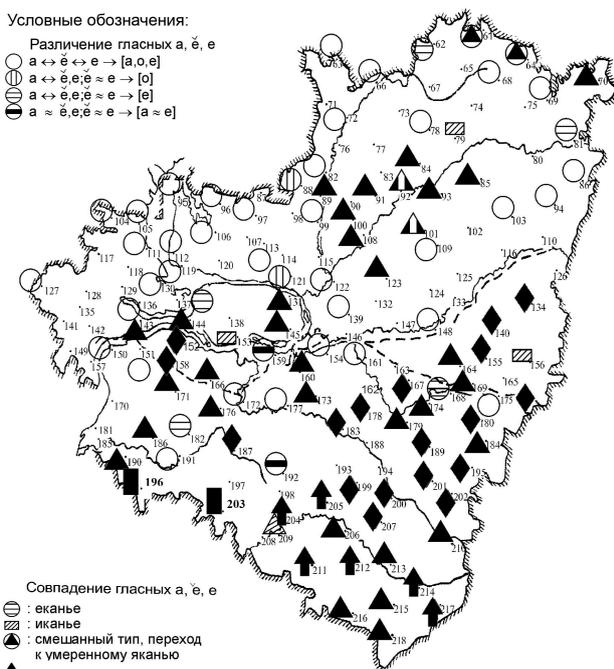
Различение гласных а, ё, е

○ а ↔ ё ↔ е → [а,о,е]

⊖ а ↔ ё,е;ё ≈ е → [о]

⊕ а ↔ ё,е;ё ≈ е → [е]

⊖⊕ а ≈ ё,е;ё ≈ е → [а ≈ е]

Совпадение гласных а, ё, е

⊖ : еканье

⊕ : иканье

⊖⊕ : смешанный тип, переход к умеренному яканью

▲ : умеренное яканье

▲ : вторичные типы умеренного яканья

▲ : переход к иканью

■ : диссимил. яканье

▲ : умеренно-диссим. яканье

◆ : ассимил.-диссим. яканье

Наличие в говорах сел Чувичи и Тростянка диссимилятивного яканья говорит об архаичности этих диалектных систем, сохраняющих черты материнских курско-орловских диалектов.

Общая картина представленного в материалах обследования предударного вокализма после мягких согласных в говоре села Чувичи может быть показана в таблицах 1, 2, где цифра указывает количество примеров с тем или иным вариантом реализации гласных [’o], [’e], [’a] перед разными ударными гласными (в таблице 1 представлены материалы обследования 1991 года; в таблице 2 — 1995 года).

Таблица 1

Ударный гласный	Последующий гласный			
	Твердый		Мягкий	
<i>ы, у, и</i>	а — 164	и — 21	а — 126	и — 10
<i>а</i>	а — 17	и — 201	—	и — 52
<i>о</i>	а — 67	и — 5	—	—
<i>ô</i>	а — 80	и — 20	—	—
<i>е</i>	—	—	—	и — 42
<i>ê (ъ)</i>	—	—	а — 10	и — 55

Как видно из таблицы 1, перед ударными гласными в позициях перед твердыми и мягкими согласными в предударном слогe доминирует произношение [a] (соответственно 164 и 126 примеров): *вясны, пяку, пякли, няси*; перед ударным [a] в предударном слогe преобладает вариант звучания [и] (соответственно 201 и 52 примера): *висна, пикла, симья, рибят*.

Таблица 2

Ударный гласный	Последующий гласный			
	Твердый		Мягкий	
ы, у, и	а — 46	и — 4	а — 64	и — 6
а	а — 28	и — 6	—	и — 52
о	а — 21	—	—	—
ô	а — 20	и — 5	—	—
е	—	—	а — 9	и — 42
ê (ь)	—	—	а — 7	и — 13

Та же тенденция в произношении предупредных гласных наблюдается и в говоре села Тростянка. Представим материал обследования этого села 1988 года в таблице 3.

Таблица 3

Ударный гласный	Последующий гласный			
	Твердый		Мягкий	
ы, у, и	а — 48	и — 13	а — 54	и — 5
а	а — 7	и — 51	а — 20	и — 31

Более того, при анализе речи отдельных информантов (конечно, представителей архаического слоя говора) принцип диссимилятивного яканья прослеживается достаточно четко. Например, в с. Чувичи (экспедиция 1993 года) от М. К. Алпеевой (1918 года рождения) записаны следующие примеры (по техническим причинам материал приводим в упрощенной транскрипции):

Перед узкими гласными (**ы, у, и**): *ямѹ, пѹкѹтъ, нѹ-пѹкѹтъ, шѹрѹтянѹи, пѹляшѹ, вѹялѹ, уѹлядѹ, крѹястѹли, шѹбнякѹ, нѹрядѹилѹ, зѹвялѹ* и т. д.

Перед широкими гласными (а): *абизáтмлнъ, нъдвѣáли, визáли, систрá, винчáлмися, пътриблѣáли, рибѣят, блистѣят, матирѣяáла, пѣтидцѣяáтый* и т. д.

Перед гласными о, е: *явó, пирѣуо́ня, дитѣ́й, нисѣ́шь, атвизѣ́шь, нъбирѣ́сси, ийó, пърулядѣ́лъ*

Итак, материал обследования говоров с. Чувичи и с. Тростянка позволяет проследить процессы, происходящие в диалектных системах на территории позднего заселения. И это не только значительная трансформация отдельных звеньев и целых языковых систем в особых лингвистических условиях — диалектной пестроты, но и характерная для нашей территории тенденция сохранения связи данных переселенческих говоров с «материнскими» говорами территорий раннего заселения. Кроме того, можно проследить судьбу (общую или различную) говоров с одной материнской основой в связи с разными экстралингвистическими условиями их бытования, а также степень сохранности уникальных для нашей территории диалектных черт разных языковых уровней.

Литература

Дурново Н. Н., Соколов Н. Н., Ушаков Д. Н. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением Очерка русской диалектологии. М., 1915.

Малаховский В. А. Несколько поправок к диалектологической карте русского языка (к вопросу о границах поволжского южно-великорусского «острова») // Уч. зап. Куйб. пед. ин-та. Вып. 13. Куйбышев, 1955. С. 255–262.

Диалектное слово в Интернете

Л. Ю. Зорина

Созданный вологжанами интернет-ресурс «Посидим, побкаем» характеризуется в статье как источник диалектного материала. Перечни местных слов сопровождаются на страницах ресурса комментариями, которые свидетельствуют о любви пользователей к языку их родного края.

Ключевые слова: русские диалекты, вологодские говоры, лексика, интернет-ресурс

В начале XXI века отчётливо наблюдается всплеск интереса к русским народным говорам. Этот интерес заметно обозначился и на просторах всемирной сети Интернет. В рамках ресурса «Вологодская область ВКонтакте», объединившего уже около 60 тыс. пользователей, с 13 декабря 2009 года существует сообщество «Посидим, побкаем». В качестве подзаголовка к названию ресурса значатся слова «вологодский говор и словечки». Для ознакомления с материалами ресурса следует пройти по ссылке http://vk.com/topic-987037_21958670).

Анализируемое обсуждение создал житель города Красавино Великоустюгского района Вологодской области Алексей Востряков. Он пригласил пользователей сети к общению предложением: *Хотелось бы услышать чисто вологодские слова и выражения. Увлекаюсь историей своего края. У меня собрано более 400 местных слов и выражений* (13.12.2009) (Здесь и далее цифрами указывается дата записи на страницах ресурса).

Факты, приведённые А. Востряковым, сразу же привлекли внимание пользователей: *Дивья тебе!* 'хорошо тебе'. *Споноровоно* 'спокойно, размеренно'. *Опелтуй* 'дурак'.

Глызка ‘кусочек сахара’. *Ухайдакаться* ‘устать’. *Ожихореть* ‘замёрзнуть (мурашки по коже)’. *Намисьякаться* ‘плотно поест’.

Проверка по Словарю вологодских говоров (СВГ) показала, что эти слова действительно диалектные: они были уже ранее, ещё до всеобщей компьютеризации, включены в СВГ: *Дивья* ‘легко, просто’ (СВГ 2: 26–27); *Глызка* ‘кусочек чего-либо, ком’ (СВГ 1: 113); *Опехтой* ‘неуклюжий, неповоротливый человек, увалень’ (СВГ 6: 61); *Ожихореть* ‘озябнуть, замёрзнуть’ (СВГ 6: 38); *Ухайдакаться* ‘пропасть, исчезнуть, потеряться’ (СВГ 11: 157). Слова *намисьякаться* в СВГ не оказалось. *Споноровно* также отсутствует в СВГ, однако приводится прилагательное *споноровный* ‘хорошо ладающий с людьми, уживчивый’ (СВГ 10: 101). Фиксации убедительно свидетельствуют в пользу достоверности приводимых в интернет-ресурсе слов.

В другом своём посте Алексей Востряков не просто перечисляет местные слова, но и пытается анализировать производительные особенности великоустюгских красавинских говоров (здесь и далее в основном сохраняются орфография, пунктуация и стилистика записей): «*Как Вы знаете, мы говорим, нажимаемая на «О». Кроме этого, нам свойственно добавлять на конце приставку (частицу — Л. З.) «то», например: «Куда пошёл-то? Чево несёшь-то?» И буква «л» произносится мягче, на украинский манер, что-то среднее между «в» и «у»: ‘волк’ — вов(у)к, ‘палка’ — пав(у)ка. А вообще в Красавино на «а» произносят только 2 слова — карзина и карасин, все остальные на «о» — стокан, торокан. Шутка, конечно!» (21.12.2009).*

Записи А. Вострякова вдохновили членов группы на «ревизию» их собственного лексикона. В настоящее время в обсуждении уже около двух тысяч сообщений. И число их продолжает увеличиваться. Активными пользователями ресурса являются Вера Деянтилова (Бабушкинский р-н), Ольга Дорофеева (Кирилловский р-н), Клавдия Котова (Верховаж-

ский р-н), Томочка Малухина (Вытегорский р-н), Николай Наумов (Междуреченский р-н), Максим Озеров (Череповец), Настя Примак (Кичменгско-Городецкий р-н), Вадим Саркисян (Белозерск), Фотина Синицына (Никольский р-н), Мария Софронова (Череповецкий р-н), Елена Щепотина (Харовский р-н) и др. Здесь и далее при ссылках условные обозначения пользователей даются без изменения, хотя мы понимаем, что Петров мог назваться Сидоровым, а Алексей Иванович — Фёдором Петровичем или др. Более того, пишущий может проживать в Вологде, а писать о лексике родного ему района. На страницах ресурса свои комментарии пишут также и уроженцы Вологодской области, в настоящее время проживающие в других городах — в Великом Новгороде, Москве, Мурманске, Санкт-Петербурге и др. Всё это знак того, что предложенная для общения тема пользователям интересна.

В своих комментариях к данной теме люди представляют всеобщему вниманию разное количество слов, исходя из того запаса лексических единиц, которыми они владеют. Так, пользователи Ирина Андреева, Любовь Бортник, Надежда Алыкова-Серебрякова, Томочка Малухина, Клавдия Котова, Максим Озеров, Вадим Саркисян приводят большие списки диалектных слов. Некоторые пользователи осторожно фиксируют одно единственное слово: *баретки* ‘ботинки’ (Тина Стрельцова); *жогнул* ‘сделал что-либо быстро’ (Наталья Антонова); *заскудалась* ‘заболела’ (Надежда Зюзина); *оболокаться* ‘одеваться’ (Валентина Ивина); *фатка* ‘платок’ (Елена Шпагина) и т. д.

Помимо уже перечисленных местных слов, пользователями зафиксированы и многие другие характерные для говоров региона слова: *висок* ‘тряпка’, *забусеть* ‘заплесневеть’, *порато* ‘очень’, *солощий* ‘с хорошим аппетитом’, *сейгод* ‘в этом году’, *тарка* ‘бидон’ и мн. др. Встречаются, разумеется, и новые, ранее не зафиксированные в СВГ слова (*воссия* ‘девочка-непоседа’, *кужомоя* ‘грязнуля’, *са-*

тора ‘неуступчивый человек’, *стаметь* ‘терять чувствительность, неметь’, *токот* ‘недавно’, *умейный* ‘умелый’ и мн. др.). В материалах ресурса есть рассуждения и о том, как в диалектах осваиваются слова иноязычного происхождения: *Моя бабушка произносила камандер, фершал, памидор, карасин* (Елена Наумова. 14.07.2011).

Пользователями фиксируются и в основном бережно подаются фразеологизмы (*Притко забодай!* ‘выражение неудовольствия’, *Жаба сядь!* ‘приказание замолчать’, *Пыжом тебя!* ‘угроза наказания’ и др.). Радуют факты фиксации сохранившихся в памяти коммуникантов диалектных благопожеланий: *Бело мыть!* (Вадим Саркисян. 16.07.2011), *Биленько!*, *Бог на помочь!*, *Ни хвоста ни чешуи!*, *Вверх стогом, бараньим рогом!* (Елена Щепотина. 4.01.2013). «Уравновешивают» их местные пожелания зла: *На красные бы ему болести!*; *На болятки бы тебе на красные!* (Ирина Андреева. 15.07.2011).

Иногда в комментариях описываемого ресурса, вслед за А. Востряковым, весьма тонко передаются фонетические особенности местных говоров: *Бабушка-соседка говорила — хлибця поисть да чайкю попить* (Надежда Сопина. 6.05.2010). Убедительными представляются приводимые на этот счёт бытующие в народе дразнилки: *Мы ребята из Цюцькова: цють цево, так мы цицяс* (Ульяна Колесова. 15.04.2012); *Я была в Цереповце, заходила в чайную. Пока чай-то пила, котомоцку-то и цыкнули* (Валерия Клюшова. 3.06.2012).

Удачными следует признать комментарии, где в одной фразе регистрируется сразу несколько диалектных слов. Например, Наташа Жерихина-Аленёвская пишет фразу *Тадысь двор ходила гоить, дак вся ухайдакалася!* (21.03.2011). Настя Примак: *Вчерасть так стегонулася, аж взревела нелёсно; Купила ноне в магазине котомку трамала, так робята зоблют* (26.02.2013). Клавдия Котова: *Ой дефки, нашамили вы тут. Возьмите голик*

да *потпахните*. А на мосту *наслямали*, дак с дресвой *мыть придечче*; *Животник ушёл в животы, в животники*, к вдовушке с коровушкой (24.12.2013). Елена Щепотина: *Будечи топеречи* не то, что *давечи* (8.02.2013).

Иногда в материалах ресурса запись производится «от реалии»: *А знаете, как туалет называют? Рундук!* (Ольга Лингович. 3.09.2010). Описаны — и очень подробно — устройство русской печи (Елена Щепотина. 14.01.2013), проведение «капустной вечорки» (Людмила Фёдорова. 1.03.2014) и мн. др.

Ценными, на наш взгляд, являются записи, в которых охарактеризована ситуация употребления слова. Например, Клавдия Котова пишет: *Вчера, гуляя с собаками, решали, где находится у человека хов(л)ка. Долго смеялись, когда я сказала, что длина пальто — до ховки* (10.02.2013). Действительно, *холкой* в вологодских говорах называют ‘щиколотку, лодыжку’, а не ‘часть шеи лошади, сочленённую с хребтом’.

На фоне таких контекстов резонными кажутся недоумённые вопросы уроженцев города. Так, Ираида Спиридонова (Санкт-Петербург), имитируя диалект, спрашивает: *Енто как вы тохды друг друга понимаете?* (24.03.2011). Понимание, по-видимому, достигается вследствие разных обстоятельств. Во-первых, варьирование слов не выходит за рамки единого русского языка (его диалекты в принципе достаточно близки). Во-вторых, у многих пользователей одна (или примерно одна и та же) диалектная основа — севернорусские говоры. В-третьих, сказывается общая заинтересованность коммуникантов, а это особенно сильный стимул к взаимопониманию собеседников.

Рассматривая выбранный интернет-ресурс как лингвистический источник, мы сознательно не обращаем внимания на некоторые его особенности, иногда мешающие делу. Так, коммуникантами записываются и некоторые слова литературного языка, отражающие реалии деревенской, крестьян-

ской жизни, но не являющиеся диалектными (*башлык, бухать, ведро, думка, изба, косоворотка, котомка, кушак, морока, окатить, поди*). Фиксируются и некоторые устаревшие, разговорные и просторечные слова (*ежели* и др.). Часто не выделяется ударный гласный, что заставляет лишь гадать о произношении слов. Обычно страдает пунктуация. Затрудняют понимание орфографические ошибки. При чтении составляет проблему слитное или раздельное написание слов. Иногда значение некоторых лексем толкуется неправильно (*валёк* ‘ёмкость для стирки’ (25.10.2010), хотя это ‘орудие для глажения’). Однако все эти упущения такая малость по сравнению с ценнейшим материалом, который сосредоточен в этом ресурсе! При элементарном анализе все перечни слов можно от этих недостатков освободить.

Ход мысли коммуникантов, их общую заинтересованность можно увидеть, читая диалоги и полилоги. Так, Зоя Шиловская пишет: *В детстве от соседок-старушек слышала, как одну родственницу называли божатка. Я думала, что так раньше называли крёсную. Может, я не права? Спросить мне не у кого* (11.03.2010). Ей вопросом, предположением отвечает Елена Василенко: *Может, богатая?* (11.03.2010). Фотина Сеницына поясняет: *Да, Зоя, божатка — это крёстная мать. Так называли девушку или женщину, которая при крещении брала ребёнка на руки* (23.06.2013). Как видим по датам, общение продолжается даже через весьма длительное время.

В ресурсе нередко обнаруживаются целые эссе на лингвистические темы. Так, Татьяна Савиных пишет о своём участии в сборе диалектных слов и предупреждает о необходимости строго и компетентно оценивать запись: *Когда-то на диалектологической практике сама задалась целью собрать и записать слова и выражения на территории Вытегорского района. Что могу сказать? Просто россыпи!!! Жемчужины!!! Какая точность и образность!!! Особенно у пожилых людей! Подарила своим профессорам для словарей! На самом*

деле собран богатейший материал для словаря севернорусских говоров! Но, может быть, кто-то «подкинет» ещё выражений! Только нужно «просеивать» (материал — Л. З.), как через сито, — всё, что здесь пишут... (10.05.2010).

Людмила Исакова обращает внимание на географическую дистрибуцию диалектных слов: *Море всего могла бы написать ещё... Это, наверно, уже мало где услышишь. А вот даром, тарка, батог, заколоть (животное) говорят у нас повсеместно, хотя в других регионах не поймут, о чём это. В Никольске вообще людей интересно послушать. Не только акцент, но и масса слов диалектных* (7.5.2010).

Об особенностях лексики разных районов пишет Ирина Завьялова: *У нас в Грязовецком районе, не помню каких то особенно загадочных слов. А вот у мужа в Верховажском, вот там то непонятненько бывает мне* (30.10.2012).

Сравнение слов выходит и за пределы территорий современных областей. Так, Елена Радомская пишет: *К моей маме, в Вожегодский район, приехал зять (муж моей младшей сестры), он из Пскова. К нам пришла **полясничать** (поговорить) наша соседка т. Надя и говорит: "Ой, не **бай**, **токотышние** бабы морду намажут и бежать». Зять завис и попросил перевести. Речь шла о современных женщинах* (22.10.2011).

Интонации, особая мелодика северной речи также не остаются без внимания коммуникантов. Так, Надежда Паутова пишет о том, как в Вытегорском районе наблюдала, о чем *щебечет вся деревенька, они цокали или цекали (как угодно): сахароцек, веницек, овецька, булоцька; говорили ласково, скороговоркой: Попей деука цяйку, Принеси-тка баушка молоцька* (18.04.2013).

Подобных интересных материалов в ресурсе «Посидим, побкаем» очень, очень много.

Материал характеризуемого обсуждения является очень содержательным в плане изучения языковой рефлексии пользователей ресурса. Коммуниканты оценивают языковые

факты и отношение людей к ним. Иногда радость человека по поводу своевременно вспомнившегося интересного слова передаётся смайликами, лайками, разнообразными знаками и их сочетанием. Реакции участников группы на языковой материал часто передаются введёнными ими текстами: *Хорошая тема! Вот от меня словечко: **биде** :) Не то биде, про которое вы подумали :). Ну, например: Давай, биде, чаю тебе налью. Типа — давай, что ли, чаю тебе налью* (Вадим Саркисян. 14.12.2009); *Здорово, что существует такая тема!* (Татьяна Савиных. 10.05.2010). ***Добро** = ОК! Культивирую это слово в своём лексиконе* (Павел Баранов. 29.10.2010); *Вчера обнаружила эту тему, с удовольствием читала. Спасибо всем, так приятно вспомнить язык предков* (Галина Лукашина. 8.12.2012).

В плане языковой рефлексии нас особенно заинтересовала дискуссия, развернувшаяся на страницах анализируемого ресурса. Дискутируют Томочка Малухина и Николай Наумов, азартные, как увидим ниже, спорщики.

Николай Наумов: *Как много написала... Я пишу проще... А её выпендривания надуманные что-то из области фантастики... Земляки поддержите, у нас так не говорят* (23.12.2010).

Томочка Малухина: *Николай Наумов, тьфу на вас! Вы сами почитали, что написали? Ваш пост, по-видимому, должен был выразить иронию, а отразил потуги малограмотного человека, не способного сформулировать собственную мысль. Вот эдаких мы с бабушкой в нашей Верхней Водлице Вытегорского района **недодвигами** кличем. **Арандун** вы и болтушка лешья. А впрочем — мели, Емеля, твоя неделя, **биде** тошно хочется* (23.12.2010).

Николай Наумов: *Чего несёшь-то? Говорит что-то несуразное...)))) Шучу!* (19.03.2011).

Николай Наумов: *Вот она дала {...} Я из всего ничего не понял. У нас в Междуречье ни одного такого слова не было.*

Вера Малова (1.05.2011) попыталась переключить разговор о диалектных словах на материал местных частушек с диалектными словами:

Всё угоры да угоры —

Карюшка не бегаёт.

Раз пятнадцать прокатился —

Милка всё обедает.

Поддержала это начинание Клавдия Котова (23.03.2013):

Топ-топ, топотоп,

Топо, топотиночки.

У милово заберу

Всё до лопотиночки!

Идея понравилась и Елене Щепотиной (11.01.2014):

Говорят, что боевая,

Да и правда — ухайда:

Ухайдакала милёноцкя —

Не знаю и куда!

Вадим Саркисян строго возвращает собеседников к обсуждению диалектных слов: «Так, с фольклором сюда http://vkontakte.ru/topic-987037_22262414» (18.04.2011).

Некоторые коммуниканты знакомы со словарями, дают на них ссылки. Так, часто упоминают Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля (Тина Арматурина: *Берёшь словарь Даля и шпаришь всё что похлеще*; Томочка Малухина: *А вот в словаре Даля таких слов может и не быть!*). Александра Пискунова отсылает пользователей к хорошо известному ей «Словарю вологодских говоров» (будучи студенткой филологического факультета, она по его материалам писала исследовательскую работу). Упоминаются «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера, словарь школьного типа «Вологодское словечко». Вадим Саркисян воспроизводит из последнего словаря некоторые словарные статьи (7.06.2011).

Пользователям ресурса знакомы широко известные тексты произведений В.И. Белова, а также сочинения дру-

гих местных авторов — уроженки Вытегорского района Клеопатры Алёшиной-Матюшиной (27.11.2011), тарножанина В. Ю. Ламова (1.08.2012) и др.

Очень ценны рассуждения самих пользователей о словах, их статусе в русском языке. В некоторых случаях слово не просто фиксируется, а комментируется с какой-либо точки зрения. Так, Томочка Малухина пишет: *Кроме нескольких <слов>, мне все знакомы. Лапсердаком пиджак действительно называют. <...> Из списка только антигрустин выделяется — это уже новое слово, но интересно на заметку взять* (23.04.2011). Факты такого рода свидетельствуют о том, что люди в большинстве случаев обдумывают употребление слов.

Интересно по материалам ресурса провести наблюдения над глубиной человеческой памяти. Люди обычно пишут о тех словах, которые когда-то восприняли от матери, бабушки, деда, конечно, реже, но и от прабабушки, а впоследствии и свекрови и тёщи. Именно так реализуется неразрывная связь поколений. Общеизвестно, что владение языком у человека формируется при первоочередном влиянии старших родственников — матери, бабушки, прабабушки, деда. Приведём далее примеры таких ссылок на источник диалектного слова в лексиконе коммуникантов.

Анна Бутакова: *Моя прабабушка (жила в Кирилловском районе) говорила **истъ** ‘есть’ (кушать, в смысле). А ещё кусочки хлеба называла **скипочки*** (31.10.2010). Андрей Викторович: *Я ещё от прабабушки слышал такое словечко **китенька** — нижняя часть стебля картофеля* (12.10.2010). Елена Василенко: *А мне мама говорила, что вологодский язык самый грамотный, если **стАкан**, то и произносится **стАкан!*** (21.12.2009). Ольга Лингович: *Бабушка в Золотухе ругалась: «Не **перечетърживай!**», т. е. ‘не перечь, не пререкайся со старшими’* (30.03.2010). Гина Стрельцова: ***Баретки** — ‘ботинки (обувь)’*, так называла моя бабуля (20.10.2010). Вадим Саркисян: *На днях от тёщи услы-*

хал: Надо бы к ним (знакомым) присямкаться (сесть на хвост, 'навязаться на приглашение') (27.11.2010). Светлана Шинкаренко: *В детстве часто слышала такое выражение — лошадь петролесовская (так называли человека, который быстро идёт, не догнать)* (3.09.2010). Надежда Зюзина: *К маме приезжала в деревню — сказала мне: **напостыло**. Спрашиваю, что означает. Отвечает: соскучилась, скучаю* (12.10.2010). Марк Таувров: *Мне моя девушка говорит что я говорю с череповецким акцентом* (9.09.2010). Елена Щепотина: *Ой, опять тоска по детству напала...* (11.03.2013). Ирина Куликова: *Как будто в детстве в Никольске побывала!* (3.02.2012). Николай Наумов: *Самая главная тема у меня... У меня так много выражений... Интересно...* (6.04.2011). Николай Степанов: *Очень жалею, что не записывал бабушкины сказки, частушки, выражения: «Больно и хорошо-то в наших **хоромах**», **гоучить** 'говорить', **баять** 'врать', **поди-тко** 'может быть', **рожённый**. Случалось, что в разных деревнях разный разговор. Очень жалею, что не записывал!* (12.02.2013).

В настоящее время в памяти многих пользователей даже через поколения сохраняется сложное чувство, которое сродни чувству обиды. Дело в том, что реакция на диалектные черты в речи жителей со стороны городских жителей, учителей, школы, тоталитарного общества в целом не всегда была толерантной. Так, Алёна Бородаенко вспоминает: *Мой дедушка говаривал: Низойская овця, бежсала с крыльця, Как дёрнетця, перевёрнетця, С тех пор овця не ягнитъця (...)* а деда учительница в школе так и дразнила — **низойская овця** (1.05.2011). Фотина Синицына: *Мы, когда приехали учиться в Вологду, очень стеснялись говорить, переучивались. Вот так и забыли, как говорили наши деды-прадеды* (4.01.2014).

Своё суждение на этот счёт Клавдия Котова оформила средствами родного диалекта — даже в грубоватой стилистике, однако вполне справедливо: *Ну, **па**, диво! Иш чево*

захотели? Знать им охота, как **прежде баяли!** Почитай, 50 годочков все слова с кореньями выкорчёвывали из народу, щоб **дикими-то** не были. Говорили — надо правильно разговаривать, всё остальное забыть. И нечово лясы-то точить. **Уповод** потратила, пока написала! (1.01.2013).

Пользователи анализируемого интернет-ресурса часто сожалеют о том, что многие особенности народной речи не зафиксированы (*Надо было бабушек внимательнее слушать*), а также рассуждают о методике записи. Томочка Малухина: *Моя бабушка говорит «порошИна в глаз попала» в таких случаях. А вообще все хочу за собой позаписывать*)). Когда говоришь — само собой выходит, как начинаешь вспоминать — не вспомнить, хоть убей (22.02.2011). Фотина Синицына: *Сейчас и я записываю, что вспомню, очень интересно. Внуки, когда говорю им по-старинному, спрашивают: «На каком языке ты говоришь?»* (29.10.2013). Любовь Зырянцева: *И еще одно слово сегодня в разговоре с подругой проскользнуло интересное, и вроде как нигде больше не встречала его, но вспомнить не могу уже, такие слова сами из подсознания вырываются...* (28.12.2013). Ирина Андреева: *Жалею, что раньше не записывала... сейчас и захочешь вспомнить, что бабушка говорила и как называла вещи, но... вспоминается всегда случайно, специально никак не вспомнить...* (16.06.2011).

Однако не только слова из «семейного» лексикона привлекают внимание наших современников. Вадим Саркисян, например, слышит их и в окружающей его действительности: *Вот еще словечко, может, было уже: утимился (ударение на 2-й слог) — ‘уперся, пристал, заладил’... На днях в магазине от тётки услышал: Одорого — типа, ‘дорого’ (ударение на первую “О”), хотя, может, слышалось. Есть такое, народ?* (3.02.2011).

В материалах описываемого ресурса есть и попытки теоретического осмысления проблем диалектологии. Например, пользователи ресурса размышляют о причинах сохранности

диалектов. Журналист Анатолий Ехалов сохранность известного ему диалекта объясняет так: *Это деревня Бекетовская Вожегодского района. Долгое время она была без дорог и сохранила язык* (13.05.2013). Владимир Мамонов пытается этимологизировать слово: *Одни этимологи предполагают, что славянское слово **истъба** заимствовано из германских языков, но романский корень на него также повлиял, о чем может свидетельствовать начальный гласный звук. Другие считают, что как славянское **истъба**, так и германское **stuba** заимствованы из народной латыни. Нельзя утверждать, что слово **изба** германских корней — это предположение* (2.02.2013).

За время существования анализируемого ресурса его участники установили многочисленные связи с пользователями из других групп — «Великий Устюг», «Вепсы», «Пьём-едим по-вологодски», «Режа», «Ферапонтово» и др. Так, Любовь Зырянцева предлагает: *Если кого заинтересует, зайдите в открытую группу «Вепский край». Её тема — «Вепский след в русских говорах Северо-Запада». В 38 комментариях приведён текст Соболева по мотивам былички жительницы Андомы. Прочитала — как живой водой окатилась!* (23.02.2011). Фотина Сеницына, жительница Бабаева-Судского, составила собрание видеороликов, в котором содержатся материалы журналиста Анатолия Ехалова «Вологодская деревня», ролики из серии «Мировая деревня» (свадьба, костюм, праздники) и др.

Невольно задумываешься о том, что объединяет пользователей ресурса, что влечёт людей на страницы именно этой темы. Цели и причины обращения к ресурсу различны. Во-первых, ностальгия по родной с детства деревенской жизни. Во-вторых, вдумчивое отношение к языку, желание понять, объяснить диалектные слова (*Учусь в Санкт-Петербурге, и друзья замечают за мной интересные словечки, удивляются и не понимают их значение. Вот, говорят, откуда взяла ты слово **посюда**? Я и заинтересовалась. Теперь будет*

что рассказать им! Таня Пудова. 14.01.2013). В-третьих, стремление дать оценку какому-либо слову (Юлия Игнатова: *Меня убивают слова поребрик и ревИт...*) (2.09.2012). В-четвёртых, необходимость собрать материал для своего собственного исследования (Катя Позднякова: *А кто знает что-нибудь из Кирилловского района? О человеке, внешне-сти, характере? Задали в универе*) (4.09.2012) и т. д.

Создатель ресурса Алексей Востряков 24 марта 2012 г. написал: *Я начинал эту тему более двух лет назад. За это время её посмотрели тысячи вологжан, значит она пришлась по нутру. Публикую свою подборку забытых слов жителей Великоустюгского района. Надо отметить, что в восточных районах Вологодской области есть свои особенности вологодского говора, свои слова и выражения. Буду рад, если это пригодится кому-нибудь.* — Подборка А. Вострякова «Забытые слова» — это 400 слов, с уже проставленными в них знаками ударения!

Всё, разумеется, пригодится диалектологам. Поскольку в анализируемом ресурсе зафиксировано очень много диалектных слов и выражений, в принципе уместно их лексикографическое упорядочение, т. е. составление отдельного словаря. Возможно, этой работой вскоре займутся студенты филологического факультета ВГПУ.

С момента последнего комментария А. Вострякова прошло ещё два года, а ресурс жив. Значит, он действительно нужен людям. Нужен и специалистам — диалектологам, историкам языка, этнографам, культурологам, так как являет собой содержательный источник сведений о языке жителей Вологодского края. Чем хорош ресурс? Можно много раз вернуться к написанному, запросить разъяснения относительно того или иного слова, задать вопрос и получить на него ответ из разных районов Вологодской области, можно, наконец, найти понимающего собеседника и вступить с ним в дружеские отношения.

Изыскания участников форума полны энтузиазма и уважения к естественной народной речи. Пусть же материал нашей статьи будет знаком благодарности создателям и пользователям ресурса и признанием их партнёрства в деле изучения вологодских народных говоров!

Записи народной речи как источник изучения диалектной языковой личности

Е. Н. Ильина

В статье рассматривается проблематика описания языковой личности сельского жителя Вологодского края на материале записей текстов диалектной речи, публикуемых по проекту «Народная речь Вологодского края».

Ключевые слова: диалектология, языковая личность, вологодские говоры

Изучение феномена диалектной языковой личности относится к числу актуальных проблем современной диалектологии [Гольдин 1997; Иванцова 2002; Трубинский 2004; др.]. Для решения этих проблем необходим значительный корпус текстов, разнообразных в тематическом и жанрово-стилистическом отношении, ярко иллюстрирующих фонетико-интонационное, лексико-фразеологическое и грамматическое своеобразие речи информанта, а также показательных в сфере анализа его когнитивных и поведенческих особенностей (Тимофеев 1971; Иванцова 2005; др.). Длительные наблюдения над речью сельских жителей Вологодского края в Вологодском государственном педагогическом университете позволили не только сформировать обширную лексическую картотеку, послужившую основой «Словаря вологодских говоров» и других лексикографических проектов кафедры (Вологодское словечко; Золотые россыпи), но и систематизировать значительный по объему корпус текстов, записанных со слов отдельных информантов. Актуализации этих материалов служит проект «Народная речь Вологодского края»,

в рамках которого представляются речевые портреты пожилых вологжан — носителей вологодских [Народная речь 2012] и белозерско-бежецких [Народная речь 2014] говоров.

Первая книга с таким названием содержит пять речевых портретов жителей восточных районов Вологодской области: Междуреченского, Усть-Кубинского, Тарногского, Тотемского, Бабушкинского. Описание речевого портрета каждого информанта включает в себя краткую биографическую справку, представление записанных с его слов текстов в форме звучащей речи, орфографической записи и упрощенной фонетической транскрипции, а также комментарий собирателя, относящийся к наиболее ярким особенностям языковой личности информанта.

Фрагменты народной речи, представленные в книге, весьма интересны в жанровом и тематическом отношении: это и мемуарная проза, посвящённая судьбам своего поколения и родной деревни, это и записи народных частушек, и примеры бытовой речи, иллюстрирующие крестьянское отношение к труду, к природе и к обществу. Кроме того, комментарии к каждому из разделов решают серьёзные лингвистические задачи. Это реконструкция региональной системы русского речевого этикета (Л. Ю. Зорина), исследование диалектной языковой картины мира вологодского крестьянина посредством описания отдельных трудовых ситуаций (П. Н. Задумина), выявление универсально-жанровых и локальных особенностей бытования фольклорных текстов (Е. Н. Ильина), комплексное описание диалектной языковой личности (С. А. Ганичева, С. В. Шильниковская).

Так, например, описание языковой личности Василия Ардальоновича Морозова, уроженца вологодского Междуречья, знатока народной жизни и летописца родной деревни, основывается на текстах его рукописи «Памятка о прошлом», воспоминаниях членов его семьи и анализе текстов звучащей речи информанта. В. А. Морозов сочетает в себе свойства обстоятельного бытоописателя, фиксирующего все

события деревенской жизни, рачительного хозяина, берущего на заметку технические новшества сельскохозяйственного производства, резонёра-морализатора, блюдущего основы патриархальной общины, и блестящего рассказчика, мгновенно схватывающего суть характера представляемых им персонажей. Неординарность языковой личности информанта находит своё воплощение в текстах различной жанрово-тематической направленности, иллюстрированных пейзажными и портретными зарисовками автора. Приведём фрагменты трёх таких текстов: это отрывок из описания родной деревни (текст 1), фрагмент рассказа о шкиперских приключениях автора «Навигационные происшествия 1918–1919 годов» (текст 2), а также тексты междуреченских частушек, записанных со слов автора (текст 3).

Языковая личность информанта демонстрирует очевидные локальные черты. На когнитивном уровне об этом свидетельствует тематическая организация продуцируемых им текстов (прошлое и настоящее родной деревни, память своего рода), система значимых для информанта объектов описания (природа и быт Междуречья, мужской крестьянский труд, отношения между односельчанами и родственниками), система оценок, определяющая в качестве эталона крестьянский «лад» — гармонию человека с собой и с «обществом». С точки зрения выбора языковых средств очевидны языковые черты Вологодской группы северного наречия. Это и типичное для этой территории заударное ёканье («*Как мы с братцом Сашой росли, в каком уходе — мы не запомнили*»), и совпадение форм тв. и дат. падежей во мн. числе («*У неё высвободилось время на уход за личным скотом и курам, на варёж и заготовку пищи для семьи*»), и использование причастий как сказуемых в безличных предложениях («*И было молено всем богам и святой Богородице*»), и многие другие диалектные явления. Диалектизмы практически отсутствуют в описаниях истории заселения края и его социально-экономических особенностей, но весьма активно проявляют-

ся в зарисовках, отражающих быт и нравы родного края: *«Как-то во время отсутствия мамы, **опиравшейся** на сарае крупяной овёс, Саша, мой старший брат, вздумал прыгать с верхнего **приступка лаза** на печку. Я на такое геройство **насмелиться** сразу не смог, вот он и решил научить меня. Взял отцов пояс-кушак, привязал его к **воронцу**, а потом к моей шее, как гарантию, чтобы я не упал и не разбился, посадил меня к себе на **закукорки** и спрыгнул со мной на пол. Кушак оказался коротким, и, оказавшись в петле, **захлёстнутой** на шею, я повис между полом и воронцом, отдавая богу свою несмелую молодую душу... Прибежала мать, видя наши дела, не растерялась, перерезала кушак... А когда все были уже перевязаны-забинтованы, оба получили по голой ж... **семихвостную дёру** с наказом, чтобы впредь не выдумывали таких игрушек».*

Оценивая специфику речевого поведения информанта, примем во внимание свидетельства родственников, вспоминающих манеру речи «междуреченского патриарха» в повседневной бытовой речи, на семейных праздниках и в ситуации публичного общения с коллегами по работе: *Папа был начитанным, образованным, умным человеком, за советом по многим вопросам к нему ходили многие мужики из нашего Заречного района. Где он узнал про школьный дневник в те послевоенные годы? Не знаю, но у меня был такой дневник, сделанный папой. В конце каждой недели я показывала папе свои оценки, а он расписывался в этом дневнике. А ещё папа был хорошим гармонистом. По праздникам в доме собиралась вся наша родня, папа играл весело, звонко, женщины плясали и пели частушки, подбадривая гармониста. А сколько они знали этих частушек — бесчисленное множество!!! (из воспоминаний дочери Нины Васильевны Бородкиной). Я хорошо помню дом деда и бабушки на Заболотном переулке: покрашенный голубой краской, с нарядным балкончиком в мезонине. Запомнила сурового с виду, но доброго и рассудительного деда Василия, хлопотливую и ак-*

курадную бабушку Шуру с её неуёмной энергией, жадным любопытством по отношению ко всему, что происходит вокруг. Помню наши походы в фотоателье: дед Вася хотел, чтобы на общих фотографиях рядом с ним были все его родственники — братья, сёстры, дети, внуки, зятья, невестки. Помню, насколько гостеприимным был их старьёй дом с пирогами, с частушками под гармошку, с долгим, обстоятельным обсуждением новостей — что международных или всесоюзных, что из родного Междуречья. Особую гордость испытали старики, когда их первого правнука назвали Василием. Бабушка не раз говорила: «Новый Василий Морозов родился, семья дальше жить будет» (Из воспоминаний внучки Ольги Игоревны Морозовой).

Продолжением серии наблюдений над речью сельских жителей Вологодского края является монография «Народная речь Вологодского края: говоры Кирилловского р-на», подготовленная диалектологами Вологды и Череповца. Территория древнего Белозерья, весьма интересная и хорошо изученная в лингвистическом отношении (см., например, [Образование 1970]; [Чайкина 2005]; др.), рассматривается здесь посредством реконструкции речевых портретов уроженцев этой местности. Среди них представлены люди различного возраста и уровня образования: рабочая рыболовецкой артели, сельская учительница, работница горно-металлургического комбината из Мончегорска, командир воздушного судна из Вологды. Их объединяет то, что все они в той или иной мере сохранили в своей речи черты белозерско-бежецких говоров, а также то, что они хорошо знакомы с бытовой и духовной культурой родного края. На основе записей звучащей речи авторы монографии предлагают комплексное описание фонетики говоров Кирилловского района (Н. Г. Михова), анализ лексики тематической группы «Природа» (С. А. Ганичева), исследование морфемки и словообразования исследуемых говоров (Е. Н. Ильина). Сравнение полученных наблюдений с известными ранее фактами на

этой территории приводит авторов к выводу о том, что на фоне сглаживания диалектных явлений в сфере фонетики и грамматики весьма активно сохраняется диалектная лексика. Она помогает информантам сохранить в памяти фрагменты прошлого, воссоздать значимые для них явления мира природы, реконструировать систему организации труда, отразить важные аспекты социальных отношений.

Изучение народной речи жителей Вологодского края ждёт своего продолжения. В настоящее время сложился значительный по объему архив записей речи жителей Сямженского р-на (Л. Ю. Зорина), Шекснинского р-на (Е. П. Андреева), выполнена серия выпускных квалификационных работ, посвящённых анализу диалектной языковой личности, на основе вологодских материалов исследуются коммуникативные и психолингвистические проблемы изучения диалектной речи [Шаброва, Смирнова 2005; Черняева 2013; др.]. Систематизация результатов этих наблюдений может внести существенный вклад в описание когнитивных, инвентарных и поведенческих параметров диалектной языковой личности.

Литература

Гольдин В. Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: дисс. ... докт. филол. наук. Саратов, 1997.

Иванцова Е. В. Феномен диалектной языковой личности: дисс. ... докт. филол. наук. Томск, 2002.

Народная речь Вологодского края: говоры Кирилловского р-на: монография. Вологда, 2014.

Народная речь Вологодского края: материалы по русской диалектологии. Вологда, 2012.

Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. По материалам лингвистической географии / ред. В. Г. Орлова. М., 1970.

Трубинский В. И. Русская диалектология: Говорит бабушка Марфа, а мы комментируем: учеб. пособие. СПб; М., 2004.

Чайкина Ю. И. История лексики Вологодской земли (Белозерье и Заволочье). Вологда, 2005.

Черняева М. И. Мультилингвизм народной речи: из опыта диалектологической работы в Кичменгско-Городецком р-не Вологодской области // Лингвистика смотрит в будущее. Вып. 3. Вологда, 2013. С. 49–54.

Шаброва Е. Н., Смирнова И. В. Диалектологическая практика как коммуникативный процесс // Русское слово вчера и сегодня. Архангельск, 2005. С. 209–212.

Приложения

Текст 1

На территории Вологодской области расположено озеро Кубенское. Из него берёт начало река Сухона, протекая от озера Кубенского до Устюга, где соединяется с рекой Юг и впадает в Малую Северную Двину, неся свои воды в Белое море. На берегах реки Сухоны расположились три больших города: Сокол, Тотьма и Великий Устюг — и много больших и малых сёл и деревень. Издавна беженцы от трудных и грозных времен поселялись по малым речкам, впадающим в Сухону, а впоследствии выселялись на самый берег реки, и кораблестроители Петра Великого увеличивали население свободным поселением в деревнях, селах и слободах Приречья. Вот об одном из таких населённых пунктов и пойдёт речь. В царское время он именовался Векшеньгский приход Кожуховской волости, состоящий из восьми деревень, приписанных к церкви «Никола Векшеньгский», названной по имени Николая — святого пустынноика, жившего в лесу в двенадцати километрах от реки Сухоны и от устья впадавшей в неё реки Векшеньги.

Население этих деревень, кроме хлебопашества, занималось отходным промыслом. Мужчины в основном строили баржи. В то время не было судоверфей — строили на берегах Сухоны и маленьких рек — Стрелицы, Векшеньги и Глухой. Прочая рабочая сила, в основном женщины, занимались заготовкой дров в лесу. К тому же малоземелье и беспросветная нужда заставляли семейников уезжать в города — Питер, Кострому, Ярославль, Архангельск и другие. Работали по строительству домов, ремонту и строительству городских улиц, поварами, няньками, землекопами, кто чем смог. Оставались нередко насовсем на чужой стороне.

После Октябрьской революции с установлением Советской власти данная территория образовала Дороватский сельсовет. На правом берегу Сухоны деревня Глухая в 132 дома с населением в 1926 году 528 человек, деревня Борцовка в 21 дом с населением 113 человек, деревня Нижний Починок в 27 домов с населением 148 человек, деревня Воробьёво в 31 хозяйство с населением 138 человек. На левом берегу деревня Дороватка в 43 дома с населением 322 человека, деревня Чёрный Починок в 23 хозяйства с населением 111 человек, Сельцо Никольское в 25 хозяйств с населением 156 человек и Усть-Стрелецкая Слободка в 36 хозяйств с населением 227 человек. Всего, согласно Подворному списку 1926 года, в сельсовете числилось 338 хозяйств и 1743 человека.

Размах строительства первых пятилеток требовал большого количества рабочей силы. Специалисты-судостроители, бывшие крестьяне этих деревень, уехали в Вологду, были наняты рабочими Вологодского судоремонтного завода. Город предоставил им земельные участки под строительство, а потому многие дороватские судоремонтники, разобрав свои дома в деревне, сплывили их в город по реке, привезли свои семьи, пополнив число жителей городского населения новыми фамилиями: Морозовых, Левенских, Потаниных, Логиновых, Серковых, Зиминых, Полуэктовых и Немчиновых.

По преданиям и пересказам дедов, уже давно умерших, известно, как появилось в излучине реки Сухоны, в полукилометре от устья реки Стрелицы небольшое поселение, получившее впоследствии название Сельцо Никольское. В половине восемнадцатого столетия из больших крестьянских семей Усть-Стрелицкой Слободки были выселены три молодых семьи. Новосёлами были Василий Черепанов, Сидор Морозов и Иван Потанин, давшие к началу XX века поколение в шестнадцать семей. Наша семья, получившая начало от Морозова Сидора, к 1906 году состояла из 11 человек. Всё поколение семей Морозовых, взявшее начало от прапрадеда Сидора, прозывалось в округе Сидорята, а этих Сидорят, по состоянию к 1900 году, была ровно половина деревни (...)

И осталось старожилых в этой местности со счётом: в деревне Слободка одна старушка Елизавета Константиновна Рычкова да четыре семьи потомственных слобожан, внуки ушедших в небытие. Из 36 домов осталось 14, десять из них заселены пришлым народом молодого поколения, не знающим истории

этих мест. В деревне Глухая осталось восемь домов с остатком потомственного населения глушан только в трёх домах, а когда-то проживало там более полутысячи человек. Деревни Тютелево — Чёрный Починок, где было 23 хозяйства и проживало 111 человек, в настоящее время совсем нет. Красивое здание церкви Никола сломано ещё в тридцатых годах. Архитектурный вид деревень, а также сама постройка жилья выглядят невзрачно. Почти все дома переделаны из больших двухэтажных на маленькие одноэтажные. Потомственные жители ещё стараются придать красоту и уют своим домам, облицевав их вагонкой и даже некоторые покрасив снаружи, а пришлое население не интересуется, где и в чём живут, надеясь на предоставление готовой, колхозно-совхозной жилплощади.

Текст 2

«Было мне в то время 13 полных лет, и шли бурные революционные годы, 1918 и 1919-й, жизнь на селе и в городе крутилась-вертелась, всё изменялось, всё по-новому заменялось, а нам, ребятишкам, всё было это интересным. И вот в силу этих причин и нас включила жизнь в этот круговорот» (...)

Начало навигации

— Васька Ардашинок, как ты очутился здесь? — удивленно смотрит на меня мой дружок по школе Ванька Воронёнок.

Я в свою очередь обрадовался его тут присутствию и спрашиваю: «Как ты попал сюда?»

— Да, — говорит, — я-то здесь работаю шкипером за старшего брата Мишку, а он уехал домой на сенокос.

— Ну а я тоже за старшего брата Сашку и тоже шкипером вон на том маленьком судне № 13.

— А сзади меня шло судно № 23, на нём шкипером Санжук, тоже с Борцовки.

И мы условились при начальстве не называть друг друга по имени а звать только по фамилии «шкипер Левенский», «шкипер Тютиков» (...)

Эпизод спасения матери-одиночки

«Хоть мне и не совсем удобно, молодому парню, иметь в каюте чужую женщину, но, думаю, я хозяин, пусть она стесняется».

«Как же, — говорит, — вы не понимаете. Это результат несчастной любви. Он-то ушёл в армию, ему-то что. А вот мне-

то как, ведь я не венчанная. Вот я из дому со стыда сбежала, хотела давиться, хотела утопиться, а теперь как? Ведь две души надо губить!»

«И тебе топиться не резон. Как бы ты была одна — Бог с тобой, а теперь у тебя маленький деток на руках. А вот если ты вырастишь такого парня всем на завидость, красивого, рослого, да образование ещё какое он, может, получит, будет инженером каким, начальником. Да, может, и отец его вернётся с фронта, и вы сможете с ним повенчаться. Он, наверно, вас любит, да и ты-то ведь не с первого свидания отяжелела. Нет, вам топиться и умирать совсем не резон! Обо всём тужить — не стоит и жить! Давай-ка вот садись к столу! Моя мать всегда так делала — после родов питалась почаще и лучше, она у нас всегда бойкая, красивая и тороватая, она нас народила восьмерых...»

Описание гульбы шкипера-китайца

«Из каюты китайцы раздавались весёлые песни: «Ехала з ярмарки ухара купеца, ухара купеца, молодая молодеца. Заехала деревня купеца удивит, водочка попит, девка полюбит» (...)

Текст 3

*Не всё о горе плакать.
Не всё об нем тужить.
Половину надо горюшка
На радость положить.*

*н'э фс'о о гор'о плакат' /
н'э фс'о об йом тужыг' /
полов'ину надэ гор'ушка /
на радос' положыг' //*

*Я пойду пораскачаю
Под окошком палисад.
Не воротить любви старья
Теперечи назад.*

*йа пойду пороскачайу /
под окошком пол'исат /
н'э ворот'ит' л'убов'и старыйэ /
т'эп'эр'эчи назат //*

*Я топере не гуляю,
Не гуляю, не тужу,
А потому, что в этом мало
Интересу нахожу.*

*йа топ'эр'э н'э гул'айу /
н'э гул'айу / н'э тужу /
потому шч'о в этом мало /
инт'эр'эсу нахожу //*

*Не ищите меня дома,
А ищите где-нибудь,
Из-за старья любви
Буду в Сухоне тонуть.*

*н'э ишчыг'о м'эн'а дома /
а ишчыг'о гд'э-н'ибут' /
из-за старыйо л'убов'и /
буду ф сухон'э тонут' //*

*Как бы кустичек не мил —
Соловей гнезда не вил.
Кабы милку не любил —
Кажинный вечер не ходил.*

кабы куст'ичок н'э м'ил /
солов'эй гн'эзда н'э в'ил /
кабы м'иуку н'э л'уб'ил /
кажынной в'эчэр н'э ход'ил //

Названия червей в воронежских говорах

Т. В. Карасёва

В статье выясняются происхождение, ареал распространения и наличие узколокального характера у названий червей в говорах Воронежской области.

Ключевые слова: воронежские говоры, названия червей, этимология, ареал, узколокализм

Известно, что червь — это ‘беспозвоночное животное, которое передвигается, изгибая своё длинное тело’ (МАС 4: 662). В картотеках «Словаря воронежских говоров», хранящейся на кафедре славянской филологии Воронежского государственного университета, и Центра региональных лингвистических исследований при кафедре теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы Воронежского государственного университета отражено несколько его собственно диалектных наименований.

Так, червь вообще называется **червák** (*Посли дажда чирвакоф пално* РАМ.). Это фонетический вариант слова **червяк**, происходящего из имеющих значение ‘красный’ ***čьгvь** (Фасмер 4: 336) либо **чърмь** ← ***къгть** (КЭСРЯ: 490) или же «от **чрево**, **чревяк**» (Даль, 2-е изд. 4: 590). Отмечается также собирательное **червá** (*И чирва прошлый гот была, и нырочки ф капусти паявились* БРЗГ. Петр.; *Фсякава бувая вридтила: то бабачки, чирва сядит на капусту* БРЗГ. Петр.; *На чирву харашо рыба ловитца* В.МАМОН). В. И. Даль слово **чёрвá** приводит в статье «червь» в значении ‘детка, детва’ (Даль, 2-е изд. 4: 607).

Червь как наживка именуется **пискава** (*Пискава — насадка на рыбу* Н.-ЖВТ. Рам.). Предположим метонимическую связь данной номинации с названием рыб, бытующим

в воронежских говорах: *писка́вка* ‘рыба шиповка’ (Остр.), ‘рыба ручьевая минога’ (СРНГ 27: 47).

Дождевой червь — выползающий на поверхность земли после дождя — носит следующие названия. *Глист* (*Глисты спрятал?* КРЧ. Рам.; *Глисты приносят пользу* СТ.ЧГЛ. Аннин.; *Глист палзёт на земле* СТ.ЧГЛ. Аннин.; ХРН. Н.-Усм.); *глистя́к* (*Дажджэсок прашёл, и глистяжки сразу вылизли* РГВ. Белгородская область). В русских говорах *глист* (влад., новг.), *гли́сты* (терск., астрах., сарат., новг., волог.) ‘дождевые или навозные черви’ (СРНГ 6: 198–199). Известно, что слово *глист* связано с *глей*, *глина* или д.-в.-н. *glitan* ‘скользить’ (Фасмер 1: 413) и образовано при помощи *-тъ* от *глит* ‘скользящий’: «*глист* буквально значит “скользящий”» (КЭСРЯ: 104). Указанное же наименование червя (*глист*) возникло вследствие метафории. *Дождевёик* (*Апасля даждя даждивикоф многа* СТ.НКЛС. Хохол.; СНН. Рам.). В словаре В. И. Даля *дождевёик* ‘дождевой или земляной червяк, употр. для наживы удочек’ (Даль, 2-е изд. 1: 453). В русских говорах это ‘дождевой червь’ (яросл.) [Смирнова, URL]. Лексема имеет прозрачную этимологию. *Живля́к* (*Как капаши, сколько чярвей выскакывае! Красные — жевляки* НКЛС. Калач.). Номинация восходит к слову *живой*: известно, что дождевые черви отличаются большой живучестью; возможна также метатеза от *желвак* ‘мускул, выступающий на скуле при сжимании челюстей’ (МАС 1: 475).

Навозный червь называется *глист* (*Куча навоза — раскапывае, а там эти глисты!* ШСТ. Бобр.). См. об этом слове выше.

Плодовый червь обозначается с помощью лексемы *кома́шки* (уменьш.-ласк.) (*А то камашки завядутца — малинькии червячки* БТР. Реп.). По-видимому, эта номинация появилась в результате метафорического переноса с названия насекомых: ср. бытующие в воронежских говорах слова *кома́шка* ‘мошка’, *кома́шки* ‘мелкие летающие насекомые’

(Бобр.) (СРНГ 14: 228), которые, в свою очередь, можно возвести к **комар**.

Пиявка — ‘пресноводный червь, питающийся кровью животных, к телу которых он присасывается’ (МАС 3: 129), — имеет следующие обозначения. **Вьюн** (*Вьюна сажалотъ на дисни, када балять зубы* Без указ. места). Этот номинатив бытует и в других русских говорах (волог., арх.) (СРНГ 6: 66). Его происхождение связано с характерной способностью пиявки виться, извиваться. **Гадю́ка** (*А гадюк ныня ф пруду развялось!* ТРЦ. Бутур.). Восходит к прилагательному **гадкий**, характеризующему это животное. Возможен также перенос по сходству от **гадюка** ‘змея’ (ЗЛЖ. Лиск. и др.). **Пива́ка** (*Вы в речки купатись тиа: там пиваки жывут* АРТ. Аннин.); **пья́вка** (*Балять ноги — я пъявак сажала, и крофь упала* ТД. Пан.). Указанные слова — диалектные варианты общенародной единицы **пиявка**, образованной при помощи суффикса **-вка** от **пиява** ← **пяти** ← **питы** и принявшей такую форму вместо **пьявка** (КЭСРЯ: 340) «под влиянием **питы** по народной этимологии» (Фасмер 3: 271). У В. И. Даля лексема **пиявка**, **пьявка** ‘род водяного червя, который присасывается к животным’, также помещена в статье **питы** (Даль, 2-е изд. 3: 117): известно, что данный вид червя пьёт кровь.

Глист — ‘червь, паразитирующий во внутренностях человека и животных’ (МАС 1: 315), — именуется (мн. ч.) **устри́ки** (нач. ф.?) (*Устрики у ниё были* КРС.ЛОГ Кашир.). По всей видимости, это слово связано с **острица**, восходящим к **острый**: данные черви имеют заострённый хвост; кроме того, название можно связать с **острый** в значении ‘резкий’, так как это ‘едкая крошечная глиста, от коей бывает невыносимый зуд’ (Даль, 2-е изд. 2: 729).

Итак, в основу этимологических значений названий червей положены их важнейшие признаки: внешний вид (**гадю́ка**, **глист**, **глистя́к**, **кома́шки**, **устри́ки**, **черва́**, **черва́к**), поведение (**вьюн**, **живла́к**, **пива́ка**, **пья́вка**), вре-

мая появления (*дождевѣик*), функция (*пискѣва*). Указанные номинации возникли в результате суффиксации (*вѣюн, гадѣюка, дождевѣик, живѣлѣк, пивѣка, пѣявка, устрикѣи, червѣа, червѣак*), а также метафорического (*глист, глистѣак, комѣшки*) и метонимического (*пискѣва*) переносов. Одну вторую часть приведённой номенклатуры червей, не отмеченную в СРНГ и других работах по русским говорам (*гадѣюка, глистѣак, комѣшки, пивѣка, пискѣва, устрикѣи, червѣак*), можно назвать воронежской узколокальной.

Список условных сокращений сёл и районов

АРТ. — Артюшкино	ХРН. — Хреновое
БРЗГ. — Березняги	ШСТ. — Шестаково
БТР. — Бутырки	Аннин. — Аннинский
В.МАМОН — Верхний Мамон	Бобр. — Бобровский
ЗЛЖ. — Залужное	Бутур. — Бутурлиновский
КРС.ЛОГ — Красный Лог	Калач. — Калачеевский
КРЧ. — Карачун	Кашир. — Каширский
Н.-ЖВТ. — Ново-Животинное	Лиск. — Лискинский
НКЛС. — Никольское	Н.-Усм. — Новоусманский
РАМ. — Рамонь	Остр. — Острогожский
РГВ. — Роговатое	Пан. — Панинский
СНН. — Сенное	Петр. — Петропавловский
СТ.НКЛС. — Староникольское	Рам. — Рамонский
СТ.ЧГЛ. — Старая Чигла	Реп. — Репѣвский
ТД. — Тойда	Хохол. — Хохольский
ТРЦ. — Троицкое	

Литература

Смирнова С. Народные промыслы Колодинского края. URL: 76423s008.edusite.ru/DswMedia/5letopis-.doc (дата обращения: 23 ноября 2012 г.).

Национально-культурная информативность микротопонимов Смоленского края

В. С. Картавенко

В статье рассмотрена национально-культурная информативность микротопонимов Смоленского края, извлеченных из памятников письменности XVI–XVIII веков и отразивших образы и символы народной религии.

Ключевые слова: национально-культурная информативность, микротопонимия Смоленского края, памятники письменности XVI–XVIII в.

Национально-культурная информативность, а также ценность топонимов и микротопонимов в настоящее время не вызывает сомнений и не нуждается в каких-либо доказательствах. Однако само понимание национально-культурной информации, особенно некоторых ее аспектов, достаточно расплывчато и нуждается в уточнении. Прежде всего, национально-культурная информация включает следующие аспекты: исторический, географический, социальный, материальный и духовный. Иными словами, «внутренний и внешний мир человека в целом охватывается такими сферами, как “бытие”, “природа”, “человек”, “деятельность”, “культура”. Осваивая эти сферы, человек формирует знание о мире, ориентацию в мире и аксиологию (данные формы освоения мира, конечно, пересекаются)...» [Березович 2009: 25].

Существуют различные подходы к проблеме выделения приоритетных или важнейших блоков национально-культурной информации. Так, в ряде работ в качестве главного направления рассматривается духовная культура народа. Н. К. Фролов выделил следующие группы названий: 1) топонимы, выражающие социальные мотивы, внутренним содер-

жанием которых являются посессивные отношения; 2) топонимы, обозначающие профилактические мотивы и коннотирующие скрытые предупреждения (суеверия) об опасности; 3) топонимы, связанные с отражением церковно-религиозных мотивов; 4) топонимы, репрезентирующие эстетические мотивы; 5) топонимы, содержащие мемориальные мотивы, т. е. сохраняющие память об именах известных революционеров, ученых и других деятелей; 6) топонимы, содержащие идеологические мотивы современной эпохи [Фролов 1984: 92]. Е. Л. Березович проводит этнолингвистический анализ традиционной топонимии Русского Севера, рассматривает систему народных представлений о пространстве — реальном географическом и осваиваемом в ходе человеческой деятельности [Березович 2009], а также реконструирует мифопоэтический образ пространства, отраженный в топонимии [Березович 2010]. Появившиеся в последние годы ономастические словари также способствуют развитию и углублению национально-культурного подхода к изучению имен собственных (Матвеев 1990; Поспелов 1993; Русская ономастика; Смолицкая 2008; ТСРО; Чайкина 1988).

В настоящем исследовании мы остановимся на рассмотрении представленности национально-культурной информации в микропонимах Смоленского края, извлеченных из памятников письменности XVI–XVIII веков и отразивших образы и символы народной религии¹. Выбор материала для исследования обосновывается тем, что топонимическое наполнение документов достаточно велико и разнообразно. В них присутствуют названия как относительно крупных географических объектов (волостей, сел, селец, деревень, погостов), так и названия небольших речек, ручьев, прудов, оврагов, пожен, лугов, лесов, пустошей.

---

¹В статье использованы архивные материалы из Российского государственного архива древних актов (РГАДА, Москва), Государственного архива Смоленской области (ГАСО, Смоленск).

Своеобразная топонимическая система региона обусловлена теми историческими условиями, в которых он находился на протяжении длительного периода (пограничное положение края во все предшествующие эпохи; вхождение его в состав Литовско-Польского государства; разнообразные исторические и культурные связи с Белоруссией, Украиной, Польшей). Как следствие этого — наличие в топонимии не только общерусских географических названий, но и многочисленные следы присутствия белорусских, польских, немецких и других иноязычных слов, сохранение в топонимах субстратных элементов.

Микротопонимы, связанные с образами и символами народной религии, представлены в исследуемых памятниках письменности следующим образом. Общее их количество по сравнению с другими группами относительно невелико; сами по себе выделенные микротопонимы составляют оппозицию “святой, божественный, чистый” — “поганный, нечистый, отрицательный”; в большинстве случаев искомая информация в анализируемых микротопонимах не лежит на поверхности, ее приходится реконструировать.

Корпус “святых” названий представлен следующими микротопонимами: пустошь *Всех Святых* (1355/1, 1440, 9), урочище *Купелище* (15171, 329 об.), пустошь *Купелище* (15170, 734), пустошь *Купелищи* на речке *Купелке* (15175, 282 об.), пустошь *Образово* (15171, 289 об.), *Поклонная гора* (15170, 119), пустошь *Пятница* (15170, 501 об.), пустошь *Светицы* (15170, 403 об.), речка *Све(я)чка* (15171, 349 об.), болото *Святово* (15172, 102), лука *Троецкая* (15170, 520).

С корнем *свят-* нами выделены как микротопонимы, обозначающие те или иные гидрообъекты (речка *Све(я)чка*, болото *Святово*), так и микротопонимы, называющие пустоши (пустошь *Всех Святых*, пустошь *Светицы*). «Такие “святые” воды могут быть осмыслены как подлинно святые и стать объектом культа, но могут и не вовлечься в сферу религиозно-сакрального, оставаясь на уровне “святой”

красоты» [Топоров 1995: 8]. Подобные святые места, прежде всего гидрообъекты, следовательно, обладали рядом признаков: чистотой, прозрачностью, красотой, были ценными с точки зрения их практического использования и т. д. Часто святость места поддерживалась многочисленными легендами, рассказами из сферы чудесного, сверхъестественного. Известно, например, много мест на Смоленщине, где церковь проваливалась в землю, и на том месте, где она стояла, образовались озеро либо трясина. Не случайно поэтому болото имеет название *Святово*. Что же касается названий пустошей (*Всех Святых*, *Светицы*), то, очевидно, они могли располагаться рядом с церквями, монастырями, часовнями и по этой причине получали соответствующие наименования. Возможно и то, что на этих пустошах или близко от них находились священные деревья, которым поклонялись.

Несколько названий этой группы, мотивированных словом *купель* (*купелище*), отразили, по-видимому, связь с отправлением религиозного культа, в данном случае — крещения: урочище *Купелище*, пустошь *Купелище*, пустошь *Купелищи* на речке *Купелке*. Несмотря на то что три из них называют не гидрообъекты, все же связь с водой, с культом крещения очевидна, о чем свидетельствует прежде всего последний пример (пустошь *Купелищи* на речке *Купелке*). Вполне возможно также, что описываемые объекты располагались в низинах и по своей форме напоминали купель.

Свои названия пустошь *Пятница* и лука *Троецкая* получили скорее всего по именам церквей, которые находились поблизости от них. «Церковность феодального времени, — писал А. М. Селищев, — наложила сильный отпечаток на географическую номенклатуру. Для названия села официальная среда пользовалась именем церкви, находившейся тут» [Селищев 1968: 65]. Как видим, не только названия сел отразили наименования церквей, но и названия небольших объектов возникали благодаря находившимся вблизи них церквям (монастырям).

Название пустоши *Образово* обязано своим появлением слову *образ* в значении ‘икона, предмет поклонения — живописное изображение бога, святого или святых’ (ср. у Даля: ‘портрет, подобие чье, поличие, писанное лицо, ныне употребляется более со значением икона, во имя’ (Даль 2: 614)). Маловероятно, чтобы в данном случае пустошь получила свое название от фамилии или прозвища владельца.

Очевидно, с местом поклонения был связан также и микротопоним *Поклонная Гора*. Подобный топоним известен в Москве, так, *Поклонная гора* при Смоленской (Можайской) дороге упоминается в документах XVI века. Слово *поклон* в древнерусском языке имело гораздо больше значений, чем сейчас. В зависимости от значения этого слова поразному объясняется происхождение названия *Поклонная гора*. Были *Поклонные горы* в Пскове, Суздале, Петербурге. В одних случаях появление подобных названий связано с богослужением, в других — с подношением, подарком, пошпиной, побором.

«Исторические сведения о роли *Поклонных гор*, — пишет Г. П. Смолицкая, — довольно скупы, но положение их у больших дорог при въезде в город говорит кое о чем. На *Поклонной горе* во Пскове псковичи встречали с поклоном великого Московского князя Василия III, а под Петербургом от *Поклонной горы* торжественно шло к Петру I шведское посольство. *Поклонная гора* при Смоленской дороге в Москве была местом, где встречали иностранных послов, знатных путешественников из западных и южных стран» [Смолицкая 2001: 47–48]. В нашем случае *Поклонная гора*, по-видимому, была местом поклонения какому-либо “святому” предмету или объекту.

Противопоставлены “святым” “поганые, нечистые, языческие” микротопонимы: *Блудов лесок* (15172, 102), пустошь *Букино* (15172, 599 об.), пустошь *Букова* (15171, 377 об.), пустошь *Буково* (15170, 478), рощище *Лешино* (15171, 512 об.), пустошь *Лысая гора* (1355/1, 1440, 45), речка *По-*

гановка (15171, 426), *Поганцовский ручей* (15170, 370), пустошь *Смердово* (15170, 388), речка *Смердяча* (15175, 246 об.), *Смердячее верховье* (15170, 403 об.), луг *Черторыя* (15171, 372 об.), ручей *Чертав* (2/104, 37, 23), пустошь *Чертов починок* (15171, 480 об.), пустошь *Чертова* (1355/1440, 55 об.).

Название *Блудов лесок* могло появиться на основе апеллятива *блуд*. Известно, что *блуд*, соотносимый в народном сознании с лешим, тоже обитал в лесу: «*Водит леший или водит блуд; Блут Ивана дня три водилу*» (Добровольский 1914: 490). В современных смоленских говорах также отмечено слово *блуд*: «В суеверных представлениях — злой дух, нечистая сила; леший». *Як привяли радива у дяреуню, спирва старухи усё кричали: блут эта, блут!* Смол. Козино. *Гъвьрять: вон блут апяць врдит чилавека. Многа людей ня водить, усё аднаго, дваих.* Угр. Доброе; Вяз. Староселье, Гаг. Старая, Дем. Мочары, Ельн. Теренино, Красн. Николаевка, Мон. Барсуки, Поч. Даньково, Рудн. Смоляки, Саф. Леонтьево, Смол. Сметанино, Тычичино, Сыч. Болшево, Хисл. Упино, Ярц. Шахолово» (ССГ 1: 192–193). Не исключено, что название *Блудов лесок* могло возникнуть и на основе второго значения апеллятива *блуд* ‘временное помрачение сознания, при котором человек теряет ориентир, плутает’, ср.: «*И сделауся яму вяликий блуд, заблудилу ён у тым лесу*» (Добровольский 1914: 490); «*Лисавик блуду нъпустил.* Дор. Балакирево. *Блут мяне узяу: как пайду, усё на дно места приду.* Смол. Бельчевицы» (ССГ 1: 193).

Названия пустошей *Букино*, *Букова*, *Буково* могли образоваться от апеллятива *бука* в значении ‘наименование демона, не имеющего определенного облика; в разных местах соответствует лешему, домовому, овиннику и прочим духам’ (РДС: 60). В то же время нами не исключается возможность образования данных названий от фамилии или прозвища владельца пустоши. Антропонимическое их происхождение подтверждается суффиксами принадлежности *-ин*, *-ов*.

Название росчисти *Лешино* также может иметь две мотивации: по связи с апеллятивом *леший* ‘нечистая сила’ и по связи с этим же апеллятивом, но в значении ‘лесной, расположенный в лесу’ (СРНГ 17: 32), кроме того, возможно и антропонимическое образование. Что в данном случае послужило основой, судить трудно, поскольку определенный синкретизм понятий *лес*, *леший* и прозвища или фамилии *Леший*, несомненно, присутствует.

Лысой горой издавна называли гору, вершина которой была лишена растительности (деревьев, кустарников или травы). Микротопоним *Лысая гора* (пустошь), выявленный нами в одном из смоленских памятников письменности XVII века, также, видимо, отражал веру в злых духов. Ведь, помимо того, что *Лысые горы* могли просто называть вершины гор (холмов), на которых ничего не росло, они связывались в представлении людей с “нечистыми, погаными местами”, где обитали и творили свои дела ведьмы: «На Лысой горе, под Киевом, ведьмы шабаш справляют» (Даль 2: 276).

По-видимому, представления о нечистой силе отражены и в названиях речки *Погановки* и *Поганцовского ручья*. Издавна в русском языке слова *погань*, *поганый* ассоциировались с понятием ‘иноверец, язычник’. Так, в Словаре русского языка XI–XVII веков слово *поганый* дано со значением ‘языческий, варварский, нехристианский’ (СлРЯ XI–XVII 15: 182). И в настоящее время в русских народных говорах *поганый* — это ‘нечистый, дьявол’ (СРНГ 27: 288). С другой стороны, подобные топонимы могли быть и не связаны с религиозной семантикой, а отражали лишь некое нечистое место.

Названия *Смердово* (пустошь), *Смердяча* (речка), *Смердячее* (верховье) связаны со словом *смердеть* ‘вонять, испускать смрад, зловоние, отвратительный, вонючий запах’ (Даль 4: 232) и обозначали места нечистые, грязные, часто с застоявшейся, затхлой водой.

Больше всего микротопонимов, связано со словом *черт*. Подобные наименования, как правило, называют объекты, которые трудны для освоения. В наших памятниках письменности это следующие названия: пустошь *Чертов починок* (15171, 480 об.), пустошь *Чертова* (1355/1, 1440, 55 об.), луг *Чертарыга* (1355/1, 54/1487, 50), пустошь *Чортоватка* (*Чертоватка*) (15175, 428 об., 430), ручей *Чертав* (2/104, 37,23).

Кроме того, есть ряд топонимов, отразивших языческие представления и образы: пустошь *Волосаново* (15170, 197 об.), пустошь *Ярово* (15170, 231 об.), селище *Яроково* (15170, 397 об.). Полагаем, что название пустоши *Волосаново* могло быть связано с именем языческого бога *Волоса* (*Велеса*), которого почитали в древности как покровителя домашних животных, “скотьего бога” (ср. также топонимы: река *Велеса* (15170, 435), город *Велиж*). После принятия христианства *Волоса* часто воспринимали как “лютого зверя”, “черта”. Так, у Даля *волосатка* — ‘сев. овинный, домовый женского пола’ (Даль 1: 235). Нельзя, однако, исключать и того, что данный микротопоним мог образоваться от фамилии или прозвища владельца пустоши. Два других названия — *Ярово* и *Яроково* — образованы от корня *яр-*, который ассоциируется как с именем языческого бога плодородия *Ярилы* («Ярило, ярила – древний славянский бог плодородия, от которого ярится земля и все живое» (Даль 4: 680)), так и со словами *яр* ‘крутой берег, обрыв; овраг’, *яровой* ‘засеваемый весной’, *яры́й* ‘яростный’, ‘светлый, белый’.

Таким образом, исследование памятников письменности свидетельствует о том, что микротопонимия является ценным источником национально-культурной информации. Микротопонимы представлены в виде оппозиции силы крестной, святой и нечистой, “поганой” силы. Крестное, чистое, святое всегда связывается или с религиозными культурами, или с чем-то чудесным, прекрасным и полезным. Нечистое,

нехристианское рассматривается как простор для действия нечистой силы, а также как нечто неосвоенное, трудное.

Литература

Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: пространство и человек / под ред. А. К. Матвеева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Книжный дом “ЛИБРОКОМ”, 2009. 328 с.

Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: мифологический образ пространства / под ред. А. К. Матвеева. 2-е изд., испр. и доп. М.: КомКнига, 2010. 240 с.

Селищев А. М. Из старой и новой топонимии // Селищев А. М. Избранные труды. М.: Просвещение, 1968. С. 45–96.

Смолицкая Г. П. Занимательная топонимика. Рассказы о географических названиях. М.: Армада-пресс, 2001. 256 с.

Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1: Первый век христианства на Руси. М.: Гнозис: Школа “Языки русской культуры”, 1995. 874 с.

Фролов Н. К. Отражение понятий духовной культуры в региональной системе русской топонимии // Материалы по русско-славянскому языкознанию: лексические и лексико-грамматические исследования. Воронеж, 1984.

Путь в архангельских говорах: семантический и словообразовательный потенциал

М. С. Картышева

В статье описывается семантика слова *путь*, рассматривается связь между семантической и словообразовательной структурой слова.

Ключевые слова: путь, семантика, словообразование

Лексема *путь* в архангельских говорах имеет развитую семантическую структуру, которая отражается и в словообразовании. В статье описывается семантика лексемы *путь*, рассматривается связь между семантической и словообразовательными структурами лексемы, анализируется словообразовательный потенциал данной лексемы.

Семантическая структура лексемы *путь*:

1. Полоса земли, служащая для езды или ходьбы, дорога.
2. Место для прохода или проезда где-нибудь.
3. Возможность проехать или пройти где-нибудь.
4. Путь следования, направление движения куда-нибудь.
5. Поездка, путешествие.
6. Возможность осуществления чего-нибудь.
7. Направление деятельности.
8. Жизнь, жизненный путь.
9. Судьба, доля.
10. Время жизни.
11. Средство жизни, хозяйство.
12. Время, сезон передвижения.
13. Сезон промыслового лова рыбы и морского зверя, пухина.

путина.

Исходным значением лексемы *путь* является ‘полоса земли, служащая для езды или ходьбы, дорога’: *Йѣздили по путѣм-то по шыроким. Я фсѣ идѹ ни путѣм, ни дорóгой — напрямік.*

С этим значением тесно связаны такие дериваты, как *перепутье*, *путник*, *путничный* и *беспутный*.

Перепутьем называют перекресток дорог: *Жэнихóв выгáдывали вот на перепутьѣе дорóк, снѣк сѣяли. С Северодвинска вѣйехал, перепутьѣе.*

Труднопроходимая дорога *беспутная*: *Дорóга беспутная.*

Лексема *путник* в говоре имеет несколько значений: ‘лесная дорога’ *Дорóшки бы́ли путники назывáюца*; ‘гриб, растущий вдоль дороги’ *Путьники бывáют, их кипятя́т, соля́т да наза́фтра йѣш. Путьник такой как волну́ха почти не различіиш*; ‘подорожная трава, подорожник’ *Стáрыіе лóди назывáли путник, а тепѣрь фсѣ подорóжник. Бабушка ска́жэт: дѣфки, пѣйте путник! — и у нѣй фсѣ не вывóдция, фсѣ йѣсць.*

Подорожную траву иначе называют *путничные лопушки*: *Путнісьни лопушкі ишѣ рвáли, на дорóгах их мнóго. Отрѣжош на рáну, путнішьну-то лопушкѹ.*

Человек приспособливает и другие места для проезда или прохода, так развивается значение ‘любое место, предназначенное для прохода или проезда’: *Тепѣрь трѹдно добрáца, хóдом-то этим. Дрóля свáтаце пойѣхал, йему́ путі бы не найтí, одново́ бы йему вѣчера свáтатъ девятí (фольк.).*

Путь в значении ‘место для проезда, прохода куда-нибудь’ встречается в предложно-падежной конструкции *без путі* в значении ‘не зная, не разбирая дороги’: *Ска́чют бес путі, куда́ ли — оп кáмень гдѣ стѹкнеца.*

Место, не предназначенное для прохода или проезда, называют *беспутым*: *Ну пáрень, ой како́ беспутó мѣсто.*

Не разбиратъ дороги — *не вѣдетъ путѣи*: *Шла, путѣи не вѣдела, фсю дорогу проревѣла. Она не вѣдит сама пот собой путѣи. Сама путѣи не вѣдит, столь пъяная.*

Передвижение по дороге предполагает преодоление какого-либо расстояния: *Весь пѣтъ итти устала, вот к брату и зашла. Так шчо вот докѣда пѣтъ сломила, была фсе жэ. Дак ты какой пѣтъ сюда дала, не заблудилась.*

Половина расстояния обозначается с помощью деривата *полпутѣи*: *Явзора — 25 км нѣжэ по Пѣнеге, на полпутѣи к Вѣркале. Сестра в Явзоре лѣшатъ дѣржыт.*

В результате метонимического переноса от значения ‘место для прохода или проезда куда-нибудь’ развилось значение ‘возможность проехать или пройти где-нибудь’. В диалекте отражаются преимущественно ситуации, когда отсутствует возможность передвижения, когда *нѣт путѣи*: *Там набродитесь, травá, тут нѣт путѣи.*

Передвижение по дороге подразумевает путь следования, направление движения: *Явзора — дак это дѣрѣвня на путѣи ф Карпогоры. Как не мѣжно пѣтъ найтѣи?!*

Сочетание *по путѣи* имеет значение ‘в одном и том же направлении с кем-нибудь, чем-нибудь’: *К Андришке как звонит, дак это фсе по путѣи, зайдѣте к ней и объѣсьнитесь, што рãньшэ ѣдете.*

В диалекте обнаруживаются дериваты с тем же значением — *попѣтно (попѣтне), напѣтком*: *Пошла овѣцек фстрѣятъ, дѣмаю, пойдѣ попѣтне посмотрѣю, как жывѣт. Он в Борке госьтил да попѣтно к нам. А тот скоцил Мãньки Вахлѣевой напѣтком прибежал к Мãньки.*

Транспорт, движущийся в том же направлении, называют *попѣтным*: *А фсе на попѣтных и фсе на свой дѣньги. Машѣну ловѣтъ попѣтнею пошилѣ.*

Попутчика в диалекте принято называть *попѣтником*: *Так што попѣтник ѣсь.*

Человек, направляясь куда-либо, **дёржит пýть**: Ты кудá пýть держáла, не ф торговый-то магазiн. Зáfтра куды пýть дёржыте. Срáзу-то в Лáвелу, а потóм в Вёрколу.

Человек, знающий направление движения, может **напράвить на пýть** или **натакáть пýть** на что-либо: Ты их напράвиш на пýть на п ráвильный. Ёиш, Нiна натакáла пýть на Глухúю пáшню, тáм грибы. Такого человека называют **путеводителем**: Иóсиф был проводник iей, путево-дiтель.

В свою очередь, человек, не знающий правильного пути, **беспýтый**: Ой плутáли! — я-то осóбо беспýтая.

Человек может самостоятельно выбрать верный маршрут, **напράвиться на пýть**: Так скоряйе на пýть напράв-люсь.

Отклонившись от правильного пути, можно сбиться с маршрута, **сбиться с п ráвильной пýти**: Збiлase з до-рошки, збiлась с п ráвильной пýти.

Двигаться можно по основной дороге, по **п ráвильному пу-ти**, или по маршруту, пролегающему в стороне от основной дороги, по **к ружному пýти**: На сенокóс — онi iёдут п ráвильными пýтями, чéрез бродá — и дéлали пóжэнны мешкi (портяны, ис пóртна): на однóм концé сýмка, на фторóм, чéрез лóшадь перекинули: чяйники, хлéбы улóжсат ладóм, штóб лóшадь не беспокоiть. Блудiть-то мнóгие блудiли. И бáнки бывáют блудят в лесу, подóлгу идут, к ружным пýтём.

Маршрут к исходному пункту называется **обráтный** или **зáдний путь**: Зáдний путь — обráтный путь. Обráтным пýтём домóй травы несú.

Дороги предназначены для поездок, путешествий: Пастухi знáли гóворку, поговóрку фсú. Онi дéнек нé брали, картóшки ф пýть давали да молоко. Это вот когды пой-дéш ф пýть, да бойсся, хорошó молiтва помогаит.

Когда человек находится в поездках, он *хóдит по путя́м*: *Я сама́ по путя́м ходи́ла. Надои́ело мне по путя́м ходи́ть, ис путя́ дак ф пúть.*

В поездку человек может отправляться по *путёвке*: *По путёвки́ йёздили, стóда пройежсжали. Какáя балдёш йёхать по путёвке.*

Возвращаясь из поездки, человек *прихóдит из путя́*: *Тóлько ис путя́ приде́ш, так на вецеринку пойдёш.*

Важным для носителя диалекта является пожелание удачной поездки, *счастлívого, хорóшего путя́, лёгкой, хорóшей, счастлívой путя́*.

Лексема *путь* имеет также ряд метафорических значений. В первую очередь, *путь* употребляется в значении ‘возможность осуществления чего-либо’: *Ис шкóлы прибежём, однá была́ путь — лошаде́й гоня́ть. Не́ было фторóй путя́, однá путь.*

Создавая условия для осуществления чего-либо, можно *откры́ть путь, поста́вить, наста́вить* или *напра́вить на пúть*: *Пúть на́до открывáть Влади́миру Ива́новичю: дровá разбирáть. А тó фсе вы́росли, на пúть поста́вила. Тóт-од был хорóший, умны, работяшый, да пúтний, да и фсе́ на пúть наста́вляли, на пúтний. Хозя́ин с хозя́юшкой, с ма́лыми дёточьками, Напо́й, накорми́, на пúть наста́фте — из ме́дных де́нек, копёйку там — ф шишэ́ль спуска́ют. Конверсивное представление той же ситуации: *Где́ путь открóйеца, тудá он и идёт.**

Другое значение лексемы ‘направление деятельности’ метафорически связано со значением ‘направление движения’. В данном значении лексема *путь* употребляется в форме творительного падежа в сочетании с прилагательными и местоименными прилагательными. Эти сочетания имеют адвербиальное значение: ‘обманным, незаконным образом, способом’ *Фсе́ было́ под контрóлем, сёмгу лови́ли запрётным путём, в определёное вре́мя. И вóт обман́ным путём; ‘используя свои способы’: Сво́ими путя́ми потóм услыха́ла,*

што Тася не пьёт; ‘разными, любыми способами’ Парохот ходил, пока вода не спала, дёфки три убежали, сели на парохот да уехали ф Каменку, фсякими путями убежали ис колхоза. Обманывают разными путями, обдуют, как хочеш. Любыма путями домой, срочно; ‘никаким способом, никак’ А ф кино никакими путями не созовёш, не знай, што и за целовек; ‘таким образом, таким способом, так’ Он сохранил таким путём свою семью; ‘каким образом, каким способом, как’: Хочу сделать как у Володи, ну не знаю, каким путём мне это сделать.

Человек **находит** или **выбирает** путь, направление деятельности: *Не охота робить. Непутьней. Путь пошто не найдёш. Он выбрал себе путь — учица дальшэ.*

За образец можно взять **материн путь** или **батьков путь**: *По материной пути пошла и уехала домой. У меня сыновья фсе по батькову пошли пути.*

Человека, не имеющего определенный род деятельности, необразованного или неумелого называют **непутным, беспутым**: *Не охота робить. Непутьней. Путь пошто не найдёш. Он тóжэ дёфки чё беспуты, таблицю умножэния не знают. Мака́р был беспутый, над ним фсе хохотали. Ну ты парень-то чей беспутый, не понимают ницего́.*

Путь также ассоциируется с жизнью человека: *А я, цо у меня было пути, так и рассказываю. Дак вот какая у меня путь прошла́.*

Человека, начинающего свой жизненный путь, называют **первopутным**: *Вот вы первopутные девушки.*

Человек постоянно находится перед выбором жизненного пути: *Братъеф доростила, в армию отправила и пошла по своим путям. Кошатничяли ребята, не по хорóшым путям пошла. От работы оцтала охота, и пошла я по скóльскому пути.*

Правильный образ жизни в диалекте называется **прямым путём**: *Ну, он хоть сейчас на прямом пути, он вино́ только пил, он уш работой был не перегружэн.*

Человек, ведущий правильный образ жизни, не пошел в *распўтство, беспўтство*: *Никакá в распўцьво не пошлá, не пристрамíли ни родíтелей, ни богодáных. Почемў мене́ не збíли с понталы́ги — не пошóл в беспўтство, воровáть дак.*

Человек может начать вести предосудительный образ жизни сам или под воздействием плохих обстоятельств: *А он у мене́ племя́ник два рас сидéл, скóро трéтий пойдéт, набезобráзит, себе́ пудь засéреш, дак нáвек. Собы́ўца с пунтí прáведной. Збивáют йего́ с пунтí прáведной. Ты на послéдний пўть стáла: и пíть, и курíть. Не збивáй дéвок с прáвильной пунтí. Його́ не знáю, што смутíло с прáвильново пунтí. Йёсь такíе лўди, што выжывáют людéй с прáвильново пунтí.*

Про жизнь такого человека говорят: *Беспўту жы́знь ве-дéт.*

Самого человека называют *беспутéйным, беспутéвым, беспўтником, беспўтным, беспўтом, беспўтым, распўтным*: *Прóсто он беспутéйной. Он беспутéвой, этот человек. Беспўтник я, у мене́ хозя́йство фсé распўшэно. Тóжэ такá беспўтна дéвушка. Как скóцит и плюйóца, беспут. Не нарóт, а беспўт. Сын жэ́нiлся взял жóнку беспўту. Дá, сыновья́ беспўты обóи. Беспўтой, вино́ гўбит. Или он хозя́йственен, íли он распўтной. Нарóт-то распўтный стáл, дак фсé разорíли, фсё избўшку-то. А йёсь котóры распўтны, пьйўт...*

Устойчивое сочетание *пройтí все пунтí жы́зни* имеет значение 'испытать многое на своем жизненном пути': *Прошлá фсе пунтí жы́зньи.*

Не всегда человек сам выбирает свой жизненный путь, в таком случае то, что происходит с ним, определяется как судьба, доля: *Йёй такáя и пўть — со солдáтами таскáй-еца. Не пошлéт ли мне Госпóть тóй пунтí цяслíвой, Не полóбит ли мене́ мóлодец красíвой?* (фольк.).

Путь также соотносится с периодом жизни человека, прожитой человеком: *На мойей пути и граждánска, и отéчес-венна. Мнóго было на пути-то, одни войны были. Да я-то по пути-то ужэ много забыла, она лучшэ помнит-то.*

«Жизнь протекает во времени и подчинена его законам» [Арутюнова 1999: 689], *жизнь не стоит на одном пути.*

Срок, отпущенный человеку, исчерпывается, жизненный путь оканчивается: *Дак вот какая у меня путь прошла.*

Жизнь человека конечна, уход из жизни также определяется как дорога, путь в загробный мир, *последний путь, правый путь, тот путь*: *У меня бабушка была, по последнему пути она уи много не ходила. Ладно, Тайсья, не смотри ты на йей, веть фсе жысь так прожыл. Вот покойный теперь на правом пути. Мама моя теперь на том пути. Уи на веки вечные, бесконечные, уи ф последний путь да дорожэньку (фольк.).*

Ситуация смерти описывается с помощью глагольной сочетаемости — *закончить путь, идти в последний путь*: *Скóро конéц свéта, мы сáми закончим путь. Дерéвня вымирайет. Фсе-таки веть надо жо проводить-то, я грю. Дак веть это не на свáдьбу, а она ф последний путь идёт!*

О человеке, погибшем неестественно смертью, говорят *погибнуть нехорошим путём*: *Жóнка вышла замуи за фторóво, и фторóй погип как-то нехорошим путём.*

Для человека является важным проводить покойника *в последний путь*, поучаствовать в похоронной процессии: *Спровáдить нáть сходитъ ф последний путь. Вéра такá невесéлая ходит, ой, не знáю, мы ф таком спорú. Спорú у вáс никакóво не должнó быть. Ф последний путь должнý проводить бес фсякого спорú. Смотрю, она запомага́ла. Ф последний путь нáть отпра́вить. У нáс веть ф последний путь отпра́вляи́ца кисéль. Ну во́щем, спровóдили, óчень фсе́ хорошó.*

Человек существует за счет средств пропитания от своего хозяйства, *живёт своим путём*: *Жыли родители своим путём, своим хозяйством*.

Качество дороги зависит от времени года. Эта связь проявляется в обозначении времени года также с помощью лексемы *путь*. В этом значении темпоральная семантика сочетается с семантикой передвижения, идущей от исходного значения. В говорах архангельской территории различаются ранняя весна и поздняя осень: *первый путь — последний путь*. Данные атрибутивные сочетания в речи употребляются в сочетаниях с предлогом *по*, которые можно рассматривать как наречия времени: *по первому пути* ‘ранней весной, когда можно проехать’ *Мы на лошадях ъехали по первому пути*; *по последнему пути* ‘поздней осенью, когда можно проехать’ *По последнему пути придет. Ёездил ф сеньтябрэ по последнему пути. Только по последнему пути зделал, осенью. Веранду зделал по последнему пути*.

Дорога ранней весной называется *первопутком*: *Ну во время навигацыи толькo ходили, по первопутку толькo ъездили*.

Весеннее время, когда осуществлять передвижение невозможно, когда нет дороги, называют *беспутья, распутья, распутьца, распутье, распутьё*: *Фсб беспуту-то возили туда до перевозу. Весной у нас распутья сильная была, ни проїхать, ни пройти. Это бѹдет ужэ распутьця, дороги большэ нет, снѹк весь розопрѹл. До распутья ничегѹ не было в магазине. Дорѹга фся попутьалась, распутьѹо*.

Значение ‘сезон промыслового лова рыбы и морского зверя, путина’ также примыкает к темпоральному блоку, его отличает специализация семантики. *Путь* в этом значении употребляется с числительными, местоимением *весь* и прилагательным *вѹшний*: *Дѹвать путей дѹвкой отходила, да жѹнкой два гѹда ъездили. Я дѹвать путей на озеро ходила. Мнѹ до Петрова дѹни не везло первый-то путь. Ходило море двѹцѹть пѹть путей выходил. Кѹбрик на вѹсь пѹть увезут*.

На вёшный путь выпека́ем корова́и большы́. Вёшный путь — весённый про́мысел зве́ря.

Многозначная лексема **путь** в архангельских говорах обладает богатой образной семантикой, чаще всего употребляется в переносных, метафорических и метонимических, значениях. Сочетаемостные возможности лексемы также подтверждают активность употребления того или иного значения лексемы. Кроме того, лексема **путь** в говорах имеет характерный словообразовательный потенциал. В прямых значениях способность к словообразованию у лексемы невысокая, для некоторых значений даже не обнаруживаются дериваты, в метафорических значениях, напротив, словообразовательный потенциал высокий, встречаются разные словообразовательные средства (например, *беспутьный, беспутый, беспутёвый, беспутёйный, распутьный* и т. д.).

Литература

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999.

Тексты-иллюстрации в материалах к некоторым картам Лексического атласа русских народных говоров

Л. А. Климкова

На иллюстративном материале к нескольким картам ЛАРНГ рассмотрены тексты в плане их типологии с учетом разных признаков: объема, жанра, функционально-семантической направленности, вида связи единиц и доминирования отношений между ними, характера языковых средств при совмещении регистров коммуникации. Делается вывод о значимости этого компонента ЛАРНГ.

Ключевые слова: диалектный дискурс, текст, тип текста, единица текста, языковое средство, совмещение явлений в тексте

Мы уже неоднократно обращались к проблемам диалектного дискурса, топологии диалектных текстов, в частности лексического компонента их, как онимического, так и апеллятивного, причем на конкретном фактическом материале одной территории — Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья [Климкова 2008; 2010; 2011а; 2011б; 2011в; 2012; 2013 — здесь названы и другие работы автора].

Нас продолжает интересовать эта проблема, в данном случае — ее рассмотрение на апеллятивном материале нескольких лексико-семантических групп, прежде всего — ЛСГ «дерево», с ее составляющими — «верхушка дерева», «ветвь дерева», «листва, листья, крона дерева», а также ЛСГ «просека», точнее — на иллюстративном материале, полученном и накопленном в течение ряда лет при сборе лексики на пространстве Европейской части России в разных микросистемах русского диалектного языка для «Лексического ат-

ласа русских народных говоров», в частности его карт Л87, Л88, Л89, Л106, соответственно выше названным ЛСГ.

В текстовом иллюстративном материале к картам ЛАРНГ реализуются отдельные виды диалектного дискурса и текстов. Прежде всего, типична коммуникативная ситуация (как компонент дискурса) с речевыми партнерами: диалектоносите́ль (диалектоносите́ли при полилоге) — исследова́тель, собира́тель как предста́витель иносисте́мы (литературного языка), при этом активны невербальные средства общения (жесты, мимика, взгляды, демонстрация реалий и др.). Общение в связи с этим происходит в формате «вопрос — ответ». Ответ представляет собой обычно текст как часть диалогизированного монолога, текст-высказывание, чаще всего в виде одного-двух предложений — простого, простых (чаще), сложного, сложных минимальной структуры (реже), то есть текст малого объема, даже минимальной протяженности (см. об этом подробнее: [Климкова 2008: 13–22]).

По жанровой сути, характеру содержания полученные в этом случае тексты-высказывания являются бытовыми в отличие от фольклорных. Примерами последних являются, в частности, зафиксированные в арзамасских (части нижегородских) говорах частушки, фрагменты сказок с употребленными лексемами, соответствующими названным выше картам. Вот некоторые примеры:

*Мы с милёночком сидели
У куста малинова.
С ветки ягодка упала —
Придавила милого.*

*Хорошо тебе, [р'а]бина:
У тебя широкой лист.
Хорошо тебе, подруга:
Тя любит гармонист.*

*Ой, цыганочку п[л'а]сать
Я не знаю, как начать.
Кину веточку на ёлочку,
Начну её качать.*

*На суку (вариант: на
вершке) сидит ворона,
Кормит воронёночка.
У какой-нибудь розины
Утобью милёночка.*

<i>Ой ты, веточка моя,</i>	<i>Залётка, где ты там?</i>
<i>Веточка сиренева.</i>	<i>Где-то за порубкою.</i>
<i>А ты деушка сурьёзна —</i>	<i>Возвилася, улетела</i>
<i>Не люби последнева.</i>	<i>Сизою голубкою.</i>

«Задрожала осина в ответ *листочками*, но ничего не сказала.

Тогда сорвал он тоненькую *веточку* калины и обвязал ею своей невесте запястье левой руки» («Калиновый браслет») [Сказки 2002: 136, 137].

«Он стал срубать *ветки*. Один *сук* на дубу был высоко. Мужик влез на дуб, сел верхом на *сук* спиной к дереву и срубил *сук*.

Другой *сук* был еще выше. Мужик влез на *сук* и, чтобы короче срубить, сел на него лицом к дереву. Он рубил немного, и стал *сук* трещать; мужик был рад и сказал:

— Впредь все так буду рубить.

Но *сук* сломался, и мужик сорвался» («Мужик-дровосек») [Сказки 2002: 226].

Среди бытовых текстов с точки зрения функционально-смысловой направленности, семантического объема доминируют высказывания информационного типа, в частности констатирующие (те, в которых утверждается наличие, существование реалии и ее названия), а также идентифицирующие (те, в которых дается, подчеркивается непосредственное соотношение названия и реалии). Например: *Верхушка дерева — это макушка* (п. 21)¹. *Верхушку дерева у нас называют вершина* (п. 58). *На верху дерева макушка* (п. 34). *У каждого дерева есть на верху макушка* (п. 477). *Он на каждом дереве, вершок-то* (п. 971). *Самый верх дерева — это макушка* (п. 281). *Макушка — ну это верх у дере-*

¹Цифрами обозначаются диалектные системы, в которых функционируют искомые лексемы, в соответствии с определенной для карт ЛАРНГ нумерацией районов по областям и другим крупным административным делениям Европейской части Российской Федерации (ЛАРНГ. Проект 1994: 76–91).

ва, самый верх (п. 466). **Небко** — верхушка дерева (п. 815). **Мáквица** — это самый верх дерева (п. 743). **Ветка** она и есть **ветка**. Или **сучок** (п. 269). **Ветка** так и называются (п. 270). **Ветка** это, она от дерева отходит (п. 341). **Ветки-те** у всех деревьев есть, на то оно и дерево (п. 342). **Ветка**, а как же их назвать по-другому-то. **Ветка** у нас называют (п. 121). **Вéтвой** дерева называю (п. 68). **Чащá** — это ветки еловы (п. 274). **Ветка** — отросток от ствола дерева. У дуба большие **ветки** (п. 336). Так и зовём: и **сучом**, и **ветвью** (п. 391). От та часть, что от ствола идёт, **веть** и есть (п. 390). **Веть** — это сами ветви тоненькие (п. 642). Просто маленькая ветвь на дереве — это **былка** (п. 979). **Лісья** так и есть. **Лісьями** и зовут. И **крона**, и **листва**, и **лисья** — так и называют (п. 270). **Листва** — все **листья** на дереве так называются (п. 281). **Листья** — это **одёжка** на дереве (п. 333). **Облистье** — это одёжка дерева, **листья** его. **Облистье** по осени облетает (п. 433). **Крона** — эта верхняя часть дерева (п. 485). **Визі́ра** — это узкая просека (п. 59). Вырубленная полоса в лесу — **просека** (п. 344). Место, где лес вырубят, называют **просекой** (п. 284). Вырубят вроде дороги в лесу, вот те и **разруб** (п. 921). **Грань** — высеченный лес (п. 52). **Визі́рка** — просека в лесу (п. 705). **Верші́нник** — это верхняя часть дерева (п. 7). Верхушка дерева — **маковка** (п. 55). Листья у дерева — это **крона** (п. 380). **Сучо́к** — обрубленная **ветка** (п. 292). **Ветка** — сучки дерева (п. 281). Сломали ветку — **в́ича** называется (п. 297). Ну так всегда и звали: **ветка** дерева (п. 485).

В высказываниях такого типа даются своеобразные дефиниции, имеющие вид части сложного предложения, в том числе придаточной. Например: **Ветка** у дерева — это там, на чем **листья** растут (п. 466). **Ветлу́жник** — когда **крона**, много веток, **листьев** (п. 247). **Зáсека** — это когда **деревья** в лесу вырубят, а вокруг все остальные **деревья** остаются (п. 383). А вот **былка** у меня: **гусей** гоняю (п. 845). **Вь́руб** — когда **деревья** вырубил и там ходить можно (п. 217).

*Вырубят лес-то, вот и **прóсек**, путём идёт* (п. 284). ***Грань** — это когда местами в лесу нет деревьев* (п. 392). ***Просёка** — дерева срубят когда* (п. 485).

Контекст-иллюстрация может представлять собой констатацию признаков реальности, ее расположения. Здесь констатация совмещается с описанием, характеристикой — описательные, статальные, синкретичные (с элементами констатации, идентификации) тексты: ***Макушка** на ёй, на берёзе, какá! Ой, какó дерево, какá макушка на ёй!* (п. 49) *У осины **макушка** уж вся желтая* (п. 109). *На Новый год-то срубали **вёршик** ёлки — он попышнее, красивее* (п. 138). *У нашей берёзы **маковка** без листьев* (п. 167). *Хороша **макушка** на сосне. А шишки-те на самой **макушке**. **Макушка** дерева тут совсем без **веток*** (п. 187). *У этого дерева **макушка** раздвоилась* (п. 633). *У той осины **топырь** интересный* (п. 734). *На берёзке **макушка** пожухла* (п. 774). *На этом дереве много **веток*** (п. 46). *Длинные **вети** берез* (п. 133). ***Ветвь** дерева крупная больно* (п. 137). *На **вётях** деревьев **листья** свежие, зелёные, веники париться из них хорошие будут* (п. 188). *Много **вётей** острых, говорят* (п. 270). ***Ветка** облепили красавная* (п. 392). ***Ветвина** ели пушиста и колюча* (п. 391). *Висят **хлысты** над дорожкой* (п. 923). *Палка от ствола растёт, **ветка** это* (п. 530). *Отломилась **гилка** в бурю от дерева* (п. 1007). ***Листья** на деревине называм **листва*** (п. 60). ***Листва** у дерева — **крона*** (п. 95). *На деревьях-то **листья**, что ещё-то?* (п. 85). ***Ліствицы** были желтые, красные, зеленые* (п. 705).

Во многих высказываниях представление сути, характера интересующей собирателя реальности дается через то или иное событие, описание ситуации, так или иначе связанных с ней (реалией), — тексты событийные, повествовательные. В таких иллюстрациях употребляется искомое слово, а его значение не эксплицируется. На помощь же часто приходят невербальные средства, в частности указательные жесты, взмах рукой, кивок головой, взгляд вверх и т. д. Например: *По вер-*

хóвцу белочка скачет, с ветки на ветку прыгает (п. 18). Вон у берёзы *макушки* обломали, дак дерево засохло (п. 51). Ворона любит высоко, к самой *маковке* сидеть (п. 70). Намедни грозой *вершину* у березы шишло (п. 141). А на *макушке* сорока сидит и дразнится (п. 174). И этот *вихорь* срубает и хранят (п. 353). А на *макушке* у яблони розовый яблочк висит (п. 386). *Верхушу*-то у дерева ветром сломило (п. 389). Анадьсь на *топырь*-то сороку видала (п. 706). Вон птица сидит на самой *мокоушке* (п. 713). Мы в лесу работали — *ветвины* с стволов обрубали (п. 25). Срежу берёзовый *пруточек* (п. 53). Я обломила *веть* рябины (п. 110). *Ветвиной* иво стукнула, он и убёг (п. 166). Па лицу *ветка* стибанула (п. 168). Елжиньими *ветвями* дороги посыпали (п. 905). Вчера сломала *вётушку* на осине (п. 440).

В случае с использованием паралингвистических средств, при отсутствии констатации, дефиниции, у коммуникантов актуализируется общерусский языковой фонд, фрагмент общерусской языковой картины мира, возглавляемый ядерной лексемой (в русле рассматриваемых материалов карт — это *верхушка, ветка, листва (листья), крона, просека*), которая не эксплицируется, не вводится в текст для представления соответствия с ней другой номинанты (других номинант) реалии. Ядерная лексема при этом остается только в вопросе собирателя. Представление о реалии дается через описание ее или ситуации (события).

Высказывания-нарративы сопряжены с текстами ассоциативного характера, включающими сведения, возникающие в связи с реалией и искомым названием ее. Например: *Чей-то пёс тут прибежи, котёнка мово спужал. Так тот, бедный, на берёзину, на саму маковку залез* (п. 217). *В лесах-то всё завалёно, а раньше все сучочки и вершинки собирали* (п. 354). *Раз в грозу отломилась макушка у вётлы, провода все оборвала — без света сидели* (п. 436). *Воронье гнездо на макушке было, так хулюганы сбили* (п. 433). *Я кинулась за котом на улицу, а он на топырь залез* (п. 770). *Надо обо-*

рвать всё **повитье** (п. 283). *Берёзовые ветки* на Троицу ломают, в храм идут и освещают, а потом эти **веточки** целый год хранят в доме — положено так (п. 467). Мы, когда умрет кто, **былку** сосновую в наличник втыкали, и она сорок дён тама висела (п. 640). **Листушки** уж в конце августа опали (п. 139). Скоро полетит **облістьє** (п. 144). **Лістники** уже облетели (п. 193).

Особую значимость имеют тексты-иллюстрации мотивационного и деривационного характера, включающие сведения о внутренней форме названия и его производящей базе. Например: Там **наверху-то верховёц** у ней, у деревини (п. 389). **Верхушка**, раз на **верху** дерева, как ее больше назовёшь? (п. 485). А то вот еловые ветки **чацой** зовут. Поди **чашишцы** приняси пад ноги, ноги вытирать, када палы моют (п. 274). **Гладыи-то** — березовые листья, **гладенькие**, для веников (п. 33). **Кровель-то** пышиная на сосне. **Кровель-то?** Как же, дерево **кроет** она (п. 391). Работали в лесу: **просекали прбсеки** (п. 352). **Выруб** — когда деревья **вырубили** и там ходить можно (п. 217). **Вырубят** вроде дароги в лесу, вот тебе и **разруб** (п. 321). Её ведь **просекают**, вот **просекой-то** и зовётся (п. 436). **Посекут** деревья — вот и **прбсека** будет (п. 482). Вот будто сквозь лес дорогу **просекли**, это и есь **прбсек** (п. 529).

Подобные тексты-иллюстрации редко выдаются диалектоносителями произвольно. Для получения их требуется специальный вопрос собирателя: «Почему так называется (соответствующая реалья)?».

Отдельную группу составляют объяснительные (пояснительные) высказывания-тексты, в которых подаются суждения о самом объекте и его названии, раскрывающие их суть, часто с элементами размышления: То, что к веткам крепится, — то листья (п. 477). **Макушка** — ну это верх у дерева, самый верх (п. 466). Вон на вершинке, на самой **маковке**, сидит ворона (п. 530). **Прбсека** у нас, ну иль **прбсек** (п. 529). **Верхушка** дерева — **маковка**, ну или **макушка** (п. 274). Ко-

мель, ствол, ай столб, верхушка, крона, а в ней сучьё, ветки, листки — эт всё у дерева, у одного, у кажного (п. 527) и др.

Есть высказывания императивного типа, содержащие различного рода волеизъявления (см.: [Климкова 2008: 22]): *Та вы гилку нагибайте, бо там вкуснейшая шелковица* (п. 1007). *Отломи-к ветвѣну* (п. 2). *Слезай, слезай с макковки-ти, да потихонечку, не упади, да как тия угораздило туды!* (п. 192) и др.

Типы текстов разграничиваются в зависимости от наличия и доминирования тех или иных отношений, что определяется характером связи единиц, составляющих высказывание-текст, — эпидигматических, парадигматических, синтагматических. Так, на основе парадигматических связей создаются отношения вариативности, синонимии, параллелизма. При разграничении двух последних явлений мы исходим из точки зрения, высказанной Ф. П. Филиным и поддерживаемой многими русистами: лексические единицы, обозначающие одну и ту же реалию (имеющие одно и то же денотативное значение), выражающие одно и то же понятие, являются синонимами, если функционируют в одной микросистеме (говоре одного населенного пункта), и параллелями — в диапазоне макросистемы. Думается, этот критерий применим и к вариативности: варианты, с одной стороны, параллели — с другой. Например: *Верхушка, макушка, — это наверху* (п. 385). *Макушка-ну это верх у дерева, самый верх* (п. 466). *Кто верхушкой, кто макушкой назовёт* (п. 472). *Верхушку дерева маковицей зовут, верхушка и маковица* (п. 529). *Вершинка, а кто еще макушкой кличет* (п. 678). *Веткой зовут, еще — прутóm* (п. 122). *Вот эти длинные у дерева ветки зовут сучками* (п. 122). *Ветка она и есть ветка, иль сучок* (п. 269). *Вот прут, ветку, сорвал* (п. 269). *Веть — что побольше, ветка — что поменьше* (п. 247). *Сучок — крупная ветвь дерева, дубец — мелкая веточка* (п. 352). *Так и зовём: и суком, и ветвью* (п. 391). *Кто ветвина зовет, а*

кто — ветка, ветвь (п. 539). Былка — обычно небольшая, тоненькая ветка дерева (п. 609). Веть — это сами ветви тоненькие (п. 642). Хочешь веткой, хочешь дялянкой зови (п. 727). Лапа — крупная ветка, а ветка — мелкая ветка (п. 756). Ветка дерева, ну а если тоненькая, то и бьылкой называют (п. 907). Крона берёзы или какого другого дерева. Иногда говорили не крона, а одежда (п. 95). Листья так и есть. Листьями и зовут. И крона, и листва, и листья — так и называют (п. 270). Листва это. И одёжей называем, опушкой. Опушение дерева — это и есть опушка. Когда заходишь в лес, смотришь, какая опушка дерева красивая. Листва — все листья на дереве так называют (п. 281). Облистье — это одёжа у дерева, листья его (п. 433). Кронуту, листья мы и шалаш звали (п. 389). Клечи — листву так зовут. Клечи и листва (п. 480). Листва, покрывка деревьев (п. 501). Листва, листья — и у нас так (п. 522). Ищю куст у нас гаваряют на крону (п. 599). Прбсека еще вырубка называется (п. 332). Прбсека — это межа. А то есть просек называют (п. 353). И засекой, и визиркой назовут, по-всякому (п. 65). Засака и прбсека, по-всякому зовут (п. 69). Прбсека в лесу вырублены, их у нас трассы называют (п. 92). Просека, а еще вырубка звали (п. 120). Надо идти на просеку, или тропину (п. 121). Прямая визири-то неширока, и просекой звали (п. 46). Просеку у нас и прорубкой зовут (п. 958). Просеку зовут засека (п. 979). Прбсека — это прбсека (п. 642).

Информантами в их высказываниях при установлении синонимических отношений отражается и оценка соответствующих единиц с точки зрения избирательности, частотности, предпочтительности использования в микросистеме (в речи), актуальности-неактуальности. См., в частности: Да у нас кто как кличет: дед — вершок, внук — макушка (п. 562). Вершина, ну и макушка. Большинство вершиной называют (п. 681). Листва так и называется, а крону иногда шатром зовем. Под кроной, шатром, развилитого дерева отдыхать хорошо (п. 523). Прбсека у нас редко говорят — мы засека

говорим (п. 270). *Просеку-то лесники визи́рой зовут, а чаще я засекой слыхала* (п. 84). *У нас гаварят не прбсека, а прасе́ка* (п. 702). *Вырубят вроде дароги в лесу, вот тебе и разру́б* (п. 921). *Адни: на прбсеке, а я всё: на ступлянькú* (п. 274).

Выражаются гиперо-гипонимические и согипонимические отношения, а также холопартитивные, которые могут сопологаться с антонимическими: *Дерево спилили: макушка и комель* (п. 394). *Макушка у всех дерев есть, как и корни* (п. 433). *На соснах один голóмень, ветки на самой ма́ковке* (п. 401). *У высоких деревьев сначала столб идет, а уж потом высоко макушка зеленеется* (п. 472). *Верхушка дерева — маку́шка, а то, что к корню — окомелина, ко́мель* (п. 598). *И вот это верхушка, крона дерева, по-моему, это основные части дерева* (п. 872). *А бывает, с комля до верху ветки растут* (п. 7). *Лапка у ёлки, ветки у остальных* (п. 227). *Чаща́ — это ветки еловые* (п. 271). *У сосны — сучок, у берёзы — ветка* (п. 437). *Ветка у дерева — лапа, лапотник* (п. 478). *Да крона ведь эт чего: вот ствол у дерева, а вверхуто и есть крона, или листьа* (п. 83). *Листва с черного леса, а хвоя с краснолесьа* (п. 562).

Гораздо в меньшей степени в текстовых иллюстрациях представлены эпидигматические связи типа: *На деревьях засе́ки делают, потом вырубают их, лес, а места засе́кой зовут* (п. 169). Ср.: *Засе́ка* ‘зарубка на дереве, сделанная, чтобы не сбиться с дороги’ Иркут. Якут. Енис. Арх.; ‘зарубка’ Влад.; ‘рубка леса’ Арх.; ‘узкая небольшая просека в лесу’ (СРНГ 11: 25, 26).

Высказывания-иллюстрации отражают через связи отдельных лексем пересечение анализируемых ЛСГ в рамках общей ЛСГ «дерево»: *ветка* = *сук* (синонимия), *ветка* — *крона*, *сук* — *крона*, *лист* — *ветка* (часть — целое) и др. свидетельства.

Во множестве приведенные выше тексты-высказывания ярко иллюстрируют синтагматические связи единиц рассматриваемых нами здесь ЛСГ внутри простых предложе-

ний, передающие богатство грамматических отношений разного характера, в числе которых:

— субъектные: *Макушка-то к солнцу тянется* (п. 478). *Бывают на дереве ветка сухая, а бывают и кудрявая ветка* (п. 386). *Эта ветвь очень старая* (п. 394). *У дуба деревá прямо в небо уходит* (п. 384). *Лес на участки разбит, а между ними вóлки, чтобы участки разделять* (п. 287);

— предикативные: *Листва у дерева — крона. Крона — вся зелень на дереве, вот к примеру, крона берёзы* (п. 95). *Ветви́ной у нас называются ветки дерева, куста* (п. 539). *Ветка — небольшая ветвь, ветви́на — большая ветвь* (п. 921). *Листья — это одёжка на дереве* (п. 333);

— объектные: *Срубили мы вёршник ели* (п. 138). *Сперва кидаем листвянку в пёчку* (п. 119). *Широкой прóсек вырубил* (п. 296). *Мы вяжем веники теми же вичками* (п. 7). *Корзины плетут из дубцов* (п. 392);

— определительные, особенно при употреблении лексемы в контактной позиции с прилагательными, местоимениями-прилагательными, причастиями (левая валентность), с падежными, предложно-падежными формами субстантивов (правая валентность): *Опавшая листва кленов под ногами* (п. 395). *На кладбищах все кроны у берез в грачьих гнездах* (п. 480). *У нашей берёзы маковка без листьев* (п. 167). *Наломают веток у вербы и несут в дом* (п. 40). *Ветви́на ели пушиста и колюча* (п. 391). *Отсохшие ветки у дерева надо спиливать* (п. 392). *Вчера сломала ветушку на осине* (п. 440). *Есть деревья с большой кроной* (п. 58). *Прóсек в Дальнем лесу широкай* (п. 478);

— разнообразные обстоятельственные, в том числе локативные: *По-простому макушкой называем* (п. 157). *На маковке птичка сидит* (п. 169). *В кроне спрятался кот* (п. 477). *На листиках тли много* (п. 481). *Столбы там еще, на прорубáх, стоят* (п. 436). *Через прóсеку перебежали, и тут такой ягóдник начался* (п. 397).

На основе синтагматических связей внутри сложных предложений и между отдельными предложениями складываются актуальные отношения причинного обоснования, причинно-, условно-следственные, сравнительные, сопоставительные и др.: *Внизу ни одной веточки, а зато вершок ветвистый* (п. 743). *Вот как у нас есть верхушка, так и у дерева есть верхушка* (п. 743). *Мáквочка где у тебя? Вот здесь? На верху? Вот так и у дерева* (п. 896). *Ветер сильный был: все макушки поносил, как огнем спалил* (п. 845). *На маковице дерев чаще всего птицы вили гнезды: к солнышку ближе, и не так опасно* (п. 743). *Какое дерево: если ель — так е́лова ветка, если сосна — так соснова ветка* (п. 7). *Пруток — малая веточка, а сук большой, утвалился, и всё* (п. 122). *Ветка у молодого дерева, а сучья — у старого* (п. 185). *Если дерево ветвистое — у нас про него говорят: рогастое, а ветку мы рожко́й называем* (п. 942). *Лист на деревьях растёт. Когда много — лист говорят, и когда мало* (п. 386). *Её ведь просекают, вот просекой-то и зовётся* (п. 431). *Прямая визи́ра-то неши́рока, и просекой звали. Просеки большие, моторные* (п. 46). *У всех макушки есть: и у тебя, и у ёлки, она наверху* (п. 529).

В высказываниях проявляются и другие отношения: перечисления, однородности, уточнения, присоединения и т. д. При этом все они и рассмотренные выше значения часто совмещаются в разных проявлениях и объемах в одном тексте (это легко прослеживается в приведенных выше высказываниях), то есть активно проявляется семантический (грамматический) синкретизм. В то же время виды грамматических значений соотносительны с функционально-семантическими типами текстов-высказываний. Так, например, при реализации синтагматических связей субъектные и предикативные отношения характерны прежде всего для констатирующих и идентифицирующих текстов; определительные — для описательных; объектные и обстоятельственные — для событийных, повествовательных; причинно- и условно-следствен-

ные, причинного обоснования, сопоставительные — для объяснительных; апеллятивные (при обращении, формах повелительного наклонения) — для императивных; и т. д.

Более того, отношения, складывающиеся в рамках грамматических единиц при реализации синтагматических связей, по-разному сочетаются с отношениями, создающимися на базе парадигматических связей в пределах ЛСГ, а те и другие — с ассоциативно-деривационными в пределах эпидигм и словообразовательных гнезд, все же они, — вместе или по отдельности, — с типами текстов определенной функционально-семантической направленности.

Так, синонимические, согипонимические, антонимические отношения совмещаются с перечислительными, однородности, градации и доминируют в описательных текстах; гиперо-гипонимические, холопартитивные, совмещаются со значениями пояснения, уточнения в рамках объяснительных, повествовательных текстов; ассоциативно-деривационные связи, выражая мотивационные отношения, реализуются в объяснительных текстах; и т. д. Таким образом, здесь синкретизм имеет более масштабное, более глубокое проявление.

Объемный текст, более протяженный, нежели отдельное высказывание (хотя и осложненное категориями дискурса), тем более чаще всего предстает синкретичным, в котором объединяются признаки (и фрагменты) текстов разных функционально-семантических типов с реализацией разных отношений и связей.

В текстах происходит также совмещение информационного и изобразительного регистров коммуникации [Климкова 2008: 13]. Показательны в этом плане тексты-высказывания разного характера, включающие в себя экспрессивно, эмоционально, оценочно окрашенные языковые средства, единицы-коннотативы, со всей гаммой оттенков их значения. В их числе:

— лексические средства, коннотативно окрашенные слова: *У берёз на ветках красивые серёжки осенью висят — загляденье!* (п. 466). *Крона-то какая раскидистая!* (п. 137). *У нас деревья большуханные, и маковки не видать* (п. 170). *Здоровенна какá ветка!* (п. 483). *Красивошно дерево — берёзато, наше* (п. 475) и др.;

— деминутивы, причем не только первой, но и второй ступени деривации, при этом характерно активное использование их диалектоносителями, ведущее к своеобразному их сгущению, концентрации: *Там вверх макушечка* (п. 871). *На рябиновой веточке сидит синичка* (п. 281). *Ветки на дереве, а маненька дак веточка* (п. 46). *Вон у ивы-то какé прутики висят. Один дак пруток* (п. 80). *Сорви сучёчек, дак скотину-то легче гнать* (п. 84). *Лапачёв пихтовых нарубико, дак венчики паричча сделаю* (п. 84). *Стоит, а прутьишки так вверх и тянутся* (п. 26). *Срежу берёзовый пруточек* (п. 53). *Веть что побольше, ветка что поменьше* (п. 247). *Вот веточка — это и есть хворостинка. Хворостиночку сломим и коровушку в стадо погоним* (п. 434). *Вчара сломала ветушку на осине* (п. 440). *Осенесь листышки и облетают* (п. 10). *Веточки у берёзки тоненькие* (п. 438). *Соседский мальчонка такой неслушник, я его секоринкой так и отлупила* (п. 707). *Ветка — небольшая ветвь, ветвина — большая ветвь* (п. 921). *Енту былачку сламали* (п. 983). *Вон вершок груши из-за крыши дома видёхонек* (п. 391). *Ахти, тошенько мне: на самую маковку залез!* (п. 120) и мн. др. — явление вписывается в чисто русский языковой феномен: обилие уменьшительно-ласкательных образований, связанный с особенностями русского национального характера;

— лексические единицы как результат редупликации, иногда в сочетании с морфемными средствами: *Макушки у ёлки тоненькие-тоненькие* (п. 392). *Вершины у разных деревьев разные: бывают долги-предолги* (п. 529). *Сосна-то вон здоровуца-прездоровуца* (п. 443). *Веткой так и называм. Это отросток у дерева, у него их много-много* (п. 478);

— лексико-грамматические средства: эмоционально-экспрессивные междометия, в том числе глагольные; аналогично окрашенные частицы; экспрессивно, эмоционально, оценочно заряженные слова знаменательных частей речи — определительные местоимения, местоименные наречия и др.: *Какое дерево большое, какая макушка высока* (п. 469). *Какие кроны у этих елей пушистые!* (п. 714). *Батюшки! Уж на макушке сидит, вот чертёнок!* (п. 478). *Ой, какé листочки красивы!* (п. 476). *Она ветку отпустила, а та меня по лицу — хлесь!* (п. 134). *Под ним ветка — хрясь, он и упал* (п. 337). *Ох, и густая облытье у антоновки! Глянь, даже ветки за яблоками не видать. Это хорошо — значит, здоровая древа* (п. 675). *Ну и крона у дерева широченна!* (п. 477). *Вон, глянь, дерева какая, зелёна, густая!* (п. 322). *Вон маковка на сосне-та здоровуца не знай какá* (п. 478);

— грамматические формы, в частности формы повелительного наклонения, вскрывающие компонент прагматики текста: *Глянь-ка на верх-ат: вишь там на дереве веток много, листьев? Эт и есь крона. А ты как думаешь? Рай не так?* (п. 478). *Не лазь на макушку-ту, сорвёйся* (п. 479). *Уборви веточки-ти: козу покормим* (п. 556). *Иди прóсеком: и грибов наберёшь, и не заблудисся* (п. 440). *Да, отстаньте от меня, надоеды, токо склёвали, идите вон листочки пощиплите* (п. 527);

— обращения, в качестве которых используются термины родства, в том числе деминутивы, направленные к незнакомому человеку (в нашем случае — к собирателю), что составляет один из феноменов русской речи и русского характера: *Дочк, что ты какие-то сё интересны вопросы задаешь? Чай, верхушка — она и есь верхушка. Как ищё скажешь-то?* (п. 476). *Доченьк, я те и баю: макушка, ветка, листочки — всё эт у дерева* (п. 441). *Внученьки, на кой эт вам сё нады знать, чай, не в лёсу собиратесь роботать. Эт кто срубат дерево, макушку отрубит, ветки, сучки окорзат, и на бревны дерево-то. А вам на кой?* (п. 478). *Какое же дерево без*

листьев, дачушь? (п. 218). *Просеки-то, сынок, от пожару делали* (п. 442);

— восклицательная интонация, сопровождающая все выше названные средства, в том числе усиление логического ударения, эмфаза: *При буре такая ветвина отлетела!* (п. 69). *От одного дерева скоко отростелей!* (п. 119). *Как шумит листва на ветру!* (п. 194). *Сколько облистьев поналетело в сенцы, сил нет! Надо бы пойти вымести, да в одну кучу, и пожечь* (п. 675). *Буря-та прошла-а-а! Деревья с корнем выдирала. А вершин посибиало ско-о-оль!* (п. 439). *О-о-й, как сё заросло! А просека ведь была коли-то* (п. 478). *Хоро-о-шее облистье на этой берёзе* (п. 138);

— художественные средства, тропы, стилистические фигуры, наиболее частотны метафора, сравнение, гиперболы, эпитет: *Осенью в дубраве больно красиво, деревья все разные стоят, шапка у каждого своя, все пёстрые. Она до осени, шапка-та, потом осень наступает, листву и не оставляет* (п. 773). *А какие шапки у тех клёнов!* (п. 703). *Стоит вон дерево кудряво, как шапка, верх-ат. Вишь шапка кака!?* (п. 527). *Листья на ветках сидят — зелёные, разные* (п. 381). *Идёшь по лесу — вершины шепчутся* (п. 398). *Новое облистье по весне наряжает все деревья в лесу* (п. 809). *Осень придет — облистье унесёт* (п. 216). *Ураган-ат бы-ыл! Все макушки деревьев поносило, как без головы стоят* (п. 475). *Ветер был такой, что макушки до земли доставали* (п. 432). *Макушка прям в небо упираться* (п. 472). *У дерева макушка поднялась под самые небеса* (п. 845). *Макушка облака задевает* (п. 656). *Вершинка под облаками* (п. 394).

При помощи перечисленных языковых средств создаются тексты, дискурс высокой степени художественности, поэтичности.

В целом рассмотренные факты, выявленные при интерпретации иллюстративного материала к некоторым картам ЛАРНГ, как и другие, оставшиеся вне поля зрения в данной статье, свидетельствуют о многомерности, многоплано-

ности, полиметричности диалектного дискурса и о многообразии типов диалектных текстов, о богатстве связей и отношений в них, а также языковых средств их выражения.

По большому счету они являются текстами характеристики не только тех реалий, названия которых выясняются, — они вскрывают особенности речевой коммуникации и ее партнеров в условиях диалектной системы, представляют диалектоносителя как многопризнаковую языковую личность с ее богатым внутренним миром и чертами национального характера.

Все это свидетельствует, в частности, и о том, что значение ЛАРНГ выходит далеко за рамки простой фиксации и систематизации лексики, функционирующей в современных русских народных говорах (хотя и это трудно переоценить!): его материалы, в том числе иллюстративный, представляют русского человека как модельную языковую личность, в целом — своеобразие русской жизни в ее разных проявлениях, русского национального характера, что подтверждает уже неоднократно высказанную мысль о непреходящем значении «Лексического атласа русских народных говоров».

Литература

Климкова Л. А. Нижегородская микротопонимия: разноаспектный анализ. Арзамас, 2008.

Климкова Л. А. Нижегородская микротопонимия: дискурсный компонент // Ономастика Поволжья: сб. материалов XII Международной научной конференции. (Казань, 14–16 сентября 2010 г.) / под ред. И. А. Гилязова. Казань, 2010. С. 15–18.

Климкова Л. А. Мотивационные тексты в региональной языковой картине мира // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: сб. статей по материалам международной научной конференции молодых ученых. Вып. 10. 16–17 марта 2011 г. Н. Новгород, 2011а. С. 152–157.

Климкова Л. А. Языковая личность диалектоносителя: лексический компонент // Русское слово. Вып. 3. Сб. научных трудов к юбилею Р. И. Кудряшовой / под ред. Е. И. Алещенко, Е. В. Брысиной, В. И. Супруна. Волгоград, 2011б. С. 33–42.

Климкова Л. А. Параметры информативности диалектной речи // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2011. СПб., 2011в. С. 86–96.

Климкова Л. А. Феномен сельской улицы: лингвокультурологические заметки // Проблемы педагогического образования: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 80-летию педагогического образования в Республике Марий Эл / отв. ред. Н. А. Бирюкова. Йошкар-Ола, 2012. С. 287–297.

Климкова Л. А. Типология текстов в составе микротопонимических комплексов // Вопросы русской исторической грамматики и славяноведения: к 175-летию со дня рождения Ватрослава Ягича: материалы международного научного семинара (19–20 сентября 2013 г., г. Петрозаводск). Петрозаводск, 2013. С. 78–81.

Сказки: В двух книгах. Книга первая / Народная поэзия Арзамасского края / сост. Ю. А. Курдин. Арзамас, 2002. 503 с.

Семантика общерусского слова *мёртвый* в архангельских говорах

А. Б. Коконова

Задачей данного исследования является рассмотрение семантики слова *мёртвый* в архангельских говорах. Слово *мёртвый* в литературном языке, по данным словаря С. И. Ожегова, зафиксировано в трех значениях: 1) умерший, лишённый жизни; 2) бесплодный, бесполезный; 3) лишённый жизненности, оживления. В архангельских говорах слово развивает переносные значения, распространяясь с живых существ на предметы, то есть в говорах этот процесс представлен шире и распространяется на больший класс явлений. Значимыми для семантического переноса оказываются такие признаки умершего, как неподвижность, невозможность говорить, окоченелость тела, бледность кожи. В семантике слова *мёртвый* заключаются представления о смерти: смерть подобна сну, с того света нельзя вернуться, в иной мир нельзя ничего взять.

Ключевые слова: диалектология, семантика, этнолингвистика

Общерусское слово в пространстве диалекта обычно употребляется в своих основных значениях, свойственных литературному языку, но, с другой стороны, может сохранять архаические, утраченные современным языком значения. Вторым признаком функционирования общерусского слова в диалекте является, безусловно, более широкая сочетаемость слова в значениях, общих для диалекта и кодифицированного языка. «...Это даёт надёжный материал для изучения базовых концептов, образующих национальную концептосферу в её диалектном варианте. Общерусские слова обычно не имеют «культурного» своеобразия в своих исходных значениях, но обнаруживают специфичность коннотаций, прояв-

ляющихся в семантической и словообразовательной деривации и фразеологии» [Нефедова 2012: 124].

Задачей данного исследования является рассмотрение семантики слова *мёртвый* и установление связи между развитием семантики слова и народных представлениях о покойнике. Материалом для работы послужил Архангельский областной словарь, его картотека, электронная база данных, а также собственные наблюдения автора.

В народном сознании существует четко выраженная оппозиция «живой — мёртвый», которая имеет лексическое выражение. Данные признаки, по выражению С. М. Толстой, имеют «очень высокий семиотический статус», являясь не просто языковой констатацией факта, а признаками-символами [Толстая 2011: 43]. Умерший человек в народной культуре воспринимается как «воплощение смерти» [Толстая 2009: 112], следовательно, семантика слова *мёртвый* должна, кроме очевидного признака «неживой», включать в себя ключевые представления о смерти и мире мёртвых вообще.

Основное значение слова *мёртвый* — ‘умерший’: *Я, горит, никогда не болею — а потом нá! Тóнька-то мёртва. С копылко́ф съверну́лась. Ма́му на уме́ де́ржыш — дак при-сн́ица, а мёртву уви́диш — г болéзни, ма́ма ма́йет, гово-ря́т. В том же значении используется словосочетание *мёрт-во тело*: *У йéй привидéнийе б́ыло, дóлго он к йéй ходи́л так, приходи́л, кури́л, ниче́го не говори́л. А óн на войну́ был взят, так от йéго ни вéсточьки, ни похоро́нки. Стал каза́ца привидéнийем. Так ходи́ла к лю́дям зна́ющим, што́бы перестáло тéло мёртвое каза́ца.**

В отличие от литературного языка, слово употребляется и в значении ‘покойник’ в ситуации воспоминания об умершем: *Бабушка-то мёртвая, головой жáлилась. А ты подúмала — ма́ть, а ма́ть у тебя́ мёртва, вóт тебе́ и поблáзнило.*

Мёртвое не обладает жизненной силой, не способно произвести жизнь: (А корова не бывает беспокойной, если она сгуляет, а её не осеменяют?) — *Ка́к не́ — беспокóйиця*

шЫпко, дак не привезу́т (материал для оплодотворения) — не огуля́йцея. Ис Котласа семенá вот вóзят, дак ты подúмай — и на́до слу́цить! — какú вот онú семенá йесь, дак мóот онú мёртвы́е.

Умерший не реагирует на внешние раздражители, поэтому **мёртвым** могут называть человека, находящегося без сознания: *Меня пёрвой рас инфáркт взял, я мёртва была, со мно́й сýтки водíлись. Бьют, бьют, он мёртвой, а убóрщица воды плеснёт, он очьнёца.*

Крепко спящий человек также подобен покойнику: *Спала́ мёртвая, хóть меня́ убей. Ну сёдня зауснё́м мёртвым снóм.*

Одно из основных свойств умершего — полная неподвижность, поэтому всё неподвижное может определяться как **мёртвое**: *А йётот фсё мёртвы́й, смирё́ный телёнок — сто́йт — не шэвэ́лица. Два котла́: мёртвой и сливнóй. Э́тот лежы́т на дне, а э́тот поднимáйцея. Ла́пки мёртвы́е бы́ли — так и сто́ят, вéчныэ вéки, к пóлу прибывáли.*

Состояние неподвижности оценивается как очень близкое к смерти: *Тепёрь одна́ стару́ха оста́лась, ни жы́вая, ни мёртвая, недви́жы́мая.*

Подтверждением этой мысли могут служить тексты похоронных причитаний. «Согласно мотивам похоронных плачей, наиболее заметным (наблюдаемым со стороны живых людей) признаком смерти является отсутствие движения и дыхания: дышал — стал бездыханным, был зрячим — стал слепым, мог говорить — стал безмолвным, был подвижным — стал неподвижным» [Виноградова 2005: 2]: *Находíлизь да тво́й нóжэньки Да по пúнешской да по земéлушке. Натоптáлись онú да муровóй травы́. Назбывáлись цветóф лазóревых. Призакрýлись да бчи́ ясные. Призамóлки устá сахáрные. Уш не скáжеш ты да слóво лáсково. Стару́шка сидít плáчет да причитáйет, почемú ты ушла́, нас оста́вила-ти. Розойдúтесь, пескú сыпúчийе, фсе пойдúт гуля́ти, а ты́ молодáя да в землэ́ лежы́ш.*

Признак неподвижности может относиться не к человеку, а к любому другому живому существу: *Сильно было много народу так он (кот) боится, мертвобой.*

С неподвижностью человека может сравниваться неподвижность механизма: *Батька на дико, дико грамотной был, сём класоф, но грамотной, механизатор. Мёртва машина пойдёт.*

Мёртвый человек не способен на совершение каких-либо действий, поэтому бесполезен, ни для чего не нужен, не внушает страха: *Хоть огороду потпирай — мёртвой живому не товарищ. Надь живого человека бояца, а мёртвой, как баток, хоть двери потпирай.*

Отсутствие деятельности может переноситься с живого существа на место. **Мёртвое место** — то, где нет людей, ничего не происходит: *А нашэ-то дело — внуки да дети, а то што — мёртвой дом. Такой посёлок большущий и мёртвый.*

В соответствии с этим человек, в котором нет искры жизни, подобен мёртвому: *Он какой народ гуляшый был, а теперь-то мёртвой (сучный, невесёлый).*

Жизнь часто представляется через метафору огня, и наоборот, отсутствие огня может мыслиться как смерть: *Мёртвыми углями рожжывляю, а лучшэ живым. Прибол, он мёртвый (о потухшем самоваре). Я тебя мёртвым-то чайю ем не буду поить.*

Мёртвым считается и то, что не относится к реальной действительности: *Планирование сделаеш — там жэ мёртвойе, а на завот придеш — фсе живойе.*

В народной культуре мёртвым может называться и то, что не освящено традицией, то есть относится к научно-техническому прогрессу. Частотен эпитет **мёртвый чай**, который определяет чай, приготовленный на нагретой электричеством, а не живым огнём воде. *Шчитайеца мёртвой чай, [надо] штобы угольйо было живоб ф самоваре.*

Вторым очевидным свойством умершего человека является бледный цвет кожи, поэтому всё бледное может сопоставляться с мёртвым: *Лепёшки пекла зажёристы, а не люблю я мёртво. Мёртво тесто не люблю, которо не зажёристо.*

Наконец, смерть как «отсутствие жизни» [Толстая 2012: 58] является состоянием, из которого нет выхода, поэтому объекты с такими характеристиками также могут определяться как мёртвые: *Имёйца дно сётти, мёртвый котёл.* По-видимому, из-за этого смертное состояние является эталоном сильного желания (ср. литературное *до смерти хотеть чего-н.*). *Я ничево не разумию в воде, я пить мёртвая, иж-жоба, фсё в роте сохнет.*

Прилагательное **мёртвый** часто используется в составе сравнений. Такое сравнение может иметь под собой разные основания:

1) неподвижный, немой: *Кто-то шуганул (медведя), он лётит через бабку. Она обосралазь, да речи лишылась, сидит, глядит, как мёртвая.*

2) спящий беспробудным сном: *День проробиш, а ноць падеш как мёртвой. Щяс как мёртвый спит.*

3) негнувшийся, одеревеневший: *А у меня руки как мёртвые, навёрно, я не умею засътегну́ть (цепочку).*

4) бледный: *Как мёртва — как ф пець посадиш. Нынешна сметана така. И не красёт (не становится румяной, поджаристой).*

В говорах зафиксировано большое количество фразеологизмов со словом **мёртвый**.

Беспробудный сон, в котором находится умерший, становится эталоном для очень громкого звука: *У меня и гóлос-то ржанина — я и мёртвого разбужу́.*

Неподвижность покойника противопоставлена веселью и энергичности песенной мелодии: *Раньше у нас папа заигра́т — мёртвово подниму́, плясать пойдёт.*

Неподвижность приравнивается к бездействию, бесполезности чего-либо: *Паром у нас йесть ф Кушкопалы, тоьлко не робота, стоит мёртвым капиталом. Я фчерá чё-то этто, холодильник, говорю, стоит тут мёртвым капиталом.*

Неподвижность как основной семантический признак лежит в основе выражения **не мёртвой камень**, обозначающего человека живого, подвижного: *Нонь пришлá такáя мода — дэфьки свáтают ребя́т. Ребя́та-ти шзвелю́чи жэ, не мёртвой ка́мень.*

Физическая неподвижность может распространяться и на умственную: способность говорить только на одну, любимую, тему описывается выражением **Кто про што, а мёртвый про кадило**.

Покойник ничего не может взять с собой на тот свет, поэтому о бесполезности применения какой-либо вещи говорят: **как мёртвому гармонь, мёртвому припарка**. *Нужна́ я та́м как мёртвому гармо́нь. Э́то ж мёртвому припа́рка, да.*

Невозможность воскрешения из мертвых является основой фразеологизма **мёртвого с могилы не ворачивают**, обозначающего необратимую ситуацию. *Ну тепе́рь мёртвого с моги́лы не во́рачивают* (что теперь поделаешь, так тому и быть).

О человеке, находящемся в состоянии сильного испуга, говорят **ни жив, ни мёртв**: *Светы́ Бо́жэ! Я си́жэ как на иго́лках не жы́ва не мёртва.*

В состоянии между жизнью и смертью находится и человек старый или больной: *Лизаве́та-то челове́к ненаде́жной, йе́й ско́ро во́семьдесят спо́лница — се́го́дня жы́ва, за́втра мёртва.*

Точно так же может прочитываться и неизвестность о чьей-либо судьбе: *Си́ма поте́ряю́ся, ни в жы́вых ни в мёртвых най́ти не мо́гли.*

То же выражение используется и для обозначения человека, не имеющего документов, то есть несуществующего с

точки зрения государства: *Я буду бес паспорта, ни в живых ни в мёртвых, так существовать буду.*

Чудесное спасение человека, неожиданное появление пропавшего без вести описывается сочетанием **из мёртвых выстать**: *Я веть из мёртвых выстал.*

Спасение человека от смерти обозначается выражением **из мёртвых вытащить**: *Я реши́ла бы́ла пове́шацица. — Мы ийó из мёртвых вы́тащили. Штó я пережы́ла, грубейе не бóдет.*

Состояние человека, близкого к смерти, обозначается выражением **на мёртвую руку**: *Йёсли на жывы́ю рúку, она́ попра́вица, на мёртвую — помрёт.*

Физические характеристики покойника используются как основания для обозначения типичных ситуаций. Например, вспомогательная ситуация «запах разлагающегося тела привлекает насекомых» переносится на привлекательность объекта для большого количества людей: *На тебя́, как на мёртвова мýхи, робятúшки летя́т.*

Окочение покойника, невозможность разжать ему пальцы лежит в основе выражения **мёртвой схваткой**: *Он вíдно поймáлся так мёртвой схва́ткой, дёржсыца за дёрево.*

Бледный, синеватый цвет кожных покровов покойника мотивирует выражения **мертвец укусил** и **мёртвы пятна**, обозначающие появление синяков или трупных пятен: *У меня́ у дéда така́ болéзнь бы́ла — говорúли, штó мертвёц укусил, такú как сенякú. Сíни-то пятна пошлú вить, мёртвы пятна пошлú. Тóт уш ф плохóм состоянни лежáл.*

Слово **мёртвый** в литературном языке, по данным словаря С. И. Ожегова, зафиксировано в трех значениях: 1) 'умерший, лишённый жизни'; 2) 'бесплодный, бесполезный'; 3) 'лишённый жизненности, оживления' (Ожегов). Очевидно, что в архангельских говорах слово развивает переносные значения, распространяясь с живых существ на предметы, то есть в говорах этот процесс представлен шире и рас-

пространяется на больший класс явлений. Значимыми для семантического переноса оказываются такие признаки умершего, как неподвижность, невозможность говорить, окоченелость тела, бледность кожи. Эти же признаки оказываются ведущими и для образования фразеологизмов со словом **мёртвый**.

В семантике слова **мёртвый** заключаются и представления о пространстве смерти: смерть подобна сну (*спит как мёртвой*), с того света нельзя вернуться (*мёртвого с могилы не ворачивают*), в иной мир нельзя ничего взять (*как мёртвому гармонь*).

Как видно из приведённых примеров, существует прямая связь между семантикой слова **мёртвый** и похоронным обрядом Архангельской области. Таким образом, развитие значений интересующего нас слова находится в тесной взаимосвязи с ритуальной составляющей народной культуры.

Литература

Виноградова Л. Н. Оппозиция «живой—мёртвый» в фольклоре и народной культуре славян // Славянская традиционная культура и современный мир. Сб. материалов научной конференции. Вып. 8. М., 2005. С. 2–8.

Нефедова Е. А. Общерусское слово в системе диалекта и в диалектном словаре // Актуальные проблемы русской диалектологии. Тезисы докладов Международной конференции 27–28 октября 2012 г. М., 2012. С. 123–125.

Толстая С. М. Покойник // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М., 2009. С. 112–118.

Толстая С. М. Семантические категории языка культуры. Очерки по славянской этнолингвистике. М., 2011.

Толстая С. М. Смерть // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. Т. 5. М., 2012. С. 58–71.

Лексикографическое описание архивных материалов Словаря русских народных говоров*

Е. В. Колосько

В статье приводятся примеры лексикографической обработки диалектной лексики из архивных материалов, относящихся к записям полевых исследований по Ленинградской области в 30-х годах прошлого века. Материалы были предназначены для картографирования, построены по типу вопросника, но в них содержатся уникальные данные для диалектного словаря.

Ключевые слова: диалектология, диалектная лексика, словарь, архив, способ описания

Со времени выхода первого тома Словаря русских народных говоров (СРНГ) прошло уже пятьдесят лет. Состоялось второе издание — 35 томов Словаря русских народных говоров, несмотря на то, что составление его еще не завершено. Практика показала большую необходимость использования диалектных материалов во многих областях лингвистики. Благодаря Словарю русских народных говоров в научный обиход введен огромный словарный пласт архаичной и живой народной речи XIX и XX веков. Архивные записи из различных губерний, материалы областных словарей, научных публикаций и данные диалектологических экспедиций соединены в мощнейший сплав, образующий единое лексико-семантическое пространство. Это дает возможность глу-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта («Лексикографическое описание уникальных довоенных архивных материалов Диалектологического атласа русского языка»), проект № 14-04-00529.

бокой разработки многих важнейших проблем российского и общего языкознания.

С самого начала освоения фактического материала для СРНГ обозначился большой массив разнообразных источников диалектной лексики, накопленный несколькими поколениями лексикологов. Однако, первые тома словаря представляют к рассмотрению ученых совсем небольшой фактический материал, так как картотека русских народных говоров только начинала формироваться. Поэтому отличительной особенностью Словаря русских народных говоров является постоянное расширение базы источников. Во введении к первому изданию словаря говорится: «По мере развертывания работы над Словарем наша библиография будет непрерывно пополняться не только за счет новых публикаций и новых рукописных словарей, но и в результате дальнейшего обследования того, что уже подготовлено в прошлом» (СРНГ 1: 18). Лексикографами Словаря русских народных говоров проделана огромная работа по собиранию и систематизации диалектной лексики. Но и сегодня существуют лакуны, связанные с недостаточным освоением архивных материалов.

В распоряжении ученых-диалектологов ИЛИ РАН находятся рукописные материалы диалектных экспедиций по Северо-Западу России (АСРНГ). Они относятся к довоенному времени (30-е и 40-е годы) и содержат ответы на вопросы по диалектной лексике, фонетике и синтаксису. Эти материалы предназначались для составления первого диалектного атласа, создание которого было прервано по разным причинам. Материалы хранились в Москве, а после утверждения темы Словаря русских народных говоров были перевезены в Ленинград. Но и здесь они оказались долгое время невостребованными. Коллективу Словаря русских народных говоров, занятому разработкой словаря, формированием картотеки лексики русских народных говоров на основе многочисленных рукописных материалов не хватило сил разбирать студенческие записи полевых исследований. Часть этих ма-

териалов, по-видимому, была расписана на карточках и представлена в СРНГ. Но большая часть диалектных данных по-прежнему хранится в тетрадях, в папках.

Недавно проведенная работа по систематизации и подробному рассмотрению лексического запаса этих архивных материалов, показала их уникальность, отсутствие многих диалектных слов, словосочетаний и их значений в печатных источниках, отражающих говоры Северо-Запада. Уникальность заключается не только в наличии более точных географических и временных данных, в наличии неописанных ранее значений, уточнении значений, но и в новых словоформах, оригинальных словосочетаниях. Важно, что помимо ответов на вопросы, полевые записи часто содержат пояснения к словам, дополнения, речения и цитаты. Но наибольшее количество уникального лексического материала содержат записи живой разговорной речи диалектоносителей. Именно в этих записях находим наименования деталей известных сельскохозяйственных приспособлений, диалектные формы существительных и наречий, уникальные формы глаголов и др. Например: *Пекарня была. Пойду и закажу: всяких витушек насвивай. Ина нонече так не поешь.* Здесь есть словоформы *витушки*, *насвивать* и *ина*. Слово *витушка* в СРНГ не имеет помету Ленингр., а форма *насвивать* не имеет значения 'напечь печенья'. Слово *ина* в значении вводного слова 'однако' также отсутствует в словаре. Диалектная лексика в записях часто представлена в составе цельных речевых фрагментов, что дает возможность точно определить значения и синтагматическую устойчивость выражений.

Перед исследователями-словарниками встал вопрос, в какой форме лучше описывать эти материалы. И мы пришли к выводу, что словарная форма лучше всего подходит для наиболее полного отражения лексических данных. Исследуемый материал представляется в форме словаря, с выделением заголовочного слова, его грамматической характеристики, с предоставлением, если имеется запись, цитатного материала.

ла и указанием на место и время фиксации. Кроме описания всей имеющейся в архивных документах диалектной лексики перед исследователями была поставлена задача выявления отсутствующих в СРНГ словоформ и словосочетаний, значений, географии, уточнения времени первой фиксации. Эти данные приводятся в конце словарной статьи. Такой способ подачи материала делает возможным проводить сравнительные исследования с лексикой, описанной в других региональных словарях, использование новых диалектных данных при составлении дополнения Словаря русских народных говоров.

Дополнительно может быть поставлена задача выявления словоформ и значений, отсутствующих в словарях, которые включают материалы Ленинградской области. Обнаружилось, что в материалах Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей (СРГК) отсутствуют многие словоформы при наличии родственных слов. Например, в описываемых архивных материалах есть глагол *величать* ‘звать, называть кого-л.’: *Величаем, зовем по-дружески Толя*. Волхов., 1941. В СРНГ нет географии Ленингр., а в Карельском словаре нет такого глагола, есть только *величение* — ‘называние’. Слово *челкѹшка* в Карельском словаре — ‘сдобная булочка’. А в материалах Ленинградской области зафиксирована словоформа *челтáшка* — ‘маленький круглый хлеб’. Ефимов., 1946. Очевидно частичное совпадение фонетического состава слов и совпадение основополагающей части значения — наименование небольшого выпечного изделия круглой формы. Такие примеры дают пищу для ономаσιологических исследований.

Приведем в пример некоторые выбранные диалектизмы только из нескольких тетрадей, относящихся к экспедициям в Волховский и Ефимовский районы Ленинградской области. Отсутствуют в Словаре русских народных говоров и в Карельском словаре диалектные наречия:

Ближáе ‘ближе’. *Ближáе ходит на станцию*. Волхов., 1941.

Сукраст-накраст ‘крест-накрест’. Волхов., 1941. Есть в СРГК *сукрест-накрест*.

Не зафиксированы диалектными словарями глаголы:

Нажсануться ‘надорваться от нажимания (о лошади)’. *На сохе лошади легко было. Лошадка идет и не нажсанется, а в плуге идет — тянет, плуг упирается*. Волхов., 1941.

Попробуть ‘попытааться, попробовать’. *Попробул так, попробул другоак*. Волхов., 1941.

Раздрáжить ‘привести кого-л. в раздраженное состояние’. *Женьку раздражила*. Волхов., 1941.

Стреки́вить. *Стреки́вить кого-л. крапиво́й* ‘стегать кого-л. крапиво́й’. Волхов., 1941.

Многие экспрессивные глаголы могли быть пропущены собирателями, если бы они не записывали спонтанную речь.

Нажрýпаться ‘напиться до пьяна’. *Нажрýпалсы на первого мая*. Волхов., 1941.

Диалектные данные показывают процесс освоения жителями деревень иноязычной лексики, новой терминологии в 30-е, 40-е годы:

Гарниза́ция ‘организация’. *Ихна гарниза́ция*. Волхов., 1941.

Депé ‘депо’. *В депи работа*. Волхов., 1941.

Дилéктор ‘директор’. *От дилéктора взята книжка*. Волхов., 1941.

До́ктор ‘доктор’. Волхов., 1941.

Протфе́ль, м. ‘Портфель’. *Протфе́ль возьми. Синёй протфе́ль*. Волхов., 1941.

Завещáтельная комната ‘комната для совещаний’. *Пошли в завещáтельную комнату. Народушку уйма*. Волхов., 1941.

Экта́р, м. ‘Гектар’. Ефимов., 1946.

Задачу отражения этого пласта лексики, граничащего с просторечием, вероятно, не ставили составители Карельского словаря. Несомненно, это актуальный вопрос диалектной лексикографии, так как многие просторечные словоформы

не получают лексикографической фиксации и уходят из языка, не оставив следа в научной литературе.

Есть многочисленные случаи, когда исследованные архивные материалы указывают на более раннюю фиксацию. Так сочетание *за чем-л. ходить* в значении 'регулярно заниматься чем-л.' (*Ничего не делал, всё за охотой ходил*) отмечено в СРНГ в более поздней фиксации. Более раннюю фиксацию дают и слова: *Зазелить* 'зазеленеть'. *Лес-то зазелил маленько. В поле зазелила одзимь-то. Кўлгача* 'ворота, калитка в заборе'. Волхов., 1941.

Только в данных материалах зафиксированы производные словоформы:

Делёночки 'варежки'. *Шерсть мешкотно трясть гля чулков, делёночки связать.*

Дельницы 'варежки'. Волхов., 1941. В СРНГ нет такого значения, нет географии.

Курнавка 'кошка'. *Курнавка зовет котят, ворчит довольна, песенки поет.* Волхов., 1941. В СРНГ нет такого значения и географии, но есть однокоренной глагол *курначить* 'мяукать (о кошке)'.
Из материалов диалектных экспедиций можно выделить слова, значения которых отличаются от значений известных диалектизмов:

Вёкша 'белка-летяга'. *Белка летучая, вот ту можешь назвать векша. От передних ног до задних перепонка естя у векши.* Волхов., 1941. В СРНГ просто 'белка' с пометой Петерб.

Землянка 'место на сохе, где прикрепляется отвал'. *Землянка — место, где прикреплён присох.* Ефимов., 1946.

Кляпыш 'палочка, служащая для укрепления ременной связи частей цепа'. *Кляпыш представляет из себя деревянную палочку, при помощи которой крепче присоединяется кадка с путом.* Ефимов., 1946.

Напо́перёк 'крест-накрест'. Волхов., 1941.

В СРНГ нет таких значений.

Гóрсть, ж. ‘Мера очесанного льна — 40 обработанных волокон льна’. Волхов., 1941. В СРНГ нет такого значения, нет географии.

Некоторые указанные диалектоносителями значения уточняют данные СРНГ:

Скуя́ть ‘скулить (о собаке)’. *Собака лает, воёт, скуёт, когда ударишь*. Волхов., 1941. В СРНГ есть с уточнением (о волке).

Стороно́вать ‘молотить хлеб после переворачивания снопов’. Ефимов., 1946. В СРНГ есть со значением ‘переворачивать снопы’. В СРГК нет.

В материалах полевых исследований в Ленинградской области содержатся оригинальные устойчивые выражения:

В чьей-л. ровени ‘о чых-л. ровесниках’. *В моей ровени было сорок пять парней*. Волхов., 1941.

Вóстрить глаза в одну точку ‘установиться на что-л.’. *Вострила глаза в одну точку и читает*. Волхов., 1941.

Забра́ть силы ‘стать слишком самостоятельным, непослушным’. *Родители попустились. Надо строжить. Дети силы забрали*. Волхов., 1941.

По насередке осудить кого-л. ‘осудить на основании оговора’. *По насередке осужон. Одна насередка*. Волхов., 1941.

В исследуемых материалах отмечены немногие словоформы, оставляющие вопросы:

Вуми́ться, несов. [Знач.?] *Вумилась да вумилась*. Волхов., 1941. В СРНГ нет такого слова.

Га́рпы или **харпы** [Форма?], мн. ‘Соединенные крест-накрест жерди, из которых делается загородка на покосе’. *Гарпы ставят напереки около лесу*. Волхов., 1941.

Таких случаев очень немного, так как собиратели диалектных слов ответственно относились к делу. Мы встречаем на полях листов отметки о проведенной проверке собранных студентами материалов. Руководители практики исправляли неправильные записи.

Вернемся к принципам лексикографической подачи исследуемых материалов. Следует подчеркнуть, что описание архива экспедиций производится в полной, а не в выборочной форме. Диалектная лексика представлена независимо от того, есть ее фиксация в СРНГ или нет. Это дает возможность проследить словообразовательные и семантические процессы именно данного региона.

Приведем примеры словарных статей, дающие представление о проделанной работе:

Ближэе, сравн. ст. нареч. 'Ближе'. *Ближэе ходить на станцию*. Волхов., 1941. В СРНГ нет. В СРГК нет.

В, предлог. **В чьей-л. памяти**. 'Во время чьей-л. сознательной жизни'. Волхов., 1941. В СРНГ нет. В СРГК нет.

Величэть, несов., перех. 'Звать, называть кого-л.'. *Величаем, зовем по-дружески Толя*. Волхов., 1941. В СРНГ нет географии. В СРГК нет, есть **величенье** 'называние'.

Веселя, сравн. ст. нареч. 'Веселее'. Волхов., 1941. В СРНГ нет. В СРГК нет.

Вечериной, нареч. 'Вечером'. *Главдя пошла с дому вечериной. Посидела в одной кофты — воспаление*. Волхов., 1941. В СРНГ нет. В СРГК нет, есть уменьш. **Вечеринкой** 1.

Гад, м. 'Ядовитая змея'. *Гад жигае*. Волхов., 1941. В СРНГ есть. **Гад полосатый**. Волхов., 1941. В СРНГ нет. В СРГК нет. **Гад серый**. Волхов., 1941. В СРНГ нет. В СРГК нет. **Гад чёрный**. Волхов., 1941. В СРНГ есть. В СРГК нет.

Кляпыш, м. 'Палочка, служащая для укрепления ременной связи частей цепа'. *Кляпыш представляет из себя деревянную палочку, при помощи которой крепче присоединяется кадка с путом*. Ефимов., 1946. В СРНГ нет такого значения. В СРГК есть неточное определение.

Коровод, м. 'Хоровод'. Волхов., 1941. Ефимов., 1946. В СРНГ есть. В СРГК нет. **Короводу с кем-, чем-л.** 'О чем-л., плохо поддающемся работе и вызывающем раздражение, злость'. *Короводу с ей (планкой) чёрт те знает*. Волхов., 1941. В СРНГ нет. В СРГК нет.

Мы привели в пример лишь немногие из описанных материалов. Очевидно, что они имеют большое значение для составления Словаря русских народных говоров. Как мы видим, новые словарные материалы значительно расширяют лексико-семантическую базу диалектологических исследований. Многие слова представлены хорошими иллюстративными материалами. Довоенные данные показывают продуктивность семантических и словообразовательных моделей, которые продолжили или прекратили свое развитие. Уникальны данные, показывающие процессы освоения диалектоносителями новой лексики в 30-х годах. Для исследований экспрессивной и переносной семантики очень важны данные живой разговорной речи, зафиксированной собирателями в дополнение к ответам на вопросы. В настоящее время в Институте лингвистических исследований ведется работа по упорядочению новых материалов картотеки русских говоров. Возможно, в будущем появится возможность начать работу над дополнением и переизданием Словаря русских народных говоров. Согласно традиции, в состав будущих выпусков на буквы Ф, Х и др. до конца процесса составления они будут включаться. Но предстоит еще большая работа, подготавливающая будущие исследования.

Литература

Филин Ф. П. Проект «Словаря русских народных говоров». М.—Л., 1961.

Семантическая оппозиция 'выход' / 'вход (заход)' в славянских говорах

М. М. Кондратенко

В статье исследуются особенности употребления лексем со значением 'выход', 'вход' и 'заход' для обозначения периодов времени в периферийных славянских диалектах.

Ключевые слова: понятие «время» в диалекте, славянские говоры

Одной из разновидностей хрононимов являются обозначения времени как определенной поры, то есть такого периода, который подходит для той или иной деятельности. Как всякий благоприятный (неблагоприятный) период, пора имеет свои границы, в том числе и точку завершения, по достижении которой она заканчивается или переходит в другое качественное состояние. При этом временные параметры непосредственно коррелируются с пространственными параметрами и их границами.

Подобной разновидностью периодов времени, манифестируемых славянской диалектной лексикой и устойчивыми выражениями, является пора жизни. На территории Славии она нередко передается при помощи лексемы *выход*, которая обозначает, согласно Большому академическому словарю русского языка, 'действие по глаголу выходить' (БАС-3 3: 627). Однако выход является также мотивирующим признаком в обозначениях времени жизни и времени года. На своеобразную роль лексемы *выход* как хрононима обращает внимание ее употребление в некоторых северо-восточных русских говорах, а также в говорах словенского языка.

В словенских говорах зафиксированы не характерные для славянских языков наименования весны: *vigred*, *vilaž*, а также *viležaj* (Pleteršnik II: 768–769). Последнее слово обладает наибольшим количеством значений, относящихся к сфере хрононимии: помимо ‘весны’, это еще ‘Пасха’ и ‘восход солнца, луны’. Согласно Этимологическому словарю словенского языка (Bezlaž 4: 313, 317), все названные лексемы представляют собой семантическое заимствование из немецкого, а именно — калькируют *Auswärt* ‘выход, весна’.

В диалектной лексикографии южнонемецких говоров это слово отмечается довольно часто: (например, Schmeller 1872 I: 158–159). В том же южнонемецком диалектном ареале встречается и «симметричное» наименование осени как своеобразного входа — *Einwärts*, *Hineinwärts* (WMF: 92). Эта законченная семантическая модель с бинарной оппозицией подкрепляет точку зрения о германском источнике словенского наименования. Таким образом, для южнонемецких говоров вслед за Этимологическим словарем немецкого языка, можно констатировать наличие следующего принципа номинации весны — ‘нечто поворачивающееся, выходящее вовне’ (Kluge 2002: 973). Можно предположить, что в ходе языковых контактов этот образ был калькирован словенскими диалектами.

Однако остается вопрос, является ли для говоров Славии обозначение времени года или других периодов времени как выхода чем-то внешним?

Возможно, немецкое диалектное заимствование в словенском имеет под собой определенную семантическую основу, а именно — наличие в славянской логосфере образа выхода в качестве понятия, связанного со временем. На эту мысль наводит более широкий спектр значения словенского *viležaj* по сравнению с немецким аналогом. Если для немецких диалектов отмечены лишь значения ‘весна’ и ‘ранняя весна’, то словенская лексема манифестирует, кроме того, значения ‘Пасха’ и ‘восход солнца, луны’. Таким образом, семантика

словенской лексемы делает образ выхода более органичным, связывая его с выходом солнца (утро дня — утро года) и дополняя «весенней» мотивацией Пасхи, праздника восхождения.

Можно предположить, что временной аспект понятия 'выход' присущ и другим славянским диалектам. В этом отношении вызывает интерес не только наличие у этой лексемы значений, связанных с обозначением времени, но и то, насколько системный характер они носят, насколько для славянских говоров характерно противопоставление выход — вход (заход). Для этого представляется необходимым, с одной стороны, тщательно изучить семантическую структуру лексем, манифестирующих значение 'выход', а, с другой стороны — выявить ее значимость в том или ином диалекте путем восстановления картины создаваемых ею системных отношений, в частности, оппозиции с противопоставленными понятиями — 'вход' и 'заход'. Как показывает лексический материал периферийных архаичных зон Славии, прежде всего севернославянских, образ выхода (а в известной степени входа и захода) широко используется для наименований в семантической сфере времени жизни, а также для других видов периодизации времени.

Наиболее распространены в хронимии лексемы со значением 'выход'. В севернорусских говорах Ярославской и Костромской областей для лексемы *выход* зафиксированы значения (1) 'время, период', а также (2) 'смерть': (1) *я не прежнего выхода* (Некоуз., Пош.), (2) *трещит в избе подоконный угол — к выходу* (к смерти) (Галич.) (ЯОС 3: 60; СРНГ 6: 52). Значение «смерть» (иначе говоря, 'окончание времени жизни') у лексемы, генетически соотносимой с русской — *выход*, есть и в нижнелужицких говорах: *huchod* — 'смерть' наряду со значениями 'выход, исход, отъезд' (Мука 1: 430), отмечено оно и в Историческом словаре белорусского языка: *выходзь* (ГСБМ: 189–190).

Лексема с общим значением ‘выход’ может именовать также другие пределы различных циклов жизни человека. В архангельских и пермских говорах *выход* обозначает истечение срока чего-либо (АОС 8: 358; СПГ 1: 151). Такое же значение представлено в верхнелужицких говорах лексемой *wukhód* (Pfuhl 1866: 906), а также в родопских говорах болгарского языка лексемой *излаз* (БЕР: 36), аналогом русского *выход*. Значение времени передается, кроме того, некоторыми глагольными лексемами с этим корнем: *лято то излезе*, *сега е есен*, буквально: лето «вышло», сейчас — осень; *да излезем на пролет*: «выйдем» в весну, то есть доживем до весны (Геров 2: 229).

В архангельских говорах *выход* — это ‘окончание жизни вне брака, время вступления в брак’ (АОС 8: 358).

В севернославянских диалектах данной лексемой обозначают окончание рабочего времени и наступление отдыха: в архангельских говорах *выхода́* — выходные дни (АОС 8: 359), в польских — *wychodnia* ‘odpoczynek, отдых’ (Karłowicz 6: 188).

В юго-западных украинских говорах *вихід* — это, помимо значения, связанного с покиданием пространства, еще и окончание времени болезни, выздоровление (Онишкевич 1: 112; Желеховский 1: 91).

Интересно, что пространственная семантика лексем *выход* характеризуется в общеславянском ареале сочетанием противоположных значений: с одной стороны, *выход* — ‘вход в подвал’ (СРНГ 6: 50–51), с другой, в кашубских говорах *věход* — ‘устье реки’ (то есть буквально: ее выход) (Sychta: 69), в то время как в архангельских говорах устье реки — *заход*, а в пермских *заход* — ‘вход’ (СРНГ 11: 156).

Корень *-вход-* также отмечен в обозначении понятий, отражающих время, в пермских и вятских говорах: *настоящего пона у нас нет, а служит входящий* (то есть временный) (СРНГ 5: 240). То же значение непостоянного, временного, преходящего представлено в верхнелужицких говорах лексе-

мой *zachodnosć*: *zachodnosć wobzan(m)knyć* (закрыць преходзящее, временное — то есть, умереть) (Pfuhl 1866: 974).

У лексемы *zachod* отмечены и другие значения в семантической сфере хрононимии: в польских говорах *już czas zachodzi* — 'уже наступает (то есть начинается) время' (Karłowicz 6: 265); в нижнелужицких говорах *zachod* — 'прошлое, былое': *zachodny tyżen* — 'прошлая неделя' (Muka 2: 1012). Широко представлено такое значение данной лексемы, как 'исчезновение солнца за горизонтом': *zachod* в кашубских (Sychna 6: 171), *заходъ* в белорусских (ГСБМ 11: 258–259) говорах.

Таким образом, возвращаясь к вопросу о заимствованном или исконном характере хрононимического значения лексем *vigred*, *vilaž* (выход) в словенских говорах, можно говорить о том, что совмещение в рамках полисемичной лексемы значений покидания пространственного предела и предела временного характерно для многих славянских говоров. Однако в славянских говорах вместо значения покидания, окончания периода года, представленного в немецких говорах (в качестве варианта мотивации наименования здесь можно предположить 'время выхода на полевые работы') представлено понятие покидания периода жизни, а также завершение иных жизненных циклов.

Корреляция вход — выход — заход в хрононимии оказывается более сложной, чем в обозначениях локуса. Вход и выход в хрононимии не всегда противопоставлены друг другу, поскольку выход оказывается движением не просто наружу, а в другое определенное пространство. Заход оказывается семантически ближе входу, поскольку обладает семантикой начала. Значение завершения действия у лексемы *zachod* на территории Славии отмечено только по отношению к исчезновению солнца за горизонтом (в отличие от времени его появления). Выход, как показывает исследуемый материал, — это движение в будущее или в определенное открытое пространство; вход — движение в прошлое, в начало.

Выход оказывается гораздо шире по семантическому объёму, поэтому соотношение элементов в ряду выход — вход — заход характеризуется асимметрией.

Специфика формирования легенды к карте (из опыта работы с лексико-семантическими группами народных наименований)

Л. Я. Костючук

Работа над ЛАРНГ выявила традиционные и новые способы подачи материала в легенде. Важен учет количественно-качественного своеобразия, содержательной стороны материала при соотношении формы и значения. Закон экономии допускает в один значок варианты слова и некоторые разные слова.

Ключевые слова: лексикография, картографирование, легенда карты, слово, варианты слова

XX век был отмечен лексикографическими и картографическими достижениями в мировой лингвистике, включая и отечественную. Эти направления науки имеют общий объект исследования — номинативную единицу. Обоснование теории системности в лексике помогает и в работе над картами атласов, в том числе и «Лексического атласа русских народных говоров» (Программа ЛАРНГ). Однако почти ни одно оригинальное решение не обходилось без научных споров. Вспомним дискуссии о «Псковском областном словаре с историческими данными» (ПОС) в 60-е годы XX века; о «Лексическом атласе русских народных говоров» в начале XXI века после выхода «Пробного выпуска» (ЛАРНГ 2004); о «Словаре обиходного русского языка XVI–XVII веков» (СЛОЛЯМР XVI–XVII) тоже в начале XXI века.

Каждая карта объективно со своими особенностями материала ставит перед своим «разработчиком» своеобразные трудные задачи: или мало материалов по ряду населенных

пунктов, поскольку не везде ведется систематическая работа по обследованию народных говоров; или слишком много разнообразного материала, например к картам «Белый гриб», «Дождевой гриб».

Субъективные причины особенностей работы над созданием карт — это иногда индивидуальные взгляды на материал, его организацию почти у каждого автора. Например, можно ли лексическую карту строить на легенде, предполагающей показ только корней, не обращая внимание на слово целиком как соответствующий словообразовательный дериват в ряду разных дериватов (тем более в составе «Лексического атласа»)? И, наоборот, насколько подробно и как, в каком аспекте учитывать диалектные словообразовательные особенности, разновидности номинативных единиц именно на лексической карте? (Вспомним внимательное отношение к этому в начале работы над «Лексическим атласом русских народных говоров».) И насколько оказывалось подчас компромиссное решение, когда после следования генеральному направлению в создании карт для «Лексического атласа» создавались так называемые «карты-дубли». Весь период работы над «Лексическим атласом русских народных говоров» сопровождается возвратом к подобным вопросам-проблемам. При этом иногда проявляется и скрытый подход при поисках решения: какой путь более легкий и быстрый — какой более значимый и достойный. Решить такие проблемы удастся при попытке выяснения причин, в чем сложность материала для соответствующей карты и как объективно решается такая загадка. И одним из важных выходов из подобного тупика будет обращение к международному и многонациональному опыту и к нашей отечественной традиции. И это необходимо делать во имя сохранения сведений о народном языке прошлого и настоящего.

Вероятно, многие коллеги согласятся, что наиболее сложным является создание легенды к карте с учетом умелого отбора материала, соответствующего теме карты. При этом

необходимо хорошее знание семасиологии и наличие соответствующих энциклопедических познаний объекта карты. Эти знания способствуют отбору материала из «ядерного» и «периферийного» номинативного пространства; помогают сохранению материала для других вопросов «Программы». Это получается только тогда, когда контекст позволяет распознать слово, по недосмотру, ошибочно попавшее на тот номер вопроса, с которым составитель имеет дело (значит, необходимо передать такие карточки на соответствующие другие вопросы для карт).

Если нет или не хватает необходимых сведений, приходится навестывать их с помощью справочников, диалектных словарей, а иногда и с обязательным привлечением работ, публикаций профессионалов. Но даже и специальные справочники могут давать противоречивые сведения о реалии и тем самым еще больше запутывать проблему. А словари диалектные не всегда содержат адрес бытования необходимого картографу наименования в пределах конкретного района.

Приходится постоянно думать о реалии. Если в составе большой лексико-семантической группы названий грибов легче разобраться с такими реалиями, которые называются как *белый гриб*, *обабок*, то чрезвычайно сложно разобраться с тем, что называется в народных говорах словом *чага*.

В связи с двумя соседними номерами в «Программе» в разделе «Грибы» звучат такие наименования заданий: «Грибной нарост на дереве» и «Шишковатый нарост на дереве». Многие названия (в частности, и *чага*) встречается и в образцах ответов в «Программе», и в самих ответах диалектоносителей. Но и у составителя, и у носителей народной речи, к сожалению, нет четкого разделения самих реалий, а некоторые названия только затемняют попытку разъединить явления при противоречивых ответах. Что-то из реалий (но что?) не очень четко объясняется грибковой природой явления (названия *чага?* *трутовик?*), что-то —

какой-то «древесной» природой (названия *трут*, *трутовик*, *гриб-трутовик*? *чага*?). Или наоборот? А что-то, даже в специальном справочнике по грибам (КЭ. Грибы), описывается весьма обтекаемо. В результате проблема разведения реалий с соответствующими названиями по указанным номерам «Программы» не решается во многом по указанной причине, а также по недостаточности и по плохой доказательности «добытого» материала: мало убедительных подтверждений хорошими контекстами. И подчеркнем, что, самое главное, причина и в плохом знании реалий у самих диалектоносителей. Именно: 1) одна и та же лексема (например, *чага*, *гриб*) присутствует и там, и там; 2) у сельских жителей метаязык описания реалий сбивчив, во многом и из-за объективного неразведения вопросов в «Программе», которые предлагаются собеседникам из местных селений. Составителю карты пришлось столкнуться с тем, что отсутствуют авторитетные источники научных сведений о биологических реалиях. Поэтому такая ситуация, когда наличествуют только имеющиеся названия, не позволяет лингвисту выяснить, обнаружить четкий «дифференциальный признак» реалий, обнаружить, логически уяснить суть явления и стройно распределить слова по двум сторонам принятых альтернатив: *чага*, *шлика*, *набалдашник*, *нарост*, *гриб*... И еще часто обнаруживаемая причина — субъективное и объективное неудачное записывание народной речи от информантов, когда по фиксации материала не получается четко выяснить воссоединение, например, положительного (для использования человеком) признака у нароста (но какого из двух?) с соответствующей реалией, стоящей за словом. Прежде всего это сопровождается словом *чага*, так как оно относится к разным реалиям: 1) которую пьют? или 2) которую жгут?

Правда, можно пойти по более легкому пути: не вдаваться в уяснение биологической сути реалий, называемых собранными словами, а более формально распределить помещенные в двух разных номерах слова (*чага*, *гриб* и под.). И тогда

фактически на карте будет показано, что диалектоносители не различают эти слова.

Лексикографирование слов при создании диалектного словаря, тем более такого, как «Псковский областной словарь с историческими данными», заставляет лингвиста 1) четко следовать разъединению а) однокоренных названий, различающихся аффиксами, но имеющих одно лексическое значение (*губá / гýба, гýбина / губýна* и др. с общим названием гриба); б) разных однокоренных слов с общей лексемой, которые являются результатом распада полисемии, становясь омонимами (*баркáн* выступает то в значении ‘морковь’, то в значении ‘небольшой продолговатый окунь’, то в значении ‘ограда из жердей’). Но принципиальное признание тождества слова при реализации его в разных вариантах (прежде всего фонетических) заставляет 2) признавать именно вариантами одного слова, однокоренные единицы, разные по плану выражения за счет фонетического разнообразия лексемы с одинаковым лексическим значением: *боровýк, буровýк, бурвýк* и др. в значении ‘белый гриб’.

Но от вариантов одного слова необходимо 3) отличить по морфолого-формообразовательным признакам разные слова: например, *обáбок* (мужского рода) — *обáбка* (женского рода) с возможным значением ‘подберезовик’; *лехá* (женского рода) / *лех* (мужского рода), имеющие много значений, например: ‘грядка на огороде’; *Мóрква на ляхáх, ляхи, лéхи, а мéжду барóзды*. Пуст.[ошкинский район] (ПОС 17: 45). Такой подход, безусловно, объективен: разные грамматические категории характеризуют разные слова; это лексико-морфологический подход к решению статуса таких единиц. Но подчас они (разного рода, одного корня, но общего значения), имея разные морфологические показатели, в каких-нибудь падежных словоформах образуют омоформы, что и продемонстрировал приводимый из Пустошкинского района пример. Как быть в таком случае при решении лексикографических и картографических задач?

В «Псковском областном словаре» лексикографический вопрос решается так: помещаются эти слова в одной словарной статье с заголовком типа **Лехá, и, ж.** и **Лех, а, м.**; примеры же показывают и совпадающие формы (см. вышеприведенный случай), и различающиеся по разной родовой оформленности: *З лúкам аднá лехá* [все показатели женского рода. — Л. К.], *адíн з мóрквай лех* [показатели мужского рода. — Л. К.]. Пуст.[ошкинский район]; *Дьве ляхé капúсты пзсадíла...* Себ.[ежский район] (женский род с псковской диалектной особенностью влияния мягкого варианта склонения на твердый в родительном падеже единственного числа у существительного первого склонения) (ПОС 17: 45). На своем алфавитном месте дается в данном случае отсылочная строка, показывающая, что слово мужского рода включено в словарную статью на однокоренное слово женского рода: **Лех** см. **Лехá.**

При составлении карты с подобными случаями, используются требования картографирования, которые тем более разрешат прагматическое решение, особенно при большом количестве картографируемого материала: важно учитывать, что картографирование, при разработке легенды, допускает особые приемы по причине зрительного и рационального представления всей массы наименований из разных географических мест с разными местными говорами. Таким решением скорее всего может быть объединение случаев типа *обáбок* / *обáбка* под одним значком. Но при этом должна быть обязательная отсылка (с помощью знака «~» — тильда справа от номера географического пункта) к индексу всего материала. Тогда желающий уточнить, какое именно слово из разных, например, по родовой принадлежности функционирует в этом месте.

Конечно, при учете возможности удачного расположения значков на карте, при необходимости и возможности показать ареалы разного грамматического рода будут использо-

ваны значки одинаковой конфигурации, с соответствующим диакритическим различием.

При объединении же под одним знаком разных слов (не вариантов, а с разными деривационными формантами), при неизбежности весь материал донести до читателя, требуется всегда объяснение для использования соответствующей особенностями наименований при разработке легенды.

Сложность при составлении легенды представляет и как будто необычная способность народных слов обозначать в разных пунктах (значит, в разных говорах) разные реалии в пределах одного лексико-тематического или лексико-семантического объединения (например, грибы). Комментарий позволит сопроводить такие явления специальным пояснением, чтоб не было просто констатации факта. Иногда при этом на помощь приходит этимология, обращение к специальным словарям, причем не только синхронным, но и диахронным (историческим).

Нам приходилось отмечать, что в полевых условиях приходится или в тетрадь вручную, или на диктофон записывать слово *обáбок* или слово *обáбка* в ответ на вопросы «Программы» относительно того, как в данном месте называют или 1) грибы вообще (общее название), или 2) белый гриб как одну из разновидностей грибов и т. д. Вызывает это часто некоторое удивление, так как слово указанного корня чаще обозначает 'гриб подберезовик'. При беглом восприятии ответных контекстов хочется сначала отстраниться от зафиксированного для ответа слова. И если собиратель и, главное, проверяющий из того, что было записано в поле, откинут полученную информацию, не проверят ее вовремя с последующим обращением к справочным словарям (СРНГ; Даль, ЭССЯ и многие другие), то будет совершена грубая ошибка: ведь будет потеряна значимая лексическая единица для называния реалии именно в данном говоре. Так может исказиться семантическая картина слов в говорах.

В подобных случаях, как будто необычных, важно помнить один из значимых для Б. А. Ларина принципов (полнота материала!) при собирании и публикации диалектных данных, особенно при лексикографической работе [Ларин 1960; 1967]. Соблюдение полноты материала позволяет заметить многие реальные, а не по субъективному желанию выбранные названия, дает возможность понять, что востребованность слова может привести к универсальности таких слов, как *обáбок*. При этом сто́ит обратить внимание на этимологическую историю корня *баб-* с развитием разных значений и с появлением многих сем (ЭССЯ 1: 105–109).

Б. А. Ларин ратовал за противопоставленность относительной полноты / неполноты у полного областного словаря другому подходу — «производной выборочности, дифференциальности (не строго научной, а дилетантской)» [Ларин 2003: 653].

Итак, чтобы выяснить разные основные для сближения / разъединения объекта исследования в лексикографии (словарная статья с лексико-семантической системой) и в картографии (легенда и комментарий), надо знать принципиальное различие целей и способов представления слов.

Обратим внимание на один отрезок выпуска «Псковского областного словаря с историческими данными» на букву «О». Было очень много слов на исторически общий корень *дох-* / *дух-* / *дых-*, содержащий рефлекс на историческое чередование гласных. Были приставочные лексемы с таким же видом корня: *отдох* — *отдѹх* — *отдых* с разными значениями, но с первым общим: ‘время, свободное от работы, учебы на определенный срок для восстановления физических и умственных сил’ (ПОС 24: 60, 65, 66). Шли дискуссии, как подходить к расположению всех слов с подобным оформлением основной морфемной части из корня и приставки при нулевом окончании: показывать, как варианты одной лексемы? или разных? И победил в лексикографическом рассмотрении путь показа трех разных слов, стоящих во главе об-

ширных словообразовательных гнезд (ПОС 24: 60–63, 63–65, 65–69). Один из доводов был направлен то, что первоначальные варианты лексикализировались и сопровождаются своими особенностями деривации, развития семантики и пр.

Представим, как можно было бы решить подобный вопрос при картографировании. Идеально, если позволяет объем легенды и пространство карты, — это разные для картографирования единицы. Если необходимо обобщать по количеству материал, когда бывает очень перегруженной карта, — это могли бы быть составляющие разновидности корня внутри одного значка в легенде карты с принятием тех шагов представления материала при картографировании, о чем уже говорилось.

Углубленная работа над завершением карт по теме «Растительный мир» принесла много неожиданностей практического и даже теоретического характера. В ходе работы приходилось применять традиционные и новые способы подачи лексического материала, когда легенда, безусловно, проектировала показ состояния по каждому из освещаемых вопросов на самой карте. Наиболее трудно отбирать лексемы для картографирования из большого объема наименований по всей Европейской части России. Постоянно приходится соотносить возможности плана содержания и плана выражения с учетом количественной и качественной сторон материала, полученного при беседах с диалектоносителями. Многие составители карт убедились, что картографирование и лексикографирование идут рядом в познании, сохранении и представлении лексического богатства русской народной речи, дополняя друг друга и помогая тому, кто имеет дело с народным словом.

Литература

Ларин Б. А. Инструкция Псковского областного словаря. Л., 1960.

Ларин Б. А. [Введение] // Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1. Л., 1967. С. 3.

Ларин Б. А. О работе над новыми словарями // Ларин Б. А. Филологическое наследие: Сборник статей. СПб., 2003. С. 649–655.

Образ человека через репрезентацию действий (на материале тульских говоров)*

Н. А. Красовская

Анализ лексико-семантических полей диалектных антропоцентрических глаголов позволяет сделать некоторые выводы о репрезентации образа человека. Этим вопросам и посвящена данная статья. В ходе рассмотрения лексико-семантических полей тульских диалектных антропоцентрических глаголов было выявлено значительное преобладание единиц с семантикой удара, с семантикой болезни и быстрого передвижения. Глаголы с подобным значением входят в ядерные зоны соответствующих полей и имеют численное преобладание. Эти единицы составляют макрополе глаголов физического действия и состояния. Оно по объему входящих в него единиц примерно в три раза превышает численный состав макрополя интеллектуально-психического действия и состояния. В этом поле преобладают единицы с семантикой выражения негативных эмоций в процессе речи, с семантикой потери и ослабления памяти и мыслительных процессов, с семантикой переживания отрицательных чувств и эмоций.

Ключевые слова: диалект, глагол, лексико-семантическое поле, человек, действие

Диалектный глагол представляется интересным предметом рассмотрения и научного описания, так как не только позволяет говорить об определенной своеобразии тех или иных диалектных систем, но и позволяет изучать человека. Глагол является репрезентантом поведения человека, его способности мыслить, говорить, чувствовать, совершать разнообразные физические действия.

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 14-04-00032.

Отметим, что диалектная глагольная лексика неоднократно подвергалась научному описанию. Активно рассматривается семантика, системность в рамках тематических групп [Архипова 2000; Бессонова 2001; Иванова 1972; Казакова 1983; Коршунова 2002; Лаврентьева 1980; Лобова 1989; Моисеева 1999; Мординова 1985; Московская 1968; Надеина 2011; Никишина 1998; Омельченко 2006; Потапова 1984; Резцов 1986; Соколова 1970; Храмцова 1996; Черенкова 2008; Чупрякова 2006 и др.], изучаются морфемные особенности диалектного глагола [Александрова 2003; Андреева-Васина 1971; Артемьева 2000; Гудкова 1983; Завалишина 1986; Закревская 2002; Коломонова 2009; Литвинникова 1994; Хроленко 1992; Чупрякова 2006; Шаброва 2003], особенности отражения в диалектной глагольной системе мировоззрения народа [Бессонова 2001; Гольдин 2000; Демешкина 2000; Козельская 1984; Надеина 2011; Нефедова 2008; Омельченко 2006; Яговцева 2006 и др.].

Предметом нашего анализа стали антропоцентрические глаголы, бытующие на территории тульских говоров. На наш взгляд, на примере ограниченной, отдельно взятой языковой системы можно рассмотреть не только какое-либо одно лексико-семантическое поле (ЛСП) глаголов, связанных со сферой человеческих действий или состояний, но и всю совокупность ЛСП глаголов, относящихся к сфере человека. Это сложно осуществить в масштабах больших языковых систем (например, в масштабах литературного или общенародного языка), но в рамках системы одной группы говора вполне возможно. На основании каких же признаков, параметров, факторов можно относить глаголы к антропоцентрической сфере? Ведущими параметрами, по нашему мнению, являются два: семантический и грамматический. Принципиально важными для отнесения глагола к антропоцентрической сфере являются следующие факты: 1. Наличие в лексико-семантическом варианте (ЛСВ) глагола сем, которые свидетельствуют о том, что данный глагол может обозначать дей-

ствия или состояния человека. 2. В рамках высказывания наличие при глаголе в качестве субъекта существительного или местоимения со значением лица. Этот критерий относится к грамматическому, так как позволяет более точно определить функционирование глаголов антропоцентрической сферы в высказываниях.

В ходе проведения исследования нами было выявлено более 2500 единиц (однозначные глаголы и ЛСВ многозначных глаголов) антропоцентрической сферы. Структура анализируемой системы диалектных антропоцентрических глаголов, распространенных на территории Тульской области, представляет собой сферическое образование, которое включает в себя два неравных лексико-семантических макрополя (ЛСмП): ЛСмП глаголов физического действия и состояния и ЛСмП глаголов интеллектуально-психического действия и состояния, макрополя членятся на отдельные ЛСП, которые имеют зонную организацию, внутри каждой зоны выделяются отдельные лексико-семантические группы (ЛСГ). Мы выявили следующие ЛСП в составе всего образования:

1. Лексико-семантическое поле глаголов физического воздействия;
2. Лексико-семантическое поле глаголов физического состояния;
3. Лексико-семантическое поле глаголов движения;
4. Лексико-семантическое поле глаголов говорения;
5. Лексико-семантическое поле глаголов мышления;
6. Лексико-семантическое поле глаголов психоэмоционального действия и состояния;
7. Лексико-семантическое поле глаголов поведения и отношения: поле-скрепа.

Выделение в составе системы антропоцентрических глаголов двух указанных макрополей основано на традиционно рассматриваемом философами и лингвистами дуализме 'мира вещей' и 'мира идей'.

Подводя промежуточные итоги рассмотрения понятия поля диалектных глаголов, его структуры, методов выделения, мы отмечаем, что важным является представление о том, что:

— лексико-семантическое поле — это поле единиц одной части речи (в нашем случае — глаголов) с близким значением. Элементы поля взаимодействуют на основе как внеязыковых связей денотатов, так и различного рода иных языковых связей;

— лексико-семантические поля диалектных глагольных единиц имеют ядерную и периферийную зоны: их структура включает в себя в ряде случаев зону центра, которая представляет собой чаще всего синонимический ряд разнокорневых единиц; в структуре диалектных глагольных полей выделяются также зоны ближней, дальней и крайней периферии. К признакам поля относятся признаки аттракции, лакунарности, смежности, размытости границ, взаимопересечения и др.;

— в структуре диалектных глагольных полей нами выделяются не только горизонтальные образования — зоны, но и пересекающие их сквозные образования — парцеллы; если в зоны поля единицы объединяются на основании отношений вхождения, схождения, тяготения, то единицы, относящиеся к разным парцеллам, находятся чаще всего в отношениях расхождения;

— членением на зоны не ограничивается внутреннее устройство диалектных глагольных полей, так как внутри зон выделяются ЛСГ как объединения слов одной части речи, имеющих несколько общих сем, объединенных инвариантным значением и характеризующихся наличием парадигматических и эпидигматических связей;

— в ряде случаев расположение единиц поля в зависимости от их семантики можно определить по направлению: от конкретного — к более общему, что определяется ценностью, важностью для диалектоносителей дифференцирован-

ного представления об окружающем мире, о человеке, его действиях и продуктивности в границах поля единиц с более конкретной, дифференцированной семантикой; конститuentы с более обобщенной семантикой чаще всего располагаются в зоне крайней периферии;

— к самому распространенному методу определения конститuentов и структуры лексико-семантического поля относится метод выявления инвариантного значения с использованием других известных в лингвистике подходов к рассмотрению семантики слова, его функционированию и взаимодействию с другими словами. Так, нами применяется параметрическая методика определения частотности реализации семантического потенциала, которая позволяет объективно определять наиболее значимые для диалектоносителей и наиболее продуктивные в лексической системе смыслы, реализуемые в конкретных единицах поля; с помощью данной методики производилась параметризация (подсчет) всех единиц, входящих в определенные семантико-структурные образования (ЛСГ, ЛСП, ЛСМП) и делались выводы о частотности той или иной семантической реализации. ЛСГ поля неодинаковы по количеству входящих в них элементов, что свидетельствует о верности выбранного иерархического подхода к классификации и об открытости самой системы.

Подробнее остановимся на ЛСП, входящих в макрополе глаголов физического действия и состояния. Самое многочисленное среди рассмотренных полей — это ЛСП глаголов физического воздействия, оно включает в себя 960 элементов. Численное преобладание глаголов с семантикой физического воздействия среди всех рассмотренных глагольных единиц свидетельствует о важности для диалектоносителей физической стороны действий. Ядерная зона ЛСП глаголов физического воздействия включает в себя конститuentы, реализующие семантику удара. Это глаголы, обозначающие нанесение удара единожды; нанесение ударов с помощью каких-либо орудий; глаголы, обознача-

ющие результат нанесения ударов (удара); глаголы, обозначающие получение звука в процессе удара; указывающие на манеру нанесения ударов; глаголы, обозначающие получение ударов самим субъектом. Например, это такие единицы, как: *засж́икать*, *засибóрить*, *застебáть*, *застебн́уть*, *извожж́ать*, *исстебáть*, *настебáть*, *нашпáривать*, *отхлобыстáть*, *пришпандóрить*, *хлобыстáть*, *бузовн́уть*, *деря́бнуть*, *ерыхн́уть*, *жварн́уть*, *жсигн́уть*, *жмы́кнуть*, *жмя́кнуть*, *наверн́уть*, *надёрнуть*, *накрýть*, *пóкнуть*, *чухв́иснуть*, *чй́кнуть*, *дйóбнуть*, *накй́нуть*, *тй́кнуть* и мн. др.: *Вот бузовну тебе по уху* (д. Селино, Дуб.). *Палкой его али колом ерыхнуть бы!* (д. Глинищи, Одоев.). *Жварнул по двери, а она — вон* (п. Барсуки, Лен.). *Жвыкал-жвыкал кнудом, а стадо стоит, просто беда* (с. Николо-Жупань, Одоев.). *Лошадь нельзя жикать почем зря* (п. Метростроевский, Вен.). *Бабка эта нас, пацанов, плеткой жсигала, а мы все равно к ней в сад за яблоками лазили* (д. Алешня, Лен.). *Малый подкрался да как жсвыкнет по спине девку* (д. Глинищи, Одоев.). *Жикнул кнудом над головой — и ускакал* (п. Барсуки, Лен.). *Застебнул лошадь, норовистый был хозяин мой* (с. Синегубово, Черн.). *Засветло с гулянки пришла — он ее и засиборил* (д. Дулово, Бел.). Помимо этого, важными для народного миропонимания оказываются смысловые группы загрязнения, царапания, присоединения, одевания, разрезания, общего делания, трудового созидания. Менее представленными являются семантические образования, связанные с выражением приобретения чистоты, изменения окружающей обстановки, в меньшей степени представлена семантика раздвигания, семантика приобретения объекта для себя, в свое пользование и др. Можно говорить и о том, что в пределах анализируемого поля выделяется не только горизонтальное членение, но и перпендикулярное, противоположное членение. На наш взгляд, это членение связано с выделением парцелл. Парцеллы в структуре поля глаголов физического воз-

действия связаны с выражением разделения, расчленения и с выражением значения соединения, присоединения. В народном миропонимании семантика физического воздействия с общей целью разъединения и соединения представлена достаточно ярко, выпукло, в ряде случаев наблюдается переход от одного семантического полюса к другому, трудно расчленишь рассматриваемые крайние точки семантики однозначно: чтобы сшить (соединить), нужно проколоть (разъединить), чтобы что-то приобрести для себя (присоединить к себе), в ряде случаев нужно у кого-то взять (разъединить). Поэтому, на первый взгляд, действительно кажется, что в структуре рассматриваемого поля преобладают глаголы с семантикой разъединения, однако, учитывая все переходные случаи, можно говорить о том, что столь же значимы и глаголы с семантикой соединения, присоединения. Можно выстроить некую семантическую схему: разъединение < переходные случаи > соединение. Семантика соединения и наличие большого числа глаголов сложной, переходной семантики от одного полюса к другому, поддерживается, по нашему мнению, общим народным представлением о жизненном цикле, круге мироздания: нельзя создать, не уничтожив чего-либо.

ЛСП глаголов физического состояния включает в себя 363 элемента. Можно отметить, что основным семантическим репрезентантом в данном случае стало состояние болезни. Семантика болезни оказывается в центре поля, ядерная зона представлена достаточно многочисленными ЛСГ, выделение которых в ряде случаев связано с разновидностями физического состояния. С семантикой состояния болезни связана целая серия семантического расширения: болеть до предела > умереть; перестать болеть > выздороветь; болеть долго > похудеть; перестать болеть > поправиться (набрать вес); не болеть, быть здоровым > родить ребенка, продолжить род; болеть > кашлять, тяжело дышать, краснеть, бледнеть; не болеть, быть здоровым > нормально участвовать в режиме дня: просыпаться, засыпать, рано вставать; не болеть >

расти, вырастать и т. д. Болезнь воспринимается народным сознанием так же сложно, как и смерть. В процессе болезни человек находится как бы на грани двух миров. Болезнь требует постоянного внимания окружающих, требует дополнительных усилий членов коллектива, как материальных, так и моральных. Может быть, именно поэтому глаголы с семантикой состояния болезни, действительно, расположены в центре поля диалектных антропоцентрических глаголов физического состояния. К данному полю, например, относятся такие единицы: *заклечатётъ, занемогнуть, засаднить, захворётъ, зачадátъ, дойтí, измодётъ, изойтí, изойтíсь, изорвátься, разлáдиться, расквáситься, раскрьлёттиться, раскорячиться*: *Лечитсья надо вовремя: заклечатеешь — никому не нужна будешь* (д. Варваровка, Лен.). *Из дому не выходит и по дому — с палкой: спина изошла вся* (д. Глухие Поляны, Лен.). *Я берегусь: от хвори раскорячишьсья, некому воды принесть, не пивши, не евши, належишьсья*. В рамках этого поля отчетливо выделяются парцеллы, которые противопоставляют семантику активного физического состояния и семантику неактивного физического состояния.

ЛСП глаголов движения включает в себя около 190 элементов. В зоне центра объединены глаголы с семантикой 'быстро передвигаться на ногах'. В основном в семантической структуре этого поля репрезентируется семантика интенсивного движения. Например: *вдáриться, дробануть, зажáрить, залítься, запузýрить, засветítься, засмоlítь, зачесátь, зашпандóрить, лупануть, рвануть, взбéгаться, взгоня́ться, взносítься, убéгаться, тика́ть, убёгывать* и многие другие: *Он как засветился от меня, а я за ним* (п. Дубна, Дуб.). *Как засмолили девки по дворам* (с. Шеховское, Узл.). *Пчела его укусила, он и взносился по саду* (д. Селино, Дуб.). *Быстро домой уроки учить — изгонялся весь, не пуцу завтра гулять* (д. Краинка, Сувор.). *Я убегалась сегодня целый день: и туда, и отту-*

да (п. Ханино, Сувор.). *Испугались, и давай от него тикать* (д. Сорочинка, Плав.). *Вон ребята убёгывают* (г. Ясногорск, Ясн.).

Помимо этого, в данное ЛСП входят глаголы, обозначающие активное осуществление движения с помощью всего тела или отдельных его частей; глаголы, обозначающие перемещение, связанное с падением, опусканием; глаголы, обозначающие движение посредством ползания, лазания; глаголы, обозначающие колебательное движение, праздное движение, колебание без определенной цели; глаголы, обозначающие движение с неполным и полным поворотом. Если говорить о парцеллах, то они связаны с выражением интенсивного движения и с выделением единиц, отражающих менее интенсивное движение.

Важнейшими репрезентируемыми смыслами из 'физической' стороны человека являются смыслы нанесения удара, болезни, быстрого передвижения. Эти смыслы расширяются за счет семантики разрезания, царапания, ухудшения общего физического состояния, смерти, колебательного движения, кругового движения. Объективность полученных выводов подтверждается пониманием того, что действия с подобной семантикой выражают как бы некую циклическую семантику. Единицы с такими значениями оказываются вовлеченными в смысловые циклические отношения: удар может порождать как соединение, так и разъединение, болезнь связана либо с жизнью, либо со смертью, быстрое движение связано либо с достижением цели, либо с остановкой. Мы определили крайние точки возможного семантического развития. Эти крайние точки, безусловно, связаны между собой. На наш взгляд, выделение единиц с подобной семантикой и наблюдаемые противопоставления внутри полей свидетельствуют именно о глубинном смысловом единстве рассмотренного ЛСмП глаголов физического действия и состояния. По нашему мнению, формирование подобного образа человека через репрезентацию его действий объясняется целым рядом

культурно-исторических причин: это и условия проживания в лесостепной зоне (тульский регион является именно таким регионом), способы сооружения жилища, добывания пищи, это и требования социума (здоровье, быстрый темп жизни).

Обобщая наблюдения, сделанные во время анализа лексико-семантического макрополя глаголов интеллектуально-психического действия и состояния, мы можем определить следующее:

1. ЛСмП глаголов интеллектуально-психического действия и состояния насчитывает в своем составе меньшее число единиц, чем ЛСмП глаголов физического действия и состояния. В рассмотренное ЛСмП глаголов интеллектуально-психического действия и состояния входит около 557 единиц, что составляет около 1/3 от количества единиц ЛСмП глаголов физического действия и состояния.

2. ЛСмП интеллектуально-психического действия и состояния включает в себя отдельные ЛСП, среди которых можно назвать ЛСП глаголов говорения (самое многочисленное), ЛСП глаголов мышления, ЛСП глаголов психоэмоционального действия и состояния (самое малочисленное).

3. В ЛСП, входящих в ЛСмП глаголов интеллектуально-психического действия и состояния, чаще всего репрезентируются действия, состояния и процессы, связанные с выражением негативных эмоций, оценок, процессов.

4. ЛСП глаголов говорения включает в свой состав 425 единиц. В ядерной зоне выделяются группы глаголов, указывающие на выражение эмоций и оценок в процессе речи (в основном это отрицательные эмоции и оценки), на предмет мысли, который выражается в речи, на коммуникативную сторону речи. Самой многочисленной ЛСП в указанном ЛСмП является ЛСП, включающая глаголы, обозначающие эмоциональное отношение и оценку. Это, безусловно, свидетельствует о том, что для диалектоносителя в процессе организации коммуникации важно не только передать мысль, но и выразить эмоции, свое отношение как к собеседнику, так

и к предмету разговора. К зоне ближней периферии относятся единицы, связанные с пением, произнесением фраз в особых, обрядовых ситуациях, в зону же дальней периферии входят глаголы, которые выражают произнесение отдельных звуков, звукосочетаний, связанных с переживаемыми эмоциями (плач, смех).

5. ЛСП глаголов мышления (включает 79 единиц) имеет небольшую зону центра, в которую входят глаголы, прямо называющие процесс мышления, то есть глаголы с семантикой 'думать'; в ядерную зону объединяются элементы, называющие различные формы и способы мышления, глаголы, репрезентирующие память, единицы, называющие процесс ослабления мыслительной деятельности.

6. ЛСП глаголов психоэмоционального действия и состояния включает в себя 53 единицы. Ядерная зона объединяет единицы, репрезентирующие отрицательные эмоции и чувства, переживаемые человеком, а зона ближней периферии включает глаголы, которые называют положительные или нейтральные эмоции и чувства.

ЛСП глаголов поведения и отношения относится к полю-скрепе, то есть к полю, которое на основании целого ряда параметров (логические отношения, семантические, структурные) находится на пересечении двух крупных образований: ЛСмП глаголов физического действия и состояния и ЛСмП глаголов интеллектуально-психического действия и состояния. Промежуточный характер поля формируется под влиянием самих денотативных и логико-понятийных компонентов, которые проявляются в семантике его единиц. Ядерную зону поля составляют глаголы поведения, которые выражают отношение к окружающим. Зона ближней и дальней периферии связана с проявлением в поведении некоторых качеств характера и осуществлением поведения определенного типа. В основном среди рассмотренных единиц доминирует семантика активности, противостояния социуму, негативность в оценке поведения.

Человек сквозь призму рассмотрения глагольных единиц предстает как совершающий активные физические действия (семантика удара и ее модификации), ценящий здоровье и осознающий его хрупкость (семантика болезни и ее модификации), быстро передвигающийся. К этому можно добавить, что важными для понимания образа человека, его системы ценностей являются семантика болезни органов дыхания, семантика потребления жидкой пищи, потери памяти, смыслы плача, тоски, переживания негативных эмоций.

Литература

Александрова А. Е. Структурно-семантические особенности лексем с малопродуктивными архаичными именными приставками *па-*, *пра-*, *су-* в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Псков, 2003.

Андреева-Васина Н. И. Вторичная приставка *при-* в русских народных говорах и в произведениях устного народного творчества // Диалектная лексика 1969. Л., 1971. С. 155–164.

Артемяева О. В. Отсубстантивные глаголы в говорах Прибайкалья и Иркутской области: когнитивный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2000.

Архипова Ю. Ю. Состав, семантика и функционирование лексико-семантической группы глаголов зрительного восприятия: на материале художественной литературы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000.

Бессонова Ю. А. Семантика диалектных глаголов речи в орловских говорах и отражение в ней мировосприятия их носителей: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2001.

Гольдин В. Е. Диалектолог и носитель диалекта: ситуации неполного совпадения информативных баз коммуникантов // Актуальные проблемы русистики. Томск, 2000. С. 224–229.

Гудкова С. Я. Глагольные словообразовательные типы в системе одного говора (Опыт ономаσιологического описания): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1983.

Демешкина Т. А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск, 2000.

Завалишина А. И. Словопроизводство глаголов с результативным значением (на диалектном материале) // Языковые и речевые

единицы в лексике и фразеологии русского языка. Курск, 1986. С. 79–86.

Закревская В. А. Употребление приставочных глаголов совершенного и несовершенного видов в диалектной речи: на материале архангельских говоров: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002.

Иванова Л. В. Структурно-семантическая типология глаголов (на материале говора с. Татищево Переволоцкого района Оренбургской области): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1972.

Казакова Т. Е. Глаголы-синонимы в диалектной лексической системе (на материале говора села Красный Яр Уватского района Тюменской области): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1983.

Козельская Н. А. Лексико-семантическая группа глаголов изменения функционального состояния в современном русском языке (К проблеме формирования): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1984.

Коломонова О. Н. Словообразовательные гнезда глаголов движения в смоленских говорах: дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2009.

Коршунова Л. С. Лексико-семантические группы глаголов говорения, мыслительной деятельности, чувства в говорах Нижегородской области: дис. ... канд. филол. наук. Арзамас, 2002.

Лаврентьева Н. Б. Экспрессивно-выразительная глагольная лексика (на материале говоров Новосибирской области): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1980.

Литвинникова О. И. Словообразовательные варианты в системе русского диалектного глагола. Киев, 1994.

Лобова Ю. Б. Взаимодействие глаголов говорения с глаголами других семантических классов // Диалектное слово в лексико-системном аспекте. Л., 1989. С. 51–58.

Моисеева Л. С. Категория вида русского глагола в говорах Тамбовской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 1999.

Мординова Г. А. Парадигматическая и синтагматическая организация диалектной глагольной лексики (на материале каргасокского говора Каргасокского района Томской области): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1985.

Московская Э. А. Опыт системного исследования глагольной диалектной лексики (на материале говора села Татищево Переволоц-

кого района Оренбургской области): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1968.

Надеина Л. В. Отрицательная оценочность как объединяющее начало метафорического осмысления «несвободного» или «частичного» движения (на материале глаголов движения в русских народных говорах) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 1. С. 120–123.

Нефедова Е. А. Многозначность и синонимия в диалектном пространстве. М., 2008.

Никишина С. А. Глагол в орловских говорах (в семасиологическом и морфологическом освещении): автореф. дис. ... канд. филол. наук, Орел, 1998.

Омельченко С. Р. Функционально-семантическая интерпретация ментальных глаголов (на материале речи казаков Нижнего Поволжья): автореф. дис. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2006.

Потапова Н. П. О десемантизации глаголов (на материале разговорной речи) // Проблемы глагольной семантики: сборник научных трудов. Свердловск, 1984. С. 138–146.

Резцов В. В. Метафорическое значение глагола и принципы его описания в диалектном словаре // Диалектное слово в лексикографическом аспекте. Л., 1986. С. 53–63.

Соколова О. И. Глагольная система диалекта (на материале говора и произведений устного народного творчества Пудожского района Карельской АССР): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самарканд, 1970.

Храмцова Л. Н. Экспрессивные глаголы с архисемой «работать/не работать» в говорах Урала, Сибири и Дальнего Востока в семантическом, сопоставительном и лексикографическом аспектах (на материале региональных словарей): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1996.

Хроленко А. Т. Семантика фольклорного слова. Воронеж, 1992.

Черенкова А. Д. Некоторые наблюдения над категорией вида в русских народных говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2008. СПб., 2008. С. 461–467.

Чупрякова О. А. Семантическая глагольная деривация в говорах Волго-Камья: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2006.

Шаброва Е. Н. Морфемика диалектного глагола: дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2003.

Яговцева О. А. Антропоцентрические метафоры в диалектной картине мира: На примере говора Исетского района Тюменской области: дис. ... канд. филол. наук. Сургут, 2006.

Мотивации наименований растения колокольчик в русских говорах

Р. И. Кудряшова

Рассматриваются мотивационные признаки, которые лежат в основе наименования растения колокольчик в русских народных говорах: подобие формы цветка другим предметам, семантический признак звон, антропоморфный признак.

Ключевые слова: русские говоры, мотивация, наименования растения

Анализ наименований цветов в русских народных говорах свидетельствует о своеобразии диалектной языковой картины мира, о различных мотивационных признаках, лежащих в основе наименований растений, что, в свою очередь, позволяет говорить о различиях в «мироощущении, мирочувствовании, мирозерцании и мирооценке русского народа» [Вендина 2000: 33; Вендина 2010: 25].

В данной статье мы рассматриваем мотивационные признаки, которые лежат в основе наименования растения колокольчик. При написании статьи использованы материалы, собранные вузами России для Лексического атласа русских народных говоров (ЛАРНГ). Материалы показывают, что наименования растения колокольчик образуют в русских говорах обширную лексико-семантическую группу, включающую 63 единицы.

Выделяются следующие основные мотивационные признаки, служащие основой для именованя колокольчика: 1) подобие формы цветка другим предметам (в первую очередь внешнее сходство формы цветка с колоколом, а также

ассоциация с другими предметами), 2) семантический признак звон, звенеть, 3) антропоморфный признак — связь с именем Иван.

На большей части территории распространения русских говоров в основу наименования рассматриваемого растения положена ассоциация с колоколом: цветок имеет такую же форму; он открыт снизу, держится (висит, колеблется) на тонком стебельке; внутри него находятся тычинки и пестики, которые напоминают стержень-язык колокола, служащий для звона.

Название *колоко́льчик* (дериват от *колокол* с суффиксом *-чик*), являющееся литературным, представлено повсеместно на всей Европейской территории России — в севернорусских, среднерусских, южнорусских и переселенческих говорах разного типа. Носители диалектов объясняют, что цветок так назван, потому что похож на колокол:

Колокольчик — потому, что голова у него, как колокол, только маленький (Великолукский р-н Псковской обл.). *На колокол похож, потому колокольчиком и зовут* (Выксунский р-н Нижегородской обл.). *Цветок на колокол похож, вот и назвали колокольчик* (Починковский р-н Нижегородской обл.). *Колокольчик почему зовут — так у ево ф сёрёдке-тѣ маленьки, точно бубенчики, висят* (Селивановский р-н Владимирской обл.).

Кроме названия *колокольчик*, в русских говорах представлены различные образования с корнем *колокол-*. Материал позволяет говорить о некоторых ареальных характеристиках наименований.

В 89 пунктах (из 1065 картографируемых) местные жители используют форму с суффиксом *-ец*: *колоко́лец*. Это наименование характерно преимущественно для севернорусских и среднерусских говоров. В частности, зафиксировано на территории Костромской области (в 10 населенных пунктах), Кировской (6 н. п.), Ярославской (5 н. п.), Вологодской (4 н. п.), Архангельской (3 н. п.), Псковской (4 н. п.),

Нижегородской (5 н. п.), Московской (5 н. п.), Смоленской (4 н. п.), Тверской (3 н. п.) областях: *Колоколец растёт во всей округе. Растут у нас колокольцы, разные бывают* (Мытищенский р-н Московской обл.). *У нас на поляне столько колокольцев* (Троицко-Печерский р-н республики Коми).

На территории распространения южнорусских диалектов наименование **колоко́лец** встречается спорадически: представлено в Курской (5 н. п.), Рязанской (4 н. п.) и Воронежской (2 н. п.) областях. Единичные фиксации отмечены в Краснодарском крае, Волгоградской и Астраханской областях.

Образования с другими суффиксами встречаются значительно реже: в двух пунктах зафиксированы словоформы **колоко́лочек** (Вологодский р-н Вологодской обл. и Даниловский р-н Ярославской обл.), **колоко́льник** (Онежский р-н Архангельской обл. и Дубовский р-н Волгоградской обл.); единично представлены **колоко́лки** (Пеновский р-н Тверской обл.), **колоко́льничек** (Верховажский р-н Вологодской обл.), **колоко́нец** (Шиловский р-н Рязанской обл.). Безаффиксные дериваты, названия, равные корню: **ко́локол** (Выксунский р-н Нижегородской обл.), **ко́лкол** (Сосковский р-н Орловской обл.).

В ряде говоров их носители видят связь формы цветка с другими предметами: *с чашечками* (говоры Свердловской обл.), *с колпачком* (говоры Ленинградской обл.), *с воронкой* (Удмуртия), *с котелком* (в Псковской обл.: *Колокольчики, но можно и котелки сказать* — Псковский р-н. *Котелки кругленькие с синеньким цветочкам* — Себежский р-н).

Номинации с корнем **бубен-** / **бубон-** (*бубене́ц, бубе́нчик, бубёна, бубо́нчик*) встречаются в русских говорах редко (в материалах ЛАРНГ зафиксированы лишь в 11 пунктах) и не имеют определенного ареала распространения, отмечаются как в южнорусских, так и в севернорусских диалектах, в том числе в переселенческих говорах.

Наименование *бубенец* фиксируется в говорах Рязанской, Тамбовской областей и республики Удмуртия, *бубенчик* — в говорах Нижегородской, Псковской, Тамбовской областей, республики Удмуртия и Краснодарского края, *бубёна* — в говорах Ивановской области, *бубончик* — Воронежской области.

Из четырех наименований с корнем *бубен-* / *бубон-*, представленных в материалах ЛАРНГ, в СРНГ отмечено лишь одно — *бубенчик*, обозначающее семь различных видов растений, в том числе колокольчик (Костром.) (СРНГ 3: 233); в словаре В. Даля — два (*бубенчик*, *бубенец* кстр.), которые поясняются синонимами ‘балабончик, гремок, громотунчик, гормотушка, громышек, бухарь, болхарь, гылухарь, гремушка // Бубенчики также растение *Iris sibirika*, косячки, петушок, чистяк’ и др. (Даль 1: 134–135). Рассматриваемые названия могли образоваться и от диалектного глагола *бубенить*, который в говорах может иметь значения ‘звонить в колокола, трезвонить’ (Ниж., Ворон.), ‘бить, колотить’ (Пск., Перм.), ‘разглашать, разносить вести’ (без указ. места), ‘говорить, разговаривать’ (Калуж.) (СРНГ 3: 232–233; Даль 1: 135).

В литературном языке *бубен* — это ударный музыкальный инструмент в виде обода или обруча, обтянутого кожей, с бубенчиками и металлическими пластинками по краям. *Бубенец* и *бубенчик* (уменьш. к *бубенец*) ‘полый металлический шарик с кусочками металла внутри, позванивающими при встряхивании’ (МАС 1: 120). Думается, что появление таких наименований растения, как *бубенец*, *бубенчик*, *бубёна*, *бубончик*, связано не столько с формой цветка, сколько с тем, что предметы (*бубен*, *бубенец*) при встряхивании издают звук, звенят. СРНГ и Даль фиксируют однокоренные диалектные глаголы *бубенить*, *бубенетить*, *бубетенить* (в воронежских, псковских, пермских, калужских, оренбургских, вятских говорах), которые имеют значе-

ния ‘звонить в колокола, трезвонить’, ‘бить, колотить’, ‘говорить, разговаривать’ (СРНГ 3: 232–233; Даль 1: 135).

Значительную часть наименований растения колокольчик в русских говорах представляют дериваты, мотивационную основу для которых составляет семантический признак ‘звон’, ‘звенеть’. Этот признак тесно связан с первым: ассоциация с колоколом, колокольчиком, которые обладают способностью звенеть (а это их основная функция), переносится на цветок, имеющий аналогичный внешний вид, аналогичную форму: *Говорят, когда роса выпадает, колокольчики звенят* (Селивановский р-н Владимирской обл.). Поэтому в говорах, как показывает материал, часто сосуществуют два наименования колокольчика, одно из которых обусловлено сходством с колоколом, второе — с семьей ‘звон’.

Мотивационный признак ‘звон’ выражается в говорах дериватами с корнями *звон-/звен-* (*звенёц, звоенец, звон, звонарь, звонёц, звонник, звонок, звоночек, звоночник, звончак, звончик, позвонёц, пустозвон*) и *балабол-, балабон-* (*балаболка, балаболеньник, балабонка*).

Наименования с корнями *звон-/звен-* не имеют определенного ареала распространения, они зафиксированы в исконных севернорусских, южнорусских, среднерусских диалектах, а также в переселенческих говорах.

Наиболее широко представлены дериваты с суффиксом *-ец*: *звонёц* (отмечен в 26 н. п.: Кировская область — 2 н. п., Смоленская — 3 н. п., Нижегородская — 3 н. п., Брянская — 4 н. п., Курская — 5 н. п., Владимирская — 2 н. п., единично — в Костромской, Ярославской, Рязанской, Воронежской, Волгоградской областях, Краснодарском крае и республике Удмуртия); *звенёц* отмечается в трех пунктах Краснодарского края и в одном пункте Смоленской области; *звоенец* — в Московской области; суффиксально-префиксальное образование *позвонёц* зафиксировано в Ивановской и Тамбовской областях.

Другие образования с указанным корнем встречаются редко, имеют точечные фиксации на территории России: *звонѡк* — зафиксирован в пяти пунктах (Псковская, Владимирская, Брянская, Курская, Волгоградская обл.), *звѡнчик* — в пяти пунктах (Архангельская, Ярославская, Костромская, Тамбовская, Челябинская обл.), *звонѡчек* — в четырех пунктах (Орловская, Брянская, Белгородская обл., республика Марий Эл). Остальные наименования представлены в материалах ЛАРНГ как единичные употребления: *звон* и *звонѡчник* (Орловская обл.), *звѡнник* (Пермская обл.), *звончѡк* (Тульская обл.), *пустозвѡн* (Ивановская обл.). Лексема *звонѡрь* встретилась в двух пунктах только на территории Владимирской обл.

Приведем примеры с указанными названиями в контексте: *Колокольчики еще звонками называли* (Печорский р-н Псковской обл.). *У колокольчика сини цветочки, которы звонят. Звонец на колокол похож* (Арзамасский р-н Нижегородской обл.). *Звонец так зовѣтся, потому что на колокол похож* (Петушинский р-н Владимирской обл.). *Звонѡрь — цветик красивый больно* (Селивановский р-н Владимирской обл.).

Именования с корнем *балабол-*, *балабон-* тяготеют к севернорусским регионам (севернорусским и среднерусским говорам), единично встречаются в южнорусских говорах.

Шире всего представлен дериват *балаболѡлка* (отмечен в 31 н. п.: на территории Карельской республики — 3 н. п., Архангельской — 3 н. п., Кировской — 3 н. п., Костромской — 3 н. п., Вологодской — 2 н. п., Ярославской — 2 н. п., Ивановской — 2 н. п. областях; единичные фиксации в Московской, Ульяновской, Свердловской, Челябинской областях, республиках Удмуртия и Марий Эл, а также в Тульской, Рязанской, Тамбовской, Курской, Волгоградской областях. Следовательно, наименование преимущественно тяготеет к северным территориям). Как единичные представлены названия *балаболѡльник* (Удмуртия), *балаболѡл* (Тамбовская обл.). Име-

нование *балабóнка* отмечается в Карельской респ., Ярославской, Брянской областях.

Приведем примеры с данными названиями, записанные в экспедициях: *Колокольчики рано растут, балаболками их называют* (Бабушкинский р-н Вологодской обл.). *Балаболка сердце веселит* (Артинский р-н Свердловской обл.). *Колокольцы болоболят, вот они и болоболки* (Пудожский р-н Карельской респ.). *Балаболом зовут. Он же как колокол церковный и вниз висит. И там внутри у него, как балабол, которым дёргаешь, и колокола звонят* (Первомайский р-н Тамбовской обл.). Последнее высказывание еще раз подчеркивает связь двух мотивационных признаков, служащих для наименования растения: форма и колокольный звон («*Он же как колокол церковный и вниз висит*», а внутри — «*балабол, которым дёргаешь, и колокола звонят*»).

СРНГ фиксирует название *балабóлка* в значении ‘колокольчик’ (Твер., Калуж.). Лексемы *балабóльник*, *балабóнка* также отражены в словаре, но с другими значениями: *балабóльник* — как растение ‘кувшинка’ (Новг.) или ‘высокая колючая трава’ (Калин.), *балабóнка* — как именование человека, говорящего быстро и невнятно (Калуж.) (СРНГ 2: 65, 67). Согласно данным словаря В. Даля, однокоренные глаголы *балабóлить*, *балабóнить* имеют значение ‘трезвонить, стучать, брэнчать’, а существительное *балабóлка* — 1) то, ‘что болтается, висюлька ⟨...⟩ повислый цветок, особенно колокольчик’; 2) ‘шатун, потаскун; пустомеля, болтун’ (Даль 1: 41). В словаре М. Фасмера представлены глаголы *балабóлить*, *балабóнить* со значением ‘болтать’, существительное *балабóлка* — ‘бубенчик, колокольчик, привесок, а также растение, которое обычно называется бубенчик’ (Фасмер 1: 111–112). Как видим, словари также подчеркивают связь названия растения с его способностью «говорить, разговаривать, трезвонить, как колокол».

Последнюю группу наименований растения колокольчик представляют описательные конструкции, не имеющие ши-

рокого распространения, — *Ива́нова трава* (Новгородская, Костромская, Нижегородская, Ивановская, Тамбовская, Смоленская, Астраханская обл., Краснодарский край), *Ива́на Богосло́ва трава* (Кировская и Вологодская обл.), *Ива́н Богосло́в* (Кировская обл.: *Такие колокольчики растут галубенькие, Ивана Богослова трава называется* — Лузский р-н). Указанные названия встречаются преимущественно в севернорусских и среднерусских говорах. В СРНГ зафиксировано только составное наименование *Иванова трава* для обозначения растений семейства колокольчиков (Петерб.) (СРНГ 12: 55).

Возможно, причиной появления таких обозначений растения является связь с православием: название растения может быть связано с именем одного из любимых учеников Иисуса Христа апостола Иоанна Богослова, который стоял на Голгофе у креста; умирая, Христос завещал Иоанну Богослову заботиться о Богородице до ее кончины. Для христианской церкви Иоанн Богослов — прототип аскета-прозорливца, «духоносного старца». С его именем в теологии, литературе и иконографии (особенно православной) связаны таинственные, мистические мотивы (МИФС: 246–247). В народе существует религиозный «Праздник апостола Иоанна Богослова 8 мая» (СРНГ 12: 55): по легенде, на месте его могилы каждый год 8 мая появлялся тонкий прах, имевший целительную силу, его собирали верующие для исцелений от различных болезней (МИФС: 247). В этот же период времени, в мае, начинает цвести один из самых обыкновенных, самых распространенных видов колокольчиков средней полосы Европейской части России, встречающийся на лугах, полянах, по обочинам дорог, в разреженных лесах, — **колокольчик раскидистый**. Другие виды колокольчиков начинают цвести в июне или июле [Новиков, Губанов 1985: 200].

Возможна следующая связь появления составных названий (*Иван Богослов* и др.) для обозначения растения колокольчик: церковь → церковный колокол → звон церковных

колоколов → похожий на церковный колокол цветок колокольчик, расцветающий в мае, когда народ отдает долг памяти любимому ученику Иисуса Христа святому апостолу Иоанну.

Подводя итоги, отметим, что в русских народных говорах принципы номинаций растения колокольчик различны. Главным является указание на форму цветка, подобие, сходство формы цветка с колоколом (иногда — с некоторыми с другими предметами), а также указание на «способность» цветка, похожего на колокол, звенеть. Здесь наблюдается следующая ассоциация: колокол звенит, трезвонит, следовательно, предмет, похожий на колокол, может или должен издавать звон. В качестве антропоморфного признака выявляется связь наименования растения с именем Иоанна Богослова.

Литература

Вендина Т. И. Русские диалекты в настоящем и будущем: социокультурный аспект // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2010. СПб.: Наука, 2010. С. 6–38.

Вендина Т. И. Ценности и оценки в пространстве словообразования // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1997. СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 2000. С. 24–34.

Колокольцева Т. Н., Кудряшова Р. И. Специфика вербализации концептов в народной речи как отражение картины мира диалектоносителей (на материале фитонимов) // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста. Мат-лы междунар. симпозиума. Волгоград, 22–24 мая 2003 г. Ч. 1. Научные статьи. Волгоград: Перемена, 2003. С. 145–155.

Кудряшова Р. И., Колокольцева Т. Н. Варианты наименования растения колокольчик в русских говорах (лингвогеографический аспект) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2005. СПб.: Наука, 2005. С. 147–156.

Новиков В. С., Губанов И. А. Школьный атлас-определитель высших растений. М.: Просвещение, 1985. 239 с.

Семантические диалектизмы в Словаре курских говоров

Л. И. Ларина

Словарь курских говоров содержит достаточное количество примеров семантических диалектизмов. Они создаются в процессе творческой деятельности носителей говоров, в результате метафоризации, метонимизации, внутрисловной антонимии, расширения или сужения смыслового объема слова. Такие лексические единицы, имеющие иное значение, могут быть идентифицированы только на основе сопоставления их со словами литературного языка. В языковом сознании диалектоносителей постоянно идет процесс осмысления связей между объектами действительности и обозначениями, их номинирующими.

Ключевые слова: семантический диалектизм, областной словарь, метафора, метонимия, энантиосемия

В словнике любого словаря народных говоров, будь то сводный или региональный, отражена лексика, определяемая как семантические диалектизмы. Данный тип характеризуется как слова, имеющие другое, по сравнению со словом литературного языка, значение [Современный русский язык 2001: 321], тождественные по звуковой форме соответствующим словам литературного языка, но отличающиеся от них своими значениями [Русская диалектология 1990: 172], в своем оформлении ничем не отличающиеся от слов литературного языка, но имеющие в говорах особые значения (СРНГ 1: 6–7), заимствованные из литературного языка, если слово в говоре полностью или частично изменило свое значение по сравнению с соответствующим словом литературного языка (Деулино: 30) и др.

Такие лексемы, функционирующие в живых говорах, не раз привлекали внимание отечественных и зарубежных исследователей [Витанова 2011; Жмурко 1998; Костина 2007; Литвиненко 2001; Сими́на 1982; Ширшаков 2009]. Семантические диалектизмы, включенные автором в художественный текст, также служили предметом описания [Ларина 2013; Некрасова 1973].

Несомненно, в современных говорах довольно часто употребляются семантические диалектизмы. Правда, выявление их представляет определенные трудности по сравнению, скажем, с собственно лексическими или грамматическими диалектизмами. В системе говора лексемы, имеющие иное значение, могут быть идентифицированы только на основе сопоставления их со словами литературного языка, о чем писал Ф. П. Сороколетов, главный редактор Словаря русских народных говоров [Сороколетов 1968: 224].

Семантические диалектизмы в основном создаются, как отмечают многие исследователи, в результате метафоризации, метонимизации, внутрисловной антонимии, расширения или сужения смыслового объема слова за счет возникновения переносных значений и усиления экспрессивных свойств, народного этимологизирования. Внешнее тождество сопоставляемых лексем и их семантическое несоответствие позволяет говорить о таком распространенном в лексикологии процессе, как омонимия. Можно сказать, что семантические диалектизмы, созданные на базе одного языка, но различающиеся сферой употребления, омонимичны своим литературным соответствиям, хотя есть мнение квалифицировать их как лексико-семантические варианты соответствующих общерусских слов.

Семантическая трансформация общеупотребительных слов в говорах происходит на основе актуализации наиболее релевантных для носителей говоров признаков, немаловажная роль отводится мотивации, которая присуща большин-

ству производных диалектных слов и зачастую прозрачна, лежит на поверхности.

Обратимся к материалам регионального словаря курских говоров (СКГ, 4 выпуска), которые содержат достаточное количество примеров лексических единиц, отличающихся в семантическом плане от литературных аналогов. Наиболее частотны семантические диалектизмы, созданные путем метафорического переноса, осуществляемого:

1) на сходстве формы предметов

блин ‘чугунный круг, которым закрывается отверстие трубы’ *Када нацинали тапить, юшки и блин вынимали с трубы.* Зол. Матвеевка;

бугор ‘сугроб снега’ *Бугров на дваре намило.* Сов. Кшень;

весло ‘деревянная лопаточка для размешивания чего-либо’ *Спирва муки, вады у кадушку насытиш, вислом хъ-рашо вымисить надъ, штоп камощкѡв не былъ, а патом усѣ дѡбавляли для тестѡ.* Курч. Чапли;

вилки ‘сельскохозяйственное орудие в виде нескольких зубьев на длинной рукояти; вилы’ *У хазяйствѡ вилки усигда нужны: сенъ, салому на зубья насодим, руцкѡ у их длинъя, удобнъя.* Корен. Троицкое;

воронка ‘несформировавшийся вилок капусты’ *Нету уражаю на капусту, стаять адни варонки: листьѡ лѡпушацѡ, а ни завязывѡцѡ.* Курч. Аннино-Гусиновка;

гнездо ‘звенья из досок в заборе’ *У загаротки гниздо упалѡ, столп прагнил.* Лъг. Банищи;

гусак ‘длинный шест для подъема воды из колодца; журавль’ *К калодизнъму гусаку приделън цѡбир, видро вештъ.* Бел. Корочка;

дыра ‘прорубь’ *А у дырѡх рыбу лавили. Ранъшы здесь рыбы большѡ былѡ, щас толькѡ мелкия пѡпадацѡ.* Щигр. Лавровка;

ерши ‘торчащие на голове волосы’ *Узял бы грибишок и йиришы сваи зѡчисал, а то дрыкѡм тарчатъ куды зря.* Мант. Ястребовка;

ёжики ‘кушанье в виде шариков из мясного фарша с рисом; тефтели’ *Ёжыкэв с рисэм наделэвлэ, унуки их любють.* Кур. Каменево;

жёлб ‘деревянное корыто, предназначенное для кормления скота’ *Нэвидеш жолэб корму, чуики усе падають.* Рыл. Козино;

иголки ‘спицы для вязания’ *Тей-ту бизружавку на иголкэх вывизлэ.* Окт. Прямицыно;

2) на сходстве признаков предметов

бисер ‘мелкий дождь’ *На дваре идэть бисир. Этэ типерь зарядить надолгэ.* Черем. Лобановка;

бойкий ‘неудобный для езды, ухабистый (о дороге)’ *Ох и шлях у нас бойкий, с калчами.* Зол. Дерлово;

бурный ‘активный, деятельный’ *Нарот пашол бурный, деньги кинулси делэть.* Корен. Колычевка;

глухота ‘отсутствие шума, безмолвие; тишина’ *Ночью кругом глухата, дажы сабаки ни воють.* Медв. Выселки;

грохот ‘большое решето’ *Залу ис пяци на грохэти прасеивэли, низгарелый вугалёк апяць у пецицку.* Бел. Щеголёк;

гулящий ‘пасущийся без пастуха (о скоте)’ *Бычок у нас гулящий. У стадэ ни зганяим, сам па воли ходить.* Судж. Замостье;

густой ‘обильный (об урожае)’ *Картохэ у этэм гаду густая, увесь погриб зэвалили.* Бел. Белица. Уражай памидор густой. Медв. Любицкое;

дичь ‘сорняк’ *Дич па картохэм дэргэли да вечирэ, умарилися.* Курч. Стародубцево;

дрянь ‘продукт гниения при воспалении тканей живого организма; гной’ *У каровы из саска дрянь тикэть, гной.* Об. Камынино;

жар ‘растопленная смола’ *Крышэ на вримянки тикэть, так зяць жар стапил, да иво па шылям, а сверту рубирот.* Кур. Камыши;

здоровая ‘чистая, прозрачная (о речке)’ *И рещкѡ у нас здаровѡя, биз гадысти, рыбкѡ водницѡ, раки.* Рыл. Рыльск;

игольник ‘хвоя’ *Сабирѣм, бывалѡ, игольнику ат ёлкѡ и топим пецки, дров нима було.* Бел. Белая;

3) на сходстве функций предметов

балаган ‘небольшое крытое строение для хозяйственных нужд; сарай’ *Баткѡ izdelѡл бѡлаган ва дваре, иде будить храницѡ крупа, лук, усякѡя бѡрахло.* Каст. Успенка, ‘шалаш’ *Дитишки с веткѡ слажыли бѡлаган, там сидять день.* Тим. Соколье;

вертел ‘приспособление для наматывания пряжи; веретено’ *Виритино и вертил — этѡ одно и тож.* Рыл. Обеста;

дождик ‘приспособление для обливания мелкими струями воды; душ’ *Пашол у дождик абливацѡ, пад бочку с лейкию.* Б.-Солд. Любимовка;

залиться ‘утонуть’ *Плавить ни умел, а быстринѡ, ну и щуть ни залилси.* Солнц. Гридасово;

закуска ‘пряник’ *Раньшы пикли закуски с тестѡ, парней девки угащали на биседѡх.* Кур. Полевая;

званарь ‘человек, не умеющий хранить тайну; болтун’ *Што ни скажы, усем извеснѡ — первый званарь на силе.* Рыл. Малогнеушево;

играть ‘петь, исполнять (песню)’ *Мы гѡласистые на мѡлѡдѡсти были, как зачнѣм играть на ую дивеню разнѡгѡлосую, у саседий слышнѡ былѡ.* Каст. Олым;

4) на сходстве расположения предметов

верх₁ ‘небольшая отлогая горка, возвышенность’ *Диремня нашѡ стаить на вирху, на горки. А называцѡ Верхняя Альшанкѡ. Прист. Верхняя Ольшанка, ‘крыша’ Раньшы верх саломѡю крыли, а щас шихвирѡм иль жылезѡм.* Кур. Корелово, ‘чердак’ *Мы лук и щиснок на верх выносим, там на щирдаку сухѡ.* Курч. Лукашевка, ‘густой жирный верхний отстой молока; сливки’ *Верх мѡлака сымим — на смитану, а с асталной варим кашу, какаву.* Дмитр. Кирпиловка;

виски ‘волосы на голове человека’ *У мене у молздѣсти дюжы виски красивы были, кучирявыи.* Коньш. Захарково;

вылика ‘чердак’ *Выликъ — щирдак пад крышню.* Сов. Мармыжи;

бережок ‘край чего-либо’ *Ни лажысь на бирижок карвати, упаниш.* Бел. Крупец;

бок ‘берег реки’ *Пѣплывѣм на другой бок рязи, кѣманики нарвѣм.* Лыг. Малые Угоны;

борода₁ ‘подбородок’ *У маиво унукъ на бѣраде щиряк ускачил.* Хом. Поды;

голова₂ ‘место на постели, куда ложатся головой; изголовье’ *У гѣлаве вешѣли пучочик мятки, штоп спалося.* Зол. Скородное;

грива ‘лес на возвышенности’ *Гривѣ — етѣ лес на пригорку.* Жел. Михайловка.

Перенос наименования с одного предмета, признака, процесса на другой по их смежности, сопредельности также приводит к созданию в народной речи слов, формально совпадающих, но семантически отличающихся от общеупотребительных лексических единиц. В словаре курских говоров встречаются примеры семантических диалектизмов, созданных на основе метонимического переноса по известным регулярным типам:

1) вместилище и содержимое

голова₁ ‘ум, рассудок’ *Мужык у ей с гѣлавою, с вумом.* Зол. Басово;

желудок ‘внутренности убитого животного; требуха’ *Как зарезжым свиню, с жылудку делѣю такой сильтисон, у мѣгазини таковоѣ ни прѣдаютъ.* Окт. Дьяконово;

воз ‘приданое невесты’ *Визли у дом жыниха воз: етѣ пастеля, наряды нивесты.* Мант. Куськино;

2) материал и изделие

бук ‘долбленая бочка с отверстиями в дне для замачивания белья’ *Щас усѣ большѣ у машинѣх стирають, а у стѣрину мачили рубахи у buku.* Дмитр. Докторово-Кузнецовка;

3) признак и предмет

белизна 'рыба жерех' *Паймал белизну килаграм на сем.* Об. Зорино;

4) предмет и результат

борода₂ 'праздник сенокоса, жатвы' *Висёлгя была бграда, када усе празнэвэли посли синакосу.* Курч. Дичня;

вареники 'третий день после свадьбы, когда в доме жёниха варили вареники' *Приглашали на вареники, угачали усех гостей, гуляли целный день, на етам свадьбы канес.* Судж. Новоивановка;

венец 'венчание' *Свадибный поист у сем падводвез младах у церкву к винцу.* Горш. Ключ;

5) действие и место

бой 'шумное, оживлённое место' *Я усигда картошку нашу прадавать на бой, там полнэ з горэду народу.* Об. Обоянь;

выход₁ 'подвал' *С выхэдэм удобнэ, там хэладно, усё сйисная храницэ.* Сов. Семёновка;

6) действие и результат

беседа 'молодежная вечеринка' *Шли мы з биседы, кэвалеры прэважали да дому.* Дмитр. Галицыно-Кузнецовка;

выработка 'особое переплетение нитей на ткани' *Раньшы матирьял качиствинный был, вырбэвткэ харошэя, сносу не былэ.* Курч. Блохино;

выход₂ 'отработанный день' *Надэ сыщитать, скокэ у мне выхэдэв палуцилэся за месич.* Щигр. Кривцовка;

договор 'этап свадьбы, когда договаривались о приданом невесты' *Посли сватавства делают дэговор. Ад жыниха визуть сундук с ряжыными пирагами, гуляють радня, а жаних с нивестэю сидять у вугалку, ни абедаютэ.* Прист. Бобрышево;

завоз 'количество зерна, привезенного на мельницу для помола' *Усю восинь на мельницы завозу многэ.* Медв. Липовец;

запой 'застолье при сватовстве' *У саседей запою, дощ замуи атдають.* Каст. Андреевка;

захват 'повреждение растений утренними холодными туманами' *Устали утрѣм, а на гароди усѣ захват набил.* Льг. Пригородняя;

7) время и результат

вечер 'вечернее гуляние молодежи' *Как стимнеить, бигим на вечер, гуляим с парнями, песни играим.* Солнц. Машкино; 'гуляние у невесты накануне свадьбы; девичник' *Придутъ, засватють, нѣзначають, када свадьбѣ. Вечир гуляють у нивесты.* Бел. Переверзевка, 'обед на второй день свадьбы' *Адгуляють свадьбу, а на другой день справляють вечер у радни нивесты. Там атдають придѣно.* Рыл. Нежаевка;

8) часть и целое (синекдоха)

болячка 'болезнь' *Давно балячкѣ присталѣ.* Курч. Чапли;

веточка 'молодое растение, пересаженное из другого места; саженец' *Я ту-тѣ ветѣцку с питомнику привез, гаваряють, щириз три года будить с уражаим.* Сов. Афанасьевка;

двор 'улица' *Ноги у мене на дваре атмѣрзли, ели дамой пришла.* Сов. Ивановка;

зуб 'обрядовое яство в виде свиной головы' *На свадьбинѣм стале усигда стаял зуб са свиной гзлавы, етѣ у нас тах-тѣ, у других ни знаю.* Сов. Горностаевка.

Характерной особенностью диалектного слова является конкретизация, более скрупулезное представление объекта действительности, в связи с чем известное слово приобретает иное содержание. Изменение диалектизма, приводящее к модификации его внутренней структуры, может осуществляться в результате сужения или расширения семантического пространства литературного эквивалента. Так, у ряда нижеприведенных диалектных номинаций семантическая амплитуда сужена:

багаж ‘приданое невесты’ *К жаниху приижаютъ мать нивесты, сама, хто смогутъ из родычей, мерки снимають, а патом нивестъ пирвозитъ свой багаж — придѣня.* Медв. Ленинский;

бал ‘обед на крестинах’ *На бал уж сабралися родычи, пѣздравляляи пѣвзражсонъ.* Кур. Нижняя Заболоть;

верх ‘чердак’ *У дома есть на крыши чирдак, верхъм называющъ. Я там траву сушу.* Рыл. Ивановское;

вышина ‘верхушка дерева’ *Давай стримянку, вон игруши на самой вышыне висять.* Каст. Верхняя Грайворонка;

глотать ‘неумеренно пить спиртное’ *Глатаитъ винишшу бис прасыпу.* Хом. Калиновка;

добро ‘приданое невесты’ *Жаних патходитъ зббиратъ дабро, а игрицы апятъ прасили у йиго выкуп.* Окт. Черницыно;

житель ‘старожил’ *Не, ани ни жытили, с Севиру приехзли как гадков десить.* Солнц. Шумаково.

И, наоборот, в следующих обозначениях переосмысление происходит на основе расширения семантического поля диалектной лексемы, т. е. от конкретного содержания слова к обобщенному:

боты ‘любая демисезонная обувь’ *У грязь как хорошо у ботъх, высоки, ноги сухи.* Б.-Солд. Нижнее Гридино;

боярин ‘друг жениха на свадьбе’ *Рядъм з жынихом сидитъ яво друг — барин.* Фат. Глебово;

верба ‘название любого листовенного дерева’ *Верба — и бирѣзъ, и липа, и клен.* Кур. Винниково;

двойка ‘поле, вспаханное за один сезон дважды’ *Двойкъ — этъ када поля успашуть, а патом нимногъ пѣгада йиго у другарят пашуть.* Судж. Леонтьевка;

дед ‘знахарь’ *Бывалъ, к деду уся диревня хадили травки спрасить, пѣдлѣчитцъ.* Окт. Анахино;

дубки ‘поленья, дрова’ *Дубки напилитъ надъ.* Дмитр. Петраковка.

Для диалектной лексической системы характерен процесс энантиосемии, развитие внутрисловных антонимических отношений, который также является одним из путей возникновения семантических диалектизмов:

благо ‘трудно, невыносимо’ *Благо вот так одной жыть.* Окт. Прямицыно;

буерак ‘сугроб снега’ *Дужы много буеракѡв намыло в эту зиму.* Зол. Апальково;

верх₂ ‘овраг’ *Ишо девкѡми у етѡт верх бегѡли, на дно залезим, а там пазѡбнику скокѡ.* Лыг. Сугрово;

груститъ ‘грозить расправой, угрожать’ *Вон грустил мне кулаком.* Судж. Нижнее Махово. *А што вон груститъ? Я усюднѡ ни баюся.* Бел. Белица;

жалкий ‘близкий сердцу; милый, дорогой’ *Я сваму гѡварю: ты мой жалкий, друг сирдешный, ни на каво ни прѡмняю.* Черем. Головановка;

знойно ‘холодно, сыро, промозгло’ *Па восини знойнѡ, слякыть, у нас гризюкѡ нипралазнѡя.* Курч. Николаевка;

знойный ‘холодный, сырой, промозглый’ *У нас гѡварять, када с ветрѡм и дажсам, пагодѡ знойнѡя.* Окт. Прямицыно.

Довольно часто возникновение семантических диалектизмов осуществляется в результате взаимозаменяемости лексем, входящих в одну тематическую группу, вследствие чего толкование слова в народных говорах расходится с общеизвестным его значением:

бандура ‘балалайка’ *Дужѡ я люблю бандуру слухатъ.* Прист. Большие Крюки;

веки ‘ресницы’ *Вот ты малый, а веки густыя да щѡрныи, как у девки.* Каст. Евгеньевка;

веранда ‘крыльцо’ *К дому мы приделѡли виранду, етѡ крыльцо с крышѡю.* Прист. Горка;

ворон ‘ястреб’ *Ворѡн чѡрный, бизабиднѡй, а то хищный, с крючком — носѡм, да цыплят ахоч.* Тим. Соколье;

газ 'керосин' *Дам бидончик унуку — иди у лавку за газъм.* Об. Дрозды;

галстук 'шарф' *Зъматай шею галтукъм, а то прастудиси.* Судж. Махновка;

дыня 'арбуз' *Дынными у нас арбузы кличуть.* Щигр. Защитное;

жаба 'лягушка' *Жабъ — так етъ лигушкъ. Прыгъить, зилёнъя такая.* Хом. Калиновка. *У погриби багатъ жаб рзъвилося.* Глуш. Глушково;

жатка 'серп' *Ранъшы усе ручицкъми на полю работъли: жаткзю рож, пишаницу сризали, траву тожъ.* Зол. Дерлово;

звание 'прозвище' *Па-вулицнъму былъ звания Аламан.* Тим. Леженьки;

ил 'глина' *У нас пад бугром многоъ илу, с иво гарики делзють.* Прист. Пристенъ.

Менее частотны семантические диалектизмы, формальное совпадение которых с общеупотребительными номинациями является результатом фонетических и деривационных процессов. Например:

враг₁ 'впадина на поверхности земли; овраг' *Пройдши враг, а там лиском — и сило.* Жел. Золотое. *У нас адни враги, малъ ровных мест.* Щигр. Кривцовка;

имя 'вымя' *Как у маеи карове имя распухлъ, так ни знать, што делать.* Зол. Будановка;

белка 'известь' *Набири белки у видро, да астарожнъ, руки ни абажги.* Медв. Лубянка, 'средство, которым отбеливали холст' *Скокъ халстов белкзю адбилили за сваю жысть.* Коньш. Захарково;

бурки 'пузыри на поверхности воды' *Как бурки будутъ на ваде, так там рыбъ.* Кур. Камыши;

ветрянка 'ветряная мельница' *Витрянкъ ат ветру работалъ. А када тихъ, биз ветру день, привизеш зирно и сидиш.* Черем. Исаково, 'навес для просушки сена или зерна'

Изделъл зять витрянку дли сенъ, накрыл сверху, чтоб дош ни мащил. Так удобнъ. Медв. Кондратьевка;

жытница ‘мышь-полевка’ *У полю пат снегъм жытницы сёмйими разводюцъ, видать, есть с чиво.* Курч. Дичня;

задатъ ‘окатить, облить чем-либо жидким; обдать’ *Пирикинули боцку с расолъм да задали усех с нох да гълавы.* Медв. Косилово;

запорожцы ‘посторонние люди на свадьбе’ *Стаять и глазеють на гуляньи зъпарожцы, па окнъм, у сенцъх.* Судж. Малая Локня.

Сопоставляя курский материал с данными других говоров, можно констатировать, что определенный круг семантических диалектизмов приобрел статус междиалектных (например, *виски, вилки, беседа* и др.), но большая часть лексем относится к числу региональных, созданных и локализованных в конкретном говоре. Это свидетельствует о том, что в языковом сознании диалектоносителей постоянно идет процесс осмысления связей между объектами действительности и обозначениями, их номинирующими.

Сокращения районов Курской области

Бел. — Беловский

Б.-Солд. — Большесолдатский

Глуш. — Глушковский

Горш. — Горшеченский

Дмитр. — Дмитриевский

Жел. — Железногорский

Зол. — Золотухинский

Каст. — Касторенский

Коньш. — Коньшовский

Корен. — Кореневский

Кур. — Курский

Курч. — Курчатowski

Льг. — Льговский

Мант. — Мантуровский

Медв. — Медвенский

Об. — Обоянский

Окт. — Октябрьский

Поныр. — Поньровский

Прист. — Пристенский

Рыл. — Рьльский

Сов. — Советский

Солнц. — Солнцевский

Судж. — Суджанский

Тим. — Тимский

Фат. — Фатежский

Хом. — Хомутовский

Черем. — Черемисиновский

Щигр. — Щигровский

Литература

Витанова М. Х. Семантические диалектизмы в болгарских говорах // Славянская диалектная лексикография: Материалы конференции. СПб.: Наука, 2011. С. 22–23.

Жмурко О. И. Семантические диалектизмы в говорах Ивановской области (о работе над картотекой лексики природы) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1995. СПб: Наука, 1998. С. 165–168.

Костина Л. Ю. Семантические диалектизмы станицы Архангельской Краснодарского края // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2007. Ч. 1. СПб: Наука, 2007. С. 439–448.

Ларина Л. И. Семантические диалектизмы в художественном дискурсе Е. И. Носова // Ученые записки. Электронный научный журнал КГУ. 2013. № 4. Вып. 4(28).

Литвиненко В. Е. О семантических диалектизмах в русских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1998. СПб: Наука, 2001. С. 186–190.

Некрасова Е. А. Семантические диалектизмы в художественных текстах // Исследования по русской диалектологии. М.: Наука, 1973. С. 217–221.

Русская диалектология: Учебное пособие для филол. факультетов / под ред. В. В. Колесова. М.: Высшая школа, 1990.

Сымина Г. Я. Семантические диалектизмы и условия их образования (по материалам пинежского говора) // Диалектная лексика 1979. Л., 1982. С. 110–118.

Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц. В 2-х ч. Ч. 1. / под ред. Е. И. Дибровой. М.: Академия, 2001.

Сороколетов Ф. П. Диалектная лексика в ее отношении к словарному составу общенародного языка // Слово в русских народных говорах. Л., 1968.

Ширшаков Р. В. Семантические диалектизмы в пензенских говорах // Диалектная лексика–2009. СПб.: Наука, 2009. С. 297–314.

Основные диалектные особенности некоторых западнополесских говоров

Л. В. Леванцевич

Лингвистическое исследование Полесья в 60-е годы XX в. показало глубоко неоднородный характер этой языковой территории. Архаичность ряда полесских лексических черт связывает Полесье и с восточнославянским диалектным континуумом, с отдельными его говорами, и с некоторыми западнославянскими говорами. Традиционно к западнополесским говорам относится вся территория окающих говоров белорусского языка (Брестская область, Беларусь). Цель исследования статьи — показать фонетические, морфологические и лексические особенности западнополесских говоров Беларуси. Материалом для анализа послужили данные, собранные в полевых условиях на территории Березовского района Брестской области.

Ключевые слова: западнополесские говоры, типы говоров, консонантизм, вокализм, морфологические особенности, исторический звук

Брестско-Пинское Полесье (БПП) служит объектом лингвистического исследования с двух позиций: как образцовая зона архаических диалектов и как территория, по которой происходила древняя миграция славян. Лингвистическое исследование Полесья в 60-е годы XX в. показало глубоко неоднородный характер этой языковой территории. Архаичность ряда полесских лексических черт связывает Полесье и с восточнославянским диалектным континуумом, с отдельными его говорами, и с некоторыми западнославянскими говорами.

Традиционно к западнополесским говорам относится вся территория окающих говоров белорусского языка (Брестская область, Беларусь). Названные говоры Ф. Д. Климчук поделил на северобрестские, среднебрестские (среднепогорин-

ские, бережновские, лунинецкие, бобрикскую, севернологишинские, южнотелеханские, мелечские, верхнеясельдские) и загородские (среднезагородские, южнозагородские, севернозагородские и тараканские).

Нами подробно исследовалась территория Березовского и прилегающих к нему районов. Березовский район расположен в бассейне реки Ясельды, в центральной части Брестской области. На исследуемой территории из названных говоров распространены некоторые типы среднебрестских (малечские, верхнеясельдские, стригинские) говоров и загородские говоры. Верхнеясельдские говоры распространены в северо-западной части Березовского района, стригинские — в центре и на северо-востоке Березовского района, малечские — на юго-западе Березовского района, севернозагородские — на юге и востоке Березовского и на прилегающей северной части Дрогичинского районов, среднезагородские — на северо-востоке Дрогичинского района, южнозагородские — на северо-западе Дрогичинского района, тараканские — на прилегающей части Ивановского района.

Охарактеризуем основные фонетические, морфологические и лексические особенности названных говоров.

Вокализм

Гласный [a]. Этимологический (или исторический, или древний, или былой, который мы подаём под значком *) звук *а преимущественно сохранился во всех говорах: *трава́, садóк, замóк, радóк*. Исключение составляют тараканские говоры, где в позиции ударного *’а и [a] < *ε после мягких согласных произносится [e]: *ж’эба, ш’эпка, с’эду, вз’эв, т’эшко, свын’э, йэма, прокл’эв*. В большинстве говоров [a] употребляется на месте исторического *ε в безударных позициях, но в разных словах переход произошёл по-разному. В предударном слоге: *п’атá, п’йатá* (среднебрестские) / *п’етá, петá, пытá* (загородские); *зл’акáўс’а, зл’акáўса, зл’акáвс’а* (загородские и стригинские) / *зл’екáўса, зл’екáвс’а* (верхнеясельдские)

и малечские). Почти всю территорию занимает произношение гласного [a] на месте бывшего *ε в послеударных слогах: в'э́йаў, сéйаў, по́йас, кáйатыс'. Гласный [a] произносится после твёрдых согласных в соответствии с этимологическим *е в тараканских говорах: твáрды, ма́рзлы, мад (мёд), дан' (дзень), на́бо (неба), отарпла, на зámн'у, вжа (ужо), ца́ркава, га́то (гэта).

Гласный [o]. Этимологический *о сохраняется во всех предударных и послеударных слогах после твёрдых согласных во всех говорах: голова́, дорóга, молоко́, корóва, за́слонка, до́кторка, вы́точка, пры́мовка, анто́новка. В новых закрытых слогах исторический *о сохраняется в некоторых стригинских говорах: нож, стол, ноч, кон', бол'ш, по́йдеш, корóўка, мой, порóг. Гласный [o], который происходит из послеударного *е, зафиксирован во всех говорах, кроме некоторых верхнеясельдских: бе́рог, ве́чор.

Гласный [ô] “закрытое” или дифтонг [yo] являются рефлексами этимологического *о в так называемых новых закрытых слогах под ударением и произносятся в малечских и верхнеясельдских говорах: нуож, стуол, куон', буол'ш, муой, вуон, нóж, стóл, мóй, кóн'.

Гласный [y]. Этимологический гласный сохранился во всех говорах: дуб, кутóк, капúста. Звук [y] произносится в так называемых новых закрытых слогах под ударением на месте бывшего *о в севернозагородских говорах: нуж, стул, пúйдеш, кун', муй, корúвка, нуч. В послеударной позиции [y], который происходит из бывшего *е, употребляется в словах типа бе́руг, ве́чур в некоторых южнозагородских говорах.

Гласный [e]. В определенных позициях гласный [e] сохраняется в корнях слов на месте этимологического *е. Гласный [e] наиболее распространён в исследуемых среднебредских говорах. Здесь он постоянно сохраняется на месте этимологического *е и исторического *ѣ в первом предударном слоге после губных согласных: весна́, песóк, бедá, мешóк, в'есна́, п'есок; на месте *е, *ѣ в первом предударном слоге после эти-

мологических *д, *т, *з, *с, *н: ден'о́к, село́, земл'а́, тепе́р, нема́, не зна́йу, нечо́го. На месте этимологического *ь в послеударных слогах после мягких согласных [e] произносится почти во всех говорах, кроме южнозагородских и тараканских: п'э́в'ен', ка́м'ен', па́л'ец, п'и́в'ен', ка́мен', па́лец. На месте ударного исторического *ѣ гласный [e] произносится последовательно в стригинских говорах: с'э́но, хл'е́б, л'ес, таб'э́, тоб'э́, на акн'э́, а не под ударением — во всех исследуемых среднебредских говорах: седжу́, село́, сеножа́т'. Гласный [e], происходящий из этимологического *ь, в сочетании *тырть произносится во всех исследуемых говорах: ме́рзлы, тве́рды. После исторически мягких согласных [e] употребляется в соответствии с этимологическими звуками *е, *а в исследуемых южнозагородских и тараканских говорах: ж'э́ба, ш'э́пка, с'э́ду, д'э́тко, т'э́шко, вз'э́в, вс'э́кий, прокл'э́в, свын'э́, йэ́блык, йэ́блыко. В тараканских говорах [e] употребляется в ударных и конечных открытых безударных слогах в соответствии с историческим *ы: де́хате, грыбе́, сен.

Дифтонг [ie]. Выступает на месте исторического *ѣ под ударением в малечских и верхнеясельдских говорах: л'ие́с, с'ieno, с'н'ieg, в'iéт'ор, на окн'ié.

Гласный [i]. В верхнеясельдских и стригинских говорах исторический *і сохраняется: ка́с'и́ц', з'и́ма, н'и́ўка, раб'и́ц', м'и́ска. На месте этимологических *е, *ѣ в некоторых севернозагородских говорах [i] произносится в первом предударном слоге после губных согласных: в'и́сна́, п'и́со́к, б'и́да, м'и́шо́к. В исследуемых южнозагородских, среднезагородских и тараканских говорах гласный [i] произносится в соответствии с историческим ударным *о в новых закрытых слогах: к'и́н', б'и́л'ш, п'и́йдеш, м'и́й, в'и́н, н'и́с, н'и́ж, н'и́ч, ст'и́л, пор'и́г. На месте *ѣ гласный [i] употребляется в севернозагородских, южнозагородских, среднезагородских и тараканских говорах: л'и́с, с'и́но, с'н'и́г, в'и́т'ор, на окн'и́. В соединениях *гы, *кы, *хы гласный [i] произносится во всех говорах, кроме севернозагородских: до́вг'и, то́нк'и, ты́х'и.

Гласный [ы]. В первом предударном слоге этимологический *ы употребляется во всех исследуемых говорах: **высо́ко**, **выно́сыты**, **вылыты**. Ударный *ы сохраняется во всех говорах, кроме тараканских: **сын**, **ды́хаты**, **грыбы́**, **дым**, **сы́паты**, **крыты**, **рыты**. В малеческих, южнозагородских, севернозагородских, среднезагородских и тараканских изучаемых говорах наблюдается замена *і звуком [ы] после этимологических мягких (полумягких) согласных, которые в данных говорах отвердели: **косо́ты**, **зыма́**, **робы́ты**, **мы́ска**, **лы́па**, **колы́**. Гласный [ы] последовательно произносится на месте этимологических *е, *ь в предударных слогах в южнозагородских, севернозагородских, среднезагородских и тараканских изучаемых говорах: **высна́**, **мышо́к**, **пысо́к**, **быда́**, **сыло́**, **тыпе́р**, **ныма́**, **ны зна́йу**, **нычо́го**, **дын'о́к**. В послеударных закрытых слогах переход этимологического *ь в звук [ы] произошёл в основном в тараканских говорах: **п'ывы́н'**, **хло́пыц**, **хло́пыц'**, **па́лыц**, **па́лыц'**, **камы́н**. В так называемых новых закрытых слогах под ударением [ы] произносится в соответствии с этимологическим *о в большинстве южнозагородских, среднезагородских и тараканских изучаемых говорах.

Консонантизм

Вместе с общими чертами в системе консонантизма в разных группах говоров наблюдаются специфические, региональные особенности. Они проявляются в отличии по твёрдости и мягкости, глухости и звонкости, наличию или отсутствию мягких аффрикат [дз'], [ц'] и губного [ў].

В верхнеясельдских и стригинских говорах губные мягкие перед былыми *і, *ѣ: **роб'іт'і**, **лов'іт'і**, **ум'іра́т'і**, **заб'іра́т'і**, **зв'іва́т'і**, **цв'іст'і**, **мы́ска**, а в остальных изучаемых говорах — твердые: **робы́ты**, **ловы́ты**, **вмыра́ты**, **забыра́ты**, **звыва́ты**, **цвысты́**. В позиции перед рефлексами исторического ударного *е и предударного *ѣ губные твёрдые на всей изучаемой территории: **бе́рог**, **пе́ршы**, **ве́чор**, **быда́**, **пысо́к**, **мышо́к**, **высна́**.

Мягкий согласный [м] в позиции перед рефлексом древнего *ѣ сохранился в говорах стригинских, малечских и верхнеясельдских: м'áсо, ц'ém'а, м'áта. Некоторым малечским говорам характерно отверждение [м] и выделение эпентетического звука [й]: мйáсо, т'émйе, мйáта. В изучаемых загородских говорах после отверждения [м] возник эпентетический [н']: мн'áсо, мн'áта, т'ímн'е.

Согласный [л] перед рефlekсами исторических *е, *і в изучаемых стригинских, малечских и верхнеясельдских говорах произносится мягко: пól'е, ал'е, л'едз', л'іпа, ход'іл'і, ходы́л'і, л'іц'і, л'іты, кол'і, выл'ік'і; в загородских — твердо: але, лы́па, ходы́лы, лы́ты, колы́, вылы́кый, по́ле.

Этимологические согласные *д, *т, *з, *с, *н перед рефlekсами древнего гласного *е твёрдые: земл'á, зымл'á, селó, сылó, ден'ók, дын'ók, тыпéр, ны зна́йу, нема́, нымá, нел'ókко, ныл'ókко. Перед рефlekсами исторического *і [д], [т], [з], [с], [н] произносятся мягко в стригинских и малечских говорах кос'іц'і, кос'іт'і, з'імá, н'іўка, ходз'іц'і, ход'іт'і, а в остальных — твёрдо: косы́ты, зымá, ныв́ка, ходы́ты.

Мягкие [д'], [т'] перешли в [дз'], [ц'] только в некоторых верхнеясельдских говорах: дз'ен', ц'ен', холз'іц'і, роб'іц'і.

Заднеязычные [г], [х], [к] произносятся твёрдо в среднезагородских говорах: дóвгы, тóнкы, корóткы, в п'áткы, т'іл'кы, гуркы́, рукы́, хы́трый.

В среднезагородских и южнозагородских говорах согласный [р] произносится мягко: р'ічка, гор'іх, пор'ізав, гр'іх, р'ідны, гор'áч'ій, р'áжка, в остальных изучаемых говорах — твёрдо: ры́чка, поры́зав, грых, гorýх, гора́чы, ра́жка.

Шипящие согласные в основном сохранили свою историческую мягкость в загородских говорах, а в остальных отвердели: ш'éпка, ж'ер, на мыж'і, на пыч'і, ж'іто; ша́пка, жар, на мыжы́, жы́то.

Этимологически мягкий *ц в разных позициях сохранил свою мягкость в большинстве загородских говоров: ц'іп,

ц'івка, конéц', хлóпец', молодýц'а, крыны́ц'а, хлóпц'і, пáл'ц'і, молодýц'і, крыны́ц'і, молодéц'к'е, дывóц'к'е, хлóпц'і, пáл'ц'і.

Согласный [ǔ] произносится в позиции после гласных в верхнеясельдских и малеческих говорах: лаў́ка, куп'і́ў, праў́да, заў́тра.

Морфология

Предметом анализа послужили только те морфологические особенности, которые имеют противопоставления на изучаемой территории. Приведем некоторые из них.

В предложном падеже существительные женского рода единственного числа первого склонения имеют окончания: -і / -ы, -е. Наиболее распространено окончание -і / -ы в существительных с твёрдой основой: на ха́ц'і, на ха́ты, на ра́н'і, на ра́ны, на лопáт'і, на лопáты, на жа́б'і, на жа́бы. Он охватывает почти все изучаемые говоры, кроме тараканских, в которых употребляется окончание -е: на ха́те, на ра́не, на лопáте. В существительных с основой на шипящий окончание -і / -ы употребляется во всех изучаемых говорах: на мыж'і́, на мыжы́, у д'іж'і́, у дыжы́. В существительных с основой на заднеязычный под ударением окончание -і характерно загородским говорам: на руц'і́, на руцы́, на ноз'і́, на дуз'і́, а окончание -е — верхнеясельдским, стригинским и большинству малеческих: на руц'é, на руце́, на ноз'é, на дуз'é.

Существительные мужского рода единственного числа второго склонения с мягкой, твёрдой основой и основой на заднеязычный в предложном падеже употребляются с окончаниями -і, -е, -у, -еві / -ове, -ові, -овы: на пн'і́, на пн'е́, на пн'éв'і, на пн'óвы, на пн'óв'і, на пн'у; у л'эс'е, л'эс'і, у л'эсовы, у л'эсов'і; на лúз'е, на лúз'і, на лúгу, на лúгов'і. Данные окончания компактных ареалов не образуют.

Прилагательным мужского рода единственного числа в именительном падеже характерно окончание -ій / -ый в загородских говорах: малый́, стары́й, до́бры́й, но́вы́й, ды́кы́й, хоро́шы́й, дык'ій и окончание -ы в верхнеясельдских, стри-

гинских и малеческих: **маłý, стары́, дóбры, нóвы, дыкы, хо-рошы́.**

Инфинитив глаголов с основой на гласный употребляется с суффиксом **-ці**, который имеет фонетические варианты **-ті, -ты, -те**. Суффикс **-ці** характерен изучаемым верхнеясельдским говорам: **ходз'іц'і, спáц'і, роб'іц'і**; **-ті** — стригинским: **ход'іт'і, спáт'і, роб'іт'і**; **-ты** — среднезагородским, севернозагородским и южнозагородским: **ходыты, стáты, робыты**; **-те** — тараканским: **ходыты, робыты, спáты**.

Формы глаголов второго спряжения первого лица единственного числа в севернозагородских говорах употребляются с окончанием **-ю**: **нос'у́, прос'у́, заплат'у́, укорот'у́, ход'у́**, в остальных изучаемых говорах — с окончанием **-у**: **ношú, прошú, заплачу́, укорочú, ходжу́**.

В инфинитиве возвратные глаголы в верхнеясельдских, стригинских и малеческих говорах употребляются с твёрдым вариантом постфикса **-са, -с**: **умыва́т'іса, бра́т'іса, зва́т'іса, зва́тыс**; в загородских — с мягким вариантом постфикса **-ся, -сь**: **умыва́тыс'а, бра́тыс'а, зва́тыс'а, зва́тыс'.**

Лексика

Приведем небольшую подборку глаголов, употребляющихся в западнополесских говорах.

блюматы незак. Часто мигать глазами. *Оно очыма блюмае.*

блюнтатысь незак. Ходить, мешая другим; ходить без цели. *Іды, ны блонтайся пуд ногамы.*

брохатысь незак. Плескаться в воде. *Шо ты брохаешся в гэтым тазіку?*

вомпыты незак. Напряжённо думать. *Убыла собі ў голову дурнэе, усю нуч вомпыла.*

вълюдняты зак. Добиваться определенного положения в жизни. *Зразу була ньяка, а потом дэ шо ў взялося — вълюдняла.*

вýchлыптаты зак. Быстро выпить. *Ны вспіла я ў поломы-сок соломахі влыты, як вона вжэ вэа выхлыптала.*

галасовáты незак. Сильно кричать. *Мар'яна добра цiтра, як шо ны по юй, то галасуе на вэо вулыцу.*

гáркатысь незак. Ругаться. *Шо вытэ вэа гаркайтэся з самага ранку, шо вжэ знов ны подылылы.*

гóйсаты незак. Ходить без цели. *Як пошла зранку, той гойсае нідэ і зарэ.*

гупiрыты незак. Сильно бить по чём- или по ком-нибудь, стучать во что-нибудь. *Я ейі оно шо лозынкю вытнула, а вона як стала мынэ у плэчы гупiрыты.*

гэпнүты зак. Упасть, сильно ударившись. *Як гэпнулася на порозі, думала, шо ны встану.*

довбсты́ незак. Повторять много раз одно и то же. *От дэ довбэшка, кулькі ны довбы, ныц ны доходыть.*

дозоля́ты незак. Постоянно надоедать. *Отчыпысь, ны дозоляй.*

домына́ты незак. Мешать. *Іды, ны домынай мні.*

дрыхнүты незак. Спать. *Дрыхнэ собі і ныц ны чуе.*

з'ягаты незак. Надоедать, прося о чём-нибудь. *Я дозволу ны даю, а вун усэ з'ягае.*

забáвытыся зак. Задержаться. *Пошов зранку картоплі подывытысь, дай забавывся, бо далёко, а ногі болять.*

завіхры́ты зак. Закрутить (о ветре). *На дворы так нануч завіхрыло.*

завіхры́тыся зак. Замыслить. *Матруна нішо вжэ знов собі завіхрыла, мусыть.*

закарабу́нытысь зак. Залезть. *Пудняўся галас, лямонт, а вона закарабунылася на піч, да оно посміхаецца.*

закортiты зак. Сильно захотеть. *Свято було вылыке, а мні гэтак закортіло вышываты.*

залопо́тіты зак. Начать быстро собираться. *Ну, чого залопотіла, сыды собі на пырэнджы.*

залагáтысь незак. Сильно смеяться. *Аж залагаецца од сміху.*

залядыты зак. Потерять аппетит, не кушать и плохо выглядеть. *Йісты ны варать, ны прыбырають у хаті, діты заляділы.*

залякотіты зак. Задрожать. *Аж залякотіла од холоду, пока стояла.*

заманўты зак. Потерять аппетит. *Аж йісты вжэ замануло з гэтою вучобою.*

западаты незак. Часто болеть. *В прошлым годі ужэ вэс западала.*

зарупыты зак. Заволноваться. *Бач якій, сыдів, сыдів, а тут зарупыло.*

затятыся зак. Дать зарок. *Затялася, шо ныц ны знае.*

захірыты зак. Заболеть. *Нішо муй чоловік зусім захірыв.*

зачвэндыты зак. Наполнить комнату дымом из печи. *Комына ны одкрыв, то зачвэндыв усю хату.*

заюшытыся зак. Затаить зло, рассердиться. *Ох, людкі моі хорошы, як заюшылася, мы до ейі, а вона ны прыступу.*

збаэдаты зак. Спрятать испортив. *Дэ вжэ збаэдала ручныка?*

збыткуваты незак. Издеваться. *Лыхый у ейі чоловік, гэтак збыткуе над ёю.*

згómтаты зак. Свернуть. *Абы-як згómтала, помняла всю хустку.*

знатўрытыся зак. Заупрямиться. *Мы усі Настусі свое трулюем, а вона знатурылася і усэ тут.*

зомгнўты зак. Заснуть на короткое время. *Здаецца, оно очы замгнула, а вжэ сонцэ встало.*

зумітысь зак. Застесняться. *Зразу зумысна нэ прызнавалась, а вжэ як выкрылы ейі, то зумілася муцно.*

клэгаты незак. Идти хромая. *Еле клэгае, мусыть ногу обозвічыв.*

кóвгаты незак. Быстро есть, не пережевывая еду, быстро глотать. *Накавгалась, як качка.*

колыватысь незак. Переваливаться с ноги на ногу. *Ідэ як качка колываецца.*

кóшкатыся незак. Медленно собираться. *Ужэ всі людкі давно повправляліся, одна ты кешкаешыя.*

кубля́тысь незак. Собираться в группы. *Як токо вэчор, то вжэ кубляюцца всі разам.*

лымынтова́ты незак. Громко кричать. *Як зачнуть сварытыся, лымынтуюць на вэсь двур.*

ля́паты незак. Говорить лишь бы что. *Хватыць тобі тым языком поганым ляпаты.*

ля́скаты незак. Пустословить, говорить лишь бы что. *Ляскае, абы ны мовчаты.*

мадыговáты незак. Примерять. *Бало шыю сподныцу, мадыгую, коб блышчачы празукі поўшываты.*

морготі́ты незак. Переливаться. *Вода на сонцы морготыць.*

муты́ты незак. Обманывать. *Ой, хоть мні вжэ ны муты.*

мы́мляты незак. Невыразительно говорить. *Шо ты тут мымляеш?*

настропо́лыты зак. Настроить против кого-нибудь. *Шо ты скажэш, як вона ўого настрополыла, то тыбэ вжэ не послушае.*

наложы́ты зак. Одеть, надеть. *Наложыла платце.*

намы́катыся зак. Устать. *Намыкалася за дэнь на работі, шо еле ногі дохаты прыволокла.*

насады́тысь зак. Много скушать. *До стола як долізла, то вжэ ж і насадылася.*

начавы́ты зак. Надавить чем-нибудь что-нибудь. *Муцно начавыла ногу ў чоботі.*

начвэ́рыты зак. Учинить лишь бы что. *Ну, і шо ты тут ужэ начвэрыла?*

начыпу́рытысь зак. Красиво одеться. *Начыпурылася, як молодуха.*

нашыховáты зак. Подготовить что-нибудь. *Нашыховала ў дарогу сумку.*

нызу́зрытыся зак. Не опомниться. *Нызузрылася як нуч пройшла.*

ныобóлыты незак. Завидовать. *Вона всім ныоболыть.*
обля́скаты зак. Обговаривать. *Надя всіх обляскае за вэчор.*

обозвічытысь зак. Упасть и получить травму. *З драбыны упала, муцно обозвічылась.*

обрэ́скнуты зак. Поддуть. *Так очы за нуч обрэсклы.*

огрыпэчытысь зак. Упасть и сильно удариться. *Учора так огрыпэчылась об люд.*

одзыля́пыты зак. Открыть дверь. *Холодно, а ты двэры одзыляпыла.*

окі́нуты зак. Не проведывать, не досматривать, забыть. *Окынули старэньку дiты, ныкому ны трэбна.*

палаша́ты незак. Рвать всё подряд. *У горади палашала вэ пудрад.*

парадо́ваты незак. Кушать с аппетитом. *Ты казала, шо вона ныдужа, а бач як парадуге.*

росса́патысь зак. Идти расстегнувшись. *Прыбігла россапавшыся.*

рымза́ты незак. Говорить, будучи недовольным чем-нибудь. *Як устала, той рэмжэ з самого ранку.*

смы́катысь незак. Ходить без цели. *Смычыцца нідэ цілы дэнь.*

спараза́ты зак. Сильно ударить. *Як спаразала по спыні лозыною.*

стыпыну́ты зак. Вытряхнуть. *Ты б чы стыпынула радюгу.*

судосыты зак. Встретить. *Учора судосыла в магазiні Олэнку.*

торо́чыты незак. Рассказывать, доказывая что-нибудь. *Учора гэто Ніна мні торочыла.*

умоло́ты зак. Много съесть. *Усі картоплі умолола.*

чвэ́рыты незак. Быстро бежать. *Корова чвэрыла чырыз горад.*

човпсты́ незак. Говорить лишь бы что. *Човпэ абы-шо, ліпш помовчав крохі.*

шабóвснуты зак. Сильно плеснуть в воде. *Як шабовснуло нішо пуд корчом.*

швыргну́ты зак. Резко бросить предмет. *Як швыргнула ложку, то пуд стул залытіла.*

швэ́ндатысь незак. Ходить без цели. *Швэндаецца цілы дэнь, бы роботы дома няма.*

шма́льнuty зак. Сильно ударить. *Зарэ як шмальну, то хутко одчэпышся.*

шмарова́ты незак. Тереть. *Так завозыв нагавыцы, шо еле одшмаровала.*

шымэ́нуты зак. Оттолкнуть от себя кого-нибудь. *Як шымэнув, то лэдь на ногах устояла.*

Литература

Леванцэвіч Л. В. Атлас гаворак Бярозаўскага раёна Брэсцкай вобласці. Фанетыка: у 2 ч. Брэст: БрДзП, 1993. Ч. I. 52 с., Ч. II. 66 с. (ратапрынт).

Леванцэвіч Л. В. Атлас гаворак Бярозаўскага раёна Брэсцкай вобласці. Марфалогія: вучэбны дапаможнік. Брэст: БрДзП, 1994. 82 с. (ратапрынт).

Леванцэвіч Л. В. Атлас гаворак Бярозаўскага раёна Брэсцкай вобласці. Лексіка. Брэст: БрДзУ, 2001. 135 с.

Программа для составления диалектных карт

А. Н. Левичкин

Цель данной статьи — представить программу для составления диалектных карт, которая может быть полезна для тех, кто хочет сам создавать и просматривать диалектные карты на компьютере.

Ключевые слова: лингвогеография, диалектное картографирование, прикладная лингвистика

В настоящее время создание диалектных карт с помощью компьютерных технологий является актуальной задачей. Однако до сих пор не существует общедоступного специализированного софта для решения данного вопроса. Поэтому составители лингвистических карт вынуждены пользоваться известными компьютерными программами картографирования или разрабатывать собственные программы для этой цели. Примером первого подхода является использование различных геоинформационных систем (GIS). Программы GIS делятся на свободно распространяемые (например, QGIS, GRASS, PostGIS, gvSIG, GDA/OGR, SAGA и другие) и коммерческие (например, ArcGIS, Arview GIS, AutoCAD Map, MapInfo и другие). Например, карты для пробного тома «Лексического атласа русских народных говоров» были подготовлены с использованием программы MapInfo (ЛАРНГ 2004: 20). Отдельно можно выделить веб-картографию, к которой относятся коммерческие и некоммерческие программы для представления карт в интернете (GeoServer, MapServer, картографические сервисы Google, Yandex и другие). Примером использования веб-картографии является информационная система «Лексический атлас Вологодской области», разрабатываемая в Вологодском государственном педагогическом университете [Кузнецова 2013].

Для составления диалектных карт по программе ЛАРНГ нами был выбран способ создания собственной простой электронной системы. Основная задача, которая стояла при разработке программы, — сделать максимально простой инструмент для создания карт в электронном виде.

Итоговым форматом для вывода карты был выбран формат PDF, который является широко распространенным и поддерживаемым на любой компьютерной платформе. Формат вывода определил и способ создания программы.

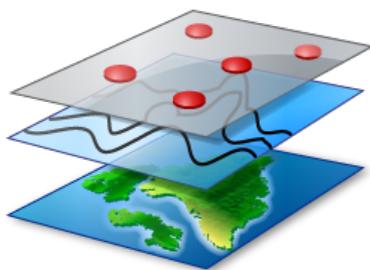
Для работы программы необходимы следующие компоненты.

Программа

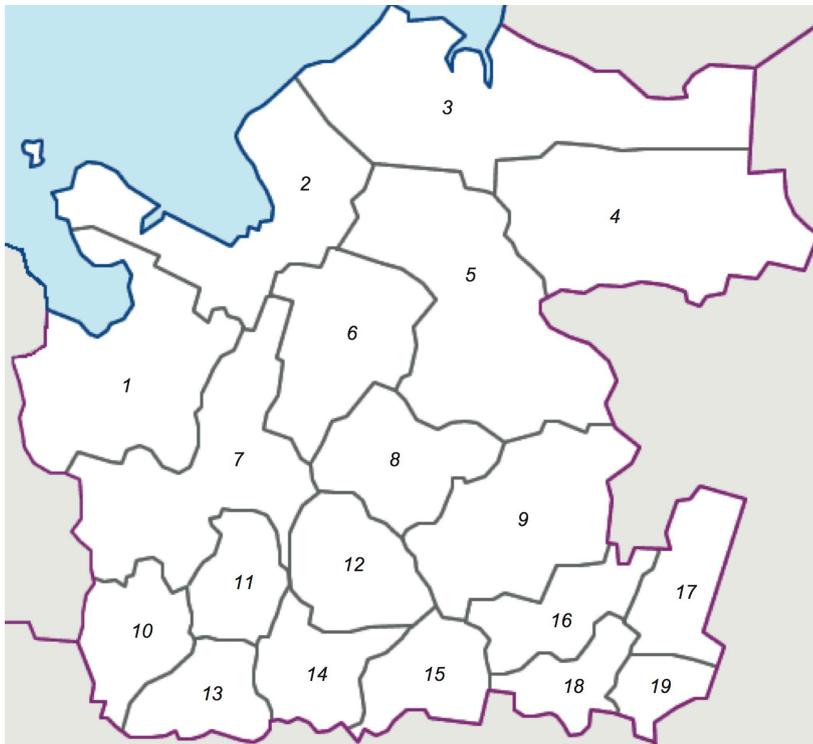
Нами использовалась программа Adobe Illustrator версии CS6, но могут быть использованы и другие версии.

Карта-бланковка

Формат карты-бланковки следующий. Она состоит из нескольких (минимум двух) слоев. В качестве основы, т. е. нижнего слоя, может быть использовано любое изображение, растровое или векторное. Верхний слой состоит из текста, точнее это текстовые боксы, в которых помещены цифры с номерами районов.

Для создания карт ЛАРНГ используется бланковка ЛАРНГ. Ниже представлен пример карты-бланковки для Архангельской области:

Файл с картой-бланковкой сохраняется в формате, под-держивающем слои, например, pdf, eps, ai.

Шрифт со значками, используемыми при картографировании

Все используемые в работе с картами ЛАРНГ значки были сведены в один файл и записаны в формате otf с помощью программы FontLab. Возможно использовать любую программу, умеющую работать со шрифтами формата otf. Каждый символ в шрифте otf имеет свой номер в таблице

Unicode. Таблица с unicode-номерами значков была записана в формате pdf.

E000	E001	E002	E003	E004	E005	E006	E007
							
0	11	12	13	14	15	16	17
E008	E009	E00A	E00B	E00C	E00D	E00E	E00F
							
18	19	20	21	22	23	24	25
E010	E011	E012	E013	E014	E015	E016	E017
							
26	27	28	29	30	31	32	33
E018	E019	E01A	E01B	E01C	E01D	E01E	E01F
							
34	35	36	37	38	39	40	41

Программа-скрипт

Скрипт был написан на языке JavaScript, который понимается программами Adobe¹.

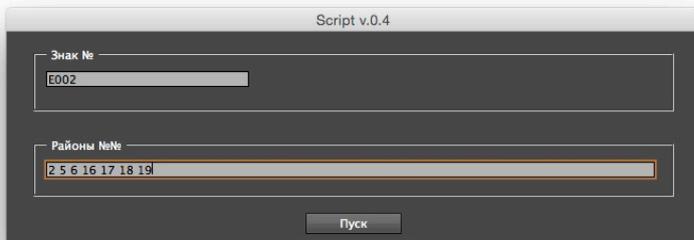
```
//
// Скрипт для создания карт
// autor Alexander Levichkin
// license MIT
// version 0.4
//
if ( app.documents.length > 0 ) {
////////// DialogBox Definition//////////
var resultBox=false;
var dlg = new Window('dialog', 'Script v.0.4',[150,150,800,350]);
dlg.znakPanel = dlg.add('panel', [25,15,625,75], 'Знак №!');
```

...

¹Руководства по созданию скриптов для программы Adobe Illustrator можно найти по адресу: <http://www.adobe.com/devnet/illustrator/scripting.html>.

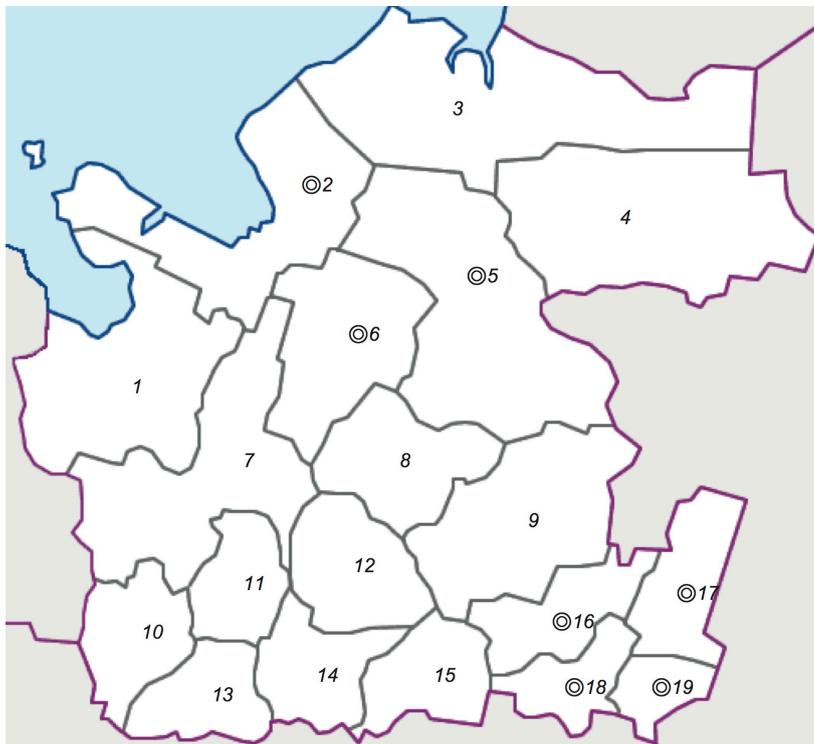
Порядок работы программы

Исходный файл с картой-бланковкой загружается в программу Adobe Illustrator, далее из Adobe Illustrator запускается программа-скрипт, написанная на языке JavaScript. В этот скрипт вводятся данные картографирования. В верхнее поле вводится номер знака по указанной выше таблице с unicode номерами (номер знака начинается с заглавной латинской буквы E). В нижнее поле вводится список районов через один пробел без запятых.

Скрипт запускается на выполнение, программа просматривает все текстовые боксы на верхнем слое карты-бланковки, если номер района совпадает с указанным в списке районов, то около указанных номеров районов добавляется значок с нужным unicode номером. Скрипт можно запускать необходимое число раз, добавляя таким образом нужные значки. Полученный результат сохраняется как pdf файл.

Пример работы скрипта с указанными выше параметрами:

Таким образом, с помощью данной программы можно создавать любые электронные карты (в том числе и для диалектной лингвогеографии).

Ниже приводится листинг программы-скрипта. Для краткости представлены номера районов с 1 по 5, а также номера значков E001, E002, E003. Если необходимо использовать больше районов и значков, нужно дополнить листинг программы нужными цифрами по указанному шаблону. Программу можно использовать по лицензии MIT².

²URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Лицензия_MIT.

```
//
// Скрипт для создания карт
// autor Alexander Levichkin
// license MIT
// version 0.4
//
if ( app.documents.length > 0 ) {
////////// DialogBox Definition//////////
var resultBox=false;
var dlg = new Window('dialog', 'Script v.0.4',[150,150,800,350]);
dlg.znakPanel = dlg.add('panel', [25,15,625,75], 'Знак №');
dlg.znakPanel.txt = dlg.znakPanel.add("edittext", [10,15,200,30]);
dlg.rajonPanel = dlg.add('panel', [25,100,625,155], 'Районы №№');
dlg.rajonPanel.txt = dlg.rajonPanel.add("edittext", [10,15,580,30]);
dlg.OkBtn = dlg.add("button", [280,170,370,190], "Пуск");
dlg.OkBtn.onClick=function(){ //VALID Button test
    resultBox=true;
    dlg.close();
    return resultBox;
};
dlg.show(); // show dialogbox
}

if(resultBox) {
// Разбиваем введенные номера районов через пробел
// и помещаем их в массив
var arrRajon = dlg.rajonPanel.txt.text.split(' ');
myMakeSpace();
// Для каждого из районов в массиве создаем шаблон для строки
// поиска, введенный номер в поле "Район №" вставляем
// в строку поиска
for (var ii = 0 ; ii < arrRajon.length; ii++) {
    switch(arrRajon[ii]) {
        case '1':
            // g for global search, remove i to make a case sensitive
            // search
            var search_string = /^(\\s?)(\\D*)(\\s*)(1)$/i;
            break;
        case '2':
            var search_string = /^(\\s?)(\\D*)(\\s*)(2)$/i;
            break;
        case '3':
            var search_string = /^(\\s?)(\\D*)(\\s*)(3)$/i;
```

```

        break;
    case '4':
        var search_string = /^(\s?)(\D*)(\s*)(4)$/i;
        break;
    case '5':
        var search_string = /^(\s?)(\D*)(\s*)(5)$/i;
        break;
    // опущены районы с 6 по 1064 для ЛАРНГ
    default:
        // не ищет районы с буквами "а" и "б"
        alert('Нет района: ' + arrRajon[ii]);
        break;
    }
    // Ищем юникодный номер для введенного номера в поле "Знак №"
    myFindZnak() ;
    // Заменяем
    myFindReplace();
}
}
}

```

```

function myFindZnak() {
    switch(dlg.znakPanel.txt.text) {
        case 'E001':
            replace_string = "$2$3\u001$4";
            break;
        case 'E002':
            replace_string = "$2$3\u002$4";
            break;
        case 'E003':
            replace_string = "$2$3\u003$4";
            break;
    }
    // опущены остальные номера значков
}
}

```

```

function myMakeSpace() {
    var active_doc = app.activeDocument;
    var text_frames = active_doc.textFrames;
    if (text_frames.length > 0) {
        // С каждым текстовым фреймом совершаем операции
        for (var i = 0 ; i < text_frames.length; i++) {
            var this_text_frame = text_frames[i];
            var search_string_j = /^(.*)$/i;

```

```
var replace_string_j = "\u0020$1";
var new_string = this_text_frame.contents
    .replace(search_string_j,replace_string_j);
this_text_frame.contents = new_string;
}
}
}

function myFindReplace() {
var active_doc = app.activeDocument;
// Берем все текстовые фреймы в открытом документе
var text_frames = active_doc.textFrames;
// Если в документе > 0 текстовых фреймов, то совершаем операции
if (text_frames.length > 0) {
// С каждым текстовым фреймом совершаем операции
for (var i = 0 ; i < text_frames.length; i++) {
var this_text_frame = text_frames[i];
// Осуществляем подстановку по строке поиска
var new_string = this_text_frame.contents
    .replace(search_string, replace_string);
if (new_string != this_text_frame.contents) {
this_text_frame.contents = new_string;
}
}
}
}
}
```

Литература

Кузнецова Е. В. Информационная система «Лексический атлас Вологодской области»: научный материал в учебном процессе ВУЗа // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 335–344.

Варианты наименований птицы соловей в русских говорах (лингвогеографический аспект)

Т. М. Малыгина, Л. Е. Писарева

Изучение важных явлений в истории славянских языков связано с анализом диалектной лексики, зафиксированной в словарях. Исследование наименований птиц в русских народных говорах представляет большой интерес во многих аспектах. Народные обозначения соловья отличаются большим разнообразием, широким диапазоном варьирования лексико-словообразовательной структуры. Сопоставительный анализ диалектных наименований соловья способствует пониманию народной языковой картины мира. Целью данной статьи является рассмотрение вариантов наименований птицы соловей на территории распространения русского языка, выявление лексико-словообразовательных различий названий соловья в русских говорах. Материалом для наблюдений послужили данные, собранные исследователями на территории Европейской части России для составления Лексического атласа русских народных говоров.

Ключевые слова: лексикография, лексико-словообразовательная структура, картографирование, корневая морфема, деминутивность

Цель данной статьи — рассмотреть варианты наименований птицы соловей на территории распространения русского языка, выявить лексико-словообразовательные различия названий соловья в русских говорах.

Материалом для наблюдений послужили данные, собранные исследователями на территории Европейской части Рос-

сии для составления Лексического атласа русских народных говоров.

Наличие большого количества номинаций соловья в материалах ЛАРНГ делает невозможным детализированное представление лексико-словообразовательной структуры соответствующих слов на карте Атласа, поэтому предметом картографирования являются прежде всего различия в корневых морфемах.

На первой ступени противопоставления представлены лексические различия, которые формируются лексемами с корнями *солов-* (*солóва*, *соловѣй*, *соловѣц*, *соловьѳн*); *буль-* (*бульбѳль*); *вар-* (*варáкѳша*, *варáкѳшка*); *гороб-* (*горобѣц*, *горобка*, *горобчик*); *-ли-* (*заливáйка*); *-пе-* (*певѳн*, *пѣвень*, *пѣсенник*, *спивунѣц*); *-свист* (*свистѳн*); *-болт* (*болтѳн*, *болтѳшка*); *-хлюст-* (*хлюст*), получившими наибольшее распространение в русских диалектах. Лексические различия в этих корнях на карте будут передаваться геометрическими знаками разной конфигурации.

Различное оформление корневой морфемы и акцентологические варианты расцениваются как нерелевантные для темы карты и специального графического выражения не получают.

Вторую ступень противопоставления образует вариантный ряд лексем, различающихся словообразовательными средствами (преимущественно суффиксальными), что будет отражаться внутренними заливками соответствующего знака: *солóва* — *соловѣй* — *соловѣц* — *соловьѳн*; *варáкѳша* — *варáкѳшка*; *горобѣц* — *горобка* — *горобчик*; *певѳн* — *пѣвень* — *спивунѣц* — *пѣсенник*; *болтѳн* — *болтѳшка*.

При картографировании будут обобщены фонетические варианты слов: *соловѣц* — *слáвец*; *варáкѳшка* — *ворóкѳшка*; *певѳн* — *пеѳн* — *пеѳн*.

От картографирования отводятся многочисленные лексемы с корнем *-солов-* и суффиксами, передающими значение деминутивности или экспрессию ласкательности, а имен-

но суффиксы: **-к-** (*соловѣйка*), **-ушк-/-ушек-** (*солóвчушка, соловушек*), **-юшк-/-юшек-** (*соловьюшка, солóвьюшек*), **-чик-** (*солóвчик, соловѣйчик*), **-ишк-** (*соловьѣшка*).

В материалах ЛАРНГ представлены следующие названия соловья: *солóва, соловѣй, соловѣц, соловьон, бульбўль, горобѣц, горóбка, горóбчик, варáкўша, варáкўшка, болтўн, болтўшка, певўн, пѣвень, спивунѣц, песенник, залива́йка, свистўн, хлост*.

Приведем ряд иллюстраций:

Соловей красиво поет, будто вода переливается (169). *Соловей поет, себя тешит* (136). *Соловей редко у нас свищет* (753). *Никто никогда соловья не видел, вроде близко поет, а не усмотришь* (335). *Бывало, запоют песню, как соловей* (870). *Соловьи весной поют за кустами* (281). *Соловьев у нас всегда в карьере много* (332). *Соловьи красиво и залиvisto поют* (7). *Соловей — он соловушка, соловейка — это ласково* (746). *Соловей — птица незаметная, а поет красиво* (802). *Соловьи хорошо летом играют, только дўже рано* (850). *Соловьи есть тоже, так их и зовем, ласково зовем соловушка* (433). *Соловей — птица до чего ж приятная, как поет нежно* (681). *Соловей славно щелкает* (957). *Соловей распелся, расщелкался* (845). *Соловей-то до поры до времени щелкает* (845). *Соловей вечерами как защелкает, соловьихе своей поет* (845). *Утром соловей свистит* (933). *Соловей по-всякому поет, только слушай, а с виду он неприметный такой* (386). *Соловьев здесь мало, поэтому никто не может сказать, какие они* (7). *Соловей славно щелкает* (957). *Соловей на орехе спивает* (1016). *Соловей — не больно красивая птица, но поет хорошо* (392). *Раньше-то утром как солова пел* (636). *Наш солова посвистывает* (573). *У нас всюду соловей живет* (850). *Наш солова дўже красиво поет* (670). *В лес зайдешь, а там солова заливаается, красота!* (638). *Со-*

ловьи есть тоже, так их и зовем, ласково зовем — «*соловушка*» (433). *Соловушка-соловей*, голосистый (725). *Соловушка-соловей* — птица очень приятная, как поет нежно! (681). А *соловей* поет, говорят «свистает» (747). *Соловей*, его и не заметишь сразу, он махонький такой (274). И самка и самец *соловьи* и есть, они серые оба, гнезда на земле делают (304). *Соловей* — это птичка небольшая, а как если засвищет, так прямо чудо! (434). *Соловей-то* хорошо поет, на разные голоса (435). У нас и нет *соловьев*, они распевают, конечно, а где делают гнезда, неизвестно (469). Уж больно хорошо *соловей* поет, для *соловьи* старается (395). *Соловей* некрасивый, а зато как поет красиво (383). *Соловья* у нас не услышишь, да и нет их, это надо далёко ехать (344). *Соловья* только редко видел (337). *Соловьи* с юга прилетают, как только май (381). *Соловей* с *соловьи*хой долго к нам прилетали (364). Ну, *соловьев-то* кто не знает! Сам-то *соловей* серенький, а поет хорошо! (331). До войны *соловьев* больше было, потравили, наверное (377). Весной-то у нас *соловьев* с десяток, уж так поют (351). Вон нынешнюю весну в саду пел *соловей*, в рябине (478). Как весна, *соловьи* в черёмухе вот заливают, всё подружек зовут (430). *Соловей* всё свистит (402). *Соловей* в сумерки петь начинает (474). *Соловья* мы так и называли, «*соловей*», были названия и другие, но не у нас в Манушкино (434). Небольшая птичка, *соловьём* зовем, наша серо-буренькая, неказистая, а поет, как в раю. Ежели поет кто красиво, *соловьём* назовут (381). У ключа, в ямине *соловьи* поют (59). *Соловей* с воробья примерно (476). *Соловей* — птица певчая, никому уж так не спеть (358). *Соловьи* поют намного лучше других птиц (287). *Соловей* у нас тоже водится, а поет-то, поет, ну, прямо, ангел чистый (437). *Соловьи* у нас где-то на болоте (478). *Соловец* с воробья примерно (412). *Соловец* хорошо поет сегодня (241). Трели *славца* красивы (877). Есть у нас тут *соловцы*, ой как поют (265). *Варакуша* около болот

в кустах заливаются (242). В кустах около речки у нас всегда красиво поет **варакушка** (41). **Варакушка** — соловей с особыми певческими данными (883). **Варакушки** красиво и заливисто поют (880). Да, **горобка** красиво поет, заслушаешься (877). Люблю, когда **горобец** поет (844). **Горобец** весной поет за кустами (869). **Горобчик** поет — заслушаешься (847). **Слышишь, как свистун** наяривает! Красиво поет! (844). Там, где я жила раньше, в Знаменке, **хлюстом** соловья называют. Мне хозяйка сказала, у кого я в няньках была (828). У нас соловья называют курским **певуном**, **хлюстом** (812а). **Соловушки-певуны** у нас живут (478). Скоро **певуны** запоют (879). Встанешь утром в пять часов, а **певуны** заливаются (830). Соловьев, как ни быть, это **певуны** отменные (835). **Пёвень** в роще заливается (880). Этот **спивунёц** гарно спивает (877). **Соловей** — большой песенник (344). Соловей — это поющая птичка, мы его еще **песенником** называем (988). Гляди, как **болтун** разошелся, заслушаешься! (844). Соловей заливисто поет, ну чистый **заливайка** (968).

Значительная часть народных названий соловья приводится в словаре В. И. Даля: «**соловей** м. **соловушек**, **соловушка**, **соловейка**, **соловеюшка** или **соловейчик**, **соловчик**, певчая пташка *Luscinia*; **соловка** ж. соловыха, самка, которая не поет. Соловей свищет, щелкает, поет. Охотники различают все колена соловья, и дали им названия: булькание, клыкание, дробь, раскат, пленкание, лешева дудка, кукушкин перелет, гусачек, юлиная стукотня, почин, оттолчка, свисты, трели, стукотни и пр. Соловей поет, себя тешит. Соловьем поет, а сам не знает о чем, пустой краснойбай. Соловья баснями не кормят. Мал соловей, да голос велик (да голосист). Соловей — птичка невеличка, а заголосит — лес дрожит! Не выпускай соловья из клетки, пока песни не споет. Падок соловей на таракана, человек на лъстивые речи. Соловей начинает петь, когда напьется росы с березового листка (южн.). Борис-день, соловьиный день: начинают петь соло-

выи, 2 мая. Василиска, соловьиный день, сиб. 22 мая. На Василиска соловьев подслушивают, для ловли» (Даль 4: 266).

Данные картотеки ЛАРНГ, региональные диалектные словари дополняют и уточняют лексикографические сведения. Так, из представленных в материалах ЛАРНГ обозначений соловья в СРНГ отсутствуют лексемы *залива́йка*, *певу́н*, *пёвень*, *спивунёц*, *песенник*, *свисту́н*, *болту́н*, *болту́шка*, *хлюст*, а также атрибутивное словосочетание, зафиксированное в Ивановской области — *ма́йска горловы́нка*.

Из представленных в материалах ЛАРНГ наименований соловья наряду с общерусским словом соловей наибольшую частотность распространения имеют две лексемы: *певун* (63 ш.), *горобец* (53 ш.).

Далее по степени употребительности следуют номинации *варакушка* (44 ш.), *песенник* (31 ш.), *заливайка* (24 ш.), *соловец* (22 ш.), *хлюст* (20 ш.), *болтун* (19 ш.), *соловьон* (15 ш.), *свистун* (15 ш.), *певень* (15 ш.), *болтушка* (14 ш.), *бульбуль* (13 ш.), *горобка* (10 ш.), *солова* (9 ш.), *горобчик* (6 ш.), *спивунец* (4 ш.).

На большей части ЛАРНГ преобладает общерусское слово *соловей*, которое представлено и на территориях, где присутствует реалья, и на территориях, где она отсутствует.

Наименования соловья с корнем *буль-* в целом характерно для севернорусского наречия (островные ареалы в пермских говорах).

Наименования с корнем *вар-* отмечено в севернорусском наречии (локализуются преимущественно в границах северо-западной и северо-восточной диалектных зон). Имеются также островные ареалы в южнорусских (курских) говорах.

Наименования с корнем *гороб-* локализуются преимущественно в границах западной диалектной зоны (смоленские, брянские говоры). Кроме того, имеются островные ареалы на северо-востоке территории Атласа (пермские и костром-

ские диалекты), в среднерусских (владимирско-поволжских) говорах.

Наименования с корнем *-ли-* характерны для говоров южнорусского наречия (ростовские диалекты).

Названия соловья с корнями *свист-*, *болт-*, *хлюст* — зафиксированы в курских говорах (картотека НИЛ «Региональная лексикография и этнолингвистика», Курский госуниверситет).

Как мы уже отмечали ранее, все многочисленные наименования соловья мотивационно связаны со звуками, издаваемыми птицей при пении, в семантической структуре всех наименований присутствует сема 'звук', соловьи хорошо усваивают и имитируют чужие звуки, чаще всего это звук льющейся воды, 'булькающий звук':

— *бульбуль*: согласно данным Этимологического словаря русского языка М. Фасмера слово «*буль-буль, булькать* — междометие, звукоподражательное, ср. *бултых, бултыхнуть* — звукоподражание, аналогично калм. *bul* «о клочотании воды», русск. *буль, буль* и т. п., Преобр. 1, 52» (Фасмер 1: 239–240);

— *болтун, болтушка*: у П. Я. Черных: «словен. *bolt* «пучина»; также польск. диал. *belt* «водоворот»; *болтати, болтовня* (в знач. «болтливый человек»), о.-с. форма, возможно, *byltati, первоначально — о жидкости, о воде, звукоподражательное (ср. *бултых, булькать* и т. п.)» (Черных 1: 102);

— *горобец, горобка, горобчик*: согласно данным Этимологического словаря русского языка М. Фасмера лексема *горготать* имеет значение «громко смеяться, гоготать», др.-русск. *гъркати* «ворковать», словен. *grkati* «пронзительно кричать», *grčati* «ворковать», чеш. *hrčeti* «гремять», *hrkati* «трещать, храпеть», словц. *hrkat', hrčet', hrkotat'*, н.-луж. *gjarcys* «кричать, стучать». Звукоподражание, как и др.-инд. *ghurghuras* «булькающий звук»; см. Бернекер 1, 370; Голуб 67 (Фасмер 1: 441);

— *варакуша, варакушка*: по М. Фасмеру *варакушка* — это «род певчей птицы, родственно *ворковать* или *врать*, из *вьрати, лтш. *vervelet* «бубнить, быстро тараторить» (из **verver-*); лит. *vardas* «название», лтш. *várds* — то же, др.-прусск. *wirds* «слово», лат. *verbum*, гот. *waúrd* «слово», важно иметь в виду, что слово *врать* только великорусск., поэтому целесообразнее видеть в нем новообразование, как это и делают Хольмер, объясняющий его на основе *врѣти* «кипеть» (Фасмер 1: 274, 361), сравним с лексемой «*вар* — ‘кипящая вода’, *вьрю* — ‘кипеть’, сл. *věrti*; *vrôč*, *vrôčina*, *vrêlec*, *vrêtina* — ‘источник’; п. *wrzec* — ‘кипеть’, ‘кипятиться’» (ЭСРЯП 1: 66);

— *заливайка*: сравним у М. Фасмера глаголы *лить, лью*: укр. *літи*, блр. *ліць*, ст.-слав. *лити*, сербохорв. *літи*, словен. *liti*, чеш. *líti*, словц. *lejem*, др.-польск. *lić*, праслав. *lějǫ, *liti родственно лит. *lėju*, *lėti* «лить», *lỹja*, *lỹti* «идти (о дожде)», *lýtus* «дождь», лтш. *līt*, *līstu* «изливаться, струиться», *liēt*, *leju*, *lēju* «лить», др.-прусск. *pralieiton* «пролитое», *islīuns* «вылитый», алб. *lisë*, *lysë* «ручей», также греч. *λεῖβω* «капаю, лью» (Фасмер 2: 504);

— *свистун*: ср. русск. *свистать, свистеть, свищуть*, укр. *свистати, свищуть*, словен. *svískati* «шипеть, брызгать» (Фасмер 3: 580–581).

— *хлюст*: по М. Фасмеру *хлюстать* «хлопать, плюхать по лужам, подметать подолом грязь», чеш. диал. *chl'ustnúť* «выплеснуть», польск. *chlustać* «плескаться». По-видимому, звукоподражание. Ср. укр. *хлюп!* — межд., передающее плеск.

— *певун, певень, спивунец*: по М. Фасмеру лексемы *пою, петь*, диал. *пею, пеешь*, др.-русск. *пѣти*, словен. *pěti*, *rójem*, чеш. *pěti*, *pěji*, *zpívati*, словц. *spievat'*, польск. *pieć*, *pieję*, *śpiewać*, др.-польск. *pieć*, *poję*, в.-луж. *spěwać*, н.-луж. *spīwaś*. Отсюда *певец, петух, песня* [Слав. *pěti*, *poję* должно объясняться как первонач. каузатив от глаг. *piti*, русск. *пить*, ср. тождество форм *пою* «даю пить» и

пою «издаю голосом музыкальные звуки». Переход значений «поить» > «петь, воспевать» восходит, т. о., к языческому обряду жертвенного возлияния. Ср. родство др.-инд. *juhóti* «льет» и *hávātē* «призывает». См. Трубачев, ВСЯ, 4, 1959, стр. 135 и сл.; то же см. «Slavistična Revija», 11, 1958, стр. 225 и сл. — Т.] (Фасмер 3: 350). *Соловей красиво свистает, будто вода переливается* (169). И это не случайно, ведь любимыми местами соловьев являются поросшие кустами долины рек, полевые болота и вообще всякого рода кустарники вблизи проточной воды: небольшой ключик или лесной родничок, струйка текучей воды, покрытая влажной прелой листвой) [Малыхина, Писарева 2013: 358–359].

На большей части картографируемой территории употребляется, как правило, 2, 3, 4 лексемы для наименования соловья. В Курской области зафиксировано 11 наименований соловья.

Приведем часть из встречающихся комбинаций лексем:

2 названия

соловей — *варакушка* (Псковская, Свердловская, Воронежская обл.);

соловей — *соловьон* (респ. Башкортостан);

соловей — *горобец* (респ. Удмуртия, Смоленская обл.);

соловей — *горобка* (Костромская обл.);

соловей — *соловец* (респ. Татарстан);

соловей — *певень* (Брянская обл.);

соловей — *певун* (Нижегородская обл.).

3 названия

соловей — *горобец* — *песенник* (Владимирская обл.);

соловей — *варакушка* — *горобец* (Костромская обл.);

соловей — *песенник* — *заливайка* (Ростовская обл.).

4 названия

соловей — *бульбуль* — *горобец* — *варакушка* (Пермская обл.).

11 названий

соловей — *певун* — *спивунец* — *горобец* — *горобка* — *горобчик* — *варакушка* — *свистун* — *болтун* — *болтушка* — *хлюст* (Курская обл.).

Литература

Малыхина Т. М., Писарева Л. Е. Наименования соловья в русских народных говорах: этимологический аспект // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013. СПб., 2013. С. 352–359.

Об особенностях изучения лексики духовной культуры (на материале русского говора д. Степанёнки Кезского района Республики Удмуртия)

В. Н. Мартьянова, М. А. Пономарева

В статье рассматривается проблема соотношения значения лексики традиционной духовной народной культуры и мифологического понятия. В мифологическом термине актуализируется функция, при которой термин представляет как бы «свёрнутый» текст, включающий такие важные для демонологического персонажа характеристики, как: внешний облик, место обитания, время действия и т. п. (*домовой, банник, хозяин, леший* и т. д.).

В связи с этим при записи демонологической лексики необходимы широкие диалектологические тексты, только в этом случае собиратель может быть уверен в идентичности персонажа, которому посвящаются вопросы Программы лексического атласа русских народных говоров).

Ключевые слова: мифологический термин, демонологический персонаж, отношения между словом и мифологическим понятием

Вопрос о содержании и бытовании лексем, обозначающих явления традиционной духовной культуры, становится для Лексического атласа русских народных говоров всё более актуальным в связи с продвижением работы над пробными томами. Если лексика природы собрана уже в основном полностью и отражена в пробном выпуске ЛАРНГ (ЛАРНГ 2004), то лексика духовной культуры всё ещё продолжает накапливаться, так как раздел «Традиционная народная духовная культура» является одним из самых сложных разделов (Программа ЛАРНГ: 100–121) как в плане общения с информантами, так и в плане её описания. Следовательно, записанная

лексика названной тематики приобретает особую ценность и требует обсуждения вопросов, касающихся интерпретации содержания этого нового материала. Этому и посвящена настоящая статья. Объектом исследования является лексика д. Степанёнки Кезского района Республики Удмуртия, записанная в период диалектологической экспедиции в июле 2012 года.

Раздел «Традиционная народная духовная культура» Программы ЛАРНГ открывают вопросы по демонологии (5001–5050), магии и колдовству (5051–5087), мифологизации животных и птиц (5088–5096). Как и любые другие сферы человеческой жизни, область мифологических верований обслуживается языком, в частности его лексическими единицами. Однако в данном случае мы имеем дело с особыми словами, и это нужно учитывать при их собирании, изучении.

Вся область духовной культуры обслуживается терминологией верований, под которой принято понимать названия семантически значимых культурных реалий, обозначающих весь комплекс верований и суеверий. «Особая роль терминологии (сравнительно с ролью языка вообще) в изучении духовной культуры определяется тем, что она одновременно принадлежит и языку, и культуре и потому заслуживает систематического изучения с позиций комплексного этнолингвистического подхода» [Толстая 1989: 216]. Интересно, что некоторые исследователи, говоря о специфике мифологической лексики, указывают на «нулевой денотат» этой лексики и на «несуществующий предмет, которому в реальной действительности ничего не соответствует» [Уфимцева 1974: 46–47]. Другие — называют возможную относительность денотата одного и того же наименования в зависимости от отнесения лексемы к «естественной сфере...» или к мифопоэтической [Булыгина, Крылов 1990: 129].

Общение с информантами д. Степанёнки Кезского района выявило, что денотат подобных лексем полностью переме-

щён в сознание носителей духовной культуры. Одна только звуковая оболочка таких лексем, как *домово́й*, *домови́к*, *ба́нник*, *ба́нница*, *хозя́ин*, *не́чисть*, *ла́ска* и др. заставляла носителей русского говора понижать голос, говорить «с оглядкой» или вообще прекращать общение. В мифологическом термине актуализируется функция, при которой термин представляет собой как бы «свернутый» текст, включающий такие важные для демонологического персонажа характеристики, как внешний облик, место обитания, время действия, превращения, способности и т. п. При употреблении мифологического термина весь этот комплекс представлений тут же возникает в сознании носителя и может существовать как в «свёрнутом» виде, так и разворачиваться в виде рассказов о каких-либо случаях, происходивших с известными им людьми или с ними самими. В записываемых материалах мы приводим не только краткое лексическое значение указанных лексем, но и диалектные тексты, разворачивающие «свёрнутый» текст мифологического термина (*Домово́й где-то есь, но никто его не видит. Если залюбит скотинку, то она будет здоровая, и гладкая у ёй будет шерсть, а если не залюбит, то шерсть завиваться начинаат* — в этом предложении описывается пристрастие домового; *А у нас тут домово́й живёт, всё время по ночам его слышим* — здесь говорится о времени действия домового; *Раньше, говорят, домовые были, дом берегли. Мы перешли на новое место, а его не взяли, дак он сердится* — указывается функция домового и др.). И только совпадение основных компонентов «свернутого» текста двух мифологических терминов, например, *домово́й* и *домови́к*, будет свидетельствовать о том, что это лексемы, обозначающие одну и ту же реалию (при всей её условности) и отвечающие вопросу Программы ЛАРНГ. С другой стороны, поскольку в действительности нет реального предмета, с которым соотносилось бы мифологическое понятие, то между словом и понятием устанавливаются сложные, иногда непрочные отношения. Поэтому жители д. Степанёнки могут

по-разному описывать и оценивать этот персонаж. Всё это накладывает дополнительную ответственность на собирателей лексики народной духовной культуры. Так, *домовому* в Программе посвящено два вопроса: Л 5002 и Л 5003 ‘мифологический персонаж, обитающий доме’ и ‘какие существуют названия домового по месту его обитания в доме, в печи, в подполье, на чердаке’. При ответе на первый вопрос мы, как правило, получаем лексему *домово́й*, а также лексему *хозяйин*. Это значит, что в данном случае *домово́й* это не только «дух определённого локуса, а прежде всего опекун всего хозяйства, хозяин и глава всей семьи» [Виноградова 2000: 271]. И действительно, русский *домово́й*, по рассказам жителей д. Степанёнки, обитает не только в доме, во дворе, в конюшне, но и там, где высыпают мусор, в бане, на печи, за трубой, в подпечке, у порога входной двери, на голбце, на чердаке. Следовательно, лексема *домово́й* включает в себя несколько характеристик этого персонажа.

Таким образом, можно утверждать, что только собиратель на месте с твёрдой уверенностью определит действительное содержание мифологического термина; решит, о каком персонаже идёт речь, так как мифологическая лексика — это лексика с неустойчивым характером понятия. Здесь необходимы широкие диалектологические тексты о том, например, как *домово́й* наваливается и душит, предсказывает будущее, прячет вещи, плачет в старом доме, если его не пригласили на новое место жительства, в отсутствие мужа приходит по ночам к женщинам и т. п. Только по этим сведениям собиратель лексики указанной группы может быть уверен в идентичности персонажа, которому посвящаются вопросы Программы ЛАРНГ.

Литература

Булыгина Т. В., Крылов С. А. Сигнификат // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.

Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифоритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000.

Толстая С. М. Терминология обрядов и верований как источник реконструкций древней духовной культуры // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы. М.: Наука, 1989.

Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. М.: Наука, 1974.

Диалектные особенности инфинитива и спрягаемых форм глагола в говорах Орловской области (на материале одного говора)

В. И. Меркулова

В статье отмечаются морфологические и фонетические особенности форм глагола в орловских говорах, отражающие специфику русской диалектной морфологической системы в целом и отчасти присущие грамматическому строю и фонетической системе древнерусского языка.

Ключевые слова: глагол, инфинитив, спрягаемые формы, орловские говоры

В целом глаголу в диалектах свойственны те же категории, что и в литературном языке: вид, залог, наклонение, время, лицо, число, а для некоторых форм — род, падеж (у причастий).

Однако в системе глагольных форм русские говоры имеют ряд особенностей, которыми они отличаются друг от друга и от литературного языка. Такие особенности могут наблюдаться, во-первых, в самой морфологической структуре глагольных форм (например, наличие или отсутствие конечного *-т* в 3-м л. ед. и мн. ч. настоящего и будущего простого времени: *ветер дует, он пишет*); во-вторых, отмечаются некоторые особенности в системе спряжения (например, в акающих говорах — неразличение флексий 1-го и 2-го спряжения в глаголах с безударными окончаниями: *гонят, топчат, ищат; сеют, рубют*); в-третьих, в говорах наблюдаются различия в словообразовательных и формообразовательных моделях глаголов определенных классов: *ри-*

совать — *рисовую*, *записывать* — *записую* и др. В некоторых говорах имеются отличия в самой номенклатуре глагольных форм (например, некоторые говоры севернорусского наречия сохранили форму плюсквамперфекта — давно прошедшего времени (сложного прошедшего времени): *она была училась*).

Мы проанализировали морфологическую систему форм глаголов в одном говоре — говоре поселка Красное Знамя (или д. Александровка) Покровского района.

В настоящей статье рассматриваются диалектные особенности инфинитива и спрягаемых форм.

Особенности форм **инфинитива** в данном говоре следующие.

Прежде всего следует отметить, что формы инфинитива образуются при помощи суффикса **-ть** (вместо ударного **-ти** в соответствии с литературной нормой) с перемещением ударения на основу: *принестъ* (ср.: *принести*), *сплестъ* (ср.: *сплести*), *трестъ* (ср.: *трясти*), *привезтъ* (ср.: *привезти*) и т. п. (*Надъ Нинки хлеп атнестъ: ана прасила. Окълъ домъ надъ падместъ*).

Наряду с этим употребляются формы инфинитива, имеющие в морфемной структуре одновременно два аффикса: **-ти** и **-ть**. Такие формы осложнены добавочным элементом **-ть**, и отмечаются они в основном у глаголов с корнем **-ид-**: *идтитъ*, *пойтитъ*, *зайтитъ* и др. А также у глагола *найти*: диал. *найтитъ* (*Кудай-тъ пълажыль ножницы — ни магу найтитъ. Надъ к куме зайтитъ нынчи. Надъ иттитъ, а то уш тёмна*).

Эта особенность (наличие двух аффиксов) сохраняется и у возвратных глаголов с корнем **-ид-**: *разойтитъся*, *проятитъся*, *сойтитъся* (*Надъ прайтитцъ нямношка, а то ноги зтякли. Ездил он ездил к ней — ну и ряшыли сайтитца*).

Особый интерес, на наш взгляд, представляют инфинитивные формы глаголов на **-чь** (*беречь*, *стеречь*, *жечь*,

печь и др.), которые в исследуемом говоре образуются с шипящим согласным перед *-чь*: *береишь, стереишь, жеишь, пеишь* и т. п. (*Скорѣ нашѣ очередь скатину сти-решь. Надѣ заврѣ блинка испешь*). Мы можем предположить, что произношение *-ш'ч'* на конце инфинитивных форм — следы наличия в древнерусской фонетической системе слитных (сложных) по способу образования согласных фонем, являющихся результатом праславянского процесса изменения *gt, *kt перед *i.

Спрягаемые (видо-временные) формы в данном говоре имеют целый ряд диалектных особенностей.

В первую очередь, обращают на себя внимание формы 3-го л. мн. ч. настоящего и будущего простого времени с безударными окончаниями: глаголы 2-го спряжения имеют окончания *-ут / -ют* вместо *-ат / -ят*: *курют, ходют, смотрют, просят, видют, купют* и т. п. (*Мѣладѣи ходют усю ночь*). Значительно реже наблюдается обратное: у глаголов 1-го спряжения выступают окончания *-ат / -ят* вместо *-ут / -ют*: *топчат, колят, ищат* и т. п. (*Глянь, овцы агарот топчат*).

Такое явление характерно для многих акающих говоров, особенно говоров южнорусского наречия. С. К. Пожарицкая говорит в данном случае о наличии «так называемого «общего спряжения», когда «в форме 3-го л. мн. ч. обобщается окончание 1-го спряжения *-ут*» [Пожарицкая 1997: 101]: *пишут, дышут*.

При образовании личных форм глаголов на *-чь* (*беречь, стеречь, печь, жечь, стричь* и т. п.) отмечаются фонетические особенности, которые заключаются в отсутствии чередований согласных. Например: *печь* — *пеку, пекёшь, пекёт, пекём, пекёте, пекут* (ср. в литературном языке: *пеку* — *печёшь*; чередование *к // ч*); *стеречь* — *стерегу, стерегёшь, стерегёт, стерегём, стерегёте, стерегут* (ср. в литературном языке: *стерегу* — *стережёшь*; чередование *г // ж*) и т. п. (*У мене муш пираги пикётъ, я*

ни пяку никада сама. Унучкэ бабушкин падарэк биригётъ).
 Формы с отсутствием чередований возникают в говорах в результате стремления к выравниванию парадигмы.

Отсутствие чередований наблюдается и у глаголов, которые при спряжении в литературном языке имеют исторические чередования, обусловленные праславянским процессом «йотовой» палатализации губных согласных: *сыпать* — *сыплю, сыплешь, сыплет, сыплем, сыплете, сыплот* (чередование *п* // *пл*); ср. в говорах: *сыпать* — *сыпешь, сыпет, сыпем, сыпете, сыпят* и *сыпют* (отсутствие чередования) и т. п. (*Ты смотриш тиливизэр или дремиш? Куда ш он столькэ сахэру сыпить у чай!*).

Отдельного замечания требуют разноспрягаемые глаголы *бежать* и *хотеть*, которые в данном говоре спрягаются по 2-му спряжению, в личных формах оба глагола имеют ударные окончания 2-го спряжения: *бежать* — *бежу, бежишь, бежит, бежим, бежите, бежат*; *хотеть* — *хочу, хотишь, хотит, хотим, хотите, хотят*.

Однако в этом же говоре глагол *хотеть* может спрягаться и по 1-му спряжению: *хочу, хочешь, хочет, хотим, хотите, хочут*. Таким образом, наблюдается тенденция к выравниванию парадигмы.

Яркой особенностью, отличающей южнорусские говоры от севернорусских, является то, что формы 3-го л. ед. и мн. ч. настоящего и будущего простого времени имеют личные окончания со смягченным [т']. Это наблюдается и в исследуемом нами говоре: мягкое [т'] отмечается как в ударных окончаниях 3-го л., так и в безударных: *глядítь, сидítь, берётъ, несúть; встанётъ, хóдитъ, пáшутъ* и т. п. (*Приехли ранэ вутрэм, щас спятъ ляжатъ*).

Кроме того, в результате изменения безударного [e] в [’a] в окончаниях 2-го л. мн. ч. образуются формы на *-тя* (в окончаниях *-итя, -етя, -ётя*): *говоритя, идётя, принесётя, смóтритя* и т. п. (*Вы помнитя, што я вам сказала? Ни забудитя купить мне хлеба?*).

Формы инфинитива и личные формы глаголов, содержащих в своей структуре видовой суффикс *-ива-* / *-ыва-* (*раскрашивать*, *замораживать*, *отыскивать*, *записывать*, *разбрасывать* и т. п.) в данном говоре имеют следующие особенности: у глаголов с заднеязычными согласными *г*, *к*, *х* в корнях указанные формы образуются с суффиксом *-ыва-* (вместо литературного *-ива-*): *соскакывают*, *вытаскывают*, *отпихывают*, *стряхывают*, *растягывают*, *вздрагывают*, *задёргывают* и т. п. — с твердыми заднеязычными (в сочетаниях *гы*, *кы*, *хы*), что, вероятно, отражает древнерусскую фонетическую систему, характеризующуюся отсутствием мягких заднеязычных согласных (а значит и сочетаний *ги*, *ки*, *хи*): *Туфли купила, а ани вилики: саскакывзють. Нынчи моркву буду раздёргывать, а то пирирастёт. Лидъ паила батву стряхывать, а тада посли абедъ будим пздбирать* (картошку).

У возвратных глаголов отмечаются диалектные особенности, заключающиеся в следующем.

Если в литературном языке употребление постфиксов *-ся* и *-сь* зависит от позиции (*-ся* употребляется в инфинитиве и спрягаемых формах только после согласного, а *-сь* — после гласного: *умыться*, *умылся*, *нестись*, *неслась*), то в говоре и после согласного, и после гласного используется постфикс *-ся*: *умылася*, *нарядилася*, *расписалася*, *появилисья* и т. п. (*Я уи разделвся, лягла, слышу — стучитъ той-тъ у дверь*).

Кроме аффиксов *-ся* и *-сь* в данном говоре продуктивным является аффикс *-си*: *нарядилси*, *искупалси*, *оденьси*.

При образовании личных форм настоящего и будущего времени на стыке конечного согласного основы и возвратного постфикса в формах 2-го л. ед. ч. наблюдается регрессивная ассимиляция [ш] последующему согласному постфикса [с']: *бои[с'с']я*, *зли[с'с']я*, *занимаи[с'с']и* и т. п. (*Ты ни абидисси, если я ни приду? Што ты баисся?*).

В исследуемом говоре отмечено употребление невозвратных глаголов как возвратных (т. е. с постфиксом *-ся*) и наоборот: возвратные глаголы употребляются без *-ся* (т. е. как невозвратные): *Иду, а ани (дети) играютца* (вместо *играют*). *Мать стиратцѣ будить* (вместо *стирать*). Тенденция функционирования в речи возвратных глаголов как невозвратных (т. е. без *-ся*) наблюдается в причастных формах, которые в говоре адъективировались: *Я арловский, чуп мой вьющий, никурящий и нипьющий (вьющий вместо вьющийся)*. *Купилъ себе на кухню аои (оои) моущие* (вместо *моущиеся*). *Мыль дюжѣ пеняция* (вместо *пенящиеся*).

Особого замечания требуют формы **повелительного наклонения**. Известно, что в литературном языке традиционные формы повелительного наклонения образуются от основы настоящего времени при помощи аффикса *-и* (который мы считаем суффиксом) или нулевого аффикса (суффикса): *писать* — *пиш-ут* → *пиши, пишите*; *нести* — *нес-ут* → *неси, несите*; *сестъ* — *сяд-ут* → *сядьѣ, сядьѣте*; *встать* — *встан-ут* → *встаньѣ, встаньѣте*.

В исследуемом говоре наблюдается тенденция к установлению единой формы повелительного наклонения — с нулевым суффиксом: *положить* — *полож-ат* → *положьѣ* (вместо *положи*); *выбросить* — *выброс-ят* → *выбросьѣ* (вместо *выброси*); *выйти* — *выйд-ут* → *выйдьѣ* (вместо *выйди*); *напоить* — *напој-ат* → *напойѣ* (вместо *напои*): *Палои на стол. Выйдь нѣ минутку! Пасотъ (посади) рибѣнка!*

Зачастую в говоре наблюдаются варианты формы повелительного наклонения: *выбросъ* — *выброси, выкинь* — *выкини, напой* — *напои, почистъ* — *почисти* и т. п.

Кроме того, в результате изменения [e] в [ʼa] в безударном положении в формах 2-го л. мн. ч. повелительного наклонения наблюдается окончание *-тя* вместо окончания *-те*:

идитя, учитя, сидитя, спитя, смотритя и т. п. (*Подайтя мне ножык што-нибуть*).

Наблюдения над языковым материалом одного говора показывают, что в области глагола довольно много особенностей, отличающих морфологическую систему говоров от системы литературного языка.

Специфика диалектных форм глагола говора д. Александровка Покровского района Орловской области отражает специфику русской диалектной морфологической системы в целом, и кроме того, в диалектных грамматических формах зачастую отражены черты, присущие грамматическому строю и фонетической системе древнерусского языка.

Интересно, что отмеченные диалектные особенности инфинитива и спрягаемых форм глагола в современных орловских говорах не исчезают, а имеют устойчивый характер.

Литература

Пожарицкая С. К. Русская диалектология. Учебник. М.: Изд-во МГУ, 1997.

Некоторые особенности префиксальных имен прилагательных в говорах Орловской области

Л. И. Меркулова

В статье анализируются префиксальные имена прилагательные некоторых словообразовательных моделей, подчеркивается диалектная специфика адъективной лексики в говорах Орловской области.

Ключевые слова: префиксальные имена прилагательные, орловские говоры

В русском языке префиксальный способ словообразования, или префиксация, является, по словам Е. А. Земской, «самым простым и легким способом образования нового слова» [Земская 1963: 23]. Основным словообразовательным средством данного способа являются префиксальные морфемы, которые выражают деривационное значение производного слова.

Префиксы участвуют в словообразовании всех основных частей речи, но, в отличие от других способов словообразования, при префиксации производное слово всегда относится к той же части речи, что и производящее. Следовательно, производные имена прилагательные являются «продуктом» внутриадъективного словообразования: они образуются «на базе не основ, а слов» (Тихонов 1985 1: 21), поскольку при данном способе словообразования словообразовательный формант (префикс) присоединяется к целому слову.

Префиксы, выражая словообразовательное значение, уточняя лексическое значение производящего прилагатель-

ного, обладают и семантической, и формальной самостоятельностью, автономностью в структуре производного слова.

Адъективная диалектная лексика, анализируемая в настоящей статье, представляет собой префиксальные дериваты и отражает диалектные особенности орловской региональной лексики. Эти особенности, в частности, отмечаются у качественных имен прилагательных, образованных с помощью приставок, имеющих значение усиления качественного признака. Такой словообразовательной семантикой в орловских говорах обладают приставки *не-*, *за-*, *на-*, *раз-* / *рас-*, *о-*.

Как известно, в литературном русском языке приставка *не-* означает «отсутствие или противоположность признака, названного мотивирующим словом» (АГ-80 1: 307). Т. Ф. Ефремова также отмечает у имен прилагательных с приставкой *не-* значение признака, который характеризуется «противоположностью»; «отсутствием», «отрицанием», «умеренностью» признака, названного мотивирующим словом (Ефремова 1996: 283–288).

В речи носителей орловских говоров образования с префиксом *не-* с данной семантикой очень употребительны. Образуется они как от производных, так и от непроизводных, но, безусловно, только от диалектных имен прилагательных (поскольку в другом случае перед нами будет литературная лексика): *неглазлі́вый*, *недобы́тнóй*, *несо́лкий*, *непиту́щий*, *неглыбо́кий*, *немото́рный*, *невпо́рый* и т. п. — производные от диалектных (соответственно) *глазлі́вый* ‘способный сглазить’, *добы́тнóй* ‘умеющий добыть, достать’, *со́лкий* ‘имеющий ярко выраженный соленый вкус (о соли)’, *питу́щий* ‘употребляющий спиртные напитки; пьющий’, *глыбо́кий* ‘глубокий’, *мото́рный* ‘подвижный, проворный’, *впо́рый* ‘приходящийся впору’ и т. п.

Однако в исследуемых говорах префикс *не-* приобретает семантику, не свойственную литературному языку. Так, имена прилагательные *неосиле́нный*, *неосилённóй* и *неуси-*

лённый — производные от **осилённый**, **осилённый** и **усилённый** ‘очень сильный, большой, значительный по силе проявления признака’ — не имеют значения отсутствия или противоположности признака, а, напротив, выражают «высшую степень качества, названного мотивирующим словом»: *Кабы праишол дажэжок, картошкэ урадилэсь бы ниасилённэя; Дажди мли ниасилённыи, залили усё; А яблэки нынчи гот ниусилённыи!* Со значением «усиления признака» выступает префикс **не-** в прилагательных: **неалёпистый** ‘очень толстый и нескладный (о человеке)’: *Ды Генкэ-тэ узэл жану нихарошую, ниалёпистую*, ср.: **алёпистый** ‘1) грубо сделанный, неязящный по форме, по внешнему виду; аляповатый; 2) толстый, неуклюжий’; **некультяпистый** ‘очень неловкий, неумелый’: *Ну што ты, Ленк, никультяпистэя такая!*, ср.: **культяпистый** ‘неловкий, неумелый’; **немоделый** ‘очень вялый, бездеятельный (о человеке)’: *Штой-тэ ты, брат, какой-тэ нимаделый*, ср.: **моделый** ‘1) слабый, хилый, болезненный; 2) вялый, бездеятельный (о человеке)’; **немныйлый** ‘наводящий сильное уныние, очень унылый, безрадостный’: *Жызнэ пашла какай-тэ нимныйлэя, ни висёлэя*, ср.: **унылый** ‘1) испытывающий уныние; грустный; 2) наводящий уныние своим однообразием, неприглядностью и т. п.; скучный’. При образовании диалектного прилагательного наблюдается фонетический процесс: огубленный гласный [у] заменяется близким по артикуляции губным согласным [м].

Семантика «усиления качественного признака» диалектных имен прилагательных с префиксом **не-**, зафиксированных в «Словаре орловских говоров», передается наречиями меры и степени очень, сильно, а также прилагательными **сильный**, **большой** и под. в толковании диалектного прилагательного, например: **неосилённый**, **неосилённый** и **неусилённый** ‘1) очень сильный, большой, значительный по силе проявления признака; 2) очень обильный плодами, несущий большой урожай’; **немныйлый** ‘наводящий сильное

уныние, очень унылый, безрадостный' и др. В речи носителей говоров данная семантика актуализируется следующими способами: употребление при данном деривате диалектного наречия степени *дьюже*: *Жызня пашла какай-тэ дьюжэ нимнылэ* и др.; употребление усилительных и эмоциональных частиц: *А яблэки нынчи гот ниусилённы!* *Ну што ты, Ленк, никультяпистэя такая!* и др.; употребление конструкций с лексическим повтором: *Дажди лили ниасилённы, залили усё*; просодическими средствами: предложения произносятся с особой «восклицательной» интонацией: *А яблэки нынчи гот ниусилённы!* *Ну што ты, Ленк, никультяпистэя такая!*

Прилагательные с префиксом *за-* в литературном языке имеют значение «находящийся по ту сторону, за пределами того, что названо мотивирующим прилагательным или словосочетанием с ним» (АГ-80 1: 306), причем эти прилагательные относятся к разряду относительных и употребительны преимущественно в научно-технической и географической терминологии, в книжной речи.

В орловских говорах происходит «окачествление» префикса (семантико-грамматическая трансформация — Л. М.). Образую качественные имена прилагательные, указанная приставка может присоединяться к литературному или к диалектному мотивирующему слову: *запримётный* 'сильно выделяющийся, очень заметный': *Была ли мая галубушкэ зэприметна*, ср.: *приметный* 'выделяющийся, заметный'; *заудáльный, заудáлой, заведáлой, завдáльный* 'отличающийся удалью, удалой' (лабиализованный звук [у] заменяется близким по артикуляции билабиальным (в диалектах) согласным [в]): *Красивый у тебе малый, высокий, заведальный*, ср.: *удалой* 'обладающий, отличающийся удалью'; *закутёл-ляпый* 'сильно хромающий': *Пасмотриш, а зэкутиляпый пашол ранэ утрэм в калтос*, ср.: *кутёл-ляпый* 'прихрамывающий из-за повреждения ноги': *Кутуляпый — кто нахрамывзвить чуть-чуть*. Данные СРНГ свидетельствуют о

том, что и в ряде других русских говоров отмечены имена прилагательные с префиксом *за-* со значением «усиления качественного признака»: *забедовый* ‘бойкий, отчаянный, бедовый’ (Новг., Яросл., Ворон.); *залишний* ‘излишний, имеющийся сверх необходимого’ (Ворон., Пск., Твер., Яросл.); *замилой* ‘очень милый, очень любимый’ (Яросл.) (СРНГ 9, 10, 11).

Префикс *на-* также не образует качественных имен прилагательных в литературном языке. В орловских говорах зафиксировано одно прилагательное с формантом *на-* со значением «усиления признака»: *нанежный* ‘приятный по звучанию, очень нежный’: *Ты услыш, мой миллинький дружочик, мой нанежный гласочик*, ср.: *нежный* ‘приятный по очертаниям, окраске, звучанию и т. п.’. В других русских говорах образование прилагательных посредством префикса *на-* идет довольно активно: *нахудой* ‘очень худой’ (Урал.); *насухой* ‘очень, чрезмерно сухой’ (Влад.); *насветлый* ‘очень светлый’ (Влад.); *набелый* ‘очень белый’ (Влад.); *нажирный* ‘слишком жирный’ (Влад.); *назлющий* ‘самый злой, злобный’ (Южн.) и ряд других примеров (СРНГ 19, 20).

Прилагательные с префиксом *раз-* / *рас-* обозначают «высшую степень проявления качества, названного мотивирующим словом» (АГ-80 1: 310). В приставке *раз-* «выражается степень качества {...}, эта приставка то же, что и наречия: очень, совершенно и т. д.» — указывал К. С. Аксаков [Аксаков 1875: 491]. Образования с префиксом *раз-* / *рас-* употребляются в разговорной и художественной речи литературного языка.

В орловских говорах зафиксированы диалектные имена прилагательные с указанным префиксом: *расхудой* ‘очень плохой’: *Ръсхудая нашъ доля, никто нас ни любить*, ср.: *худой* ‘плохой, дурной’; *раздогадливый* ‘очень догадливый, сообразительный’: *Уи ы я ль, мглада, рздаадливъ была*, ср.: *догадливый* ‘обладающий сообразительностью, спо-

собный находить правильные решения’; *растреклятый* ‘в высшей степени ненавистный, проклятый’: *Рѣстриклятыя жызня!*; *Вот пьяницѣ рѣстриклятый, пѣразит!*, ср.: *треклятый* ‘ненавистный, достойный проклятия’; *расцветной* ‘очень нарядный, яркий, разноцветный’: *Лѣшадѣй украшывѣли лѣндѣми, цвѣятами бумажными, у сани папонки слали, цвѣтныи-рѣсцвѣтныи*, ср.: *цветной* ‘с окраской разных цветов; разноцветный, многоцветный’. Принадлежность общенародных слов с префиксом *раз-* / *рас-*: *развесѣлый*, *разлюбезный*, *раскудрявый*, *расчудесный* и других — к разговорному стилю и разговорный характер диалектной речи позволяют предположить, что эти пласты русского языка взаимообогащаются, и слова типа *расхудѣй*, *раздогѣдливый*, *растреклятый* могут быть отнесены к пласту диалектной лексики лишь на том основании, что они не зафиксированы в толковых и словообразовательных словарях современного русского литературного языка. Собственно диалектным является прилагательное *разгорчѣный* ‘невыносимо горький, тяжелый (о жизни, доле)’: *Рѣзгарчѣныя доля нам дасталѣсь*, ср.: *горчѣный* ‘полный горя, тяжелый (о жизни)’; *разнемѣжный* ‘1) совершенно невыносимый, невозможный’: *Дѣти стали рѣзнимѣжныи, с ими бапки рѣзвѣ сладють*; ‘2) чрезвычайный, невозможный по силе, интенсивности проявления’: *Рушники ана вышивалѣ рѣзнимѣжныи*; *Пирид вайной тожѣ был уражай нѣз грыбы жуткий, рѣзнимѣжный*, ср.: *немѣжный* ‘непривычный, удивительно необычный’; ‘большой, значительный по степени проявления, величине, сильный’.

В русском литературном языке префикс *о-* не относится к фонду словообразовательных средств префиксальных имен прилагательных. Хотя в говорах Орловской области образований с указанной приставкой сравнительно немного, тем не менее мы можем отметить их наличие как особенность адъективной лексики исследуемого нами региона и особенность диалектной словообразовательной системы. Об-

разуя производные прилагательные с качественным значением на базе литературных слов, приставка *о-* вносит в семантику диалектного слова значение «усиления признака, названного мотивирующим именем прилагательным»: *огромáдный* ‘очень больших размеров; огромный, громадный’: *Аграмадный сат у баринъ был; Три аграмадных амётъ паставили*, ср.: *громадный* ‘чрезвычайно большой по своим размерам, массе или объему’; *óстраиный* ‘очень большой по размерам или сильный по степени проявления’: *Печкъ острѣиныйъ была; Гроза была острѣиныйъ: мѣланья жгётъ бис пирирыва, доштъ пѣливаить, гром*, ср.: *страиный* ‘очень сильный или очень большой (о степени проявления, интенсивности чего-л.)’; *остраи́енный* ‘очень страшный, страшенный’: *Марос астраи́енный был!*, ср.: *страи́енный* ‘разг. очень страшный (о степени проявления, интенсивности)’; *огóлый* ‘очень бедный, нищий’: *Дети тада аголыи были, естъ нечива*, ср.: *голый* ‘бедный, нищий’; *осéрый* ‘совсем неграмотный, необразованный, некультурный’: *Этѣ мне, асерѣму, ни панять*, ср.: *серый* ‘необразованный, малокультурный’. Собственно диалектным префиксальным прилагательным со словообразовательным формантом *о-*, обладающим семантикой усиления признака, является слово *обúрный* ‘1) очень деятельный, деловой’: *Он мужык абурнай, у няво лишней минуты нет; Он был абурный чилавек*; ‘2) необузданный, очень буйный’: *Ох, абурный он паринь!*; мотивирующим выступает прилагательное *бúрный* с диалектной семантикой ‘1) деятельный, деловой’: *Директѣр был такой бурный, и сам, и других работѣтъ зѣставлял, ну зато и парядѣк был*; ‘2) необузданный, буйный (о человеке)’: *Бурный — лихой дюжа, ницёмный*.

При образовании и употреблении в речи диалектоносителей тех или иных префиксальных имен прилагательных наблюдается более свободная, по сравнению с литературным языком, сочетаемость префиксов с мотивирующими прилагательными. Это мы наблюдаем при анализе диалектной адъ-

ективной лексики, образованной как на базе литературной лексики, так и на базе собственно диалектной лексики. Так, семантикой усиления качественного признака обладают в орловских говорах единичные образования: **неприсвѣтный** и **отсвѣтный** 'очень сильный в своем проявлении; невероятный, невообразимый': *Ды дурак ниприсветный; Он пьяницѣ ниприсветнѣя!; Он атсветный варяга* (вор — Л. М.). В литературном языке прилагательное **несусветный** 'разг. Очень сильный, крайний в своем проявлении; невероятный, невообразимый' является непроизводным (Тихонов 1985 1: 668), у которого этимологически выделяются префиксы: «**несусветный** — искон. преф. производное от **сусветный** «повсеместный, обычный, общепринятый», суф.-преф. образование от **свет**» (Шанский, Боброва: 202). Следовательно, в приведенных выше диалектных именах прилагательных префиксальные морфемы выделяются лишь как этимологические (**не-при-свѣтный**, **от-свѣтный**), и именно эти «этимологические» префиксы вносят семантику усиления признака.

Таким образом, в говорах Орловской области префиксальные имена прилагательные, имеющие в словообразовательной структуре префиксы со значением усиления качественного признака, образуются в целом по общезыковым моделям, однако, как показывают наши исследования, деривационные процессы в говорах имеют специфику. В орловских говорах функционируют имена прилагательные с префиксами, обладающими словообразовательной семантикой, не свойственной литературному языку. Однако на данном этапе исследования адъективной лексики сложно говорить о том, являются ли ряды дериватов с такими префиксами в орловских говорах открытыми.

Литература

Аксаков К. С. Критический разбор «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф.И. Буслаева // Аксаков К.С. Полн. собр. соч. Т. 2, ч. 1: Сочинения филологические. М., 1875. С. 458–493.

Земская Е. А. Как делаются слова. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 92 с.

Мотивация лексики свадебного обряда Калужской области

М. С. Миронович

В статье рассмотрена мотивация лексики свадебного обряда Калужской области в рамках трёх тематических групп: «наименования этапов свадебного обряда», «наименования участников свадебного обряда» и «наименования материальных компонентов свадебного обряда».

Ключевые слова: лексика, свадебный обряд, мотивация, диалекты, Калужская область

Лексическая мотивация изучается в рамках научного направления мотивологии, сформировавшегося в 70-е годы XX века в трудах представителей Томской лингвистической школы: О. И. Блиновой, Н. Д. Голева, В. Г. Наумова и др. В настоящий момент вопрос истории становления и развития мотивологии исчерпывающе изложен в монографии О. И. Блиновой [Блинова 2010] «Мотивология и её аспекты», переиздающейся с дополнениями, а также в статьях О. И. Блиновой [Блинова 2012]. «Мотивированность — это свойство слова, как элемента лексической системы (не словообразовательной), свойства, обусловленного соотношением слова с мотивирующим его лексическими (не производящим) в данный период единицами языка, независимо от его номинационной, словообразовательной и этимологической истории, которая устанавливается исследователями, а не рядовыми носителями языка» [Блинова 2012: 2], другими словами: «под мотивированностью слова понимается структурно-семантическое свойство слова, позволяющего осознать рациональность связи значения и звуковой оболочки слова на основе его лек-

сической и структурной соотносительности» [Блинова 1974: 28–29].

Мотивация диалектной свадебной лексики рассмотрена в работах Л. И. Лариной [Ларина 1990], Костромичёвой [Костромичёва 1997].

Наличие мотивационных признаков является важной чертой обрядовой терминологии — считает Л. И. Ларина [Ларина 1990: 14]. «Значительная часть обрядовых терминов мотивирована обрядовой реальностью, причём эта мотивированность носит регулярный и системный характер» [Толстая 1989: 221].

Анализ мотивационной основы лексики свадебного обряда Калужской области произведён далее на материале трёх тематических групп.

1. Этапы свадебного обряда

Этапы свадебного обряда состоят из различных элементов, которые имеют свои номинации, выраженные одной лексемой или словосочетанием. Среди наименований элементов свадебного обряда выделяется четыре основных мотивировочных признака.

1.1. Обрядовое действие. Слова используются в прямом значении, с дополнительной обрядовой нагрузкой:

Мести (пол мести) — действие «делать пол чистым» метафоризируется на всю семейную жизнь плюс проводится проверка ловкости молодой жены — это распространённый элемент свадебного обряда.

Обручать молодых ‘после венчания обводить рушником вокруг голов молодых’ — два мотивировочных момента: 1) над головами молодых выписывается фигура обруч, 2) возможно, форма слова заимствована у образованных слоёв населения, где *обручение* — элемент довенчального действия, в этом значении не фиксируется на территории Калужской области (вместо него бытует с префиксом *зарученная*).

Выручить — действие (погружение хлеба в вино), требующее поцелуя молодых.

В том числе:

Действия с ярко выраженной визуальной составляющей: **смотрины, показ, глядеть (смотреть) место (двор), выставка** — характерно для наименования начальных до-свадебных этапов.

Действия с доминантой процесса говорения — влияние преобладания устных договоров (не только свадебных) в крестьянской среде XIX и ранее отражается в наименованиях значимых этапов: **сговор, сговорничек, окликать, благословлять**.

Тактильные действия, чаще двух участников свадебного обряда: **цаловки** (скрепляющий договор о свадьбе поцелуй жениха и невесты при родне), **рукобитие** (мало распространенный в Калужской области этап — «битьё» по рукам отцами жениха и невесты в знак договора).

Действия направленные на сокрытие чего-, кого-либо: **похищение, схоронить невесту, покрыть невесту** — «...скрывающие от злых духов или криптические обряды, стремящиеся не обмануть злых духов, но лишь оградить жениха и невесту от чар и нечистой силы» [Кагаров 1929: 163]. Кроме обрядово-магической функции от данных обрядов была и практическая выгода: устраивали домашний **совет по тайкём** во избежание огласки, так как бывают случаи, когда поладившие сваты идут «на попятную».

Однонаправленная передача какой-либо информации чаще относится к передаче от стороны жениха к стороне невесты: **извещение, ехать с повестью, прийти с ответом, идти в позыватые**; реже — внутри одной стороны свадьбы (невеста обращается к родственникам, в том числе и умершим): **прощание**.

Совместные действия, требующие участия двух сторон свадьбы: **совещание, лады, богу молиться, отводины, проотводы, вотводы**.

1.2. Обрядовая реалья — предметы, использующиеся в свадебном обряде и служащие мотиваторами для наименования элемента свадебного действия:

Венчание — от атрибута церемонии *венец*.

Образование — *образ* (икона), причём если в середине XIX века присутствие иконы было обязательным и доминантным элементом данного обряда, то к середине XIX века делался акцент на иных происходивших в данный момент событиях (выпивка, дарение). Необычная мотивировка прослеживается в сочетании *делать образованию* ‘договариваться о приданом’ [Добровольский 1902: 211], без присутствия религиозной атрибутики, скорее ‘Образовать собою, знаменовать, означать, представлять; или изображать, составлять вещественно’ (Даль 2: 613) — более точную мотивацию установить не удалось по причине отсутствия фиксаций в иных текстах, в том числе в современных источниках.

Мотивацией наименования свадебного элемента *дуры носить* является присущее (по народным представлениям) каждой невесте качество (дура), которое для счастливой семейной жизни следует отнести и привязать (вбить в землю) около родительского дома девушки.

Пищевая реалья (еда; приём пищи; мебель, на которой едят) неотделима от любого торжества, в том числе и свадьбы. Мотивировочным признаком для *похмёлки, доставать воду, первая харча* является пища, в более опосредованной (для современности) форме этот же признак наблюдается в наименовании свадебного обряда *первый сноп*. Устаревшее наименование приёма пищи (в текста XIX века и позднее данная лексема фиксируется в контексте свадебного обряда или сказания, но не бытует в повседневности) — как часть свадебного обряда: *пир, пирушка*. Предназначенная для приёма пищи мебель также служит мотивировкой для наименования элемента свадебного обряда: *застолье, стол дарят*.

Постель в свадебном обряде обыгрывается как символ семейных отношений и является мотиватором для наименования нескольких элементов обряда (происходящих ближе к концу свадебного застолья первого дня и перед первой брачной ночью): *брачное ложе, выкупить кровать, постель греть, постель состроить*.

Одежда изменялась при смене социального статуса девушки на протяжении длительного времени, в начале XX века об этих переменах помнили, но не везде следовали им буквально, часто сохранялся лишь свадебный обычай облачения: *прыганье в понёву*. Элементы свадебного обряда назывались по смене причёски (*увивание косы, расплетение косы*) и головного убора (*надевание повойника*).

1.3. Темпоральные характеристики в качестве мотивационного признака наименования элементов свадебного обряда не получили большого распространения: *раннее* ‘пир второго дня свадьбы в доме молодого с родителями молодой’, цепочка от временной характеристики идёт через наименование гостей со стороны невесты (*ранние*), предположительно связано со временем прибытия данных участников свадьбы, в отличие от иных гостей, собирающихся чуть позже. *Вечер* (*вечеринка, вечериньы*) — номинация по времени проведения — ‘праздничный вечер (чаще всего последний) перед свадьбой в доме невесты’; производное *вечерник* — синонимично к *ранние* по значению в наименовании участников свадьбы (‘родственник невесты’), но антонимично по временному значению; *вечерние* по принадлежности к какой-либо стороне (жениха или невесты) может быть и синонимично, и антонимично *ранним*, т. к. номинация происходит от значения производящего *вечер*, на котором в некоторых фиксациях присутствовали гости и жениха.

1.4. Наименования лиц лежит в основе номинаций нескольких свадебных этапов: *девичник* ‘часть свадебного обряда с обязательным присутствием девушек-подруг невесты’ (*девицы*); *молодушник* ‘часть свадебного обряда с

обязательным присутствием друзей жениха' (*молодцы*); *засватки* 'часть свадебного обряда с обязательным присутствием сватов'; *княжасак, княжсий пир* 'часть свадебного обряда с обязательным присутствием *князя* (жених)'.

2. Участники свадебного обряда

2.1. В синхронном срезе мотивация отсутствует: *Сват* — этимологически *свой, овощные* — в текстах не сохранилось даже предположительной мотивации данного свадебного чина, возможно, близко семантически к *овощник* 'торговец' (Даль 2: 642), функция овощных в свадебном обряде Калужской области — привести невесте ту часть приданого, которую готовит родня жениха, по приезду данных чинов к невесте (вечер перед свадьбой, окончание девичника) происходит обряд, который «отражает в себе брачные отношения отдаленной эпохи, когда племена, живущие в мире между собой, покупали друг у друга жен, а племена враждовавшие добывали силой» [Шереметева 1928: 22].

2.2. Номинация от наименований представителей флоры и фауны бытует в основном в поэтических текстах и используется в метафорическом значении: приравнивание растения или животного к участнику свадебного обряда, вычленение основного свойства того или иного представителя и присвоение этого свойства участнику свадебного обряда (чаще жениху или невесте).

2.2.1. Фитономинация представлена тремя категориями:

а) целое — общие наименования деревьев, кустарников и пр.: *берёза, верба, ёлка, сосна (сосёночка), черёмуха, виноград, травушка*;

б) часть — наименования частей целого: *цветочек, яблочко, ягодка*;

в) собирательная категория включает наименования фитореалий, представленных разными видами: *полшко, венюк*.

2.2.2. Птичьи номинации в свадебном обряде являются выразителями идеи свободы перемещения (*кукушечка, ластушка, пташечка*), парности (*лебедь — лебёдушка, сокол — соколинка, соколушка, соловей — соловьюшка, голубь — голубка, селезень — утушка*), захвата женихом невесты (*ворон, орёл*).

2.2.3. Образованные от номинаций животных наименования участников свадебного обряда немногочисленны, склонны к исчезновению: *зайка, конюшка, волк*.

2.3. Реалии повседневной жизни отражаются в наименовании участников свадебного обряда:

а) в лексико-семантических сравнениях с действующими лицами (лексема-номинация лица по форме равна лексеме-номинации предмета): *свечка* (невеста) и *кормысль, ворота, косой воротничок* (жених);

б) по использованию какого-либо предмета участником свадебного действия: *шорник* (шьёт конскую упряжь — шоры), *дерюжник* (носит дерюги), *кормовой* (в свадебном поезде едет с едой (кормом) и, возможно, связано с *корма* ‘задняя часть корабля’), *шапошник* (‘один из дружек, кто сымает с князя шапку на поезде, при встрече с людьми, чтобы жениху самому не беспокоиться’ (Даль 4: 621) — значение утрачено, в текстах XIX века фиксируется как ‘шафер, дружка’), *запечные старухи* (находятся за печкой), *постельница, постельная сваха* (ответственная за постель молодых). *Блюдник* блюда надъедает — поздняя трактовка, воспринимаемая шутивно, в данном случае изначально существовавшую мотивацию возможно восстановить с помощью этимологического анализа [Ларина 1990]: от *блюсти*, блюдёт невесту. В синхронии можно говорить о явлении полимотивации, которая «обуславливает варьирование принципов номинации на базе одних и тех же слов» [Блинова 2010: 72].

2.4. Чины светской жизни представлены ранее распротранёнными номинациями а) знатных людей (соотносимый

с ними жених приобретает их свойства — богатство, силу, власть): *барин, боярин, князь, вовода, воитель* и б) повседневными: *дружко, сродыч*.

2.5. Мотивационным признаком в номинации лиц свадебного обряда служит какое-либо свойство, определяющее сущность данного чина: *почетные* (почёт), *почетные* (почесть), *званные* (позванные), *коренной сват* ('главный'). В том числе свойства:

Возрастные: а) для обозначения возраста: *молодой, молодая, молодка* (только поженившиеся), *молодец* (жених, нестарый по возрасту); б) для сравнения возрастов: равный по возрасту (*ровнюшка*), старший по возрасту (*старшой, большая*), младший по возрасту (*меньшая сваха*).

Временные: *ранние, *вечерник, вечерние* (цепочка идёт через наименования свадебного обряда *вечер, вечерина*).

Количественные: *первоженец*.

2.6. Свадебные функции, выполняемые участником обряда: *разносчик* (разносит что-либо, чаще вино), *повозчик* (возит), *глазки* (всегда находятся рядом с невестой, являются как бы её глазами), *игрица* (играет — 'поёт'), *плакса* (плачет — 'исполняет плач-причитание'), *величалка* (величает), *вытница* (воет), *покручалки* (поют кручинные песни), *провожатки* (провожают).

2.7. Участие в свадебных действиях: *поезжане* (поезд), *вечерник* (вечер), *околичники* (околичной). И послесвадебных действиях: *разводенец* (развод), *разжанюха* (разжениться).

2.8. Функция подчинения одного участника свадебного обряда другому, посредством префиксации: *поддевичник, подкняжий, подшапошник, поддружье*.

2.9. Номинация посредством отрицания признака, названного в производящей основе: *бесстыжая* и, относящаяся к послесвадебному периоду, *неродиха*.

3. Наименования материальных компонентов свадебного обряда

3.1. Свадебные предметы в основном выражены широко распространёнными в быту лексемами, мотивационные признаки которых скрыты при синхроническом рассмотрении. Лексемы этой группы образованы вне свадебного действия, для которого являются заимствованными (и внешняя и внутренняя формы).

Пищевые реалии (и утварь): *блины, каравай, хлебное зерно, краюшки, хлеб-соль, мак, курник, водка, блодо, горшки*.

Тканевые изделия (в том числе одежда) и обувь: *платок, наряд, рушник, дерюга, платье, рубаха, постелья, кичка, повойник, лапти*.

3.2. Лексемы, преимущественно распространённые в свадебной реалии, мотивированы различными видами свадебных материально-денежных отношений (в повседневной жизни данные лексемы имеют иной оттенок значения):

Торговые отношения: *выкуп* 'плата за кого-, что-либо' (невесту, косу и пр.), *товар, задаток* — отсылают ко временам купли-продажи невесты, источники с обозначением принадлежности свадебного обряда к определённой местности Калужской области (начиная с XIX века) не фиксируют подобных действий, их существование сохранилось только в лексической составляющей обряда. Ф. Волков относит денежные отношения подобно *кладке* к азиатским заимствованиям, т. к. «деньги, которые вносятся за невесту, являются не обрядовым выкупом, а совершенно реальной платой за неё» [цит. по: Зеленин 1991: 341]. Д. К. Зеленин напротив отмечает в русской свадьбе наличие только пережитков «некогда существовавшей покупки невесты у чужого рода» [там же].

Дарение: *дар, отдар* ('ответный дар'), *наделок* ('подаренная молодым земля'), *награждение* ('подаренные молодым деньги'), в том числе заранее условленное: *выговор*

(общее наименование для различного рода предметов), *выговорённый* (атрибуция, распространённая в сочетаниях с существительными *вино*, *деньги* — обозначающими предметы, входящие в состав *выговора*).

3.3. Наименование приданого через метонимический перенос *короб*, *сундук* — от внешнего облика (упаковки) к содержанию: одежда и постельные принадлежности в крестьянском быту часто хранились в сундуках, коробах — говоря *сундук*, подразумевали его содержание.

Справка мотивирована производящим словом *справа* ‘одежда, наряд’ (СРНГ).

Литература

Блинова О. И. Внутренняя форма слова: мифы и реальность // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 4(20). С. 5–11.

Блинова О. И. Мотивология и ее аспекты. Изд. 3-е, испр. и доп. Москва: КРАСАНД, 2010. 304 с.

Блинова О. И. Проблемы диалектной лексикологии: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Томск, 1974. 44 с.

Добровольский В. Н. Свадебный обряд в Калужской губернии // Живая старина. 1902. С. 214–236.

Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. 512 с.

Кагаров Е. Г. Состав и происхождение свадебной обрядности // Сборник музея антропологии и этнографии. Т. VIII. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. С. 152–195.

Костромичёва М. В. Лексика свадебного обряда: На материале орловских говоров: дис. ... канд. филол. наук. Орёл, 1997. 204 с.

Ларина Л. И. Терминология свадебного обряда Курского региона в этнолингвистическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук. Курск, 1990. 241 с.

Толстая С. М. Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры // Славянский и балканский фольклор. Вып. 6: Реконструкция древней славянской народной культуры: источники и методы. М., 1989. С. 215–229.

Шереметева М. Е. Свадьба в Гамаюнщине Калужского уезда. Калуга, 1928. 112 с.

Возможности использования
экстенциальных лексических единиц
при составлении карт
Лексического атласа
русских народных говоров

Л. П. Михайлова

Слова, изменившие внешний облик под влиянием соседних неродственных языков, классифицированы в соответствии с процессами, которые привели к преобразованию слова. Названия гриба *Agaricus torminosus*, ласточки, северного ветра сопровождаются географическими пометами.

Ключевые слова: диалектная лексика, лингвистическая география, языковые контакты

Наличие в составе русской диалектной лексической макросистемы русского языка особых вариантов, возникших под влиянием фонетической системы неродственных иностранных языков, приводит к необходимости учитывать их при создании карт «Лексического атласа русских народных говоров». Решению такой задачи в некоторой степени может способствовать материал «Словаря экстенциальных лексических единиц в русских говорах» (Михайлова 2013), представленный как в простых, так и в развернутых формальных парадигмах. Экстенциальная парадигма представляет собой совокупность модификаций одного и того же слова и их производных, возникших под влиянием иностранной языковой системы в условиях длительных этнических контактов. Типы экстенциальных парадигм описаны ранее [Михайлова 2011]; составные элементы некоторых из них, представленные в настоящей статье, демонстрируют сложность и разно-

родность процессов преобразования внешнего облика слова на разных территориях русского языка.

Задачей настоящего исследования является представление всех существующих в русских говорах вариантов лексемы, подвергшейся иноструктурному воздействию, на материале современных диалектных словарей. Выбраны некоторые репрезентативные лексемы, которые вошли в программу «Лексического атласа русских народных говоров».

В предлагаемых в данной статье примерах модификаций исходного слова отражены разные процессы экстенциального характера. Предварительно укажем возможные причины их действия.

Мена звуков **б** ~ **в**. Случаи замены звука [v] звуком [b] известны вепсскому языку и отмечены в топонимии, особенно Белозерья, где древним населением были вепсы [Матвеев 2001: 128]. Видимо, наличие одного звука вместо другого в русской лексике следует считать результатом вепсского влияния. Мена звуков [v] и [b] отмечается в русских говорах на постмерянской территории — Ярославской, Ивановской, Костромской, частично Владимирской, Московской, Тверской областей, в лексике которых отразилась такая особенность мерянской фонетики, как «наличие звука [β] (вместо [b], [v]), что привело к смешению **б** и **в** в местных русских говорах» [Ткаченко 1990: 191].

Мена звуков **б** ~ **г** ~ **д**. Причины мены этих звуков трудно объяснить внутренними процессами, происходящими в русском языке. По всей видимости, данные изменения связаны с меной глухих и звонких согласных, на что указывал Б. А. Ларин: «Объяснение этому явлению надо искать в их субстрате, так как языки угро-финской группы знают и другие фонологические противопоставления рядов согласных (например, глухие сильные — глухие слабые — звонкие), а в некоторых диалектах — утрату звонких, в других — озвончение глухих (например, в севернокарельских говорах озвончение **к** — **т** — **р** кратких в сильной позиции)» [Ларин 1959: 47].

Следует учесть и некоторые рефлексы глухих взрывных, а именно: звук [k] имеет соответствия в русском [к], [к'], [т'], [п], [г], звук [t] — [т'], [к'], звук [p] — [п], [б], [в], при усвоении прибалтийско-финской лексики русскими говорами Северо-Запада [Мызников 2004: 347–350]. Вероятно, такое «переплетение» рефлексов глухих повлияло и на случаи со звонкими согласными — [г], [д], [б] — по принципу «эха».

Утрата *t*- анлаута: *ta-* > *a-*. Утрату начального *v-* в лексике русских говоров можно связать с таким явлением, характерным для всех прибалтийско-финских языков, как выпадение *v* в начале слова перед *o*, *u*, *ü* [Лаанест 1975: 33].

Упрощение сочетаний согласных в начале слова, метатеза звуков в первом слоге, появление эпентезы может объясняться тем, что для прибалтийско-финских языков, как и для других финно-угорских, не характерно сочетание согласных в начале слова [Лыткин 1974: 119].

Мена мягкого и твердого согласного (*t* ~ *t'*) связана с тем, что палатализованные согласные в некоторых прибалтийско-финских языках или диалектах отсутствуют как фонемы [Лаанест 1990: 396].

Мена глухих и звонких согласных возникла как результат взаимодействия «русского языка с западнофинскими, именно в этом взаимодействии мена глухих и звонких согласных находит непротиворечивое объяснение» [Глускина 1973: 51].

Далее приведем конкретные примеры групп слов по отдельным вопросам Программы ЛАРНГ, в которых ярко представлены экстенциальные лексические единицы.

Л 159 'гриб волнушка'

В данной лексико-семантической группе обнаружено наличие экстенциальных лексических единиц в двух однокорневых звеньях, отличающихся по объему, — **А**: с корнем *волн-* (> *волм-*, *волв-*), **Б**: с корнем *глад-*.

А. Среди многочисленных названий волнушки с исходным корнем *волн-* выделяется несколько модифицирован-

ных групп, которые могут быть объединены в два блока и которые различаются положением звуков, подвергшихся изменению, — в середине слова или в начале слова.

И. Представим изменения согласного в середине слова как более значительные и в географическом, и в лексико-словообразовательном плане.

1. Варианты с губно-зубным согласным после плавного.

1.1. В большинстве случаев наблюдается наличие мягкого звука [в']: *во́лвенка* Усть. Арх., Свердл., Исет. Тюмен., Пск.¹, *волвѣ́нка* Обоян. Курск., Шабл. Орл., Орл., Ворон., Тул., Калуж., Перм., Ряз. Ряз., Бр., Дят., Жук., Кар., Почеп., Рогн., Сев., Суз., Тр. Брян.; *волвѣ́нка* Вин. Арх., Пск., Тр. Брян., Смол., *волвѣ́ня* Смол., *во́лвянец* Арх., Вят., Костром., *во́лвенца* Котл. Арх., *во́лвенцы* Шенк. Арх., Перм., Козл. Тамб., *во́лвеница* Усть. Арх., Млм., Нгрск., Пдсн., Луз., В. Кмск. Вят., *во́лвенцы* Шенк. Арх., Перм. Семантически близкими являются лексемы *волвѣ́нка* 'гриб валуй' Лив. Орл., *во́лвянка* 'гриб из семейства луговиков, род поганок' центр. и южн. р-ны.

1.2. Реже отмечается твердый звук [в]: *во́лванка* Вин. Арх., *волванка*² Перм., *во́лвянец* Арх., *волвану́ха* С.-Двин. Арх., *во́лванца* Вин. Арх., *волво́ницы* Шенк. Арх., Перм. В корне данных лексем наблюдается замена мягкого согласного твердым.

2. Варианты с губно-губным звуком [б] после плавного.

2.1. Одни из них отражают мену *н* ~ *м*, не отмеченную в (Михайлова 2013) как явление, происходящее, вероятно, на русской почве: *во́лменка* Арх., Вят., Перм., Свердл.; *во́лминка* Ю.-Зап.; Алап., Камен., С.-Лог, Тур. Ср. Урал., Ордын. Новосибир.; *во́лменец* Каргоп. Арх, *во́лмени* Тугулым. Свердл., *во́лменца* Кадн. Волог., *во́лмовик* Беломор., *вол-*

¹Географические пометы подаются в соответствии с данными использованных диалектных словарей. Сведения извлечены из (Михайлова 2013), где помещен список источников, последние в связи с этим не указываются.

²Здесь и далее некоторые слова даются без ударения в соответствии с данными лексикографических источников.

мяк Боров. Новг., *во́лмянка* и *во́лмянка* Гарин. Свердл., Перм., Исет. Тюмен., Тобол., Том., *во́лмейка* Тюмен.

2.2. В других лексемах представлена мена *б ~ в*: *во́лбенка* Вил. Арх., Дрвск., Арб., Ктлн., Мрш., Кум., Шблн., Луз., Хлт., Слбд., Орч., Клмз., Б. Хлн., В. Кмск., В. Шжм., Свт., Омнт., Урж., Млм., Звск., Пжн., Лбж., Ярс., Туж. Вят., *во́лбинка* Н.-Тавд., Туг. Ср. Урал, мн. *во́лбенки* Яран. Вят., Тюмен.; *во́лбеница* Орч., Ярс., Дрв., Хлт., Б. Хлн., К.-Чп., Млм., Шблн., Юр., Свч., Лбж., Опрн., Слбд., Омтн., Свт. Вят., *во́лбенца* Уст. Арх., мн. *во́лбенцы* Тугулым. Свердл.

3. Варианты с заднеязычным звонким согласным после плавного.

3.1. С мягким [г']: *во́лгенка* Вель., Шенк., Усть. Арх., *во́лгинка* Яросл., Пошехон. Яросл., *во́лгеница* Бабуш., В.-Уст., К.-Г., Ник. Волог., *во́лгенца* Вель., Кон., Усть., Шенк. Арх., *во́лгинца* Вель. Арх., М.-Реч. Волог.

3.2. С твердым [г]: *во́лганка* Нянд. Арх., *во́лганка* Бельков. Ряз.; *во́лганца* Вель., Нянд. Арх., *во́лганцы* Каргоп. Олон., Бельков. Ряз., *во́лгарí* Вельск. Арх., *во́лгонек* Белозер., Кирил. Новг., *во́лгонка* Касим. Ряз., *во́лгúшечка* Шенк. Арх.

4. Варианты с переднеязычным звонким согласным после плавного.

4.1. С мягким [д']: *во́лдена* Шенк. Арх., *во́лденка* Свердл., Ср. Урал, Гряз., Кадн. Волог., Волог., Вельск. Арх., Вель., Вил., Кон., Уст., Шенк. Арх., Бабуш., В.-Важ., Влгд., В.-Уст., К.-Г., М.-Реч., Ник., Сок., Тарн., Тот., У.-Куб., Хар., Шексн. Волог., Арефин., Владыч., Любим., Данил., Первомайск., Пошехон., Пречист. Яросл., Буйск. Костром., Луз., Пдсн., Опрн. Вят., *во́лде́нка* Ник. Волог., *во́лденга* Вель., Шенк. Арх., *во́лденец* Кон., Усть. Арх., Хар. Волог., мн. *во́лденцы* Углич. Яросл., *во́лде́нцы* Первомайск. Яросл., *во́лдене́ц* Тарн., Хар. Волог., *во́лденина* Ник. Волог., *во́лденица* Кадн. Волог., Яросл., Волог., Арх., Костром., Вил. Арх., Вель., Кон., Котл., Уст. Арх., Бабуш., В.-Уст., К.-Г.,

М.-Реч., Ник., Сямж., Тарн., Тот., Хар. Волог., *волдени́ца* В.-Уст., К.-Г., Хар. Волог., *во́лденичка* Вил. Арх., *волдени́чка* Гряз. Волог., *во́лденца* Вель., Вин., Кон., Котл., Нянд., Уст., Шенк. Арх., Нюкс. Волог., Вельск. Арх., Бабуш., В.-Важ., В.-Уст., К.-Г., М.-Реч., Нюкс., Сямж., Тарн., У.-Куб., Хар. Волог., *во́лденька* Вель., Вил. Арх., Гряз., М.-Реч. Волог., *волде́нька* Сямж. Волог., *во́лдеца* В.-Уст. Волог., *во́лдешица* К.-Г. Волог., *во́лдинец* Вель., Уст. Арх., Нюкс., Тарн., У.-Куб., Хар. Волог., *во́лдиница* М.-Реч., Ник., Сок., Тот., Хар. Волог., *во́лдинка* Котл., Уст. Арх., Бабуш., Нюкс., Сок., Хар. Волог., *во́лдинца* Кон., Уст. Арх., *во́лдяница* Уст. Арх., *во́лдяни́ца* Хар. Волог., *во́лдянка* Волог., Яросл., Шенк. Арх., Влгд., У.-Куб. Волог., Владыч., Данил., Любим., Пошехон. Яросл., *во́лдя́нка* Кон. Арх., *во́лдяну́шка* Кон. Арх., *во́лдя́нца* Кон. Арх.

К этой группе примыкают семантически близкие лексемы: *во́лденица* 'гриб, предназначенный для соления' Первомайск., Пошехон. Яросл., Хлт., Пдсн., Луз., Шблн., Опрн. Вят., чаще мн. *во́лденцы* 'грибы, идущие на засолку (кроме рыжиков и груздей)' Вель., Уст. Арх., *во́лдеши́к* 'пирог с сыроежками' Бабуш. Волог., *во́лдини́чник* 'пирог с грибами' Уст. Арх., *волдене́ц* 'груздь' Уст. Арх., *во́лдини́ца* 'гриб, идущий на засолку' Вил. Арх.

4.2. С твердым [д]: *во́лданка* Нянд. Арх., *во́лданица* Нянд. Арх., *во́лданца* Нянд. Арх., *во́лданцы* Олон., Вельск. Арх., *во́лдонец* Нянд. Арх., *во́лдонца* Нянд. Арх.

II. Изменения начала слова представлены в словах со следующими преобразованными вариантами.

5. Со звуком *б-* в корнях *болг-* / *бовг-* / *богвд-* / *бов-*, в которых параллельно отражается мена *б ~ в ~ г* в середине слова: *бо́вгеница* 'гриб волнушка' Вель. Арх., *бо́вденец* Вил. Арх., У.-Куб. Волог., *бо́вденица* Вил. Арх., К.-Г. Волог., *бо́венка* Черд. Перм., *бо́лденец* Вил. Арх.; В.-Уст., У.-Куб. Волог., *бо́лдинец* Уст. Арх., *бо́лдинка* М.-Реч. Во-

лог., *болдинца* М.-Реч. Волог. К данное группе примыкает лексема *болгúшка* 'гриб рыжик' Выт. Волог.

6. Со звуком *г-*: *гблбенка* Туг. Ср. Урал., *гблменка* Камен. Ср. Урал.

7. Без начального согласного, по формуле *ta-* > *a-*, отражающей утрату *t*-анлаута: *блвенка* Соликам. Перм., *блвинка* Реж. Ср. Урал; *олвяни́ца* Пск., Осташк. Твер., Дон.; *олвя́нка* Моск., Тамб.

Б. Названия волнушки с исходным корнем *глад-* немногочисленны, причиной чего является, по всей вероятности, вторичный характер семантики лексем.

1. Среди слов с исходным корнем известны лексемы: *гладыш* «гриб из породы волдянок» Грязов. Волог.; ср. также *гладбóшка* 'пластинчатый гриб, предназначенный для соления' Чуд., Люб. Новг.; *гладúха* 'гриб': 'гриб *Lactarius flexuosus* Fr., серушка' Волог., Боров. Новг., «гриб светлошный, похожий на путника» Волог., *гладúхи* 'гриб (какой?)' Пошех.-Волод. Яросл., в статье *гладúха* СРНГ отмечен вариант *гадúхи*³ 'грибы-волнушки' Тихв. Новг., *гладбóха* 'пластинчатый гриб, предназначенный для соления' Бокс., Тихв. Ленингр., Люб., Чуд. Новг., *гладúха* 'то же' Бокс., Тихв. Ленингр., Чуд. Новг., Прион. Карел., Тер. Мурман., *гладúшка* 'то же' Бокс., Волх., Кириш., Тихв. Ленингр., Чуд., Люб., Пест. Новг., Кирил. Волог., Прион. Карел., Тер. Мурман.

2. Модифицированный корень, отражающий эпентезу: *tt-* > *tat-*, представлен в лексемах: *голодобóшка* 'гриб волнушка' Чуд. Новг., ср. также *голодúха* и *голодúшка* 'гриб свинушка' Ост. Твер.

3. В данную группу входят и лексические единицы с упрощением начального сочетания согласных *tt-* > *t-*, близкие по семантике: 'гриб (подольховник?)' — *ладбóха* Лод.,

³Следует заметить, что в отдельную словарную статью данная форма не вынесена, что дает основания сомневаться в ее наличии и предполагать, что допущена опечатка — пропуск буквы *-л-* (СРНГ 6: 181).

Подп. Ленингр., *ладбшка* Волос. Ленингр., *ладушка* Бокс. Ленингр.

Л 286 'ласточка'

Среди названий ласточки, имеющих экстенциальные варианты, отметим слова с двумя исходными корнями.

1. Лексикализованные варианты с исходным корнем *кос-*.

1.1. Отражающие мену глухого и звонкого согласного $t \sim d$.

1.1.1. В начале слова: *госанок* Ляд. Пск., ср. *косанок* Пск. Пск., ласк. *косаночек* Гд. Пск., Сланц. Ленингр., *гусенок* Луж. Петерб., ср. *косенок* Гд. Пск.

1.1.2. В середине слова: *косадочка* 'ласточка' Ильин. Ярослав., ср. *косточка* Ростов. Ярослав.

1.2. Отражающие мену $s \sim ш$: *кошенок* Пск., Кар., Остр., Пск., Сер., Сл., Стр. Пск., *кошанка* Пск., Палк. Пск., Печ. Пск., ср. *косенок* и *косанок*.

2. Лексикализованные варианты с исходным корнем *крош-*.

2.1. С метатезаой $ttat- > tatt-$: *коршняк* Вл. Пск., *каршняк* Нев. Пск., ср. *крошняк* Беж., Локн., Оп., Себ. Пск., *каршень* Пск., *коршень* Пск.

2.2. С эпентезой $tt- > tat-$: *корошняк* Пск., ср. *крошняк*.

'ветер'

Обратим внимание и на названия ветра, которые представлены в вопросах Программы ЛАРНГ ЛСЛ 622 'северо-западный ветер' и ЛСЛ 620 'северный ветер', с исходным корнем *глуб-*. Данная группа слов немногочисленна и отражает следующие процессы:

1. Мену звонкого-глухого согласного в начале слова: *клубник* 'северо-западный ветер' Арх.

2. Эпентезу гласного в первом слоге **tt-** > **tat-**: *голуб-нийк* 'северо-западный ветер' Леш., Пин., Прим. Арх., Б. Низ. Печора.

3. Упрощение **tt-** > **t-**: *лубнийк* 'северный ветер' Верхне-Тоем. Арх.

Все указанные варианты являются результатом преобразования слова *глубнийк* 'северо-западный ветер' Арх., Мезен. Арх., Север., Волог., Тобол., Леш., Мез., Пин., Прим., Холм. Арх., Бр., В., Вр., Г., Гл., Е., З., Зм., КРч., Нб., П., С., СБг., Ст., Т., У.-Ц., Ф., Х., Ч., Я. Низ. Печора.

О методике поиска

Отправным в поиске модифицированных лексем может стать материал, помещенный в разделе «Исходная лексика, подвергшаяся внешнему воздействию» в конце «Словаря экстенциальных лексических единиц в русских говорах» (Михайлова 2013: 310–349). При этом следует учитывать лексику при вопросах Программы ЛАРНГ, например: Л 31 'дерево, вырванное с корнем' (*окор-* > *áкор-*, *вáкор-* и др.); Л 445, Л 447 — о песке (*гверста́* > *верста́*, *говерста́* и др.). Использование указанных дополнительных сведений может способствовать более объективному отражению языковой картины мира в лингвогеографических работах.

Литература

Глушкина С. М. Мена звонких и глухих согласных в псковских говорах // Псковские говоры. III. Псков, 1973. С. 35–51.

Лаанест А. Х. Прибалтийско-финские языки // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 396–397.

Лаанест А. Х. Прибалтийско-финские языки // Основы финно-угорского языкознания (прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки). М.: Наука, 1975. С. 5–122.

Ларин Б. А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. 423 с.

Лыткин В. И. Сравнительная фонетика финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974. С. 108–213.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Часть I. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 346 с.

Михайлова Л. П. Экстенциальная лексическая парадигма в составе русской диалектной макросистемы // Лексикология. Лексикография (русско-славянский цикл). Русская диалектология. Памяти В. И. Трубинского: Материалы секций XI Международной филологической конференции, 14–19 марта 2011 г., Санкт-Петербург. СПб., 2011. С. 96–102.

Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб.: Наука, 2004. 492 с.

Ткаченко О. Б. Проблема реконструкции мерянского языка // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. Т. 2 / отв. ред. Г. В. Федюнева. М.: Наука, 1990. С. 190–192.

Неисконная глагольная метеорологическая лексика и возможности ее лингвогеографического описания

С. А. Мызников

В статье представлен анализ некоторых глаголов, обозначающих проявления грозы: гром, молния, греметь (о громе). Для глаголов прибалтийско-финского происхождения предложен их этимологический анализ.

Ключевые слова: Лексический атлас, метеорологическая лексика, прибалтийско-финский субстрат

В Программе ЛАРНГ для сбора сведений в четвертом разделе «Метеорологические явления» представлено 18 вопросов, которые имеют в своем корпусе глагол и призваны получить в качестве ответа глагольную манифестацию. Вот эти вопросы.

ЛСЛ 550. Разведриваться (разведриться), проясниться: *баситься, ведренеть, ведреть...*

ЛСЛ 551. Становиться (стать) пасмурной, хмуриться: *бухмарить, гмыриться, забухмарить, загрибанить, закладывать, замухориться, занегодиться, запасмурнеть, нахмуриваться...*

ЛСЛ 552. Становиться (стать) ненастной: *жиделеть, замокропогодиться, занегодиться, заненастить, заненащиваться, заносить, запогодить, запогодиться, заслякотеть, мокривиться...*

ЛСЛ 562. Становиться (стать) ясным, проясняться (проясниться) (о небе): *баситься, бухмариться, ведренеть, ведреть, выярщивать, выярщить, выярщивать-*

ся, выярыщиться, заведривать, заведрить, залысеть, залысивать, залысиваться, залышиться, запододить, засниться, обьяснить, обьяснить, размолаживать...

ЛСЛ 563. Становиться (стать) облачным, пасмурным, покрываться (покрыться), заволакиваться тучами (о небе): *балчиться, буланить, аблоакиваться, забухмариться, заволокаться, заглабазиться, задернуть, закулажживаться, закужжмить, закуржжаветь, закуриваться, закуриться, замазывать, замолажживаться, замолодеть, замолодить, заморочать, заморочивать, замулындиться, замуравливать, занаморочить, заноситься, заоблачивать, заоблакивать, заоблакиваться, заоблачивать, заоблочатать, заободнять, заскучать, затемнеться, захмаривать, захмариться, захмуриваться, обносить, хмарить...*

ЛСЛ 574. Идти (о дожде): *дождевиться, дождятъ, дождятъся, западать, запуривать...*

ЛСЛ 575. Начинаться, накрапывать: *замолажживаться; пойти, начаться: заварюсить, задожждать, запасть, заприндить, затрусить, запурить, зачичерить...*

ЛСЛ 576. Моросить (заморосить): *бусить, бухмариться, забусить, заморгосить, замотрасить, замшить, заситить...*

ЛСЛ 577. Сильно идти, лить: *бузовать, бучить, дождятъ, дождятъся, запластывать, запузыривать...; сильно пойти, полить: забузовать, запластать, запорскасть, запрудить, запузырить, затурить...*

ЛСЛ 599. Идти (о снеге): *гусить, западать; пойти: загусить, закижжить, запасть, заснежить, заснежиться...*

ЛСЛ 600. Начинаться, начаться (о метели): *завить, завихрять, закуелдить, закуриться, закутить, заметелить, замутить, запурганить, захвевать...*

ЛСЛ 601. Заносить, засыпать; занести, засыпать (снегом): *забуранить, забуткать, завить, закуревить, задуить, задулить, закутить, замутить, заснежить, западать, запуржить, застрогать, затащить...*

ЛСЛ 606. Покрываться (покрыться) льдом, обледеневать (обледенеть — о дороге и т. п.): *гололедить, заковреть, заслудить, зачарыметь, зачерепеть, зачитерить, зачитать...*

ЛСЛ 611. Покрываться (покрыться) (инеем): *заивенеть, заивнеть, заивнивать, заивнеть, заивнеться, заинить, заиниться, закуржаветь, закуржасячь, закуржсаваться, закуртеветь, захараветь, зашубеветь, окуржаветь, окоржсаветь, покуржсаветь...*

ЛСЛ 646. Дуть (подуть о ветре): *взавеять, венуть, винуть, заветрить, захлопать...*

Л 647. Поднимать (поднять) столбом, кружить (закружить): *вихорить, вихрять, вьюрить, завихаривать, завихоривать, завихторивать, завихуривать...*

Л 652. Выходить, подниматься (о солнце): *выставать...*

Л 653. Заходить, садиться (о солнце): *вечериться, зваливать...*

К сожалению, в программу не попали вопросы, характеризующие проявления грозы: гром, молния, греметь (о громе). Хотя в диалектных словарях лексика такого рода представлена довольно широко. Например:

Дря́знуть, сов., безл. ‘Прогреметь, прогрохотать (о громе)’. *Стрела ударила, гром как громанул, как дрязнуло*. Белом. (СРГК 2: 8).

Засту́кать, сов. ‘Начать греметь (о громе)’. *Гром в небе застукал*. Тихв. *Я боюсь грозы, как замелькает, застукает, думаешь, неладно сядет*. Пест. *Слышу, застукало, значит сейчас молния блеснет*. Тихв. (СРГК 2: 211).

Раскúнуть, сов. ‘Загреметь, ударить (о громе)’. *Сильная гроза-то была, гром как раскунет*. Медв. (СРГК 5: 452).

В ряде случаев, они функционируют в говорах, как часть полисемантической единицы, нередко представляющей собой большое словообразовательное гнездо: *Колонѹть* <...> 5. 'Прогреметь'. *С этой стороны колонуло да с другой и дождь*. Прион. (СРГК 2: 403).

Махнѹть <...> 15. 'Загреметь (о громае)'. *Гром сейчас махнѹт*. Пуд. (СРГК 3: 206).

Пасть <...> 15. 'Сверкнуть (о молнии)'. *Молния пала, у нас на горе еще опаснее*. Кирил. // 'Ударить (о молнии)'. *Большое дерево было, дак молния пала*. Под. // 'Прогреметь (о громае)'. *Только бы гром пал, там все бы комары уничтожились*. Медв. (СРГК 4: 405).

Рѹкнѹть... 4. безл. 'Загреметь (о громае)'. *Ой, какие там грозы, как рыкнет*. Кондоп. (СРГК 5: 593).

Кроме глаголов исконного происхождения, которые приведены выше, в севернорусских говорах зафиксировано довольно большое количество единиц прибалтийско-финского происхождения. М. Э. Рут наличие лексической избыточности, т. е. большого числа синонимов, дескриптивных глаголов рассматривает как показатель субстрата [Рут 1984: 37]. Следует отметить, что оноματοпоэтические и дескриптивные глаголы¹ широко представлены не только в севернорусских говорах, но и прибалтийско-финских языках, причем довольно часто при несомненном неисконном источнике какой-либо единицы, ее оноματοпоэтический характер проявляется и на русской почве.

Имеется работа на общерусском материале, в которой описывается примерно 1300 оноματοпоэтических глаголов, хотя большая их часть является диалектными единицами [Timoszuik 1994]. В ряде случаев М. Timoszuik неоправданно включает в состав дериватов с формантом *-га(ть)* ряд

¹ Анализ дается вне всякой связи с общими работами по фоносемантике и т. п., см.: [Воронин 1982]. По поводу семантики и этимологии звукоподражательных глаголов на общеславянском фоне см.: [Варбот 1988]. Классификация звуков по типу источника проведена в работе Л. В. Бондарко [Бондарко 1977].

глаголов на *-андать*, предполагая заимствование в русские говоры основы *мыр-*, *мер-*, *мяр-*, с присоединением *-гать*, *-кать* к иноязычным заимствованным основам: *мэргать*, *мэриндать* [Timoszuk 1994: 85]. В прибалтийско-финских языках отмечается вариативность гласных корня, которая ведет к фонетически обусловленным вариантам глагольных корней со сходными значениями [Hakulinen 1979: 328]. Например, согласно последним исследованиям, около 1/5 старых корневых слов стандартного эстонского языка являются единицами ономатопоэтического и дескриптивного происхождения [Rätsep 1992: 371], причем в отношении таких лексем отмечается сходство на уровне эстонского и финского языков [Söderman 1996: 158–159].

Значительное число глаголов, зафиксированных в севернорусских говорах, имеют форманты *-андать*, *-айдать*. Впервые эти глаголы были проанализированы в книге А. П. Погодина «Севернорусские словарные заимствования из финского языка» [Погодин 1904], которая стала важным этапом в деле изучения прибалтийско-финских лексических заимствований. В ней анализируется значительный материал — 281 слово. Автор посвятил анализу глаголов отдельные главы: «Глаголы на *-айдать*», «Глаголы на *-андать*». Позднее глагольные форманты *-анда-*, *-айда-* были рассмотрены в ряде работ Ю. С. Азарх, З. М. Дубровиной, А. С. Герда [Азарх 1973: 203–204; Дубровина, Герд 1974: 75–78; Дубровина, Герд 1979: 343–347].

Довольно часто в лексической системе происходит спецификация семантики, фиксируются не только единицы, отвечающие на общий вопрос ‘гремять (о громае)’, но и отмечающие в своей семантике звуки грома рядом или в отдалении. Причем, довольно часто такого рода явление происходит уже на русской почве.

Гүмайдать ‘гремять (о громае)’ Кем. (КСРГК; СРГК 1: 415). Вероятно, данное слово восходит к результатам карельского влияния, ср. кар. *jumahtoa*, *jymähteä* ‘гремять’ (KKS

2: 547), кар. *humaittoa* (Сямозеро), *humajoa* (Ухта) ‘шуметь, звенеть’ (KKS 1: 328), при фин. *hymistä* ‘напевать, тихо звучать’, саам. норв. *hubmât* ‘говорить тихо, бубнить’ (SKES: 93), фин. *humata* ‘шуметь, звенеть’, люд. *huvišta* ‘шуметь, звенеть’ (SKES: 86). Хотя, обычно, при карельском воздействии кар. [h] соответствует русск. диал. [x].

Кáвить ‘гремять (о громе)’ Пудож. (КСРГК; СРГК 2: 309), вероятно, связано с кар. *kaljuo* ‘кричать, реветь’, *kalissa* ‘стучать, лязгать, звенеть’ (KKS 2: 31, 32). Ср. также фин. *kalata*, *kalajaa*, ливв. *kalista*, эст. диал. *kalistada* ‘стучать, греметь’, при саам. норв. *skällât* ‘звенеть, греметь’, морд. мокш. *kaldad’эms* ‘стукнуть, ударить’ (SKES: 146).

Нередко звукоподражательные глаголы, представляющие в словарях значение ‘гремять (о громе)’, в говорах имеют значительный семантический объем. Причем, в ряде случаев, рассматриваемая семантика проявляется в приставочном глаголе, тогда как в основной безаффиксальной лексеме такое значение не было зафиксировано. Приведем некоторые примеры.

Кáлайдать ‘гремять посудой’ Кондоп. (Лодмозеро). ‘Гремять, стучать’ Медвежьегор. (Пабережье), Кем. (КСРГК). Беломор. (Шуерецкое) (КСРНГ). ‘Говорить, болтать’ Медвежьегор. (Черкасы), Кондоп. (КСРГК). **Калáйдать** ‘звонить’ Медвежьегор. (КСРГК). **Кáландать** ‘стучать, греметь чем-л.’ Бабаев., Вытегор. (Ошта) (ПЛГО). **Кáладать** ‘стучать в дверь’ Беломор. (Нюхча) (ПЛГО). **Кáлайдать** ‘стучать, колотить’ Кем. Арх. (СРНГ 12: 333). **Колáйдать** ‘стучать, колотить’ Онеж. Арх., 1878 (СРНГ 12: 333). **Кáлайдать** ‘лязгать, стучать (зубами от холода)’ Кем. Арх., г. Архангельск, 1887 (СРНГ 12: 334). **Колáйдать** ‘звенеть; звонить’ Медвежьегор. КАССР, 1970 (СРНГ 12: 334). **Калáйдать** ‘звонить с большими интервалами’ Петрозав. Олон. (СРНГ 12: 334). **Кáлайдать** ‘бренчать, позвякивать (чем-либо звонким)’. Вытегор. Олон. (Слов. Акад. 1906–1907). **Колáйдать** ‘стучать, колотиться’ Кем.; ‘гово-

рить скороговоркой' Онеж. (Подвысоцкий 1885: 69). *Калáй-даться* 'дрожать, трястись' Медвежьегор. КАССР, 1970 (СРНГ 12: 334). *Кáландать* 'звенеть, звонить, бренчать, греметь' Вытегор. (Куликовский 1898). 'Стучать, греметь' Подпорож. (Важины, Согиницы) (ПЛГО). *Калáндать* 'звенеть (о колокольчике)' Нюкс. Волог. (СРНГ 12: 335). *Кáландать* 'стучать, лязгать зубами (от холода)' Р. Онега (СРНГ 12: 335). *Кóландать* 'звонить, звенеть, бренчать' Олон.; 'позванивать' Петрозав. Олон.; 'стучать; греметь; колотить' Олон., Волог., Новг. (СРНГ 14: 111). 'Лязгать зубами (от холода)' Онеж. Олон. (СРНГ 14: 111). Лесков лексему *каландать* возводит к кар. *kalista*, которое объясняет как «не всякий звук, но только происходящий из столкновения двух небольших предметов (...) этот же глагол прилагается для обозначения звона небольших колокольчиков, привязываемых на шею домашним животным» [Лесков 1892: 99]. Калима справедливо возводит к вепским источникам, ср. вепс. *калайдab* (3 л. ед. ч.) [Kalima 1915: 99]. См. также: [Шегрен 1852: 151; Погодин 1904: 4, 16; Meckelein 1913: 36]. Вариации [o] / [a] являются вполне обычными в данных говорах.

Отмечаются также префиксальные дериваты в анализируемом значении.

Закáландать 'загреметь (о громе)' Подпорож. (Согиницы) (КСРГК). 'Зазвенеть, забренчать' Подпорож. (Согиницы) (КСРГК). *Закáладать* 'испугаться' Кадуйск. (КСРГК). *Закóлайдать* 'забренчать, застучать' Пудож. (КСРГК). *Закóландать* 'застучать, загрохотать' Подпорож. (КСРГК). *Закáлайдать* 'зазвонить (о колоколах)': *Тут к вечерне колокола зазвонили, закалайдали.* Медвежьегор. (Шуньга) [Доля, Суханова 1979: 36]. 'Зазвенеть, забренчать' Медвежьегор. (СРГК 2: 127).

Кроме того, фиксируются дериваты с другой семантикой.

Покáландать 'позвонить в колокол' Медвежьегор. (КСРГК); 'постучать, погреметь' Подпорож., Вытегор.

(СРГК 5: 39). *Скóландать* ‘сбегать, сходить куда-л.’ Подпорож. (КСРГК).

Как уже было отмечено ранее, в говорах представлены слова с сужением семантики, обозначающие звуки грома рядом или в отдалении. Довольно устойчива фиксация лексемы *ря́чка́ть* с вариантами:

Ря́чка́ть ‘гремять, о близких раскатах грома’ Медвежьегор. (Палтега, Сенная Губа, Кузаранда, Космозеро, Шильтя, Шуньга, Петры), Прионеж. (Ладва), Подпорож. (Пидьма, Курпово, Шеменичи, Яндеба), Вытегор. (Казаково, Мегра, Ошта), Пудож. (Песчаное, Челмужи, Гакукса, Каршево) (ПЛГО), Кем. (КСРГК). ‘Гремять’ Петрозав. (Куликовский 1898). Причем *ря́чка́ть* ‘трещать, скрипеть’ Сегеж.; ‘кричать’ Пудож. (КСРГК). *Ря́чка́ть* ‘гремять, о близких раскатах грома’ Подпорож. (Согиницы) (КСРГК).

В пинежских говорах представлен вариант *ри́чка́ть* ‘гремять (о громае)’ Пинеж. (Кучкас, Сульца, Шиднема, Еркино, Нюхча, Кеврола, Подрадье) (СКПГ). Ср. также: *Ри́цнү́ть* ‘прогремять (о громае)’ Пинеж. (Шардонемь) (СКПГ). ‘Ударить о поверхность воды (о рыбе)’: *Семга ри́цнет хвостом*. Пинеж. (Юбра) (СКПГ). ‘Повеять, пахнуть (о ветре, свежем воздухе)’: *Воздухом ри́цнү́ло*. Пинеж. (Засурье). *Ричнү́ться* ‘удариться, стукнуться, ушибиться’ Пинеж. (Кеврола) (СКПГ).

Имеются также многочисленные дериваты, в том числе и с другими значениями: *Заря́чка́ть* ‘загремять (о громае)’ Медвежьегор. (Мяльзино), Пудож.; ‘закричать’ Медвежьегор. (Лисицыно); ‘шуметь, трещать (об идущем медведе)’ Медвежьегор. (Мяльзино), Терск. (КСРГК). *Вы́рячка́ть* ‘изломать, переломать что-л.’ Вытегор., Медвежьегор. (ПЛГО). *Наря́чка́ть* ‘нарубить чего-л. большое количество’ Вытегор. (Ошта) (ПЛГО). *Заря́чка́ть* ‘начать отрывисто реветь (о медведе)’ Колым. Якут., 1901. ‘Побежать (о медведе)’ Пудож. Олон., Колым. Якут. ‘Затрещать, захрустеть, зашуметь’ Вытегор. Олон. (СРНГ 11: 17). *Поря́чка́ть*

‘погрызть, похрустеть’ Вытегор. (Ошта) (ПЛГО; СРГК 5: 87). *Подря́чкивать* ‘рычать’ Онеж. (СРГК 4: 668). *Приря́кать* ‘съесть много чего-л.’ Подпорож. (СРГК 5: 197). Лексема *ря́кать* подвергалась анализу в статье Н. Г. Арзумановой «К вопросу об освоении финно-угорских глагольных заимствований в севернорусских говорах (глагол *ря́кать*)» [Арзуманова 1975: 85–90]. Данная оноματοпоэтическая и дескриптивная единица фиксируется в контексте речи в значительном семантическом объеме звукоподражательной природы. Я. Калима полагает, что это заимствование из кар. *rätškeä, rätstätä, rätšisää, rätšköä* ‘трещать, колотить’ при фин. *rätistä, rädätä* [Kalima 1915: 209]. Семантика приведенных Я. Калимой этимонов не соотносится, однако, с семантикой слова в русских говорах, тогда как вепс. *räckta* имеет именно данное значение ‘громыхать (о громе)’, при вепс. *ráčkäita* ‘с треском сломать’ (СВЯ: 488). Прочие значения не выбиваются за пределы семантической доминанты прибалтийско-финского гнезда. Отмечаемые в Пинежье варианты *рич-/риц-*, вероятно, являются результатом освоения на русской почве. Вариант *рóчка́ть* возник на почве *рѣчка́ть*.

Одно слово имеет довольно узкий ареал:

Юлей́дать ‘гремять (о близких раскатах грома)’ Пудож. (Авдеево) (ПЛГО). Данное слово восходит к карельским источникам, ср. кар. (Ухта) *jyllätä* ‘шуметь, бушевать’ (KKS 1: 547), хотя не исключена его связь с саамскими данными, ср. саам. норв. *jullât* ‘гремять (о льдинах в реке во время ледохода)’, *jällât* ‘гремять (об отдаленных раскатах грома), трещать (о льде в морозы)’, ‘о беге большого стада оленей’, при фин. *julistä* ‘гремять (о громе)’ (SKES: 127).

В говорах Обонежья довольно частотна фиксация глаголов *юранда́ть, юрай́дать*:

Юранда́ть ‘гремять (об отдаленных раскатах грома)’ Подпорож. (Курпово, Пидьма, Согиницы, Шеменичи, Шустручей, Яндеба), Вытегор. (Казаково), Пудож. (Гакукса), Прионеж. (Суйсарь, Ладва), Кондопож. (Тулгуба) (ПЛГО).

Начало юрандаты, дак даст Бог и дождика. Вытегор. (Коштуги) (КСРНГ). *Юрандаты* 'то же' Подпорож. (Курпово), Лодейноп. (Тененичи) (ПЛГО). *Юрайдаты* 'то же, что юрандаты' Медвежьегор. (Челмужи), Прионеж. (Заозерье) (ПЛГО). Подпорож. (КСРГК). *Юройдаты* 'то же' Подпорож. (КСРГК). Г. Н. Куликовский в словаре не разделяет территориально варианты *юрайдаты* и *юрандаты* в значении «шуметь, гроыхать» (р. Свирь, Водлозеро, Корбозеро, Девятины, Макачево, Коштуги, Кондужи, Ошта, Выгозеро), что делает невозможным их ареальный анализ. Я. Калима возводит материалы Г. Н. Куликовского к ливв. *jürize-*, вепс. *g'uraidab* (3-е л. ед. ч. наст. вр.) [Kalima 1915: 249]. См. также: [Лесков 1892: 103; Погодин 1904: 71; Meckelein 1913: 73; Мызников 1996: 85]; (Фасмер 4: 532). Новые лексические диалектные данные с их точной локализацией позволяют дифференцировать варианты с точки зрения их происхождения. Вариант на *-андаты* связан с вепским влиянием, ср. вепс. *jureita, jurāta* 'гремять, грохотать' (СВЯ: 91), ср. также ливв. *jürräittiä* 'гроыхать' (СКЯМ: 110), люд. *d'uraita*, причем последнее, вероятно, связано с бытованием в русских говорах варианта на *-айдаты* (SKES: 128).

Этимологически тождественный вариант с префиксальными дериватами фиксируется преимущественно в новгородских говорах:

Юрийты 'гремять (о громе)' Кириш. (Кукуй), Тихв. (Новинка), Чудов. (ПЛГО). 'Гремять, грохотать' Окулов., Тихв.; 'сильно гудеть' Окулов. (НОС 12: 120). *Зайориты* 'загремять (о громе)' Чудов. (СРГК 2: 243). *Зайориты* 'загремять (о громе)' Чудов. (КСРГК). *Проюрийты* 'прогремять' Окулов. (НОС 9: 52). *Проюрийты* 'прогремять' Тихв.; 'прошуметь какое-л. время' Лодейноп. (СРГК 5: 327). *Юргаты* 'то же, что юрандаты' Лодейноп. (КСРГК). *Юркаты* 'то же, что юрандаты' Пудож. (ПЛГО), Маловишер. (НОС 12: 120), Петрозав. (Муромля) (КСРНГ). *Зайоркаты* 'начать гремять (о громе)' Пудож. (Куганаволок) (ПЛГО). *Зайор-*

котать ‘начать греметь (о громе)’ Маловишер. (Марконицы) (ПЛГО). *Проёркивать* ‘прогреметь (о громе)’ Окулов. (ПЛГО). *Поёркивать* ‘громыхать (о громе)’ Окулов., Любыт. (НОС 8: 167). *Поюрить* ‘прогреметь (о громе)’ Тихв. (СРГК 5: 134). *Поёркать* Тихв. (СРГК 5: 130). *Поюрчатъ* Тихв. (СРГК 5: 134). *Поёркивать* ‘громыхать (о громе)’ Любыт., Лодейноп., Кириш. (СРГК 5: 134). Ср. кар. *jugäjeä* ‘греметь’ *Ukko jugäjäu taivašša* [Гром гремит на небе. (Твер.)], послужившее основой для варианта *юрить*, о чем свидетельствует также и его ареал (KKS 1: 551).

Довольно часто имея заимствованную корневую морфему, данные глаголы фиксируются с суффиксом однократности.

Ергонуть ‘прогреметь, громыхнуть (о громе)’ (СРГК 2: 27). *Юргонуть* ‘прогреметь (о громе)’ Подпорож. (Гонгиничи) (ПЛГО). *Юрнуть* ‘прогреметь (о громе)’ Чудов. (Стеремно), Лодейноп. (Надпорожье, Мустиничи), Тихв. (Ленуя, Палуя, Макарьино) (КСРГК), Окулов., Маловишер., Дрегельск. (НОС 12: 120). Ср. вепс. *güraita* ‘греметь, грохотать’ (СВЯ: 91).

Рячконуть ‘прогреметь (о громе)’ Прионеж. (Машезеро), Подпорож. ‘Ударить кого-л.’ Подпорож. (ПЛГО). ‘Убить кого-л.’ Лодейноп. (Ефремково) (КСРГК). *Речкануть* ‘прогреметь (о громе)’ Кондопож. (Гангозеро), Пудож. (Песчаное) (ПЛГО). *Рёчкануть* ‘прогреметь (о громе)’ Подпорож. (Согиницы) (КСРГК). *Рёчкнуть* ‘хрустнуть’ Каргоп. (КСРГК). ‘Прогреметь (о громе)’ Кондоп. (Гангозеро), Медвежьегор. (Великая Нива) (ПЛГО). *Речконуть* ‘сверкнуть — о молнии’ Подпорож. (Пертозеро) (ПЛГО). ‘Стукнуть, громыхнуть’ Подпорож. (Юковичи), Вытегор. (ПЛГО). ‘Прогреметь (о громе)’ Пудож. (Песчаное) (ПЛГО). ‘Ударить кого-л.’ Медвежьегор. (Мяльзино) (КСРГК).

В ряде случаев довольно трудно сказать имеет ли глагол исконное или субстратное или заимствованное происхож-

дение, например: *порéхать* ‘прогromеть (о гromе)’ Пинеж. (Сульца) (СКПГ), хотя, ср. ливв. *rõhistä* ‘хрипеть’ (СКЯМ: 322).

Таким образом, в нашем распоряжении имеется весьма обширный материал, который мог бы быть использован при региональном картографировании русских говоров Северо-Запада, а в дальнейшем, и в ходе лингвогеографического анализа субстратной специфики данного региона.

Литература

Азарх Ю. С. О глаголах типа *улайдать* — *уландать* в севернорусских говорах // Исследования по русской диалектологии. М., 1973. С. 203–209.

Арзуманова Н. Г. К вопросу об усвоении финно-угорских глагольных заимствований в севернорусских говорах (глагол *рячкать*) // Севернорусские говоры. Вып. 2. Л., 1975. С. 84–90.

Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка. М., 1977.

Варбот Ж. Ж. О семантике и этимологии звукоподражательных глаголов в праславянском языке // X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988. С. 66–77.

Воронин С. В. Основы фоносемантики. Л., 1982.

Доля Т. Г., Суханова В. С. К вопросу о глагольной синонимике в русских народных говорах Карелии // Севернорусские говоры. Вып. 3. Л., 1979. С. 35–41.

Дубровина З. М., Герд А. С. Об одном типе глаголов, заимствованных из вепского и карельского языков в русские говоры Карелии // Вопросы советского финно-угроведения. Тезисы докладов и сообщений на XV конференции по финно-угроведению, посвященной 259-летию АН СССР. Петрозаводск, 1974. С. 75–76.

Дубровина З. М., Герд А. С. Изобразительные и звукоподражательные глаголы прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Карелии // Советское финно-угроведение. 1979. XV, 4. С. 245–247.

Лесков Н. Ф. О влиянии корельского языка на русский в пределах Олонецкой губернии // Живая старина. 1892. № 4. С. 97–103.

Мызников С. А. Глаголы прибалтийско-финского происхождения в новгородских говорах // Этимологические исследования. Вып. 6. Екатеринбург, 1996. С. 80–87.

Погодин А. Л. Севернорусские словарные заимствования из финского языка // Варшавские университетские известия. 1904. № 4. С. 1–72.

Рут М. Э. К проблеме разграничения субстратной и заимствованной лексики финно-угорского происхождения на территории Русского Севера // Этимологические исследования. Свердловск, 1984. С. 31–41.

Шегрен А. М. Материалы для сравнения областных великорусских слов со словами языков северных и восточных // Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики. СПб., 1852. С. 145–165.

Hakulinen L. Suomen kielen kehitys ja rakenne. Neljas, korjattu ja lisätty painos. Helsinki, 1979.

Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.

Meckelein R. Die finnisch-ugrischen, turko-tatarischen und mongolischen Elemente im Russischen. 1. Die finnisch-ugrischen Elemente im Russischen. Berlin, 1913.

Rätsep H. Uute lihttüvede saamise viisidest eesti sõnavaras // Festschrift für Rédei zum 60 Geburtstag. Wien—Budapest, 1992. S. 371–375.

Söderman T. Lexical Characteristics of the Estonian North Eastern Coastal Dialect // Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Uralica Upsaliensia 24. Uppsala, 1996. 184 p.

Timoszuk M. Ономатопоэтические глаголы в русском языке // Rosprawy Uniwersitetu Warszawskiego. Warszawa, 1994. 151 s.

Заместительные глаголы как региональный компонент в говорах Поволжья

Я. В. Мызникова

В говорах Поволжья заместительные глаголы являются одним из компонентов системы указательно-заместительных слов, в число которых входят также местоимения и местоимённые наречия. В речи информантов заместительные глаголы используются в функции конкретно-ситуативного замещения и в обобщающе-указательной функции. Молодое поколение употребляет эти глаголы и в качестве эвфемизмов. В говорах Поволжья заместительные глаголы являются региональным компонентом.

Ключевые слова: указательно-заместительные слова, региональная лексика, заместительные глаголы, эвфемизмы

Материал для данного исследования был собран летом 2012 и 2013 гг. в нескольких населённых пунктах Старомайнского района Ульяновской области. В работе рассматриваются те элементы системы указательно-заместительных слов, которые представляют специфику данного говора в сравнении с литературным языком.

Указательно-заместительные слова в русском языке представлены классом местоимений (*я, ты, этот, тот, та-кой*), а также местоимёнными наречиями (*так, здесь, там, тогда*). Обычно говорят о дейктической (т. е. указательной) и о заместительной функциях этих слов. Как пишет Ю. С. Маслов, «слова эти называют также ситуативными, так как они получают совершенно различный и даже прямо противоположный смысл в зависимости от ситуации, в которой употреблены (в зависимости от предшествующего контекста или, при устном общении, в зависимости также

от жестов, движения глаз говорящего лица и т. д.)» [Маслов 1987: 93].

По словам М. Я. Блоха, указательная и заместительная семантика представлена в этих словах в тесном единстве, причем значение указательности выступает в качестве первичного, ведь «указательность — семантическая основа замещения, в силу чего всякое синтаксическое замещение реализуется как опосредование указания» [Блох 2002: 80]. Однако с функционально-синтаксической точки зрения заместительная роль рассматриваемых слов выходит на первый план. Именно на основе «заместительной функции в системе местоимений вводятся местоименные наречия и местоименные (заместительные) глаголы», а также устанавливается важный слой широкозначных знаменательных слов, промежуточных между знаменательными частями речи и собственно местоимениями [Блох 2002: 80–81]. В качестве иллюстрации такого промежуточного слоя слов М. Я. Блох приводит следующие лексические единицы английского языка: именные заместители — *one/it/they...* (N-pro), глагольные заместители — *do/make/act...* (V-pro), адъективные заместители — *such/similar/same...* (A-pro), адвербиальные заместители — *thus/so/there...* (D-pro). Замещаться могут не только все основные классы полнозначных слов (существительные, прилагательные, глаголы, наречия), но и целые предложения, например, слова *да* и *нет* являются заместителями утвердительных и отрицательных предложений [Морозова 2006]. В целом семантически «пустые» слова, замещающие знаменательные слова или синтаксические единства, в английской лингвистической терминологии обозначаются как *pro-forms*.

Система заместительных элементов в говорах в некоторых звеньях существенно отличается от той, что представлена в русском литературном языке. Л. Г. Яцкевич описывает целый ряд отместоимённых глаголов в вологодских говорах: *тоделить* ‘делать при помощи каких-либо инстру-

ментов, изготовлять’, *утоделить* ‘завершить, закончить’; *поштокать, поштоктать* ‘поговорить, поболтать’; *такать* ‘наставлять, поучать’, *натакать* ‘послать, направить, посоветовать’, *растакать* ‘отговорить’ и др. [Яцкевич 2013: 160–162]. Все эти «местоглаголия» являются многозначными, «так как их семантика связана с речевой ситуацией» [Яцкевич 2013: 161]. Однако они не являются полностью семантически опустошёнными, в их значении имеется определённая семантическая доминанта.

В наибольшей степени функционально соответствуют понятию указательно-заместительных слов отместоимённые глаголы, зафиксированные исследователями в архангельских и в печорских говорах. Так, в говорах Усть-Цилемского района Республики Коми наиболее последовательно употребляется глагол *тоговотать* ‘делать что-либо’ (может быть соотнесён с любым действием, актуальным для данной ситуации) и многочисленные приставочные образования, принимающие различные контекстуальные значения: *стоговотать, перетоговотать, растоговотать* и т. д. [Федюнёва 2011: 94]. В архангельских и печорских говорах существуют и другие многочисленные приставочные глаголы, образованные от местоимения *того*, значение которых обусловлено языковым и ситуативным контекстом: *вытогодить, истогодить, растогодить, оттогодить* [Закревская 2004: 51], *растогоделать, перетогоделать, растоготовать, оттогодеть* и др. [Федюнёва 2011: 94].

Система указательно-заместительных элементов в говоре Старомайнского района Ульяновской области также имеет свои особенности. Так, наиболее употребительными в говоре Старомайнского района Ульяновской области являются указательно-заместительные слова *эдакий, эдак*. Другим отличительным звеном этой системы являются заместительные глаголы, образованные от основ указательных местоимений: *этавать* (фонетический вариант *этовать*, словообразовательный вариант *этывать*), *энтовать*, а

также многочисленные приставочные образования *разэтовать*, *приэтовать*, *зэтывать*, *перезэтывать*, *обэнтывать*, *сэнтывать* и возвратные формы *этаваться*, *наэтываться*, *разэтываться* и т. д. Например: *На Троицу бывало вот в лес ходиш / принесёш кустарнику / окошки фсе кустарником заэнтываи / на фторой день называца Духоф день Красная Река.*

Формы с возвратным постфиксом могут использоваться как безличные глаголы: *этаваецца* ‘делается так, происходит’ (*Вот / опять этаваецца* [об изменениях в погоде] Старая Майна). Такие формы могут использоваться для подведения итога в рассказе о каких-либо событиях при синтаксическом оформлении личными или безличными конструкциями: *Вот так у нас этаваецца* ‘Вот что у нас происходит’ Базарно-Мордовские Юрткули.

Заместительные глаголы, несмотря на свою семантическую опустошённость, скорее даже благодаря этой опустошённости, полифункциональны. Так, приставочные разновидности употребляются, как правило, в качестве заместителей соответствующих приставочных полнозначных глаголов, значение которых выявляется контекстуально: *Печку пора заэтывать* ‘затапливать’ Базарно-Мордовские Юрткули; *Ты зачем тут весь проход заэтовал? Ну-ка разэтовай!* Красная Река.

Другая ситуация употребления указательно-заместительных глаголов — это обобщение, подведение итогов после описания каких-либо действий, событий, при этом обобщающий глагол имеет значение ‘делать так, таким образом’ или ‘происходить так, таким образом’: *Ани это абрабатываюот землю / и сажаяот разных местах // Этат гот / например кукуруза тут / другой гот другом месте // потсолнух этат гот тут / апять другой гот другом месте // Паля переменяют // Да / ани этаваюот* Красная Река. Слово *этаваот* в значении ‘делает так, таким образом’ может использоваться как указание на визуально наблюдаемую ситуацию: *Зачем*

вот он этаваает? [о соседе, который снова высыпал мусор в неполюженном месте] Старая Майна.

Наконец, ещё один случай использования заместительных глаголов — это их эвфемистическое употребление вместо табуированных слов: *Не **этывайся!** А то знаеи / я тебе это... вопще...* Старая Майна; *Ко мне подходит и говорит / «Братан / ты не такой диск купил / тебя **наэтовали!**»* Старая Майна. У информантов старшего поколения такого употребления не зафиксировано.

Для информантов старшего возраста характерно использование обсуждаемых глаголов в конкретно-ситуативном и обобщённо-указательном значениях. Люди среднего возраста и молодые люди чаще употребляют заместительные глаголы в конкретно-ситуативном значении и в качестве эвфемизмов. Следует также отметить, что рассматриваемые слова встречаются в речи людей с разным уровнем образования. Эти лексические единицы отмечены и у людей, получивших высшее образование: *Вот смотрите / што у нас **этаваецца*** [из речи женщины с высшим педагогическим образованием, работающей в сфере культуры] Старая Майна.

В диалектных словарях рассматриваемые заместительные глаголы не зафиксированы. Прежде всего были обследованы словари русских говоров Сибири, Приамурья, Урала, Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия, также и другие диалектные словари (Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей), изданные в полном объёме.

Однако большое разнообразие таких глаголов можно обнаружить на страницах форумов и социальных сетей в Интернете. Следует отметить, что значительная часть употреблений заместительных глаголов в Интернете имеет определённую территориальную привязку: наибольшее количество примеров (около 60%) зафиксировано на форумах и в местных социальных сетях Забайкалья, Новосибирска, Барнаула, Красноярска. Большая часть остальных примеров отмечена

у участников форумов Урала (Екатеринбург, Пермь, Челябинск) и Поволжья (Саратов, Нижний Новгород).

Остановимся на отдельных наиболее интересных примерах употребления заместительных глаголов в интернет-источниках. Множество примеров приставочных и бесприставочных глагольных форм находим в народном Забайкальском словаре: *Этавать, переэтавать* (у нас так преподаватель философии в институте говорил); “Что делаешь?” — “Посуду *этываю* (‘мою’)” [Забайкальский словарь, URL].

В краеведческой статье о Сохондинском заповеднике (Забайкалье, Читинская обл.) — «Сохондинский феномен» — Татьяна Маврина (п. Букукун) среди прочих особенностей местного говора указывает на следующую: *«больше всего меня поражает универсальный глагол — **этывать, приэтывать, заэтывать, разэтывать** — «отэтывать крышку от бутылки», «приэтывать ручку к двери», заэтывать дыру в заборе», «разэтывать посылку»* [Маврина, URL].

Исследование употребления этих глаголов в блогосфере провели участники форума на сайте АBBYУ Lingvo¹, в результате чего выяснили, что данное явление легко обнаруживается в Поволжье и в Сибири, а затем предположили, что это инновация, которая идёт из Сибири. Участники форума на сайте «Город переводчиков» (из Магадана, Екатеринбург) характеризуют эти слова как интуитивно понятные не то чтобы эвфемизмы, а от недостатка словарного запаса неологизмы [http://www.trworkshop.net/forum/].

Наконец, в Открытом Викисловаре приводится слово *этовать* в двух значениях: «1. прост. универсальный глаголазаменитель; заменяет любой глагол в зависимости от кон-

---

¹АBBYУ является одним из ведущих мировых разработчиков программного обеспечения и поставщиком услуг в области распознавания и ввода документов, лингвистики и перевода [http://forum.lingvo.ru/actualforum.aspx/, дата обращения — 10.01.2014].

текста: *Хватит тут этовать мне!* 2. прост. глагол (необязательно ругательный), обозначающий что-то неприличное; нецензурный глагол, который стыдно произносить» [Викисловарь, URL].

Исходя из территориальных и жанрово-стилистических особенностей интернет-источников материала, можно предположить разговорный, а также региональный характер рассматриваемых лексических элементов. Эти единицы встречаются у пользователей молодого и среднего возраста.

Для автохтонных языков Сибири и Дальнего Востока заместительные глаголы не представляют собой исключительное или даже редкое явление: «примером собственно местоглаголий являются отместоимённые глаголы тунгусо-манчжурских языков, последовательно представленные в сибирской подгруппе» [Федюнёва 2011: 92]. Палеоазиатские языки также дают интересные примеры местоглаголий, образованных «не только от указательных и вопросительных, но и индефинитных местоимённых основ» [Федюнёва 2011: 93].

Учитывая все сведения, полученные об использовании заместительных глаголов типа *этавать* в диалектной речи, а также в интернет-источниках, можно сделать предположение о региональном характере этих лексических единиц.

Литература

Блох М. Я. Теоретические основы грамматики. М., 2002.

Викисловарь: этовать [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wiktionary.org/wiki/этовать> (дата обращения: 10.01.2014).

Забайкальский словарь: этавать [Электронный ресурс]. URL: <http://slovarzb.ucoz.org/DictionaryAll.htm#1797> (дата обращения: 11.01.2014).

Закревская В. А. Местоглагольные слова в архангельских говорах // Проблемы современной русской диалектологии. Тезисы докладов международной конференции 23–25 марта 2004 г. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН. М., 2004. С. 50–51.

Маврина Т. Сохондинский феномен [Электронный ресурс]. URL: <http://ukbki.ru/index.php?page=sohondinskij-fenomen> (дата обращения: 10.01.2014).

Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М., 1987.

Морозова И. С. Заместители предложений: (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006.

Федюнёва Г. В. О статусе местоглаголия в языке // Вопросы языкознания. 2011. № 2. С. 89–96.

Яцкевич Л. Г. Очерки морфологии вологодских говоров. Вологда, 2013.

URL: <http://www.trworkshop.net/forum/> (дата обращения: 11.01.2014).

Названия плодородных и неплодородных почв в говорах Костромской области

Г. Д. Неганова

Названия почв в говорах Костромской области дифференцируются на пригодные и непригодные для земледелия. Семантика слов рассматривается в связи с такими параметрами реалий, как цвет и механический состав, плотность, содержание влаги. Уточняется география терминов. Определяются живые значения ряда лексем, каких как *белик*, *чернозём* (*чёрная земля*), *наглинок* и др. Использование элементов культурноландшафтного подхода в исследовании данной тематической подгруппы лексики показывает: названия почв характеризуют говор и особенности земледельческой культуры жителей конкретной местности.

Ключевые слова: Программа ЛАРНГ, ландшафтная лексика, названия плодородных и неплодородных почв; говоры Костромской области

Для крестьянина всегда важны были знания о плодородии почвы — совокупности свойств, обеспечивающих урожай сельскохозяйственных растений. Эти накапливавшиеся поколениями знания актуализировались местной географической терминологией. Приведём примеры названий плодородной и неплодородной почвы из картотеки Костромского областного словаря (ККОС). Плодородная почва: *землина* *У меня в огороде такая земляна, что хочешь соди — всё подниментся!* (Шарьин., д. Майтиха); *золотозём* *А вот на золотозёме картошка нынче хорошая уродилась* (Буйск., с. Романцево); *золотуха* *Моя золотуха хороша, а у соседа лучше* (Костром., п. Селище); *обрóдная земля* (Костром., д. Шемякино); *родíмая земля* *Родит земля хорошо — родимая* (Чухл., п. Анфимово); *рóслая земля* *Так мы землю*

плодородную зовём (Красносел., с. Здемирово). Неплодородная почва: *боровина* На этой боровине ничего и расти-то не будет (Костром., п. Сухоногово); *голо́дная земля* За болотом — голодная земля, ничего не растёт там (Чухл., с. Судай); *негодь* Почва плохая, плохая земля — негодь. Значит, не сеяли на ней (Октябр., с. Боговарово); *неудóбница* На неудобнице ничего не растёт, так сарайки построили (Чухл., д. Анфимово); *худя́я земля* У соседки-то вся обродная земля-то была, а у нас — худая (Костром., д. Шемякино).

В Программе ЛАРНГ вопросы, посвящённые названиям плодородных и неплодородных почв, в основном представлены в тематических группах «Ландшафт (рельеф, почвы, водоёмы)» (раздел «Природа») и «Полеводство» (раздел «Трудовая деятельность»): «Л 435. Плодородная земля, почва»; «Л 436. Неплодородная земля, почва»; «СМ 433. Употребляется ли и в каких значениях слово *наволок*? Обозначает ли это слово... наносы на берегу плодородной земли...»; «Л 6047. Плодородная земля»; «Л 6048. Плодородная (почва)»; «Л 6049. Неплодородная земля (о. н.)»; «Л 6050. Неплодородная (почва)»; «Л 6053. Чернозёмная почва»; «Л 6054. Чернозёмная (почва)»; «СМ 6055. Употребляется ли и в каких значениях слово *материк*? Обозначает ли это слово... чернозёмную почву...»; сюда же можно отнести вопросы, связанные с семантикой терминов, так как в их значении можно предположить наличие признаков, связанных с плодородием/неплодородием почвы: «ЛСЛ 437. Глина», «ЛСЛ 438. Почва с примесью глины, глинистая почва», «СЛ 439. Глинистая (о почве)» «ЛСЛ 6061. Глинистая почва»; «ЛСЛ 440. Ил»; «ЛСЛ 441. Почва с примесью ила, илистая почва»; «ЛСЛ 442. Илистая (о почве)»; «ЛСЛ 6065. Илистая почва»; «ЛСЛ 6063. Подзолистая почва»; «ЛСЛ 6064. Песчаная почва» и некоторые другие. В говорах Костромской области нами были выявлены более восьмидесяти названий почв и земельных участков, в семантике которых наблюдается

признак 'плодородный'/'неплодородный'. Источниками послужили данные ККОС, материалы рукописного «Словаря говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи» Н. С. Ганцовой, «Архива исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемого Николаем Калачовым», труды деятелей Костромского научного общества по изучению местного края (КНОИМК), произведения костромских писателей.

Вынужденный быть наблюдательным, крестьянин словом отмечал важнейшие параметры, по которым можно было судить об особенностях почвенного плодородия. Это цвет и механический состав почвы, плотность, содержание влаги.

1. Цвет и механический состав почвы: *бѣлуга* и *белуга* 'почва цвета золы, на которой ничего не родится' *Белугу-то фсѣ удобрить лучче надо, а то не родитца ничево* (Остров., д. Полоски); ***белун*** 'белые неплодородные почвы, песок' *Белун этот ничего не родит* (Костром., д. Акулово); ***бурун*** 'почва с примесью песка' *На буруне картошка лутше растѣт* (Шарьин., д. Корегино); ***гнилистая земля*** и ***гнилистая почва*** 'неплодородная глинистая почва, земля' *В Боговарове у дочки огородец уж больно нехорош, земля гнилистая, не родит* (Октябр., с. Веденьѣ); *В гнилой почве ничаво и не росло* (Мантур., д. Знаменка); ***иловая земля*** 'глинистая, вязкая, илистая' *У нас только иловая земля, удобрять не надо* (Солигал., д. Твердислево); ***красик*** 'неплодородная глинистая почва' *В низине-то один красик. Там уж ничего не поделаешь. Всѣ одно!* (Вохом., п. Вохма); ***наволоок*** 'наносы плодородной почвы на берегу' *Волна намывает лыву на берег — наволоок* (Галич); ***песчанка*** 'песчаная почва' *На песчанке морковь хорошо растет у меня* (Солигал., с. Зашугомье); ***серая земля*** 'неплодородная, жѣсткая, похожая на золу почва' *На серой-то земле ничего и не родилось* (Остров., д. Полоски); ***чернозѣм*** 'плодородная почва' *На краю поля там только супесь-то, остальное всѣ чернозѣм* (Вохом., п. Вохма); *Ежегодное возобновление огуречни-*

ков, разрушаемых весной льдом и волнами, требует около 2-х недель времени и даёт тем рыбакам, кто работает и на чужих огородах, заработок. Устройство гати, привозка чернозёма, лывы, хвороста, навоза — составляет расход около 70 рублей при площади огорода около 100 кв. сажень... [Виноградов 1914: 22]; и др.

2. Плотность почвы: лёгкая почва Почва на берегу озера [Чухломского. — Г. Н.] лёгкая, рыхловатая [Корнилов 1862: 35]; **лёгкая земля** В Доре, так же как и в Чухломе, земля лёгкая, её пахут кошулюю на одной лошади и в другой раз не перепаживают. Хлеб родится хорошо [Корнилов 1862: 37]; **супесок** От Дора к Соли (Соль-Галичу), на расстоянии 23 вёрст, три селения, в том числе, на 12-й версте, большое казённое село Коровно. (. . .) На коровнинских полях почва твёрдая, супесок, сильно урастает, дернится, а потому мужику с одною лошадию не управиться. Здесь пахут на паре лошадей и под рожь подпаривают, т. е. пахут два раза [Корнилов 1862: 37]; **иловка** (второй вариант — **илówka**) На пути к Дору почва состоит из иловки, которая в засуху твердеет, как камень [Корнилов 1862: 35]; **суглинистая земля** ‘жёсткая, неплодородная почва’ Вот картофельник-от мой на суглинистой земле, дак картошки-то нынче мало уродилоса (Остров., д. Полоски). (Суглинистые почвы «трудны для обработки, сильно высыхают в жаркое время и очень набухают от дождей, образуя сверху плотную, тяжёлую корку» [Ерёмин 1947: 48]).

3. Содержание влаги в почве: мочевище, чухлотбоя земля ‘сырая, водопелая почва’ Земля такая чухлотбоя, не знаю, как и картошку сажать будем (Шарьин., д. Сысоиха).

Непригодная для выращивания одних культур почва может быть пригодной для других, может давать хорошие урожаи, для этого есть свои названия. Приведём примеры. **Наглинок**: ‘почва глинистая, неплодородная’ Почва-то плохая, один наглинок! (Вохом., д. Заречье) ←→ ‘почва пригодная

для выращивания картофеля' *Сосед наш на наглинке картошку садит* (Шарьин., д. Корегино). *Суглинок*: 'неплодородная глинистая почва' *На суглинке-то никогда и не сеяли* (Остров., д. Клеванцово) $\leftarrow \rightarrow$ 'почва, на которой хорошо растёт картофель' *В суглинке-то картофель хорошо растёт* (Костром., с. Яковлевское).

Плодородие почвы — это результат как почвообразовательного процесса (естественное плодородие), так и процесса окультуривания (искусственное плодородие). Для земледельца в первую очередь важен урожай, величиной которого измеряется эффективное плодородие — искусственное плодородие в совокупности с естественным. В составе эффективного плодородия различают: 1) те возможности, которые реализуются в урожае данного года; 2) то, что остаётся для последующих урожаев. Так, при широко распространённой в лесном костромском крае подсечно-огневой системе земледелия плодородие почвы понижалось с каждым урожаем. «Вырастающее зерно крупное, но почвенная сила непрочно...» — отмечает С. В. Максимов в очерке «Лесные жители» [Максимов 1981: 510]. «От Парфентьева вплоть до Задоринского волока почва для хлеба плохая: песок да камень. Хлеб сеют на горели или огнище года два сряду; потом это место оставляют в залежь лет на десять, и когда древесные корни сгниют, тогда на старой горели сеют хлеб ещё раз два без назёма, затем надо постоянно уваживать поле, если не хотят запустить его под лес», — читаем у Н. П. Корнилова в воспоминаниях о поездке по Костромской губернии зимой 1857 года [Корнилов 1862: 21]. Из ККОС: *Выжгли новину и посеяли* (Кологр., д. Марьино); *Лес сжигали. Удобренная золой земля давала хороший урожай. Когда земля источалась, разрабатывали другую землю* (Парфен., с. Матвеево); *Перва на новину-ту рожь сиют, ой сколь нарастёт!* (Октябрь., д. Заборье). (С подсечно-огневой системой земледелия на месте широколиственных и хвойно-широколиственных лесов связано широкое распространение процесса оподзолива-

ния почв не только в костромском крае, но и во всей северной части Восточной Европы [География... 1995: 42]).

В числе лексических единиц со значением 'участок выгоревшего леса' в говорах Костромской области употребляется слово *репище*: *Репище, потому что репу сажали в лесу на сожжённом месте* (Костр., д. Шапово). Как известно, выращивание репы на выжженном месте способствует восстановлению плодородия почвы. Это была земля, непригодная для прочих сельскохозяйственных культур, т. е. выявляется дополнительное значение слова 'неплодородная почва' (значит, *репище* — 'участок выгоревшего леса с неплодородной почвой'). В рассмотренных нами словарях народных говоров значение данного слова как термина земледелия не связывается с огневым земледелием: у Даля — «Ярс. вновь вспаханное поле?» (Даль 4: 122); в СРНГ — «поле, место в поле, засеваемое репой» (Волог., Влад., Тул., Смол., Твер., Калинин., Новгород., Карел., Арх., Беломор., Олон., Прикамье, Горьк.); «низменное поле или расчищенный участок в лесу, засеваемый иногда хлебом, льном, но чаще репой» (Арх., Олон., Заонежье, КАССР, Твер., Смол., Горьк., Киров., Ирк., Камч.); «низкий, болотистый луг» (Калин.) (СРНГ 35: 69–70); в СПГ и «Словаре географических терминов в русской речи Пермского края» Е. Н. Поляковой — «поле, на котором выращивали или выращивают репу» (Полякова 2007: 334). Однако пословичные выражения *с какого же репища — обгорелого места* и *как на погорелом репище*, которые приводятся в иллюстрациях СРНГ (*Это с какого же репища — обгорелого места?*) и СПГ (*Ничё нету у их в избе, как на погорелом репище*) (СРНГ 35: 70; СПГ 2: 289), указывают на то, что лексема *репище*, как и в костромских говорах, в говорах Пинежского р-на Архангельской области и Соликамского р-на Пермской области могла означать также 'выгоревшее место'.

В Костромской области наиболее плодородные земли находятся в речных и озёрных поймах. В 1923 году КНОИМК

организовало экспедицию по изучению почв Чухломского уезда. Исследователь А. А. Красюк отмечал: «Особую ценность представляют иловато-болотные почвы, располагающиеся кольцом вокруг Чухломского озера. Здесь вся почва на глубину свыше метра представляет чёрную, крупитчатую, прекрасно разложившуюся и рыхлую перегнойную массу осоково-древесного торфа, подстилаемую раскисленной супесью или суглинком. Эта перегнойная масса с успехом может служить удобрением для местных тяжёлосуглинистых почв...» [Красюк 1926: 35]. Далее А. А. Красюк делает «выводы практического характера»: «...задача культуры с помощью коренных мелиораций (...) и травосеяния — создать (...) физическую среду более благоприятную для культурных растений» [Красюк 1926: 39]. Эти способы улучшения плодородия были хорошо известны местным крестьянам. Исследователь, в частности, сообщает об осушении прилегающих к озеру земельных угодий: «...иловатые почвы сами по себе при рациональной осушке могут идти под культуру. Например, на них население уже давно с большой прибылью разводит в массе капусту» [Красюк 1926: 35].

Такие же аллювиальные луговые почвы близ Галичского озера «сильно заболочены и имеют вид типичных полуболотных или иловато-болотных почв» [Красюк 1926: 37]. У М. Ф. Виноградова в очерке «Галичское озеро и галичский рыболовный промысел» есть такое описание: «Узкая полоса берега между холмами и озером представляет болотистую низину, отчасти поросшую мелким смешанным лесом и кустами, отчасти занятую лугами. Весенние воды затопляют или подтопляют значительную часть этой береговой низины, вследствие чего она непригодна для распашки, несмотря на очень плодородную перегнойную землю» [Виноградов 1914: 5]. Однако местные жители использовали илистые отлогие берега Галичского озера для огородов и всегда выращивали хорошие урожаи огурцов и капусты. В годы НЭПа им даже предлагали объединиться в кооперативы и наладить пере-

работку овощей (квашение капусты и соленье огурцов) для поставки на внутренние рынки губернии [Федосов 1924: 83–84].

Огороды-огуречники галичан имели оригинальное устройство. «Оно таково: на некотором расстоянии от берега в дно озера вбивается ряд высоких свай; их основания переплетаются и обкладываются ельником; таким образом, получается плотная и крепкая гать, которая немного выдаётся своей верхушкой над весенним уровнем озёрной воды. Пространство от гати до берега и часть берега заваливаются хворостом, на который сверху накладывается слой чернозёма около 1/4 аршина толщиной; получается сооружение с горизонтальной поверхностью, очень плодородной почвой и присутствием воды под ней. На чернозёме делаются из навоза лунки, внутрь которых насыпается 'льва', т. е. тонкий растительный перегной, добываемый со дна озера неподалёку от берегов, куда его намывает волнами; в лыву садится огуречная рассада» [Виноградов 1914: 21–22]. По данным ККОС (1985), *лунка* представляет собой сформированную грядку в форме цилиндра диаметром 70–90 см, из специально подготовленной почвы — с добавлением сапропеля, навоза. До сих пор галичские огородники выращивают огурцы в лунках: *Вот в лунке-то снизу навоз и сбоку, а сверху — чёрная земля; Да у озёра в лунках-то огурцы лучше растут* (Галич.). Ср.: в также традиционно огородническом с. Шунга Костромского р-на участок земли, на котором выращивают огурцы, называют *огурёшником*. Как отмечал М. Ф. Виноградов, работа по устройству лунок требует навыка, в галичской Рыбной слободе она «исполнялась обычно деревенскими женщинами, специально являвшимися для этого (...) весной»; для выращивания других овощей используются огороды «обычного типа» [Виноградов 1914: 22]. Используемый для лунок *чернозём* (*чёрная земля*) не относится к чернозёмам — типу плодородной почвы лесостепной и степной зон умеренного пояса (МАС 4: 666: «Плодородная, богатая перегноем поч-

ва тёмного цвета, преобладающая в степных и лесостепных районах»), в них Костромская область не входит. Костромской чернозём не может обеспечить необходимого питания растений и для повышения урожая нуждается в удобрении. Однако среди присущих костромскому краю почв он отличается относительной плодородностью, а также цветом и механическим составом, что указано выше: *У нас не только песок, есть и чернозём — там, дальше* (Павин., с. Павино).

Земледелец всегда стремился повысить плодородие возделываемой земли. На северо-востоке Костромской области, в Павинском районе, с этой целью используют природные особенности самой почвы — песчаной, с включениями белой глины, которую местные жители называют *белик*: *Белик у нас в песке, под песком* (Павин., с. Павино). Белая глина, в местной народной терминологии *белик*, — это мергель, осадочная горная порода смешанного глинисто-карбонатного состава. Благодаря наличию кальция и магния в мергелевой породе обеспечивается плодородие почвы: *Мы его [белик] перепаживаем с песком и навозом. Всё растёт, картошка хорошо растёт, травы очень много* (с. Павино). (Почвенный гумус, смешиваясь с кальцием, образует гумат кальция. Почвы, богатые гуматом кальция, отличаются особым плодородием, например чернозёмы).

Как видим, в рассмотренных терминах признак ‘плодородный’/‘неплодородный’ может быть как основным, так и дополнительным: в диалектах, как отмечает А. А. Соколова, «терминология почвенного покрова строится на основании признаков, характеризующих плодородие и непригодность почв для обработки» [Соколова 2007: 89]. Это расширяет репертуар названий плодородных и неплодородных почв. Использование элементов культурноландшафтного подхода в исследовании данной тематической подгруппы лексики показывает: названия почв характеризуют говор и особенности земледельческой культуры жителей конкретной местности.

Литература

Виноградов Н. Н. Галичское озеро и галичский рыбный промысел // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. 1. Кострома, 1914. С. 5–58.

География Костромской области / Лебедев В. П. и др. Кострома, 1995. 126 с.

Ерёмин Г. Г. Географический очерк Костромской области. Кострома, 1947. 76 с.

Корнилов Н. П. От Костромы до Соль-Галича // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. Кн. 3, отд. 2. СПб., 1862. С. 1–43.

Красюк А. А. Краткий очерк почв Костромской губернии // Тр. КНОИМК. Вып. 33. Кострома, 1924. С. 25–39.

Максимов С. В. Лесные жители // Максимов С. В. Избранное / подгот. текста, сост., вступ. ст., примеч. С. И. Плеханова. М., 1981. С. 501–551.

Соколова А. А. Ландшафт в системе традиционных пространственных представлений: географическая интерпретация диалектных образов. СПб., 2007. 392 с.

Федосов А. В. Огородничество и садоводство Костромского края // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. 33. Кострома, 1924. С. 79–88.

Названия мужской крестьянской одежды,
обуви и головных уборов
первой половины XX века
(на материале говора посёлка Высокого
Таловского района Воронежской области)

Л. В. Недоступова

В статье рассматриваются названия одежды, обуви и головных уборов мужчин-крестьян первой половины XX века, существовавшие в посёлке Высоком Таловского района Воронежской области. Определён ареал употребления представленных лексических единиц в воронежских говорах и говорах других территорий.

Ключевые слова: диалектная лексика, одежда, обувь, головные уборы, мужчины-крестьяне, пассивный словарный запас, народная речь

Есть на карте Таловского района Воронежской области небольшой посёлок, расположенный в шести километрах южнее административного центра, Высокий. Своё название он получил от возвышенности, склоны которой сбегают на север до долины почти исчезнувшей теперь реки Таловой, на восток до таловской балки, на юг и на запад до верхнеозёрских и вознесенских прудов [Гриднева и др. 2007: 1].

Материалом данной работы являются лексические единицы, называющие одежду, обувь и головные уборы мужчин-крестьян первой половины XX века, собранные в полевых условиях с помощью опроса информантов-коренных жи-

телей Воронина А. Я. (1934 г. р.)¹ и Бочарникова М. В. (1940 г. р.)².

Описание диалектной лексики в тематическом аспекте имеет серьёзное преимущество. На это впервые указал Ф. П. Филин ещё в 1936 году: «Изучение словарного состава по его тематическим группам проводится не только по причине методических удобств при изложении разнородного материала. Исследование состояния и развития слов, обозначающих различные группы предметов и явлений природы и общества, важно само по себе, что не требует особых доказательств» [Филин 1957: 526]. Каждый конкретный язык включает в себе национальную, самобытную систему, которая определяет мировоззрение носителей данного языка и формирует их картину мира [Гвоздева 2002: 27].

Крестьянская одежда является памятником духовной и материальной культуры людей, живших в определённую эпоху. В ней воплощены представления о красоте русского человека. Мужской народный костюм соответствовал образу жизни, характеру, традициям и внешнему облику своего хозяина.

Восхищение красотой русского народного костюма выразили в своих произведениях Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, И. А. Бунин, М. А. Шолохов и др. Благодаря усилиям исследователей и этнографов Д. К. Зеленина, Н. М. Могиланской, Н. П. Гринковой, коллекционеров И. Я. Билибина, А. В. Худорожевой, Н. Л. Шабельской и мн. др. собраны великолепные коллекции русского народного костюма.

К сожалению, описанию мужской крестьянской одежды посвящено немного работ диалектологов, в то время как народный женский костюм описан достаточно широко. Это обуславливает актуальность нашего обращения к данной теме в настоящее время.

---

¹В тексте статьи данный информант указан (1). Следует отметить, что звук [г] в говоре фрикативный.

²В тексте статьи данный информант отмечен (2).

Одежда

Мужская одежда различалась по нескольким параметрам, среди которых: возраст, семейное положение и назначение. Однако в ней было больше общности, чем различий. Обязательным атрибутом мужского костюма являлась рубаша, которую всегда носили поверх штанов. Иногда её подпоясывали так называемым кушаком (это было следование традиции XIX века, когда одежду подпоясывали ремнём), хотя многие мужчины уже могли носить её «навыпуск». Одежда была свободной, практичной. Летом — лёгкой, не сковывающей движений, зимой — тёплой, укрывающей от непогоды.

Рубáша ‘длинная мужская сорочка’: *Рубáши бýли халитинаи навýпуск, с пóлочтями, застёгвались на пýгвицах. Хто мох, вышивáли. На прáзник надявáли свéтлую рубáшу, ана вышита хрястóм. Сéраи бýли и бéлаи прáзнишинаи, чёрнаи для траýра. Шýли дбма ф хáти. Ткáли матирьял на ткáцких станкáх* (1). Данная лексема распространена повсеместно в воронежских говорах (КСВорГ)³. В говорах Курской, Орловской, Оренбургской, Тульской, Калужской, Рязанской, Новгородской, Архангельской, Вологодской, Казанской, Пермской областей (губерний) слово **рубáша** также имело широкое бытование (СРНГ 35: 214).

Кушáк ‘пояс’: *У рубáши был кушáк. Он был ширóкай. Йим два рáза абарáчвали вакрýх сибé. Края как грип, как кисти махна́таи. Дéлали пýтлю и завязвали. Кушáк пат цвет рубáши. На прáзден — како́га выши́фка цвéту, тако́га и кушáк* (2). Рассматриваемая лексема в названном значении зафиксирована в Новоусманском р-не Воронежской области (КСВорГ). В СРНГ слово **кушáк** приведено в других значениях, отличных от данного (СРНГ 16: 194).

³Все слова проверены по картотеке Словаря воронежских говоров (КСВорГ), хранящейся на кафедре славянской филологии Воронежского госуниверситета.

Штаньы (мн. ч.) ‘брюки’: *Штаньы чѣм-та красили и рубахи тѣжа. А мыли шѣлок. Семичти растутъ, и батогá збирали. Зѣлу кладѣшь, вѣду льѣшь. Мыльца вить ни былѣ. Штаньы были каричвага иль тѣмнага цвѣту: сѣнига иль чѣрнага. Зимѣй ширстянья, палиширстянья, лѣтам лѣхтии* (2). Лексическая единица **штаньы** распространена в липецких говорах (КСВорГ), в Грибановском, Верхнемамонском, Хохольском и Эртильском р-нах Воронежской области (КСВорГ).

Вáтные брѣоти ‘тѣплые зимние стѣганные брюки с подкладкой из ваты’: *Вáтныи брѣоти зимѣй на работу надявѣли, а пад них патштáнитти. Анѣ тѣжѣлаи, ну тѣплаи. У кагѣ на абѣрках бѣли, у кагѣ на пѣговицах. Ёих адѣнишь да вáлннти да палушѣбак и халаднѣ ня бѣдѣ* (2). Здесь перед нами фонетический диалектизм, отличающийся от литературного слова одной фонемой.

Порттѣи, порткѣи (мн. ч.) ‘брюки’: *Парттѣи эт как щас брѣоти. Бувáла вѣчерам прѣидишь с работи, жанá ёих замѣча, памусѣля, пастирáя, зá ночь вѣсахнуть, да и пашѣл апѣтъ* (1). *Адѣшки дѣжса ни былѣ: аднѣ парткѣи на прáзник, аднѣ на работу хадѣтъ* (2). Лексема **порткѣи** распространена в Новоусманском и Хохольском р-нах Воронежской области (КСВорГ). Кроме этого, слово бытует в говорах Донской, Курской, Рязанской и Калужской областей (СРНГ 30: 93).

Подштáнитти, подштáники (мн. ч.) ‘кальсоны, нижние брюки’: *Патштáнитти тут уи пазжѣя паявѣлися, а рáни ёих ни былѣ. Пат штаньы надявѣишь и тѣплѣя бѣдѣ* (2). *Я рáни патштáники насѣл, а тадѣ стал прѣста фтарѣя штаньы паддѣвáтъ* (1). Лексема **подштáники** зафиксирована в Новоусманском и Репьѣвском р-нах Воронежской области (КСВорГ).

Протѣянти, протѣянки ‘портянки’: *Нѣги абарáчвали ф пратѣянти, вмѣста наскѣв. А тадѣ батѣнтти надявѣали* (1). *Зимѣй пратѣянки надявѣали павѣрих насѣк, чип тѣплѣ нагáм бѣла* (2). Следует отметить, что портянки носили в осенний,

зимний и весенний периоды. Летом в их ношении необходимости не было. Лексическая единица *протяжки* функционирует в Бобровском, Новоусманском, Нижнедевицком и Эртильском р-нах Воронежской области (КСВорГ), а также отмечена в Калужской, Рязанской, Орловской, Курской, Донской и Сталинградской областях (СРНГ 33: 18).

Телогрётя, телогрётка ‘стёганая ватная безрукавка, жилет’: *Тилагрётю пададьявали пат кухвайтю. Типэричя йих называють жалётти. Да и на гарóди ино́й рас рабóтали, ф кухвайти чижало, жáрка, а навёръх рубáхи тилагрётю надéнишь и удобна* (1). *Телогрётку я и да сѣх пор ни сымáю* (2). Лексема *телогрётка* имеет широкое бытование на территории Воронежской области, в том числе: Аннинском, Борисоглебском, Воробьёвком, Лискинском, Новоусманском, Поворинском, Подгоренском, Репьёвском р-нах (КСВорГ).

Фуфáйтя, куфáйка, кухвайтя ‘тёплая стёганая куртка на пуговицах на ватной подкладке’: *Фуфáйти бѣли ткáньны и завацкѣя. Йих адыа́ли, как халаднó стáня. На рабóту асяньó и вяснóй фсяды в них хадѣли. В них зéмлю пахáли и скатѣну убирáли* (1). *Чёрнай кухвайти бѣли, ток кой у кагó карѣчвай* (2). *Кухвайтю мѣли па тяплѣ, вяснóй мѣли, чиб высахла* (2). Слово *куфáйка* распространено в Аннинском, Бобровском, Лискинском, Павловском, Нижнедевицком, Острогжском, Рамонском, Семилукском, Хохольском р-нах Воронежской области (КСВорГ). В СРНГ приведён огромный ареал функционирования названной лексемы: Коми АССР, Мар. АССР, Вост. Закамье, Ленинградская, Вологодская, Костромская, Тульская, Орловская, Калужская, Воронежская, Пензенская, Тамбовская, Ростовская, Сталинградская, Саратовская, Тамбовская, Краснодарская, Ставропольская, Уральская, Сибирская, Томская, Омская, Кемеровская, Красноярская, Иркутская, Вост.-Казахская области, Сев. Прииссыккулье, Киргиз. ССР, Бурят. АССР (СРНГ 16: 180).

Полушубок (мн. ч. *полушубти*) ‘мужская зимняя верхняя одежда до колен с застёжкой на левую сторону’: *Зимой насіли самадёлкавы палушубти ис шкур бараньей, авечьей. Специальна люди прихаділи шить. Варатник из афчины то́же был. Эта фся аснова чёрная, а вóрат ат бѣлай шкуры. Застягáлси на пугвицах иль каму дѣлали мóчти, на крючтях* (2). В СРНГ указаны другие значения рассматриваемой лексической единицы (СРНГ 29: 172).

Тулуп ‘мужская длинная зимняя верхняя одежда, шуба’: *Тады вить трáнспарту ни было. Па дирѣвни ни лашáтти пирдвигáлись. Марóзы крѣптии, да саракá грáдусаф бѣли. Хáту бувáла снѣгам да вѣрэху занисѣть, дóлга снѣга атчишáйишь. А ѣхатъ нáда. Тулуп надявáйишь да вáлинти, и в дарóгу. Он был чижóлай, ну тѣплай, в нём ѣхатъ в извóс* (2). Названная лексическая единица повсеместно распространена в воронежских говорах (КСВорГ).

Обувь

Обувь в 20-х–30-х годах XX века и женщинам, и мужчинам шили сапожники — мастера, работающие с кожей; валенки валяли так называемые «вáльщики».

Санда́лы ‘летняя обувь, сандалии’: *Лáптѣй уже ни было. На лѣту шѣли сандáлы. Анѣ бѣли с застѣшкой. У них был римяшóк, он фставлялси ф пряшкѣ. В римяшкѣ дырачтя, в ниѣ фтыкáли и застѣгвали. Ёих с вяснѣ, с мáя насіли, как ф тáпках жáрка стáня, так сандáлы надявáйишь. Ну ни у ва фсѣх анѣ бѣли. А то работали разúта, па стярнѣ идѣишь разúта, фсе нóги пакóлмишь, паздирѣшь. Чижалó жѣли, трúдна* (2). Лексическая единица **сандáлы** функционирует в речи жителей Бобровского р-на Воронежской области (КСВорГ). СРНГ указывает на употребление данной лексической единицы в Воронежской области (СРНГ 36: 117).

Тáпти (мн. ч.) ‘тапки’: *Тáпти шѣли мастярá, а хто и сам, хто моx. Анѣ бѣли брызãнтóвыи, а падашвá рязинвя. Как сапагѣ сымáли, тáпти абувáли* (1).

Сапоги́ ‘осенняя и весенняя обувь’: *Ра́ни сапаги́ бы́ли ко́жныи, я́лвыи. Ёи́х наси́ли вяза́ной и ася́нью. Фсе́ нату́ра́льная. Нага́ ни патёла в них. Сапо́жник фся́ды шил па наге́: абмяря́л. Ну дите́й вить памно́га бы́ла, на фсех ни хватáла. Вот ф шко́лу, бува́ла, пайдёшь ф сапага́х. Ве́рнисси, а тады́ брате́нь надява́я ёи́х и паишё́л. Учи́тца хатё́ли, да ни было́ вазмо́жнасти, на́да бы́ла ра́на ф по́ли рабо́татъ, ма́ми с папа́ней памага́тъ. Воду́ наси́ли, памага́ли снапы́ вяза́тъ (2).* СРНГ указывает на употребление слова **сапоги́** в данном значении в рязанских говорах (СРНГ 36: 127).

Керзакí, кёрзовые сапоги ‘кирзовые сапоги’: *Ф керзака́х, ни у ва фсех ани́ бы́ли, хадíли и на сва́дьби, и на рабо́ту (1). Кёрзавыи сапаги́ ани́ ня ко́жныи, ани́ из жё́сткай твёрда́й тка́ни, ну ня ко́жи (2).* Лексема **кёрзовые сапоги** распространена в Берёзовке Рамонского р-на Воронежской области (КСВорГ).

Ва́ленти, ва́ленки (мн. ч.) ‘зимняя обувь из овечьей шерсти с широкими отвёрнутыми наверх полями’: *Ва́ленти тады́ бы́ли ис харо́шай шэ́ристи, бы́ли адни́ на рабо́ту хадíтъ, дру́гия куды́ вы́йтить ф пра́зден (2). Мужу́кам се́раи и че́рнаи ва́ленки валя́ли, ба́бам фся́ды че́рныи, а што памало́жи бе́лаи, бы́ли и татíя кой у каго́ (1).* Лексема **ва́ленки** в данном значении зафиксирована в Калининской и Новгородской областях (СРНГ 4: 25).

Головные уборы

Следует отметить, что головные уборы, предназначенные на праздники, мужчины в помещениях не снимали. При встрече головной убор поднимали в знак уважительного отношения к встречному.

Ша́пки (мн. ч.) ‘шапки’: *Ша́пки на зи́му паку́пали, привазны́я бы́ли. Пяре́т как у палушубка́ф, с кажё́нак выде́лнай. Ани́ глуботи́и бы́ли, ёши на маро́зи атвёрнишь, чиб ни хала́дно бы́ла. А патом́ и ста́ли шить ме́сныи мужу́ти (2).*

Курпяк ‘шапка из ягнячьей овчины’: *Как акóтитца афца, мастяра забивáли на фтарóй-трéтий день ягнака и шíли из éтай шкуры курпяк. Такяя ша́пку надявáли на людéй, ф прáзник. Такяя курпянку ня фсе имéли, а што пазажсítачнея, да и што авéц дяржáли* (2). В значении ‘воротник из шерсти молодых овец’ лексема **курпяк** функционирует в Каширском районе Воронежской области (КСВорГ). Даль приводит данное слово в значении ‘ягнячья овчина’ с указанием Воронежской области (Даль 2: 187).

Фура́шты (мн. ч.) (ед. ч. **фуражка** ‘головной убор с козырьком’) ‘фуражки’: *Фура́шты б́или самашíтали, с казырьтём. На вясну́ и осяньó ширстя́ныи и палширстя́ныи, на лéту лéхтии. На рабóту насíли чёрнай, ня мáртии фура́шты, ф прáзден надявáли свéтлай* (1). Данная лексема имеет повсеместное распространение в говорах Воронежской области (КСВорГ).

Карту́з ‘головной убор с высоким околышем и небольшим козырьком, разновидность фуражки’: *У мужужо́ф картузы́ б́или фсяды́ чёрнай, цвята́стых ни былó. Лéтам на со́нцы ани́ выгара́ли, стана́вiлись пéгими. Рабóтайишь на жарé, пыль на тёмнам ня вiдна, чё он пóтнай да грязнай* (2). Рассматриваемая лексема в данном значении широко распространена в районах Воронежской области: Аннинском, Бобровском, Верхнехавском, Воробьёвском, Грибановском, Лискинском, Новоусманском, Нижнедевицком, Острогожском, Павловском, Рамонском, Репьёвском, Россошанском, Семилукском, Хохольском, Эртильском (КСВорГ).

Таким образом, нами выявлены лексемы, репрезентирующие высококовский мужской крестьянский костюм: одежду — 17 лексем, обувь — 7 лексем, головные уборы — 4 лексические единицы. Немногочисленность зафиксированных в говоре слов свидетельствует об однотипности комплекса мужского крестьянского костюма.

Наблюдения доказывают, что сельские жители жили в гармонии с родной природой, через неё постигали основные человеческие ценности. Одежда была защитой от холода и жары, отличалась удобством, играла определённую ритуальную роль в обрядах и праздниках.

Так как лексическая система любого языка является открытой для социальных изменений в обществе, люди становятся свидетелями того, как из активного употребления сельян многие слова переходят в пассивный словарный запас, а затем утрачивают своё значение. Представители старшего поколения в общении между собой ещё употребляют некоторые из них, а молодёжь, напротив, зачастую даже не знает многих названий одежды своих предков (например, *анучи, курпьяк, кушак, портти, сандалы* и др.). Это объясняется повсеместным активным проникновением литературного языка в жизнедеятельность человека и близким соседством п. Высокого с районным центром.

В то же время данное обстоятельство является сигналом нынешним диалектологам к тому, чтобы успеть зафиксировать те крупицы народной речи, которые рассыпаны по территории необъятной России, чтобы оставить их следующим поколениям как прекрасное наследие прошлого, как свидетельство живой народной речи, как ценное достояние культуры нашей страны.

Литература

Гриднева Л. Я., Гриднева Л. М., Бочарников М. И. Высокий. Время, события, люди. 1922–2007. Таловая: Таловская районная типография, 2007. 44 с.

Гвоздева А. А. Этносоциокультурная обусловленность языковой картины мира // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2003. № 3. С. 24–30.

Филин Ф. П. О лексико-семантических группах слов // Езикovedски исследования в чест на акад. Стефан Малденев. София, 1957.

Производное слово как результат речевой деятельности (на материале лексики ЛАРНГ)

Л. Н. Новикова

В статье рассматриваются деривационные процессы, основывающиеся на речевой деятельности, выводимой из мотивирующих контекстов диалектоносителей. Для говорящего на родном языке закономерности словообразования заданы, но задан одновременно и массив уже произведенных слов с определенным словообразовательным значением, и каждое из этих слов может быть извлечено из памяти как воспроизводимое или конструироваться вновь как творимое. В данной статье рассматриваются некоторые случаи такого разграничения.

Ключевые слова: речевое мышление, диалектная деривация

Производное слово, как и любая языковая единица, является элементом речевой организации и коммуникативных процессов в целом. Оно может рассматриваться либо статически, когда констатируется факт мотивированности и рассматриваются свойства слова как единицы **производной**, либо динамически, когда констатация мотивированности ведет к исследованию слова как единицы **производимой**, «когда мы стремимся определить, в результате какого процесса оно возникает или же преобразованием какой единицы (или единиц) может считаться» [Кубрякова 1980: 217].

Как единица **производная** — это **дериват**, возникающий в результате присоединения к мотивирующей базе (основе) какого-либо словообразовательного форманта; как единица **производимая** — это **универб**, который возникает в результате трансформации какого-либо словосочетания или предложения в одно слово.

Каково место производного слова в процессе порождения речи? В модели порождения речи И. А. Зимней выделены следующие этапы: мотив — мысль — внутреннее программирование — лексическая развертка и грамматическое конструирование — поверхностные синтаксические структуры — внешняя речь [Зимняя 1985: 93]. Мы можем только предположить, на каком этапе происходит процесс выбора или создания производного слова, — это, скорее всего, четвертый этап — лексическая развертка и грамматическое конструирование.

Л. В. Сахарный, специально изучавший процессы возникновения производных слов в речевой деятельности, интерпретирует понятие производного слова через понятие «коммуникативная номинация», как феномен «свертывания» какой-либо языковой единицы, то есть как универб. Механизм появления в речевом акте производного слова связан с «глубинными» структурами внутреннего лексикона человека, который устроен иерархично. Коммуникативный «запрос» поступает на «нужный смысл», и он может быть выражен как уже имеющейся в лексиконе единицей, так и порождением новой [Сахарный 1978: 153]. Воспроизведенная единица не обязательно является подлинно новой, она может быть новой только по способу извлечения из внутреннего лексикона: быть не воспроизводимой, а творимой: «...у нас нет и не может быть уверенности в том, что даже зафиксированное в словаре слово не создано говорящим в его речевой деятельности **заново**» [Кубрякова 1991: 129]. Следовательно, понять, произведено слово или воспроизведено, можно только при маркирующем контексте, когда становится прозрачной внутренняя форма деривата. «Шкала производимости/воспроизводимости является континуальной. Один и тот же дериват может занимать на ней разные места в зависимости от наличия отсутствия в контексте различных актуализаторов» [Волков 1993: 51]. Например, степень производимости дериватов значительно ниже, чем степень производи-

мости словоформ; степень производимости узуальных дериватов ниже, чем окказионализмов; степень производимости дериватов, принадлежащих высокорегулярным моделям, выше, чем степень производимости дериватов, принадлежащих моделям с низкой регулярностью и тем самым находящихся в стадии демотивации [Волков 1993: 51].

Анализ диалектного материала позволяет уточнить роль деривационных процессов в системе языка: они обеспечивают «формальную скрепленность» единиц лексикона, которые в противном случае были бы связаны по преимуществу лишь семантически. Эта особенность словообразования обусловливает его центральное положение в структуре языка. Но, как показывают примеры, и формальная, и семантическая сторона деривационных отношений являются важными в одинаковой мере.

В тверских говорах производные, мотивированные прилагательным *кислый* и его диалектными словообразовательными вариантами *кíсельный/кисéльный*, в зависимости от маркирующего контекста по-разному распределяются по шкале производимости/воспроизводимости. К воспроизводимым можно отнести производное *кíселка* ‘щавель’ *В войну и кíселку ели, и тифом не валило*. Ост. Городец. *Кíселку наберё, обделае её, ошпаря, измелья, послаща — и пироги едя*. Там же. *Кíселка у нас росла — она толстая, стебель так и шмунится*. Ост. Свапуще (Селигер 3: 39). Мотивирующий контекст в данном случае не позволяет отнести это производное к одной из регулярных словообразовательных моделей с формантом *-ка* — со значением отвлеченного действия, со значением женскости, со значением уменьшительности. Следовательно, данное образование относится к нерегулярным производным и, скорее всего, воспроизводимо, чем производимо.

Производные *кисли́чка, кисли́чник, кислу́жа, кисля́вый, кисля́к, кисля́тник*, напротив, относятся к высокоре-

гулярным моделям, поэтому, скорее, производимы, чем воспроизводимы. Это подтверждает и мотивирующий их контекст. *Кислѣчка*, ум.-ласк. от *кислѣцы* ‘щавель’. *Кислѣчку надо собирать. Что щавель, что кислѣчка — одно и то же*. Пен. Витьбино (Селигер 3: 40). *Кислѣчник* ‘щавель’. *Кислѣчник, столбняк и собачьи стволы ели*. Пен. Ворошилово. *Кислѣха* 1. ‘Прокисший, испорченный продукт’ *Пошлю клюкву посылкой, а получит, може, какую кислѣху*. Фир. Софиевка. 2. ‘Простокваша’ *А как молоко скисло, то и получается кислѣха, или болтакиша. Это простокваша — одно и то же*. Тороп. Волок. *Кислѣха — простоквашей зовут*. Тороп. Краснодубье. *Кислѣха — это когда кислое молоко стоит, снизу кислуха и появляется*. Тороп. Уварово. *Кислявѣй* ‘имеющий кислый вкус’ *Мне не нравится черѣмуха — она кислявая*. Тороп. Василево. *Кисляк*, собир. ‘кислые яблоки дикой яблони’ *Бывает — хорошие яблоки, а бывает и кисляк. Всѣ называли глушняк. Глушина — яблоня дикая, а у ей яблоки кислые*. Ост. Мосеевцы. *Кислятник* 1. ‘Щавель’ *Кислятник — это щавель*. Пен. М. Переволока. *Дети кислятник и кислицы рвали. Кислятник с кислицей растѣт*. Пен. Поляны. *Лебеду, кислятник ели, шумунили. Это щавель*. Ост. Бельково. 2. ‘Конский щавель’ *Кислятник — конский щавель, растет на лугу*. Тороп. Наговье (Селигер 3: 40).

Совокупность формально-семантических отношений производных слов служит одним из средств, обеспечивающих системность лексики и обуславливает возможность развития как лексикона индивида, так и лексической составляющей системы языка в целом. Деривационные связи дают возможность семантическим отношениям между словами обретать фонетическое и графическое выражение, маркируют эти отношения. «Словообразовательные показатели с точки зрения речевой организации — это показатели-маркеры семантических отношений, семантических связей между единицами лексикона» [Волков 1993: 42].

Словообразовательное значение определяет семантические отношения между производным и производящим, при этом оно обязательно выражается какими-либо формальными средствами, в частности, нулевыми суффиксами, подобно тому, как в морфологии любое частное категориальное значение выражается флексийными средствами, в том числе и нулевой флексией. Например, производное *кíсель* ‘острый кислый привкус, кислота’, мотивируется диалектным словообразовательным вариантом *кíсельный* ‘кислый’, имеет транспозиционное словообразовательное значение отвлеченного признака, которое выражается нулевым суффиксом. Мотивирующий контекст актуализирует это словообразовательное значение: *Плохие яблоки — кíсели в них нет.* Дем. Лаврово. *Брусничник заваривали. Брусника — она хорошо и кíсель даёт.* Ост. Карповщина. Второе значение у этого слова ‘закваска для теста при выпечке хлеба’ предметное, мутационного типа, контекстом не поддерживается: *Растворишь, потом кíсель получается. В деревянной квашне быстрее хлеб киснет.* Ост. Городец. *В тесто надо горячего масла, чтоб кíселью не пахло.* Дем. Трунево (Селигер 3: 39). В тверских говорах у слова *кíсель* есть акцентологический вариант *кисёлъ* со значением ‘щавель’: *Напечёт мама колобушки с лебедой и кисилём — и во как шли!* Ост. Новинки. От производного *кíсель* в первом значении образовано прилагательное *кíсельный*, которое образует устойчивое сочетание *кíсельный столб* со значением ‘ствол цветущего конского щавеля’: *Кисельный столб — это кислицы дети ели и другу всяку траву.* Ост. Вязовня (Селигер 3: 39). Два производных, образованных непосредственно от прилагательного *кислый* — *кíслина* и *кíслица* — реализуют мутационное значение предметности: *кíслина* ‘кислый на вкус продукт’ *Я смороду набрала, она кислина, песку много надо, а и забродит — квасу заведу.* Ост. Шешь. *Кíслица / кисли́ца* 1. ‘Дикая яблоня с кислыми плодами’ *Кисли́цы-то у нас много — на дикарках-то яблоч много растёт.* Дем. Полново.

2. 'Щавель' *И кѣслицу ели. Ели не листьѧ, а ствольшики от кѣслицы.* Селижар. Селище. 3. 'Кислые щи из щавеля' *Щи с щавеля — это кѣслица.* Тороп. Василево (Селигер 3: 39). В первом случае значение предметности не поддерживается контекстом, мы можем предположить, исходя из контекста, и значение признака. Во втором случае все три значения конкретного предмета поддерживаются контекстными актуализаторами: *на дикарках, ели ствольшики, щи.* Производное *кѣслица / кѣслица* образует в тверских говорах два устойчивых сочетания также с предметным значением: *конячьѧ кѣслица* 'вид травы, имеющий кислый вкус' *Кто их конячьей кѣслицей зовѣт. Большие-то стволы вырастут — кто их будет есть?!* Селижар. Вышегород. *Лошадѣная кѣслица* 'вид травы, имеющей кислый вкус; конский щавель' *У нас растѣт кѣслица простая и кѣслица лошадиная.* Пен. Осечное. *Лошадѣная кѣслица — конский щавель.* Там же. *Лошадѣная кѣслица — она и у нас была. Теперь не стало. Говорят, от поноса хорошо.* Тороп. Наговье (Селигер 3: 39–40).

Прилагательное *кѣслиый* в тверских говорах имеет, помимо литературного значения 'обладающий своеобразным острым вкусом (напр., вкусом лимона, уксуса)' (Ожегов: 237), и значения: 1. 'Прокисший, испортившийся (о супе)' *Свата-ется суп, молоко — прокиснет. А если совсем прокис, так кѣслиый.* Ост. Заболотье. 2. 'Вялый, с плохим самочувствием (о человеке)' *Да я сегодня кислая, кислая такая — нехорошо мне, не могу.* Фир. Жабны. Переносное значение формирует устойчивое сочетание: *Нос кѣслиый, ненамѧзанный* 'о трезвом состоянии, до выпивки' *Обидно, что выходной день проходит, а у меня нос кѣслиый, ненамѧзанный.* Ост. Корпово (Селигер 3: 40). В данном случае можно говорить о метафорической мотивации, формирующей производное семантической деривации. Подобным способом формируется переносное значение глагола *киселяться* 'капризничать, приверед-

ничать' *Теперь-то киселяешься: то невкусно, то не так...* Ост. Ореховка (Селигер 3: 39).

Таким образом, в силу особенностей речевого мышления человека, которое в основном строится на смыслах, а не на формах, деривационные отношения часто лишаются формальной поддержки мотивирующего контекста, который стремится зафиксировать смысловые отношения между производным и производящим, иногда в ущерб формальным. Поэтому в настоящее время наиболее целесообразно осмыслять деривационные отношения, опираясь на большие объемы накопленных диалектных текстов.

Литература

Волков В. В. Деадъективное словообразование в русском языке. Ужгород, 1993.

Зимняя И. А. Функциональная психологическая схема формирования и формулирования мысли посредством языка // Исследование речевого мышления в психолингвистике. М., 1985.

Кубрякова Е. С. Динамическое представление синхронной системы языка // Гипотеза в современной лингвистике. М., 1980.

Кубрякова Е. С. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М., 1991.

Сахарный Л. В. Как устроен наш язык. М.: Просвещение, 1978.

Структура русских диалектных номинаций*

В. А. Пыхов

В статье анализируется структура русских диалектных номинаций лексико-семантической группы названий мяса домашних животных, прослеживается динамика становления номинативного типа, рассматривается морфемный состав однословных и двусловных наименований, а также высказывается предположение о тесной связи двусловных и однословных номинаций в плане использования в них тех или иных словообразовательных аффиксов.

Ключевые слова: русская диалектология, лингвистическая география

Статья посвящена анализу структуры русских диалектных номинаций лексико-семантической группы названий мяса домашних животных, исследованию динамики становления номинативного типа и рассмотрению морфемного состава однословных и двусловных номинаций.

Лингвогеографическое представление диалектного материала на всей европейской территории русских диалектов имеет своей целью выявить ареальную специфику русских народных говоров, показать в пространственной проекции лексические и словообразовательные различия в организации лексико-семантической группы слов, связанных с обозначением мяса домашних животных.

В отличие от литературного языка, в котором для обозначения мяса домашних животных используется ограниченный круг лексем (*свинина, говядина, телятина* и *баранина*), в русских диалектах представлено довольно большое количе-

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект «Русская диалектная лексика в лингвогеографическом аспекте» № 13-04-00160а).

ство разноструктурных (однословных и двусловных) наименований этой тематической группы: *svin-in-a*, *svin-ęt-in-a*, *porš-ęt-in-a*, *svěž-in-a*, (*špik*)-ъ, *xr'a 'kov'ina*, *l'uba 'v'ina*, *v'ic': 'na*, *v'etč's'ina*, (*go*)*v-ęD-in-a*, *korv-in-a*, *korv-ęt-in-a*, *korv-ič-in-a*, *jal-ov-ič-in-a*, *byč-in-a*, *tel-ęT-in-a*, *tel-ęt-j-E* (subst), *bAran-in-a*, *ov-ъč-in-a*, *ov-ъč-ęt-in-a*, *svin-O meš-o*, *svin-O gov-ęd-in-a* (видовое обозначение вместо родового *meš-o*), *svin-in-O meš-o*, *svin-ov-O meš-o*, *svin-ęt-j-E meš-o*, *svin-Ov-j-E meš-o*, *svin-in-ъn-O meš-o*, *meš-o svin-ъj-ě*, *porš-ęt-j-E meš-o*, *borv-in-O meš-o*, *gov-ęd-j-E meš-o*, *korv-j-E meš-o*, *korv-in-O meš-o*, *korv-ъsk-O meš-o*, *jal-ov-O meš-o*, *jal-ov-ič-ъj-E meš-o*, *skot-ъsk-O meš-o*, *skot-ъsk-A gov-ęd-in-a*, *byč-in-o meš-o*, *tel-ęt-j-E meš-o*, *tel-ęt-in-O meš-o*, *tel-ęt-j-A gov-ęd-in-a*, *mol'd-A gov-ęd-in-a*, *baran-ъj-E meš-o*, *baran-in-O meš-o*, *ov-ъč-ъj-E meš-o*.

Как наглядно демонстрирует материал, в отдельных говорах северного и южного наречий, а также в ряде среднерусских говоров для обозначения мяса домашних животных одновременно используются как однословные, так и двусловные наименования: *svin-in-a* // *svin-O meš-o* — вологодские, псковский и владимирско-поволжские говоры; *svin-in-O meš-o* — архангельские и костромской говоры; *svin-in-ъn-O meš-o* — архангельские и смоленский говоры; *svin-ov-O meš-o* — псковский говор; *svin-Ov-j-E meš-o* — старожильческий говор на территории Эстонии; *svin-ęt-j-E meš-o* — белозерско-бежецкий, вологодский, ивановский и псковский говоры; *meš-o svin-ъj-ě* — белгородский говор; *porš-ęt-j-E meš-o* — архангельский, брянский и тверской говоры; *borv-in-O meš-o* — новгородский говор; (*go*)*v-ęD-in-a* // *gov-ęd-j-E meš-o* — владимирско-поволжский, восточный акающий и псковский говоры; *korv-j-E meš-o* — архангельские, белозерско-бежецкий, вологодские, костромской, онежские, брянский, смоленский, старожильческий говор на территории Эстонии, владимирско-поволж-

ские, селигеро-торжковский и восточный акающий говор; *korv-in-O meš-o* — нижегородский и псковские говоры; *jal-ov-O meš-o* — смоленский говор; *jal-ov-ič-ъj-E meš-o* — брянский говор; *skot-ъsk-O meš-o* — архангельские говоры; *skot-ъsk-A gov-ęd-in-a* (*gov-ęd-in-a* вместо родового *meš-o*) — ладого-тихвинский говор; *korv-in-a // korv-j-E meš-o* — вологодские, старожильческий говор на территории Эстонии; *korv-ęt-in-a // korv-j-E meš-o* — брянский говор; *gov-ęd-j-E meš-o* — владимирско-поволжские говоры; *jal-ov-ič-in-a // korv-j-E meš-o* — брянский говор; *tel-ęT-in-a // tel-ęt-j-E meš-o* — архангельские, вологодские, онежский, костромские и псковский говоры; *tel-ęt-in-O meš-o* — брянский говор; *tel-ęt-j-A gov-ęd-in-a* (*gov-ęd-in-a* вместо родового *meš-o*) — старожильческий говор на территории Латвии; *bAran-in-a // baran-ъj-E meš-o* — архангельские, вологодский, смоленский, ивановский, тверской и старожильческий говор на территории Латвии; *ov-ъč-ъj-E meš-o* — вологодский, новгородский и ивановский говоры.

Как видно из приведенных примеров, корень субстантива однословных наименований не всегда совпадает с корнем адъектива двусловных номинаций: *svin-in-a // pors-ęt-j-E meš-o* — архангельский, брянский и тверской говоры; *borv-in-O meš-o* — новгородский говор; *svěž-in-a // meš-o pors-ęt-j-E* (брянский говор); *(go)v-ęD-in-a // korv-j-E meš-o* — архангельские, белозерско-бежецкий, вологодские, костромской, онежские, брянские, смоленский, старожильческий говор на территории Эстонии, владимирско-поволжские, селигеро-торжковский, восточный акающий говор и тверские говоры; *korv-in-O meš-o* — нижегородский и псковский говоры; *jal-ov-O meš-o* — смоленский говор; *jal-ov-ič-ъj-E meš-o* — брянский говор; *skot-ъsk-O meš-o* — архангельские говоры; *skot-ъsk-A gov-ęd-in-a* — ладого-тихвинский говор; *korv-ęt-in-a // gov-ęd-j-E meš-o* — владимирско-поволжские говоры; *jal-ov-ič-in-a // korv-j-E meš-o* —

брянский говор; **bAran-in-a** // ов-ьѣ-ьj-Е **męs-o** — вологодский, новгородский и ивановский говоры.

Такое богатство номинативных конструкций в этой лексико-семантической группе позволяет проследить динамику их развития, так как «на лингвистической карте, являющейся как бы фотоснимком синхронного среза, проецируются все периоды истории языка, вплоть до самых отдаленных эпох» [Бородина 1966: 9].

Материалом для статьи послужили ответы на вопросы №№ Sl 1111, LSl 1112, Sl 1113–1114 Вопросника Общеславянского лингвистического атласа (ОЛА) [Вопросник ОЛА: 118], представленные в 6-м выпуске лексико-словообразовательной серии ОЛА «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» [ОЛА 2007: карты №№ 21–24; 73–80]¹. Диалектный материал приводится в обобщающей транскрипции, используемой в ОЛА [ОЛА 1994: 42–59]². Единичные названия могут приводиться в фонетической транскрипции ОЛА [ОЛА 1994: 42–59].

‘Мясо свиньи’

Среди однословных диалектных наименований мяса свиньи наиболее употребительной в русских диалектах является лексема **svin-in-a**, равномерно распространенная на территории северного (в отдельных говорах — наряду с однословным (**porš-ęt-in-a** — ладого-тихвинский, где характеризуется как архаическая форма, архангельский и вологодские говоры) и двусловными (**svin-O męs-o** — вологодские говоры, **svin-O gov-ęd-in-a** [родовое обозначение вместо видового — **męs-o**] — вологодский говор, **svin-in-O męs-o** — архангельский и костромской говоры, **svin-ęt-j-E męs-o** — белозерско-бежецкий и вологодский говоры, **porš-ęt-j-E**

¹Карты 21, 23, 24 подготовлены Т. Вендиной, карта 22 — В. Пыховым).

²Морфонологическая интерпретация диалектного материала осуществлена членами морфонологической субкомиссии: С. Вельке, Х. Енчем, Р. Лёчем и Я. Сятковским.

męs-o — архангельский говор) наименованиями) и южного (в ряде говоров — параллельно с однословными (*svin-ęt-in-a* — брянский говор, *poręs-ęt-in-a* — смоленский говор, *svěž-in-a* — брянский, тульский и курско-орловские говоры, единичные: *l'uba v'ina* — смоленский говор, *v'ič':na* и *v'ětč's'ina* — тульские говоры, *xr'a'kov'ina* — тульский говор [где определяется как редкая форма]) и двусловными (*męs-o svin-ыj-ě* — белгородский говор, *poręs-ęt-j-E męs-o* — брянский говор) наименованиями) наречий и среднерусских говоров (в некоторых говорах — наряду с однословными (*svin-ęt-in-a* и *poręs-ęt-in-a* — новгородские говоры, *svěž-in-a* — подмосковный восточный акающий говор) и двусловными (*svin-O męs-o* — псковский и владимирско-поволжские говоры, *svin-O gov-ęd-in-a* — старожильский говор на территории Латвии, *svin-ov-O męs-o* — псковский говор, *svin-Ov-j-E męs-o* — старожильский говор на территории Эстонии, *svin-ęt-j-E męs-o* — владимирско-поволжский и псковский говоры, *poręs-ęt-j-E męs-o* — тверской говор, *borv-in-O męs-o* — новгородский говор) наименованиями).

Из лексем с корнем *svin-* в диалектах наличествует лексема *svin-ęt-in-a*, представленная в одном пункте на территории среднерусских (новгородских) говоров и в одном пункте на территории южного наречия (брянский говор) и употребляющаяся наряду с лексемой *svin-in-a*.

Лексема *poręs-ęt-in-a* отмечается на территории северного (Вологодская группа) и южного (Западная группа) наречий и в среднерусских (новгородских) говорах наряду с лексемой *svin-in-a*.

Среди однословных наименований мяса свиньи встречается еще одна лексема — *svěž-in-a*, представленная в подмосковном среднерусском восточном акающем говоре и в говорах южного наречия (брянские, рязанские, тульские, курские и орловские говоры) наряду с лексемой *svin-in-a* (кро-

ме рязанского говора), а в брянском говоре — параллельно с двусловным наименованием *męs-o por-s-ęt-j-E*.

Единичное однословное название (*špik*)-ъ отмечается в говоре на территории северного наречия (Ладого-Тихвинская группа).

Среди описательных конструкций, используемых для обозначения мяса свиньи, наиболее употребительной является модель Adj (корень *svin-*) + Subst (*męs-o*): *svin-O*, *svin-ęt-j-E*, *svin-in-O*, *svin-in-ъn-O*, *svin-ov-O*, *svin-Ov-j-E* *męs-o* — *svin-O* *męs-o* — старожильческий говор на территории Литвы (наряду с двусловным наименованием *svin-ęt-j-E* *męs-o*), вологодские (параллельно с лексемой *svin-in-a*, которая в одном из них характеризуется как редкая форма), псковские (наряду с лексемой *svin-in-a*), селигеро-торжковский, владимирско-поволжские (наряду с лексемой *svin-in-a*) и нижегородский говоры, а также говоры Западной, Верхне-Деснинской и Курско-Орловской групп южного наречия; *svin-in-O* *męs-o* — архангельские (наряду с лексемой *svin-in-a*) и костромской (параллельно с лексемой *svin-in-a*) говоры; *svin-in-ъn-O* *męs-o* — архангельские и смоленский (наряду с однословным наименованием *svin-in-a* и единичным — *l'uba v'ina*) говоры; *svin-ov-O* *męs-o* — псковский говор (параллельно с лексемой *svin-in-a*); *svin-Ov-j-E* *męs-o* — старожильческий говор на территории Эстонии (наряду с лексемой *svin-in-a*); *svin-ęt-j-E* *męs-o* — старожильческий говор на территории Литвы (параллельно с двусловным наименованием *svin-O* *męs-o*), вологодские (наряду с лексемой *svin-in-a*), владимирско-поволжский (параллельно с лексемой *svin-in-a*) и псковский (наряду с лексемой *svin-in-a*) говоры; *svin-O* *gov-ęd-in-a* — старожильческий говор на территории Латвии (параллельно с лексемой *svin-in-a*) и вологодский (наряду с лексемой *svin-in-a*) говоры, в которых видовое наименование *gov-ęd-in-a* выступает в роли родового наименования *męs-o*.

Модель Adj (корень *por̥s-*) + Subst (*m̥s̥o*): *por̥s-ɛt-j-E m̥s̥o*, *m̥s̥o por̥s-ɛt-j-E* — представлена в нескольких говорах (архангельские говоры на территории северного наречия (в одном из которых конструкция *por̥s-ɛt-j-E m̥s̥o* отмечается параллельно с лексемой *svin-in-a*), тверской говор (*m̥s̥o por̥s-ɛt-j-E*) на территории среднерусских говоров (также наряду с лексемой *svin-in-a*) и брянский говор (*m̥s̥o por̥s-ɛt-j-E*) на территории южного наречия — параллельно с лексемами *svěž-in-a* и *svin-in-a*).

Модель Adj (корень *bor̥v-*) + Subst (*m̥s̥o*): *bor̥v-in-o m̥s̥o* — наличествует в среднерусском новгородском говоре (наряду с лексемой *svin-in-a*).

Модель Subst (*m̥s̥o*) + Subst (корень *svin-*): *m̥s̥o svin-ɟj-ě* — представлена в белгородском говоре южного наречия (параллельно с лексемой *svin-in-a*).

‘Мясо коровы или вола’

Среди однословных наименований мяса коровы или вола наиболее употребительной в русских диалектах является лексема (*go*)*v-ɛD-in-a*, равномерно распространенная на территории северного и южного наречий и среднерусских говоров (в отдельных диалектах эта лексема представлена наряду с однословными [*ko*]*r̥v-in-a* (среднерусские говоры — старожильческий говор на территории Эстонии, гдовский, новгородские, псковские, тверские; говоры северного наречия — белозерско-бежецкие, вологодские, брянский говор южного наречия), *ko*]*r̥v-ɛt-in-a* (говоры северного наречия — белозерско-бежецкий, вологодские (в одном из них лексема (*go*)*v-ɛD-in-a* характеризуется как редкая форма), костромские, чухломской; южного наречия — брянские, смоленский, орловский, рязанские, тульский (в нем лексема (*go*)*v-ɛD-in-a* определяется как редкая форма) и среднерусские говоры — владимирско-поволжские, восточные акающие говоры, псковские, селигеро-торжжковский), *ko*]*r̥v-ič-in-a* (среднерусский новгородский говор), *jal-ov-ič-in-a* (старожильческий

говор на территории Латвии), $m\text{e}\text{ʃ}-o$ (родовое наименование вместо видового — костромской говор на территории северного наречия и тульский говор на территории южного наречия) и/или двусловными [$gov-\text{e}d-j-E m\text{e}\text{ʃ}-o$ (среднерусские говоры — владимирско-поволжский, восточный акающий говор, псковский), $korv-j-E m\text{e}\text{ʃ}-o$ (говоры северного наречия — архангельские, белозерско-бежецкий, вологодские (в одном из них лексема $(go)v-\text{e}d-in-a$ характеризуется как редкая форма), костромской, онежские; южного наречия — брянский, смоленский; среднерусские говоры — старожильческий говор на территории Эстонии, владимирско-поволжские, восточный акающий говор, селигеро-торжковский), $korv-in-O m\text{e}\text{ʃ}-o$ (среднерусские говоры — нижегородский, псковские), $jal-ov-O m\text{e}\text{ʃ}-o$ (смоленский говор южного наречия), $jal-ov-i\check{c}-\text{y}j-E m\text{e}\text{ʃ}-o$ (брянский говор южнорусского наречия), $skot-\text{y}sk-O m\text{e}\text{ʃ}-o$ (архангельские говоры северного наречия, в одном из них лексема $(go)v-\text{e}d-in-a$ характеризуется как редкая форма), $skot-\text{y}sk-A gov-\text{e}d-in-a$ (ладого-тихвинский говор северного наречия, где наименование $gov-\text{e}d-in-a$ употребляется вместо родового обозначения $m\text{e}\text{ʃ}-o$)] наименованиями).

Лексема $korv-in-a$ представлена на территории северного (архангельские, белозерско-бежецкий (наряду с лексемой $(go)v-\text{e}d-in-a$), вологодские (в некоторых из них — параллельно с однословным наименованием $(go)v-\text{e}d-in-a$ и двусловным наименованием $korv-j-E m\text{e}\text{ʃ}-o$, в отдельных говорах лексема $korv-in-a$ характеризуется как редкая форма) и ладого-тихвинские говоры) и южного (брянский и смоленский (наряду с лексемой $(go)v-\text{e}d-in-a$) говоры) наречий и среднерусских говоров (гдовские (в одном из них — параллельно с лексемой $(go)v-\text{e}d-in-a$), новгородские (в отдельных из них — наряду с лексемами $(go)v-\text{e}d-in-a$ и $korv-\text{E}t-in-a$), псковские (параллельно с лексемами $(go)v-\text{e}d-in-a$ и $korv-\text{E}t-in-a$), старожильческий говор на территории Эстонии (наряду с однословным $(go)v-\text{e}d-in-a$ и двусловным

korv-j-Ė męs-o наименованиями), тверские (в некоторых из них — параллельно с лексемами (go)v-ęD-in-a и jal-ov-ič-in-a), в одном из говоров лексема korv-in-a характеризуется как редкая форма) говоры).

Лексема korv-Ėt-in-a имеет повсеместное распространение в русских диалектах — северное наречие: архангельский (наряду с лексемой byč-in-a), белозерско-бежецкий (параллельно с лексемами (go)v-ęD-in-a и korv-in-a), вологодские (наряду с лексемой (go)v-ęD-in-a) говоры; южное наречие: брянский (параллельно с лексемой (go)v-ęD-in-a), смоленские (в одном из которых — наряду с однословным наименованием (go)v-ęD-in-a и двусловным наименованием korv-j-Ė męs-o), а также курские, орловские, рязанские (в одном из них лексема korv-Ėt-in-a характеризуется как редкая форма) и тульские говоры — параллельно с лексемой (go)v-ęD-in-a; среднерусские говоры: владимирско-поволжские (наряду с однословным (go)v-ęD-in-a и двусловным gov-ęd-j-Ė męs-o наименованиями), восточные среднерусские акающие говоры (параллельно с лексемой (go)v-ęD-in-a), нижегородский (наряду с лексемой (go)v-ęD-in-a), новгородский (параллельно с лексемой korv-in-a), псковские (наряду с лексемами (go)v-ęD-in-a и korv-in-a), селигеро-торжковский и тверские, в одном из которых — параллельно с лексемой (go)v-ęD-in-a.

Единичное наименование с корнем korv- (korv-ič-in-a) фиксируется в среднерусском (новгородском) говоре наряду с лексемой (go)v-ęD-in-a.

Лексема byč-in-a отмечается в архангельском говоре на территории северного наречия параллельно с лексемой korv-Ėt-in-a.

Лексема jal-ov-ič-in-a представлена в отдельных среднерусских говорах (старожильческие говоры на территории Литвы и Латвии (наряду с лексемой (go)v-ęD-in-a), тверской говор (параллельно с лексемой korv-in-a)), а также в говорах южного наречия (западный (смоленский) и верхне-

деснинский (брянский) наряду с двусловным наименованием *korv-j-E meş-o*).

Среди описательных конструкций, используемых для обозначения мяса коровы или вола, модель Adj (корень *gov-*) + Subst (*meş-o*): *gov-ęd-j-E meş-o* — наличествует в среднерусских говорах (псковский — параллельно с лексемой (*go*)*v-ęD-in-a*, владимирско-поволжский — наряду с лексемами (*go*)*v-ęD-in-a* и *korv-ęt-in-a* и восточный акающий говор — параллельно с однословным (*go*)*v-ęD-in-a* и двусловным *korv-j-E meş-o* наименованиями).

Модель Adj (корень *korv-*) + Subst (*meş-o*): *korv-j-E*, *korv-in-O*, *korv-ъsk-O meş-o* — отмечается на территории северного и южного наречий и среднерусских говоров: *korv-j-E meş-o* — старожильческий говор на территории Эстонии (наряду с лексемами (*go*)*v-ęD-in-a* и *korv-in-a*), архангельские (параллельно с однословными (*go*)*v-ęD-in-a* и *korv-in-a* и двусловным *skot-ъsk-O meş-o* наименованиями), ладого-тихвинский (наряду с однословным (*go*)*v-ęD-in-a* и двусловным *skot-ъsk-A gov-ęd-in-a* наименованиями), онежские (параллельно с лексемой (*go*)*v-ęD-in-a*), вологодские (наряду с лексемами (*go*)*v-ęD-in-a* и *korv-in-a*), белозерско-бежецкие (параллельно с лексемами (*go*)*v-ęD-in-a* и *korv-ęt-in-a*), костромской (наряду с лексемой (*go*)*v-ęD-in-a*), селигеро-горжковский, тверские (параллельно с лексемой (*go*)*v-ęD-in-a*), владимирско-поволжские (наряду с лексемой (*go*)*v-ęD-in-a*) говоры, среднерусские восточные акающие говоры (параллельно с однословным (*go*)*v-ęD-in-a* и двусловными *gov-ęd-j-E meş-o* и *buč-in-O meş-o* наименованиями), смоленские (наряду с лексемами (*go*)*v-ęD-in-a* и *korv-ęt-in-a*) и брянские (параллельно с лексемами (*go*)*v-ęD-in-a* и *jal-ov-ič-in-a*) говоры; *korv-in-O meş-o* — псковские (наряду с лексемой (*go*)*v-ęD-in-a*) и нижегородский (параллельно с лексемой (*go*)*v-ęD-in-a*) говоры; *korv-ъsk-O meş-o* — смоленский говор.

Модель Adj (корень *jal-*) + Subst (*męs-o*): *jal-ov-O męs-o* и *jal-ov-ič-ъj-E męs-o* — представлена в двух говорах южного наречия: *jal-ov-O męs-o* — смоленский говор (параллельно с лексемой (*gov-ęD-in-a*) и *jal-ov-ič-ъj-E męs-o* — брянский говор (наряду с лексемой (*gov-ęD-in-a*)).

Модель Adj (корень *byč-*) + Subst (*męs-o*): *byč-in-O męs-o* — встречается только в одном восточном среднерусском акающем говоре параллельно с двусловным наименованием *korv-j-E męs-o*.

Модель Adj (корень *skot-*) + Subst (*męs-o*): *skot-ъsk-O męs-o* — наличествует в отдельных архангельских говорах северного наречия (наряду с лексемой (*gov-ęD-in-a*) и конструкцией *korv-j-E męs-o*).

‘Мясо теленка’

Среди однословных наименований мяса теленка наиболее употребительной является лексема *tel-ęT-in-a*, равномерно распространенная на территории северного (в отдельных говорах — параллельно с однословным (*gov-ęD-in-a* — костромской говор) и двусловным (*tel-ęt-j-E męs-o* — архангельские, вологодские [в одном из говоров лексема *tel-ęT-in-a* характеризуется как редкая], онежский и костромской говоры) наименованиями) и южного (в некоторых говорах — наряду с однословным (*gov-ęD-in-a* — тульский говор) и двусловным (*tel-ęt-in-O męs-o* — брянский говор) наименованиями) наречий и среднерусских говоров (в ряде говоров — параллельно с двусловными наименованиями *tel-ęt-j-A gov-ęd-in-a* (старожильческий говор на территории Латвии с видовым наименованием вместо родового — *męs-o*) и *tel-ęt-j-E męs-o* — псковский говор).

Лексема *tel-ęt-j-E* (subst) наличествует в нескольких архангельских говорах северного наречия (в одном из них — наряду с лексемой *gov-ęD-in-a*).

Лексема *jal-ov-ič-in-a* отмечается в смоленском говоре южного наречия (Западная группа).

Лексема **gov-ęD-in-a** присутствует в ряде говоров северного (архангельские [в одном из них — параллельно с лексемой **tel-ęt-j-E (subst)**] и ярославский (наряду с лексемой **tel-ęT-in-a**) говоры) и южного (калужский (параллельно с лексемой **tel-ęT-in-a**) и орловский говоры) наречий.

Среди описательных конструкций, используемых для обозначения мяса телянка, наиболее употребительной является модель Adj (корень **tel-**) + Subst (**męs-o**): **tel-ęt-j-E męs-o** и **tel-ęt-in-O męs-o**. Конструкция **tel-ęt-j-E męs-o** представлена в говорах северного наречия (архангельские, вологодские, ярославский, белозерско-бежецкий и онежский; в ряде всех этих говоров — параллельно с лексемой **tel-ęT-in-a**) и в среднерусских говорах (старожильческий говор на территории Латвии (единичное наименование **tel-ęt-j-A gov-ęd-in-a** наряду с лексемой **tel-ęT-in-a**), тверской, псковский (наряду с лексемой **tel-ęT-in-a**), восточный акающий говор). Конструкция **tel-ęt-in-O męs-o** отмечается в брянском говоре южного наречия (параллельно с лексемой **tel-ęT-in-a**) и в среднерусском нижегородском говоре.

Единичное составное наименование **mold-A gov-ęd-in-a** фиксируется в говоре южного наречия (Восточная (Рязанская) группа).

‘Мясо барана’

Среди однословных наименований мяса барана наиболее употребительной является лексема **bAran-in-a**, равномерно распространенная на территории северного (архангельские (в некоторых из них — наряду с двусловным наименованием **baran-ыj-E męs-o**), онежский, ладого-тихвинские, лачские, вологодские (в отдельных из них — параллельно с двусловными наименованиями **baran-ыj-E męs-o** и **ов-ыѣ-ыj-E męs-o**), белозерско-бежецкие, костромские и чухломской говоры) и южного (смоленские (в одном из них — наряду с двусловным наименованием **baran-ыj-E męs-o**), тульские, рязанские, брянские, курско-орловские и оскольский говоры)

наречий и среднерусских говоров (гдовские, псковские, новгородские (в некоторых из них — параллельно с лексемой **ov-ъѣ-ѣt-in-a** и конструкцией **ov-ъѣ-ъj-E męs-o**), тверские (в отдельных из них — наряду с лексемой **ov-ъѣ-in-a** и двусловным наименованием **baran-ъj-E męs-o**), селигеро-торжковские, ивановские (в ряде их — параллельно с конструкциями **baran-ъj-E męs-o** и **ov-ъѣ-ъj-E męs-o**, а в одном из них — с характеристикой лексемы **bAran-in-a** как редкой), восточные акающие, нижегородские и старожильческие на территории Латвии (наряду с двусловным наименованием **baran-ъj-E męs-o**), Литвы (параллельно с лексемой **ov-ъѣ-in-a**) и Эстонии).

Лексема **ov-ъѣ-in-a** наличествует в ряде диалектов на территории северного (архангельский и ладого-тихвинский говоры) и южного (смоленский говор) наречий и среднерусских говоров — тверской и старожильческий говор на территории Латвии (наряду с лексемой **bAran-in-a**).

Лексема **ov-ъѣ-ѣt-in-a** фиксируется в единственном говоре на территории среднерусских (новгородских) говоров параллельно с лексемой **bAran-in-a**.

Среди описательных конструкций, используемых для обозначения мяса барана, отмечается модель Adj (корень **ov-/-ъѣ-/-**) + Subst (**męs-o**): **ov-ъѣ-ъj-E męs-o** — на территории северного (архангельский и вологодские (в одном из них — наряду с лексемой **bAran-in-a**) говоры) и южного (брянский говор) наречий и среднерусских говоров (новгородский и ивановский).

Модель Adj (корень **baran-**) + Subst (**męs-o**): **baran-ъj-E męs-o**, **baran-in-O męs-o** — встречается в ряде говоров: **baran-ъj-E męs-o** — северное наречие (архангельские (в некоторых из них — наряду с лексемой **bAran-in-a**) и вологодские (в одном из них — параллельно с лексемой **bAran-in-a**) говоры), южное наречие (смоленские (в одном из них — наряду с лексемой **bAran-in-a**) говоры) и среднерусские говоры (старожильческий на территории Латвии

(параллельно с лексемой **bAran-in-a**), тверские (в одном из них — наряду с лексемой **bAran-in-a**) и ивановский (параллельно с лексемой **bAran-in-a**); **baran-in-O męs-o** — северное наречие (архангельский говор).

Итак, исследование словообразовательной структуры наименований лексико-семантической группы, связанной с обозначением мяса домашних животных, показало, что она имеет свой древний словообразовательный детерминатив суфф. **=in-a**. О сохранении его исторической продуктивности при образовании этих имен говорят не только широко представленные образования типа **svin-in-a**, **svěž-in-a**, **korv-in-a**, **buč-in-a**, **ov-ъč-in-a**, но и расширенные варианты этого суффикса: **=ęt-in-a** (**tel-ęT-in-a**, **svin-ęt-in-a**, **korv-ęt-in-a**, **porę-ęt-in-a**, **ov-ъč-ęt-in-a**), **=ęd-in-a** (**(go)v-ęD-in-a**), **=ič-in-a** (**korv-ič-in-a**), **=ov-ič-in-a** (**jal-ov-ič-in-a**).

Наличие вариативных (однословных и двусловных) наименований мяса домашних животных в каждом отдельном говоре свидетельствует о том, что вторичные и более поздние однословные наименования еще не полностью вытеснили первичные двусловные номинации. Сопоставление ареалов описательных конструкций и однословных наименований дает возможность представить, как происходит формирование номинативной модели.

Вытеснение описательных конструкций в названиях видов мяса начинается, прежде всего, моделью с суфф. **=in-a** (например: **svin-in-a**, но **korv-j-E męs-o**, **tel-ęt-j-E męs-o** — архангельский говор; **(go)v-ęD-in-a**, но **tel-ęt-j-E męs-o**, **svin-in-O męs-o** — архангельский говор; **bAran-in-a**, но **korv-j-E męs-o**, **tel-ęt-j-E męs-o**, **svin-O męs-o** — вологодский говор).

Среди суффиксов посессивности в описательных конструкциях (Adj + Subst) основным в этой группе имен выступает суффикс **=ъj-**. Он не только широко представлен в конструкциях типа **baran-ъj-E męs-o**, **ov-ъč-ъj-E męs-o**, **korv-**

j-E mɛs-o, но и имеет различные словообразовательные варианты, возникшие на его основе. Это прежде всего суффиксы =ɛt-j- и =ɛd-, отмечаемые в таких образованиях, как: tel-ɛt-j-E mɛs-o, svin-ɛt-j-E mɛs-o, porɣs-ɛt-j-E mɛs-o и gov-ɛd-j-E mɛs-o. На базе суф. =ɤj- возникли суффиксы =ov-j- (svin-Ov-j-E mɛs-o), =ov-ič-ɤj- (jal-ov-ič-ɤj-E mɛs-o), имеющие ограниченное распространение.

К числу достаточно регулярно используемых суффиксов в этой группе имен следует отнести и суф. =ɤsk- (kɔrv-ɤsk-O mɛs-o, skot-ɤsk-O mɛs-o).

Среди локально ограниченных суффиксов можно отметить суффиксы =ov- и =in- (svin-ov-O mɛs-o, jal-ov-O mɛs-o, svin-in-O mɛs-o, bɔrv-in-O mɛs-o, kɔrv-in-O mɛs-o, byč-in-O mɛs-o, baran-in-O mɛs-o).

Сопоставление ареалов описательных конструкций с посессивными прилагательными (типа kɔrv-j-E, kɔrv-in-O, kɔrv-ɤsk-O) с характером территориального распределения суф. =in-a и =ɛt-in-a позволяет предположить наличие тесной связи многословных и однословных номинаций, а именно зависимости употребления этих суффиксов от суффиксов принадлежности: появление суф. =ɛt-in-a наблюдается, прежде всего там, где широкое распространение имел суффикс посессивности =in-, что было вызвано во многом влиянием языковой системы, стремлением избежать столкновения омонимичных формантов (суф. =in- в субстантивах и адъективах), вследствие чего произошло расширение влево субстантивного суффикса (формируется модель с суф. =ɛt-in-a, о чем свидетельствуют образования типа porɣs-ɛt-in-a, svin-ɛt-in-a, kɔrv-ɛt-in-a, ov-ɤč-ɛt-in-a). Там же, где в качестве суффикса посессивности использовался прежде всего суф. =ɤj-, там каких-либо преград для функционирования суф. =in-a не существовало [Вендина 1995: 137–148].

Таким образом, карта, являясь пространственной проекцией элементов языковой системы диалектов, позволяет исследователю описать формирование диалектных различий в

их исторической перспективе, поскольку фактор пространства всегда неразрывно связан с фактором времени.

Литература

Бородина М. А. Проблемы лингвистической географии. М.—Л., 1966.

Вендина Т. И. Обобщающая карта как объект лингвистического исследования // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 4. *Dialectologia slavica*. Сборник к 85-летию С. Б. Бернштейна. М., 1995.

Вопросник Общеславянского лингвистического атласа. М., 1965.

Общеславянский лингвистический атлас. Вступительный выпуск. Общие принципы. Справочные материалы. М., 1994.

Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 6. «Домашнее хозяйство и приготовление пищи». М., 2007.

Лексика растительного мира в говоре села Краснолипыя Репьёвского района Воронежской области

О. А. Слюсарева

Исследование лексики растительного мира говора села Краснолипыя входит в работу по составлению монографического описания данного говора. Указанная лексика тесно связана с условиями местности и с образом жизни людей и поэтому наиболее подвержена влиянию экстралингвистических факторов.

Ключевые слова: диалект (говор), монографическое описание говора, лексика растительного мира

На протяжении нескольких лет мы ведем исследование говора села Краснолипыя Репьёвского района Воронежской области. Цель нашего исследования — составить монографическое описание данного диалекта, в рамках которого предполагается и изучение лексического уровня. Диалектный материал собирался нами в том числе и по Программе собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров в ходе двух экспедиций в указанное село в 2004 и в 2012 годах.

Следует отметить, что наличие или отсутствие тех или иных лексем в тематической группе «Растительный мир» тесно связано с природными условиями местности, с образом жизни жителей села.

В материалах краеведческого музея села Краснолипыя указано следующее: «Вокруг села росли большие леса (...) Местность была болотистая, было много прудов (...) Большая часть жителей села занималась земледелием» [Материалы краеведческого музея]. Нельзя не отметить и тот

факт, что само название села содержит лексику данной тематической группы. В настоящее время существует две версии его происхождения. По мнению В. А. Прохорова, слова *красный(-ое)* и *липы* следует рассматривать отдельно и трактовать, исходя из устаревшего значения слова *красный* — ‘красивый’: «Название происходит от того, что основателям села нравилось место, на котором они когда-то построились (...) Низина называлась Красный Лог, то есть красивый лог. Потому и село в старину называлось Красное. В логу росли душистые липы. Это породило и второе название села, которое, начиная с прошлого века, закрепилось окончательно: *Краснолипье*» (Прохоров 1973: 141).

В материалах краеведческого музея мы находим другое объяснение: «Вокруг села росли большие леса, в которых были красные липы (они употреблялись для постройки кораблей). Из сочетания слов «красные» и «липы» и возникло название нашего села» [Материалы краеведческого музея]. Один из информантов Рахманин Н. И.¹ пояснил, что *красные* липы, потому что у молодых лип, которые произрастают в данной местности, кора красного цвета. Когда им 5–6 лет, кора темнеет и теряет этот цвет. Увидеть это можно, например, при вырубке леса. И лес называется Красное потому, что там растут красные липы. При этом он отметил, что слово *липаги* в данной местности не употребляется. В настоящее время сложно определить этимологию названия данного села. По нашему мнению, обе точки зрения имеют право на существование.

Лексику исследуемой тематической группы мы будем рассматривать в соответствии с Программой собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. Итак, при сборе материала для ЛАРНГ были выявлены следующие лексемы:

лес ‘общее название леса’ у *лясу многа диревъиф*.

---

¹Рахманин Николай Иванович, 1937 года рождения, строитель, прораб. Запись произведена в 2012 году.

дубрѳвник // *дубрѳва* ‘лиственный лес’ *асѳна растѳ / дубрѳвник тѳта* // *шумѳть дубрѳва*. В данной местности, по словам жителей, в лиственных лесах преобладал дуб. Можно предположить, что в связи с этим и используются данные номинации лиственного смешанного леса. В СРНГ даются оба варианта: «1. Густой лиственный лес; дубрава { . . . } Север Ср. Урала» (СРНГ 8: 241).

смѳшанный лѳс // *разналѳсьѳ* ‘смешанный лес’ *а лѳс у нас смѳшанный* // *а у них тѳма разналѳсьѳ*.

молѳдняк ‘молодая поросль деревьев одной породы’ *а за ним маладняк рос*.

ивняк // *лазѳ* ‘заросли ивы (множество растущих деревьев)’ *лазѳ / кустѳ ват ѳти вѳта ивняка*.

елѳшник ‘еловый лес’ *тѳм у елѳшники нашлѳ*.

редкодѳб ‘редкий лес’ *ну / тѳма / реткадѳп*.

густѳтѳ ‘густой лес’ *и тѳма усѳ / густѳтѳ*.

зарѳстѳль ‘густые заросли кустарника’ *и нашлѳ маладѳш и у зарѳстѳль*.

трузѳба ‘дремучий лес’ *мнѳуа казѳль² у трузѳби*.

страѳвѳй лѳс ‘здоровый, высокий лес’ *у нас лѳс страѳвѳй*.

валѳжник ‘мелкий низкорастущий кустарник’ (—).

кѳндавѳй лѳс ‘древний лес (не посаженный, не новый, с высококачественным деревом как строительным материалом)’ *кѳндавѳй / вѳчный там / с пакѳн векоѳ он там*. В СРНГ указано значение: «1. С прочной, плотной древесиной; крупный, могучий, высококачественный (о лесе, дереве преимущественно как о строительном материале)» (СРНГ 14: 247). По-нашему мнению, крупный, могучий лес предполагает его многолетний рост, и, следовательно, можно говорить, что этот лес очень старый, древний, «вечный там».

толокѳльник ‘молодой лес из деревьев разных пород’ *хадѳли у талакѳльнику рулѳли*.

² *козѳля* «2. змея, гадюка» (СРНГ 14: 80).

бор 'большой, обширный лесной массив' у сырём бару́
вёлки воютъ.

роща 'небольшой лесок' у рощу хадíла.

лес на мочажьíне 'лес, растущий на болоте, «полубо-
лотный»' палубалóтный / лес на мачажьíни. СРНГ: **Моча-
жина** 'низкое, сырое место' (СРНГ 18: 314–315). Информант
объясняет значение этого слова как 'мокрое место, неболь-
шое болотце'. Древесина, получаемая из леса, растущего на
мочажине, плохого качества: быстро растёт и гниет быстро,
недолговечная.

яру́жэжньí лес 'лес, растущий в логу' яру́жэжньí
лес / карявьíй. **Яруга** «2. Лог, покрытый лесом. Ворон.,
Павл.» (Доп. Опыт: 40). Строительный материал из тако-
го леса (дуба) очень прочный (*чилавеческий век он пражы-
вает*). Выражения **дуб из яружэжнего леса** и **дуб из
леса на мочажине** (в качестве строительного материала)
вступают в антонимическую связь по признаку 'качество':
'хороший' — 'плохой' соответственно.

бурелóм 'поваленный бурей лес' а б́уря падналáся / и
бурилóм.

бурелóмник 'сломанное бурей дерево' и прýма íдчи / а
бурылóмнику.

пересýшь // **сухоствóльное дéрево** 'сухое дерево' и
перясýш тамá разуарéлася // засóхшае дéрива / сухаствóль-
нае.

дрязг 'хворост' а как затéпляя / дрязуу набирём.

подсéки 'срубленный лес' ну / патсéки.

брявн́ина 'срубленный очищенный ствол дерева' дóм нá-
да стрóить / да брявн́ины та нёт.

древесíна 'древесина' у дривесíни ани́ вадíлися.

берёза 'берёза' растёт у нас бирёза.

вёрба 'верба' а ёта / вёрба.

лаз́ина 'ива' там / унизу́ лаз́инъ растётъ.

алéшня 'орешник' у лясú мно́уа алéшни.

ас́ина 'осина' растёт ас́ина.

рябіна ‘рябина’ *рябіна ёсть.*

сосна́ ‘сосна’ *сбсен у нас ма́ла.*

ёлка ‘ель’ *ёли у рипьёуки расту́ть.*

сербяры́на ‘шиповник’ *сирбяры́на расту́ть.* В Опыте дано слово **сербалина** «шиповник. Ворон. Верхотиш.» (Опыт: 202).

вы́шня ‘дерево вишня и его плод’ *вы́шни вѣтки забáри-вали // из вы́шни вары́ли канпóт.*

деревы́на ‘отдельное дерево’ *расту́ть дивевы́на / жáлка ламáть.*

сучковáтое ‘дерево с большими боковыми ветвями’ *вóт у сучковáтау дѣрива.*

макúшка ‘верхушка дерева’ *на макúшки сидя́ть.*

вѣтка ‘ветвь дерева’ *у лы́пы вѣтак мно́уа.*

кыты́шки ‘серёжки на дереве’ *кыты́шки рвáли / талкл’и / ёли.* В СРНГ: «2. Соцветия, серёжки цветущих верб, ив, орешника. Бобр. Ворон. 1907, Дубен. Тул.» (СРНГ 16: 207).

шы́шка ‘шишка хвойного дерева’ *шы́шки сабирáли / зда-вáли.*

жѣлудь ‘жёлудь’ *жѣлудя сабирáли / хтó па скóлькя.*

я́года ‘общее название ягоды’ *у лѣс за я́гадай хадíли.*

я́года // **земляни́ка** ‘земляника’ *на луу́ я́гада расту́ть.*

ажавы́ка ‘ежевика’ *у лесу́ ажавы́ка расту́ть.*

мали́на ‘малина’ *мали́ны ранъша у лясу́ мно́уа бы́ла.*

зверобóйник ‘зверобой’ *звиробóйникам лячíлися.*

клѣвер ‘клевер’ *за клѣвирам хадíли.*

чѣбар ‘чабрец’ *чѣбар сабирáли.*

каналы́ ‘конопля’ *каналы́ ранъшэ сэя́ли / типѣрь запри-щáютъ.*

кастры́ка ‘крапива’ *у уарóди кастры́ки мно́уа.* Ср. в СРНГ: **Кастрик** «крапива. Новосибир.» (СРНГ 13: 117).

дуванчик ‘одуванчик’ *улядú / а жѣтѣ дувáн’чик.*

дорóжник ‘подорожник’ *ранку дарóжникам лѣчат.*

белоголѳвник // *ромáшечка* ‘ромашка’ *белаялѳуника*
у нас на дварѳ мнѳа // а эта вот ромáшечка цвитѳ.

щáвель кѳнский ‘щавель (дикорастущий)’ у вайнѳ
щáвель кѳнский *искáл’и*.

гѳбы ‘грибы на дереве’ на дирѳвьях растѳть *гѳбы*.

белогрѳб ‘белый гриб’ б’елаурѳн саб’ирáли у лясѳ.

лисѳчка ‘лисичка’ за лисѳчкями у лѳс хадѳли.

говорѳшка ‘опѳенок’ и *уаварѳшки сабирáли*. Ср. в Опыте:
говорушки «опѳенки, крапивники. Кур., Пенз.» (Опыт: 38).

подберѳзовик ‘подберѳзовик’ *падбирѳзавики* растѳть
пад бирѳзами.

подосѳиновик ‘подосиновик’ *пѳдасѳиनावики* ѳсть / саби-
рáим *ѳх*.

рѳжжик ‘рыжик’ *рѳжжыкаф* у нас пачтѳ нѳт.

свинѳха ‘свиношкa’ мнѳа свинѳх у лясѳ.

сыроѳжка ‘сыроежка’ *сыраѳшки* растѳть / идѳ сыра.

В данной тематической группе представлена лексика, об-
щая с лексикой литературного языка (*лѳс, дубрáва, рѳ-
ща, берѳза, соснá, рябѳна, осѳна, лисѳчка, рѳжжик, бѳр,
подосѳиновик* и др.), и диалектные слова следующих групп:

1. Собственно лексические диалектизмы: *сербярѳна,
кытѳѳшки, толокѳльник*.

2. Лексико-словообразовательные диалектизмы: *бело-
грѳб, дувáнчик, дорѳжжик, зверѳбѳйник, свинѳха*.

3. Фонематические: *ажавѳка, вѳшнѳя*.

4. Семантические: *кастрѳка* (*крапѳва* — диал.). Ср.
кострѳка «то же, что *костра* — жесткая часть стебля во-
локнистых растений (льна, конопли и т. п.), раздробляемая
и отделяемая от волокна при трепании, чесании и т. п.»³.

Следует отметить, что в данной тематической группе
утрачивается дифференциация в номинации каких-либо при-
знаков слов растительного мира. Кроме того, большинство из

³Современный онлайн словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой. URL:
http://slovononline.ru/slovar_efremova/b-11/id-38066/kostra.html

выявленных слов совпадают со словами литературного языка (более 50%).

Мы считаем, что есть несколько причин указанного процесса. Во-первых, это влияние литературного языка на говор. Во-вторых, что более существенно для лексики данной тематической группы, это изменения условий жизни носителей диалекта. Жители села вспоминают, что раньше лес был большой: орехи мешками вывозили. Когда ушли немцы, лес весь «*павы́рубили*», потому что надо было отапливать дома. Потом провели газ. Всеобщая газификация села привела к тому, что не было необходимости ходить в лес за дровами, чтобы обеспечить себя теплом и возможностью приготовить пищу. Леса стали трудно проходимы (*тяпéрь у лес ни зайдёш / нёту прасвёта // туды тяпéрь не хóдим / тямно́ фся́удá*). В лес за ягодами жители села тоже не ходят, потому что коров мало, траву не выкашивают, а в высокой траве нет ягод. Нет необходимости дифференцировать различные признаки дерева, потому что сейчас его мало используют для строительства или для отопления жилища. Для номинации лесов используют топонимические названия — по месту нахождения леса (лес *Высо́кое, Кра́сное, Га́личье, Рё́нное*) или «по принадлежности какому-либо лицу, подворью или государству» (*Казáкова* и *Аста́хова ро́щи, Казённый лес*) и др. [Гончарова 2006: 30–31]. О том, что происходит утрата лексических единиц данной тематической группы, свидетельствует следующий пример. Во время одной из бесед с жителями села нами был записан микротопоним *Осин колок*. Так называется лог недалеко от села. Жители не могли объяснить этимологию этого наименования. Более того, они не могли выделить в нём отдельные лексемы: *осин колок* или *осинка лок*. Но в диалекте в соответствии с фонетическими особенностями слово *лог* звучит как [лоу], поэтому второй вариант менее вероятен. Жители отмечали, что этот лог «чистый»: там растёт немного деревьев, в том числе и осины. В словаре В. И. Даля среди значений слова *колок*

представлено следующее: «отдельная рощица, лесок или лесной остров» (Даль 2: 354). В СРНГ также находим слово **колок** — «1. Роща, лесок в поле, степи; островок крупного леса среди мелколесья, болота и т. д.» (СРНГ 14: 162). В свободном словосочетании в говоре данное слово не встречается. Таким образом, словом **колок** перестали называть любой подобный лес, т. е. значение данной лексемы утратило связь с классом однородных предметов. Оно перешло, на наш взгляд, из разряда нарицательных имён существительных в разряд имён собственных, став наименованием конкретным, единичным, войдя в состав несвободного словосочетания. Это позволяет анализировать его как микротопоним.

Таким образом, говор села Краснолипыя, «сохраняя свои особенности на всех языковых уровнях и имея достаточно глубокие различия по сравнению с литературным языком» [Черенкова 2006], утрачивает данные особенности в области лексики данной тематической группы в силу реалий современного мира.

Литература

Гончарова Ю. В. Имена растительных сообществ села Краснолипыя Репьёвского района Воронежской области // Тезисы докладов студенческой научной конференции по итогам работы за 2005 год. Воронеж: ВГПУ, 2006. С. 29–31.

Материалы краеведческого музея села Краснолипыя Репьёвского района Воронежской области.

Черенкова А. Д. Лексика говора села Краснолипыя Репьёвского района Воронежской области (на материале тематической группы «Человек») // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2006. СПб.: Наука, 2006. С. 179–189.

О *шабале*, *шабалке* и других словах (по вятским материалам Д. К. Зеленина)

З. В. Сметанина

В статье анализируется судьба отдельных лексем и обозначающих их реалий, зафиксированных в трудах Д. К. Зеленина, в соотношении с информацией в «Областном словаре вятских говоров».

Ключевые слова: вятские говоры, диалектная лексикография, лексико-семантические группы

Цель данной статьи — представить часть лексического материала из трудов Д. К. Зеленина в соотношении со структурой словарных статей «Областного словаря вятских говоров» (ОСВГ) и его картотеки, для того чтобы проследить судьбу отдельных лексем и обозначаемых ими реалий в говорах.

Вятский период научной деятельности Д. К. Зеленина подробно освещён и проанализирован Е. П. Лупповой в сборнике «Проблемы славянской этнографии (к 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д. К. Зеленина) [Луппова 1979], высокую оценку диалектологическим работам дали Н. И. Толстой и С. М. Толстая в этом же сборнике в статье «Д. К. Зеленин-диалектолог» [Толстой, Толстая 1979].

Принципы сбора и представления диалектного лексического материала были заложены Д. К. Зелениным уже в студенческие годы: он был сторонником единого этнолингвистического подхода к диалектной лексике, поскольку она отражает материальную и духовную культуру народа. В современной диалектной лексикографии отсутствие этого подхода компенсируется выпусками специальных этнолингвистических словарей (см., напр.: (ЭССТСП; Черных 2009)).

Обратимся к «Докладной записке о подготовке материалов для толкового словаря непонятных слов, встречающихся в древних актах Вятской губернии, и об источниках для этой работы», в которой Д. К. Зеленин изложил мысли о важности использования диалектных словарей при чтении исторических текстов и составлении исторических словарей. Отметив одну из грубых ошибок (замену в рукописи слова *отóрища* на *урóчища*), допущенных вятским историком А. С. Верещагиным при издании «Жалованной правой грамоты 1693 г.», Зеленин пишет: «Между тем едва ли не каждый нолинский мужичок знает, что *отáрами* («отар нарубить») зовутся колья с необрубленными сучками, а в дальнейшем также и мелкий лес, пригодный на такие колья; *отáрицем*, значит, будет такое место, где был такой мелкий лесок» [Зеленин 1912: 74]. Собранные воедино сведения о слове *отáра* показывают, что развитие значения этого слова шло по линии метонимии: в Уржумском, Малмыжском, Вятскополянском районах оно употребляется во множественном числе в значении ‘пристройка из жердей, загон для скота’ (*Загоны корову в отары; Летом скот находится в отарах даже ночью*), в единственном числе — ‘хлев и дом со всеми пристройками’.

Благодаря Зеленину будет составлена более точная словарная статья в последующих выпусках ОСВГ к слову *шабалá* и даст материал для учёных, которые занимаются этимологией. В «Расходной книге И. Репина 1676–1677 гг.» есть запись: «Берёзовского стана у Исака Дружинина купил три шабалы на воеводцкой двор, дано две деньги» [Расходная книга... 1905: 49]. Зеленин пишет: «А. Верещагин приводит для объяснения цитату из статьи С. В. Максимова о том, как делают деревянные ложки: «шабалой называют при этом осиновую плаху, которую потом колют на «баклуши» для ложек» («Труды», 1905, № 5–6, с. 49). Но для чего же были нужны такие шабалы для ложек на «воеводцкой двор»? Кто здесь делал ложки, когда корыта, ушаты, «окончины», упо-

ловники и все подобные вещи покупались за деньги? Да и для ложечных шабал была бы дорога по тому времени цена: две деньги за три шабалы. Из говоров мы знаем, что шабалою называют, между прочим, особый вид поварёнки (шумовки, уполовника), с отверстиями в лодочке или же плетёной (вроде камышевки)» [Зеленин 1912: 78]. Какие материалы к данной лексеме содержит картотека ОСВГ? Во-первых, слово *шабала* фиксируется только в Шабалинском (!) и граничащем с ним Свечинском районах в значениях ‘деревянная чашка’ (*Целую шабалу квасу выпила*) и ‘чашка для валяния хлебов перед выпечкой’. В других районах Кировской области были иные приспособления для придания формы тесту: в так называемых кайских говорах (Афанасьевский и Верхнекамский районы) распространена *валюшка* (*валентайка*, *валютюшка*) — ‘плоское приспособление из дерева, по форме напоминающее теннисную ракетку’, в группе котельничско-вятских говоров (Слободской, Куменский, Кирово-чепецкий и др. районы) для этой цели использовались *кореники* (*корешатки*, *кореноватки*, *корновайки*, *коренюшки*) — ‘чашки, сплетённые из корней дерева’, *чаруши* — в Зуевском районе. В значении же ‘половник’ употребляется слово *шабалка* в Вятскополянском, Зуевском, Кумёнском, Малмыжском, Уржумском районах.

Во-вторых, слово *шабала* употребляется в переносном значении для характеристики «пустоголового человека». В № 49 «Вятских губернских ведомостей» за 1877 г. отмечается значение ‘человек, говорящий вздор’. Поскольку Шабалинский район Кировской области граничит с Костромским, можно учесть материалы статьи С. В. Максимова и предположить, что первоначально словом *шабала* называли деревянную плаху, из которой и изготовлялась та или иная кухонная утварь (ложки, половники, чашки), а позднее стали называть и сами изделия. У Даля в толковании указывается «всякая щепенная посуда». Представляется не случайным и название поселка Шабалино в Шабалинском районе, где по-

прежнему есть производство изделий из дерева (в деревне Шохорда).

В-третьих, по материалам словаря В. И. Даля и картотеки ОСВГ, *шабала* — это и ‘сошной отвал, полица’. В картотеке ОСВГ большое количество карточек это значение передают словом *шабалка*. Приделанная к русской сохе, которая только прочерчивала землю, но не переворачивала её (на подсеках это и не было нужно, так губился бы плодородный слой), *полица (шабалка)* откидывала пропаханный пласт земли в сторону. Являются ли эти слова одного происхождения, сказать трудно. Нельзя отрицать сходство операций при изготовлении посуды и полицы из деревянной плахи, не случайно у Даля употреблено слово «щепенная». Очевидно, некое сходство функций лежит в основе номинации действий при точении косы — *шабалить* (*Ты коси, а шабалить-то я буду*. Пижанский район), тем более для передачи значения ‘тяжело и напряжённо работать’ (Кумёнский район). Слово *шабала* в значении ‘отвал у сохи’ есть в словаре удмуртского языка. Но Д. К. Зеленин в работе «Русская соха...» опровергает гипотезу о «заимствовании от финнов каких-либо земледельческих орудий». Он утверждает, что «у эстов нет своего, туземного названия для сохи, а одно русское *Sahk*, другое — шведское (*Ader*)» [Зеленин 1908: 110]. Фасмер же предполагает заимствование слова *шабала* из чувашского языка (Фасмер 4: 391).

Жаль, что до наших дней не сохранилась рукопись этимологического словаря, созданного Д. К. Зелениным. Мы можем извлекать лишь отдельные крупницы из различных трудов ученого. Так, например, к слову *арáк* в значении ‘вино, водка’ он пишет: «Черемисское слово, но употребляется русскими». В настоящее время слово вышло из активного употребления. Относительно слова *перепéчи* ‘пресные шанежки с рубленным мясом вместо творога’ Д. К. Зеленин замечает: «Кушанье это заимствовано русскими у вотяков, у которых носит теперь то же название» [Зеленин 1902].

Этимологию большого вариантного ряда одного из терминов свадебного обряда *пропивки*, *пропíвышки*, *пропíв*, *пропóй*, *пропивáнье* ‘смотрины, сговор’ мы находим в монографии Д. К. Зеленина «Восточнославянская этнография» [Зеленин 1991: 334]. Ученый предполагает, что *пропой* является однокоренным с *петь* (а не с *пить*), современное же толкование связывает термин не с пением, а питием вина. Иллюстрации к термину в ОСВГ подтверждают это, поскольку в них нет сведений о том, чтобы во время сговора пели: *Как свальбы заводят, ходят сватаюцца. Сватья ходила, сватала. Нахвалит невесту, жениха. Пропивки делают, невесту пропьют. Потом ходит жених к невесте с гостинчам. Наберёт преников, орехов, конфетов. Колды долго дело затенёцца, дак сколь раз придёт* [Долгушев 2009: 183]. *Свальба была, венчелися, пиво варили. Свата к невесте пошлют, сосватают. Жених приедёт, невесту ему кажут. У татар ведь не показывали. Потом пропивки сделают, в поезду-ту к венчу поедут* [Долгушев 2009: 189]. Мотив питья присутствует и в наименованиях второго, третьего дня свадьбы, послесвадебных празднеств: *перепíвки*, *перепóи*, *перепóйки*, *перегóчение*.

Большое внимание уделял в своих записях Д. К. Зеленин наименованиям праздников и обрядов, блюд, которые готовились на свадьбы, поминки и другие ритуальные действия. Но именно эта группа слов и словосочетаний имеет узкий ареал и не подтверждается современными фиксациями: *канѹн* ‘нехмельное пиво, которое приносят в Ильин день в церковь для освящения’, *братчáники* ‘их двое или трое; они собирают на мольбу хлеб, варят из собранного пиво, а остатки прикладывают в церковную казну’, *каравáец* ‘род свадебного пирога своеобразной формы, готовится так: скут сочень, наложат на него мяса с луком или с крупой и загибают — собирают переборочками кверху, а вверху кладут маленький сочешок’, *подавáй* ‘пиво, которым в день свадьбы угощают публику, собравшуюся у церковной ограды

или в одной из церковных сторожек', *күричъя братчина* 'особый обед по обещанию'.

Из традиционной народной культуры прошлого века сохраняются те праздники и обряды, которые связаны с православием, например, *Паска, Рождество, Звизенье, Радольница*. Д. К. Зеленин записывает выражение «пригородных вятских крестьян» *девичий праздник* из короткой информации в «Приложении к газете «Вятские губернские ведомости» № 73 за 1902 год: «В девятое воскресенье (от Пятидесятницы), когда вокруг города ходит крестный ход, — ныне бывшее 6 июня, — состоялся «девичий праздник», по выражению пригородных вятских крестьян, в который, по обычаю, происходит ярмарка невест. Девицы, чтобы показать себя и свои наряды, одеваются в самые лучшие одежды и ходят по городу». Традиция этого крестного хода возникла давно. В «Повести о стране Вятской» (ок. 1703–1706 гг.) сказано следующее: «По совету священнослужителей, просивших начальствующих городом установить общий праздник ради всенародного почитания сего образа, те повелели глашатаям в течение многих дней объявлять на торгу всем людям, чтобы все христиане постились первую неделю Петрова поста, начиная от праздника Всех Святых, и в пятый день, то есть в девятую пятницу по Святой Пасхе, совершали в городе Хлынове празднование святителю Николаю чудотворцу и с чудотворным его Великорецким образом, с постом и молитвой обходили вокруг всего города Хлынова, прославляя происходящие от него чудеса. Чтобы всему христианскому народу тот чудотворный образ был видим, и все люди знали, что этот праздник установлен в память явления сего чудотворного образа».

К сожалению, многие крестные ходы и церковные празднования с местными традициями, сопровождающими их, например, описание котельничского праздника «Все святые» в труде Д. К. Зеленина «Кама и Вятка. Путеводитель и эт-

нографическое описание Прикамского края» [Зеленин 1904: 152–154], были забыты.

Таким образом, анализ лексического материала в разных словарях, разделённых целой эпохой, позволяет проследить тенденции в развитии диалектного языка и пронаблюдать изменения в этнографии края.

Литература

Долгушев В. Г. Хрестоматия вятских говоров. Лексика. Тексты. Контрольные задания для студентов: пособие для практических занятий по курсу русская диалектология. Киров, 2009.

Зеленин Д. К. Отчет о поездке в Яранский у. (Вятской губернии) для изучения народного говора. Юрьев, 1902.

Зеленин Д. К. Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию // Сб. ОРЯС Рос. АН. Т. 76. № 2. С. 1–179.

Зеленин Д. М. Кама и Вятка. Путеводитель и этнографическое описание Прикамского края с 7 иллюстрациями. Юрьев, 1904. С. 152–154.

Зеленин Д. К. Русская соха, история и её виды. Очерки из истории русской земледельческой культуры (с приложением 23 чертежей сохи) // Памятная книга Вятской губернии и календарь на 1908 г. Издание губернского статистического комитета. Вятка, 1908.

Зеленин Д. К. Докладная записка о подготовке материалов для толкового словаря непонятных слов, встречающихся в древних актах Вятской губернии, и об источниках для этой работы // Труды Вятской учёной архивной комиссии. 1912. Вып. 3.

Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. 511 с.

Луппова Е. П. Изучение Д. К. Зелениным Вятского края // Проблемы славянской этнографии (к 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д. К. Зеленина). Л.: Наука, 1979. С. 83–103.

Расходная книга И. Репина 1676–1677 гг. // Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1905. № 5–6.

Толстой Н. И., Толстая С. М. Д. К. Зеленин-диалектолог // Проблемы славянской этнографии (к 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д. К. Зеленина). Л.: Наука, 1979. С. 70–83.

Диалектные названия обуви в нижегородских говорах

И. В. Толкачева

Наименования обуви являются неотъемлемой частью диалектной языковой картины мира. В данной статье применяется как наиболее эффективная для исследования и описания классификация обуви с точки зрения материала производства.

Ключевые слова: обувь, тематическая группа, лексическая классификация

Наименования одежды и обуви являются неотъемлемой частью языковой картины мира. Обращение к данной лексике актуально потому, что в настоящее время значительное количество диалектных лексем из исследуемой группы уже не является принадлежностью активного словаря диалектоносителей, функционирует только при описании старого быта, уходит на периферию лексической системы. Отдельные же наименования обуви утрачиваются в силу ряда причин как лингвистического, так и экстралингвистического характера. Одежда и обувь являются тем не менее устойчивыми элементами материальной культуры народа, одним из главных признаков этнических особенностей, отражают связи и взаимоотношения русского народа с соседними этносами, однако чаще всего испытывают изменения под влиянием моды. Этим объясняется тот факт, что наименования, в частности, обуви представляют собой большой, сложный и пока ещё недостаточно изученный пласт лексической системы русских народных говоров.

Традиционно на Руси существовало две основных разновидности обуви: плетёная и кожаная. Однако в конце XIX века получает широкое распространение и валяная обувь.

Именно материал, используемый при изготовлении обуви, и является основополагающим признаком при классификации лексических номинаций обуви, принятой нами, в нижегородских говорах. По данным картотеки «Диалектного словаря Нижегородской области» (ДСНО), тематическая группа «Обувь» в нижегородских говорах представлена 65 диалектными лексемами, обозначающими как родо-видовые наименования обуви, так и оценочные номинации, отражающие способ ношения, новизну/ветхость предмета, аккуратность выполнения изделия и пр.

1. Родовое наименование обуви представлено лексико-словообразовательными и грамматическими вариантами с общерусскими приставкой *об-* и корнем *-у-*: *обуви* (*всё лето босиком бьли, никак их обувей не было* Бор., Павл.), *объечка* (Варн.), *обуй* (*раньше один обуй, больше ничево нет, и берегёшь всю жизнь* Шахун.), *обуя* (Ветл.), *обуйка* (*обуйка была лапти с онуцами, а в зиму катанки да не у фсех* Варн., Шахун., Воскр., Ветл., Кр.-Бак., Урен., Б.-Болд., Сем.), *обутка* (*а я уши разделась и обутку убрала уши* Тонк., Воскр., Тонш., Ветл., Шахун., Гор.), *обутки* (*на гулянку в лаптях шли, а там переодевали обутки* Ков., Тонк., Тонш.). Вариации данной производящей основы *обу-* широко представлены и в СРНГ (также и в географическом отношении) (СРНГ 22), среди которых отмечаются и некоторые из перечисленных нижегородских лексем (иногда с указанием на их употребление на территории современной Нижегородской области): *обуйка* (Ветл. Костр.), *обутка* (Горьк.); у лексемы *обутки* нет указания на нижегородские говоры, однако пометы, указывающие на сопредельные территории, говорят о возможности ее проявления (что и отмечаем в картотеке ДСНО). Кроме того, в нижегородских говорах широко функционирует и диалектно-просторечная лексема обувка (БАС при ней дает помету «просторечное»): *обуека* (Шар., Поч., Сем., Лыск., Воскр., Нав., Спас., Бор., Урен., Чкал., Б.-Болд., Богор., Ворот., Див., Серг., Ков., Павл., Волод.,

Д.-Конст., Лук., Шатк., Тонк.). Названий обуви, образованных от собственно диалектных корней, не зафиксировано.

2. Плетеная обувь. Лапти — основная обувь сельского населения вплоть до середины XIX века. Этим обуславливается богатство лексики. Теперь данная реалья практически исчезла, но наименования лаптей по-прежнему встречаются в речи пожилых жителей деревни. Наверное, самое полное и детальное лексикографическое описание лаптей находим в словаре В. И. Даля: «короткая плетеная обувь на ножную лапу, по щиколотки, из лык (лычники), мочалы (мочалыжники, плоше), реже из коры ракиты, ивы (верзки, ивняки), тала (шелюжники), вяза (вязовики), березы (берестянки), дуба (дубовики), из тонких корней (коренники), из драни молодого дуба (дубачи, чрнг.), из пеньковых оческов, разбитых ветхих веревок (курпы, крутцы, чуна, шептуны), из конских грив и хвостов (волосьянки), наконец из соломы (соломенники, кур.). Лычный лапоть плетется в 5–12 строк, пучков, на колодке, кочедыком, коточиком (железный крючок, свайка), и состоит из плетня (подошвы), головы, головашек (переду), ушника, обешника (каймы с боков) и запятника; но плохие лапти, в простоплетку, без обушника, и непрочны; обушник или кайма сходится концами на запятнике, и связываясь, образует оборник, род петли, в которую продеваются оборы. Поперечные лыка, загибаемые на обушнике, называются курцами; в плетне обычно десять курцев. Иногда лапоть еще подковыривают, проходят по плетню лыком же или паклею; а писаные лапти украшаются узорною подковыркою. Лапти обуваются на портяные и шерстяные подвертки и подвязываются сборами в переплет накрест до колена; лапти без обора для дома и двора, плетутся повыше обычного и зовутся: кашцы, какаты, калти, бахилки, коверзны, чуйки, постолыки, шептуны, бахоры, ступни, босовики, топыги и пр.» (Даль 2: 308).

В качестве родового названия в нижегородских говорах, как правило, используется литературное слово *лапти*

— «плетенная из лыка обувь, охватывающая ступню ноги» (БАС 6: 63). В нижегородских говорах нельзя точно определить все ареалы бытования данной лексемы, потому что, во-первых, картотека ДСНО не отражает литературной и общерусской лексики, а во-вторых, исследование районов области по фрагменту программы ЛАРНГ «Одежда, обувь» проводилось неравномерно.

С тем же значением используются диалектные словообразовательные варианты: *ла́потки* (Сем., Кр.-Бак., Арз.), причём в Семёновском районе в ед. ч. употребляется и форма ж. р. *ла́потка* (*мы трéбуемся в ла́потке нас положíть*), *лапоткí* (Гор., Гаг., Богор.), *лапотóнцы* (*учíться вон в лапотóнцах ходíли* Тонк.), *лапотóчки* (*ходíли в ботíнках, аль зимóй в лапатóчках* Кст.), *лапотóшники* (*лапотóшников нет уж давнó* Гор.), *лапоты́* (*В лапотáх-ти ря́жены-ти ходíли* Лыск.), *лаптёшки* (*и ма́леньки-то ребя́тíшки в лаптё́шках бéгали* Ветл.).

Очевидной особенностью диалектных наименований с корнем *лап-* является десемантизация суффиксов, которые в литературном языке придают, как правило, уменьшительно-ласкательное значение производному слову, однако в говорах ласкательность в значительной степени стирается, хотя оценочный семантический компонент, на наш взгляд, сохраняется.

В анализируемом материале представлены и видовые наименования лаптей в нижегородских диалектах:

а) номинации по способу ношения, без завязок (обор): *босовикí* (Шар.), *стóпни* (Гор.), *стýпни* (Сем., Богор., Перв.), *стрýпни* (Сем.) *чúни* (Тонш., Волод.).

б) номинации по материалу, из которого сделаны лапти: *лотóшки*, *лутóшечки*, *лутóшки* (Урен.). В данном случае имеет место прямой перенос названия с материала на изделие, поскольку данные лексемы более широко представлены в говорах в значениях 'тонкие веточки липы, с которых снята кора' и 'липовое мочало', причем подчеркивается на-

значение данных материалов — для плетения лаптей (ср. *лутуха*, *лутюшка* — «липка, с которой снята кора, содрано лыко; она сохнет и вся чернеет» (Даль 2: 358) и «ободранная липа, липовая палка» (СРНГ 17: 206)). Из иллюстраций к данным лексемам в картотеке ДСНО также устанавливается метонимическая связь между названием материала и изделия: *а лотбшки, молодые сучки липы рубили и обдирали, плели лапти // они такие лутбшечки не толстые, лычки мягонькие, оно не ломатся*. К своеобразному виду лаптей, думается, можно отнести и *чўни* ‘обувь в виде тапочек, плетеная из лыка или бересты’: *были берестеныйе галоши — чўни. Ну, лапти привязывались верёфкам: просовываюца они крес-накрёс, по шшыколотку завязывались. А чўни — без завязок, как бы резиновы галоши тьяперя* (Тонш., Ворот., Волод., Гор.).

в) номинации старых, поношенных лаптей: *осмётки* (Перв., Б.-Болд., Лук.), *ошмётки* (Ветл., Варн., Сем., Шахун., Тонк., Ков.), *ошемётки* (Вач., Шар.), *отопки* (Тонш., Шар., Тонк.), *истопки* (Павл., Лук.). Лексемы *осмётки* и *ошмётки* в традиционной лексикографии литературного языка долгое время рассматривались как просторечные номинации с первичным значением «изношенные лапти; остатки лаптей» (БАС 8). Однако в настоящее время, думается, это значение маркирует уже собственно диалектные лексемы, уходит из нетерриториально ограниченного (просторечного) употребления, на что, кстати, указывают и новые толковые словари русского языка, выделяя в качестве основного значения «куски грязи или обрывки, обрезки чего-л.» (БТСРЯ: 772). Стоит отметить, что и диалектные нижегородские материалы не всегда точно могут показать различие в говоре значений у данных лексем: действительно *осмётками* или *ошемётками* называли только изношенные лапти или любую порванную и потерявшую форму обувь тоже: *так лапотки поизносятся, как ошемётки растоптались* (Ветл.); *разве то лапти, то ошемётки* (Варн.).

г) номинации лаптей по способу плетения (по количеству лык): из семи лык *семерикѝ* (Кр.-Бак., Сосн., Шар., Тонк., Поч.); из шести лык *шестерикѝ* (Шахун., Кр.-Бак.); из пяти лык *пятерикѝ* (Кр.-Бак.); из четырёх лык *четверѣни* (Сем.).

Отдельную группу образуют наименования лаптей, сплетенных в одно лыко: *одноцѣнки* (Лук., Б.-Болд., Кр.-Бак., Шахун.), *одноцѣночки* (Тонк.). Их главными семантическими характеристиками в говорах становятся непрочность, недолговечность, быстрота изготовления («на скорую руку»). Часто информанты маркируют обрядовую принадлежность таких лаптей — для покойника.

3. Кожаная обувь. Исследование названий кожаной обуви связано с некоторыми трудностями. В последнее время возникло множество новых разновидностей такой обуви, однако не все новые названия известны жителям деревни. Постепенно облик старинной кожаной обуви стирается из памяти. Картотека ДСНО отражает это явление, поскольку практически нигде не встречается детального описания видов кожаной обуви, сведения информантов часто путаны и противоречивы. Поэтому приведем самое общее описание названий кожаной обуви, зафиксированных в нижегородских говорах.

В качестве родового наименования для обуви с коротким голенищем бытует лексема *башмаки*, а для обуви с высоким голенищем — *сапоги*. Точно сказать о наличии собственно диалектных родовых названий трудно в силу вышеуказанных причин. Так, объяснения диалектоносителей не дают четкого представления о виде обуви: *башмѣкѝ-ти обувѣли тѣлькѣ по прѣзникѣм, кѣжи-ти нѣ было* (Див.); *всѣ бѣльшето в башмакѣх ходѣли* (Воскр.); *когда бѣли девчѣнками, на гулянье ходѣли, наряжѣлись башмаки одеѣли* (Вад.). Для наименования как низкой, так и высокой обуви в говорах используется и лексема *кѣты*: *прѣжде сапогѣ котѣми звѣли; и сейчѣс ботѣнки котѣ зовѣ* (Б.-Болд.); *ѣти кѣты бѣли тѣ-*

же обу́вка (Пильн., Сосн.) и др. Однако чаще данная лексема маркирует вид женской обуви (Б.-Болд., Див., Серг., Поч., Арз., Гаг., Тонш.), причем как теплой (*кóты б́ыли вот таќие вóта, и опу́шкой б́ыли обш́иты* Арз.), так и летней (Поч.).

Видовые наименования короткой и высокой обуви тоже не отличаются точностью в определениях вида, способа ношения, а иногда и материала изготовления. Так, в нижегородских говорах неоднократно зафиксирована лексема *бóты* ‘старинная обувь с кожаной подошвой, застежкой на пуговицах’ (Вад., Гаг., Гор.), однако сложно указать везде ли, например, использовался только конкретный материал, из которого производили эту обувь (кожа, сукно или фетр): *тря́пишны бот́инки бóтами с опу́шкой так зва́ли, сейча́с уж таќее не мо́дны* (Вад.); *на но́г’и бóты ш́ил’и крас’и́вые, из хоро́шего сукна́* (Гор.).

Среди наименований кожаной обуви обращают на себя и лексемы *чóботы* — ‘обувь типа глубоких башмаков или сапог на каблуках’ (Бор., Богор., Волод.) и *баш́илы* — 1. Род высоких кожаных или брезентовых сапог (Арз., Ард., Бор., Вад., Варн., Возн., Выкс., Гаг., Гор., Див., Д.-Конст., Кр.-Окт., Кулеб., Лыск., Нав., Пильн., Поч., Сем., Спас., Тонк., Шар., Шахун.). 2. Сшитые из брезента или кожи широкие чулки до колен; одевались под лапти, чтобы не промокали ноги (Ард., Арз., Бут., Варн., Ветл., Возн., Вор., Воскр., Выкс., Див., Д.-Конст., Княг., Ков., Лыск., Нав., Перев., Сем., Сосн., Тонк., Урен., Шар.). 3. Рабочие сапоги, сшитые из кожи или брезента, надеваемые поверх лаптей (Гаг., Тонш.). 4. Короткие кожаные женские сапоги (Выкс.). 5. Кожаная обувь, сшитая из старых голенищ или кожи швом наружу (Поч.).

Стоит отметить, что оба слова многозначны, а кожа является материалом не для всех видов данной обуви.

Наименования традиционных сапог в говоре сохранились плохо, для сельских жителей кожаные сапоги долгое время были недоступны из-за цены. Однако в середине XX в. сапоги

стали изготавливать из более дешёвых материалов, а также наладилось сообщение между городом и деревней. Вследствие этого в деревне появилось много новых разновидностей сапог, некоторые получили в диалектах особые наименования: *гётры* (Тонк.), *дётры* (Тонк., Лыск.), *жёмми* (Вач.), *дэжёмми* (Тонк., Сосн.) — хромовые сапоги: *в дётрах то́лько по пра́здникам щеголя́ли* (Лыск.); *подна́рустишь эти дэжёмми, чтоб гармо́шка была́* (Тонк.).

4. Валяная обувь. На территорию Руси валенки стали проникать в период Золотой Орды через тюркские и монгольские племена. В России же валенки приобрели широкое распространение лишь в первой половине XIX века, когда их начали изготавливать промышленным способом. До этого они были достаточно дороги и их могли себе позволить довольно зажиточные люди. Усложнение потребностей, рост влияния города на деревню обусловили смену лаптей валяными сапогами, а вместе с тем и широкое развитие валяльно-катально-го производства.

Русские народные говоры знают несколько корней, от которых образуются диалектные наименования валяной обуви. В нижегородских говорах это *вал-*, *кат-* и *чес-*.

Ва́ленки (Сем., Павл., Б.-Мур., Богор., Ард., Шатк., Выкс., Шар., Кст., Урен., Ветл., Сосн.), *ва́ленцы* (Шахун., Шар., Кст., Урен., Ветл., Бор.), *ва́лены* (Шахун., Шар., Кст., Урен., Ветл., Бор.).

Ка́танки (Бор., Спас., Сем., Шахун., Варн., Кр.-Бак., Ветл., Поч., Лыск., Гаг., Ворот., Серг., Перв., Шатк., Нав., Ард., Гор., Выкс., Бор., Тонш., Б.-Болд., Павл.) *каки́ мне но́нце тя́тка ка́танки купи́л* (Ветл.), *ка́таны* (Выкс., Бор.), *ка́тки* (Ков.), *ка́танишки* (Шар.).

Че́санки (Бор., Шатк., Кст., Спас., Урен., Шахун., Пильн., Нав., Гор., Перв., Возн., Богор., Поч., Сем., Лыск., Воскр.), *чеса́нки* (Выкс.). В случае с данной лексемой возникают сложности в однозначном определении значения — родовое наименование валяной обуви либо видовая форма

тонких валенок, которые, как правило, носились с галошами: *а ешибъ были ма́леньки ва́ленки, их в гало́ши носили; их называ́ли че́санки* (Сем., Урен., Спас., Кст., Богор., Нав., Сосн., Лук., Шар., Воскр., Бор., Д.-Конст., Кулеб., Бал., Тонк., Ков., Павл., Сеч., Бут., Гор., Вач., Павл., Чкал.).

Кроме перечисленных основных видов обуви (плетеная, кожаная и валяная), безусловно, отмечаются изделия, изготовленные из других материалов (тканая материя, резина); особо выделяется подгруппа номинаций изношенной, ветхой обуви. Однако лексические единицы здесь практически единичны в своей фиксации по нижегородским говорам, а следовательно, требуют дальнейшего, в том числе полевого, исследования для последующего анализа.

Сбор материалов по программе ЛАРНГ «Одежда. Обувь» на территории Нижегородской области проводился достаточно длительное время (последняя экспедиция по данному фрагменту — 2007 год, Тонкинский район). Однако следует признать, что обследование районов было в достаточной мере несистематичным, что дало лакуны при попытке лингвогеографической интерпретации материала. Несмотря на достаточную репрезентативность диалектных наименований обуви в количественном отношении, картографирование возможно только для нескольких лексем, которые могут, как нам кажется, дать некоторые ареальные представления о функционировании исследуемой лексики: лексическая карта «Родовое название валяной обуви», лексико-словообразовательные «Лапти» и «Родовое наименование обуви»; семантические «Бахилы» и «Коты». Остальные лексемы не подлежат картографированию.

Однако это не снимает актуальных вопросов как о необходимости создания региональных атласов, так и диалектной лексикографической работы в регионах, которая была бы направлена не только на точную лексикографическую интерпретацию диалектных единиц в словарях разного типа, но и на возможность исследования диалектной лексики по

данным словарей в ареальном аспекте [Попов 2005: 7]. Проблема же дальнейшего лингвогеографического исследования анализируемой тематической группы связана не столько с необходимостью увеличения масштабов полевых исследований, сколько с исчезновением многих реалий и соответственно их обозначений. Диалектоносители либо совсем не помнят старинных видов обуви, либо сохраняют в памяти знакомые слова, но уже не могут соотнести их с конкретными видами, дать достаточно полное описание предмета. Это препятствие на пути современных диалектологов (и не только в отношении обуви), к сожалению, не преодолимо.

Сокращения названий районов

Ард. — Ардатовский	Ков. — Ковернинский
Арз. — Арзамасский	Кр.-Бак. — Краснобаковский
Б.-Болд. — Большеболдинский	Кр.-Окт. — Краснооктябрьский
Б.-Мур. — Большемурашкин- ский	Кулеб. — Кулебакский
Бал. — Балахнинский	Лук. — Лукояновский
Богор. — Богородский	Лыск. — Лысковский
Бор. — Борский	Нав. — Навашинский
Бут. — Бутурлинский	Павл. — Павловский
Вад. — Вадский	Перв. — Первомайский
Варн. — Варнавинский	Перев. — Перевозский
Вач. — Вачский	Пильн. — Пильненский
Ветл. — Ветлужский	Поч. — Починковский
Возн. — Вознесенский	Сем. — Семеновский
Волод. — Володарский	Серг. — Сергачский
Ворот. — Воротынский	Сеч. — Сеченовский
Воскр. — Воскресенский	Сосн. — Сосновский
Выкс. — Выксунский	Спас. — Спасский
Гаг. — Гагинский	Тонк. — Тонкинский
Гор. — Городецкий	Тонш. — Тоншаевский
Д.-Конст. — Дальнеконстанти- новский	Урен. — Уренский
Див. — Дивеевский	Чкал. — Чкаловский
Княг. — Княгининский	Шар. — Шарангский
	Шахун. — Шахунский

Литература

Попов И. А. Методы исследования диалектной лексики (лексикографический и ареальный аспекты) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2005. СПб.: Наука, 2005. С. 6–17.

Выражение родственных взаимоотношений в воспоминаниях донских казаков^{*}

Н. А. Тупикова, Н. А. Стародубцева, И. А. Неллина

В исследовании рассматриваются средства обозначения родственных взаимоотношений, используемые в воспоминаниях жителей Волгоградской области. Выявляется смысловое наполнение значений в рамках фрагмента денотативной сферы «родственные и семейные отношения», характеризуются способы выражения личностных и социокультурных взаимосвязей в речи донских казаков.

Ключевые слова: устная речь, диалектология, лексика, семантика, отношения родства

Важнейшие характеристики реального функционирования естественной речи «порождены жизнью, служить которой речь призвана, причем жизнью каждого индивидуума и жизнью общества в целом» [Балли 2003: 24]. Словоупотребление представителей конкретного социума, местности отражает неисчерпаемые богатства того языка, который «слишком часто ускользает от исследователя», но изучение которого в то же время, по выражению Ш. Балли, «обновило и будет и впредь обновлять лингвистику» [там же: 94].

В рассказах сельских жителей мемуарного характера о наиболее ярких и запомнившихся событиях, определивших судьбу человека, важную часть составляют упоминания о родственниках, родителях, семье, описание историй замужества, женитьбы и т. д. Материал, извлеченный из магнитофонных записей, сделанных в течение ряда лет в Урюпинском (станция Тепикинская, хутора Белогорский и Дьяко-

---

^{*} Исследование осуществляется в рамках проекта, поддержанного РГНФ (№ 12-04-00284).

новский) и Киквидзенском (станция Преображенская, сёла Завязка, Мачеха и Семеновка, хутор Калачевский) районах Волгоградской области, на территории распространения донских говоров, позволяет выделить большую группу лексики, выступающей средством обозначения взаимных связей, основанных на отношениях кровного или некровного родства людей. Беседа велась с информантами, год рождения которых на время записи текста соотносится с периодами начала — первой трети XX в. (1901, 1906, 1923–1928 г. р.) и предвоенного времени (1931–1939 г. р.).

Анализ массива фактов, включающего языковые единицы с названной семантикой, дает возможность охарактеризовать фрагмент лексикона диалектоносителей, имеющего определенную иерархическую организацию [Тупикова 2013: 22–23]. Основой такого исследования является углубленный подход к собиранию и описанию материала на принципах системности элементов [Вендина 2013: 105–106] и признаков, «определяющих в своей взаимосвязи данный реально существующий тип явлений» [Жирмунский 1968: 8].

В зависимости от смыслового наполнения контекста следует говорить о нескольких значениях, составляющих план содержания понятия «родственные взаимоотношения», зафиксированного при выделении существительных (БТСРС: 5, 122–125), которые входят в денотативную сферу «родственные и семейные отношения»: 1) ‘кто-л. доводится кому-л. родственником, находится с кем-л. в родственной связи’, 2) ‘характер взаимоотношений кого-л. с кем-л. в рамках родственных связей’, 3) ‘установление родственной связи через что-л., в связи с какими-либо обстоятельствами или условиями’, 4) ‘приведение кого-л. к родственному взаимодействию / родственное взаимодействие либо прекращение родственного взаимодействия’, 5) ‘вступление кого-л. в родственную взаимосвязь, в родственное взаимодействие’.

Семантика ‘кто-л. доводится кому-л. родственником, находится с кем-л. в родственной связи’ представлена разными

ми группами «терминов родственной и свойственной номенклатуры» (референтивными терминами родства) [Бурыкин 2012: 51]. В воспоминаниях донских казаков встречается обозначение родственных отношений людей друг с другом, наличия общих родственников или группы родственников, соединенных общей связью — одной ступенью родства по отношению к общему предку (предкам) и др. (БТСРС: 123, 125): *В четвертом поколении только мы с ней родня* (Ключкина Екатерина Тихоновна, 1924 г. р., ст. Тепикинская); в связи с указанием на родство по браку: *Она была сыниной его жена, сноха была* (Бочарова Ольга Матвеевна, 1901 г. р., х. Калачевский) либо по отношению к ритуалу заключения брака: *Она, мать, была третьей в снохах* (Баранова Мария Даниловна, 1923 г. р., х. Белогорский), *Ну сват, и шло родня, близкие, ну и наши близкие...* (Макаров Василий Андреевич, 1928 г. р., х. Дьяконовский).

Следует отметить прежде всего использование однословных обозначений (*поколение, родня, тетка, брат, жена, муж, сват, зять, сноха* и др.), в том числе диалектных единиц, которые могут употребляться окказионально и выступать контекстуальным синонимом к общепринятому термину родства для выражения в воспоминаниях особого эмоционально-оценочного отношения говорящего к кому-либо. Например: *Тётка она мне, но мы ее звали мамуня* (Бочарова Ольга Матвеевна, 1901 г. р., х. Калачевский), где существительное *мамуня* — ‘мать, ласк. форма’ (Миртов 2006: 185), ‘ласк. Мама, мамочка’ (СГДВО: 311) имеет значение ‘сестра отца или матери’. Многочисленны сочетания существительных с притяжательными прилагательными типа *отцова сестра, мамин брат, мамина сестра, материн брат, матерна сестра, материна мать, матерна сторона, сыниная жена* и др. вместо соответствующих наименований родственников (тетя, дядя, бабушка, невестка и т. д.); частотны притяжательные формы имен собственных, характеризующие родство через брачные связи: *он на-*

шей Вальки муж был. Иван Матвеевичевой жене (Бочарова Ольга Матвеевна, 1901 г. р., х. Калачевский).

С помощью названных выше средств может определяться сложная кровная и / или некровная связь по линии супружества: *Приезжает мой Тимофей Иваныч и Семеныч, Танькин муж. Семеныч, брат. Алексей Семеныч, брат. Тот же Тимофей был* (она же). При этом в диалектном слове термины некровного родства могут смешиваться, например: *Ну, свякры — это тесть и свекр* (Рогожина Зинаида Михайловна, 1938 г. р., с. Мачеха), здесь диалектное *свякры* (*свекры*), которое определяется как неизменяемое существительное женского рода ‘мать мужа, свекровь’ (СГДВО: 532), указывает не на родственника по браку (мать мужа), а на взаимоотношения тех (отца жены и отца мужа), кто стал родственником через брачные связи супругов.

Выражение семантики ‘характер взаимоотношений кого-л. с кем-л. в рамках родственных связей’ представлено в воспоминаниях в основном глагольной лексикой. Это оценка семейной жизни: *Ну его... Замучил. Да уже пятьдесят четыре года промучил!* (Бароменская Павлина Павловна, 1931 г. р., с. Мачеха), *И зятья вот у ней были. <...> всем она угожала, всем зятьям* (Кузнецова Варвара Ивановна, 1906 г. р., с. Завязка), описание поведения кого-л. через призму оппозиции ‘раньше :: теперь’: *Щас народ какой-то другой пошел, <...> А когда-то ж было всегда так: жена боится мужа, какой бы он ни был, а все ж таки муж, родной муж, он и поьет, он и примолвит* (Лычагин Сергей Максимович, 1925 г. р., с. Завязка).

О значении ‘установление родственной связи через что-л., в связи с какими-либо обстоятельствами или условиями’ можно говорить в тех случаях, когда речь идет о лицах, ставших родственниками через брачные отношения. Например, в рассказах о разных ситуациях, предшествовавших и сопутствующих замужеству, казачки употребляют выражения *за нее зятем взять, в зятья взять, в зятья попасть*,

характеризуя не только вступление людей в семейное некровное родство по линии «родители дочери — муж дочери», но и особенности условий жизни молодоженов, когда принимают мужа в дом родителей жены (СГДВО: 51): *Он тоже сирота был. И его взяли. Ему притулиться негде было, как раз тиф ходил, и померли мать, и отец, и бабка, все померли, а он остался один. И сироту мы и взяли. В зятъя. Ага* (Бочарова Ольга Матвеевна, 1901 г. р., х. Калачевский).

В ряде случаев информанты образно описывают внешние обстоятельства, побудившие людей вступить в брачный союз: *А уж никого было выбирать, потому что. Я правду скажу. Её из Калиновки выбраковали, она пришла в Мачеху, а я пришел уже с армии. То же самое — выбракованный* (Бароменский Степан, 1931 г. р., с. Мачеха), включают в объяснение типичной ситуации элементы субъективной мотивировки действий в предлагаемых обстоятельствах: *...он пришел с армии искал в июне невесту { ... } с армии пришел чистенький, подстреленный, аккуратный, вот понравился, и свадьба — жить, жить ему негде было, мать одна была больная, брат женатый* (Рогожина Зинаида Михайловна, 1938 г. р., с. Мачеха). В приведенных высказываниях семантика используемых говорящими лексем содержит оценочный компонент, который позволяет указать на несоответствие образов невесты и жениха сложившимся представлениям («ее выбраковали, я выбракованный») либо на положительное впечатление («чистенький, аккуратный») и особые заслуги человека («подстреленный», т. е. раненный), определившие симпатию и расположение к нему других людей, расширенный контекст содержит дополнительные аргументы («жить негде было, мать была больная») в пользу возникновения взаимоотношений между мужчиной и женщиной.

Семантика 'приведение кого-л. к родственному взаимодействию / родственное взаимодействие либо прекращение родственного взаимодействия' прежде всего реализуется при обозначении связей по линии «дочь — мать», «внук — ба-

бушка», «мать — дочь», «родной — приемный ребенок», «сестра — брат», «жена — муж» и др. Например: *Когда война началась, у вас двое детишек было, да? — Ага. А третий сирота был. Тут мы остались две с матерью. Брат уехал в Махачкала, Иван. И бабуку туда взял, а мы с матерью двое остались, да и сирота эта с нами. Нинка тридцать второго, а ента тридцать восьмого* (Бочарова Ольга Матвеевна, 1901 г. р., х. Калачевский), *Иван Матвевич председателем был? — Был председателем. — Хорошо, небось, жилось при нем, брат все-таки родной? — Да он нас знать не знал* (Она же), *Мы с ним быстро разошлись. Не поладил он с отцом, конечно* (Додонова Александра Николаевна, 1926 г. р., ст. Тепикинская), *Ну, уж я с мужьями всё, они уж пообмерли, и мы разошлись, всё я с матерей жила* (Баранова Мария Даниловна, 1923 г. р., х. Белогорский), *Только не припало пожить с ним. Тридцать лет уже без него я, помер* (Черноусова Валентина Васильевна, 1932 г. р., ст. Преображенская). В ряде случаев ситуативный контекст дает возможность определить причины, обусловившие специфику родственного взаимодействия или причины его отсутствия. Так, из рассказа Марии Даниловны Барановой (1923 г. р., х. Белогорский) мы узнаем, что в семье отчима, когда ее мать вышла второй раз замуж, дети сами вынуждены были заботиться о пропитании: *Плохо жили. Нас отдалили. Мать одна, а нас двое девок.*

Непрямо выражается родственное взаимодействие в ряде случаев, когда говорящий дает информацию о возрастных различиях по старшинству, описывает принятые правила поведения детей и взрослых, рассказывает о бытовых и трагических ситуациях, предопределивших соединение людей, связанных общими предками, в одну семью, и т. д.: *Я маленькая была, тетка у меня побольше была. Вот мы с ней в степь ходили доить коров, чтоб пообедать в обедах* (Парамоновой Александра Васильевна, 1926 г. р., с. Завязка), *Вот, и под каждого ня ставили, эти чашки. Вот ставят*

общую на стол, и вот заводдыривают этими ложкам <...> Для дятей всягда ...отдельно ставили. <...> Вот я помню, для детей отдельно ставили, их к одной стороне сажали стола. Вот им ставили, они сами там бултыхались, как им хотелось, вот. А для взрослых отдельно сажали (Михайлова Антонина Михайловна, 1936 г. р., с. Завязка), У меня сестра была в Лестюхах, старшая. А ее председатель убил, обех побил с мужсем. <...> А сирота остался, шести месяцев мальчишка остался. И у нас уж тут мало стало у матери, она его взяла, и мы его и воспитывали (Бочарова Ольга Матвеевна, 1901 г. р., х. Калачевский).

Следует отметить в воспоминаниях лиц старшего возраста использование половозрастных наименований родственников *девка, парень, девчонка, мальчишка* в качестве синонимов к словам *дочь, сын*, например: *Я родила четверо, двое остались. Померли мальчишка, девчонка* (Бочарова Ольга Матвеевна, 1901 г. р., х. Калачевский), *Когда я девкой, девчонкой жила — бабушка, дедушка, отец в революцию пропал* (Кузнецова Варвара Ивановна, 1906 г. р., с. Завязка), *У моей матери, вот бабушки Лены, ее четверо девок и один парень* (Ключкина Екатерина Тихоновна, 1924 г. р., ст. Тепикинская), *У мамы моей было трое нас, девок* (Несидорова Елена Васильевна, 1939 г. р., с. Завязка). При этом в нашем материале зафиксировано такое употребление только по отношению к детскому возрастному спектру.

Выражение семантики 'вступление кого-л. в родственную взаимосвязь, в родственное взаимодействие' реализуется в основном в воспоминаниях о замужестве и женитьбе. Для обозначения действий, которые приводят к союзу мужчины и женщины, используются прежде всего глаголы взаимоотношения *жениться, пожениться*, зафиксированы сочетания, синонимичные глаголу «жениться»: *выходить замуж, забрать замуж*; отмечены глаголы со значением согласованного взаимодействия людей, которые стали родственниками, вступив в брак для совместного проживания

— *сходиться*; через брачные связи путем оформления или регистрации брака — *расписываться*; путем вступления в брак по церковному обряду — *венчаться*; глаголы со значением согласованного взаимодействия лиц, представляющих людей по отношению к браку — *сосватать*: *После войны, в шестидесятом они приехали, я с ним сошлась* (Додонова Александра Николаевна, 1926 г. р., ст. Тепикинская), *Ну, так. Сосватали. Назначили день свадьбы. Ну, в этот день пажанлились, расписываться — мы расписались. Церкви не было. Венчаться — не венчались* (Макаров Василий Андреевич, 1928 г. р., х. Дьяконовский), *А потом матрю (...) туда забрали. Ну как замуж што ль. Я ж нябольшая была* (Баранова Мария Даниловна, 1923 г. р., х. Белогорский). В воспоминаниях сельчан встречаются такие описания последовательности действий, которые представляют логику вступления лиц в родственное взаимодействие: *Пришел я в пятьдесят четвертом году с армии. В пятьдесят пятом. (...) Она через хату. Не, брешу, через две, на квартире стояла грязь такая, шо невозможно. Раз сходил, други, третий, четвертый, пятый, десятый. Так и пошло* (Бароменский Степан, 1931 г. р., с. Мачеха).

Проанализированный материал позволяет выявить разнообразие значений и смысловых реализаций понятия «родственные взаимоотношения», охарактеризовать средства выражения названной семантики на основе системного подхода к изучению лексики в речи носителей диалекта. Это дает возможность уточнить план содержания денотативной сферы «родственные и семейные отношения», выявить его элементы и их связи, представленные в живом языке.

Литература

Балли Ш. Язык и жизнь: пер. с фр. М., 2003.

Бурыкин А. А. Некоторые соображения по вопросам программы ЛАРНГ о терминологии родства // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2012. СПб., 2012.

Вендина Т. И. Лексический атлас русских народных говоров и принцип системности в лингвогеографической проекции лексики // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013. СПб., 2013.

Жирмунский В. М. О природе частей речи и их классификации // Вопросы теории частей речи (на материале языков различных типов). Л., 1968.

Тупикова Н. А. О полевом функционально-семантическом исследовании русского глагола // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2013. № 3(19).

Лексика охоты на медведя на материале архангельских говоров (социолингвистический аспект)

А. С. Уткина

Автор описывает диалектную лексику охоты, функционирующую в речевом пространстве Ленского района Архангельской области. Результаты сбора диалектного материала позволили выделить девять единиц функционально активной лексики охоты на медведя.

Ключевые слова: диалектная лексика, архангельские говоры, промысловая лексика, лексика охоты на медведя

В словарном составе русского языка значительное место занимает лексика традиционных занятий и промыслов. В. А. Боргояков, описывая лексику охоты и рыболовства в диалектах хакасского языка, отмечает, что «в современных условиях эти промыслы технически и технологически трансформируются <...> занятие ими становится сферой деятельности все меньшей части населения» [Боргояков 2001: 10]. В связи с этим фиксация и детальное описание промысловой лексики становится важной практической и теоретической задачей современной диалектологии и социолингвистики. Подобная диалектная лексика отходит на периферию современного языка и в большей своей части содержит ценнейшую информацию об особенностях материальной культуры сельского жителя.

Среди различных промыслов и ремесел северянина охота и рыболовство занимают особое место. Как свидетельствуют многочисленные факты не только этнографического, но также исторического, культурологического и лингвистического характера, их возникновение уходит

корнями в далекое прошлое населения Поморья и прилегающих к нему территорий, как следствие освоения им соответствующей природной среды края.

Среди тематических групп диалектной лексики, зафиксированной в лингвистическом пространстве Ленского района Архангельской области, выделяется тематическая группа «Виды деятельности сельского жителя», куда входят четыре лексико-семантические группы: «Охота», «Рыболовство», «Домостроение», «Собирательство». Указанные группы диалектной лексики раскрывают особенности взаимодействия сельского жителя с природой (лесом, рекой).

Представим более подробно лексико-семантическую подгруппу «Охота на медведя», которая включает следующие родо-видовые группы диалектной лексики, зафиксированной в результате сбора языкового материала на территории Ленского района в 2003–2013 годах: «Названия медведя», «События охоты на медведя», «Следы медведя».

Родо-видовая группа «**Названия медведя**» включает диалектизм *пéстун*, употребляемый носителями языка из числа коренного населения Ленского района в значении 'медвежонок 1–2 лет, оставшийся при матери' (Сиб., 1843): *Пестун — годовалый медведь; у медведицы-то другие есть медвежата, он с маленькими-то ходит*. Перм., Свердлов. (СРНГ 26: 322).

Годовáлого медвежóнка пестун назывáем (м. 38 лет, охотник, д. Забелино, МО «Козьминское»);

Пестун бéгает / мáленький такóй / я и пошевелíть-ся не смéю / ведь медвéдица рýдом (м. 76 лет, охотник, с. Козьмино, МО «Козьминское»);

Пéстун / здак медвежóнка звáли (ж. 83 лет, д. Юргино, МО «Сафроновское»).

В Словаре Г. И. Куликовского отмечено слово *пéстовать* в значении 'нянчить, выращивать, холить' (Куликовский 1898: 97).

Диалектизм *шатун* зафиксирован в речевом пространстве исследуемой территории в значении ‘не залегший в спячку медведь’, образован от глагола *шататься* в значении ‘ходить без дела, без работы’:

Шатуны в Яренске нападали на скот / год голодный был / ягод не было / они жир не накопили / в спячку не легли (м. 38 лет, охотник, д. Забелино, МО «Козьминское»);

Шатун / ну медведь зимой ходит (ж. 83 лет, д. Юрино, МО «Сафроновское»).

Охота на медведя, являющаяся промысловым видом деятельности, используется для добычи подкожного жира, трофея и шкуры. В связи с этим охота на медведя является престижным занятием среди лиц мужского пола. Диалектизм *осенний медведь* включен в речевые высказывания лиц мужского пола в значении ‘медведь, имеющий толстый слой подкожного жира’. Как правило, медведь накапливает подкожный жир в течение летнего периода.

Родо-видовая группа «Способы охоты на медведя» содержит диалектную лексику, которая отражает четыре лицензионных способа охоты.

Первый способ представляет собой предположно-падежное сочетание *на приваде*, образованное от глаголов *приважить*, *привадить* в значении ‘приручить’ (СВГ 8: 40): *Сперва волценок уж очень дикий был, да потом он его приважил*.

На приваде можно охотиться весной и осенью (м. 76 лет, охотник, с. Козьмино, МО «Козьминское»).

Второй способ охоты — *на овсах (на овёс)* — является своеобразным методом первого способа:

Раньше (в советское время — А. У.) овёс высаживали на колхозные поля, медведь близко подходил / а сейчас охотники сами весной сажают овёс у леса / четыре / пять участков / Осенью / когда овёс созревает / охотники выслеживают медведя (м. 57 лет, охотник, с. Козьмино, МО «Козьминское»);

На овсах охотятся с подхода и с лобáза (м. 36 лет, охотник, с. Козьмино, МО «Козьминское»).

Третий способ охоты на медведя — *с подхода (с подхóдом)* — является, по словам лиц мужского пола, занимающихся охотой, из числа носителей языка Ленского района, экстремальным, так как охотник, готовясь к встрече с медведем, должен стоять с ружьем, буквально «должен близко подходить к медведю». Образование номинации указанного способа охоты восходит к глаголу *подходить*. Данный способ охоты на медведя (*с подхода*) предполагает соблюдение определенных условий. Например:

Чтобы медведь не почуял запах охотника / с подхода / ну́жно / чтобы ветер с поля на тебя был (м. 38 лет, охотник, д. Забелино, МО «Козьминское»).

Четвертый способ охоты — *с лобáза* — предполагает стрельбу с дерева, преимущественно с ели. Слово *лобáз* означает ‘сооружение на дереве, где находится охотник’:

Лобáз / избушка на дереве (м. 57 лет, охотник, с. Козьмино, МО «Козьминское»);

Если на опушке леса охотишься / лучше на ёлке / сучки толстые / запах хвои отбивает запах охотника / или на ветках дерева (м. 38 лет, охотник, д. Забелино, МО «Козьминское»).

Родо-видовая группа «**Следы медведя**» содержит диалектизмы *набрóды* и *пóбедень*.

Слово *набрóды* зафиксировано в речи лиц мужского пола, занимающихся охотой, в значении ‘тропы или борозды, которые делает медведь в положении сидя’:

Медведь садится на заднее место / рóет им тропинки / называются набрóды (м. 57 лет, охотник, с. Козьмино, МО «Козьминское»);

Набрóды увидишь / начинаешь медведя отслэживать (м. 26 лет, охотник, с. Яренск, МО «Сафроновское»).

Слово *пóбедень* зафиксировано в речи лиц мужского пола, занимающихся охотой, в значении ‘отметины, сделанные

медведем, в виде веточек овса без колосьев'. Съеденные колосья овса являются признаком пребывания медведя на определенном участке леса.

Медвѣдь ест колоскѣй / съѣденные колоскѣй овса называються поѣдень / зѣрна съѣдет / ветки остаються (м. 36 лет, охотник, с. Козьмино, МО «Козьминское»);

Поѣдень / шлагбаум из колосьев (м. 38 лет, охотник, д. Забелино, МО «Козьминское»).

Важно отметить, что некоторая диалектная лексика представленной тематической группы является общеупотребительной. Так, названия медведя (*пѣстѣн, шатѣн*) были зафиксированы в речи лиц женского пола, не занимающихся охотой. По другой тематической классификации названия медведя можно отнести к тематической группе «Фауна (животный мир)» [Уткина 2010: 16].

Таким образом, диалектная лексика охоты окрашивает речь носителей языка из числа коренных жителей Ленского района Архангельской области 30–50, 50–70 и старше 70 лет и демонстрирует сохранение традиционного промысла на исследуемой территории среди молодого поколения.

Литература

Боргояков В. А. Лексика охоты и рыболовства в диалектах хантского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 22 с.

Уткина А. С. Диалектные языковые факты в лингвистическом пространстве Ленского района Архангельской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2010. 20 с.

Народные географические термины в составе диалектных фразеологизмов (на материале донских говоров)

М. В. Флягина

Статья посвящена рассмотрению географических компонентов в составе донских диалектных фразеологизмов. Анализ донских фразеологических оборотов с географическими компонентами показал, что несмотря на терминологичность народные географические апеллятивы подчиняются во многом тем же правилам, что и единицы конкретной лексики, подвержены развитию переносно-образных значений и отражению эмоционально-экспрессивной оценки.

Ключевые слова: географический термин, географическая лексема, фразеологический оборот, диалектный фразеологизм, метафоризация

Вслед за Е. В. Брысиной под диалектной фразеологической единицей мы понимаем «локально распространенное, не входящее в состав литературного языка устойчивое воспроизводимое сочетание слов, имеющее относительно целостное значение» [Брысина 2003: 7]. Диалектная речь отражает практический опыт поколений в познании действительности, поэтому большинство диалектных единиц — это знаки конкретных представлений.

Как в общенародной, так и в диалектной фразеологии широко представлены фразеологические единицы, которые имеют в своём составе компоненты, называющие части географической структуры. Формирование этих фразеологических единиц связано с процессами осознания себя в окружающем мире и мира через себя. Источниками исследования явились «Большой толковый словарь донского казаче-

ства» (БТСДК) и «Словарь донских говоров Волгоградской области» (СДГВО). В составленной нами по материалам этих источников картотеке донских диалектных фразеологизмов исследуемые фразеологические обороты составляют довольно многочисленную группу, включающую в свой состав более 70 единиц. Материалы картотеки свидетельствуют об использовании определённого круга компонентов, называющих части географической структуры донской территории. К таким компонентам относятся: *гора, берег, балка, барак, земля, болото, верх/верхи, вода, мочезина, кулига, волна, грива, бугор, яр, коловерть, надолба, под/поды, раскат, курган, гать, глина, лужа, прорва, окрайка, мель, луг (лужок)*. Рассмотрим донские диалектные фразеологизмы с наиболее употребительными компонентами, обозначающими определённые части географической структуры.

Самым распространённым компонентом в рассматриваемых фразеологизмах является лексема *гора* (14 фразеологических единиц). В основе народной дифференциации форм земной поверхности лежит противопоставление гор и равнин. Опыт исследования донской народной географической терминологии показывает, что гора в донской диалектной картине мира является ценностно-окрашенным элементом. Доказательство этому мы видим в большом количестве фразеологических единиц с компонентом *гора*. Большая часть рассматриваемых фразеологических единиц с компонентом гора имеет значения, ориентированные на человека, что свидетельствует об антропоцентричности диалектной картины мира: *дума за горами* 'о глупом, несообразительном человеке', *дума за горами, а смерть за плечами* 'предупреждение о скоротечности жизни', *вернуть горы* 'много и тяжело работать', *как с горы бежать* 'громко, истошно (орать)', *не давать и в гору глянуть* 'чрезмерно кого-то опекают', *прянуть в гору* 'преуспеть в жизни, в работе', *ты на-гору — тебя за ногу* 'о преследующих неудачах',

три бабайки в гору ‘об очень высоком человеке’, *свалить крутую гору с плеч* ‘освободиться от хлопот, большое дело сделать’. Другую группу фразеологизмов с компонентом *гора* составляют устойчивые выражения, значения которых ориентированы на предмет, его признак, свойство или действие (их меньше): *в горе* ‘вверху’, *Алексей с гор потоки* ‘1) День святого Алексея, 2) половодье на День святого Алексея’, *не скласть ни в какую гору* ‘очень много, в изобилии’, *не за горами* ‘близко’, *на кудыжину гору* ‘когда не хотят сообщать о направлении движения’.

Вторым по частотности употребления в исследуемых фразеологизмах является компонент *берег* (7 фразеологических единиц). Фразеологизмы с таким компонентом также могут выражать различные качества и состояния человека: *Богу молись, а к берегу гребись* (синоним литературного *на Бога надейся, а сам не плошай*), *остаться как чёрт на берегу* ‘стать одиноким, всеми покинутым’, *пристать до берега* ‘обосноваться, поселиться где-либо’, *пройти все дорожки и лужки и крутые бережки* ‘быть опытным, много испытать’, таких фразеологических единиц большинство. Меньшее количество составляют фразеологизмы, ориентированные на реалии окружающего мира: их количество (*берег захряс* ‘о большом количестве чего-либо’), состояние (*ни к тому берегу, ни к другому* ‘ни то ни сё’), взаимосвязь (*как шестом от берега отбиться* ‘порвать связь с чем-либо’). Таким образом, и эта группа демонстрирует антропоцентричность картины мира донских диалектоносителей.

Донские диалектные фразеологические единицы с компонентом *бугор* целиком относятся к сфере человеческих ценностей, связаны с особенностями традиционной культуры донских казаков. Бугор в представлении донских казаков — традиционное место захоронения умерших, кладбища было принято устраивать за населенным пунктом, на возвышенном месте, называемом в местных говорах *бугром*. От-

сюда связь фразеологических оборотов с компонентом *бугор* с предчувствием, ожиданием смерти: *глядеть на бугор/глядеть на попов бугор* 'быть близким к смерти', *уйти на попов бугор* 'скончаться, умереть', *отнести на (под) бугор* 'похоронить'.

Донские диалектные фразеологизмы с лексемой *вода* в большинстве случаев полностью мотивируются значениями входящих в них компонентов: *зломная вода* '1) ледоход, 2) полая вода, взламывающая лед', *Георгицкая вода* 'весеннее половодье на День святого Георгия', *воронежская вода* 'холодное половодье с верховьев Дона', *московская вода* 'холодное половодье с верховьев Дона', *горовая вода* 'вода в Дону, прибывающая с верховьев реки', *поничная вода* 'грунтовая вода'. Так же мотивированы входящими компонентами устойчивые выражения с апеллятивами *земля* (*бить землю* 'делить земельные участки', *гулевая земля* 'целина', *лёжная земля* 'целина'), *верх* (*верхи идти* 'идти по горе, по высокому берегу'), *под* (*на подах* 'в низине').

На образной основе построены фразеологизмы с компонентами *глина*, *коловерть*, *болото*: *не прилепить комок глины* 'не помочь, не откликнуться', *крутиться как в коловерти* 'быть в беспрестанных хлопотах' (синоним общенародного *как белка в колесе*), *как черти в болоте* '1) о многолюдии, 2) о шумном, беспокойном человеке, 3) о ссорах, перебранках'. Фразеологизмы, в состав которых входит «демоническая» лексика, в говорах, как правило, употребляются с целью отрицательной характеристики человека, его качеств, поведения, компонент *болото* усиливает негативную коннотацию: в донских говорах географическая лексема *болото* и ее диалектные синонимы (*багно*, *муляка*, *стрямка*) помимо общеизвестного географического значения имеют значения 'грязная лужа' и 'вязкая грязь'. Фразеологизмы же с географическими и сакральными компонентами (*Георгицкая вода* 'весеннее половодье на День

святого Георгия’, *Алексей с гор потоки* ‘1) День святого Алексея, 2) половодье на День святого Алексея’), по нашим наблюдениям, теряют своё чисто религиозное содержание, характеризуют природные явления, приуроченные к народно-христианским датам.

Компоненты *яр, курган, гать, лужа, мель, грива* прямо мотивируют фразеологические единицы, в состав которых они входят, значения фразеологизмов обусловлены физическими характеристиками географических объектов, обозначаемых указанными наименованиями: *хоть гать гати* ‘много чего-либо, в изобилии’, *как в лужу бухнуть* ‘о неуместном, нелепом высказывании’, *как с яру спрянуть* ‘неожиданно, внезапно появиться’, *сширивать лягушек с яру* ‘ничего не делать, бездельничать, заниматься пустяками’, *как сучка на яру (выть)* ‘громко, во весь голос, с надрывом (плакать, рыдать)’, *шататься как бурьян на кургане* ‘бродить без дела, бездельничать’, *остаться как рыба на мели* ‘оказаться в беспомощном состоянии’, *грива на гриве (остались)* ‘огрех при косьбе, пахоте, неровность’.

Некоторые фразеологизмы с географическими компонентами употребляются в донских говорах как в отношении природных объектов, так и в переносном значении, характеризуя человека и его поведение: *пойти под раскат* ‘1) пойти под уклон (о дороге), 2) начать быстро опускаться в моральном и другом отношении’, *расти как на мочежине* ‘1) быстро расти (о сорной траве), 2) вырос на мочежине — о высоком, рослом человеке’.

Исключительно антропоцентричными, ориентированными на человека и его качества, в донских говорах являются фразеологические обороты с лексемами *кулига (жизнь кулигами* ‘неровная, разнообразная, то хуже, то лучше’, *дурак кулижками* ‘недалёкий, глуповатый человек’), *надолба (стоять надолбой* ‘стоять как вкопанный, неподвижно’), *прорва (как в бездонную прорву* ‘1) жадно, нена-

сытно есть, 2) бесполезно, бездумно тратить'), *окрайка* (*ходить по окрайкам* 'уклоняться от прямого разговора').

Отдельные донские фразеологизмы с географическими компонентами развили противоположные значения, ср. *волна с-под угла бьёт* '1) об изобилии чего-либо, 2) о крайней бедности'. Поляризация значений фразеологизма, вероятно, обусловлена актуализацией различных признаков (физических характеристик) природного объекта.

Ряд донских фразеологических единиц демонстрирует метафоризацию (олицетворение) названий географических реалий: *балки играют* 'о переполненных талой или дождевой водой оврагах', *балки гуляют* 'то же', *барак гуляет* 'то же'. Важно отметить узкорегionalный характер указанных фразеологизмов.

Несколько устойчивых выражений с географическими компонентами занимают пограничное положение между фразеологизмами и микропонимами, например: *слезовой курган* 'место проводов казаков-новобранцев', *змеева вереть (кручень)* 'место в Дону с сильными встречными течениями, водоворот'.

Итак, анализ донских фразеологических оборотов с географическими компонентами показал, что, несмотря на терминологичность, народные географические апеллятивы подчиняются во многом тем же правилам, что и единицы конкретной лексики, подвержены развитию переносно-образных значений и отражению эмоционально-экспрессивной оценки. Последний факт создает прочные основания для возможности формирования устойчивых, образных выражений на базе названий частей географической структуры в говорах. Можно сделать вывод о том, что диалектные фразеологические единицы с географическими компонентами наглядно демонстрируют антропоцентричность диалектной картины мира, в количественном отношении фразеологизмов, значения которых ориентированы на человека гораздо больше, чем фразеологизмов, ориентированных на явления окружающего мира.

Литература

Брысина Е. В. Этнокультурная идиоматика донского казачества. Волгоград: Перемена, 2003. 293 с.

Костромская микропонимия
как источник сведений для ЛАРНГ:
ЛСЛ 428. Поемный луг,
прилегающий к реке, озеру

Е. В. Цветкова

В статье рассматривается микропонимия костромского края, которая может служить источником сведений для карт Лексического атласа русских народных говоров, посвященных наименованиям поемного луга.

Ключевые слова: Лексический атлас русских народных говоров, микропонимия костромского края, названия поемного луга в микропонимии

Поемный луг, прилегающий к реке, озеру, в костромских говорах имеет несколько наименований (*бережѳина, вѳшня, низѳ, зѳводи, залѳв, лѳва, мокрѳша, низѳина, низѳинка, полѳй, прилѳка, нѳволок* и др.), значительная часть которых нашла отражение в микропонимии.

Наиболее частотным в названии поемного луга в костромской топонимической системе является слово *нѳволок*. Данный географический термин, характеризующийся как нар.-разг. ‘заливной луг, низменный берег реки’ (БТСРЯ: 573), является вариантом слова *наволѳк*, которое отмечается в русских памятниках с XV в. (СлРЯ XI–XVII 10: 39). Образованное от основы глагола *наволѳчь* ‘нанести на берег водой во время половодья землю, вымытые деревья, кусты и всякий мусор’, восходящего к праславянскому *navoločĭ < *navolokti, оно, как апеллятив и как оним, является распространенным в лексико-семантических системах многих говоров — ярославских, вятских, вологодских, архангель-

ских, новгородских, тверских, красноярских, пермских и др. (см.: Полякова 2007: 227; ЭССЯ 24: 27–32; СРНГ 19: 178; ЯОС 6: 86; СВГ 5: 28; ОСВГ 6: 135 и др.).

Слово *на́волок*, отличающееся в костромских говорах разнообразием семантики (по материалам картотеки костромского областного словаря и нашим личным записям, оно имеет такие значения, как ‘низменное поемное место на берегу реки’, ‘наносы на берегу реки’, ‘лес на заболоченном берегу реки’, ‘дорога’, ‘покос’ и др., а также, по сведениям ЯОС (с указанием костромских говоров): ‘заливной луг, низменный берег реки, поросший травой, иногда — кустарником’ (Ореховск.), ‘луг’ (Галичск.), ‘степные луга’ (Солигаличск.), ‘пастбище на низких заливных лугах’ (ЯОС 6: 86)), в микротопонимии отражается в основном в значении ‘поемный луг’. Это луг у реки; место, затопляемое водой в половодье; луг, прилегающий к реке, чаще затопляемый в половодье, который обычно используется под покос, пастбище и т. п., а также иное (реже) место у реки: *На́волок*. Покос около р. Солоница. *На На́волоке ещё косим* (д. Путятино Нерехтск.); *На́волок*. Покос за д. Цепино. *Покос На́волок — за Це́пным* (д. Елегино Буйск.); *На́волоки*. *Сенокос На́волоки есть* (г. Галич Галичск.); *На́волок*. Поле, где косят траву. *Косили мы в На́волоке* (д. Малышево Галичск.); *На́волоки*. Покос около д. Стрелицы. *На́волоки-то? Да у Стрёллиц покос* (Кады́й Кады́йск.); *На́волоки*. Покос. *У реки Те́бза под бывшей деревней Дми́триево На́волоки-то* (д. Ильино Буйск.); *На́волоки*. Местность, затопляемая в разлив водой, потом здесь заготавливают сено (г. Буй Буйск.); *На́волоки*. Луг. *Луга-то разные. На́волоки вот* (д. Соловьёво Солигаличск.); *На́волок*. Покос у д. Калгора. *Сенокосное поле у Ка́лгоры На́волок ещё, что рядом с болотом Утя́тник. На́волок уже на прошлой неделе скосили* (с. Сандогора Костромск.); *На́волок*. Место на р. Меза. *Мыс на левом берегу Ме́зы, ниже бывшей деревни Яки́мцево* (д. Михайловское Судиславск.) и т. д. Наволоками называют (реже) и создан-

ные руками человека объекты, например: **Наволоок**. Возвышенность в городе Солигаличе. *Участок земли этот был выровнен, поднят. Землю натаскали — наволокли, чтобы обезопасить церковный погост от весенних паводков реки Костромы. Здесь был мужской Преображенский монастырь и церковь Николы. Сейчас тут районный базар* (г. Солигалич Солигаличск.).

Как видим, слово **наволоок** широко распространено в микротопонимии разных частей костромского края, наиболее продуктивно — в Буйском и Галичском районах. Как показывают микротопонимические материалы, данный местный географический термин, ставший основой для наименования, может иметь форму как единственного, так и множественного числа; в основном это существительные мужского рода, однако встречаются и существительные женского рода, например: **Наволока**. Сенокосное угодье на берегу реки. *В Наволоку пойдём косить* (с. Новографское Буйск.).

Микротопонимы часто образуются на основе сочетания термина **наволоок** с определениями, характеризующими именные объекты по их местоположению, размеру и т. д., а также по связи с человеком (чаще это антропотопонимы), со смежными объектами (чаще населенными пунктами), сохраняя более точные, подробные сведения как об объектах, так и о давших им названия людях: **Дальний наволоок**. Покос. *Далеко находится* (д. Рогово Мантуровск.); **Дальний наволоок**. Луг. *Дальний наволоок — это у деревни Хохлово, у реки* (п. Судиславль Судиславск.); **Узкий наволоок**. Покос. *Сенокос-то Узкий наволоок ещё есть, узкий он*. **Широкый наволоок**. Покос. *Метали на Широком наволоке* (д. Буяково Сусанинск.); **Плакучий наволоок**. Луг. *Плакучие луга — у деревни Хохлово* (п. Судиславль Судиславск.); **Зайчиков наволоок**. Луг. *Зайчиков луг — луг у реки, назван по фамилии хозяйки Зайчиковой. Зайчиков наволоок у Низов находится*. **Шадрин наволоок**. Луг. *Шадрин наволоок — луг у реки, назван по фамилии хозяина Шадрина. Зайчиков и Шадрин*

рин наволоки близко находятся (д. Андреевское Сусанинск.); **Васи́льевский на́волок**. Покос. *Васи́льевский на́волок* — сенокосы. *Сгребали сено на Васи́льевском на́волоке* (д. Буяково Сусанинск.); **Ше́стыльный на́волок**. Покос. *Назван так потому, что здесь метали стога и в середину стога ставили шест, чтобы стог не развеяло* (д. Буяково Сусанинск.) и др. Во многих местах наволоками называют покосы (слова эти синонимичны) — *поляны, которые косили*, как определяют их жители, и покосы эти получали наименования — чаще антропонимические (по именам, отчествам, фамилиям, прозвищам владельцев): — *Матка, какой на́волок косить-то нынче пойдём?* — *Да вона на Михеев* (д. Деревеньки Галичск.).

Название **наволок** переносится и на другие места на реке (места рыбной ловли, места купания и т. д.): **Сивковский на́волок**. Рыболовное место. *Раньше здесь был загон для скота деревни Сивкóво. Ходил на Сивкóвский на́волок вечером* (д. Григорово Сусанинск.); **Оча́ков на́волок**. Извилина р. Вохма, расположена в 1,5 км от с. Лапишино. *В Оча́ковом на́волоке лежи водятся* (д. Лапишино Вохомск.); **Медя́нинский на́волок**. Место на реке. *В этом месте добывали чистый речной песок* (Галич Галичск.); **Китóв на́волок / Китóв óмут**. Место на реке. *Когда-то в Во́лотове жил дедушка Кит. Он постоянно ловил в этом омуте рыбу, отсюда и название* (г. Буй Буйск.) и др.

Для наименования поемного луга используются и другие местные географические термины, обозначающие также и иные географические реалии: *лы́ва, поло́й, разли́вы, зали́ха, низи́на, низи́нка, грязь, мокрjúша, низа́, ни́жник* и т. д., которые в топонимии отражены менее широко. Обратим внимание на некоторые из этих микропонимов.

Заливные луга́. Луга за р. Сендега. *По весне Заливные луга затопляются. Заливные луга вчера косили* (п. Карваево Костромск.). Данный термин обычно сохраняет свой статус имени нарицательного и в качестве микропонима

употребляется редко, в речи чаще функционируют более конкретные наименования.

Лы́ва. Заболоченный луг, заболоченный лес в пойме реки. *Коров в Лы́ве пасут* (с. Судай Чухломск.). Слово *лы́ва*, означающее болото, низменное заболоченное или затопляемое место, лес на заболоченном месте, отмечается в русских памятниках с XIV в. (СлРЯ XI–XVII 8: 315); возможно, заимствовано из прибалтийско-финских говоров (ср. карельское *liva* ‘ил, тина’) (Фасмер 2: 539). В словаре Даля: *лы́ва* — ‘лужа, мочежина, полый от дождя, разлива, родников; лывное место, полои, заливное’ (Даль 2: 275). В ЯОС: ‘низкое место, затопляемое водой во время половодья’ (в ярославских говорах); ‘низкое болотистое место’ (а также *лы́вина*; в костромских говорах — Антроповск.) (ЯОС 6: 20). Слово *лы́ва* широко распространено во многих говорах — вологодских, архангельских, пермских, олонечких, свердловских, иркутских, красноярских и др., в том числе в значении ‘заливной луг’ — в вологодских, архангельских, беломорских говорах (СРНГ 17: 216–217; СВГ 4: 56–57). В костромских говорах данное слово широко распространено, чаще в значении ‘лужа’ (практически повсеместно), а также в таких значениях, как ‘сырое место на сенокосных угодьях (часто кочковатое, поросшее осокой)’ (*Мы сегодня в Лы́ве загребали* — д. Заборье Островск.), ‘низменное место на сенокосных угодьях’ (*На лы́ве растёт густая трава* — д. Хмелёвка Вохомск.), ‘большое скопление воды в лесу, оставшееся после разлива реки’ (с. Одоевское Шарьинск.), ‘грязное место’, ‘лог с чистой водой’ (с. Угоры Мантуровск.), ‘озеро в лесу’ (Павинск.), ‘образовавшийся самостоятельно и соединенный с рекой пруд’ (*В этой лы́ве иногда бывает и рыба* — с. Понизье Антроповск.), ‘ямы у реки’ (Мантуровск.), ‘пруд’ (*Помнишь, как карасей в лы́ве ловили?* — п. Островское Островск.), ‘небольшое болото, болотце’ (с. Веденьё Октябрьск.), ‘яма после разлива реки’, ‘яма после того, как река поменяет русло’ (п. Островское Островск.), ‘большой водоем неподалеку от реки’ (д. Выпол-

зово Мантуровск.), ‘яма на заливном лугу, наполненная водой’ (д. Суворово Судиславск.), ‘ямы на дороге, часто с водой’ (*Дороги-то у нас плохие, всё в лѣвах* — д. Козлово Макарьевск.) и т. п. Топонимия не в полной мере отражает многочисленные значения данного географического термина.

Залывнѣ. Покос. *Сенокос Залывнѣ затопляется водой в весеннее половодье* (Межевск.).

Полой. Луг, лодочная станция, залив у лодочной станции, место для полоскания белья в п. Красное-на-Волге. *Полой весной заливают. На Полой многие ходят, тут часто стирают паласы. Когда-то был пологий луг тут* (п. Красное-на-Волге Красносельск.). Слово **полой** ‘глубокая приречная ложбина, где в половодье застаивается вода; речной рукав’ отмечается в русских памятниках с XV в. (СлРЯ XI–XVII 16: 240). В словаре В. И. Даля: **полой** — ‘заливное, поемное место, берег, луга; пойма, поем, займище, разлив и др.’ (Даль 3: 263). В ЯОС: ‘ровное, низкое место около реки, затопляемое водой во время паводка; пойма’ (в костромских говорах — Солигаличск.) (ЯОС 8: 52). Как показывают материалы областных словарей, **полоем** заливной луг называют, например, также в русских говорах Среднего Урала (СРГСУ 4: 83), в новгородских говорах (НОС 8: 92).

Прилу́ка. Луг. *Прилу́ка — луг по реке Пѣкше* (д. Калинин Судиславск.). **Прилу́ка.** Луг у реки. *На Прилу́ке была вышка барина* (д. Следово Судиславск.). Термин **прилук** ‘залив, лука; берег речной луки’ отмечается в русских памятниках с XVI в. (СлРЯ XI–XVII 19: 208), образован с приставкой **при-** ‘около, примыкая к чему-либо’ от слова **лук** ‘изгиб’, восходящего к праславянскому языку (Полякова 2007: 305). В БТСРЯ дается только слово **лука** ‘дугообразный поворот реки, излучина, мыс, огибаемый рекой’ (БТСРЯ: 507). В словаре Даля: **прилука** — ‘место при речной луке; внешняя большая дуга берега, при луке, изгибе реки, где прибой течения и берег крут, насупротив прилуки лука, мыс’ (Даль

3: 424). Заливное место, сенокос *прилуком* называют также в новгородских говорах (НОС 9: 20).

Разлёвы. Поле. *Пожня Разлёвы* — по реке *Водопойнице* километра за два за деревней *Харитонов Почёнок*. Во время разлива реки всю пожню заливало от леса до леса, так и зовут *Разлёвы* (с. Совета Солигаличск.).

Залиха. Сенокос ТОО «Нива». *Залиха* находится рядом с рекой *Унжсей*. В розлив часть этого поля заливают водой (г. Мантурово Мантуровск.).

Потобы. Берег реки *Кусь*. *Затопляет, вот потому и Потобы* (с. Трифон Антроповск.).

Заводица. Покос около д. *Усолье*. *Заводица* — за рекой, за водой, под *Усольем*, весной его заливают (Мантуровск.).

Заводское поле. Покос. *Заводское поле* — у реки, за водой, водой заливают его (с. *Усолье* Мантуровск.).

Замошье. Луг. На левой стороне реки *Мёзы*, от нового моста вправо (д. Михайловское Судиславск.). *Мхом* в говорах обычно называют болото, болотистое место, соответственно *замошьем* — то, что находится за болотом или вблизи него.

Грязь. Болотистое место у реки, пастбище. *Все коровы ушли в Грязь* (д. Мартыново Макарьевск.). *Грязи*. Заболоченное место у реки. *Грязи* — место заболоченное и большая, никогда не высыхающая лужа на дороге к *Андобе*, перед бором на берегу (д. Медведки Сусанинск.). *Грязью* во многих говорах называют заболоченное, топкое, сырое, грязное место.

Мокрjúша. Место на р. *Покша*. На левом берегу *Покши* это низменная часть побережья (д. Боровиково Костромск.); *Мокрjúша*. Луг. *Сегодня мы пасли коров на Мокрjúше* (д. Тимошино Макарьевск.). *Мокрушей* называют сырое низкое место, луг в сыром низком месте, сырую пожню в вологодских говорах (СВГ 4: 88).

Низá. Покосы. *Низá косят, это у реки Берёзовки* (с. Павино Павинск.). Одно из значений, данных в БТСРЯ в харак-

теристике данного слова: нар.-разг. ‘низменное место, низина’ (БТСРЯ: 649–650). Именно в этом значении этот географический термин чаще функционирует в говорах.

Ама́новский нѣжник. Сенокос. *Находится по берегу реки на другой стороне под д. Аманово. Ама́новский-то нѣжник по тому берегу реки идет* (д. Никулино Макарьевск.). **Высо́ковский нѣжник.** Покос. *Сенокос Высо́ковский нѣжник тожо, находится по берегу реки, на другой стороне, под деревней Высо́ково. Опять через реку перебраться надо на Высо́ковский нѣжник* (д. Никулино Макарьевск.).

Низѣйна. Покос у р. Никифора. *Низѣynu завтра косим.* **Низѣйка.** Покос у р. Игуменка. *В Низѣнке-то быстро косим* (д. Екатеринкино Кады́йск.). **Низино́й, низинко́й** покос у реки называют также и в Буйском, Макарьевском, Мантуровском и других районах Костромской области. **Низом, низино́й** в краснодарских, брянских, псковских, рязанских говорах называется территория, прилегающая к реке; **низамми** — низкий заливной луг в брянских говорах, **низамми** — луг на берегу реки в псковских говорах (СРНГ 21: 224).

Как показывают материалы картотеки костромского топонимического словаря и наши личные наблюдения, наиболее частотными являются наименования лугов, прилегающих к реке, что определяется особенностями водоемов костромского края. О поемных лугах, прилегающих к озеру, сведений в наших микротопонимических материалах имеется немного.

Основой для образования микротопонимов, являющихся названиями заливных лугов, становится как хорошо известная и активно употребляемая в речи диалектоносителей (**наволо́к, полой, низина** и др.), так и мало известная или зафиксированная в настоящее время только в микротопонимии (**замошье, заводица, грязь** и др.) лексика.

Микротопонимы, законсервировавшие в себе местную географическую лексику, могут служить источником сведе-

ний как для карты ЛСЛ 428, так и для других карт ЛАРНГ (например, ЛСЛ 500. Низкий, низменный (обычно затопляемый) берег; СМ 433. Употребляется ли и в каких значениях слово наволок?).

История изучения говоров Воронежской области

А. Д. Черенкова

В статье дана краткая характеристика начального, накопительного и продуктивного периодов изучения говоров Воронежской области, названы основные направления и методы их исследования, отмечены основные достижения воронежских диалектологов.

Ключевые слова: периоды изучения, русские и украинские воронежские диалекты, словари, тексты, инструментальные методы исследования

Воронежские диалекты, входящие в состав Восточной группы южнорусского наречия, весьма разнообразны, что является свидетельством былой этнической и социально-экономической разнородности крестьянского населения Воронежского края. Данное обстоятельство вносит определённые сложности в их изучение.

Изучение говоров Воронежской области имеет сравнительно небольшую историю — около 160 лет, если вести отсчет от первых публикаций (с середины XIX в. по настоящее время). По характеру, полноте и результативности исследований её можно разделить на три периода:

- 1) начальный период;
- 2) накопительный период;
- 3) продуктивный период.

Первый период был самым продолжительным. Он длился с середины XIX до начала сороковых годов XX в. Этот период характеризуется комплексным подходом к изучению сельских субэтносов: с точки зрения этнографической, социально-экономической, исторической, морально-этической, лингвистической. Активность работы была вызвана решением

Русского географического общества, основанного в 1845 г., изучить состав населения Российской империи.

Программными для этого периода можно считать слова В. И. Даля, которыми он начинает статью «О наречиях русского языка»: «Землеведение и языкознание, по-видимому, две науки почти несродственные; но если изучать землю вместе с обитателями ее, то вопрос этот принимает иной вид...» (Даль 1: XLI). Ему же принадлежит и первая характеристика воронежских диалектов.

Именно в этом ключе комплексного изучения сельских поселений были написаны первые работы воронежских исследователей — историков, священников, этнографов, учителей, помещиков и т. д. Так, историк Н. И. Второв в работе «О заселении Воронежской губернии» отмечает большое разнообразие в образе жизни, быта, одежде жителей Воронежской губернии, а также различия в речи. Воронежское сельское население он делит на талагаев в северо-западной части губернии и цуканов в Воронежском и Коротоякском уездах [Второв 1861: 222].

В 1861 г. появляется работа учителя П. В. Малыхина «Город Нижнедевицк и его уезд», в которой также описываются особенности речи местного населения вместе с особенностями жизни и быта.

Параллельное изучение этнографических данных и языковых особенностей Воронежской губернии отражено и в статьях Ф. И. Поликарпова, К. Филатова, А. Путинцева, коллежского асессора Е. А. Переверзева и др. Эти небольшие статьи, разбросанные по Памятным книжкам разных лет, читаются с большим удовольствием. Они обладают особой притягательной силой; благодаря им лишний раз убеждаешься в том, что язык нельзя изучать в отрыве от народа, а народ — без изучения его языка.

В этот период труды учёных-лингвистов были редким явлением. В 1897 году выходит «Очерк русской диалектологии» А. И. Соболевского, в котором есть раздел, посвящен-

ный воронежским диалектам. В 1898 г. — «Очерк народных говоров Воронежской губернии» К. Филатова (240 с.). В 1913 г. выходит труд Д. К. Зеленина «Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненёбных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации».

Логическим завершением этого периода и началом накопительного стал фундаментальный труд Н. П. Гринковой, ее докторская диссертация «Воронежские диалекты». По широте охвата воронежских диалектов и глубине анализа этнографических истоков этот труд до сих пор является непревзойдённым. В её работах реализован тот же принцип комплексного подхода к изучению диалектов: история заселения края, глубокий этнографический анализ, учет социально-экономического облика субэтносов. Этот же труд положил начало новому этапу изучения говоров Воронежской области — накопительному, или лингвистическому.

Итак, новый период — накопительный — начался с 40-х годов XX столетия. Связан он был с именем В. И. Собинниковой и ознаменован углублённым изучением диалектных систем по всем языковым уровням — фонетике, морфологии, лексике, синтаксису. В. И. Собинникова много работала сама и готовила учеников, которые занимались всесторонним изучением воронежских диалектов. Под её руководством была создана обширная картотека по воронежским диалектам, публиковались статьи, посвящённые описанию отдельных говоров, защищались диссертации. Перу Валентины Ивановны принадлежит описание говоров Гремяченского района Воронежской области, севернорусских по происхождению говоров Аннинского района.

Монографическому описанию диалектных систем посвятили свою работу Ю. Т. Листрова (1953), З. В. Жуковская (1954), А. И. Чижик-Полейко (1958, 1964).

В 50-е годы в работу включилась В. Н. Кретьева, которая изучала говоры Рождественско-Хавского и Каширского районов.

Во второй половине XX в. появились работы, посвящённые исследованию отдельных языковых уровней:

— фонетике (М. С. Овсянников, изучавший фонетические процессы в русских и украинских говорах в плане межъязыкового контактирования),

— морфологии (В. В. Титовская, изучавшая глагольные формы в воронежских и липецких диалектах),

— синтаксису (В. И. Собинникова, опубликовавшая две монографии о простом и сложном предложении, Е. Ф. Акаткина, исследовавшая пространственные отношения в украинских говорах Воронежской области, А. Д. Черенкова, осветившая вопрос о способах выражения изъяснительного (делиберативного) объекта при глаголах речи, мысли и чувства в русских говорах Воронежской области),

— словообразованию (И. С. Торощев защитил диссертацию по изучению словообразовательных процессов в говоре с. Коршево Бобровского района, на её основе учёный разработал новый подход к изучению словообразования, легший в основу ономаσιологических исследований [Ковалёв 1994: 214] и подготовивший почву для возникновения когнитивной лингвистики в отечественном языкознании).

Но самый большой интерес учёные стали проявлять к лексике и фразеологии, в 60–70-е годы активно в этом направлении работают Н. С. Ковалёв, В. И. Дьякова, Р. В. Херольянц, Л. К. Лыжова, Е. Н. Шестакова и др.; по ономастике см. работы Г. Ф. Ковалёва и др.

Диалектологические исследования в 50–60-е годы стимулировались фундаментальными исследованиями, связанными с подготовкой новой диалектологической карты русского языка и Общеславянского лингвистического атласа, а в 90-е и 2000-е годы — работой над Лексическим атласом русских народных говоров.

Основным недостатком этого периода является слишком малое количество говоров, подвергнутых полному системному описанию.

Накопительный период постепенно перерастает в период реализаций. Первое десятилетие XXI в. вполне заслуживает быть названным продуктивным этапом в изучении говоров Воронежской области. Всё, что было собрано в предшествующие годы, стало реализовываться в значительных публикациях.

Самым главным продуктом нового тысячелетия стал Словарь воронежских говоров. 2 выпуска словаря (2004, 2007) подготовлены к печати коллективом кафедры славянской филологии ВГУ под руководством Г. Ф. Ковалёва.

Судя по первым выпускам, можно предположить, что он обещает быть объёмным и интересным в плане отражения духовной и материальной культуры сельского жителя Воронежского края.

«Словарь воронежских говоров» является толковым словарем дифференциального типа, куда входят собственно диалектные слова и общерусские слова с диалектным значением. Авторским коллективом произведены огромные усилия в обработке богатейшей картотеки, собранной преподавателями и студентами за период свыше 50 лет. Это поистине коллективный труд, в котором приняли участие сотни собирателей.

Ономастические изыскания Г. Ф. Ковалёва, отражающие микропонимию и антропонимию Воронежской области, основанные на добротном этимологическом и мотивационном материале, также обогащают наши знания и представления о языке, культуре и истории сельских поселений и самих жителей Воронежской области. Работа по региональной микропонимии вылилась в словарь «Микропонимия Воронежского края», который был опубликован в 2007 году. Как руководитель ономастических исследований Г. Ф. Ковалёв подготовил специалистов, которые успешно работают

в этом направлении: Т. В. Аржаных (Толбина), Л. Н. Верховых, О. В. Дмитриева, Ю. С. Мещерякова, Е. Ю. Никитина, Е. А. Орлова, С. А. Попов, И. Проняева, В. А. Сёмушкин, М. А. Ююкин, В. П. Фролова, В. А. Стрыгин и др. Все вместе они охватывают почти весь спектр ономастического пространства Воронежской области: ойконимию, гидронимию, антропонимию, зоонимию, катойконимию и др. Один из его учеников С. А. Попов на базе своей диссертации опубликовал словарь «Ойконимия Воронежской области» (2003).

Большой опыт изучения говоров Воронежской области имеет В. И. Дьякова. Со второй половины 60-х годов под руководством В. И. Собинниковой Вельмира Ивановна начинает активно заниматься изучением географической лексики. Долгие годы кропотливого труда привели к желаемым результатам: в 2009 г. вышел в свет «Словарь географической лексики Воронежского края (с историческими комментариями)» в соавторстве с В. И. Хитровой.

В 80-е годы XX в. под руководством В. И. Собинниковой стала изучать украинские говоры Воронежской области М. Т. Авдеева. Благодаря её работам был исследован сложный вопрос русского-украинского контактирования. В результате в 2008 и 2012 гг. были опубликованы два тома «Словаря украинских говоров Воронежской области». Даже беглый просмотр словаря показывает, что воронежские украинские говоры имеют признаки переходности от украинских к русским.

С 90-х годов XX в. под руководством В. И. Собинниковой начались исследования В. Ф. Филатовой в этнолингвистическом аспекте, переросшие затем в этнолингвосомиотический аспект. Результаты её многолетней деятельности выразились в замечательной монографии «Магический дискурс», которая была опубликована в 2010 г.

В последние годы было защищено несколько диссертаций по диалектологии. И все они посвящены изучению лексики.

Отрадно отметить, что во всех случаях избран тематический принцип исследования лексики. Это такие диссертации, как:

1) М. В. Панова (Концова) (лексика одежды), здесь самым сильным направлением является лингвогеографический аспект. По распространению отдельных видов одежды и их наименований она выделяет два больших ареала — западный и восточный, границей между которыми является река Дон.

2) Т. В. Карасёва (лексика питания) изучает её с точки зрения внутрисистемных отношений, в том числе в плане синонимии, полисемии, омонимии, антонимии, а также в стилистическом, мотивационном и деривационном аспектах.

3) Л. И. Гончарова (наименования посуды и кухонной утвари) в диссертации также рассматривает мотивировочные признаки и деривационные процессы.

4) Куйдина (ихтиологическая лексика).

5) О. В. Смирнова (растительный мир в лингвогеографическом аспекте). Жаль, что карты сделаны только по восточной части Воронежской области.

6) Т. Литвинова (номинации человека как отражение языковой картины мира).

7) Л. В. Недоступова (природа и человек), материал для которой собирался по Программе ЛАРНГ.

Ценность всех перечисленных исследований состоит в том, что их можно использовать для работы над ЛАРНГ.

Недостаток продуктивного периода заключается в том, что исследовалась в основном лексика. Правда, в последнее время благодаря усилиям сотрудника Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН С. В. Дьяченко началось изучение фонетики воронежских говоров с помощью инструментальных методов исследования [Дьяченко 2011].

Несмотря на то, что по воронежским говорам опубликовано достаточно много материалов, следует сказать, что воронежские диалекты изучены чрезвычайно мало, особенно с

точки зрения системного описания. Сотни диалектов ждут своих исследователей.

Чем полнее будет изучена речь отдельных регионов, тем точнее будет наше представление об устройстве и функционировании диалектного русского языка, тем полнее будут знания о духовной и материальной культуре русского народа.

Литература

Второв Н. И. О заселении Воронежской губернии // Воронежская беседа на 1861 г. СПб., 1861.

Дьяченко С. В. Система ударных гласных в русских говорах запада Воронежской области // Современная славистика и научное наследие С. Б. Бернштейна: Тезисы докладов международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения выдающегося отечественного слависта д. ф. н, проф. С. Б. Бернштейна, 15–17 марта 2011 г. М., 2011. С. 64–68.

Ковалёв Г. Ф. Иван Степанович Торопцев (1922–1989). К портрету учёного // «Филологические записки». Вестник литературоведения и языкознания. Вып. 2. Воронеж, 1994. С. 212–216.

Addenda, corrigenda (СРНГ)

В. В. Шаповал

Ошибки прочтения пересматриваются на базе интеграции старых источниковедческих инструментов и новых источников и возможностей. Такой подход оказывается продуктивным при возвращении к первым выпускам СРНГ.

Ключевые слова: ошибка прочтения, их выявление и исправление, новые источники и возможности

Рост интереса к верификации словарных материалов в последние годы проявляется в разнообразии подходов (А. Ф. Журавлев, А. Б. Страхов и мн. др.). В настоящей статье мы стремились продемонстрировать перспективность интеграции старых источниковедческих приемов и новых технических возможностей, в частности, обеспечивающих доступ к оцифрованным изданиям прошлого, напр.: [Несколько слов dots 1861; Слова dots 1847; Якушкин 1860]. Однако последнее не отменяет ценности картотеки СРНГ, созданной вековыми усилиями исследователей прошлого. Более того, привлечение первоисточников зачастую помогает глубже понять смысл выписки, сделанной когда-то для себя (см. ниже *вижэ*). Повторное обращение к карточке с учетом данных нового источника также бывает неоценимо полезным. Думается, настало время поставить вопрос о создании электронной копии картотеки и рукописных источников СРНГ. В свете новых информационных возможностей это стало бы мощным фактором повышения научного уровня частных диалектологических исследований на базе действенной преемственности.

Состав ресурсов для верификации редкого слова постоянно меняется. Меняется и состав данных, на которые опи-

рается конкретный исследователь. С одной стороны, стало легче обратиться к копии провинциальной газеты XIX века, и это нередко приводит нас к истоку конкретной ошибки, но с другой — не остается неизменным актуальный опыт исследователя. Речь не только о том, что нынче трудно приобрести реальный опыт вязания снопов или плетения лаптей, но и о том, что дефиниция, казавшаяся прозрачной людям XIX столетия, сегодня нуждается в историческом и культурном комментарии, а верификация начинается с осознания необходимости такого комментария. И в этом отношении и вообще как базис для исследований по исторической диалектологии СРНГ обладает большими верификационными возможностями. Часть конъектур, предлагаемых ниже, опирается только на сопоставление данных разных выпусков словаря.

Далее следуют заметки, дополнения и уточнения к описаниям 78 слов в СРНГ.

Абвахлѣтитъ — см. *обвахлѣтитъ* (СРНГ 1: 189), последнего нет (СРНГ 21: 356).

Абычатъ ‘сохнуть’ (тобол.) (СРНГ 1: 196) < +*абыгатъ* = *обыгатъ* (Аникин 2000: 74), на основе карточки А. В. Миртова [Шаповал 2010б: 146; Шаповал 2010г: 159–160], копирующей *абыгатъ* (сов. вида) ‘просохнуть’ [Патканов, Зобнин 1899: 487]; (СРНГ 1: 195).

Агáчда ‘полуторный пай, мера чего-либо’, пензенское (СРНГ 1: 201), — в соседстве с *агач* ‘да’ представляется фантомом, результатом ошибочного слияния на письме *агач* + *да* [Шаповал 2010в: 76].

Ажогóдно. См. *Ожегодно* (СРНГ 1: 209), не по алф., + *ажагодно*.

Алабырь ‘алатырь (камень)’, алтайск. (СРНГ 1: 209), смешение *б* — *т* [Журавлёв 1998: 101; Журавлев 2005: 453], только: «*Алабырь, алатрѣ*, камень, упоминаемый в наговорахъ знахарей. *Въ чистомѣ полѣ лежитѣ бѣль-горючѣ камень, алабырь (алатрѣ), а на томѣ камени...* Кажется, это испорченное *albatre, алебастрѣ*» [Гуляев 1848: 113]. Вариант

алабырь вне этого словаря даже в фольклорных текстах, опубликованных С. И. Гуляевым, не представлен [Шаповал 2010б: 145].

Альмóвка [знач.?] (СРНГ 1: 245). В песне: «*Привя́з-вал вóрона ко́ня / Г зилéнай альмоу́ки. У Даля неть*» [Будде 1904: 113]. Возможно, правильное: + *ильмовка?* ‘лесное дерево из семейства вязовых; ильм’ [Шаповал 2010б: 146]. Др. версия: + *ольховка* ‘дерево ольхи’, ср.: «*Альховик. См. Ольхóвик*», «*Ольхóвик*, а, м. 1. Ольховый лес, ольшаник» (СРНГ 1: 246; 23: 193).

Алора — ? См.: «*Алóра*, -ы, ж. Песня (какая?). *На ви-чиринкx пели, бывалó, много, алор.* Зол<отухинский р-н>. 1-я Воробьевка» (СКГ 1: 45), не рассматривается в (Аникин 1). Игнорируя предложенную пунктуацию, фрагмент *бывалó много алор* можно трактовать как ‘бывало много девушек’, ср. (с обычным для жаргона усилением негативной коннотации): «*Алора* — проститутка» (Потапов 1927: 7).

Амарáм, нареч. Очень быстро, моментально (СРНГ 1: 250), источник — воронежское *áмарам* [Путинцев 1906: 109], т. е. *áмором* в фонетической записи, ср. донское: «*Амором* — очень быстро» (Миртов 1929: 5).

Амы́шиа, ы, ж. Еж (СРНГ 1: 253), ср.: «Возможно, искажённое *ажы́шиа* = *ожы́шиа (ежище)*» (Аникин 1: 206), под влиянием следующего *ы* в фонетической записи был затруднен выбор правильного *ж* [Шаповал 2010а: 66; Шаповал 2010б: 145]. Так в источнике; опечатка, о которой свидетельствует и нарушение алфавитного порядка: «*Ажно* и *ажной* — такъ, что (Ист.<обное>). / *Амы-шиа*, -шшы, м. — ежъ (Бер.<езово>, Ист.<обное>, Рогов.<атое>). / *Азеришиа* — урочище въ с. Роговатомъ» [Поликарпов 1911: 315].

Анёва? ‘яркая полоса неба, промежь тучь’, архангельское (Даль 1: 15); = + *огнёва* [Шаповал 2009а: 161, 164].

Анко ‘так что, даже’, олонекское (СРНГ 1: 260); = ⁺**анно**, как в источнике: [Великорусские народные песни IV: 166], см.: [Шаповал 2010г: 162].

Апикулянты и **Сикуляндры** спекулянты: *За этими апикулянтами ничего не купишь, такая эта зараза* (Сашилово) (Расторгуев 1973: 42). В картотеке есть, в СРНГ не включено. Возм., неверное прочтение эмфатического ⁺**спикулянты**.

Апонь 2817 — ? [Киреевский-II(2): 376, 300 (№ 2817)], в СРНГ нет, в песне: «*Весна скроится, вода апонь пайдет, Падмоит тваи все корешки, Занесет тебе далеко!*»; ***о-пó-д(з)н-ь** = ***оподонь** ‘по низу, ко дну’. Упрощение в группе согласных, как в **перечень** = ***перечьтьнь**.

Апя́ ‘опять’ — Гецова, 1952 (карточка): «*Вò, в’адрò ап’Л пòлнòга*». Катагоща, Ряз. В СРНГ не отражено.

Арэгва? ж. арх.-мез. артель промышленниковъ (Даль 1: 19), = ⁺**арава** (часто с аканьем на севере) ‘орава’ [Шаповал 2009а: 174].

Арема: «1. **Аремá**, ы, ж. Раковина, выбоина в стволе ружья. Арх., Даль (под знаком вопроса)» (СРНГ 1: 273), ⁺**аржа**, переразложение **жс** — **ем**, ср. (южное!): «**Аржа**. См. **Оржа**» (СРНГ 1: 274), «**Оржá**, и, ж. 1. Ржавчина. Курск., 1886. *Оржа что хочешь проест*. Орл.» (СРНГ 23: 339). Нет ли ошибки и в помете арх.?

Арэпчик ‘хрен’ Уральск. (СРНГ 1: 274) // Связано с **репа**, **а-** вторично [Филин 1966: 31]; (Аникин 1: 126); «явления абсолютного начала слова: в ряде слов в диалектном произношении присутствуют гласные, которых нет в литературном языке {...} **арепчик** ‘хрен’ (Уральск.)» [Филин 1966: 30, 31]. И. Г. Добродомов восстанавливает чтение ⁺**хренчик** (устное сообщение). Думается, к **арепéй** ‘репей’ (народное средство от ревматизма и подагры, как и хрен). Слово из материалов Н. М. Малечи: «**Арэпчик**, а, м. Хрен. *Горчицей и арепчиком пообливали да меня лечили*. Бударин Чапаев. Уральск., Малеча, 1963» (СРНГ 1: 274). Слово **пообливали**

странно, в СРНГ, видимо, возникло как результат недоучтённой правки начального *и-*. Второй словарь даёт *ибливали*: «*Арѣпчик*, -къ, — хрен. *Горчицей и арѣпчиком ибливали да меня лечили*. Буд.» (Малеча 1: 69). Начальное *а-* встречается в вариантах слова *репей*. Люстра в воронежском говоре была названа по сходству с репейником: «*Аряпей* въ см<ысль>. люстра» [Поликарпов 1906: 29].

Архилинь? м. сказочная трава, собираемая (как и необычный цвет папоротника) в ночь на Ивановъ день, 24 июня, и охраняющая отъ сглаза, порчи и пр. (Даль, 6-е изд. 1: 25; Даль, 3-е изд. 1: 65), только тульское (Доп. Опыт: 2; СРНГ 1: 280). Ср. калужское *арахиль* 'волшебная трава' (Аникин 1: 305, 262; СРНГ 1: 269). Возможно, Даль сомневался в записи, ср. варианты: «*Архалин, архилин*» 'то же' (Анненков 1878: 674). В связи с этим словом следует рассматривать: «*Серхнилин*, м. Трава [какая?]. Сольвыч. Волог., Ордин, 1879» (СРНГ 37: 224), «Травник» Ордина датируется 1847 г. (СРНГ 1: 141). Не +*архилин* ли?

Аришатъ 'смотреть' (калуж.), «Неясно» (Аникин 1: 310, 311), +*вершâtъ*?, ср. офенское и проч. *вершâtъ* 'смотреть' [Шаповал 2010б: 146]. См. также *ахва*.

Аслаиш. То же, что асламщик <торговец>. Астрах., Васильковский, 1856. — Ср. *аслам, асламка, аслашка* (СРНГ 1: 285). «Скорее всего, не более, чем искаженное *аслам*» (Аникин 1: 317). Это прочтение могло быть подкреплено получившимся сходством с другими именами лиц на *-аи*: *торгаиш, мордаиш* [Шаповал 2010б: 145]; однако им же могла быть вызвана и экспрессивная трансформация исходного *аслам* в агентив на *-аи*.

Атусна [удар.?), нареч. Оттуда, с того места. Хмелевое Ефрем. Тул., Лавров, 1850 (СРНГ 1: 292), возм., = +*атута*, неточное толкование, ср.: *Атута*, нареч. Здесь, вот здесь, тут. — *Иван, где ты?* — *Атута*. Смол., Добровольский, 1914 (СРНГ 1: 292) = *вот тута*.

Атьма́нник, а, м. Бедовый, отчаянный человек. *Атьманник ты этакий*. Мамошка Пореч. Смол., Добровольский, 1914 = (Добровольский 1914: 16); возм., переразложение **ъм** — **юк**, ср.: «**Атюка́ник**, а, м. Человек, не боящийся угроз; нахальный ослушник. Пск. Пск., Савицкий, 1850; Второе Доп., 1905–1921» (СРНГ 1: 292), от межд. *атю*. Также: «**Отю́ка**, и, м. и ж. Тот, кого много бранят. Пск. Пск., 1902–1904. Пск.»; «**Отю́каник** и **отюка́ник**, а, м. 1. То же что отюка» (СРНГ 25: 18). Сходство толкований и графики пары слов **атьманник** и **отюканик** симптоматично. Первое слово известно из единичной фиксации, является изолированным, вызывает обоснованные сомнения.

Афя́ть. «Прийти в себя после обморочного состояния от жары или духоты; дать возможность ветром удалить пот на лице; освежиться». Мещов. Калуж., Косоголов, 1916 (СРНГ 1: 294) = ⁺*охрия́ть*, переразложение начальной графической группы [Шаповал 2010а: 146], ср. *охрия́ть* (СРНГ 25: 154).

Ахва́, ы, ж. «Дыра, прореха; пробоина, прорез в шкуре, порча ее от неосторожного выстрела, укола или удара чем». Онеж. Арх., Даль (под знаком вопроса); **Ахвита́**. «Испортить шкуру выстрелом, уколом, подрубом». Онеж. Арх., Даль (под знаком вопроса); **Ахводитъ**. То же (СРНГ 1: 296); **Аховня́**, и, ж. Испорченная ахвою шкура (см. **Ахва**). Онеж. Арх., Даль (под знаком вопроса) (СРНГ 1: 297). «Вероятно, из какого-то уральск. (саам., п.-фин.) яз.» (Аникин 1: 345). Возможно, не случайно созвучие этого довольно богатого гнезда с офенским **са́фитъ** ‘резать’ (Даль) [Бондалетов 2004: 319], **цафитъ** и **цафа** ‘коса’ [Бондалетов 1992: 134–135] и мн. др., хотя географически это не офенский регион. Если так, то нет ли здесь переразложения типа **Аршава** ‘Варшава’?

Ахта́п, а, м. Кусок (чего-либо) (СРНГ 1: 297), по карте Л. И. Царевой, 1961, где искажена запись: «атхапъ — кусокъ» [Левочкин 1914: 10], т. е. *от-хап* [Шаповал 2010б:

147]. А. В. Миртов уточняет, что рыбу режут поперек *на отхон* (т. е. ‘совсем’, нет в СРНГ) или *карбовкой* (надрезают для последующего отламывания) (Миртов 1929: 390).

Ача́та ‘ватага’ (смол.), «Искаженное *ватáга* с утратой *в-?*» (Аникин 1: 351), ср. *атага* (СРНГ 1: 299). Ударение по записи: «Пайдуть хлопцы ачатыю» (Добровольский 1914: 16), с неудачной попыткой реконструкции графики [Шаповал 2010б: 145]. Все-таки 2–3 буквы из 6 — это серьёзное допущение. Возм., не ‘ватагою’, а ‘ачáтою’ или ⁺*ачáтьею* / ⁺*шáтьею*? Ср. с начальным *а-* вариант *ашатня* ‘шатия’ (СРНГ 1: 299).

Бадра́ ‘карга, страшилище’, «*Эта сударыня такая шадра-бадра, что думается, что на розже-то у ней черти гороз молотили*. Кологр. Костром., 1895–1897. Онеж. Арх.» (СРНГ 2: 40); «рифмованное образование к *шадра*» при дефисном написании ставит проблему границ слова, о чём см. [Страхов 2004: 254], где уточняется и семантика: «о женщине со следами оспы на лице». Примечательно созвучное слову *бадрá*, но с другим ударением: «*Бадáра*, ы, ж. Неряшливая женщина. Нижегород., 1850» (СРНГ 2: 38).

Балжаш (СРНГ 2: 82, 83) = ⁺*балмажсь*, «Несомненна неточность» (Аникин 2: 141). Так в источнике: «Балжашь — Шутникъ, озорникъ» [Герасимов 1893: 377], по нашему мнению, точнее: ⁺*бáлмашъ* / ⁺*бáлмошъ* ‘то же’ [Шаповал 2013: 279].

Банолда ‘дура’, рязанское (СРНГ 2: 97), «скорее всего, искаженное ⁺*ба́йóлда*» (Аникин 2: 180), ср. *байóлда*, ы, м. и ж. ‘дура / болтун’ (СРНГ 2: 56). Также по ранней публикации: «1. Ж. Бранно. Дура. Раненб. Ряз., 1828» = *байолда*, ы, м. и ж. ‘дура / болтун’ (СРНГ 2: 56). Однако есть и другая версия исправления: ⁺*баколда*, ⁺*бахолда* [Журавлёв 2002: 129].

Батминь «[род? удар.?]. Пуд. Твер., 1820» (СРНГ 2: 144), так в источнике: из условного языка бежецких торгов-

цев *батминь* ‘пуд’ [Отличные выражения 1820: 168]. Весьма вероятно, + *батманъ*.

Башенный [?], ая, ое. [Знач.?). *Мне-ка съездить прокатиться Со подружками со милыми, Со башенной дорогой волей*. Пудож. Олон., 1903 (СРНГ 2: 163); предполагалось смешение *ш* — *щ*; причастие *башцённая от глагола *башцётся, от прил. *баской* ‘красивый’ [Страхов 2008: 218]. Двойная реконструкция логически безупречна. Добавим сюда и свердловское *убащивать* ‘украшать’ (СРНГ 46: 112). Однако, учитывая, что в плачах невеста перед замужеством обычно прощается с *бажною* волей [В. 1896: № 31, 4; Барсов III: 161, 178, 181, 183, 199], вероятнее прочтение + *бажён* <н>ый. Вятское: «*Бажоный* — милый, любезный. Употребляется въ томъ же значеніи и въ Арханг. губ.» [Слова dots 1847, № 42: 274] и др.

Бгатшан <...> [удар.?). Единица веса в 10 фунтов, обычно для взвешивания соли <...>. Костром., Бурнашев [опечатка?]. — Ср. *Батман* (в 1-м знач.) (СРНГ 2: 168). Ср. *батман* ‘единица измерения веса различной величины’ (СРНГ 2: 143), «Рукописное *м* прочитано как *ш*; наличие *г* непонятно» [Страхов, Журавлёв 1995: 184], так же: (Аникин 2: 318). Разложение *Б* (в начертании В. Бурнашева всегда без «челочки», то есть завитка вниз слева в точке пересечения вертикальной мачты и идущей вправо горизонтали) на *б* и *г*, с последующим восстановлением прописной в начале слова. Ср. *Бóанда*.

Беккемёдъ [род?]. Длинная булка (СРНГ 2: 207) < + *бёккexцЪ*, идиш *בֶּקֶכְעֶמֶד* [бэкэхц] ‘выпечка’, смешение: *м* — *х*, *ед* — *ц*, *ѣ* — *ь*, тот же корень в нем. *backen* ‘выпекать’.

Белица: 2. *Беліца*, ы, ж. «Конопантный топорик?». Даль [без указ. места, с пометой «судоходн.»] (СРНГ 1: 213), надо: *конопатный*, как исправлено в 3-м изд. (Даль, 3-е изд. 1: 378), то есть служащий для конопаченья, заделки швов пенькой.

Берёмё. Беремя (вятск.) [Васнецов 1907: 15], морфологический вариант не отражён в СРНГ.

Беркѣшка ‘?’ (СРНГ 2: 259), курское, по нашему мнению, правильно: **бѣрнушко** ‘брёвнышко’ (СРНГ 2: 260); «По краюшкам — бернушки, Одеяло — борона» (СРНГ 2: 259, 260); [Великорусские народные песни II: 283–284 (№ 337)], — где ординарное чтение **бѣрнушко** и толкование ‘брёвнышко’ обосновать можно [Шаповал 2010г: 166, прим. 10].

Билей... заяць (Даль 1: 76), фонетическое явление, произношение слова **бѣляй** (с «ять» в корне между мягкими), или же неверно прочитанное **бѣлягъ** [Шаповал 2009а: 177].

Билетенъки, мн. [удар.?). [Знач.?). *Приказал мне милый Да рубашечку вымати Билетенъки вымать* (песня). Дмитров. Орл., 1905 (СРНГ 2: 291). В источнике так же: «*Да рубашечку вымати / Билетенъки вымать*» [Добровольский 1905: 361], значит ‘да рубашечку вымыти, белёшеньки вымыть’.

Биремачик [род? удар.?). [Знач.?). *Ходя свинья по бору, рве траву лобадy, рве и бере, на биремачик кладе* (детская считалка). Обоян. Курск., 1862 (СРНГ 2: 292). Слово м. р. **биремачик** в обоянской считалке: «*Ходя свинья на бару, — рве траву лобадy; — рве и бире, на биремачикъ кладе. — Туцъ — лусъ — пунья — звизда — княсь*» [Машкин 1862: 115]. От **беремя**, ср.: — Доп. [Знач.?). *Брали хлеба, лебеду, Она берет — не берет, Во беремечко кладет* (Детск. фольк.). Баргузин. Виноградов. Бурят.-Монг. АССР. (СРНГ 2: 254).

Блычка [удар.?, знач.?), орловское (СРНГ 3: 32) < + **Ёлычка** ‘ёлочка’ [Шаповал 2011: 248].

Боанда ‘вентерь’, нижегородское (СРНГ 3: 35), возможно, из + **Банда**, ср. **ванда** ‘верша’ (СРНГ 4: 36), переразложение **В** (**В**) на **б** строчную и **о**, с последующим восстановлением прописной в начале слова; ср. **бгатшан**. Так в источнике, но без ударения: «Боанда — рыболовной инструментъ изъ таловыхъ прутьевъ, величиною съ бочку, съ дву-

мя жерлами, которая ставится на быстрики воды въ ярахъ» [Несколько слов dots 1861: № 49, 348].

Бода́ст, а, м. Рог. Два бодаста, четыре ходаста, один махтырь да два ухтыря (загадка: 2 рога, 4 ноги, один хвост и два уха). Пск., Осташк. Твер., 1955 (СРНГ 3: 55). «Ниже читаем: “**Бода́сто**, а, ср. Рог”, «Трактовка заглавных слов как имен существительных неверна», «сигматический аорист 2-го л. двойств. числа глагола бодати» [Страхов 2004: 256]. Вопреки чему карточка, написанная В. И. Чернышёвым, из картотеки СРНГ, отмечает: «**Бода́стая** корова = бодунья. Прасолово. Клинск. <ого р-на Моск. обл.>» В СРНГ почему-то только псковское: «**Бода́тый**, ая, ое. Бодливый (СРНГ 3: 55). Наличие прилагательного **бодастая** повышает достоверность производного **два бодаста** (хотя выбор начальной формы затруднён по причине единичности контекста), несмотря на то, что обычно суффикс **-аст-** присоединяется к именным основам (обратные словари указывают более 40 производных от названий частей тела).

Борóтиться, несов. Бороться. *Стал он тешиться да он боротиться.* Онеж., Гильфердинг (СРНГ 3: 118). В двух былинах («Ставерь» и «Рахта Рагнозерский») имеется три контекста с этой формой инфинитива: «*Не угодно ль с моима дворянами потешиться, / А и потешиться да поборотиться?»*; «*Он выходит да на широк двор, / Стал с дворянами он тешиться, / Стал он тешиться да он боротиться»*; «*— Ты естъ нуньчу Рахта рагнозерскии? / Требует тя князь нуньчу московскии / С тым борьцом да поборотиться»* [Гильфердинг 1873: 71, строки 236, 242, № 7; 98, строка 62, № 11]. Это только отличная форма инфинитива, как и **идтить**. Остальные формы те же, что в **бороться**.

Боу́шикѣ? ‘икона’ (ряз.), Даль склонялся к конъектуре **бѣжикѣ?** (Даль 1: 107); переразложение **ѣжн** — **уш:** †**божникѣ?** [Шаповал 2009а: 165].

Бочат, а (чаще мн.). То же, что *бочка* 1 (СБГ 1: 75), мн. ч. *бочаты* (ср. р.), от правильного *бочонок*? Неточность в образовании начальной формы.

Брыкать, калужское: «*Брыкать*, аю, аешь, несов. [удар.?). Рыгать [?)]» (СРНГ 3: 215), вероятно, всё-таки сов. вида: **<о>б-рык-а-ть?* = *обрыгáть*.

Бўгодникъ? м. арх. старшина раскольнич. скита поморского толка (Даль, 3-е изд. 1: 135; СРНГ 3: 237), вероятно, из *богоугодник*.

Буером, а, м. [удар.?). То же, что *буераг* (в 1-м знач.). Дон., 1929 (СРНГ 3: 252). Запись сомнительна, она вызывает вопросы: «*аг* (или *ак!*) воспринято как *ом*» [Страхов, Журавлёв 1995: 185]. Донское (?) *буером* ‘буерак, овраг’ впервые описано А. В. Миртовым по «Донским рассказам» М. Шолохова (Миртов 1929: 29), где позднее заменено другим словом: *бурелом* [Шаповал 2013: 281].

Булатаный, ая, ое. [Знач.?) (СРНГ 3: 267), опечатка вм. + *булатаный* ‘булатный’ (в песне, см.: [Ефименко 1877: 127]).

Бўрмень, я, м. Майский жук. Черепов. Новг., 1910 (СРНГ 3: 249); так в источнике: «*Бўрмень*. Майский жукъ» [Герасимов 1910: 20], однако ранее: «*Буришень*, я, м. [удар.?). Майский жук. Черепов. Новг., Герасимов, 1853» (СРНГ 3: 301). «Зная о частом смешении рукописных начертаний букв *м* и *ш* (особенно строчных), в одной из этих заголовочных форм можно заподозрить фантомное чтение» [Журавлёв 2003: 387]; (Аникин 5). Более ранняя публикация с *ш*: «*Буришень* — Майский жукъ» [Герасимов 1893: 376].

Буфёково. «Название пустоши». Черепов. Новг., Герасимов, 1910 (СРНГ 3: 317), < + *Буераково* (Аникин 5); [Страхов, Журавлёв 1995: 185]. Можно представить и прочтение с точным соотношением графических элементов *аг* — *ек*: + *Буерáгово*. Правда, в источнике 1910 г. представлено другое слово, которое дальше отстоит от предлагаемых чтений: «*Бурфёково*. Названіе пустоши» [Герасимов 1910: 26]. Ранее

в [Герасимов 1893; Герасимов 1898] такой единицы микропонимики нет.

Бўхвистить «Звонить. Новоторж. Твер., 1852.» (СРНГ 3: 321). Предположение А. Б. Страхова: «стяжение **б(ог)у-вѣстить** в *бухвистить*» [Страхов 2004: 257]. В «Опыте» к этому глаголу нет дополнительных сведений и иллюстративной цитаты (Опыт: 18). Ср., однако, синонимичное тверское: «1. *Бўхвостить*. Мелко и часто звонить. Твер., Даль» (СРНГ 3: 322), а также новгородское (без толкования): «*Бухвостить* — (=?)» [Герасимов 1893: 377]. Скорее *бўхвистить* = +*бўхваститъ*.

Былица — значение слова в песне забыто [Шаповал 2012а: 114]: «2. *Былица*, ы, ж. [Знач.?). <...> в коей руке былица, Змеиная крылица. Сиб., <...> Костром.» и др. (СРНГ 3: 345), ср. под *крылице*: «*Крыло, крылышко*. <...> В чьи руки мылица, Змеиная крылица (песня). Козлов. Тамбов., Киреевский» (СРНГ 15: 342). Это песня про святочное гадание «Уж я золото хороню...» [Великорусские народные песни VII: 620, № 729]. Ф. И. Буслаев пояснил: «Так спрашивается в песне о золотом кольце» [Буслаев 1990: 438]. А. Н. Афанасьев сообщал: «У русскихъ и чеховъ уцѣлѣла старинная святочная игра, основную мысль которой составляет: исканіе золотого кольца = солнца, сокрытаго змѣемъ» [Афанасьев III: 740]. См. также: [Журавлев 2005: 913; Прокошева 2005: 226].

Вагѣта, ы, ж. То же, что *ваготá* <бремя, тягота>. Нижнедев. Ворон., Поликарпов, 1863 [с пометой «ист.»] (СРНГ 4: 10), «Ист.» значит *Истобно́е* — село в Репьёвском районе Воронежской области [Поликарпов 1906]. Так в источнике: «*Вагатá*, -ты, ж. и *Вагѣта*, -ты, м. — бремя, тягота (Ист.)» [Поликарпов 1911: 460]. Помета *м.* — опечатка, вероятно, как и ударное *ѣ*, надо +*вагѣта*, ср. ударение в слове с противоположным значением: *вальгѣта* ‘свобода, простор’ [Там же: 461].

Валтру́нить ‘лениться’ (Даль, 3-е изд. 1: 397; СРНГ 4: 30), нижегородское, подтвержденное (Доп. Опыт: 17), Бодуэн добавил в словарь Даля под *валить*, но не стоящее рядом *валтрунѣ* ‘лентяй’ (Доп. Опыт: 17; СРНГ 4: 30), подалевски — *валтрупѣ* ‘лентяй’ (Даль, 6-е изд. 1: 162; СРНГ 4: 30). Последнее в отсылочной статье Бодуэна приобрело срединный *-ѣ-*: *валтрупѣ* (Даль, 3-е изд. 1: 400). Выбор между вариантами написания невозможен. Отсылки к вышеприведенным не имеют: явно связанные с ними слова: также нижегородское *валтрупѣ* ‘валтруп, лежебок, лентяй, дармод’, *валтру́нить* ‘валяться, спать, лениться’ (Даль, 3-е изд. 1: 581; Даль, 6-е изд. 1: 237; СРНГ 5: 76). Даль, десятилетие живший в Нижнем Новгороде, мог, видимо, подкорректировать «Опыт», но добавления Бодуэна восстановили неясность. На основании статьи Даля *валтрупѣ* ‘лежебок, лентяй, дармод’ это слово описано как семинарское жаргонное слово (Анищенко 2007: 66), однако у Даля семинарским названо лишь выражение «Мужикѣ валтрупѣ дубинородный» (СРНГ 5: 76).

Вáрия ‘очаг’ (арх., однократно) / *вáрня* ‘очаг’ (арх., дважды) (СРНГ 4: 54, 57), чтение с *-н-* встраивается в ряд с тем же суффиксом [Шаповал 2010г: 166, прим. 8].

Вáтлатъ (грамм.) ‘говорить’ (новосиб.) (СРНГ 4: 71), но сомнительно однократно отмеченное *ватлѣтъ* ‘то же’ [Шаповал 2009б: 124].

Ватóлмѣся (грамм.) ‘румяниться’ (новосиб.) (СРНГ 4: 72), но сомнительно *ватолатѣся* ‘то же’ [Шаповал 2009б: 124].

Велеглі́вѣый, ая, ое. Заносчивый. Кушвин. Свердл., 1964 (СРНГ 4: 106). «Эта форма была внесена Ф. П. Филиным (1972, 278) в список рефлексов праславянского сочетания *dl. Однако есть все основания подозревать, что форма *велеглі́вѣый* восходит к ц.-славянскому написанию «под титлом» *велеглі́вѣый*, т. е. *велеглаголивѣый* ‘многооречивый, многословный’» [Страхов 2004: 258]. Иначе: «Производное

с суфф. *-лив-* от основы, содержащей *веле-* (или испытавшей влияние слов на *веле-*); однако *-г-* неясно» (Аникин 6: 206). Искажение прил. *вередлі́вгий?* или потенциального **велегла́вий?* Однако наиболее простая версия: ⁺*велечли́вий*, от *вельча́ться* ‘упрямиться’ (симб., по карточке из 2-го Доп. к Опыту) = *велича́ться* (СРНГ 4: 110).

Верботы́ ‘оборки на рукавах’ орл. (СРНГ 4: 123) // Заимств., источник не установлен (Аникин 6: 266). Сомнительно ударение на окончании, которое в источнике есть только на рифмующемся с *верботами* слове *вороты́* и, видимо, использовано как знак вокального удлинения: «*Она вышла, выходила рано / За вороты́, / Обронила, потеряла кружевны́я / Верботы́*¹⁾» — «¹⁾ *Верботы* — оборки на рукавах» [Иваненко 1905: 128]. Нем. *Verband* ‘повязка’. Вероятное уподобление слову *форботы* = ‘ботфорты’ в целях рифмовки.

Верётые ⟨...⟩ «Большая дорога» [Диттель 1898: 208]; (СРНГ 4: 142), при том что есть также рязанское с другим и более вероятным толкованием: «*Воспице* ⟨...⟩ Веретье, большая дерюга» [Диттель 1898: 208].

Вéтер, ветр, -а, м. «устар. Солдатский ранец. СВ <сухопутные войска>: пех<ота>.: 1796+» [Коровушкин 2000: 59]. Слово *вѣтръ* нормально пишется через «ять» [Суворов 1809: 17–18], однако думается, что здесь представлено другое диалектное слово с этимологическим кратким *е*: «2. *Вéтер*, м. Рыболовный снаряд, «малый вентерь». Нижегород., Даль» (СРНГ 4: 192). Ср. *ветер* и др. варианты слова *вентерь* (Аникин 6: 248).

Вечёра — ужин (Миртов 1929: 41), русификация украинизма лексикографом [Шаповал 2012а: 115; Шаповал 2012б: 420]. Ср.: *вечэ́ря* ‘то же’, вариант **вечёра* отсутствует [СРДГ 1: 68; СРДГ 1 (1991): 73].

Ви́ж, а, м. Короткий, издали слышимый визг. Север., Ончуков (СРНГ 4: 277). В источнике: «*Всь разбойники заспали и караульнёй задремалъ, дѣвка выбивачча, выбивачча, тихонько изъ за сундука, выбилась, подошла ко дверямъ.*

Ти двери — визжь! други — визжь! третьи — визжь! — Ушла» [Ончуков 1908: 57]. Это местоимение и собирателю показалось необычным, он включил его в «Словарь областных слов» в конце книги с пояснением: «**Визжь** — издали краткий визгъ» [Ончуков 1908: 595]. Имелось ввиду, что двери (первые, вторые и третьи) *издáli* этот визг. Толкование же в современном словаре включает в себя фантастическую детализацию *издали*» [Шаповал 2009в: 335–336].

Возжисмáть ⟨...⟩ [Знач.?). *Атаман с прелестными усами, Потрясал под небесами, Все мятели возжисмал.* Онеж. Арх., Ончуков. (СРНГ 5: 23), трансформация глагола *воздымáть*+*сжисмáть*, ср. начало оды Г. Р. Державина: «С белыми Борей власами / И с седою бородой, / Потрясяя небесами, / Облака сжисмал рукой; / Сыпал инеи пушисты / И метели воздымал ⟨...⟩» [Державин 1957: 87]. Возможно, ошибочная трансформация. Семантическое наполнение глагола *возжисмáть* в переделке весьма условно [Шаповал 2012а: 116].

Волдáт ‘солдат’ (Доп. Опыт.: 24; СРНГ 5: 37), вряд ли ошибочно из *солдат*, как полагает А. Ф. Журавлёв [Страхов, Журавлёв 1995: 186], скорее офенское *волдат*, *булдáт*, *булдáн* ‘то же’ [Бондалетов 2004: 201].

Волкодлáк, «В суеверных представлениях — оборотень» (СРНГ 5: 41). В. Н. Добровольский внес это слово в словарь (Добровольский 1914: 77–78) «из собственного авторского описания девичьих посиделок» в [Добровольский 1 (1891): 141], сам термин искусственно «амальгирован из с.-х. вукòд-лак и русск. волк» [Страхов 2004: 261]. Однако этот вывод о нереальности диалектного слова и книжном характере его происхождения, думается, может быть смягчен, далее читаем в реплике крестьянки: «*Ахъ, Божжа мой, ета ж ваўкуд-лаки, а ни парни*» [Добровольский 1 (1891): 142]. Вероятнее, что слово всё-таки было услышано. Ср. воронежское *вав-кулáк* ‘оборотень’ и укр. *вовкулак* ‘то же’ (Аникин 6: 29), донское *варкулака* ‘то же’ (Аникин 6: 92).

Вопудать, áю, áешь, несов., перех. и неперех. Петь (обычно громко, протяжные песни). Кунгур. Перм., Даль (СРНГ 5: 97), «ошибочная лексикализация *вону дать*» <Даль, 3-е изд. 1: 591> [Страхов 2004: 263]. Или всё-таки лучше подходящее по виду (несов.) офенское *возгудать* ‘играть <музыку>, плакать’ [Приёмывшева 2009 2: 466]? Ср. также сомнительное гнездо: «*Вагүда?* ж. арх. вь сказк. всякое вообще музыкальное орудіе (гудить?). *Вагүдь?* ж. арх. пас-тушій берестяный рожокъ; *вагүдитъ?* наигрывать, играть пѣсню» (Даль, 3-е изд. 1: 392), в основе которого также можно заподозрить очитку на месте + *воз-гуд-*.

Воробы ‘воробы <крестовина для намотки нити>’ (го-больское) (СРНГ 5: 117), слово описано со ссылкой на работу Зобнина 1894 года, где и была допущена опечатка в тексте, повторенная к вящему соблазну и под чертежом: «Моть по-стupaеть на воробы, съ которыхъ сматывается на тюрикъ (черт. 7)» [Зобнин 1894: 58, рис. на стр. 57].

Вырутить (<...>). Выбросить седока из седла (о коне). (<...> Олон., Рыбников (СРНГ 6: 14). «Рукописное *ш* прочитано как *т*. Ср. онеж. олон. *вырушитъ* ‘выбросить (из седла)’ из записей Гильфердинга [там же]. Lapsus legendi перенесен сюда из словаря Даля, см.: (Даль, 6-е изд. 1: 311)» [Страхов, Журавлёв 1995: 187]. Думается, *рушитъ* в данном контексте — случайность. «**Вырушитъ** (<...>). 2. Выбросить (из седла). *Чтобы добрый конь-от с-под седла не выскочил, Добра молодца в чистом поле не вырушил*. Онеж. Олон., Гильфердинг» (СРНГ 6: 14). Источник этого *вырушил* — «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года», а именно: «*Чтобы добрый конь-отъ сѣ-подъ сѣдла не выскочилъ, / Добра молодца въ чистомъ полѣ не вѣрушилъ*» [Гильфердинг 1873: 752, № 149] («Добрыня и Алеша Поповичъ»). Однако там же есть и более обычное для былин *вырутил*: «*Чтобы добрый конь-отъ сѣ-подъ сѣдла не выско-чилъ, / Добра молодца въ чистомъ полѣ не вѣрутилъ*» [Гильфердинг 1873: 747, № 148] («Добрыня и змѣй»). Последний

фрагмент Н. П. Андреев цитирует как типичный уже в новой орфографии: «*Чтобы добрый конь-от с-под седла не выскочил, / Добра молодца в чистом поле не вырутил*» [Андреев 1938: 20]. Почти так же он выглядит в позднейшем издании: «*Чтобы добрый конь (...) с-под седла не выскочил, / Добра молодца в чистом поле не вырутил*» [Былины 1988: 51, 526]. Там воспроизведён и № 149, но под другим названием, в общем тоже соответствующим содержанию: «Неудавшаяся женьитьба Алеши Поповича. Гильфердинг, II, № 149. Записано от А. Е. Чукова», а интересующий нас фрагмент изменён так, что никакого *вырушил* не осталось: «*Чтобы добрый конь (...) с-под седла не выскочил, / Добра молодца в чистом поле не вырутил*» [Былины 1988: 537, 224]. Видимо, и здесь правка было проведена по более частому образцу. В пользу *вырутить* свидетельствует не только былинный материал: «*Вырутить*, гл. д. (отъ корня *рыть*, *бросать*). Выбросить. *Добра молодца со добра коня не вырутил*. I, 24, 19. III, 15, 19» [Рыбников 3: VII]; «... *сз добра...*» [Рыбников 1: 122, № 24, строка 19; Рыбников 3: 60, № 15, строка 19]. Ср. олонечское *срутіть* (Челмужи) ‘уронить’ (Куликовский 1898: 112). Здесь трудно доказать ошибку прочтения *т* — *ш*. Ср. также этимологически тождественное редкому русскому *рю-тить* ‘толкать, пихать’ (СРНГ 35: 328), ‘толкать, бросать’ (Фасмер 3: 533), (**r’utitъ*) польское *rzucić* ‘бросить’.

Выскодь, выскодье (СРНГ 6: 21). Здесь неясность могла происходить по той причине, что в одной статье переданы материалы двух губерний. Валдайский вариант: «*Вы́скодье*. Обнажившіеся корни большихъ деревь. Во Владимірской губерні употребляется слово *Выскодь*, означающее дерево, вырванное съ корнемъ бурею» [Бычков 1872: XIII]. Владимирское по этому источнику: «*Вы́скодь*, и, ж. То же, что *выскорь* (в 1-м знач.). Влад., 1872». Валдайское, по Пардалоцкому: «*Вы́скодье*, я, ср., собир. Обнажившіеся корни большого дерева. «Близ Валдая находится озеро, получившее (по рассказам жителей) название Выскодья от падения

в него подмытых в корнях (в выскодье) нескольких деревьев, находившихся на берегу озера». Валд. Новг., Пардалоцкий, 1855. Влад.» (СРНГ 6: 21). Наличие пометы владимирское в последнем случае (при *выскодье*) может также объясняться механическим расширением географических пределов, обозначенных в статье акад. Бычкова.

Въецериться, рюсь, ришься, сов. [удар.?). Влезть, втереться куда-нибудь (СРНГ 6: 65). В источнике: «*Въепериться* — влѣзти, втереться куда нибудь» [Соколов 1868: № 40, 9], где курсивное *е* (как указано в газетной публикации) обозначает ударение. В промежуточной рукописи/машинописи этот курсив был передан волнистым подчеркиванием, которое в соединении с предшествующим *п* и дало ошибочное *ц*.

Защѣбѣлить ‘начать щebetать’ (СРНГ 11: 195), опечатка вм. *защѣбѣчить* ‘защebetет’ [Шаповал 2011: 509], так в источнике: «*Салавей защакочить*, / *Маладой защѣбелить*» [Добровольский 1905: 357].

Ильмовать — см. *Ильмовочка*.

Ильмовочка, и, ж. [Знач.?). Обоян. Курск., 1902 (СРНГ 12: 186), ‘лесное дерево из семейства вязовых; ильм’ [Шаповал 2010б: 146]. В песне соседствует с окказиональным глаголом: «*Ильмовать*, мѹю, мѹешь, несов., перех. [Знач.?). *Обапола его ильмовочки ильмуют*, *Обапола его торговочки торгуют*. Обоян. Курск., 1902» (СРНГ 12: 186), возм., ‘шуметь под ветром, как свойственно ильму’ [Шаповал 2010б: 146]. Ср. *альмовка*.

Причѣлка (?) — *Пабью окна, пабью причѣлки, ой, выходи ка, детка, сначевки* (Миртов 1929: 395), откуда: «*Причѣлка*, ж. Знач. [?]» (СРНГ 32: 58), неверное определение рода по форме множественного числа [Шаповал 2012а: 115; Шаповал 2012б: 420]: *причѣлок = укр. *причілок* ‘фронтон, карниз’. Ср.: *причѣлок* ‘фронтон’, вариант *причѣлка отсутствует (СРДГ 3: 64). Ср. также: свердловское *при-*

чильник ‘наличник’, донское и в др. регионах *причелок* «2. Фронтон» (СРНГ 32: 60, 58). См. *вечёра*.

Сафить, сахвить, см. *ахва*.

Серхилин, см. *архилинъ*?

К сожалению, исправления к уникальному лексическому материалу такого рода не могут быть убедительны в форме лаконичного корректурного списка. Каждое решение нуждается в обосновании, иногда пространном, да и обнаружение нового прочтения не всегда лежит на поверхности. Иногда оно было представлено с краткими выводами и отсылкой к нашей статье, где дано полное изложение доводов. Чаще объем не позволял представить полное обоснование. Например, только ради слова *бгатшан* были изучены все начертания заглавной *Б* в почерке В. П. Бурнашева по его письмам к Н. С. Лескову. Стандартных путей верификации нестандартного лексического материала, видимо, нет. Нельзя исключить и появление новых данных, которые подтвердят или изменят конъектуру. Таким образом, всякая фиксация остается условно истинной до поры до времени.

Литература

Андреев Н. П. Былины: [Вступительная статья] // Былины: Русский героический эпос / вступ. ст., ред. и примеч. Н. П. Андреева. [Л.]: Совет. писатель, 1938. С. 5–36.

Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. Ч. 1–3. М., 1869.

Барсов Е. В. Причитанья северного края. Ч. I. Плачи погребальные, надгробные и надмогильные. М.: Унив. тип., 1872; Ч. II. Плачи завоенные, рекрутские и солдатские. М.: Унив. тип., 1882. Ч. III. Плачи свадебные, рукобитные, разлучные, баенные и предвечные // Чтения Московского общества истории и древностей российских. М.: Унив. тип., 1885. Кн. III. С. 1–160 (отд. паг.); Кн. IV. С. 161–256 (отд. паг.).

Бондалетов В. Д. Финно-угорские заимствования в русских арго. Уч. пос. к спецкурсу. Самара: СГПИ им. Куйбышева, 1992. 160 с.

Бондалетов В. Д. В. И. Даль и тайные языки в России. М.: Флинта, 2004. 454 с.

Будде Е. Ф. О говорах Тульской и Орловской губерний. Материалы, исследование и словарь. (Отчет о поездке в 1902 г. II Отделению Академии наук) // Сборник ОРЯС. Т. 76. № 3. СПб., 1904. С. 1–148.

Буслаев Ф. И. О литературе: Исследования; Статьи / сост., вступ. статья, примеч. Э. Л. Афанасьева. М.: Художественная литература, 1990.

Былины / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова. М.: Сов. Россия, 1988. 576 с. (Б-ка русского фольклора).

Бычков А. Ф. Слова Валдайского уезда и Владимирской губернии, извлеченные из доставленных в Отделение материалов // Сборник ОРЯС. 1872. Т. 8. С. XLIII–XLVII.

В. Свадебные обычаи в подгородных деревнях Петрозаводского уезда // Олонецкие губернские ведомости. 1896. № 29. Ч. неоф., отд. «Этнографические материалы. С. 3; № 31. С. 3–4; № 32. С. 3.

Васнецов Н. М. Материалы для объяснительного Областного Словаря Вятского говора. Вятка: Губ. Тип., 1907. 2, II, 357 с.

Великорусские народные песни / изд. проф. А. И. Соболевским. Т. I–VII. СПб.: Государственная типография, 1895–1902.

Герасимов М. К. О говоре крестьян южной части Череповецкого уезда Новгородской губернии // Живая старина. 1893. Вып. III. Отд. 2. С. 374–388.

Герасимов М. К. Материалы лексикографические по Новгородским говорам. Слова Череповецкие // Живая старина. 1898. Вып. III–IV. Отд. 2. С. 393–399.

Герасимов М. К. Словарь уездного Череповецкого говора // Сборник ОРЯС. 1910. Т. 87. № 3. С. 1–111.

Гильфердинг А. Ф. Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 г. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1873. 733 с.

Гуляев С. И. Этнографические очерки Южной Сибири // Библиотека для чтения. 1848. Т. XC. Отд. III. С. 1–142.

Державин Г. Р. Стихотворения. Вступ. ст., подгот. и общ. ред. Д. Д. Благого, примеч. В. А. Западова. Л.: Сов. писатель, 1957. 468 с. (Б-ка поэта. Большая серия).

Диттель (член-сотрудник). Сборник рязанских областных слов // Живая старина. 1898. Вып. II. Отд. 2. С. 203–227.

Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник. Ч. I–IV. СПб.; М., 1891–1903.

Добровольский В. Н. Песни Дмитровского уезда Орловской губернии // Живая старина. 1905. Вып. III–IV. С. 290–414.

Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименко, д. чл. Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете. Ч. 1: Описание внешнего и внутреннего быта: сб. науч. тр. М.: Тип. О. Б. Миллера, 1877. VII, 192 с. (Известия Императорского О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 30. Тр. Этнографического отд. Императорского О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском у-те / под ред. Н. А. Попова. Кн. 5.). URL: http://webirbis.aonb.ru/irbisdoc/kr/06kr019_1.pdf

Журавлев А. Ф. Лексикографические фантомы. 2: СРНГ, И–К // Слово и культура: Памяти Никиты Ильича Толстого. Т. 1. М., 1998. С. 93–104.

Журавлев А. Ф. Лексикографические фантомы. 7. СРНГ, П // Исследования по славянской диалектологии. 8. Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. М., 2002. С. 120–131.

Журавлев А. Ф. Лексикографические фантомы. 5. СРНГ, О–П // Аванесовский сборник. Антология. М.: Наука, 2003. С. 382–389.

Журавлев А. Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М.: Индрик, 2005. 1006 с. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования.)

Иваненко Н. П. Сватанье. Деревья Веретьякина Орловской губернии // Живая старина. 1905. Вып. 1–2. С. 107–140.

Киреевский П. В. Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия / Изд. О-вом любителей рос. словесности при Имп. Моск. ун-те. Вып. I. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1911. 12, LXXIV, 356 с.; Вып. II. Ч. 1. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1911. [4], II, 125 с.; Вып. II. Ч. 2. М.: Типография Кооператива «Наука и Просвещение», 1929. XI, 389 с.

Левочкин П. А. Образцы Черкасского говора // Варшавские университетские известия. Варшава, 1914. VII [Изданы 1 октября]. С. 3–16 (отд. 5).

Машкин А. С. Быт крестьян Курской губернии, Обоянского уезда // Этнографический сборник РГО. 1862. Вып. V. С. 1–119.

Несколько слов и особенностей в наречии жителей Ветлужского края // Нижегородские губернские ведомости. 1861. № 49. Среда, дек. 6 дня. Ч. неоф. С. 347–348; № 50. Среда, дек. 13 дня. С. 352–354.

Ончуков Н. Е. (собиратель) Северные сказки (Архангельская и Олонецкая губерния). СПб.: А. С. Суворин, 1908. L, 646 с.

Отличные выражения, употребляемые бежецкими гражданами в торговле // Труды Общества любителей российской словесности. Ч. XX. М., 1820. С. 168–173.

Патканов С. К., Зобнин Ф. К. Список тобольских слов и выражений, записанных в Тобольском и Тюменском, в Курганском и Сургутском округах и приведенных в алфавитный порядок И. Николаевым // Живая старина. 1899. Вып. IV. С. 487–518.

Поликарпов Ф. И. Бытовые черты из жизни крестьян с. Источного Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии // Памятная книжка Воронежской губернии на 1906 г. Отд. III. С. 1–28.

Поликарпов Ф. И. Материалы для изучения южновеликорусских говоров. Нижнедевицкий словарь // Филологические записки. Воронеж, 1911. Вып. II. С. 305–312, Предисловие, с. 313–320, словарь. Вып. III. С. 459–472; Вып. IV. С. 602–616; Вып. V. С. 764–776; 1912, Вып. I. С. 156–172; Вып. III. С. 473–478.

Приемьшева М. Н. Тайные и условные языки в России XIX в. В 2-х т. СПб.: Нестор-История, 2009. Т. 1. 455 с.; т. 2. 696 с.

Прокошева К. Н. Рождество и Троица в прикамской Парме // Palaeoslavica. 2005. Vol. XIII. № 2. P. 205–318.

Путинцев А. М. О говоре в местности «Хворостань» Воронежской губернии // Живая старина. 1906. Вып. I. Отд. I. С. 94–128.

Рыбников П. Н. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1–2. М., 1861–1862; Т. 3. Петрозаводск, 1864; Т. 4. СПб., 1867.

Слова, употребляемые в Вятской губернии, принадлежащие собственно вятскому наречию // Вятские губернские ведомости. 1847. № 40, ч. неоф. С. 260–262; № 41. С. 266–269; № 42. С. 274–276; № 43. С. 280–282; № 44. С. 288–290; № 45. С. 296–298; № 47. С. 313–314; № 48. С. 319–321; № 49. С. 325–326.

Соколов П<авел>. Особенности ростовского наречия // Ярославск. губ. вед. 1868. № 38 <четверг, 19 сентября>. С. 7–8; № 39. С. 7–8; № 40. С. 9.

Страхов А. Б. По страницам Словаря русских народных говоров (замечания, поправки, соображения) // *Palaeoslavica*. 2004. Vol. XII. № 1. С. 254–324.

Страхов А. Б. По страницам Словаря русских народных говоров (замечания, поправки, соображения): дополнения // *Palaeoslavica*. 2008. Vol. XVI. № 1. С. 219–275.

Страхов А. Б., Журавлев А. Ф. Лексикографические фантомы. 1: СРНГ, А–3 // *Dialectologia slavica: Сборник к 85-летию Самуила Борисовича Бернштейна: Исследования по славянской диалектологии*. 4. М., 1995. С. 183–193.

Суворов А. В. Наука побеждать. Творение препрославившегося в Свете всегдашними победами Генералиссимуса Российских армий, Князя Итальянского, Графа Суворова-Рымникского (...) Второе издание. СПб.: Сенатская тип., 1809. 100 с.

Усачёва В. В. Некоторые данные о лексическом составе двух говоров Архангельской области // *Славянская лексикография и лексикология*. М.: Наука, 1966. С. 106–125.

Филин Ф. П. О лексикализованных фонетико-морфологических вариантах слов в русских говорах // *Лексика русских народных говоров (опыт исследования)*. М., 1966. С. 27–35.

Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков: историко-диалектологический очерк. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972. 654 с.

Шаповал В. В. В. И. Даль и критика словарей: заглавное слово со знаком вопроса // *Русский язык в научном освещении*. 2009а. № 1(17). С. 158–181.

Шаповал В. В. Новосибирские диалектизмы в «Словаре русских народных говоров» (вып. 1–41): проблемы лексикографической достоверности // *Гуманитарные науки в Сибири: всерос. науч. журн.* 2009б. № 4. С. 123–126.

Шаповал В. В. Словарь как гипертекст и аспекты лексикографической критики // *Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании*. Сб. науч. статей. Вып. 8. Т. 1. М., 2009в. С. 233–237. URL: philology.ru/linguistics2/shapoval-09b.htm

Шаповал В. В. Воронежские диалектизмы в «Словаре русских народных говоров»: (Проблемы лексикографической достоверно-

сти) // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010а. № 1. С. 66–69.

Шаповал В. В. Выявление ошибочных написаний заглавных слов в словаре // Вестник Челябинского государственного университета. 2010б. № 17(198). Филология. Искусствоведение. Выпуск 44. С. 144–148. URL: <http://www.lib.csu.ru/elbibl/vestnik.shtml>

Шаповал В. В. Критерии вычленения непомеченного слоя компиляции в словаре // Вопросы языкознания. 2010в. № 3. С. 74–86.

Шаповал В. В. Графические дублеты в словарях: приемы верификации // Русский язык в научном освещении. 2010г. № 1(19). С. 158–168.

Шаповал В. В. Выявление ошибок в диалектном словаре // «И нежный вкус родимой речи...»: сб. науч. трудов, посв. юбилею доктора филол. наук, проф. Л. А. Климковой. Арзамас: АГПИ, 2011. С. 508–511.

Шаповал В. В. Трудности интерпретации песенного контекста в словаре // Русский язык в научном освещении. 2012а. № 1(23). С. 110–118.

Шаповал В. В. Ошибки словаря и личность автора // Українська і слов'янська тлумачна та перекладна лексикографія. Леонідові Сидоровичу Паламарчукові / відп. ред. І. С. Гнатюк. Київ: КММ, 2012б. С. 417–423. (Серія «Не все сплива рікою часу...»).

Шаповал В. В. Уровни верификации словарной фиксации редкого слова // Человек и язык в коммуникативном пространстве. Сб. науч. статей. Вып. 4. Красноярск: СФУ, 2013. С. 278–283.

Якушкин П. Путевые письма изъ Новгородской и Псковской губерній, Павла Якушкина. Издание Д. Е. Кожанчикова. СПб., 1860. URL: <http://az.lib.ru>

Лексические особенности тверских говоров (на материале говоров с. Хотилицы Тверской области)

Н. В. Шевченко

В статье описывается лексика говоров с. Хотилицы Тверской области (по результатам собранного летом 2013 г. студенческой экспедицией материала), которая, как оказалось, имеет не только сходство с лексикой других говоров Тверской области, но и отличается от них в ряде названий предметов и/или объектов. При этом некоторые названия известных предметов, повсеместно употребляющиеся в Хотилицах, другим говорам Тверской области неизвестны. Это позволяет делать предположение о некотором обособленном положении названного села и его жителей, что, возможно, требует дополнительного исследования.

Ключевые слова: лексика, говоры, тематическая группа

Тверская подгруппа говоров входит в состав среднерусских говоров Владимирско-Поволжской группы. Говоры Тверской (в советское время — Калининской) подгруппы занимают юго-восточную часть Тверской области, а также небольшую часть северо-запада Московской области на границе с Тверской. На севере тверские говоры граничат с Костромской группой и белозерско-бежецкими говорами севернорусского наречия, на юге — с говорами отдела А восточных среднерусских акающих говоров, на западе — с селигеро-торжковскими говорами в составе западных среднерусских акающих говоров [Википедия].

Хотилицы — село в Андреапольском районе Тверской области, находится в 30 километрах к западу от районного центра Андреаполь, на реке Хотилка. Хотилицы — одно из древнейших сел Тверской области, бывшее родовое имение Голе-

нищевых-Кутузовых, родственников полководца М. И. Кутузова. В XIV–XVII вв. Голенищевы-Кутузовы служили стольниками, воеводами в Торопце, жалованы в XVII в. поместьями в Псковском уезде, в том числе в Хотилицах. В Хотилицах сохранился усадебный комплекс конца XVIII – начала XIX вв. с главным домом (конца XVIII в.), уникальными по сохранности хозяйственными постройками (середины XIX века) и остатками регулярного парка [О селе Хотилицы].

Село Хотилицы представляет несомненный интерес для диалектолога не только в историческом и соответственно в фонетическом (диссимилятивное яканье и еканье), но и особенно в лексическом плане, о чем и пойдет речь в данной статье.

Лексика говоров с. Хотилицы Андреапольского района Тверской области (материал собран в июле 2014 г. студентами факультета филологии Государственной полярной академии г. Санкт-Петербурга) заставила обратить на себя внимание не только особенностями произношения и значения отдельных слов (собран материал 20 диалектоносителей, зафиксировано свыше 100 слов с необычным для литературного языка значением), но (как впоследствии показал сравнительно-сопоставительный анализ записанных слов с лексикой тематического словаря говоров Тверской области и др. диалектных словарей, в частности, Псковского областного словаря и Словаря смоленских говоров, а также словаря В. И. Даля и др.) отдельные слова, составляющие активный словарный запас жителей с. Хотилицы, в тематическом словаре говоров Тверской области либо вовсе не обнаружены, либо зафиксированы с другим значением, либо с другими словообразовательными формантами, либо и с тем и другим вместе. (Материал собирался по программе ЛАРНГ «Лексика природы». При сборе материала в него попали и названия некоторых домашних животных и предметов обихода).

Вследствие проведенного анализа мы условно разделили зафиксированные слова на следующие группы.

1. В первую группу попали слова, отмеченные с тем же или близким значением и произношением, с которым эти слова зафиксированы в «Тематическом словаре говоров Тверской области» (далее — ТСГТО), или написанием, поскольку произношение в Хотилицах не всегда совпадает с произношением, отраженным в словаре, т. к. в ТСГТО есть отражение оканья, аканья и яканья, а в Хотилицах отмечено диссимилятивное яканье и еканье. Ср.:

болотина ‘заросшее травой травяное болото’ (Хотилицы); *болотина* ‘участок леса среди болота, сено с низменных мест’ (ТСГТО 1: 47);

бредина/брядина ‘ива’ (Хотилицы и ТСГТО 5: 7);

гарь ‘горелый лес’ (Хотилицы); *гарь* ‘участок леса, выжигаемый под пашню’ (ТСГТО 1: 47);

веснушка ‘клюква, перезимовавшая под снегом’ (Хотилицы и ТСГТО 5: 26);

делянка ‘вырубленный лес’ (Хотилицы); *делянка* ‘участок леса, предназначенный для вырубki’ (ТСГТО 1: 47);

елушка ‘ель’ (Хотилицы и ТСГТО 5: 9);

кряча ‘овраг’ (Хотилицы и ТСГТО 1: 40);

лягушка ‘лягушка’ (Хотилицы и ТСГТО 5: 67);

малиняк ‘место, заросшее кустами малины’ (Хотилицы и ТСГТО 1: 59);

ящерка ‘ящерица’ (Хотилицы и ТСГТО 5: 72);

мох ‘моховое болото’ / ‘болото, поросшее лесом’ (ТСГТО 1);

Почти все названия грибов:

горянки ‘съедобные грибы с красной шляпкой, сыроежки’;

козьяки ‘маслята’;

зеленухи ‘грибы зеленого цвета для соления’;

обабки ‘подберезовики; грибы, растущие рядом с березами и похожие на подберезовки’;

серухи ‘грибы серого цвета для засолки, серые сыроежки’;

свинѹхи/свинѹшки ‘черные грузди’;

ча́га ‘гриб на стволе дерева, чаще березы’;

чернѹшки ‘черные грузди, черные волнушки, темные сыроежки’ (Хотилицы и ТСГТО 5: 28–45) и др.

2. Во вторую группу попали слова с близким значением, но отличающиеся по форме и/или в словообразовательном отношении:

имши́рина ‘площадь, покрытая мхом, небольшое болото’ (Хотилицы); *омши́рина/мши́рина* ‘топкое, болотистое место’ (ТСГТО 1: 44);

брежжесевѣлина ‘можжевельник’ (Хотилицы); *брожжесевѣльник, бружжесевѣл* и др. ‘можжевельник’ (ТСГТО 5: 8);

кочковѣна ‘кочковатое болто’ (Хотилицы); *кочковѣтик* ‘низкое место, болото, покрытое кочками’; *кочка́рня* ‘болото с большим количеством кочек’ (ТСГТО 1: 43);

кря́ква ‘утка’ (Хотилицы); *кря́кушка* ‘утка’ (ТСГТО 5: 84);

зыбу́н ‘зыбкий, прогибающийся под тяжестью в болоте’ (Хотилицы); *зыбу́на, забѣль* ‘болотистое, топкое место, трясина’ (ТСГТО 1: 47);

кисли́ца ‘щавель’ (Хотилицы); *киселки* ‘щавель’ (ТСГТО 5: 21);

о́кунѣще ‘окно на болоте’ (Хотилицы); *о́кнѣща* ‘открытая вода на болоте’ (ТСГТО 1: 44);

кура́ли, кура́шка ‘индюк, индюшка’ (Хотилицы); *кура́н, кура́нка* ‘индюк, индюшка’ (ТСГТО 5: 85) и др.

3. В третью группу вошли слова, совпадающие в звучании и написании, но различающиеся по значению. Иными словами, в словаре тверских говоров указанные слова имеют другое значение, отличное от значения, зафиксированного в речи жителей с. Хотилицы:

берѣзина ‘сделанный из бересты’ (Хотилицы); *берѣзина* ‘береза, веточка березы’ (ТСГТО 5: 7);

вѣюн ‘каarp’ (Хотилицы); *вѣюн* ‘пиявка’ (ТСГТО 5: 59);

глызбвник ‘кочки на болоте’ (Хотилицы); *глызка* ‘смёрзшиеся комья земли, навоза’; *глы́жка* ‘ком, застывший или замёрзший’ (ТСГТО 1: 33);

елбвка ‘ель’ (Хотилицы); *елбвка* ‘белка’ (ТСГТО 5: 63);

жигаллица ‘овод’ (Хотилицы); *жигáлка* ‘небольшое кровососущее насекомое’; *жигáло* ‘жало осы, пчелы и др. насекомых, оса’ (ТСГТО 5: 63);

моховік/маховік ‘мелкий желтый гриб наподобие подберёзовика’ (Хотилицы); *моховік/маховік* ‘белый гриб, который растет во мху’; ‘съедобный гриб с бархатной шляпкой’; ‘тетерев, обитающий во мхах’ (ТСГТО 5: 36, 68);

пóриши ‘резиновая обувь’ (Хотилицы); *пóриши* ‘обувь из кожаных ремней, обрезанных валенок, из лоскута кожи, из кожи в виде тапочек’ (ТСГТО 3: 46).

4. Четвертую группу составили слова, не зафиксированные в словаре говоров Тверской области, но повсеместно употребляющиеся жителями с. Хотилицы:

брэдъё/брядъё ‘кора ивы’ / ‘лес, растущий по берегам рек’ (Хотилицы);

бурылбм/бурелбм ‘поваленный бурей лес’ (Хотилицы);

быстрёха, черёха, красокрылка, уклёйка/клёйка ‘названия мелких рыб наподобие плотвы / красноперки’ (Хотилицы);

валёжник ‘сухое, упавшее дерево’ (Хотилицы);

гниляшка ‘гнилое дерево’ (Хотилицы);

ендба ‘болотистая яма’ (Хотилицы);

живец ‘рыба, употребляемая как приманка’ (Хотилицы);

зеляпуга/зелепуга ‘незрелая зеленая ягода’ (Хотилицы); *зеленина* ‘незрелая ягода или незрелый плод’ (ТСГТО 5: 26);

карандаш ‘шуренок, детеныш щуки’ (Хотилицы);

корить ‘очищать от коры дерево’; *корённый* ‘срубленный и очищенный от коры ствол дерева’ (Хотилицы);

лука ‘изгиб, излучина реки’ (Хотилицы);

олéшья ‘ольха’ (Хотилицы); *олéшина* ‘ольха, заросли ольхи’ (ТСГТО 5: 12);

осъё́ ‘одна осина’ / ‘много осин’ (Хотилицы);

потеребítь дéрево ‘сучья обрубить’ (Хотилицы);

пожýнки ‘место, где растёт трава’ (Хотилицы); *пóжня* ‘низкое место на излучине реки’; ‘стерня на сжатом поле’; ‘заливной луг’; ‘покос в низком болотистом месте’ (ТСГТО 1: 41, 61, 69);

пья́ница ‘голубика’ (Хотилицы); *голубéнка, гонобóбол, гонобóй, гонобóболь* ‘голубика’ (ТСГТО 5: 26);

сика́хи ‘муравьи’ (Хотилицы); *ссаку́н, сса́куша, ссыканéц, стакунéц, стоганéц, строганéц, сикýн, сикунéц, сунганéц, сцакунéц, щикунéц, щиканéц* и др. ‘муравей’ (ТСГТО 5: 71–72);

ходоки́ ‘обувь из березовой коры’ (Хотилицы) и др.

Все названия рыб и др. названия, не имеющие ссылок на словарь говоров Тверской области, в этом словаре не отмечены, однако в с. Хотилицы их употребляют все жители.

В словаре В. И. Даля из всех названных слов отмечены:

брожевёльник/брожелóвник ‘можжевельник’ (Даль 1: 130);

быстря́нка ‘рыба’, юж. (Даль 1: 150);

гнилу́шка, гниля́тина сиб., ‘что-либо гнилое, особенно дерево’ (Даль 1: 361);

валéжник собр., арх. *валéжина* ‘лежащий, сухой лес; бурелом, т. е. целые деревья, вывороченные бурей’; *валéжный* ‘сухой, поломанный и лежащий на земле лес’ (Даль 1: 162);

ендóва ‘широкий сосуд с отливом или носиком, для разливки питей; медная посуда в виде чугуна, с рыльцем’ / ‘Небольшой, круглый залив, связанный проливом с рекою или с озером’ / ‘Котловина, небольшое округлое и крутоберегое озерко или ямина, провал’ / ‘Разделка на кровле, сток с двух скатов, отвод для стока в воронку, в желоб, и самая воронка, водоем’ (Даль 1: 519);

вм. *зелену́га/зеляну́га* (Хотилицы) в словаре В. И. Даля отмечено только *зелену́гогчка* с пом. «тмб.» ‘завязь плодовая’ (Даль 1: 677).

Ср. в др. словарях:

Советский энциклопедический словарь (СЭС) — *енд́ова*: ‘1) округлая циркообразная вершина балок и оврагов; иногда сам овраг; 2) Котловина, яма, степное блюдо, карстовая воронка; 3) Деревянный или металлический древнерусский сосуд ладьевидной округлой формы с широким горлом, употреблявшийся для разлива напитков на пирах’ (СЭС: 433).

Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова — *енд́ова*: «(или *яндова*), *ендовы*, ж. (истор.). В Древней Руси — большая медная открытая посуда для вина, пива, меда» (Ушаков 1).

Этимологический словарь русского языка М. Фасмера:

енд́ова/янд́ова ‘пузатый металлический или глиняный сосуд’ (Павл.), ‘медная чаша с рожком для разливания пива’, олонек. (Кулик.) (Фасмер 2);

курáн — см. *кур*. *Кур* ‘петух, певен, петел, кочет, кура, курица, (казач.) курита, (влад.) курка, курка’ (Фасмер 2).

Следует отметить, что *енд́ова* в значении ‘яма на болоте’ (как в Хотилицах), зафиксировано только в словаре В. И. Даля.

Слова *енд́ова* ‘металлический сосуд с носиком для вина / пива’, *зеляну́га/зелену́га* ‘незрелая ягода’, *курáшка* ‘самка индюка’, *сика́хи* ‘кусачие муравьи’ отмечены в Псковском областном словаре (ПОС 10, 12, 16, 24); *зелену́га* ‘незрелая ягода’, *черё́ха* ‘мелкая рыба с черными плавниками или черными пятнами на чешуе’, зафиксированные в говорах с. Хотилицы, отмечены в Словаре смоленских говоров с тем же или почти с тем же значением, ср.: *зелену́га* ‘незрелая ягода’, *черё́ха* ‘мелкий лещ’ (ССГ 1, 5).

Другие слова, отмеченные в говорах с. Хотилицы и не зафиксированные в ТСГТО, в этих словарях тоже не отражены.

Анализ лексики говоров с. Хотилицы Тверской области позволяет сделать следующие выводы.

1. Словарный состав говоров с. Хотилицы не во всем совпадает с языком говоров других районов Тверской области.

2. Совпадение ряда слов в звучании и значении со словами говоров Псковской и Смоленской областей позволяет говорить о смешении в данном селе тверских говоров с псковскими и смоленскими говорами, причины появления которых желательно бы установить, что предполагает возможность дальнейшего исследования лексики говоров с. Хотилицы (одного из древнейших сел) Тверской области не только по теме «Растительный мир», но и по другим разделам и темам программы ЛАРНГ, чтобы сделать более полные и достоверные выводы.

3. В связи с рядом несовпадений с лексикой «Тематического словаря говоров Тверской области» возможно составление словаря говоров с. Хотилицы Андреапольского района Тверской области (или в целом ряда сел Андреапольского района).

Литература

Википедия. Свободная энциклопедия. URL: ru.wikipedia.org/wiki/Тверская_подгруппа_говоров

О селе Хотилицы. URL: www.hotilici.ru

Стилистические диалектизмы (на материале пензенских говоров)

Р. В. Ширшаков

Статья посвящена вопросу о стилистических диалектизмах в русских народных говорах. Исходя из существующих различий в стилистической окраске, автор рассматривает разновидности диалектных слов данного типа.

Ключевые слова: типы диалектных слов, стилистические диалектизмы

Экспрессивно-стилистическая дифференциация лексики диалекта еще недостаточно изучена. Но уже в 60-х годах XX века исследователи отмечали ряд специфических черт, свойственных диалектам в этой сфере по сравнению с литературным языком. Так, замечено, что «общий нейтральный фон диалектной речи в целом, как речи только устной, значительно эмоциональнее, чем литературной», поэтому «на нем не заметна окраска многих слов, ясно ощущаемая в литературном языке» [Кац 1964: 37].

Стилистическими диалектизмами можно назвать слова, встречающиеся и в литературном языке, но в говорах имеющие иную стилистическую и (или) эмоционально-экспрессивную окраску.

Как показывает анализ диалектных словарей дифференциального типа, стилистическая окраска как признак диалектности слова, а следовательно, как дифференциальный признак большинством лексикографов не учитывается, что объясняется сложностью его выявления.

Различия в стилистической окраске как дифференциальный признак принимались во внимание при отборе слов для

Словаря д. Деулино, Архангельского областного словаря и Словаря говоров Соликамского района Пермской области.

Среди диалектных слов этого типа можно выделить следующие разновидности:

1. Слова, имеющие в литературном языке сниженную стилистическую окраску, а в говорах являющиеся нейтральными. В толковых словарях русского языка они отмечены как просторечные.

Ба́ба '1. Женщина'. *Там все были: и мужики и бабы.* В этом значении употребляется в литературном языке иногда с пренебр. или шутол. оттенком. В говорах же это слово лишено эмоционально-экспрессивной окраски. '2. Жена'. *Моя баба всё умет: и шить и вязать...* '3. О старой женщине'. *Это у бабы Нюры надо спросить.*

Ба́шкá 'голова'. *Толку у меня не стало в башке.*

Брю́хо 'живот'. *Я лёг на брюхо.*

Ва́рево 'любое вареное кушанье'. *Варево бывает из гороха, из картофеля и т. п.*

Веко́вѹха 'старая дева'. *Пожалеют отдать (замуж), останешься веко́вѹхой.*

Выла́зить 'вылезать'. *Из воды вылазить не охота.*

Гло́тка 'горло'. *Глоткой заболела шибко.*

Горла́стый 'крикливый, с громким голосом'. *Она у нас девка горластая.*

Де́вка 'незамужняя женщина, девушка'. *Наша внучка в городе учится. Девка хорошая, скромная.*

Карто́ха, и, ж. Собир. 'Картофель'.

Морда́ 'лицо'. *И на морду выглядит симпатично.*

Му́жѹк '1. Мужчина'. *Там все были: и мужики и бабы.* '2. Муж'. *Она без мужика жывёт.*

Оде́жа 'одежда'. *Оде́жу надо купить новую, а то вся изнасилась.*

Пу́зо 'живот'. *У неё пузо выше себя было.*

Серча́ть 'сердиться'. *Не буду говорить, а то серчать будет.*

Данные слова не во всех говорах характеризуются сниженной, отрицательной окрашенностью, о чем позволяют судить не только свидетельства носителей диалектов, но и характер производных от этих слов, имеющих нейтральную и положительную окраску (*башковáтый*, *башковíтый* ‘умный, сообразительный’; *набашковáться* ‘набраться ума, знаний’; *забрюхáтеть* ‘забеременеть’), наличие экспрессивно-эмоциональных эквивалентов с отрицательной окрашенностью (*калгáн* ‘голова’, *базлó* ‘горло’ и под.).

2. Слова, имеющие в литературном языке высокую стилистическую окраску, а в говорах являющиеся нейтральными. В большинстве своем это заимствования из церковнославянского языка, которые в составе литературного языка сохраняют свою стилистически высокую окраску, а в говорах такой окраски не имеют.

Дрéво ‘дерево’. *Ложки из древа вырезали.*

Млáдость ‘молодость’. *Всю жизнь я свою в слезах провела, от младости до старости.*

Лик ‘лицо’. *Лик-то у тя в чём? Утри.*

Нýне ‘1. Теперь, в настоящее время’. ‘2. Сегодня’. В первом значении в толковых словарях дается с пометами книж. и устар., во втором — как устаревшее и просторечное.

Призрётъ ‘приютить, дать пристанище’. *Никто сироту не призрёт.*

Здрáвый ‘здоровый, не больной’. *Ни одного сейчас здорового человека нету: у того печень, у того желудок.*

Церковнославянизмы могли попасть в говоры как непосредственно из церковнославянского языка, так и через посредство литературного языка. Также возможно, что некоторые из этих слов в составе говоров (например, *млáдость*, *нýне* и под.) не являются церковнославянизмами, как в литературном языке, а принадлежат исконному фонду слов говора.

Стилистические различия слов говора и литературного языка могут возникать в результате различия в тех усло-

виях, которые вызывают процесс устаревания слов. Это могут быть и различные темпы этого процесса в литературном языке и в говорах, и разное его качество, зависящее от многих причин. Каждое такое слово, которое в литературном языке является устаревшим и как таковое снабжено соответствующей пометой в толковых словарях, но которое в говорах является нейтральным в этом отношении, тоже считаем диалектным, как имеющее определенный дифференциальный признак, реализующийся в сфере стилистического употребления. Например: *вёдро* 'ясная погода'. Ср. укр. *ведро*, др.-русск. *ведро*, цслав. *ведръ* 'ясный', *ведро* 'вёдро', болг. *ведър* 'ясный', сербохорв. *вёдар* — то же, словен. *védar* 'веселый', чеш. *vedro*, польск. *wiodro*, в.-луж. *wjedro*, н.-луж. *wjadro*. Фасмер склоняется к мнению И. Шмидта, Бругмана и предполагает, что родственно д.-в.-н. *wetar*, нов.-в.-н. *Wetter* 'погода', при этом отмечает, ссылаясь на Бругмана, Вальде, Траутман, что герм. слова, возможно, связаны с «ветер». Слова с корнем *ведр-* и значениями, так или иначе связанными с «ясной погодой», отмечены в СРНГ во многих областях (Арх., Волог., Пск., Твер., Ряз., Новг., Влад., Ленингр., Орл., Том. и др.), кроме Пензенской, однако слова с таким корнем и значениями здесь известны и имеют широкое распространение.

Литература

Кац С. Д. К вопросу о так называемом «просторечии» в составе современной диалектной лексики // Ученые записки Азербайджанского пед. ин-та языков. Язык и литература. Баку, 1964, серия XII, № 1.

Словообразовательная категория степени интенсивности признака в русских народных говорах

Л. Г. Яцкевич

В статье выявляется семантическая парадигма степени интенсивности признака, состоящая из восьми компонентов. На основе лексикографических источников описываются словообразовательные средства их выражения в русских народных говорах. Определяется соответствующая словообразовательная категория и рассматриваются отдельные типы словообразовательных парадигм.

Ключевые слова: диалектный язык, степени интенсивности признака, словообразовательная категория, парадигма

Степени интенсивности признака как словообразовательная категория обладает разветвлённой системой средств выражения в русских народных говорах. В русистике это категориальное значение обычно рассматривается в рамках проблемы «степени качества имён прилагательных» [Виноградов 1947; Титова 1964; Родина 2012; Воротников 1999; Яцкевич 2013]. Однако, как показывают наблюдения над диалектным материалом, словообразовательное значение степени интенсивности признака охватывает также определённые разряды других частей речи — имён существительных, наречий, предикативов, глаголов, которые также имеют данную словообразовательную категорию. В данной статье источником для наблюдений послужили материалы следующих диалектных словарей: «Словарь русских народных говоров» (СРНГ), «Словарь вологодских говоров» (СВГ) и его картотека (КСВГ), «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей» (СРГК), «Словарь говоров русского северо-

ра» (СГРС), «Тарногский говор: словарь», составленный вологодским писателем С. Мишневым (Мишнев 2013), «Народное слово в произведениях В. И. Белова: словарь» (НСПБ) и «Народное слово деревни Квасюнино: словарь» (КДСКШ), составленные автором данной статьи.

1. Семантическая парадигматика категории степени интенсивности признака

Семантика интенсивности признака неоднократно исследовалась в различных аспектах [Акуленко 1987; Артемьева 1992; Бельская 2001; Воротников 1999; Гехтляр, Бирюкова 2009; Князев 2007; Новосёлова 1990; Полянский 1978; Пеньковский 1973; Степанова, 2008, 2011; Теория функциональной грамматики 1996; Титова 1964; Туранский 1990; Убин 1974; Цуккерман 1986; Чарикова 1990]. Обычно при рассмотрении степеней интенсивности признака учитывают три позиции: «положительный признак как норма», «интенсивность положительного признака выше нормы», «интенсивность положительного признака ниже нормы». Однако в диалектном языке возможны лексемы, у которых в значение «отсутствие положительного признака» также включается сема интенсивности. Ср.: *баскѹщий* 'очень красивый' Перм. (СРНГ 2: 134; КДСКШ), волог. (КСВГ) → *небаскѹщий* 'очень некрасивый, очень непривлекательный' Киров. (СРНГ 20: 314–315); *годѹщий* 'годный' обл. (СРНГ 6: 275; КДСКШ) → *негодѹщенский* 'совершенно непригодный, очень плохой' Олон. (СРНГ 20: 375); *гѹжий* 'годный' обл. (СРНГ 6: 277) → *негожѹющий* 'совершенно непригодный, очень плохой' обл. (СРНГ 20: 376). Таким образом, значение «отсутствие положительного признака» также имеет свои степени интенсивности: *небаскѹй* 'некрасивый' и *небаскѹщий* 'очень некрасивый, очень непривлекательный'; *негѹжий*, *негодѹщий* 'негодный' и *негодѹщенский*, *негожѹющий*, *разнегѹдный* 'совершенно непригодный, очень плохой'. Исследователи префиксов с негативной

семантикой отмечают их полифункциональность, которая предполагает возможность выразить в разных лексемах, а нередко и в одной лексеме, такие варианты значений: «отсутствие положительного признака», «противоположный признак», «отсутствие тождества при наличии сходства» (Марков 1976; Степанова 2008, 2011).

Кроме этого, считаем целесообразным включить в шкалу интенсивности признака ещё одну позицию, которая характерна для наречий, — значение «интенсивность положительного признака приближается к норме»: *доала́* нареч. 'докрасна' *Добела было набеленось, доала же нарумяненось*. Пудож. Олон. (СРНГ 8: 72); *доболька́*, нареч. 'до боли' Арх: Пин. *Хивус садкой, резкой ветер, доболька нахолаживает нос ли* (Пин, Занюхча) (СГРС 2: 161); *до́плоти*, нареч. 'плотно' *Смотри! Не закрыт холодильник доплоти*. Вож. Сурк. (СВГ 3: 41).

Таким образом, в диалектном языке с помощью словообразовательных средств может быть выражена следующая семантическая парадигма степеней интенсивности признака:

1. «самая высокая степень интенсивности признака»;
2. «интенсивность положительного признака выше нормы»;
3. «положительный признак как норма»;
4. «интенсивность положительного признака приближается к норме»;
5. «интенсивность положительного признака ниже нормы»;
6. «отсутствие положительного признака»;
7. «противоположный признак»;
8. «интенсивность противоположного признака выше нормы».

Рассмотренные значения носят оценочный характер, поэтому они соотносительны с аксиологической модальностью, дающей положительную или, наоборот, отрицательную характеристику отклонения степени интенсивности признака от нормы в ту ли иную сторону. В диалектных словарях этот факт учитывается, в силу чего в ряде случаев даются два варианта толкования, отражающие разные прагматические ситуации употребления слова. Например: (1) **вóсухой** '(а) не очень сухой; (б) слегка подсохший' — а) отрицательная оценка: *Восухо сено* (то есть не очень сухо — недосохло); б) положительная оценка: *Восухо бельё — хорошо гладить, не пересохло*. Свердл. (СРНГ 5: 151); (2) а) положительная оценка: **вóтвердо**, нареч. 'не очень твёрдо' *Ничего, спать можно, вотвердо*. Свердл.; б) отрицательная оценка: **вóтвердый** 'твердоватый' *Вотвердый хлеб уж стал*. Свердл. (СРНГ 5: 157); (3) **вóтемно**, нареч. '(а) темновато; (б) не совсем темно' — а) отрицательная оценка: *Раньше с лучиной сидели; еле-еле светит, дак вотемно было*; б) положительная оценка: *Вотемно ишо, помешкай зажигать лампу-ту*. Свердл., Киров., Перм., Тюмен., Курган. (СРНГ 5: 157).

2. Словообразовательная парадигматика категории степени интенсивности признака

При модификационном словообразовании исходной для словообразовательного выражения степени интенсивности признака у прилагательных является лексема, обозначающая положительный признак как норму (3 позиция). На её основе возможно образование словообразовательной парадигмы или гнезда слов, обозначающих различные степени интенсивности признака.

Потенциальная словообразовательная парадигма, включающая все компоненты рассматриваемой словообразовательной категории, является стимулом для поиска соответствующих слов в различных диалектных зонах:

3	1
	2
	4
	5
	6
	7
	8

Словообразовательная парадигма такой категории у реальных лексем может быть **неполной**, как, например, у прилагательного *баско́й*, в парадигме которого, по данным СРНГ, отсутствуют 4 и 5 позиции — «интенсивность положительного признака приближается к норме» и «интенсивность положительного признака ниже нормы»:

3 <i>баский</i> , <i>баско́й</i> (СРНГ 2: 131, 132; СВГ 1: 18)	1 <i>баску́щий</i> (СРНГ 2: 132), <i>разба́ский</i> (СРНГ 34: 8), <i>разбаско́й</i> (КСВГ)	8 <i>небаску́щий</i> (СРНГ 20: 314–315)
	2 <i>баскови́нный</i> (СРНГ 2: 134; КСВГ)	
	4	
	5	
	6 <i>неба́ский</i> , <i>небаско́й</i> (СРНГ 20: 315)	
	7 <i>неба́ский</i> , <i>небаско́й</i> (СРНГ 20: 315)	

По нашим данным, обычно далеко не все степени интенсивности признака могут быть выражены словообразовательно, то есть не всегда возможно образование **полной парадигмы**. Так, например, парадигмы лексем будут **неполными**, если исходное прилагательное обозначает такой признак, который сам по себе является имплицитно интенсив-

ным и не предполагает словообразовательного выражения значения «интенсивность положительного признака выше нормы» (2), значений неполной степени качества (позиция 4–5) и крайних проявлений противоположного ему качества (позиция 8):

3 <i>злой,</i> <i>зловый</i> Медв., <i>злыбый</i> (СРГК 2: 254)	1 <i>злённый</i> Новг., Яросл., Иван., Калуж., <i>злёющий</i> Волог., Пск., <i>злыщый</i> Ряз., <i>зловский</i> Смол., <i>злыщый</i> Пск., Вят., Перм. (СРНГ 11: 287–289), <i>злыщый</i> Лод., <i>злящый</i> Сег., Кем., Канд. (СРГК 2: 254), <i>злённый</i> Чер. (СРГК 2: 254)	8
	2	
	4	
	5	
	6 <i>незлой</i>	
	7 <i>незლობливый</i> (СРНГ 21: 50)	

Несколько иной состав позиций имеет парадигма прилагательного *добрый*, по данным СРНГ:

3 <i>добрый</i>	1 <i>самодобрый</i> (СРНГ 36: 82), <i>добрущый</i> , <i>добрящый</i> (СРНГ 6: 76, 80)	8
	2 <i>добрёцкий</i> , <i>добрёющий</i> , <i>добринский</i> , <i>добрístый</i> , <i>добрязский</i> , <i>добряцкий</i> (СРНГ 6: 76, 80)	
	4	
	5 <i>добрóвítый</i> (СРНГ 6: 77)	
	6 <i>недобрый</i>	
	7 <i>недобрый</i>	

Значение «интенсивность отрицательного признака» (8 позиция) бывает прагматически не востребованным, и в таких случаях соответствующий компонент парадигмы также

отсутствует, как, например, в представленных выше парадигмах слов *злой*, *добрый*, а также в следующей парадигме:

3 высо- кий	1 развысо́кий	
	2 высоко́шенный, высоку́щий, высокая́нный (СРНГ 6: 26)	8
	4	
	5 высоке́нький, высокова́тый (СГРС 1: 281), полвысо́кий (СРНГ 29: 39)	
	6 невысо́кий	
	7 невысо́кий	

Существуют и такие типы парадигм, в которых значения «интенсивность положительного признака выше нормы» (2 позиция) и «интенсивность положительного признака ниже нормы» (5 позиция), а также другие значения градации положительного признака (1 и 4 позиции) словообразовательно не выражены, в силу этической и прагматической нечленности этого исходного положительного признака. Например:

3 совестный ‘совестливый, то есть поступающий по совести’ Свердл. (СРНГ 39: 181)	1	
	2	
	4	
	5	
	6 бессове́стный ‘без совести’ (МАС 1: 86)	
	7 бессове́т- ный ‘нечест- ный, беззастен- чивый’ (МАС 1: 86)	8 разбессове́стный ‘крайне нечестный, бесовестный’ (СРНГ 33: 260)

У ряда лексико-семантических групп прилагательных, например, у цветообозначений, судя по лексикографическим данным, словообразовательно не выражены значения: «самая высокая степень интенсивности признака» (1 позиция),

«интенсивность положительного признака приближается к норме» (4 позиция), «отсутствие положительного признака» (6 позиция), «противоположный признак» (7 позиция), «интенсивность противоположного признака выше нормы» (8). Например:

3 зелё- ный	1	
	2 зелёющий	8
	4	
	5 вóзелёный, всўзелъ Череп. Новг. (СРНГ 5: 23, 219); вўзелень (Мишнев 2013: 38); иззеленá	
	6	
	7	

3 красный, красной (КДСКШ)	1	
	2 красующий	8
	4	
	5 вóкрасный ‘красный, красноватый’ Свердлов., всўкрась ‘красноватого цвета’ (СРНГ 5: 35, 219), скраснá ‘с красным оттенком, красноватый’ (СВГ 10: 31)	
	6	
	7	

Таким образом, рассматриваемая словообразовательная категория обладает большим разнообразием как в плане содержания, так и в плане выражения. В силу этого недостаточно для ее исследования учета только указанных выше параметров (шкалы степени интенсивности признака). Как показывают наблюдения, семантический объем словообразовательного значения степени интенсивности признака и состав соответствующей словообразовательной парадигмы зависит от следующих факторов: 1) от частеречной принадлежности производного и производящего слов; 2) от типа словообразо-

вания (модификации, транспозиции, транспозиции в сочетании с модификацией; транспозиции в сочетании с мутацией и модификацией); 3) от денотативного типа признака и его носителя (цвет, объём, размер, свойства живой и неживой природы, человека и т. п.).

Далее в статье основное внимание уделяется способам словообразования лексем, выражающих степени интенсивности признака у прилагательных, наречий и предикативов, относящихся к модификационному типу словообразования.

3. Модификационная словообразовательная категория степени интенсивности признака

При модификационном типе словообразования значение степени интенсивности признака, выраженное формантом, добавляется к основному значению признаковости, обозначенному производящим словом. Данный тип словообразования характерен в русских народных говорах для прилагательных, наречий, предикативов и определённого разряда предикатных имён существительных. Далее рассматриваются словообразовательные средства модификационной категории степени интенсивности признака.

3.1. Словообразовательные средства выражения значения «самая высокая степень интенсивности признака»

Префикс *на-*

Приставка *на-*, присоединяясь к качественным прилагательным, выражает значение «самая высокая степень интенсивности признака»: *нажёлтый, жёлтый-нажёлтый* 'ярко-желтый' *С травы-то жёлток жёлтый-нажёлтый*. Влад.; *нажирный* 'слишком жирный' *Така жирнота эта рыба, ну прямо жирна-нажирна*. Влад. (СРНГ 19: 267, 271); *насветлёшенький* *Уж и как мне, славному Дунаюшкы, осветлёшеньку да мне не течь?* Терск.; *насветлый*

‘очень светлый’ Терск., *А ночь товыды была светла-насветла*. Влад.; *насветлмый* ‘лучший в мире’ *Насветлмый парень*. Пск., Твер.; *насухбый, сухой-насухбый* ‘очень, чрезмерно сухой’ *Погода стоит сухая-насухая*. Влад.; *натёмный* ‘очень тёмный’ *Темна темница натёмная*. Терск. (СРНГ 20: 153, 208, 217).

Данный тип прилагательных не характерен для литературного языка, а в диалектной речи, как показывают примеры, чаще встречается в фольклорных текстах. Поэтому обычно образования с *на-* употребляются в составе особых сочетаний, возникающих в результате редупликации основы исходного прилагательного. Редупликация также служит для выражения усиления степени интенсивности признака.

Префикс *наи-*

Префикс *наи-*, присоединяясь к прилагательным, вносит в их семантику значение самой высокой степени интенсивности признака. Как отмечается в «Русской грамматике», «прилагательные с префиксом *наи-* обозначают высшую степень проявления признака, названного мотивирующим словом». Указывается также, что этот словообразовательный тип слов продуктивен в художественной и публицистической речи, возможны окказиональные образования (АГ-80 1: 307). Существуют разные точки зрения на функциональный статус этого префикса (словообразовательным или формообразовательным он является). Так, например, Ю. П. Князев считает этот префикс формообразовательным [Князев 2007: 222]. В силу этого, производные слова с этим префиксом составителями многих словарей последовательно не фиксируются. Среди обследованных нами диалектных словарей только в СРНГ отмечено несколько подобных слов: *наиблїжний* ‘самый близкий’ Смол.; *наибогáтый* ‘самый богатый’ Ф.; *наибóльший* ‘старший в доме, в семье’ Смол.; *наигóрший* ‘самый горький’ Смол.; *наидóлгий* ‘самый долгий’ Перм.; *наистáрший* ‘самый старший’ Олон.; *наихужéй-*

ший ‘наихудший’ Пск., Смол. (СРНГ 19: 293–298). Между тем, как нам представляется, следовало бы подобные образования включать в диалектные словари, поскольку в этой сфере обнаруживаются типологические расхождения с литературным русским языком и сближения с другими славянскими языками. Так, если в литературном русском языке префикс *наи-* присоединяется или к форме сравнительной степени (*наибольший*, *наименьший*), или к форме превосходной степени в элятивном и суперлятивном значении для усиления этого значения (*наивысший*, *наинизший*, *наилегчайший*, *наиважнейший*), то в диалектном языке этот префикс может присоединяться не только к этим формам (*наибóльший*, *наизóрший*, *наистáрший*, *наихужéйший*), но и к форме положительной степени (*наибогáтый*, *наидóлгий*). Последнее, то есть присоединение префикса *наи-* к форме положительной степени, как отмечает Ю. П. Князев, характерно для болгарского и македонского языков [Князев 2007: 223].

Префикс *пре-*

Прилагательные с префиксом *пре-* обозначают высшую степень качества, названного мотивирующим словом (АГ-80 1: 309). В диалектном языке этот префикс очень продуктивен: *пребеднёющий* Ворон., *пребедняющий* ‘очень бедный’ Казан.; *пребогáтенький* ‘очень богатый’ Перм.; *пребольшинский* ‘очень большой’ Мурман.; *пребрáвый* ‘очень бравый’; *пребóрный* ‘очень бурный’ Сахалин.; *превеличайший* ‘очень высокий’ Р. Урал (СРНГ 31: 72–73); а также: *превострénный*, *превыхлевáтый*, *прегúдкий*, *прегúдко*, *преглáсный*, *преглубоко*, *прегрóмкий*, *прегрязнёшенький*, *предмнящий*, *предорого́й*, *прекрупнёйший*, *прекручúnный*, *прелихой*, *премалéхонький*, *прематерýщий*, *прематёрый*, *премлáденький*, *премладóй*, *препрекрасный*, *преразúмный*, *пресízый*, *пресилённый*, *прескúсный*, *пресмирённый*, *престрамнýщий*, *пре-*

стра́стный, преста́шительный, преста́шнёющий, преста́шно, пресы́рящий, преуда́льный, преужаснёющий, преузо́рочный, преуро́чливый, прехудо́й, прехудя́щий, преча́стный, прея́сный (СРНГ 31: 72–99).

Указанные выше прилагательные с префиксом *пре-* нередко выполняют чисто экспрессивную стилистическую функцию обычно в фольклорных текстах, на что указывает специальная помета в диалектных словарях, например: *В пребурной ноченькой прохладной Скрывался месяц в облаках.* Сахалин. (СРНГ 31: 72).

Префикс *раз-/рас-*

Префикс *раз-* «употребляется при образовании прилагательных и существительных и обозначает высшую степень проявления какого-либо качества, свойства и т. п.» (МАС 3: 583): *разале́нький* Казан., *разба́ский* Свердл., Омск., Костром.; *разбе́лый* Казан.; *разбессо́вестный* Самар., Терск., Смол., Арх., Волог.; *разбессты́жий* Влад.; *разбессча́стный* Пск., Твер., Ворон., Курск., Орл., Смол., Новг., Петерб., Север., Арх., Волог., Яросл., Оренб., Уфим.; *разблизёхонько* Том.; *разбога́тенький* Енис.; *разбога́тый* Волгогр.; *разбольшо́й* Р. Урал.; *разбольшу́щий* Новг.; *разбу́йный* Тобол.; *разведря́нный* Ф. 'хороший, ясный (о погоде)' Д.; *разворо́нный* Ф. Р. Урал., Южн. Урал., Перм., Оренб., Симб.; *разглу́пый* Ф. Горьк., *разглу́пенький, преуро́чливый* Тамб.; *разгорю́чий* Арх., Волог., Яросл. (СРНГ 33: 260–314). См. также: *раз-*: *разведи́нный* 'единственный'; *разлюбёзньий, разлюбимый, разлюто́й, размали́новый, разматеру́щий, размале́нький, разме́рзкий, размилёхонький, размилый, разраде́хонький, разуго́дный, разуда́ленький, разуны́вный, разуны́лый, разухва́тистый, раскази́нный, раскали́мый, раскраси́вый, раскруто́й* (СРНГ 34: 8–140).

Этот префикс встречается и в составе предикативов: *раскрасотá* ‘очень красиво’ Дон. (СРНГ 34: 138), *расхорошó* (СРНГ 34: 304).

Префикс *раз-* так же, как и префикс *пре-*, нередко выполняет чисто экспрессивную стилистическую функцию и поэтому может присоединяться даже к относительным прилагательным, что обычно характерно для фольклорных текстов и на что указывает специальная помета в диалектных словарях. Например: *раскисейный* ‘кисейный’ *На ней тоненька белая рубашечка, Раскисейны широки рукава.* Череп. Новг. Соболевский (СРНГ 34: 117).

Префиксоид *само-*

Префиксоид *само-* в литературном языке это «первая составная часть сложных прилагательных в превосходной степени», например: *самоважнейший, самоновейший, самонужнейший* (МАС 4: 16). В севернорусских говорах есть наречие *само* ‘очень, весьма’ *Не само дородно.* Арх., Твер. *Не само большой дождик.* Череп. Новг. (СРНГ 36: 76). В отличие от литературного языка префиксоид *само-* в диалектной речи, чаще в фольклорных текстах, присоединяется не к формам превосходной степени (см. примеры выше), а к формам положительной степени: *самоглавный* ‘самый главный, наиглавнейший’ *Самоглавный богатей. А самоглавная пещера в Азов-горе была.* Урал.; *самогрозный* ‘очень опасный’ *Самогрозное место.* Олон.; *самодальный* ‘живущий, расположенный далеко, в отдалении’; *самодобрый* ‘очень хороший, отличный’ *Я возьму коня, что не лучшего, что не лучшего самодоброго* (песня) Перм.; *самозадобрный* ‘задорный, пылкий, страстный’ Арх.; *самоздоровый* ‘полностью, совершенно здоровый, благополучный’ Тул.; *самолёгкий* ‘очень лёгкий, незначительный по весу’ Олон.; *самонастоятельный* ‘настойчивый, упорный’ Калуж.; *самонижний* ‘низкий, неродовитый’ Олон.; *самонужный* ‘самый нужный’ Терск., Сев.-Двин.; *самосиль-*

ный 'самый сильный, очень сильный' Пск.; **самотрудивый** 'добросовестный, быстрый в работе' Яросл. (СРНГ 36: 82–87, 94, 102–108).

Однако встречаются и слова, которые образованы присоединением префиксоида **само-** к форме превосходной степени: **самолучший** 'самый лучший, наилучший' Арх., Олон., Ленингр., Новг., Пск., Волог., Костр., Вят., Перм., Смол., Башк., Сиб.; **самомаляющий** 'самый меньший, самый малый' Арх. (СРНГ 36: 92–93).

Суффиксы

Прилагательные: **-ущ-** / **-еющ-** / **-отущ-** / **-ащ-** / **-ящ-** / **-ищ-**: **богатёущий** Тобол., Арх., Новг., Волог., Вят., Перм., Пск., Смол., Твер., Тул., Калуж., Симб., Яросл.; **богатѹщий** Сев., Арх.; **умнёущий**, **важнёущий**, **беднёущий** Самар.; **богатѹщий** Орл.; **бойкѹщий** Арх.; **большѹщий** Твер. (СРНГ 3: 43, 44, 67); **добрёущий**, **добрѹщий** (СРНГ 8: 76, 80); **здоровѹщий**, **здоровѹщий** 'очень большой'; **забытѹщий** 'забывчивый'; **невѹщий** 'громко и часто плачущий'; **путѹщий** 'вполне положительный по своим качествам'; **разумѹщий** 'толковый, сообразительный'; **тяжелѹщий** 'очень тяжелый'; **хватѹщий** 'жадный'; **широкотѹщий** 'очень широкий' (СВГ); **-енн-**: **богатѣнный** Ряз., Новг., Вят., Урал. (СРНГ 3: 43); **злѣнный** Новг., Яросл., Иван., Калуж.; **злѣющий** Волог., Пск.; **злѹщий** Ряз.; **зловский** Смол.; **злущий** Пск., Вят., Перм. (СРНГ 11: 287–289); **злѹщий** Лод.; **злящий** Сег., Кем., Канд. (СРГК 2: 254); **-ехонн-**: **тонехонный** 'очень худой, тощий (о человеке)'; **-унн-**: **большѹнный** Перм., Ленингр. (СРНГ 3: 93); **-утельн-**: **большѹтельный** Перм. (СРНГ 3: 93).

Конфиксы

В «Русской грамматике» словообразовательное значение наречий этого типа определяется так: «Наречия с преф. **на-** и суф. **-о** обозначают доведённость до признака, названного мотивирующим словом: *наголо, наглухо, накрепко, начисто* и др.» (АГ-80 1: 404). В говорах также встречаются такие наречия: *наслабко, насыро* (СРНГ 20: 168, 212) (см. ниже 3.4.). Однако в диалектном языке, судя по материалам СРНГ, данная словообразовательная модель может иметь и другое значение — «самая высокая степень интенсивности признака»: *нажарко, жарко-нажарко* ‘очень жарко’ *Водяной царь приказал (...)* *приказал истопить баню чугунную жарко-нажарко*. Ворон.; *нажелто, желтым-нажелто* ‘ярко-желтый’ Д.; *накрасно* ‘красным красно’ *Вот я нашла место хорошее, накрасно малины*. Моск. (СРНГ 19: 266, 267, 341, 347); *натепло, тепло-натепло* ‘очень тепло’ *Нынче тепло-натепло*. Влад. (СРНГ 20: 218).

3.2. Словообразовательные средства выражения значения «интенсивность положительного признака выше нормы»

Словообразовательные средства выражения значения «интенсивность положительного признака выше нормы» в диалектном языке очень разнообразны. Ими могут быть как префиксы, так и суффиксы.

Префикс *во-*

Продуктивный префикс *во-* присоединяется как к прилагательным, так и к наречиям и словам категории состояния — предикативам. Он является собственно диалектным префиксом и характерен для севернорусских, уральских и сибирских регионов: *вожарко* нареч. ‘очень жарко’ *Я вожарко посадила, надо бы ещё охолодить*. Тюмен.; *вожелтый* ‘слишком жёлтый’ *Товар-то хорош, да вожелт, жёлтый*

шибко. Свердл. (СРНГ 5: 10–11); *вожирно* нареч. ‘слишком жирно’ *Вожирно не люблю есть*. Свердл.; *вожирный* ‘слишком жирный’ *Мясо на пельмени-то вожирно*. Кург.; *вожутко*, нареч., безл. сказ. ‘очень жутко, страшно’ *Туча-то нашла, в рамени совсем вотемно, страх, как вожутко*. Перм.; *возвонко*, нареч. ‘звонко’ *Колокольчики возвонко звенят...* Волог. (СРНГ 5: 13, 14, 16); *возелено*, нареч. ‘очень зелено’ *Выкрасил стену, да возелено получилось*. Свердл. (СРНГ 5: 23); *вокислый* ‘очень кислый, перекишший’ *Вокисла простокваша*. Свердл., Киров.; *вокороткий* ‘очень короткий’ Свердл.; *вокрепко* нареч. ‘очень крепко’ Свердл.; *волегко* ‘довольно легко, не тяжело’ (СРНГ 5: 35); *вомаркий* ‘легко пачкающийся, маркий’ Свердл.; *восолоно*, нареч. ‘излишне солоно; слегка пересолоно’ *Немного восолоно посолил шти-та*. Перм., Свердл., Курган., Киров.; *восолёный*, *восолоный* ‘излишне солёный; слегка пересолёный’ *Восолона позлётка-та*. Перм. *Чуть восолон суп. Восолоньщи*. Свердл., Киров. (СРНГ 5: 138–139); *восухо*, нареч. ‘сухо’ *Восухо на дворе. Хорошо у нас дома восухо*. Свердл., Перм., Киров., Курган., Омск.; *восухо* в знач. сказ. ‘сухой (ая, ое)’ *Трава-то уж восухо...* Свердл.; *восухой* ‘очень сухой, пересохший’ *Сено-то восухо, метать надо*. Перм., Свердл. (СРНГ 5: 151); *вотемно*, нареч. ‘очень темно’ Арх., Сиб.; *вотепло*, нареч. ‘тепло, жарковато’ Арх., Сиб. *Да сегодня вотепло, куда столько-то поназдевала*. Свердл. (СРНГ 5: 164, 165); *вотяжело* ‘довольно тяжело, тяжеловато’ *Наклали воз вотяжело* (то есть немного тяжелее обычного) Свердл.; *вочерно* ‘темно; очень темно’ Перм.; *вочисто* ‘чисто; очень чисто’ *Вымыла пол вочисто*. Свердл. (СРНГ 5: 164–165).

Непродуктивные префиксы

Непродуктивные префиксы обычно усиливают степень интенсивности признака, который у производящего слова также достаточно интенсивный: *за-*: *занарóчный* 'специально присланный'; *по-*: *повелíкий* 'большего размера, чем нужно, просторный, великий'; *про-*: *прозóркий* 'наблюдательный'; *су-*: *суморóчный* 'очень пасмурный'; *сурáжий* 'обладающий здоровьем, статный, стройный'; *у-*: *укрáсивый* 'очень красивый' (СВГ).

Префиксоиды

Слова с префиксоидом *все-* со значением «качество, свойство имеет испытывающую полноту качества, выраженного производящим словом» характерны больше для книжного стиля русского языка (МАС 1: 228). Однако этот префиксоид встречается и в диалектной речи: *всемóчно* 'всеми силами' Волог.; *всерáдостно* 'очень радостно' Перм. (СРНГ 5: 199).

Префиксоид *много-* имеет значение «в значительной степени» (МАС 2: 280): *многовýtный* 'имеющий хороший аппетит, прожорливый' Олон., Калин., Ср. Урал, Иркут., Новг.; *многогрáмотный* 'культурный, образованный' Арх. *Счас народ многограмотный понаехал.* Краснояр., Камч.; *многодáтельный* 'щедрый', *многодéльный* 'трудоёмкий (о работе)' Калуж., Ярослав., Волог.; *многолюбно*, нареч., безл. сказ. 'приятно' *Многолюбно и любодружно в компании.* Смол.; *многомíлосливый* 'великодушный, милостивый, многожелательный' Перм., Арх.; *многомóщный* Арх., *многомудрёный* Ярослав., *многорáдошный* Оренб., *многосúльно* нареч. Онеж. КАССР, *многосчётный*, *многосчётненький* Печора и Зимний Берег (СРНГ 18: 186–187); *многовáжный*, *многовётистый*, *многовýtный*, *многодéльно* (СРГК 3: 242).

Префиксоид *полно-* имеет значение «проявляющийся вполне, не частично, абсолютно» (МАС 3: 265): *полногрá-*

мотный 'грамотный, образованный' *Он у нас хорошо ученый, полнограмотный.* Арх. (СРНГ 29: 83).

Суффиксы

Модификационные суффиксы, выражающие значение «интенсивность положительного признака выше нормы», по данным «Словаря вологодских говоров»: *-ав-* / *-ляв-* — *сухлявый* 'очень худой, тощий'; *-инн-* — *басковинный* (СРНГ 2: 134); *-инск-* — *толщинский* 'очень толстый'; *добринский* (СРНГ 8: 76); *-ит-*: *ласковитый* 'очень ласковый'; *-им-*: *богатимо* Урал., *богатимый* Оренб., Перм., Свердлов., Урал. (СРНГ 3: 43–44).

Нередки случаи, когда оценочные суффиксы присоединяются к прилагательным, уже обозначающим интенсивное проявление признака, и тогда они служат средством структурной объективации этого значения. Например: *наяновый* → *наяноватый* 'слишком бойкий, дерзкий'; *кусачтый* → *кусачтоватый* 'кусачий' (СВГ).

3.3. Значение «положительный признак как норма»

Значение «положительный признак как норма» является исходным и не имеет специальных словообразовательных формантов.

3.4. Словообразовательные средства выражения значения «интенсивность положительного признака приближается к норме»

В говорах это значение, как и в литературном языке, выражается у наречий словообразовательным конфи́ксом *до-...-а*: *доалá* нареч. 'докрасна' *Добела было набеленось, доала же нарумяненось.* Пудож. Олон.; *добольня́* 'больно'; *догладка́* 'гладко' (СРНГ 8: 72, 75, 88); *доболька́*, нареч. 'до боли' Арх: Пин. *Хивус садкой, резкой ветер, доболька наолаживает нос ли* (Пин, Занюхча) (СГРС 2: 161); *доплоти́*, нареч. 'плотно' *Смотри! Не закрыт холодильник доплоти.*

Вож. Сурк. (СВГ 3: 41). В «Русской грамматике» словообразовательное значение наречий этого типа определяется так: «Наречия с преф. *до-* и суф. *-а* обозначают доведённость до признака, названного мотивирующим словом: *добела, догола, докрасна...*» (АГ-80 1: 404).

В литературном языке есть и другой конфикс с подобным значением *на-...-о*: *наголо, наглухо, накрепко, начисто* и др. (АГ-80 1: 404). В говорах наречия такого типа также есть: *наслабко* ‘слабо, не туго’ *Нож держался в ножнах наслабко*. Уральск.; *насыро* ‘в мокром виде, во влажном состоянии’ *Воды немного льешь, с кружку; можно насыро толчи*. Перм. (СРНГ 20: 168, 212). В диалектном языке, судя по данным СРНГ, этот формант имеет также и иное значение — «самая высокая степень интенсивности признака» (см. выше 3.1.).

У прилагательных и наречий значение «интенсивность положительного признака приближается к норме» может выражаться и префиксальным способом: *досдováльно, досмертёльно, досметливый, доумный* (СРНГ 8: 139, 140, 158), *завысоко, наживо* ‘живо, скоро’ (Мишнев 2013: 83, 86).

3.5. Словообразовательные средства выражения значения «интенсивность положительного признака ниже нормы»

Словообразовательные средства выражения значения «интенсивность положительного признака ниже нормы» выражаются префиксальным и суффиксальным способом. Судя по материалам рассмотренных нами диалектных словарей, наиболее продуктивны в этой функции префикс *во-* и префиксоид *мало-*. Кроме них используется ряд менее продуктивных префиксов и префиксоидов, а также различные суффиксы.

Префикс *во-*

Данный диалектный префикс является многозначным. Выше (п. 3.2.) были представлены слова, в которых он выражал значение «интенсивность положительного признака выше нормы». В следующих словах этот префикс используется в значении «интенсивность положительного признака ниже нормы»: *во́жарко* нареч. 'не очень жарко' *Вожарко в избе-то, даж и хорошо*. Свердл., Киров.; *во́желто* нареч. 'желтовато' Свердл.; *во́желтый* 'желтоватый' *Платье-то вожелто*. Свердл. (СРНГ 5: 10–11); *во́жидкий* 'жидковатый' *Я вожидкий сделала квас*. Свердл.; *во́жидко* нареч. 'жидковато' *Кашу сварила вожидко*. Свердл., Киров., Курган.; *во́жутко*, нареч., безл. сказ. 'жутковато' *Вожутко ночью-то*. Свердл. (СРНГ 5: 14, 16); *во́зелено*, нареч. 'зеленовато' *Когда хлеб зелёный, возелено жнёшь*. Свердл., безл. сказ. *В огороде ещё возелено, поливать-то нечего*. Свердл.; *во́зелёный* 'зеленоватый' *Капуста возелена*. Урал., 'зелёный, несозревший' *Первым долгом кошенина возелена и во-сыра*. Свердл. (СРНГ 5: 23); *во́кисло*, нареч. 'кисловато, слегка кисло' Перм., Свердл., Курган., *во́кислый* 'кисловатый, слегка кислый' Перм.; *во́коротко* 'коротковатый' *Бревно-то вокоротко*. Урал., Свердл., *во́коротко*, нареч. 'коротенько, коротковато' Арх., Сиб., Вят., Свердл., Курган.; *во́красно*, нареч. 'красно, красновато' Свердл.; *во́красный* 'красный, красноватый' *Вокрасна пшеница*. Свердл.; *во́криво* нареч. 'несколько криво' Свердл. (СРНГ 5: 35); *во́мало* нареч. 'маловато' Перм., Арх., Вят. *Хлеба у нас во мало, да как-нибудь проживём*. Свердл., Курган., Том., Урал., *Во мало мне этого, ишшо надо бы*. Заурал., Сиб., Тобол., Енис.; *во́мало*, в знач. сказ. 'маловат (а, о)' *Сапоги были во мало, а стали вовсе теперь мало*. Свердл.; *во́мальный* 'маловатый' Нижне-Тагил., *Юбка во мала. Немного пальто во мало*. Свердл., Перм., Курган., Киров.; *во́маркий* 'слегка запачканный, грязноватый' Свердл.; *во́марко*, нареч. 'слег-

ка грязно, запачкано; грязновато' Свердлов., Курган.; **вослабкий** 'слабоватый' *Вослабкий он.* Свердлов.; **вослабко**, нареч. 'слабовато' *Вослабко вожжи затянул.* Свердлов.; **вослабко**, в знач. сказ. 'слабоват (а, о)' *Юбка вослабко. Пояс вослабко.* Свердлов.; **вослабо**, нареч. 'слабовато' *Грабли я продолбил, стал щерешок в головку ладить — вослабо.* Свердлов.; **вослабый** 'слабоватый' *Вослаба брага-то, ежели недокисла, слабовата. Своё нашальство вослабо, дисциплина слабее.* Свердлов.; **восладко**, нареч. 'не очень сладко' *Ещё сахару положь, восладко.* Свердлов., 'сладко' *Шаньга-то восладко вышла.* Свердлов.; **восолено**, **восолоно**, в знач. сказ. 'слегка пересолен (а, о)' *Грибы и огурцы восолено.* Свердлов. *Суп немного восолоно.* Свердлов.; **восухой** 'не очень сухой; слегка подсохший' *Восухо сено (то есть не очень сухое). Восухо бельё — хорошо гладить, не пересохло.* Свердлов. (СРНГ 5: 151); **вотвердо**, нареч. 'не очень твёрдо' *Ничего, спать можно, вотвердо.* Свердлов.; **вотвердый** 'твёрдоватый' *Вотвердый хлеб уж стал.* Свердлов.; **вотемно**, нареч. 'темновато; не совсем темно' *Раньше с лучиной сидели; еле-еле светит, дак вотемно было. Вотемно ишо, помешкай зажигать лампу-ту.* Свердлов., Киров., Перм., Тюмен., Курган.; **вотемный** 'темноватый' *Матерьял-он такой голубой и маленько вотемный.* Тюмен.; **вотепло** 'не очень тепло' *Да седьни вотепло, хоть и сонсо.* Свердлов.; **вотесно**, нареч. 'тесновато' *Вотесно у них в избе.* Свердлов., Перм., Арх., Сиб., Курган.; **вотесно**, в знач. сказ. 'тесноват (а, о)' *Сапоги-то вотесно ему. Костюм вотесно.* Свердлов.; **вотесный** 'тесноватый' *Сапоги вотесны.* Перм. *Валенки вотесны немного.* Свердлов. (СРНГ 5: 157–158); **вобчерно** 'грязновато' *Вочерно у нас (о грязном помещении)* Свердлов., **вобчерный** 'не совсем чёрный; темноватый' Свердлов., **вобчисто** 'не совсем чисто' Свердлов. (СРНГ 5: 164, 165).

Непродуктивные префиксы

Это значение может выражаться также префиксальным способом: *подслѣный* 'плохо видящий, подслеповатый' (СВГ 7: 111); *при-* — *приглухий* 'плохо слышащий'; *про-* — *протѣплый* 'чуть теплый'; *рас-* — *растѣплый* 'недостаточно теплый' (СВГ 8: 44, 97); *иссырой* 'влажный' *Белье наукой гладили, белье чтоб было иссыро.* Прион.; *исчудесный* 'очень красивый, чудесный' *Ой, исчудесные были книги, с серебром.* Выт. (СРГК 2: 302, 305).

Префиксоиды

В диалектном языке используются префиксоиды со значением «интенсивность положительного признака ниже нормы»:

впол-: *впóлздорова* 'не совсем здорово, не совсем хорошо' Д.; *впóлзелена* 'в незрелом виде (о плодах)' *весь крыжовник вползелелена ощипали* Д.; *впóлпряма* 'не совсем прямо' Д.; *вполсыть* 'вполсыта' Влад.; *впóлтоща* 'впроголодь' Д. (СРНГ 5: 174);

мало-: *малобрѣхой*, *маловѣтной* 'необжорливый, немного съедающий пищи' Повс., *маломóжный* 'бежняк, маломощный', 'слабый, хилый' Повс.; *маловажсѣватый* 'малоприветливый, неразговорчивый' Костр.; *маловáжный* 'плохой' Вят.; *маловѣрный* 'не заслуживающий доверия, ненадёжный', 'доверчивый, легковёрный' Ворон.; *маловѣдный* 'неказистый, малорослый' Тамб.; *маловнѣтный* 'недоступный пониманию, непонятный' Волог., 'непонятливый, бестолковый' Волог.; *маловѣтный* 'отличающийся плохим аппетитом' Арх. и мн. др. области; *малодóйный* 'дающий мало молока' Пск.; *малодóмный* 'легкомысленный; плохо, с трудом соображающий' Пск., Смол.; *малодóшный* Пск., Том., Ср. Урал; *малодóымный* Урал; *малодздорóвый* Влад., Волог., Арх.; *маломóжный* Перм., Волог., Олон., Енис.; *малоохóтливый* Пенз.; *малоохóчий*,

малоохóбчивый Твер., Пск.; *малопу́тный* ‘непутёвый, несерьёзный, бестолковый’ Том., *малосóблый* ‘малосольный’ Перм., ‘недостаточно посолёный’ Арх., Tobол., Волог.; *малосы́тный* ‘отличающийся плохим аппетитом’ Иркут., а также: *малоталáнный*, *малотрáвный*, *малоуло́вистый*, *малоу́мненький*, *малоу́мный*, *молоу́стный*, *малоходбóвый* (СРНГ 17: 331–338); а также: *маловы́тный*, *малоглáзый*, *малоёжий*, *маложáрный*, *малоздрáв*, *малокрóвый*, *малолíковый*, *маломожéнный*, *маломóжнный*, *малосíльный*, *малосóло*, *малосóловато*, *малосóблый* (СРГК 3: 193–194; Мишнев 2013: 155; КДСКШ).

пол-/полу-: *повысо́кий каблук* ‘средний каблук’ Р. Урал.; *полглухо́й* ‘полуглухой’ Р. Урал; *полудóбрый* ‘ещё крепкий в носке (об одежде)’ Калуж.; *полжелто́й* ‘желтоватый’ Перм.; *полуду́рный* Тюмен., *полуду́роватый* Пск., Твер. ‘глупый, с придурью’; а также: *полуспéлый*, *получíсто* (СРНГ 29: 39–170); *полурéдкий* ‘с отверстиями среднего размера (о сите)’ Баб., Подп. (СРГК 5: 65).

Суффиксы

Суффиксы, выражающие значение «интенсивность положительного признака ниже нормы» в диалектном языке разнообразны. Так, например, по данным «Словаря вологодских говоров», в этой функции используются следующие суффиксы: *-ав-/-ляв-* — *солоща́вый* ‘разборчивый в еде’; *тонча́вый* ‘худощавый’; *чигля́вый* ‘худощавый’; *-ат-* — *желта́тый* ‘желтоватый’ ← *жёлтый*; *-еват-/-оват-*: *плевнева́тый* ‘сероватый, похожий цветом на плесень’; *простова́тый* ‘открытый, бесхитростный’; *рохова́тый* ‘негладкий, с мелкими неровностями’; *терхова́тый* ‘шероховатый’; *тончева́тый* ‘худощавый’; *тупова́тый* ‘глуховатый’; *-им-*: *слати́мый* ‘немного сладкий на вкус’.

В некоторых случаях бывает трудно определить по контексту, в каком значении используется тот или иной суффикс, или он вообще не имеет значения степени качества.

Например: *Нонеча на бабу-то сердистой*. Сямж. Чиж. (СВГ 9: 127).

**Префиксально-суффиксальный способ образования
несклоняемых синкретичных имен,
обозначающих неполную степень интенсивности признака**

Далее речь пойдёт о неизменяемых синкретичных словах, образованных префиксально-суффиксальным способом, которые по своей семантико-синтаксической функции могут употребляться и как наречия, и как предикативы, и как неизменяемые прилагательные. Впервые на данный тип имен в вологодских говорах обратила внимание и описала их Л. М. Кознева [Кознева 2006: 156–163], затем они были рассмотрены на более широком диалектном материале Л. Г. Яцкевич [Яцкевич 2010: 79–85; 2013: 62–68].

К сожалению, грамматическая характеристика данных слов в диалектных словарях даётся непоследовательно, нередко без учёта синтаксического контекста.

Далее представлены основные конфиксальные типы неизменяемых имен.

Конфиксация

вро-: *врогорячь* ‘не очень горячее’ *Сужно нагрэвэйтся, чтоббы было врогорячь*. *Вврогорячь — это не сільно горячее и не сільно остывшее* (СРНГ 5: 178); *вросух* ‘не совсем сухой’ *Торцёвая сторонá не даётся огранке ни на сухом, ни на мокром. Надо вросух* (СРНГ 5: 179); *вросырь* ‘сыроватый’ *Сэно-то ещё вросырь. Хлеб-от вросырь, не испёкся в печи* (СРНГ 5: 180); *врохолодь* ‘холодноватый’ *Вврохолодь покúшали щи-то* (СРНГ 5: 190); *врохолодь* ‘прохладно, холодновато’ Арх: Пин. *На Николу ишо врохолодь быват* (Пин., Кеврола) (СГРС 2: 210).

всу-: *всузель* ‘зеленоватого цвета’ Череп. Новг.; *всукрась* ‘красноватого цвета’ *Ситец-то всукрась; всусыть* ‘столько, чтобы быть сыту’ Д.; *всутереп* Пск., *всутёрп*

нареч., безл. сказ. ‘сколько можно стерпеть’ Твер., *Люблю париться жарко, лишь бы всутерп.* Д. Пск. *Уж не всутерп ей стало* Том.; **всу́тернь** Новг. (СРНГ 5: 219–220).

ву- **вубель** ‘беловатый’ Влг: Баб. *Чалый конь, мась такая, мышачья шерсь, вубель*; **вужолть** ‘сжелта, изжелта, желтоватый’ Влг: Кир. *Платки вужоуть*; **вужелень** ‘зеленоватый, еще не созревший’ Арх: Уст. *Клюквы бы мне ешо надь, уж вузелень бы послала дочере*; **вужрасень** ‘разноцветный’ Влг: У-Куб. *Вужрасень бывают бабочки, а бывают белые* (СГРС 2: 220–221); **вужелень** ‘зеленоватый, ещё не созревший’, **вусырь** ‘сыроватый, немного недопеченый хлеб, пирог’ (СРНГ 5: 238–239; Мишнев 2013: 36, 38). **ву-** **вубель** ‘беловатый’ Влг: Баб. *Чалый конь, мась такая, мышачья шерсь, вубель*; **вужолть** ‘сжелта, изжелта, желтоватый’ Влг: Кир. *Платки вужоуть*; **вужелень** ‘зеленоватый, еще не созревший’ Арх: Уст. *Клюквы бы мне ешо надь, уж вузелень бы послала дочере*; **вужрасень** ‘разноцветный’ Влг: У-Куб. *Вужрасень бывают бабочки, а бывают белые* (СГРС 2: 220–221); **вужелень** ‘зеленоватый, ещё не созревший’, **вусырь** ‘сыроватый, немного недопеченый хлеб, пирог’ (СРНГ 5: 238–239; Мишнев 2013: 36, 38).

из-/ис-...-а/-у: **избелá** ‘беловата’ *Избелá она́ земля-то* (СРНГ 12: 91); **изголубá** ‘с голубоватым оттенком’ *Изголубá-сёрый, изголубá-зелёноватый отлив пера* (Даль 2: 19); **изжелтá** ‘желтоватый, с жёлтым отливом’ (Даль 2: 22); **иззеленá** ‘зеленоватый’ (Даль 2: 19); **измокрá** ‘о подмоченном сыроватом (хлебе)’ *Когда́ хлеб измокрá, он заплесневае* (СРНГ 12: 148); **изры́жу** ‘с рыжинкой’ *Курица разной масти бывает, изры́жу да и черная* Пест. (СРГК 2: 286); *Я натру, натру тряпкой, а потом иссуха тряпочку положу* Медв. (СРГК 2: 302, 305); **исседá** ‘с беловатой шерстью (о шкурках животных)’ (СРНГ 12: 250) ← **седой** ‘светло-серый (о масти животных)’ (СРНГ 37: 117).

с-...-а: **сголубá** ‘с голубым оттенком’ *У меня́ глаза́ сголубá.* *У Мánчи косы́нка малéнечко сголубá*; **сзеленá** ‘с зелёным

оттенком' *Кора́ у ды́ни сзелена́, бы́дто не поспе́ла; сжелта́* 'с жёлтым, желтоватым оттенком' *Моро́шка сжелта́ така́. Сыро́й груздь — он сжелта́, а сухо́й — он бе́лый. Осина́ по цве́ту сжелта́, а листа́ зеле́нькие* (СРНГ 37: 31, 262, 259).

По данным СРНГ, СВГ, СРГК и Словаря Даля, существует несколько тематических групп диалектных аналитических прилагательных.

Обозначения оттенков цвета у предметов: *салá* 'близкий к алому цвету' *Купи́ла си́тчу на ко́фту, эдакой ро́зовой, пожа́луй, сала́ бу́дет* (СВГ 10: 86); *сбелá* 'с белым оттенком' *Мздрá у него́ чи́ста, так сбелá така́* (СРНГ 36: 168); *сбусá* 'с сероватым оттенком' *Борови́к сбуса́, как мох, така́ курча́ва [шляпка]* (СРНГ 36: 196); *сголубá* 'с голубым оттенком' *У меня́ глаза́ сголубá. У Ма́нчи косы́нка мале́нечко сголубá* (СРНГ 37: 31); *сзелена́* 'с зелёным оттенком' *Кора́ у ды́ни сзелена́, бы́дто не поспе́ла* (СРНГ 37: 262); *сжелта́* 'с жёлтым, желтоватым оттенком' *Моро́шка сжелта́ така́. Сыро́й груздь — он сжелта́, а сухо́й — он бе́лый. Осина́ по цве́ту сжелта́, а листа́ зеле́нькие* (СРНГ 37: 259); *У беля́нки там скрасна́ ли, сжелта́ ли* (СРГК 6: 82); *скрасна́* 'с красным оттенком, красноватый' *Рубáшку купи́ла, скрасна́ така́я. Елбви́ки-те — они́ скрасна́* (СВГ 10: 31); *Масля́ки желты́, волну́шки скрасна́ немно́го* (СРГК 6: 130); *скоричня́* 'близкий к коричневому цвету, коричневатый' *Комани́ца? Таки́е они́ скоричня́, ни́зенькие ве́точки* (СВГ 10: 27); *ссера́* 'с сероватым оттенком' *Не́бо-то се́дни ссера́, не́уж дождь бу́дет?* (СВГ 10: 113); *су́красна* 'напоминающий по цвету красный, красноватый' *Есь черни́ка, мелко́вата. Дак э́то они́ зеле́ны, я́годы-ти, су́красна* (СВГ 10: 156); *избелá* 'беловата' *Избелá она́ земля́-то* (СРНГ 12: 91); *изголубá* 'с голубоватым оттенком' *Изголубá-се́рый, изголубá-зеле́новатый отлив пера* (Даль 2: 19); *изжелта́* 'желтоватый, с жёлтым отливом' (Даль 2: 22); *иззелена́* 'зеленоватый' (Даль 2: 19).

Обозначения масти животных: *сбура́* 'с бурым оттенком' *Хорёк-то сбурá, а колоно́к, тот лу́чше* Том. Змеи:

чёрная — лесная, серы — луговые и сбура. Красна-красна — сбура лисица. Плоть жёлтая, а касатка сбура (СРНГ 36: 194); **сбусá** ‘с сероватым оттенком’ Лошадь была сбуса (СРНГ 36: 196); **сбелá** ‘с белым оттенком (о масти, цвете шерсти и т. п.)’ Встречаются изредка и белые маралы или сбелá. У ей брюшко сбелá, и горбушка серая, черноватая (СРНГ 36: 168); **сбелёса** ‘с белым оттенком (о масти, цвете шерсти и т. п.)’ (СРНГ 36: 168); **скрасна́** ‘с красным оттенком’ Марал бусый сбелёса, летом он скрасна (СРНГ 36: 168); **своронá, счерна́** ‘с чёрным оттенком’ Своронá не конь, счерна́ не медведь (СРНГ 36: 327); **скарjá** ‘с оттенком карего цвета (о масти лошади)’ Коней не видáли? — А какíх? — Один гнедой эдак скарjá, другой серой (СРНГ 37: 392); **счерна́** ‘черноватый’ Карой конь, он счерна́ и малёнько скрасна́ смóтрит (СРНГ 38: 125); **исседá** ‘с беловатой шерстью (о шкурках животных)’ Шкурки-то у них исседá (СРНГ 12: 250).

Обозначения цвета волос человека: **срусá** ‘русоватый’ Девочка-то у Марии хорошенькая, бёленькая, волóсики чуть срусá (СВГ 10: 111); **срыжá** ‘рыжеватый’ Волóсы-то у него́ не русые, а, пожа́луй, да́же срыжá (СВГ 10: 111).

Обозначения характеристики внешности человека, черт его характера: **спри́коса** ‘страдающий небольшим косоглазием’ Спри́коса ма́тка у него́ была́: глаз коси́л (СВГ 10: 105); **впрóдолъ** ‘продолговатой формы’ У неё (...) нос впрóдолъ. Така́я вы́сокая же́нщина, лицó тако́е впрóдолъ (СРГК 1: 240); **спростá** ‘простодушный, глуповатый’ Девка-то её́ мла́дшая была́ врёде спростá? (КДСКШ).

Обозначения температурных и иных физических характеристик предметов: **впрóгорячь** ‘не очень горячее’ Сукно́ нагрева́ется, что́бы бы́ло впрóгорячь. Впрóгорячь — это не си́льно горя́чее и не си́льно осты́вшее (СРНГ 5: 178); **впрóсух** ‘не совсем сухой’ Торцо́вая сторо́на не даётся огран́ке ни на су́хом, ни на мо́кром. На́до впрóсух (СРНГ 5: 179); **впрóсырь** ‘сыроватый’ Се́но-то ещё́ впрóсырь. Хле́б-

от впрóсырь, не испёкся в печи (СРНГ 5: 180); *впрóхолодь* ‘холодноватый’ *Впрóхолодь покúшали щú-то* (СРНГ 5: 190); *невпрóсушь* ‘о чём-либо недосохшем, влажном’ *Не буду белёе убирáть, ещё невпрóсушь* Сямж. *Ждáли-ждáли, да так невпрóсушь и загреблú сéно-то* Сямж.; *Сéно-то сёдни невпрóсушь, так тяжéло носítть далекó, поэтóму и стóг здéсь стáвим* Шексн. (СВГ 5: 88); *измокрá* ‘о подмоченном сыроватом (хлебе)’ *Когдá хлеб измокрá, он заплесневáе* (СРНГ 12: 148).

Следует ещё раз подчеркнуть, что в различных исторических и диалектных словарях данный тип слов характеризуется по-разному: в одних словарях как наречия, в других — как прилагательное, а в отдельных случаях грамматическая помета вообще отсутствует. «Такое разнообразие связано в определённой мере с характером материала, которым располагали лексикографы, и, по-видимому, с теоретическими установками, принятыми составителями словарей» [Кознева 2006: 159]. Кроме этого, причина непоследовательности грамматических помет кроется и в отсутствии монографического описания аналитических признаков слов в русских народных говорах.

3.6.–3.7. Словообразовательные средства выражения значений «отсутствие положительного признака», «противоположный признак»

«Прилагательные с префиксом *не-* означают отсутствие или противоположность признака, названного мотивирующим словом». Тип высокопродуктивен (АГ-80 1: 307). По нашим наблюдениям, тип слов со значением «отсутствие положительного признака» не получил достаточного отражения в диалектных словарях в силу потенциального характера таких образований и их зависимости от контекста. В большей степени в диалектных словарях зафиксированы слова со значением «противоположный признак»: *небажáнный* ‘немилый; постылый’ Смол., *небáйкий* ‘молчаливый, неразговор-

чивый' Череп. Новг.; *небаламўтный* 'спокойный, разумный, рассудительный; тихий, смиренный' Волог.; *небáский* 'некрасивый, неказистый' Арх., Волог., Вят. и мн. др. области; *небаскўщий* 'очень некрасивый, очень непривлекательный' Киров.; *небездéльный* 'трудолюбивый, усердный' Черномор.; *небездéтный* 'имеющий детей' Яросл., Влад.; *небесталáнный* 'не совершенно обездоленный, не несчастный', 'не лишённый таланта' Черномор. (СРНГ 20: 314–315); *несолóцкий* 'прихотливый, разборчивый в еде, имеющий плохой аппетит' Сок., Нюкс., Баб., Влгд.; *несурáзный* 'глупый, беспонятливый' *А мы несуразные были, вот и пошли одни в лес* Хар. (СВГ 5: 104) ← *сурáзный* 'несобранный, неактивный, невнимательный' *Суразная вся какая-то* Ник. Кузн. (СВГ 10: 160). Более подробно данный тип слов рассмотрен в работах Т. В. Степановой [Степанова 2008, 2011].

3.8. Словообразовательные средства выражения значений «интенсивность противоположного признака выше нормы»

Префиксы

С помощью префиксов *пре-*, *раз-*, который присоединяется к прилагательным, обозначающим «противоположный признак», образуются прилагательные со значением «интенсивность противоположного признака выше нормы»: *пренепотрéбный* 'никуда негодный, дурной, скверный' Смол. (СРНГ 31: 86); *разбессóвестный* 'крайне нечестный, бессовестный' *Ты женись тогда, разбессовестный* Самар., Терск., Смол., Арх., Волог., Костр., Р. Урал., Ср.-Обск.; а также: *разбессты́жий*, *разбессчáстненький*, *разбессчáстный* (СРНГ 33: 260); *разнегодный* 'негодный, скверный' *Уж ты подлый, разнегодный, злое твое сердце* (песня). Орл., Курск. *Разнегодная девчонка по лужочку гуляла*. Твер. *Разнегодные мужчины! Для чего мы любим вас* (песня). Волог. (СРНГ 34: 35).

Наоборот, префикс *не-* присоединяется к прилагательным и наречиям, обозначающим «интенсивность положительного признака выше нормы»: *баскѹщий* ‘очень красивый’ Перм. (СРНГ 2: 134; КДСКШ), волог. (КСВГ) → *небаскѹщий* ‘очень некрасивый, очень непривлекательный’ Киров. (СРНГ 20: 314–315).

Суффиксы

Возможен и иной путь образования прилагательных со значением «интенсивность противоположного признака выше нормы», когда к словам с префиксом *не-* прибавляются суффиксы *-уц-/-ауц-/-яц-*: *небаскѹй* → *небаскѹщѹй* ‘очень некрасивый, очень непривлекательный’ Киров. (СРНГ 20: 314–315); *негѹжий*, *негодѹщий* ‘негодный’ и *негодѹщенский*, *негѹжаѹщий* ‘совершенно непригодный, очень плохой’ Олон. (СРНГ 20: 375).

Выводы

Словообразовательная категория степени интенсивности признака в диалектном языке имеет разветвлѣнную систему словообразовательных средств. По предварительным данным, полученным на основании обследования основных диалектных словарей, семантическая парадигма степени интенсивности признака в модификационном типе словообразования носит градуальный характер и имеет восемь позиций: (1) «самая высокая степень интенсивности признака»; (2) «интенсивность положительного признака выше нормы»; (3) «положительный признак как норма»; (4) «интенсивность положительного признака приближается к норме»; (5) «интенсивность положительного признака ниже нормы»; (6) «отсутствие положительного признака»; (7) «противоположный признак»; (8) «интенсивность противоположного признака выше нормы». В русских народных говорах данная семантическая парадигма имеет следующий арсенал формантов:

Значения степени интенсивности признака	Арсенал формантов в русских народных говорах
(1) самая высокая степень интенсивности признака	продуктивные префиксы: <i>пре-</i> , <i>раз-</i> / <i>рас-</i> ; префиксы: <i>на-</i> , <i>наи-</i> ; префиксоид <i>само-</i> ; суффиксы: <i>-уц-</i> / <i>-еюц-</i> / <i>-отуц-</i> / <i>-ац-</i> / <i>-яц-</i> / <i>-иц-</i> , <i>-енн-</i> , <i>-ехонн-</i> , <i>-инск-</i> , <i>-ит-</i> , <i>-унн-</i> , <i>-утельн-</i>
(2) интенсивность положительного признака выше нормы	у прилагательных, наречий, предикативов продуктивный диалектный префикс <i>во-</i> ; у прилагательных непродуктивные префиксы: <i>за-</i> , <i>по-</i> , <i>про-</i> , <i>су-</i> , <i>у-</i> ; префиксоиды: продуктивный <i>много-</i> , непродуктивные <i>все-</i> , <i>полно-</i> ; суффиксы: <i>-ав-</i> / <i>-ляв-</i> , <i>-им-</i> , <i>-инн-</i> , <i>-ит-</i>
(3) положительный признак как норма	словообразовательно не выражен
(4) интенсивность положительного признака приближается к норме	у наречий конфиксы <i>до-...-а</i> , <i>на-...-о</i>

Значения степени интенсивности признака	Арсенал формантов в русских народных говорах
(5) интенсивность положительного признака ниже нормы	у прилагательных, наречий, предикативов продуктивный диалектный префикс <i>во-</i> ; у прилагательных непродуктивные префиксы: <i>под-, при-, про-, рас-</i> ; у неизменяемых прилагательных, наречий, предикативов конфиксы: <i>впро-...-Δ, всу-...-Δ, ву-...-Δ, из- / ис-...-а / -у; с-...-а</i> ; префиксоиды: <i>впол-, мало-, пол- / полу-</i> ; у прилагательных суффиксы: <i>-ав- / -ляв-, -ат-, -еват- / -оват-, -им-</i>
(6) отсутствие положительного признака	префикс <i>не-, без-</i>
(7) противоположный признак	префикс <i>не-, без-</i>
(8) интенсивность противоположного признака выше нормы	префиксы: <i>пре-, раз-</i> ; <i>не-</i> ; суффиксы: <i>-ущ- / -ающ- / -ящ-</i>

Следует отметить, что некоторые форманты являются полифункциональными и могут выражать разную степень интенсивности признака. Например, префиксы: *во-* (2, 5 позиции), *раз- / рас-* (1, 5, 8 позиции), *пре-* (1, 8 позиции), *про-* (2, 5 позиции), *на-* (1, 4 позиции), *без-* (6, 7 позиции), *не-* (6, 7, 8 позиции); суффиксы: *-ущ-* / *-ящ-* (1, 8 позиции).

С опорой на разработанную в данной статье семантическую и словообразовательную парадигматику степени интенсивности признака предполагается дальнейшее изучение дан-

ной словообразовательной категории в русских народных говорах, в том числе и в лингвогеографическом аспекте.

Литература

Акуленко В. В. Лексические средства выражения интенсивности качественного признака в современном русском языке (на материале имён прилагательных): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1987. 25 с.

Артемяева М. А. Категория интенсивности в публицистике: общее и индивидуальное в языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1992. 23 с.

Бельская Е. В. Интенсивность как категория лексикологии: На материале говоров Среднего Приобья: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2001. 24 с. *Бельская Е. В.* Интенсивность как категория лексикологии: На материале говоров Среднего Приобья: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2001. 24 с.

Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.—Л.: Учпедгиз, 1947. 784 с.

Воротников Ю. Л. Степени качества в современном русском языке. М.: Азбуковник, 1999. 281 с.

Гехтляр С. Я., Бирюкова М. А. Семантика и структура функционально-семантической категории количественности в русском и английском языках. Брянск: Курсив, 2009. 232 с.

Князев Ю. П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007. 704 с.

Кознева Л. М. Неизменяемые прилагательные в вологодских говорах и их лексикографическое представление // Словообразовательные и грамматические категории в языке и речи. Сб. научных статей. Вологда, 2006. С. 156–163.

Колесникова С. М. Семантика градуальности и способы её выражения в современном русском языке. М.: МПУ, 1998. 180 с.

Марков В. М. Об одном из способов именного приставочного словообразования в русском языке // Этимологические исследования по русскому языку / под ред. Н. М. Шанского. М., 1976. Вып. VIII. С. 114–115.

Новосёлова О. А. Семантика оценочных прилагательных и их лексикографическое описание (на материале русских говоров Сибири): дис. ... канд. филол. наук. В 2 т. Новосибирск, 1990. 602 с.

Пеньковский А. Б. К изучению степени качества в русском языке (выражение избыточности степени качества) // Лингвистический сборник. М., 1973. Вып. 2. Ч. 1. С. 76–84.

Полянский А. Н. Категория интенсивности признака в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1978. 18 с.

Родина М. А. Говор села Апухтино Одоевского района Тульской области (системно-языковой анализ): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.

Степанова Т. В. Категория отрицания в морфемной структуре слова (на материале диалектной речи): дис. ... канд. филол. наук. Псков, 2008.

Степанова Т. В. Категория отрицания в морфемной структуре слова: проблемы и перспективы исследования // Слово и текст в культурном сознании эпохи. Сб. науч. трудов. Ч. 7. Вологда, 2011. С. 256–260.

Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. СПб.: Наука, 1996. 264 с.

Титова Л. Г. Имена прилагательные со значением оценки и степени качества в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1964. 17 с.

Туранский И. И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М.: Высш. шк., 1990. 172 с.

Убин И. И. Лексические средства выражения категории интенсивности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1974. 33 с.

Цуккерман А. С. Лексико-семантическая и функциональная характеристика производных с суффиксом *-оват-* (*-еват-*) в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1986. 14 с.

Чарикова Е. И. Лексико-семантическая группа прилагательных со значением 'значительный в каком-либо отношении' в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986. 21 с.

Яцкевич Л. Г. Очерки морфологии вологодских говоров. Вологда, 2013. 244 с.

Список сокращений

- Агроатлас — Проект «Агроэкологический атлас России и сопредельных стран: экономически значимые растения, их болезни, вредители и сорные растения». URL: <http://www.agroatlas.ru>
- АГ-80 — Русская грамматика. В 2 т. М., 1980.
- Акчим. сл. — Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь) / под ред. Ф. Л. Скитовой. Вып. 1–6. Пермь, 1984–2011.
- Александрова 1968 — Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1968.
- Аникин 2000 — Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., доп. М.; Новосибирск, 2000.
- Аникин — Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 1–8. М., 2007–2014.
- Анищенко 2007 — Анищенко О. А. Словарь русского школьного жаргона XIX века. М., 2007.
- Анненков 1878 — Анненков Н. И. Ботанический словарь: Справочная книга для ботаников, сельских хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей (...). Новое издание. СПб., 1878.
- АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой, Е. А. Нефедовой. Вып. 1–15. М., 1980–2013.
- АСРНГ — Архивные материалы Словаря русских народных говоров. Словарный отдел Института лингвистических исследований РАН.

- Баранникова 2000 — Баранникова Л. И. Атлас русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья. Саратов, 2000.
- БАС — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л., 1948–1965.
- БАС-2 — Словарь современного русского литературного языка. Издание второе, переработанное и дополненное. Т. 1–6. М., 1991–1994.
- БАС-3 — Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. Т. 1–22. М.; СПб., 2004–2013.
- БЕР — Български етимологичен речник. Т. 1–6. София, 1971–2002.
- БТСДК — Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.
- БТСРС — Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. М., 2005.
- БТСРЯ — Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000.
- БЭС — Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М.; СПб., 1998.
- Вологодское словечко — Вологодское словечко: школьный словарь диалектной лексики. 2-е изд., исправл. и доп. / отв. ред. Л. Ю. Зорина. Вологда, 2011.
- ВРС — Венгерско-русский словарь / под общ. ред. Л. Гальди; сост. и ред. Л. Катона [и др.]. 2-е изд., стереотип. М.; Будапешт, 1987.
- Геров — Геров Н. Рѣчникъ на бльгарский языкъ съ тлькувание рѣчи-ты на бльгарскы и на рускы. Т. 1–5. Пловдив, 1895–1904.
- ГСБМ — Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Т. 1–30. Мінск, 1982–2010.
- ДАКТиПЯ — Диалектологический архив. Кафедра теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета.

- Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1863–1866 (1-е изд. и другие фототипические издания).
- Даль, 2-е изд. — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Т. 1–4. М.; СПб., 1880–1882.
- Даль, 3-е изд. — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка под редакцией проф. И. А. Бодуэна-де-Куртене. Т. 1–4. СПб., 1903–1909.
- Даль, 6-е изд. — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1978–1980.
- Деулино — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И. А. Осовецкого. М., 1969.
- Добровольский 1914 — Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
- Доп. Опыт — Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». СПб., 1858.
- Ефремова 1996 — Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М., 1996.
- Желеховский — Желеховский Е. Малорусско-німецкий словарь. Т. 1–2. Львів, 1886.
- Жеребцов 2001 — Жеребцов И. Л. Населённые пункты республики Коми: историко-демографический справочник. М., 2001.
- Зиброва, Барабина 2009 — Зиброва Т. Ф., Барабина М. Н. Атлас говоров Самарского края. Самара, 2009.
- Золотые россыпи — Золотые россыпи: словарь устойчивых оборотов речи в вологодских народных говорах / отв. ред. Л. Ю. Зорина. Вологда, 2014.
- Иванова 1969 — Иванова А. Ф. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.
- Иванцова 2005 — Иванцова Е. В. Идиодialeктный словарь сравнений сибирского старожила. Томск, 2005.

- КАОС — Картотека Архангельского областного словаря. Диалектологический кабинет кафедры русского языка филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.
- КДСНО — Картотека Диалектного словаря Нижегородской области. Лаборатория лексикографических исследований им. В. И. Даля Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.
- КДСКШ — Картотека диалектных слов деревни Квасюнино Шекнинского р-на Вологодской области. Вологодский государственный педагогический университет.
- Коновалова 2000 — Коновалова Н. И. Словарь народных названий растений Урала. Екатеринбург, 2000.
- Коровушкин 2000 — Коровушкин В. П. Словарь русского военного жаргона: нестандартная лексика и фразеология вооруженных сил и военизированных организаций Российской империи, СССР и Российской Федерации XVIII–XX веков. Екатеринбург, 2000.
- КПОС — Картотека Псковского областного словаря. Псковский государственный педагогический университет и Межкафедральный словарный кабинет им. проф. Б. А. Ларина факультета филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета.
- КПРС — Коми-пермяцко-русский словарь / сост. Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман. М., 1985.
- Кривощёков 1914 — Кривощёков И. Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии: с приложением карты бассейна р. Камы и иллюстрациями. Пермь, 1914.
- КРК — Коми-роч кывчукӧр = Коми-русский словарь / Е. А. Айбабина, Л. М. Безносикова, Р. И. Коснырева; под ред. Л. М. Безносиковой. Сыктывкар, 2000.
- КРС — Коми-русский словарь / [редкол.: А. И. Подорова (отв. ред.) и др.]. Сыктывкар, 1948.
- КСВГ — Картотека Словаря вологодских говоров. Вологодский государственный педагогический университет.

- КСВорГ — Картотека Словаря воронежских говоров. Кафедра славянской филологии Воронежского государственного университета.
- КСРГК — Картотека Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей. Межкафедральный словарный кабинет им. проф. Б. А. Ларина факультета филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета.
- КСРГСПК — Картотека Словаря русских говоров севера Пермского края. Кафедра теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета.
- КСРНГ — Картотека Словаря русских народных говоров. Словарный отдел Института лингвистических исследований РАН.
- Куликовский 1898 — Куликовский Г. И. Словарь областного олонечного наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- КЭ. Грибы — Карманная энциклопедия. Грибы. СПб., 2011.
- КЭСРЯ — Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971.
- КЯОС — Мельниченко Г. Г. Краткий ярославский областной словарь. Т. 1. Ярославль, 1961.
- ЛАРНГ 2004 — Лексический атлас русских народных говоров: Пробный выпуск / отв. ред. И. А. Попов, Т. И. Вендина. СПб., 2004.
- ЛАРНГ. Проект 1994 — Лексический атлас русских народных говоров. Проект / отв. ред. И. А. Попов. СПб., 1994.
- Малеча — Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Т. 1–4. Оренбург, 2002–2003.
- МАС — Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. Т. 1–4. М., 1981–1984.
- Матвеев 1990 — Матвеев А. К. Вершины Каменного Пояса: названия гор Урала. 2-е изд., перераб. и доп. Челябинск, 1990.

- МДА ПГСГА — Материалы диалектологического архива Поволжской государственной социально-гуманитарной академии. Кафедра русского языка, культуры речи и методики их преподавания Поволжской государственной социально-гуманитарной академии.
- МДА СамГУ — Материалы диалектологического архива Самарского государственного университета. Диалектологическая лаборатория кафедры русского языка Самарского государственного университета.
- Миртов 1929 — Миртов А. В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов-н/Д., 1929. 415 с. (2-е изд. Волгоград, 2006).
- МИФС — Мифологический словарь. М., 1990.
- Михайлова 2013 — Михайлова Л. П. Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах. Петрозаводск; М., 2013.
- Мишнев 2013 — Мишнев С. Памятники русского диалектного слова. Тарногский говор. Тарногский городок, 2013.
- ММ — Марий мутер. Т. I–X. Йошкар-Ола, 1990–2005.
- МСГП — Материалы Словаря говоров Поволжья // В. А. Махлаховский и изучение народных говоров Поволжья: учебн. пособие по русской диалектологии. Куйбышев, 1991.
- МСРСГП — Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики / сост. В. Н. Немченко, А. И. Сеница, Т. Ф. Мурникова; под ред. М. Ф. Семенович. Рига, 1963.
- МССГ — Мотивационный словарь сибирского говора / авт.-сост. О. И. Блинова, С. В. Сыпченко; под ред. О. И. Блиновой. Томск, 2009.
- Мурзаев 1984 — Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984.
- Мызников 2007 — Мызников С. А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. 2-е изд. СПб., 2007.
- НОС — Новгородский областной словарь / отв. ред. В. П. Строгова. Вып. 1–13. Новгород, 1992–2000.

- НОС 2010 — Новгородский областной словарь / изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников; [авт.-сост. А. В. Клевцова и др.; ред. А. В. Клевцова, Л. Я. Петрова]. СПб., 2010.
- НСПБ — Народное слово в произведениях В. И. Белова: Словарь / авт.-сост. Л. Г. Яцкевич; науч. ред. Г. В. Судаков. Вологда, 2004.
- Ожегов — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992, 1995, 1997, 2004, 2008.
- Онишкевич — Онишкевич М. Й. Словник бойківських говірок. Т. 1–2. Київ: Наукова думка, 1984.
- Опыт — Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1908.
- ОСВГ — Областной словарь вятских говоров: Учебное пособие по русской диалектологии / под ред. В. Г. Долгушева и З. В. Сметаниной. Вып. 1–8. Киров, 1996–2012.
- ОСГКО — Кириллова Т. В., Бондарчук Н. С., Куликова В. П., Белова А. А. Опыт словаря говоров Калининской области. Калинин, 1972.
- ПЛГО — Полевое лингвогеографическое обследование (материалы, собранные автором в диалектологических экспедициях).
- Подвысоцкий 1885 — Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- Полякова 2007 — Полякова Е. Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь, 2007.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–25. Л., СПб., 1967–2014.
- Поспелов 1993 — Поспелов Е. М. Имена городов: вчера и сегодня (1917–1992): топонимический словарь. М., 1993.
- Потапов 1927 — Потапов С. М. Словарь жаргона преступников (блатная музыка) / сост. по новейшим данным С. М. Потапов. М., 1927.
- Программа ЛАРНГ — Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. Ч. 1–2. / отв. ред. И. А. Попов. СПб., 1994.

- Прохоров 1973 — Прохоров В. А. Вся воронежская земля. Краткий историко-топонимический словарь. Воронеж, 1973.
- Расторгуев 1973 — Расторгуев П. А. Словарь народных говоров Западной Брянщины. Минск, 1973.
- РГК — Русский говор Кубани: словарь / под ред. Е. П. Шейниной и Е. Ф. Тарасенковой. Краснодар, 1991. Деп. В ИНИОН Рос. акад. наук 12.11.1992. № 47266.
- РДС — Русский демонологический словарь / авт.-сост. Т. А. Новичкова. СПб., 1995.
- Рогов 1869 — Пермячко-русский и русско-пермьяцкий словарь / сост. Н. А. Рогов. СПб., 1869.
- Русская ономастика — Русская ономастика и ономастика России: словарь / под ред. акад. РАН О. Н. Трубачева. М., 1994.
- СБГ — Словарь брянских говоров / под ред. В. Н. Чагишевой. Т. 1–5. Л., 1976–1988.
- СВГ — Словарь вологодских говоров. Вып. 1–6 / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вып. 7–12 / под ред. Л. Ю. Зориной. Вологда, 1983–2007.
- СВорГ — Словарь воронежских говоров. Вып. 1–2 / науч. ред. Г. Ф. Ковалёв. Воронеж, 2004–2007.
- СВЯ — Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. Л., 1972.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева; авт.-сост. Е. Л. Березович [и др.]. Т. 1–5. Екатеринбург, 2001–2011.
- СГТК — Словарь географических терминов и других слов, встречающихся в коми топонимии / сост. А. В. Беляева; ред. С. К. Бушмакин. М., 1968.
- СДГВО — Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. Р. И. Кудряшова, Е. В. Брысина, В. И. Супрун; под ред. проф. Р. И. Кудряшовой. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград, 2011.
- Селигер — Селигер: материалы по русской диалектологии: Словарь. Вып. 1–5 / гл. ред. А. С. Герд. СПб., 2003–2013.

- Семенкова 2007 — Семенкова Р. В. Фразеологический словарь русских говоров Республики Мордовия. Саранск, 2007.
- СКГВ — Андрющенко В. И., Иванова Р. Я., Иванова Т. Г., Пелих В. М. Словарь кубанских говоров. Краснодарский край: восточный регион. Армавир, 2009.
- СКГ — Словарь курских говоров. Вып. 1–4. Курск, 2004–2011.
- СКПГ — Словарная картотека пинежских говоров, дар Г. Я. Симиной Словарной картотеке ИРЯЗ (ныне — в составе КСРНГ в Институте лингвистических исследований РАН).
- СКЯМ — Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990.
- Слов. Акад. 1891–1920 — Словарь русского языка, сост. Вторым отд. Акад. наук. Т. 1–41 и в выпусках. СПб.; Пг.; Л., 1891–1920.
- СлОРЯМР XVI–XVII — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв / под ред. О. С. Мжельской. Вып. 1–6. СПб., 2004–2014.
- СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28. М., 1975–2008.
- Смолицкая 2008 — Смолицкая Г. П. Топонимический словарь Центральной России. М., 2002.
- СОГ — Словарь орловских говоров / под ред. Т. В. Бахваловой. Вып. 1–4. Ярославль, 1989–1991. Вып. 5–15. Орёл, 1992–2008.
- СОСВНГ — Словарь образных слов и выражений народного говора / под ред. О. И. Блиновой. Томск, 1997.
- СПГ — Словарь пермских говоров / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Т. 1–2. Пермь, 2000–2002.
- СРГА — Словарь русских говоров Алтая. Т. 1–4. Барнаул, 1993–1998.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. Т. 1–6. СПб., 1994–2004.
- СРГКПО — Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа / науч. ред. И. А. Подюков. Пермь, 2006.

- СРГНП — Словарь русских говоров Низовой Печоры / под ред. Л. А. Ивашко. СПб., 2003–2005.
- СРГРМ 2013 — Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия: В 2-х ч. / под ред. Р. В. Семенковой. СПб., 2013.
- СРГСПК — Словарь русских говоров севера Пермского края / гл. ред. И. И. Русинова. Вып. 1. Пермь, 2011.
- СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. 1–7. Свердловск, 1964–1988.
- СРГСУ-Д — Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / под. ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 1996.
- СРГЮП — Словарь русских говоров Южного Прикамья / науч. ред. И. А. Подюков. Вып. 1–3. Пермь, 2010–2012.
- СРДГ — Словарь русских донских говоров. Т. 1–3. Ростов-н/Д., 1975–1976.
- СРДГ (1991) — Словарь русских донских говоров. Т. 1. Ростов-н/Д., 1991.
- Срезневский — Срезневский Н. Н. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1–3. СПб., 1893–1912. (переизд. М., 1958).
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Т. 1–47. М.; Л.; СПб., 1965–2014.
- ССГ — Словарь смоленских говоров. Вып. 1–11. Смоленск, 1974–2005.
- ССЛО — Словарь свадебной лексики Орловщины / авт.-сост. М. В. Костромичёва. Орёл, 1998.
- ССпрСПИ — Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / сост. В. Л. Виноградова. Вып. 1–6. М.; Л., 1965–1984.
- ССРЯ — Словарь синонимов русского языка: В 2 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1971.
- СЭС — Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1983.

- СЮЖК — Словарь русских говоров южных районов Красноярского края / отв. ред. В. Н. Рогова. Красноярск, 1988.
- Тимофеев 1971 — Тимофеев В. П. Диалектный словарь личности. Шадринск, 1971.
- Тихонов 1985 — Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х т. М., 1985.
- ТК — Топографические карты СССР. 1 : 100000, 1 км в 1 см. М., 1964–1991.
- ТСП — Толковый словарь по почвоведению. М., 1975.
- ТСРО — Топонимический словарь Рязанской области. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. А. А. Никольского. Рязань, 2004.
- ТСГТО — Тематический словарь говоров Тверской области: в 5 вып. / гл. ред. Т. В. Кириллова. Тверь, 2003–2006.
- Туркин 1986 — Туркин А. И. Топонимический словарь Коми АССР. Сыктывкар, 1986.
- УРС — Удмуртско-русский словарь / сост. Т. Р. Душенкова [и др.]; отв. ред. Л. Е. Кириллова. Ижевск, 2008.
- Ушаков — Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1–4. М., 1934–1940.
- Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4 / перевод с нем. и предисловие О. Н. Трубачёва. М., 1964–1973. (и другие факсимильные издания).
- Чайкина 1988 — Чайкина Ю. И. Географические названия Вологодской области: топонимический словарь. Архангельск; Вологда, 1988.
- Черных — Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2-х т. М., 1993. (и другие стереотипные издания).
- Черных 2009 — Черных А. В. Русский народный календарь в Прикамье. Ч. III: Словарь хрононимов. Пермь, 2009.
- Шанский, Боброва — Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. М., 1994.

- Шапошников — Шапошников А. К. Этимологический словарь современного русского языка: В 2-х т. М., 2010.
- ЭСРЯП — Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка: В 2-х т. М., 1959.
- ЭССТСП — Подюков И. А., Хоробрых С. В., Антипов Д. А. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии северного Прикамья. Пермь, 2004.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. Вып. 1–39. М., 1974–2014.
- ЯОС — Ярославский областной словарь. Т. 1–10 / под ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль, 1981–1991.
- ALFE — Atlas Linguarum Fennicarum. Itämeren-suomalainen kielikartasto. Läänemeresoome keeleatlas. Лингвистический атлас прибалтийско-финских языков. О. 1–3. Helsinki, 2004–2010.
- Bezljaj — Bezljaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. I–IV. Ljubljana, 1976–2007.
- EES — Eesti etümoloogiasõnaraamat. Koost. ja toim. I. Metsmägi, M. Sedrik, S.-E. Soosaar. Tallinn, 2012. 792 lk.
- Fraenkel — Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Berlin, 1962, 1965.
- Janhunen 1977 — Janhunen J. Samojedischer Wortschatz. Gemein-samojedische etymologien. Helsinki, 1977.
- Karłowicz — Karłowicz J. Słownik gwar polskich. T. I–VI. Kraków, 1900–1911.
- KKS — Karjalan kielen sanakirja. O. 1–6. Päätoim. P. Virtaranta, R. Koponen. Helsinki, 1968–2005.
- Kluge 2002 — Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin; New York, 2002.
- Muka — Muka A. Słownik dołnoserbskeje rěcy a jeje narěcow. Pr., 1921.
- MW — H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch. Zusammengest. von K. Heikkilä. Bearb. und hrsg. von M. Kahla. B. I–VI. Helsinki, 1990–1999.

- Pfeiffer 1999 — Pfeiffer W. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. 4. Auflage. München, 1999.
- Pfuhl 1866 — Pfuhl C. Łużiski serbski słownik. Budyšin, 1866.
- Pleteršnik — Pleteršnik M. Slovensko-nemški slovar. B. I–II. Ljubljana, 1894–1895.
- Schmeller 1872 — Schmeller J. A. Bayerisches Wörterbuch. 2. Ausgabe. München, 1872.
- SKES — Toivonen Y. H., Itkonen E., Joki A. J., Peltola R. Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7. Helsinki, 1955–1981.
- Skok — Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. T. I–IV. Zagreb, 1971–1974.
- SSAP — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1–3. Päätoim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen. Helsinki, 1992–2000.
- SW — Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenlehre. Aufgez. von Y. Wichmann. Bearb. und hrsg. von T. E. Uotila. Helsinki, 1942.
- Sychta — Sychta B. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. V. 1–7. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1967–1976.
- WMF — Wörterbuch von Mittelfranken. Eine Bestandsaufnahme aus den Erhebungen des Sprachatlas von Mittelfranken. Würzburg, 2001.
- Wologow 1833 — Rédei K. Permjakisches Wörterverzeichnis aus dem Jahre 1833 auf Grund der aufzeichnungen F. A. Wologows. Budapest, 1968.
- WW — Wogulisches Wörterbuch. Gesam. und geordn. von A. Kannisto. Bearb. von V. Eiras. Hrsg. von A. Moisio. Helsinki, 2013.

Указатель диалектных слов и устойчивых словосочетаний

- Абвахл́атить, 665
абы, 117
абы́гать, 665
Абы́чать, 665
агач, 665
Ага́чда, 665
ада́рка, 270
ажави́ка, 604, 605
ажаго́дно, 665
ажина, 113
Ажно, 666
ажной, 666
Ажо́бно, 665
аж руки свербят, 114
(аж) с горла прёт (тянет), 147
ажы́шша, 666
Азеришша, 666
айкнуть, 46
алабырь, 666
Алабырь, 665
алатарь, 152
алатрь, 665
Алексей с гор потоки, 642, 644
але́шня, 603
алой, 118
алырник, 152
альва, 113
альмовка, 681
Альмо́вка, 666
Альховик, 666
Алюра, 666
Алю́ра, 666
аляпи́стый, 510
а́марам, 666
Ама́рам, 666
Амором, 666
а́мором, 666
Амышша, 666
Амы́шша, 666
Ане́ва, 666
Анко, 667
анно, 667
анта́ры, 59–63, 65, 66, 68
ану́чи, 576
анчутка, 20, 116
Апикуля́нты, 667
Апонь, 667
Апя́, 667
арава, 667
а́рак, 611
Арандун, 333
арахиль, 668
арбуз, 118
а́рбуз, 117
Аре́гва, 667
Арема, 667
Арема́, 667
арепе́й, 667
арепчик, 667
Аре́пчик, 667, 668
аржа, 667
Аржа, 667

- аржениек, 29
 арженик, 29
 Архалин, 668
 архилин, 668
 архили́нъ, 682
 Архили́нъ, 668
 архнилин, 668
 Аршать, 668
 Аряпей, 668
 аси́на, 603
 аслам, 668
 асламка, 668
 Асла́ш, 668
 аслашка, 668
 атага, 670
 атаман, 148
 атаманец, 148
 Атусна, 668
 атута, 668
 Ату́та, 668
 Атьма́нник, 669
 атю, 669
 Атюка́ник, 669
 Афийа́ть, 669
 ахва, 668, 682
 Ахва, 669
 Ахва́, 669
 А́хвить, 669
 А́хводить, 669
 Аховня́, 669
 Ахта́п, 669
 ахтобус, 117
 Ача́та, 670
 ашатия, 670

 Баба, 697
 бабаечник, 144
 бабай, 119
 бабака, 149
 бабанюшка, 149

 бабаня, 149
 бабика, 149
 бабить, 53
 бабка, 29, 96, 109
 ба́бка, 26, 28–30
 бабнюк, 143
 бабунька, 107
 бабуня, 149
 бабу́ра, 264
 бабурка, 260, 261, 264, 265
 бабу́рка, 243, 260
 бабу́рок, 264
 бабурочка, 261
 бабу́рочка, 261
 багаж, 459
 баглай, 150, 152
 баглай ожерелистый, 151
 багно, 116, 643
 Бадара́, 670
 бадра́, 670
 Бадрá, 670
 бажён<н>ый, 671
 Бажо́ный, 671
 баз, 111
 базáн, 35
 базанить, 41
 базáнить, 34
 базарь, 117
 базгалить, 144
 базло́, 698
 базява, 144
 байгуш, 55
 байолда, 670
 байолда, 670
 ба́йолда, 670
 байстрюк, 118
 баколда, 670
 бакша, 117
 бал, 459
 балабол, 42

- балабол, 41, 447
балаболить, 448
балаболка, 446–448
балабольник, 446–448
балабонить, 448
балабонка, 446, 448
балаган, 455
балакать, 101
балган, 112
балелюй, 93
Балжаш, 670
балка, 641
балки гуляют, 645
балки играют, 645
балмажь, 670
балмашь, 670
балмошь, 670
балүедка, 92
балүечка, 92
балуёчек, 92
балуй, 92
балуйка, 92
балук, 93
балык, 93
балычник, 144
Банда, 672
бандура, 460
банник, 496
банник, 498
банница, 498
Банолда, 670
барак, 641
баракан, 248
барак гуляет, 645
барашки, 79
барашки, 78
баргамота, 113
бардак, 93
бардачок, 93
баретки, 328
Баретки, 336
барин, 524
барина, 76
баркан, 248, 249, 264, 265
баркан, 243, 248, 249, 421
баркана, 249
барканник, 249
барынка, 77
барынька, 77
барыня, 77
барыня-баярыня, 76
барышник, 76
барюран, 299
баский, 704
басковинный, 717
басковинный, 704
баской, 54, 671
баской, 704
баскущий, 701, 704, 729
бассейн, 112
бася, 292
батман, 671
Батман, 671
батмань, 671
батминь, 671
Батминь, 670
батьков путь, 371
батюня, 149
батя, 149
батяка, 149
батяшка, 149
бахилы, 621
бахолда, 670
бахорь, 144
Башенный, 671
Башка, 697
башковатый, 698
башковитый, 698
башмак, 52, 55
башмаки, 620

- баять, 337
бгатшан, 672, 682
Бгатшан, 671
бебурка, 260
бег, 109
бедарка, 116
беднёющий, 713
бедовать, 144
бедство, 152
бедуня, 144
безбоязный, 152
безвидный, 143
безобразия, 117
без путí, 367
Беккемёдъ, 671
бэккхцЪ, 671
белая мага, 114
белебенить, 144
белизна, 457
белик, 558, 566
белíк, 566
белила, 311
белíла, 310
белить, 311
Белица, 671
Белíца, 671
белка, 461
белоголóвник, 605
белогрíб, 605
Бело мыть, 329
белуга, 560
белúга, 560
белún, 560
белый гриб, 419
бельмы, 144
бельтюки, 144
берег, 641, 642
берег захряс, 642
бережíна, 647
бережок, 456
берёзина, 691
Берёмё, 672
беремя, 672
берешчь, 503
берёжая, 54
берёза, 603
берёзка, 117
берёзовик, 89
берёзовка, 89
беркулёз, 109
Беркúшка, 672
беседа, 457, 462
бескишечный, 143
беспоречный, 143
беспут, 372
беспута, 374
беспутённый, 375
беспутёвый, 375
беспутная, 367
беспутный, 367, 375
беспутство, 372
беспутый, 369, 375
бессóвестный, 706
бесстыжая, 524
бесюка, 113
бешиха, 109
бёрнушко, 672
бзыкливый, 143
биде, 333
Билей, 672
Биленько, 329
Билетеньки, 672
Биремачик, 672
бирёмачик, 672
бирюк, 54
бисер, 454
бить землю, 643
бить на «г», 152
бить языком об зубы, 145
благо, 460

- благословлять, 519
благушей кричать (орать), 22
Ближае, 405, 409
близочко, 117
блин, 453
блинцы, 53, 110
блины, 525
блошное семя, 29
блуд, 362
блудница, 289, 290
Блычка, 672
Блюдник, 523
блюдо, 525
Бóанда, 671, 672
бóвгеница, 532
бóвденец, 532
бóвденица, 532
бóвенка, 532
богатённый, 713
богатёющий, 713
богáтимо, 717
богатímый, 717
богатíщий, 713
богатúщий, 713
Бог на помощь, 329
богоугодник, 674
Богу молись, а к берегу гребись,
642
богу молиться, 519
Бода́ст, 673
бодастая, 673
Бода́стая, 673
Бода́сто, 673
Бода́тый, 673
божатка, 331
бóжикъ, 673
бой, 308, 457
бойки, 96
бойкий, 454
бойкящий, 713
бок, 456
болван, 176
Болван, 176
болванъ, 176
болгúшка, 533
бóлденец, 532
бóлдинец, 532
бóлдинка, 532
бóлдинца, 533
болестъ, 109
болотíна, 690
болото, 641, 643
болтун, 490–492, 495
болтúн, 487, 488, 491
болтушка, 491, 492, 495
болтúшка, 487, 488, 491
большак, 53
большая, 524
большая хата, 112, 118
большие пельяны, 312
большíщий, 713
большúнный, 713
большúтельный, 713
болячка, 458
бор, 243, 252, 253, 264–266, 603
Бор, 252
боркан, 265
боркáн, 248, 249
боркáнный, 249
бормонúть, 42
бормотать, 39
боровик, 91, 421
боровина, 559
Боровой луг, 185
борода, 456, 457
Боронить, 177
боронка, 295
боронник, 295
бороновалка, 295
бороньш, 295

- боронь, 176
 Борóтиться, 673
 бороться, 673
 босовикі, 618
 боты, 459
 бóты, 621
 Боушикъ, 673
 Бочат, 674
 бочка, 674
 бочонок, 674
 боян, 88
 боѧн, 88
 бояре, 108
 боярин, 459, 524
 боярка, 77
 боѧрыня, 76
 боярышник, 77
 боѧрышник, 76
 браник, 55
 брат, 628
 братка, 107, 120
 братушка, 120
 братчѧники, 612
 братъ, 117
 братъ бороду в зубы, 145
 братъ (взять) глаза в зубы, 145
 братъ зубом (на зуб), 145
 братъ на горло, 147
 братъ на поручительство, 153
 братъ подол в зубы, 145
 брачное ложе, 521
 бредѧна, 690
 бредьѧ, 692
 брежжевелѧна, 691
 брезентóвый, 117
 брехать, 177
 брехѧть, 34
 брехать языком, 151
 брехун, 121
 брешет, 54
 бродуля, 67
 брожевелѧник, 693
 брожелóвник, 693
 брожжевелѧник, 691
 брошенка, 107
 бружевел, 691
 брухва, 56
 брыжи, 110
 Брыкать, 674
 брыкуша, 290, 291
 брыль, 110
 Брюхо, 697
 брявнѧна, 603
 брядѧна, 690
 брядьѧ, 692
 бубенѧтить, 445
 бубенец, 444, 445
 бубѧнить, 445
 бубѧнчик, 444, 445
 бубетѧнить, 445
 бубѧна, 444, 445
 бубка, 113
 бубóнчик, 444, 445
 бугай, 112, 114, 118, 119, 291
 Бúгодникъ, 674
 бугор, 118, 453, 641–643
 буде, 333
 будто (как) хмылом взяло, 22
 будылка, 113
 буераг, 674
 буерак, 460
 буером, 674
 Буером, 674
 бузевок, 118
 бузивок, 112, 120
 бузовнѧть, 432
 бук, 456
 бука, 362
 буква, 54
 Булѧнатый, 674

- була́таный, 674
булда́н, 678
булда́т, 678
бульба, 92
бу́льбик, 82, 92
бульбуль, 491, 492, 494
буль-буль, 492
бульбу́ль, 487, 488
булька́тый, 107
булька́ть, 492
бурак, 113
бурбуль, 293
бурви́к, 421
бурга́н, 219
бурелом, 674
бурело́м, 603, 692
бурело́мник, 603
бурки, 461
буркун, 113
бурлак, 152
Бу́рмень, 674
бурный, 454
бу́рный, 514
бурови́к, 421
бурсак, 110, 149
бурсачик, 149
буру́н, 560
Буршень, 674
буряло́м, 692
буря́чный квас, 110
буханец, 115, 120
бухани́на, 120
бу́хвастить, 675
бухвистить, 675
бу́хвистить, 675
Бу́хвистить, 675
Бухвостить, 675
Бу́хвостить, 675
бухна, 56
бухня, 54, 56
- бухта, 110
бык, 86, 119
быкам хвосты крутить, 114, 119
быка́н, 86
быки, 108
быко́вик, 86
быком пить (напиться, нахлебаться), 22
бык-солови́к, 86
Былица, 675
БЫлица, 675
былка, 379
быльца, 111
быстрéха, 692
быстря́нка, 693
быть в щетине — стать в пуху, 152
быть и в сохе и в бороне, 149
Быть не в обиду, 187
бы́чечка, 86
бычо́к, 86
бярíка, 76
бляшка, 292
б́лягъ, 672
б́ляй, 672
- В, 409
вавкула́к, 678
Вагата́, 675
Вагéта, 675
ваготá, 675
ваго́та, 675
Вагу́д, 679
Вагу́да, 679
вагу́дить, 679
важить, 149
важнёющий, 713
вакан, 55
вал, 87
валаховатый, 108

- валéжина, 693
валéжник, 602, 693
валéжный, 693
валенки, 574
ва́ленки, 574
Ва́ленки, 622
валента́йка, 610
Ва́ленти, 574
ва́ленцы, 622
ва́лены, 622
валéжник, 692
валёк, 331
валóвик, 87
Валтру́нить, 676
валтрунь, 676
валтруппь, 676
валуёк, 87
валу́йга, 87
валу́йшко, 87
валу́й, 94, 95
ва́лу́й, 87
валу́йка, 87
валун, 91, 293
ва́лу́н, 87
валунéц, 91
валу́нник, 91
валух, 112, 119, 293
ва́лу́х, 87, 94
валу́ша, 87
валу́шка, 87, 166, 171, 172
валу́шки, 171
валушок, 293
валу́як, 87
валху́н, 93
вальго́та, 675
вальтруппь, 676
валю́шка, 171, 610
валю́шки, 171
валяту́шка, 610
ванда, 672
Ванька дома, Гришки нет, 151
варакса, 143
варакуша, 493, 494
Варакуша, 489
вара́куша, 487, 488
варакушка, 490, 491, 493–495
Варакушка, 490
вара́кушка, 487
вара́кушка, 487, 488
Ва́рево, 697
варене́ц, 309
варени́к, 309
вареники, 457
вареница, 118
варёное молоко, 309
Ва́рия, 676
варкулака, 678
ва́рня, 676
варожка, 117
вань-вань, 112
васю́ха, 93
вата́га, 670
Ва́тплать, 676
ватли́ть, 676
Ва́тные брjúти, 571
ватолаться, 676
Вато́литься, 676
ваха, 21
вахлаваты́й, 119
ввергнуться, 177
Ввержить, 177
Вверх стогом, бараньим рогом,
329
в горе, 642
вда́риться, 434
ведмедь, 51, 54
веки, 460
Векову́ха, 697
Вéкша, 407
велегли́вый, 676

- Велеглі́вый, 676
велечли́вый, 677
величалка, 524
величать, 405
Велича́ть, 409
велича́ться, 677
величенье, 405, 409
вельча́ться, 677
венец, 457, 520
вентерь, 677
Венчание, 520
веранда, 460
верба, 459
ве́рба, 603
Верботы, 677
Верботы́, 677
вергнуть, 177
вергнуться, 177
веред, 178
вередити, 178
вередить, 178
вередиться, 178
вередли́вый, 677
вережать, 178
вереженный, 178
вережёный, 178
Веретье, 677
вернуть горы, 641
верста́, 535
вертел, 455
верх, 455, 459, 460, 641, 643
верхи, 641
верхи идти, 643
верховец, 382
верша́ть, 668
вершина, 378
Верши́нник, 379
ве́ршник, 380
вершок, 110, 378
Веселя́, 409
весенничек, 298
весло, 453
весну́шка, 690
Ветвина, 380
ветер, 677
Ве́тер, 677
вети, 380
ветка, 117
Ветка, 379
ве́тка, 604
Ветлу́жник, 379
веточка, 458
ветр, 677
ветрянка, 461
веть, 379, 381, 386
Веть, 379
вечарины, 521
вечер, 108, 458, 524
Вечер, 521
вечерина, 524
вечеринка, 521
Вечери́ной, 409
вечерние, 521, 524
вечерник, 521, 524
Вечерняя заря, 181
вече́ря, 677
вече́ра, 682
Вече́ра, 677
вече́рошник, 110
ве́шня, 647
ве́дро, 699
ве́шний, 374
в животы, 330
взбегаться, 434
взгоняться, 434
Вздвиже́нье, 284
Вздвиже́ньё, 284
Вздвиже́нья, 284
взрагивать, 505
Взнесе́ньё, 284

- Взнесенья, 284
взнисеньё, 279
взнисенья, 279
взно́ситься, 434
взыти, 178, 179
взять в зубы нечего, 145
взять за рёбра, 147
взять зубы (губы) на замок, 145
в зытя зять, 629
в зытя попасть, 629
виж, 664
Виж, 677
вижить, 102
Визи́ра, 379
Визи́рка, 379
вилки, 453, 462
виски, 456, 462
висожары, 117
висок, 328
витушка, 404
витушки, 404
вихорь, 381
вихоть, 111
ви́ча, 379
вишняк, 113
в носе не кругло, 147
в носе не кругло (у кого-л.), 146
вов(у)к, 327
вода, 641, 643
водені́чка, 312
водёнье, 312
водка, 525
водоплавный, 121
вожай, 289
вожарко, 714, 719
вожелто, 719
вожелтый, 714, 719
вожидкий, 719
вожидко, 719
вожирно, 715
во́жирный, 715
во́жутко, 715, 719
воз, 456
возво́нко, 715
возгудать, 679
возелено, 715, 719
возелёный, 707, 719
возжимать, 678
Возжима́ть, 678
Вознесение, 284
Вознесенье, 283
Вознесенья, 283
возьми лычко, а отдай ремешек,
235
воивода, 524
воитель, 524
во́кисло, 719
во́кислый, 715, 719
во́короткий, 715
во́коротко, 719
во́красно, 719
во́красный, 707, 719
во́крепко, 715
во́криво, 719
вол, 86
воланка, 120
во́лбеница, 531
во́лбенка, 531
во́лбенки, 531
во́лбенца, 531
во́лбенцы, 531
во́лбинка, 531
во́лванец, 530
волванка, 530
во́лванка, 530
волвану́ха, 530
во́лванца, 530
во́лвеница, 530
во́лвенка, 530
волве́нка, 530

- вóлвенца, 530
вóлвенцы, 530
волвѣня, 530
волвоницы, 530
вóлвянец, 530
вóлвянка, 530
волвѣнка, 530
волганка, 531
вóлганка, 531
волгáнка, 87
вóлганца, 531
вóлганцы, 531
волгарѣ, 531
вóлгеница, 531
вóлгенка, 531
вóлгенца, 531
вóлгинка, 531
вóлгинца, 531
волгкий, 87
волгный, 87
волговатый, 87
вóлгонек, 531
вóлгонка, 531
волгúшечка, 531
вóлданица, 532
вóлданка, 532
вóлданца, 532
вóлданцы, 532
волдат, 678
Волдáт, 678
вóлдена, 531
вóлденга, 531
вóлденец, 531
волденѣц, 531, 532
вóлденина, 531
вóлденица, 531, 532
волдени́ца, 532
вóлденичка, 532
волдени́чка, 532
вóлденка, 531
вóлденца, 532
вóлденцы, 531, 532
вóлденька, 532
волдѣнька, 532
вóлдеца, 532
вóлдешица, 532
вóлдешник, 532
волдѣ́нка, 531
волдѣ́нцы, 531
вóлдинец, 532
вóлдиница, 532
волдини́ца, 532
волдини́чник, 532
вóлдинка, 532
вóлдинца, 532
вóлдонец, 532
вóлдонца, 532
волдѣ́ница, 532
волдѣ́ни́ца, 532
вóлдянка, 532
волдѣ́нка, 532
волдѣ́нущка, 532
вóлдянца, 532
вóлегло, 715
волжанин, 52
волжанка, 52
волжáнка, 87
волк, 678
волка в огороде завелись, 151
Волкодлáк, 678
вóлмейка, 531
вóлмене́ц, 530
вóлмени, 530
вóлменка, 530
вóлменца, 530
вóлминка, 530
вóлмовик, 530
волмѣ́як, 531
вóлмянка, 531
волмѣ́янка, 531

- волна, 120, 641
 волна с-под угла бьёт, 645
 волова́тик, 86
 волови́к, 82
 волóви́к, 86
 волос, 109
 волосатка, 364
 волоха, 152
 волтру́пить, 676
 волтру́пь, 676
 волуй, 86, 94
 во́луй, 86
 волу́йка, 86
 волу́н, 82, 86
 волу́шка, 86
 волу́ята, 82, 86
 волха, 21
 волчьи ягоды, 77, 79
 вольнец, 88
 во́льнец, 82, 88
 во́льнка, 82, 86
 во́мало, 719
 во́мальный, 719
 во́маркий, 715, 719
 во́марко, 719
 вонять, 148
 вопить, 34, 38, 46
 Вопуда́ть, 679
 воробейник, 29
 ворожка, 119
 ворóкушка, 487
 ворон, 460
 воронежская вода, 643
 воронка, 453
 Ворóсы, 679
 ворота, 523
 вороты́, 677
 восковые пёрла, 59–63, 65–67
 восковые пёрлышки, 59–61, 67
 восковые пёрля, 60–63, 65–67
 восковые пёрлышки, 62, 63, 65
 восковые пёрлышки, 65, 66
 восковые прёдки, 60–63, 65–67
 восковые снїзки, 61–63, 65–67
 во́слабкий, 720
 во́слабко, 720
 во́слабо, 720
 во́слабый, 720
 во́сладко, 720
 во́солено, 720
 во́солёный, 715
 во́солono, 715, 720
 во́солоный, 715
 Воспище, 677
 восся, 328
 Во́стрить глаза в одну точку,
     408
 во́сухо, 715
 во́сухой, 703, 715, 720
 во́твердо, 703, 720
 во́твердый, 703, 720
 вотводы, 519
 во́темно, 703, 715, 720
 во́темный, 720
 во́тепло, 715, 720
 во́тесно, 720
 во́тесный, 720
 во́тяжело, 715
 во́черно, 715, 720
 во́черный, 720
 во́чисто, 715, 720
 впо́лздорова, 721
 впо́лзелена, 721
 впо́лпряма, 721
 впо́лсыть, 721
 впо́лтоща, 721
 впо́рый, 509
 в последний путь, 373
 впро́горячь, 723, 726
 впро́доль, 726

- впрóсух, 723, 726
впрóсырь, 723, 726
впрóхолодь, 723, 727
враг, 461
вре[э]менные, 108
врúлька, 67
в рюмку заглядывать, 114
все в руках горит, 151
всемóчно, 716
всерáдно, 716
все укрыто, все умыто (у ко-
го-л.), 152
в сирень, 119
вскрикнуть, 46
вставить зубы (кому-л.), 145
всúзель, 707, 723
всúкрась, 723
всúкрась, 707
всúсыть, 723
всутереп, 723
всúтёрп, 723
всúтерпь, 724
вúбель, 724
вúжолть, 724
вúзелень, 707, 724
вúкрасень, 724
Вумítься, 408
в(у) сирень, 122
вúсырь, 724
вути, 112
входины, 108
Вчерась, 329
В чьей-л. памяти, 409
В чьей-л. рóвени, 408
вzлелъяти, 184
выблюдок, 53
выводить на склизкое, 152
выговор, 525
выговорённый, 526
выгрызть грыжу, 109
выезжать на кочерёжке, 114
выйти на детей, 114
выкуп, 525
выкупить кровать, 521
Вылázить, 697
выливать, 109
вылить, 179
выльяти, 179
выработка, 457
выросток, 296
Выруб, 382
Бýруб, 379
вырутить, 680
Вырутить, 680
Бýрутить, 679
Выручить, 519
вырушить, 679
Бýрушить, 679
Бýрячкать, 544
Выскодь, 680
Бýскодь, 680
выскодье, 680, 681
Бýскодье, 680
выскорь, 680
высокёнький, 706
высокий, 706
Высокий луг, 185
высоковáтый, 706
высокошенький, 706
высокúщий, 706
высокýнный, 706
выставка, 519
выставлять зубы, 145
вытаскивать, 505
вытница, 524
вытогодить, 552
вúтопки, 307
вытягúшник, 26, 28, 30
выход, 411, 413, 414, 457
выходá, 414

- вышина, 459
 вышка, 456
 вь́шня, 604, 605
 Вьепериться, 681
 Вьецериться, 681
 вьюл, 92
 вьюн, 355, 356, 691
 Вьюн, 355
 вьюном вить, 22
 вьюрок, 21
 вятель, 53
 вятерь, 53
 вѣтрило, 178
- Гад, 409
 Гад полосатый, 409
 Гад серый, 409
 гадúхи, 533
 Гад чёрный, 409
 гадюка, 355
 гадю́ка, 355, 356
 Гадю́ка, 355
 газ, 461
 гáлда, 36
 галдеть, 36
 галстук, 461
 гаманок, 116
 гамсе[э]лить, 116
 гамузом, 116
 гандей, 110, 120
 гандимоз, 110, 120
 ганус, 113
 ганчирка, 115
 гарбуз, 118
 Гарнизáция, 406
 Гáрпы, 408
 гарь, 690
 гать, 641, 644
 гверста́, 535
 гвоздить, 179
- Гвоздить, 179
 Георгицкая вода, 643
 гетры, 149
 гётры, 622
 гешка, 149
 гилка, 380
 гильцо, 108
 гладене́ц, 313
 гладкий как бугай, 114
 гладо́ха, 533
 гладо́шка, 533
 гладу́ха, 82, 87, 533
 гладу́хи, 533
 гладу́шка, 82, 87, 533
 Гладыш, 382
 гла́дыш, 533
 глажевник, 134
 глажи, 134
 глажина, 134
 глаза бы как на собаку не
 глядели, 15
 глаза лягушкам выковыривать,
 119
 глазить, 149
 глазки, 524
 глазли́вый, 509
 глазок, 121
 глазом не глянешь, 114
 глина, 641, 643
 глист, 354–356
 Глист, 354
 гли́сты, 354
 глиста́к, 354–356
 глотать, 459
 Гло́тка, 697
 глубни́к, 535
 глухая стена, 112
 глуховатый, 143
 глухота, 454
 глыбо́кий, 509

- гльвкой, 118
гльбжка, 692
Глызка, 327
глызка, 692
глызóвник, 692
глядеть на бугор, 643
глядеть на попов бугор, 643
глядеть (смотреть) место (двор), 519
гнездо, 453
гнилистая земля, 560
гнилистая почва, 560
гнилушка, 693
гнилятина, 693
гниляшка, 692
гну́савить, 44
гну́савый, 44
гну́сатый, 44
гну́сить, 44
гнутья как сдобный пряник, 23
говерста́, 535
говеть, 287
говонуть, 287
Говонуть, 287
говонуться, 287
говорить скрозь зубы, 146
говорушка, 605
говорушки, 605
говорыть, 101
гогол, 180
гоголица, 180
гоголка, 180
гоголь, 179
година, 180
Година, 180
годовик, 289
годовка, 56
годящий, 701
гóжий, 701
гоить, 329
гойда, 115
го́лбенка, 533
голе́нка, 270
голик, 329
го́лменка, 533
голова, 52, 456
голова́к, 304
голо́дная земля, 559
голодовать, 148
голодо́шка, 533
голоду́ха, 533
голоду́шка, 533
голо́к, 270
го́лос, 38
голосить, 38
голоси́ть, 39
голубе́нка, 693
голубни́к, 535
гомони́ть, 34
гонобо́бол, 693
гонобо́боль, 693
гонобо́й, 693
гончарка, 300
гора, 55, 641, 642
Гораздный, 180
гораздый, 180
горище, 55, 118
горла́н, 36
горла́нистый, 36
горла́стый, 41
горла́стый, 36
Горла́стый, 697
горла́ч, 36
горло, 36
горло не высыхает (не просыхает) (у кого-л.), 147
горлопа́й, 36
горлопа́нка, 36
горовец, 112, 115, 118, 490–492, 494, 495

- Горобец, 490
 горобѣц, 487, 488
 горобка, 490–492, 494, 495
 горобка, 487, 488
 горобцам дули крутить, 114, 119
 горобчик, 491, 492
 Горобчик, 490
 горобчик, 487, 488
 горобчик, 495
 горовая вода, 643
 город, 117
 городьба, 51
 Горсть, 408
 горчѣный, 513
 горшки, 525
 горянки, 690
 госанок, 534
 гостем не проживѣшь, 114
 гоучить, 337
 грабли, 144
 грак, 112
 Грань, 379, 380
 гребовать, 51
 грести, 108
 греть зубы, 145
 гриб, 420
 гриб-трутовик, 420
 грива, 456, 641, 644
 грива на гриве (остались), 644
 грохот, 454
 груба, 112
 грудистая, 107
 грудка, 115
 грудкой не докинешь, 115
 грустить, 460
 грухва, 53, 56
 грух(о)ва, 56
 грызть зубы, 145
 грязь, 650, 654
 губа, 421
 губа, 421
 губарь, 82, 87
 губина, 421
 губина, 421
 губы, 605
 губы и зубы говорят, 145
 гулевая земля, 643
 гулый, 118
 гуляк, 295
 гулящий, 454
 Гумайдать, 541
 гундосить, 44
 гундосливый, 44
 гундосый, 44
 гундусый, 44
 гурган, 219
 гусак, 88, 112, 453
 гусак, 88
 гусарики, 149
 гусенок, 534
 гуска, 112
 гуска, 305
 густой, 454
 густота, 602
 гутарить в открытую, 152
 гыркаться, 108
 давечи, 330
 дамно, 117
 дар, 525
 дарок, 271
 дать буханцов, 115
 Дать (задать) зорю, 181
 дать зуба, 145
 дать под салазки, 147
 двоешки, 107
 двойка, 459
 двор, 329, 458
 девицы, 521
 девичий праздник, 613

- девичник, 521
девка, 632
Дёвка, 697
девчонка, 632
дед, 149, 459
деды, 107
дежа, 51, 54
делать образованию, 520
Дёлёночки, 407
Дельницы, 407
делянка, 690
Депё, 406
деревá, 386
деревей, 113
деревина, 604
держак, 111
держать в зубах, 145
дерюга, 525
дерюжник, 523
дерябать, 77
дерябить, 77
дерябиться, 77
дерябки, 77
дерябник, 77, 79
дерябник, 77
дерябнуть, 432
дётры, 622
деўка, 320
де[ы]ркач, 112
дёготник, 26, 27, 30
джими, 622
диверь, 107
Дивья, 327
Дивья тебе, 326
Дилéктор, 406
дирка, 117
дичь, 454
длинный как гадюка, 114
доалá, 702, 717
доболькá, 702, 717
добольня, 717
добрéцкий, 705
добрéющий, 705, 713
добрина-человек, 151
добринский, 705, 717
добрíстый, 705
добро, 459
Добро, 333
добровítый, 705
доброе молчание — ни в чём от-
вет, 235
доброход, 292
добрúщий, 705, 713
добрый, 706
дóбрый, 705
добряжкий, 705
добряцкий, 705
добрячий, 151
добрящий, 705
добытнóй, 509
догадливый, 512
догладкá, 717
договор, 457
додельница, 108, 143
додельный, 118
доёнка, 111
дождевiк, 354, 356
Дождевiк, 354
дождик, 455
дойка, 112
дойтi, 434
дойти как кузнец до пшику, 13
доктор, 118
дóктор, 26, 28, 30
Дóктур, 406
Дома сесть — не лихого съесть,
232
Дома сесть — не много съесть,
232
домовiк, 498

- домовой, 496
 домово́й, 498, 499
 домом, 52
 донская шуба, 149
 доня, 107
 допереть своим котелком, 144
 до́плоти, 702, 717
 До потух (поту, петух, белой)
     зари, 181
 доро́жник, 604, 605
 досдово́льно, 718
 досмерте́льно, 718
 досметли́вый, 718
 доставать воду, 520
 доткнуться, 180
 доткнуться, 180
 дотумкать, 144
 дотыкаться, 180
 доу́мный, 718
 дохтор, 118
 дочерь, 281
 дояк, 149
 дражнить, 117
 древесина́, 603
 Дре́во, 698
 дрёпнуться, 148
 дробану́ть, 434
 дромка, 290, 291
 дружко, 524
 дря́зг, 603
 Дря́знуть, 539
 дрянь, 454
 дубки, 459
 дубок, 113
 дубра́ва, 602
 дуброва, 52
 дубро́вник, 602
 дувáнчик, 604, 605
 дуля, 113
 дума за горами, 641
 дума за горами, а смерть за пле-
     чами, 641
 дунюшка, 93
 дурак кулижками, 644
 Дуркан, 122
 дуры носить, 520
 дуться как среда на пятницу,
     149
 душа, 119
 душить курэ́й, 108
 дыня, 461
 дыра, 453
 дюбнутый, 144
 дю́бнуть, 432
 дюже, 54
 дю́же, 511
 евангельё, 284
 евда́к, 82, 87, 98
 ёгер(ь), 219
 ежище, 666
 елань, 21
 елда, 87
 елдак, 82
 елда́к, 82, 87, 98
 елдачо́к, 82, 87, 98
 ело́вка, 692
 ело́шник, 602
 елу́шка, 690
 ендóва, 692–694
 ента́рй, 60, 61, 65, 66, 68
 Ерго́нуть, 547
 ерши, 453
 ерыхну́ть, 432
 ехать с повестью, 519
 ёвдак, 82, 87, 98
 ёжики, 454
 ёлдак, 82, 87, 98
 ёлка, 604

- Ёлычка, 672
ёмка, 55
- жаба, 461
жаба на языке испекётся, 151
Жаба сядь, 329
Жаба цыцки дала, 106
жаки, 53
жаламудина, 78
жаламудник, 78
жалиться, 108
жалкий, 117, 460
жалость, 180
жалось, 180
жар, 454
жаравók, 270
жарёха, 303
жарко-на́жарко, 714
жатка, 461
жварнۇть, 432
желанник мамушкин, 144
желдёла, 120
желта́тый, 722
желту́ха, 90
желтым-на́желто, 714
желтя́к, 90
желудок, 456
жена, 628
жених, 113
жердела, 120
жеребенок, 295
жеребок, 295
жеребулька, 295
жеребушка, 295
жеребчик, 295
жешчь, 503
жёлоб, 454
жёлтый гриб, 90
жёлтый-нажелтый, 708
жёлудь, 604
- живец, 692
живла́к, 355, 356
Живла́к, 354
животина, 289
животник, 330
Животник, 330
живот поправлять, 108
жигалица, 692
жигáлка, 692
жигáло, 692
жигну́ть, 432
жигука, 113
жид, 112, 118
жизнь кулигами, 644
жиламу́зина, 78, 79
жиламузник, 78
жи́ми, 622
жинка, 107
жировать, 148
житель, 459
житница, 462
жито, 52
жить за Богородицей, 149, 153
жить как у праздника, 23
жить как хохол на отживе, 149
жить хозяином, 144
жменька, 55
жменя, 118
жмода, 257
жмодень, 257
жмодёр, 257
жмодина, 257
жмой, 257
жмойка, 257
жмоль, 257
жмор, 257
жмот, 257
жмота, 257
жмотик, 257
жмоя, 257

- жмы́кнуть, 432
 жмыль, 243, 256, 257, 264, 265
 жмырь, 256, 257
 жмя́кнуть, 432
 жниво, 52
 жнивье́, 54
 жога, 109
 журавлика, 134
 жырдела, 113
- забалду́й, 92
 забалу́й, 92
 забалу́йка, 92
 забедовый, 512
 забела, 311
 забела́, 310
 забелить, 311
 забель, 691
 забивать глазды, 148
 забивать кол, 109
 забрать замуж, 632
 Забра́ть силы, 408
 забруснетъ, 116
 забрюха́теть, 698
 забурунный, 143
 забусеть, 328
 забыту́щий, 713
 завалу́йка, 92
 за́валь, 94
 завдало́й, 511
 завда́лый, 511
 завернуть нос, 147
 завеска, 110, 118
 заветные пельмени, 306
 Завещательная комната, 406
 заводи, 647
 заводница, 654
 завоз, 457
 завопить, 34
 заворачивать, 181
- заворочати, 180
 заворочать, 180
 заворо́чать, 181
 завысоко, 718
 завязать в калмыцкий узел, 149
 За́гвынье, 284
 За́гвынья, 284
 заговены, 234
 Загоженька, 182
 Загожечка, 182
 Загожий, 182
 Загожка, 182
 Загоза, 182
 Загозий, 182
 Загозка, 182
 Загозонька, 182
 Загозочка, 182
 Загошка, 182
 задаток, 525
 задать, 462
 задёргывать, 505
 за́дний путь, 369
 зажа́рить, 434
 зажи́кать, 432
 зажить как на собаке, 152
 Зазелить, 407
 заиграть, 117
 заикаться, 44
 зайтить, 502
 за́йчик, 86, 87
 Зака́ладать, 543
 Зака́лайдать, 543
 Зака́ландать, 543
 закваска, 110
 заклечатеть, 434
 Зако́лайдать, 543
 Зако́ландать, 543
 закончить путь, 373
 закоцубнуть, 116
 закричать, 34

- закуска, 455
закутать, 117
закутеляпый, 511
закутка, 112
залів, 647
заливайка, 490, 491, 493, 494
залива́йка, 487, 488, 491
залиться, 455
залі́ться, 434
зали́ха, 650
залишний, 512
залог, 52
замашки, 54
замилой, 512
замолодчик, 108
заморуш, 112
заморушек, 112
замошье, 654
замурзанный, 118
занарóчный, 716
за нее зятем взять, 629
занемóгнуть, 434
занехаянный, 118
За обиду, 187
запахать носом, 146
запекáнка, 308
запечные старухи, 523
запирать ворота пирогами, 148,
151
запой, 51, 458
запон, 51
запорожцы, 462
запримётный, 511
запрягать в ярмо, 149
запузы́рить, 434
заростель, 602
зарученная, 518
заря, 181
Заря, 181
Заря́чкать, 544
засадни́ть, 434
засватки, 522
засвети́ться, 434
За́сека, 379
Засе́ка, 385
засибóрить, 432
Засиньё, 284
Засинья, 284
засмолі́ть, 434
засовывать в рот и в нос, 146
застеба́ть, 432
застебну́ть, 432
застогна́ть, 117
застолье, 520
Засту́кать, 539
заступати, 181
заступать, 181, 182
Заступа́ть, 182
заступити, 181
заступить, 181, 182
затаранте́ть, 35
затирка, 110
затуля́ть, 115
затуля́ть рот, 115
затянуть уздечку, 149
заудало́й, 511
заудáлый, 511
захват, 458
захворе́ть, 434
заход, 414, 415
зачада́ть, 434
за чем-л. ходить, 407
зачеса́ть, 434
зашпандо́рить, 434
Защебелить, 681
защибечить, 681
заэ́тывать, 553, 555
Заю́рить, 546
Заю́рить, 546
Заю́ркать, 546

- Заю́ркотать, 547
за́ячьи гру́зди, 82, 86, 87, 91, 96
звание, 461
званые, 524
звенеть, 40
звенéц, 446
звериное сердце, 151
зверобóйник, 604, 605
зверь зверем, 151
Звиженье, 613
звоенéц, 446
звон, 446, 447
звонарь, 455
звона́рь, 446, 447
звонарь по чужой деньге, 144
звóнec, 446
звонить зубами, 145
звóнник, 446, 447
звонóк, 446, 447
звонóчек, 446, 447
звонóчник, 446, 447
звончáк, 446, 447
звóнчик, 446, 447
здоровая, 455
здоровкаться, 117
здоровúщий, 713
здоровяка, 152
здоровящий, 713
Здрáвьий, 698
зевать, 35, 36, 40, 41
зевáть, 35
зевло, 36
зевлó, 36
зегзица, 182
Зегзица, 182
зеленíна, 692
зеленúхи, 690
зеленúщий, 707
зелепуга, 694
зелепúга, 692, 694
зелепúпочка, 694
зелёный, 707
зель, 52
зеляпúга, 692, 694
зем, 112, 120
земли́на, 558
земля, 120, 641, 643
земляни́ка, 604
Земля́нка, 407
землянкой, 52
земляну́шки, 91
зёрны, 280
зимных, 299
зимовка, 113
зипун, 149
злénный, 705, 713
злею́щий, 705, 713
злénный, 705
зли́щий, 705, 713
злóвский, 705, 713
злóвый, 705
Злоедучая, 122
злой, 705, 706
зломная вода, 643
злу́щий, 713
злу́щий, 705
злы́бый, 705
зля́щий, 705, 713
змеева вереть (кручень), 645
знахарь, 144
знойно, 460
знойный, 460
зозуля, 112, 119
зо́ла, 117
золотник, 108
золотозéм, 558
золотúха, 558
зон, 110
зоновая юбка, 110
Зори девичьи, 181

- зорька, 181
Зорька, 181
зоря, 181
зоря́, 181
Зо́ря, 181
зуб, 458
зуб горит (играет) (у кого-л.), 145
зуб до зуба не доходит (у кого-л.), 145
зуб об зуб колотится (у кого-л.), 145
зуб с зубом не стыкается (у кого-л.), 145
зубы говорят (у кого-л.), 145
зубы на полочку (положить), 145
зыби́на, 691
зыбка, 51
зыбу́н, 691
зыватьщик, 144
зы́рья, 219
зюкай, 299
зябры, 117
зявочки, 118
зять, 628
- Ива́на Богосло́ва трава, 449
Ива́н Богосло́в, 449
Иван Богослов, 449
Иванова трава, 449
Ива́нова трава, 449
и в носе сыро, 146
и в нос не включнется (кому-л.), 146
ивня́к, 602
и все капли подобрать, 114
и гав не брехал (о ком-л.), 149
иголки, 454
игольник, 455
- играть, 117, 455
игрец, 149
игрица, 524
идет как пишет, 23
идет как с маслом, 23
идёт как с маслом, 19
идти в позыватые, 519
идти́ в последний путь, 373
идти на носу, 146
идтить, 104, 502, 673
изба, 51, 52
избела́, 724, 725
извалять в перьях, 149
извещение, 519
извожжа́ть, 432
изголуба́, 724, 725
изжелта́, 724, 725
иззелена́, 707, 724, 725
из мёртвых выстать, 400
из мёртвых вытащить, 400
измодеть, 434
измокра́, 724, 727
изойти́, 434
изойти́сь, 434
изорва́ться, 434
из-под пят кожу рвет, 152
изры́жу, 724
и кровь уж из зубов не идёт, 145
ил, 461
йловая земля, 560
йловка, 561
илóвка, 561
Ильмова́ть, 681
ильмовка, 666
Ильмовочка, 681
имша́рина, 691
имя, 461
ина, 404
и на коне и на войне был, 150
и на понох нет, 148

- индовутак, 112
индовути, 112
ирьян, 149
ирян, 55
исакови́цы, 82, 93
исседа́, 724, 726
исстеба́ть, 432
иссыро́й, 721
истогодить, 552
исто́пки, 619
исть, 336
исчудесный, 721
- кабак, 118
кабан, 119
кабашная каша, 110
кабысдох, 289
кабьякнуться, 148
Ка́вить, 542
кавун, 118
каганец, 111
кадила, 285
казак, 148
казаковать, 148
казан, 111
казачий круг, 152
казачий рассольник, 149
казачья ухватка, 153
казёнка, 54
каймак, 149
как акуля (акулька) одеться
(повязаться, собраться), 13
как анчутка, 20
как баба рязанская, 22
как баба рязанская (кричать,
орать), 14
как бабка отворожила, 21, 22
как бабушкой отходили, 21
как барыня в раю, 20
как блоха под ногтём, 15
как борона боронить, 23
как борона (борону) боронить,
18
как бредень, 19, 22
как будто с неба сорватый, 114
как былинка, 16
как вавила варнаков, 12
как ванька ветров, 12
как варёный, 20
как варом сварило, 23
как варом сварило, 20
как ваха, 21
как в бездонную прорву, 644
как в воздух взлететь, 17
как веянку веять, 149
как взаймы, 23
как в за́ймы, как в долг, 235
как в лубке ходить, 19
как в лужу бухнуть, 644
как в машину пропущённый, 19
как в мялку пропустили, 19
как в мяльцах был, 19
как в мяльцы пропустили, 23
как в мяльцы пропустили, 19
как в небо дыра, 18
как в нужнике, 22
как в огноище, 20, 22
как волха́, 20
как ворон (жить), 15
как вошь на гребешке вертеться,
16
как в печь бросить, 20
как в погребе расти, 20
как в прорубь кануть, 23
как в прорубь (лагун) кануть, 18
как в сад сесть, 20
как в светличке, 20
как все равно, 22
как в смоле кипеть, 20, 23
как в ступе истолочь, 19

- как в тине потонуть, 17
как в(у) сундучку, 114
как в челядне, 20
Как вшей в нагашнике, 16
как вьюрок, 21
как ганчирка грязный, 115
как головешка, 22
как головешка, 19
как горькая осина, 16, 22
как горячий камень, 17, 22
как грязи, 18
как гуща, 18
как докучная басня, 151
как дьякон на амвоне, 153
как жар гореть, 18
как жаром обсыпает, 17
как жаром окатило, 148
как жук навозный, 15
как жук по ногам, 15
как за городской стеной, 20
как из земли рыть, 18
как из погреба вылез, 20
как из сита сеять, 19
как из тины лезть, 17
как казепа с парашей, 13
(как) квас парить, 20
как кира с марей, 13
как клица, 21
как колотушка, 19
как коляда, 22
как конопляник, 16
как конь загнанный, 14
как копейка, 22
как корнями обвести, 16
как косяшный, 23
как красно солнышко, 18
(как) кривое веретено, 22
как кривое веретено, 19
(как) круговая овца, 22
как круговая овца, 14
как кружева вязать, 19
как крута гора, 17
как крутая гора, 22
как куля рогожная, 22
как куриный отрёбушек, 15
как курица общипанная, 15
как курка яичко снесла, 15
как курочка яичко снесла, 22
(как) куча навозная, 22
как лепешка, 22
как лепёшка, 19
как ломовая лошадь, 14
как лошадь встрёпанная, 14
как малое дитя жить, 14
как мать отходила, 21
как мельник, 13
как мельница, 19, 22
как мериниха/мериница, 14
как метлой мести, 19
как мёртвому гармонь, 399, 401
как милый свет, 17
как милый свет стать, 17
как милый свет увидеть, 17
как миша пуеткин, 12
как мокрая курица, 15
как мухи, 15, 22
как мышь (мышка) в коробу́
(коробушке, крупе), 15
как на воздухах лететь, 17
как на воздухе, 17, 22
как на духу, 151
как на ермошке, 12
как назола, 21
как налитой, 23
как на Петровки варезки (ну-
жен, нужна), 13
как на погорелом репище, 563
как на точиле сидеть, 19
как на ялане, 21
как невитое сено, 16, 22

- как негороженный стог, 16
 как ножом (ножами) резать, 19
 как обнять, 23
 Как обчёсанный, 122
 как овца в репьях, 14
 как овца колобродная, 14
 как овца промеж волков, 14
 как овца шутоломная/кручёная, 14
 как оглашенный, 23
 как огнем ожечь, 17
 как огнем палить, 17
 как огонь, 17
 как огурец, 16
 как однобрюшки, 14
 как оплёванный, 23
 как опоённый, 23
 как ошляй, 21
 как палая кошка, 15
 как пенёк с глазами, 16
 как пехтёль в ступе, 19
 как пёс цепной, 14
 как попада, 23
 как попу на духу, 152
 как пыль, 18
 как ремидоша, 21
 как с горы бежать, 641
 как с дубу хлыстать, 16
 как сейчас, 23
 как скаженный, 115
 как скалка, 19
 как сковородником проехать, 19
 как с креста снятый, 152
 как собак нерезаных, 16
 как соломина в глазу, 16
 как стена, 19
 как стогометатель, 13
 как столб воротный, 19
 как стрельнёт, 23
 как сучка на яру (выть), 644
 как с яру спрятать, 644
 как телок опоённый, 15
 как только земля таскает, 18
 как турки, 149
 как украсть, 23
 как улитка в лубке, 15
 как ураган проволока, 18
 как успенская селёдка, 151
 как (хуже) плящего (плещего, тлящего) огня бояться (пугаться, страшиться), 17
 как цыплок варённый, 15
 как черти в болоте, 643
 как чёрт в баклаге, 106
 как чёрт в колесе (вертеться), 20
 как чёрт пособил, 20
 как чирей на носу, 146
 как шестом от берега отбиться, 642
 как щегол, 15
 как яблочко на блюдечке кататься, 16
 как яблочко наливное, 16
 как ясный месяц, 18
 Кáладать, 542
 Кáлайдать, 542
 Калáйдать, 542
 Кáлайдáть, 542
 Калáйдаться, 543
 каландать, 543
 Кáландать, 542, 543
 Калáндать, 543
 калган, 144
 калгáн, 698
 калда, 51, 56
 калдбина, 168
 калдыкнуть, 120
 калмычина, 149
 калужина, 170
 калька, 54

- калюжа, 116, 170
калю́жа, 169
калюжина, 170
калю́жина, 169, 170
калюжка, 170
калю́жка, 166, 169, 170
калявина, 170
калякать, 51
камандер, 329
камоловый, 118
канапи́, 604
кану́н, 612
каньш, 149
капелюха, 110
каплюжник, 108
каравáец, 612
каравай, 149, 525
карагач, 113
кара́дыш, 74
каранда́ш, 692
карасин, 118, 327, 329
карачай, 117
карда, 55, 56
карзина, 327
картавить, 44
карто́вная селя́нка, 314
картовь, 53
картоха, 54
Картóха, 697
Карту́з, 575
карше́нь, 534
каршня́к, 534
Кастрик, 604
кастри́ка, 604, 605
каструля, 117
каталка, 111, 119
ка́танишки, 622
Ка́танки, 622
ка́таны, 622
катать родителей, 109
кататься как яичко на блюдеч-
ке, 151
ка́тки, 622
кату́н, 52
кату́х, 92
кату́шка, 52
катышпóк, 269
кашка, 113
кваша, 110
квашённый, 82, 90
квашонка, 110
квашо́нка, 90
квелить душу, 147
квохтушка, 120
квочка, 112, 118, 120, 121
кендюх, 110, 118
Керзакí, 574
кёрзовые сапоги, 574
кидать белую подушку, 109
кидать красную подушку, 109
кизек, 116
кизеки, 149
кизяк, 55
кила́, 270
киляклянник, 78
кíселка, 579
кíселки, 691
кисель, 109
кíсель, 581
кисель, 581
кíсельный, 581
кíсельный столб, 581
киселя́ться, 582
кíслина, 581
кислица, 118
кíслица, 581, 582
кисли́ца, 581, 582
Кíслица, 581
кíслица, 691
кисли́чка, 579

- Кислі́чка, 580
 кислі́чник, 579
 Кислі́чник, 580
 кислое молоко, 309
 кислу́ха, 120
 кислу́ха, 579
 Кислу́ха, 580
 кі́слый, 582
 кисля́вый, 579
 Кисля́вый, 580
 кисляк, 120
 кисля́к, 309, 579
 Кисля́к, 580
 кисля́тник, 579
 Кисля́тник, 580
 китенька, 336
 кичка, 525
 кишки пересудомились, 148
 кладеный, 54
 кладь, 53
 класть душу на ладонь, 147
 клацать зубами, 145
 кле́в, 51
 кле́вер, 604
 кле́йка, 692
 клешни, 144
 клещи, 117
 кливі́нка, 166, 171
 кли́ца, 21
 клубні́к, 534
 клушка, 51
 клюка, 182, 183
 Клюка, 182
 клю́ха, 182
 клякльый, 118
 Кляпы́ш, 407, 409
 кнур, 119
 кня́гиня, 53
 кня́жак, 522
 кня́жий пир, 522
 Князё́к, 183
 князь, 53, 524
 Князь, 183
 кнѣсь, 183
 кобыла зуб выпедила, 145
 кобылка, 295
 коваль, 144
 ковальня, 149
 ковбык, 118
 ковырять в зубах, 145
 ковырять раны, 148
 кодря, 111
 кожух, 183
 Кóжух, 183
 Кожу́х, 183
 козё́лик, 299
 козичка, 294
 козлоумничать, 148
 козы (кони, куры, овцы, свиньи)
     в носу ночевали (у кого-л.),
     146
 козьякі́, 690
 козю́ля, 602
 ко́кора, 246–248, 265
 коко́ра, 243, 247
 коко́рина, 247
 коко́ринка, 247
 ко́корка, 247
 коко́рка, 247
 коко́рки, 247
 коко́рочка, 247
 кокурки, 53
 кокушка, 56
 Колайда́ть, 542
 Кола́йдать, 542
 Ко́ландать, 543
 колготня, 116
 колда́бина, 166, 167
 колдоба, 168
 колдобаина, 168

- колдобáина, 168
колдобáнка, 169
колдобáнь, 166, 167, 171
колдóбать, 169
колдобáха, 166, 168
колдобáшина, 168
колдóбина, 166–168
колдóбка, 166, 171
колдобóина, 168
колдовка, 117
колдóмина, 168
колдубáжина, 168
колдúбань, 168
колдубáнь, 166
колдúбина, 166, 167
колдыбáнка, 167
колдыбáнь, 168
колдыбать, 168
колдыбать, 168
колдыбáть, 168
колдыбáха, 168
колдыбáшина, 168
колдысталь, 292
колевина, 171
колéвина, 166, 171
колéвина, 171
колёвина, 171
колидор, 117
колкол, 117
кóлкол, 444
коловерть, 641, 643
колок, 606, 607
кóлок, 52
кóлокол, 444
колокóлец, 443, 444
колокóлки, 444
колокóлнышек, 444
колокóлочек, 444
колокóльник, 444
колокóнец, 444
Колонúть, 540
колпáк, 82, 92
колхозница, 113
кольбúшка, 82, 93
коложка, 169
колявина, 166, 169, 170
колязочка, 117
комáшка, 354
комáшки, 354–356
комони, 184
кóндавый лёс, 602
кондёр, 110
конопель, 56, 113
конопи, 52
конский зуб, 145
конубри, 173
конубрú, 166
конь, 183
Конь, 183
конячья кúслица, 582
копяшка, 296
кóпанка, 314
копарúлька, 67
копарúля, 67
копелить нос (губы), 146
коптушка, 120
коптюшка, 120
корам, 117
кореникú, 610
коренной сват, 524
корénный, 692
кореновáтки, 610
коренúшки, 610
корец, 51, 111
корешáтики, 610
корúть, 692
кормовой, 523
корновáйки, 610
короб, 526
корóветник, 86, 96

- коровка, 96
 корóвка, 86, 96
 Коровóд, 409
 Коровóду с кем-, чем-л., 409
 корóвье копы́то, 86, 87
 коромысль, 523
 корошнѣяк, 534
 кортошка, 53
 корчик, 111
 коршёнъ, 534
 коршнѣяк, 534
 косáдочка, 534
 косанóк, 534
 косанóчек, 534
 косáточка, 534
 косенóк, 534
 коситься сентябрём, 152
 косой воротничок, 523
 костра, 605
 костри́ка, 605
 косу́ля, 67
 котел, 144
 котелок, 144
 котенок, 298
 котух, 112
 ко́ты, 53
 ко́ты, 620
 кофта, 110
 кохта, 320
 кочет, 54, 112
 кочка́рня, 691
 кочковáтик, 691
 кочковѣна, 691
 кошáнка, 534
 кошенóк, 534
 кошку из-под стола выманить
     нечем, 148, 151
 краженный, 117
 крапѣва, 605
 крапивный мешок, 111
 красѣк, 560
 красная барыня, 113
 краснóй, 707
 краснѣющий, 707
 красный, 117
 краснѣй, 707
 красокрѣлка, 692
 краюшки, 525
 кресалить, 116
 кресало, 111
 крестцы, 52
 Крещенье, 283
 Крещенья, 283
 крѣх, 294
 крику́ша, 36
 кричать, 34, 46
 Кровель, 382
 кровѣн, 308
 крошнѣяк, 534
 круг, 148
 кружовник, 117
 крутиться как в коловерти, 643
 крушина, 79
 крушѣна, 77
 крыга, 55
 крылец, 280
 крылице, 675
 Крыть князьком, 183
 крѣхта, 116
 крѣпча, 690
 крѣква, 691
 крѣкушка, 691
 к смѣрти грех, 233
 Ктó про штó, а мѣртвый про ка-
     дѣло, 399
 куб, 89
 кубáрик, 82, 90
 кубарь, 90
 кубáрь, 90
 кубик, 89

- кúбик, 89, 98
кубышка, 89, 113
кубьшка, 89, 98
куга, 52
куга, 113
кугут, 108
кúка, 74
куакарандыш, 74
кукарандыш, 77, 79
кукарандыш, 74
кукишкарандыш, 74
кúкка-каранда, 74
куккышкарангыш, 74
кукомоя, 328
кúкоши, 74
кукошкарандыш, 74
кукун, 112
кукурузянка, 113
кукышкарандыш, 74
кулага, 51, 110, 149
кулак, 87
кулачок, 87
Кúлгача, 407
кулебáка, 93
кулёма, 108
кулига, 51, 641, 644
кúльбак, 93
кульбáка, 93
кульбик, 95
кúльбик, 93
кúльбыш, 93
кульбьшка, 93
кúльвик, 93
кúльпик, 93
культяпистый, 510
кулюбáка, 93
кулючить, 116
купать родителей, 109
купелище, 360
кур, 694
Кур, 694
курáн, 691, 694
курáнка, 691
курáш, 691
курáшка, 691, 694
кúрбик, 93
курган, 641, 644
кúрень, 52
кúричья братчина, 613
Курна́вка, 407
курначить, 407
курник, 112, 525
курпjak, 575
курпjак, 576
Курпjак, 575
курушка, 118
кусáтоватый, 717
кусáтый, 717
кут, 54
кутеляпый, 511
кутёк, 300
кутёнок, 119
кутнёвый зуб, 145
куфáйка, 572
куфилка варит (у кого-л.), 151
кухвáйтя, 572
кухней, 52
кухня, 55
кушáк, 570, 576
Кушáк, 570
кушин, 111
кырячка, 292
кытjошки, 604
кытjошки, 605
лавки мыть, 109
лагун, 54
ладики, 110
ладóха, 533
ладóшка, 534

- ладушка, 534
лады, 519
лаза́, 602
лази́на, 603
лазорик, 113
лампасейки, 110
ланпас, 117
лапотка, 618
лапотки́, 618
лапотки, 618
лапотонцы, 618
лапоточки, 618
лапотошки, 618
лапоты́, 618
лапте́шки, 618
лапти, 525
лапту́шка, 270
ласка, 498
ласкови́тый, 717
латун, 110
лаўка, 320
леберда, 117
ледачий, 108, 118
ледащий, 149
лежать колодой, 149
лекарька, 119
лелеяти, 184
Лелеять, 184
лелъяти, 184
ленда, 117
лепёха, 108
лѣс, 601
лѣс на мочажьне, 603
лесной баркан, 248
лесовые яблоки, 118
летошник, 295
лех, 421
леха́, 421
лечебник, 26–28, 30
леший, 363, 496
лёгкая земля, 561
лёгкая почва, 561
лёжная земля, 643
лѣля, 53
лжа, 184
Лжа, 185
Лик, 698
лисичка, 605
Листник, 382
листушек, 113
лисья, 379
Лисья, 379
лобаз, 638
лобан, 82, 87
лобода, 117
лодарь, 118
ложник, 111
лоза́, 219
локта́, 270
ломаться как блин овсяный, 19
ломаться как пряник двухкопечный, 19
лоншак, 295
лоншачка, 295
лонщак, 296
лонщачок, 296
лопас, 112
лопка, 270
лоптя, 270
лоток, 111
лотошки, 618
лоханка, 119
лохта, 270
Лошадина кислица, 582
лошак, 295
лошонок, 295
лубник, 535
луг, 185, 641
Луг, 185
лужа, 641, 644

- лужок, 641
лука́, 692
лу́нка, 565
лупа́нуть, 434
лут, 118
луто́ха, 619
луто́шечки, 618
луто́шка, 619
луто́шки, 618
лутя́ка, 118
лы́ва, 651
лы́ва, 647, 650
Лы́ва, 651
лы́вина, 651
лы́тка, 305
лы́ча, 117
люби́стик, 113
люля́та, 52
люце́рка, 113
ляга́вый, 108, 118
лягу́ха, 690
ляда́, 112, 172
ляда́, 166
ляска́ть зу́бами, 145
- мазать, 117, 118
ма́йка, 113
ма́йска горло́винка, 491
ма́к, 525
Ма́квица, 379
маки́тра, 111
ма́ковка, 379, 380
ма́кушка, 380
маку́шка, 604
ма́ленькая хата́, 112
ма́лина, 604
мали́няк, 690
мало́брюхой, 721
мало́важева́тый, 721
мало́ва́жный, 721
мало́ве́рный, 721
мало́ви́дный, 721
мало́вня́тный, 721
мало́вы́тной, 721
мало́вы́тный, 721, 722
мало́гла́зый, 722
мало́до́йный, 721
мало́до́мный, 721
мало́до́шный, 721
мало́до́ымный, 721
малоё́жий, 722
маложа́рный, 722
мало́здо́ровый, 721
мало́здо́рав, 722
мало́кро́вый, 722
мало́ли́ковый, 722
мало́може́нный, 722
мало́мо́жный, 721, 722
малоохо́тливый, 721
малоохо́чий, 721
малоохо́чливый, 722
малопу́тный, 722
малоси́лый, 722
малосо́ло, 722
малосо́ловато, 722
малосо́льный, 722
малосо́тный, 722
малота́ланнный, 722
малотра́вный, 722
малоуло́вистый, 722
малоу́мне́нский, 722
малоу́мный, 722
малохо́довый, 722
ма́льчишка, 632
мама́ка, 53
мамалы́га, 110
мамашка́, 107
ма́мина сестра́, 628
ма́мин брат, 628
ма́му́ня, 628

- манишка, 110
ма́нная селя́нка, 314
материна мать, 628
материн брат, 628
ма́терин путь, 371
матерна сестра, 628
матерна сторона, 628
матрёшка, 110
матря, 281
Махну́ть, 540
махови́к, 692
махотка, 111
мачуха, 107
Мгла, 185
медовка, 113
медянка, 116
мель, 641, 644
меньшая сваха, 524
ме́ргать, 541
ме́риндать, 541
мертвец укусил, 400
Мести, 518
мехать, 240
ме́чка, 270
мечо́к, 270
меша́нка, 314
ме́ртвого с могилы не вора́чива-
ют, 399
ме́ртвого с моги́лы не вора́чива-
ют, 401
Ме́ртвое место, 397
ме́ртвой схваткой, 400
ме́ртвому припарка, 399
ме́ртво тело, 395
ме́ртвый, 398, 401
ме́ртвый чай, 397
ме́ртвы пятна, 400
Микола вешний, 286
Микола вешняя, 286
ми́ндуль, 82, 93
младенец, 120
младенская, 120
младенческий, 109, 120
младо́сть, 698
Младо́сть, 698
многова́жный, 716
многове́тистый, 716
многовѣ́тный, 716
многográмотный, 716
многodáтельный, 716
многodéльно, 716
многodéльный, 716
многoлю́бно, 716
многoми́лосливый, 716
многoмо́щный, 716
многoму́дрeнный, 716
многорáдошный, 716
многоси́льно, 716
многосче́тне́нский, 716
многосче́тный, 716
мняч, 271
могилки, 117
моде́льный, 510
мокру́ша, 647, 650
молебена, 280, 285
молебна, 280, 285
молебовна, 280
молодая, 524
молодец, 524
молодка, 524
молодняк, 289, 602
молодой, 524
молодушник, 521
молодцы, 522
молосная яичница, 314
молóсно(е), 303
молóсные, 303
молосные шти, 306
молоть как жернов, 19
молоу́стный, 722

- молочник, 294
молочничек, 294
молчака, 117
морда, 53
Морда, 697
морква, 51, 52
морковная селянка, 314
моркошка, 51, 52
морошка, 131, 137
москвичка, 53, 110
московская вода, 643
мотаться как гойда, 115
моторный, 119, 149
моторный, 509
мох, 690
моховик, 692
Мочажина, 603
мочевйще, 561
мочежина, 641
мочёник, 90
муж, 628
мужев, 117
Мужик, 697
мужиняка, 107, 118
музоль на языке набить, 144
муляка, 643
мухордиться, 144
мшарина, 691
мъгла, 185
мыкати, 185
Мыкать, 185
Мыкать время, 185
мыть зубы, 145
мыша, 117
мыша летучая, 112
мышеловка, 300
мяхо, 240
мячка, 271
мячок, 271
набалдашник, 420
набашковаться, 144
набашковаться, 698
набелый, 512
набить (отбить) зубы, 145
наболоть, 126
На болятки бы тебе на красные,
329
набрóды, 638
набрыднуть, 144
набузовать, 118
набулындиться, 144
набутузить губы, 147
наварнякать, 116
навернуть, 432
наволок, 649, 650, 654
наволок, 560, 647, 648
наволóк, 647
Наволока, 649
наволóчь, 647
наворóчать, 274, 275
наворошítь, 274, 275
на вприсядки, 115
на вхвалачку, 235
нагатить, 118
наглинок, 558
Наглинок, 561
на гору, 119
награждение, 525
нагулюш, 118
надевание повойника, 521
наделок, 525
надёрнуть, 432
надолба, 641, 644
на донской сторонке каждый ку-
стик ночевать пустит, 153
надорвать хребтух, 147
Нажáнуться, 406

- на́жарко, 714
 на́желто, 714
 нажёлтый, 708
 наживо, 718
 нажирный, 512
 нажи́рный, 708
 Нажря́паться, 406
 назлющий, 512
 назола, 21
 наибо́лжний, 709
 наибога́тый, 709, 710
 наибо́льший, 709, 710
 наигора́щий, 710
 наигора́щий, 709
 наидо́лгий, 709, 710
 наиста́рший, 709, 710
 наихуже́йший, 710
 найти, 118
 найтись, 118
 найтить, 502
 накинуть, 432
 накладывать, 104
 на́красно, 714
 На красные бы ему болести, 329
 накручивать вихры, 151
 накры́ть, 432
 на кудыкину гору, 642
 на курей, 109
 налётка, 271
 на мёртвую руку, 400
 намисякаться, 327
 Намисякаться, 327
 намысто, 110
 нане́жный, 512
 Наника, 186
 Нанику, 186
 наниче, 186
 Нани́чина, 186
 Наничка, 186
 Наничь, 186
 на овёс, 637
 на овса́х, 637
 напасть, 186
 напастье, 186
 на повес головы, 152
 на подах, 643
 Напо́перёк, 407
 напостыло, 337
 напра́вить на пу́ть, 369, 370
 напра́виться на пу́ть, 369
 на прива́де, 637
 напу́тком, 368
 на родной сторонушке рад лю-
 бой воронушке, 153
 нарост, 420
 наряд, 525
 Наря́чкать, 544
 насветлешенький, 708
 насветлый, 512
 насве́тлый, 708, 709
 насвивать, 404
 насильно, 186
 Насильно, 186
 на́слабко, 714, 718
 на собачьих ногах, 14
 настebáть, 432
 настольник, 52
 насухой, 512
 насухой, 709
 на́сыро, 714, 718
 натакать, 552
 натака́ть пу́ть, 369
 на́тепло, 714
 натёмный, 709
 натретьяк, 292
 нахудой, 512
 нашпа́ривать, 432
 наэтываться, 553
 наяноватый, 717
 наяновый, 717

- неаляпистый, 510
небажа́ный, 727
неба́йкий, 727
небаламу́тный, 728
неба́ский, 704, 728
небаско́й, 701, 704, 729
небаску́щий, 701, 704, 728, 729
небезде́льный, 728
небезде́тный, 728
небестала́нный, 728
Небко, 379
не бросило́сь в нос, 146
невеста, 113
невзгля́дный, 143
не ви́деть пу́ти, 368
не вклю́нется в нос, 147
невперенос, 144
нево́рый, 509
невпро́сушь, 727
не в худо́й час, 151
невысо́кий, 706
не высохло́ (не обсохло) под но́сом, 147
не выходи́ть из оглоблей, 149
неглазли́вый, 509
неглыбо́кий, 509
неговати, 187
Неговать, 187
негода, 119
него́дь, 559
негодя́щенский, 701, 729
негодя́щий, 701, 729
негожа́ющий, 701, 729
него́жий, 701, 729
не дава́ть в трату, 149
не дава́ть и в гору гляну́ть, 641
не дава́ть соринке упа́сть (на ко-го-л.), 151
неджа́мурный, 118, 119
недо́брый, 705
недобы́тнóй, 509
недо́двига, 333
недо́енка, 290, 291
недо́енка, 301
недо́слых, 143
недо́сужий, 144
нежнóй, 512
не загна́ть кусо́к в горло, 147
не за гора́ми, 642
неза́ручная, 144
незло́бливый, 705
незло́й, 705
неку́льтяпи́стый, 510
неку́таха, 143
нелёсно, 329
не ме́ртвой ка́мень, 399
немны́лый, 510
немоде́льный, 510
немо́жный, 513
немото́рный, 509
не нады́шать живота́, 149
нена́едный, 143
неосиле́нный, 509, 510
неосиле́нный, 509, 510
непиту́щий, 509
не покрыва́ть зубов, 146
непосо́бие, 187
Непосо́бимое горе, 187
Непосо́бимый, 187
Непосо́бное горе, 187
Непосо́бный, 187
непра́вый, 143
не прикрыва́ть зуб/зубов, 146
не прилепи́ть комок глины́, 643
неприсве́тный, 515
нероботь, 143
нероди́ха, 524
не скла́сть ни в ка́кую гору, 642
неску́лёбный, 143
несо́лкий, 509

- несолобщій, 728
 несурáзный, 728
 не твоим носом сделано, 147
 нетерпячка берёт, 144
 нёт пути, 368
 нетрудный, 187
 Нетрудный, 187
 нет талану на Тихом Дону, 153
 не туда руки затёсаны, 149
 неудóбица, 559
 неумоя, 143
 неусилённый, 510
 нехрютка, 143
 нечисть, 498
 не чуют под собой ног, 147
 Нётрудь, 187
 ни жив, ни мёртв, 399
 нѣжник, 650
 низá, 650
 низина, 654
 низѣна, 647, 650
 низѣнка, 647, 650
 низойская овця, 337
 низы́, 647
 ни к тому берегу, ни к другому,
 642
 ни сохи ни бороны ни кобылы
 вороны, 148
 Ни спишы кривая у баню — иш-
 шо выпаришсы, 232
 Ни хвоста ни чешуи, 329
 ни цоб ни цобэ, 150
 нойма, 246, 257
 ноне, 329
 ноньма, 246, 257
 носить в зубах кого-л., 146
 носить под курэй, 109
 Нос кѣслый, ненамáзанный, 582
 нос не дорос, 147
 нѣне, 698
- Нѣне, 698
 няня, 53, 107
- о, 38
 обáбка, 421–423
 обáбки, 690
 обабок, 419
 обáбок, 421–424
 обалдуй, 92
 обалуй, 92
 обалуйка, 92
 обахла́тить, 665
 обернуться, 117
 Обвешаться, 187
 обеситится, 187
 обеспечить, 104
 обзыватьсѧ, 117
 обида, 187
 Обида, 187
 Облистье, 379
 облістье, 382
 облитый, 118
 обманщик, 96
 обмáнщик, 88
 обнакновенный, 117
 оболокаться, 51, 328
 оборкой хлеб резать, 152
 образ, 520
 Образование, 520
 обрáтка, 310
 обрáтный, 369
 обрóдная земля, 558
 Обручать молодых, 518
 обручение, 518
 обскорблять, 117
 óбуви, 616
 обúвка, 616
 обúчка, 616
 обуй, 616
 обуйка, 616

- обурный, 514
обутка, 616
обутки, 616
обуя, 616
общенья, 279
обыгать, 665
обэнтывать, 553
овощник, 522
овощные, 522
огнёва, 666
огóлый, 514
огромáдный, 514
огурéшник, 565
одáрка, 270
одевать как куклénка, 23
оденье, 312
Одéжа, 697
одénки, 312
один как глаз во лбу, 147
один чёрт малевал (кого-л.), 151
одна чашка-ложка, 153
одногодок, 295
односомы, 148
одноцénки, 620
одноцénочки, 620
одонье, 52, 54
Ожегодно, 665
Ожихореть, 327
ожы́шша, 666
озёр, 280
окликать, 519
оклунок, 111, 119
окны, 280
окнѣща, 691
околичники, 524
окрайка, 641, 645
окся, 294
окула, 88
оку́лька, 88, 93
ókунѣще, 691
окурнуть, 117
óлвенка, 533
óлвинка, 533
олвяни́ца, 533
олвя́нка, 533
олеватый, 220
олéшина, 693
олéшья, 693
олёк, 220
олина, 220
олистый, 220
оль, 219, 220, 222
Ольхóвик, 666
ольховка, 666
омшáрина, 691
Опехтúю, 326, 327
опояхывать, 240
опу́ка, 270
орáстый, 36
орать, 46
Оржа, 667
Оржá, 667
осénний медвѣдь, 637
осенник, 298, 299
осенничек, 298, 299
осенчук, 298, 299
осёрдие, 308
осёрый, 514
осилénный, 510
осилénный, 510
оскаля зубы, 146
осмётки, 619
осмётки, 619
остаться как рыба на мели, 644
остаться как чёрт на берегу, 642
острашénный, 514
óстрашный, 514
осьé, 693
отáра, 609
отáрище, 609

- отбивать поморки, 148
 отбóй, 310
 отводины, 519
 отдар, 525
 отдóх, 424
 óтдúх, 424
 óтдýх, 424
 отквасить (отклячить) губы, 147
 отколоть, 118
 откормыш, 299
 открьíть путь, 370
 отлыгать, 116
 отмутузить, 149
 отнести на (под) бугор, 643
 отойти, 118
 отóпки, 307, 619
 отпихывать, 505
 отсвётный, 515
 отскакивать от зубов (у кого-л.), 146
 оттогодеть, 552
 оттогодить, 552
 оттыда, 117
 от-хап, 669
 отхлобыстать, 432
 отцова сестра, 628
 отьманник, 669
 отэгывать, 555
 Отю́ка, 669
 отюканик, 669
 отюка́ник, 669
 Отю́каник, 669
 охнуть, 46
 охриять, 669
 ошемётки, 619
 ошляй, 21
 ошмётки, 619
 ошмётки, 619
 ошúрки, 307
 па, 337
 Паборзница, 188
 Паверза, 188
 павитель, 117
 павлинка, 108
 паворзи, 188
 павороз, 188
 паворозка, 188
 пав(у)ка, 327
 падéние, 312
 падерун, 54
 пай, 148
 пакалки, 120
 пак(х)олки, 109
 палагийко, 334
 палвинья́, 284
 палишки, 53
 палкой рога не достанешь, 152
 пальтушка, 149
 памидор, 329
 пан, 96
 паньчи, 113
 папака, 149
 папаша, 149
 папашка, 107, 149
 папорзи, 188
 парень, 632
 парёное молоко, 309
 паркан, 249
 паркáн, 248, 249
 паркáнчик, 249
 парочка, 110
 паска, 111
 Паска, 613
 пáска, 313
 пасти, 188
 Пасти, 188
 Пасть, 540

- Пасха, 117
пахалки, 120
паховая грыжа, 109
пахта, 311
пахтанье, 311
пащенко, 300
певень, 491, 493, 494
пéвень, 487, 488, 491
Пéвень, 490
певун, 490, 491, 493–495
певу́н, 487, 488, 491
певу́щий, 713
пелюска, 111
первадка, 120
первак, 290, 291
первая харча, 520
перветка, 120
первоженец, 524
первопашка, 295
пéрвый путь, 374
первый сноп, 520
перевора́чивать, 274, 275
переворотíть, 275
переворошítь, 275
перегон, 111
перегóн, 310
перегóщение, 612
перепéчи, 611
перепíвки, 612
перепóи, 612
перепóйки, 612
перепу́тье, 367
пересу́шь, 603
перетоговотать, 552
перетогоделать, 552
перетока, 292, 293, 301
переходница, 52, 297
перезтавать, 555
перезтывать, 553
пёрлышки, 60, 61
песенник, 488, 490, 491, 494
пéсенник, 487
песни играть, 51
пéстовать, 636
пéстун, 636, 639
песча́нка, 560
петнья́к, 73
петру́ши ягоды, 73
петуни́на, 73
пету́нник, 73
петунье дерево, 73
пету́нье дерево, 73
пету́ньи ягоды, 73
петуньяк, 71
петуня́та, 73
петуховы ягоды, 73
петухóвы ягоды, 73
петушáтник, 73
петуши́на, 73
петуши́нник, 73
петушиное дерево, 73
петушки, 73
петушкí, 73
петушник, 73
пету́шник, 73
петушняг, 73
петушнйáг, 73
петушняк, 71
петушнйáк, 73
пету́ши ягоды, 73
петушья ягода, 73
пеу́н, 487
печерица, 113
печёнки, 308
печёное мясо, 303
пещь, 503
пе[э]ре[э]дня хата, 112
пею́н, 487
пёрлушко, 65
пёрлы, 60, 61, 65

- пёрлы, 62, 63, 66
 пёрлышки, 62, 63, 66
 пёрл янтарáшный, 60–63, 65–67
 пивáка, 355, 356
 Пивáка, 355
 пиндитный, 108
 пир, 520
 пирог, 51, 111
 пирушка, 520
 пискáва, 353, 356
 пискáвка, 354
 пíстичная селя́нка, 314
 питинье, 279
 питиньё, 279
 питинья, 279
 питрахиль, 280
 питу́щий, 509
 плакать, 38
 плакса, 524
 плант, 55
 платок, 525
 платочки вязать, 109
 платье, 525
 платья, 279
 плеснева́тый, 722
 плетень без кольев, 148
 плехнуть, 240
 плюховая доха, 110
 плюшка, 149
 плячо, 279
 побарати, 188
 Побариться, 189
 побачить, 55
 побиу́шка, 271
 повелíкий, 716
 повесить зубы на гвоздь, 146
 повитье, 382
 поводник, 52
 повозчик, 524
 повойник, 525
 поворотíть, 274, 275
 поганый, 363
 погíбнуть нехорóшим путём,
     373
 погода, 119
 погребка, 112
 под, 641, 643
 подава́й, 612
 подберёзовик, 89, 605
 поддевичник, 524
 поддорожник, 117
 поддорóжник, 26, 27, 30
 поддружье, 524
 поддубёшник, 89
 подзорник, 111
 поди-тко, 337
 подкняжий, 524
 подлабуниться, 106
 Под лежачий камень вода не по-
     дойдёт, 232
 подловка, 51
 подорожник, 29
 подорóжник, 26, 27, 30
 подосíновик, 605
 подошва́, 117
 подпирать плечом, 152
 Подря́чживать, 545
 подсе́ки, 603
 подслéпый, 721
 подтелка, 297
 подтелок, 297
 подтёлка, 297
 подтёлок, 297
 подтюря, 52
 подшальник, 110
 подшапошник, 524
 подштáники, 571
 Подштáнити, 571
 поды, 641
 пбедень, 638

- поезжане, 524
пожѣнки, 693
пѣжня, 693
позвонѣц, 446
пойти на гору, 114
пойти под раскат, 644
пойтить, 104, 502
показ, 519
Пока́ландать, 543
пѣкнуть, 432
поколение, 628
покручалки, 524
покрыть невесту, 519
полвиньѣ, 279
Полвиньѣ, 283
полвинья, 279
Полвинья, 283
полвысо́кий, 706
полвысо́кий каблук, 722
полглухой, 722
полжелто́й, 722
поливанный, 118
по́лица, 611
пол мести, 518
полногра́мотный, 717
полой, 652, 654
полѣй, 647, 650
поломатый, 104
полоник, 120
полоняга, 120
полоскать зубы, 146
полотенец, 117, 281
полоуз, 54
полпути́, 368
полсте́нка, 111
полудѣбрый, 722
полудѣрный, 722
полудѣроватый, 722
полупольтик, 53
полурѣдкий, 722
полусак, 53
полуспѣлый, 722
полутор, 289
полуторник, 289, 295
полуторница, 297, 298
полутреница, 297, 298
получѣсто, 722
Полушѣбок, 573
полуярок, 292, 293
полчане, 148, 153
польская каша, 149
поляжник, 297
полясничать, 332
помережить, 110
помѣйник, 90
По на́середке осудить кого-л.,
408
понычная вода, 643
понява, 55
попервах, 117
по пѣрвому пути́, 374
попинаться, 116
попоболеть, 104
поподелать, 104
поподелить, 104
попоесть, 104
попожечь, 104
попомереть, 104
попора́зъехаться, 104
по послѣднему пути́, 374
Попрѣбу́ть, 406
по пути́, 368
попу́тне, 368
попутник, 29
попу́тник, 26, 27, 30, 368
попу́тно, 368
попутчик, 29
попу́тчик, 26, 27, 29, 30
порато, 54, 328
порватый, 104

- порезник, 29
порѣзник, 26, 28–30
порѣхать, 548
пóроз, 51
пороз, 291
поросёнок, 305
пороси, 189
Порость, 189
Порось, 189
порохъ, 189
порткѣи, 571
портная, 108
порттѣи, 576
Порттѣи, 571
поршни, 110, 149
поршнѣи, 53
пóршни, 692
Порячкать, 544
посадить под корыто, 114
посещенья, 279
посиделки, 51
поскапать, 189
поскепати, 189
Поскепать, 189
пóсконь, 51
поскóнь, 56
послѣдний путь, 373, 374
последушек, 107
постель греть, 521
постельная сваха, 523
постельница, 523
постель построить, 521
постеля, 525
пóстно(е), 303
посюда, 339
потеребѣть дѣрево, 693
потечи, 189
Потечь, 189
потолок, 112, 118
пóтрох, 308
потрошку, 120
Потруснуть, 190
потручяти, 189
потяти, 190
Потятый, 190
Потять, 190
похищение, 519
похлебѣнь, 306
похлебѣц, 306
похлѣбка, 306
похмѣлки, 520
похоти, 190
Похотить, 190
почестные, 524
почетные, 524
пошарáшить, 275
пошолошѣть, 275
поштокать, 552
поштокать, 552
Поюрѣть, 547
Поюркать, 547
Поюркивать, 547
Поюрчáть, 547
поярка, 298, 299
поярочка, 298, 299
пráвый путь, 373
ребеднѣющий, 710
ребеднѣющий, 710
ребогáтенький, 710
ребольшѣинский, 710
ребрáвый, 710
ребурный, 710
ревелѣчайший, 710
ревострѣнный, 710
ревыхлѣвáтый, 710
регѣдкий, 710
регѣдко, 710
реглáсный, 710
реглубокó, 710
регрóмкий, 710

- прегрязнёшенький, 710
предлиня́щий, 710
предорого́й, 710
преже, 338
прекрупне́йший, 710
прекручи́нный, 710
пре́лихой, 710
премале́хонький, 710
прематеру́щий, 710
прематёры́й, 710
премладе́нький, 710
премладо́й, 710
пренепотре́бный, 728
препрекра́сный, 710
преразу́мный, 710
преси́зый, 710
пресиле́нный, 710
преску́сный, 710
пресмире́нный, 710
пресняк, 120
преснячка, 113, 120
престрамну́щий, 710
престра́стный, 711
престраши́тельный, 711
престрашнёу́щий, 711
престра́шно, 711
пресыря́щий, 711
преуда́лый, 711
преужасне́ющий, 711
преузоро́чный, 711
преуро́чливый, 711
прехудо́й, 711
прехудя́щий, 711
преча́стый, 711
прея́сный, 711
прибаса́ть, 46
прива́дить, 637
прива́жить, 637
привезть, 502
пригвозди́ти, 179
приглу́хий, 721
придоро́жник, 26, 27, 30
приесть зубы, 146
Призре́ть, 698
прийти с ответом, 519
прикрепа́ть, 108
прилук, 652
прилука, 652
прилу́ка, 647
прима́к, 53
приметный, 511
примост, 111
принесть, 502
припешати, 190
Припешить, 190
Припе́шить, 190
Припе́шиться, 190
припутник, 29
припу́тник, 26, 27, 30
Приря́чькать, 545
Прискипа́ться как баран, 105
приста́ть до берега, 642
присямка́ться, 337
Притко забодай, 329
притрепати, 190
Притрепа́ть, 190
Притрепа́ться, 190
Притре́пывать, 190
Прича́стие, 284
Прича́стия, 284
Приче́лка, 681
причелок, 682
Приче́лка, 681
причело́к, 681
причи́льник, 682
причита́ть, 38, 45, 46
причи́тывать, 45, 46
пришпандо́рить, 432
прищёлка́вать, 44
приэтова́ть, 553

- приэтывать, 555
 провожатки, 524
 продавать зубы, 146
 проесть все зубы, 146
 прозёркий, 716
 пройти все дорожки и лужки и
     крутые бережки, 642
 пройти все пути жизни, 372
 пройтиться, 502
 проотводы, 519
 пропів, 612
 пропиванье, 612
 пропивки, 612
 пропівышки, 612
 пропой, 612
 пропбй, 612
 прорва, 641, 644
 проредить (прочистить) зубы,
     146
 проруб, 285
 проса, 279
 прбсек, 380, 382
 прбсека, 382
 Просека, 380
 простоватый, 722
 простое масло, 311
 простокваша, 309
 простокіша, 309
 Прострекнуть, 191
 простротися, 190
 протёплый, 721
 Протфэль, 406
 протянки, 571, 572
 Протянти, 571
 прощание, 519
 Проюрьть, 546
 Проюркивать, 547
 прыганье в понёву, 521
 прыгорша, 118
 прытить, 104
 прыскати, 191
 Прыскать, 191
 прыскипаться, 115
 прыскипаться как баран, 115
 прыскипаться как сатана, 115
 прыснуди, 191
 прыснуть, 191
 прынуть в гору, 641
 пряха, 111
 Пузо, 697
 пузырь, 270
 пук, 270
 пуня, 55
 пупковая грыжа, 109
 пуплята, 52
 пурга, 219
 пустозвон, 446, 447
 пустушка, 56
 пустышка, 118
 путник, 29
 путник, 29, 367
 путничные лопушки, 367
 путничный, 367
 путь, 366, 370, 374, 375
 Путь, 367, 374
 путявый, 118
 путящий, 713
 пучка, 116
 пучкари, 82, 91
 Пыжом тебя, 329
 пылушки, 53
 пыром, 219, 222, 224
 пыром, 222
 пбырын, 52
 пырючка, 290, 291
 пыряка, 290, 291
 пыряться, 52
 пырячка, 290, 291
 пышка, 271
 пьявка, 355

- пьявка, 355, 356
пьяница, 693
пятерикí, 620
пятистенником, 52
- Радольница, 613
раечка, 118
разáленький, 711
разбáский, 704, 711
разбаской, 704
разбéлый, 711
разбессóвестный, 706, 711, 728
разбесстýжий, 711, 728
разбессчáстненький, 728
разбессчáстный, 711, 728
разбивáть, 274, 275
разблизёхонько, 711
разбогáтенький, 711
разбогáтый, 711
разболышóй, 711
разболышúщий, 711
разбрызгнуть как китаец, 114
разбúйный, 711
разбулгачить, 116
разбышака, 108
разведряный, 711
разводенец, 524
разводяга, 107
разворóный, 711
развысóкий, 706
разглúпенький, 711
разглупый, 711
разговарывать, 101
разгорчёный, 513
разгорючий, 711
раздогáдливый, 512, 513
Раздрáжить, 406
разжанюха, 524
разлáдиться, 434
разлívы, 650
разлюбéзный, 711
разлюбímый, 711
разлюто́й, 711
размáленький, 711
размалиновый, 711
разматерúщий, 711
размерзкий, 711
размилёхонький, 711
размíлый, 711
разналёсье, 602
разнегóдный, 701, 728
разнемóжный, 513
разносчик, 524
разойтиться, 502
разрадёхонький, 711
разруб, 379, 382
разугóдный, 711
разудáленький, 711
разумящий, 713
разунýвный, 711
разунýльный, 711
разухвáтистый, 711
разъедíнный, 711
разэтовать, 553
разэтывать, 555
разэтываться, 553
рака, 111
ранетый, 104
раннее, 521
ранние, 521, 524
ранник, 29
ра́нник, 26–30
раскажíнный, 711
раскалímый, 711
раскат, 641
раскатать губы, 147
расквáситься, 434
раскисёйный, 712
раскладать, 104

- раскланиваться как перед ико-
 ной, 153
 раскорячиться, 434
 раскрасивый, 711
 раскрасотá, 712
 Раскропать, 191
 раскропоти, 191
 Раскропíть, 191
 раскрутой, 711
 раскрылétиться, 434
 Раскúнуть, 539
 распанахать, 116
 расплетение косы, 521
 распу́та, 374
 распу́тица, 374
 распу́тный, 375
 распу́тство, 372
 распу́тье, 374
 распу́тьё, 374
 растакать, 552
 растёплый, 721
 расти как на мочежине, 644
 растоговотать, 552
 растогоделать, 552
 растогодить, 552
 растогоготовать, 552
 растрекля́тый, 513
 растягивать, 505
 расхорошо́, 712
 расхудо́й, 512, 513
 расцветно́й, 513
 расшуметься, 35
 рвану́ть, 434
 рвать как собака, 14
 редкий, 118
 редкодúб, 602
 режь — кровь не текёт, 143
 ремидоша, 21
 репа, 118
 репанка, 113
 репище, 563
 репище, 563
 Речкану́ть, 547
 Ре́чкнуть, 547
 Речкону́ть, 547
 ре[э]птя, 107
 Ре́чкану́ть, 547
 ре́чкачь, 545
 Ре́чкачь, 544
 ржа, 281
 рижый, 117
 рисо́вая селя́нка, 314
 Ри́цну́ть, 544
 ри́чкачь, 544
 Ричну́ться, 544
 робята, 329
 ровнюшка, 524
 ро́гач, 51, 54, 111
 ро́гачи, 121
 родима́я земля, 558
 родня, 628
 рожа, 113
 рожать, 118
 Рожество, 117, 613
 роже́ный, 337
 ромáшечка, 605
 ро́слая земля́, 558
 ротики, 118
 роховáтый, 722
 ро́чкачь, 545
 ро́ща, 603
 рубаха, 525
 рубáха, 570
 Рубáха, 570
 рубель, 111
 ругаться, 39
 руками, 117
 рукатый, 108
 руки-ноги отстают, 147
 рукобитие, 519

- рундук, 111
Рундук, 330
руньё, 53
русло, 117
рушить, 679
рушник, 55, 119, 525
ры́бная селя́нка, 315
ры́жик, 605
рыжонка, 290
рыкнуть, 46
ры́кнуть, 35
Ры́кнуть, 540
рычек, 172
ры́чки, 166, 172
рычок, 173
рютить, 680
ряби́на, 604
рябко, 111
рядно, 111
рядо́вка, 91
рясный, 118
рячкать, 545
ря́чкать, 544, 545
Ря́чкать, 544
Рячкони́уть, 547
- сабан, 55
сажок, 112
сала́, 725
салама́т, 53
салма, 55
сало, 307
сам, 53
сама, 53
саманкой, 52
само, 712
самогла́вный, 712
самогрозный, 712
самодáльный, 712
самодобры́й, 705, 712
- самозадо́рный, 712
самоздо́ровый, 712
самолёгкий, 712
самолу́чший, 713
самомале́юший, 713
самонасто́ятельный, 712
самони́жний, 712
самои́ужный, 712
самоси́льный, 713
самосто́ятельный, 118
самотруди́вый, 713
сандáлы, 573, 576
Сандáлы, 573
сапоги, 620
сапоги́, 574
Сапоги́, 574
сарай-лома́й-оглы, 149
сарынь-девка, 149
сатора, 329
Сафить, 682
са́фить, 669
сахвить, 682
сбела́, 725, 726
сбелёса, 726
сби́ться с пра́вильной пу́ти, 369
сбледи́ться, 148
сбой, 307
сбура́, 725
сбуса́, 725, 726
свайба, 117
свалить крутую гору с плеч, 642
сват, 628
Сват, 522
свежати́на, 111
свекру́ха, 107
свекры, 629
свербе́вика, 76
свербе́вика, 74
свербени́ка, 76
свербени́ка, 74

- сверберина, 76
 сверберіна, 74
 свербетъ, 114
 свербеться, 74
 свербірина, 74
 свербить, 74
 свечка, 523
 свина́рь, 86, 96
 свиное́ ухо, 86, 87
 свино́рбй, 82
 свино́рбйка, 86, 96
 свину́рка, 82, 86, 96
 свину́ха, 605
 свину́хи, 691
 свинушка, 91
 свину́шка, 86, 91, 96
 свину́шки, 691
 свиня́чье ры́ло, 86, 87
 свистун, 490, 491, 493, 495
 свисту́н, 487, 488, 491
 своды, 109
 свой, 522
 своробин, 76
 своробі́н, 74
 сворона́, 726
 своячина, 107, 120
 своячина, 107, 120
 свякры, 281, 629
 свяръбья́йка, 74
 сговор, 519
 сговорничек, 519
 сголуба́, 724, 725
 сгортать, 116
 сдвиже́нье, 279
 Сдвиже́нье, 283
 сдвиже́нья, 279
 Сдвиже́нья, 283
 сделать, 108
 сдоровое сало, 111
 себеринник, 76
 себері́нник, 74
 седой, 724
 сейгод, 328
 Селянка, 315
 сембарина, 76
 сембарі́на, 74
 семберика, 76
 сембері́ка, 74
 семерикі́, 620
 се́рая земля, 560
 сербалёзник, 76
 сербалин, 75, 76
 сербали́н, 74, 75
 сербалина, 75, 76, 604
 сербали́на, 74, 75
 сербалинник, 76
 сербали́нник, 74
 сербальшина, 76
 Сербарин, 76
 сербарина, 75
 сербарі́на, 74
 Сербаринник, 76
 сербеина, 76
 сербеі́на, 74
 сербелина, 76
 сербелі́на, 74
 сербенина, 76
 сербені́на, 74
 серберика, 76
 сербері́ка, 74
 серберин, 75, 76
 сербері́н, 74
 серберина, 75
 Серберина, 76
 сербері́на, 74
 серберинник, 76
 сербері́нник, 74
 Серберичник, 76
 серберишник, 76
 сербері́шник, 74

- сербернята, 76
серберня́та, 74
сербеть, 74, 75
сербигуз, 76
Сербигуз, 76
сербигус, 76
сербить, 74, 75
сербо́лин, 75
сербо́лина, 75
Сербука, 75
Сербучка, 75
сербя́ина, 74
сербя́рина, 604, 605
серверы, 76
серве́ры, 74
Сердохрестье, 283
Сердохрестья, 283
серебериковый, 75
сереберина, 75
серебе́рина, 74
серебериновый, 75
серпелинник, 76
серу́хи, 690
Серхнили́н, 668, 682
Серча́ть, 697
сёрберина, 74
сесть на хвост, 337
се́рд, 219
сжелта́, 725
сзелена́, 724, 725
с зубком замуж выйти, 114
сиби́лда, 119
сибирка, 109
Сизокрыленький, 191
Сизокрылка, 191
Сизокрыльшки, 191
Сизоперенький, 191
Сизоперый, 191
Сизопёристый, 191
сизый, 191
Сизый, 191
сикавый, 120
сика́хи, 693, 694
сику́н, 693
сикунёц, 693
сила, 118
сильный, 118
синенькие, 52
сирпи́линник, 74
сирь, 309
сирьбе́рина, 74
скавчать, 118
скаженный, 115
скалечиться, 117
скаря́, 726
скиглить, 118
скипочки, 336
складать, 104
склизу́н, 82, 87
скола, 118
Ско́ландать, 544
скоричня́, 725
скоро́мное, 303
скочити, 191
Скочить, 191
скрасна́, 707, 725, 726
скребу́лька, 67
скрипица, 91
скрипи́ца, 89, 91, 96
скрипу́н, 89
Скуя́ть, 408
слабая, 119
слабый на уторы, 115
сла́вец, 487
слати́мый, 722
слезовой курган, 645
Слепондя, 106
слеток, 297
слёток, 297
сли́вка, 310

- сливки, 310
сливóк, 310
слизня́к, 90
слизу́н, 90
с лоба́за, 638
словно лихой взглянул, 21
слухать, 117
слухме́нный, 144
слюня́вый, 87
сметана, 111
сме́шанный ле́с, 602
смóлость, 308
Сморак, 192
сморк, 192
Сморкь, 192
сморок, 192
сморци, 192
сморчкí, 307
смотрины, 519
смя́тка, 314
насиловать, 117
снíмок, 310
снорóвка, 270
сноха, 628
соба́чий язык, 26, 28, 30
собачонок, 300
собина, 289
Собóрвынье, 284
Собóрвынья, 284
со́вестный, 706
совет потайкём, 519
совещание, 519
совору́лина, 65
совору́лины, 60, 61, 65, 66
совру́лины, 60–63, 65, 66
совру́льки, 60–63, 65, 66
совру́льки-стро́ганцы, 60–63, 68
сойтiться, 502
сок, 312, 314
солдохрестье, 284
солдохрестья, 284
солежонок, 296
со́лкий, 509
солова, 488, 491
солóва, 487, 488
соловей, 488–490, 494, 495
Соловей, 488–490
соловeй, 90, 487, 488
соловейка, 488, 490
соловeйка, 488
соловейчик, 490
соловeйчик, 488
соловец, 491, 494
Соловец, 489
соловeц, 487, 488
соловеюшка, 490
соловка, 490
соловой, 90
соловушка, 488, 490
Соловушка-соловей, 489
соловушка, 488–490
солóвушка, 488
соловчик, 490
солóвчик, 488
соловьiшка, 488
соловьiон, 491, 494
соловьiон, 487, 488
солóвьiошек, 488
соловьiошка, 488
солощавый, 722
солощiй, 328
соплеви́к, 87
сопли́вик, 87
сопли́вник, 87
сопли́вчик, 87
сопли́вый, 87
соплю́ха, 90
соплю́шка, 90
сопля́к, 90
сорбалина, 75, 76

- сорбали́на, 74
сорокоднeвкa, 109
соскакывaть, 505
сосна́, 604
сосок, 295
сосун, 295
сосчитaть зyбы (кoму-л.), 146
сотник, 148
соус, 111
соха, 51, 295
сошка, 295
сошник, 295
сощемять зyбы, 146
сояшники, 109
спaлa, 192
спaлaти, 192
спaлить, 192
Спaлить, 192
спивунeц, 491, 493, 495
спивунeц, 487, 488, 490, 491
спидницa, 110
спит кaк мeртвoй, 401
сплeсть, 502
с пoдхoдa, 638
с пoдхoдa, 638
с пoдхoдoм, 638
Спoнoрoвнo, 326, 327
спoнoрoвный, 327
спрaвa, 526
Спрaвкa, 526
спрiкoсa, 726
спрoстá, 726
средoхрeстьe, 284
средoхрeстья, 284
срeтeньe, 279
Срeтeньe, 283
срeтeнья, 279
Срeтeнья, 283
срoдыч, 524
срусá, 726
срутiть, 680
срыжá, 726
ссакун, 693
ссáкyшa, 693
ссерá, 725
сспикулянтy, 667
ссыкaнeц, 693
стaйкa, 54
стакáн, 89, 98
стакунeц, 693
стaмeть, 329
стaрицa, 292
стaршoй, 524
стaть нaдoлбнeм, 148
стeрeшчь, 503
стeчнoe (пoртoчнoe) мoлoкo, 149
стoгaнeц, 693
стoгoвoтaть, 552
стoкaн, 327
стoлбьянкa, 112
стoл дaрят, 520
стoпни, 618
Стoрoнoвáть, 408
стoять нaдoлбoй, 644
стрaевóй лeс, 602
стрeжaти, 192
Стрeкiвить, 406
стригaн, 52, 295, 296
стригaнoк, 296
стригач, 295
стригун, 295, 296
стрижeн, 296
стрoгaнeц, 693
стрoгий, 118
стрóпни, 618
стрыгáн, 51
стрямкa, 643
стряхивaть, 505
стóдeнь, 305
стyльчик, 91

- стúльчик, 91
 стúпни́, 618
 суглинистая земля, 561
 Сугли́нок, 562
 сúзик, 26, 29, 30
 сукотная, 51
 сúкрасна, 725
 Сукраст-накраст, 406
 сукрест-накрест, 406
 суморóчный, 716
 сунганéц, 693
 сундук, 526
 суп, 306
 сúпесок, 561
 супшина, 72
 сурáжий, 716
 сурáзный, 728
 сухлявый, 717
 сухой-насухой, 709
 сухоствóльное дéрево, 603
 сучковáтое, 604
 Сучóк, 379
 схватываться зуб за зуб, 146
 сходиться, 633
 сходцы, 112
 схоронить невесту, 519
 схотеть, 117
 сцакунéц, 693
 Сцыкуля́ндры, 667
 счастл́ивой пут́и, 370
 счерна́, 726
 считать зубы (кому-л.), 146
 спи́ривать лягушек с яру, 644
 сынина жена, 628
 сыпать горох, 42
 с́пать горóх, 41
 сыр, 111, 313
 сы́рсно молоко, 309
 сы́ршность, 309
 сы́рник, 313
 сы́рники, 312
 сы́рные пироги, 312
 сыроéжка, 605
 сыро́к, 313
 сыро́чное молоко, 309
 сысо́я, 93
 сэнтывать, 553
 таган, 55
 таганок, 111
 Тадысь, 329
 такать, 552
 Та́пти, 573
 тарабанить, 40, 42
 тараба́нить, 42
 таранка, 119
 тарантéть, 35
 тарахтéть, 41
 тарка, 328
 творог, 312
 творóженик, 313
 творóжник, 313
 творóжники, 312
 творóжницы, 312
 телогрéйка, 572
 Телогрéйтя, 572
 тепло-на́тепло, 714
 теплушка, 112, 118
 теремóк, 270
 теремóчек, 270
 терно́вник, 77
 терховáтый, 722
 тетка, 628
 тёмные друзья, 150
 тёщин язык, 113
 тика́ть, 434
 ти-ти-ти, 112
 то, 327
 товар, 525
 тоговотать, 552

- тоделить, 551
токот, 329
толкать в зубы, 146
толкáč, 89, 98
толкачик, 89
толкáčик, 89, 98
толовняник, 78
толокáнный, 78
толоклянный, 78
толокняга, 77
толокнѣга, 78
толокнѣжка, 78
толокняк, 71
толокнѣк, 78
толокнѣн, 78
толокнѣник, 78
толокнянка, 77, 78
толокнѣнка, 78
толокнянник, 78
толокнѣха, 78
толокнѣшка, 78
толокнѣшник, 78
толокóльный, 602, 605
толоконница, 89
толокóнница, 78, 89
толстопѣтые, 303
толстушка, 29
тóлстые, 303
толстые (отрёпные, постные, толстопѣтые) шти, 306
толщѣнский, 717
тонехóнный, 713
тончáвый, 722
тончевáтый, 722
топеречи, 330
топлѣнка, 311
тополѣвая рядóвка, 89, 91
тополѣвые, 89
топотиночки, 335
топотоп, 335
топырь, 381
топѣрь, 380
торокан, 327
тóт путь, 373
тпрусенька, 297
трава, 117
трахмал, 329
треклятый, 513
трепло, 42
тресть, 502
третьяк, 295, 296
третьячка, 295, 297
трехлеток, 295
трещать, 41
три бабайки в гору, 642
трошки, 120
трубеха, 290
трубить, 40
трус, 112
труска, 112
трут, 420
трутовик, 419, 420
трущóба, 602
трюлетка, 296
туганок, 118
тугососая, 119
тúкнуть, 432
Тулúп, 573
Тумак тумакон, 106
тумán, 219
туповáтый, 722
турлук, 55
тутнути, 192
тушѣнка, 303
тыквач, 118
тыквачный, 117
ты на-гору — тебя за ногу, 641
тычок, 91
тычóк, 91
тюру-тюру, 112

- тюсек, 299
 тьявка, 300
 тяжелу́щий, 713
 тятенька, 53
 тятя, 53

 убáщивать, 671
 убéгаться, 434
 убёгивать, 434
 увáл, 172
 увивание косы, 521
 угорка, 113
 удалой, 511
 ужак, 120
 ужака, 120
 Ужахнуться, 106
 узвар, 111
 узик, 29
 уюзом, 117
 уйти на попов бугор, 643
 уквичать, 116
 уклéйка, 692
 (у кого-л.) за́говен нéту (всё мя-
   соёд), 234
 украсивый, 716
 улаштоваться, 116
 уль, 219, 221, 222
 умейный, 329
 умнёющий, 713
 унылый, 510
 Уповод, 338
 упулиться, 148
 ўрот, 219
 урюпа, 88
 урю́па, 88
 урюпыш, 88
 урядник, 148
 уси́лённый, 510
 усто́йчик, 310
 устрики́, 355, 356

 усто́ха, 87, 93
 усто́шка, 87, 93
 утак, 112
 утиральник, 119
 утоделить, 552
 уторы, 115
 Утренняя заря, 181
 утрешник, 111
 утя-утя, 112
 ухайда, 335
 Ухайдакаться, 327
 ухандокаться, 106, 118
 уходить (венчаться) уходом, 148
 ухэка́ться, 118
 учка, 295
 ушно́, 308
 ушно(е), 308

 фатка, 328
 февраль, 93
 фершал, 329
 фитоген, 118
 форботы, 677
 Фура́шты, 575
 Фуфа́йтя, 572

 халоша, 110
 халу́й, 86
 халу́й, 86, 96
 халуя́н, 86
 харпы, 408
 хата, 112
 хатой, 52
 Хвараить, па краюшке удира-
   ить, па видёрке вады пьеть,
   и халера ни биреть, 234
 хваря, 108
 хвату́щий, 713
 хвет, 240
 хвост в зубы, 146

- хлебное зерно, 525
хлеб-соль, 525
хлобыста́ть, 432
хлуй, 88, 93
хлын, 300
хлыст, 380
хлыстуша, 289
хлюст, 487, 488, 490, 491, 493, 495
хлюста́ть, 493
хмара, 119
хмарка, 119
хов(л)ка, 330
ходить по окрайкам, 645
ходоки́, 693
хозяин, 53, 118, 496
хозя́ин, 498, 499
холоде́ц, 305
холо́днее, 305
холодно́, 117
холодное мясо, 303
холодный борщ, 111
холу́й, 86
холу́нья, 305
холуя́н, 86
холуя́нка, 86
хомут надевать, 109
хора, 86
хоро́шего путы́, 370
хорошочки, 117
хорю́ши, 86, 87
хоть гать гати, 644
хоть зубами грызи, 146
хоть зубами ляскай, 146
хоть картинки пиши (с кого-л.), 143
Хоть на палке, ды вирхом, 235
хоть об лоб поросят бей, 143
хохлач, 117
хренчик, 667
хрестю́шка, 92
христю́шка, 92
хромки, 110
хруль, 86, 96
хрусти́на, 89
хрусти́шка, 89
хрустя́шка, 89
хрюсти́шка, 89
хряк, 112, 119
хрячати́на, 111
худак, 108
худаконка, 108
худая́ земля, 559
худоба, 112
худой, 512
худорба, 108, 118, 119
худудуд, 112
хурга, 117
хуртеть, 117
хустка, 110, 118, 119
цаловки, 519
Царские дверя́, 280
цафа, 669
цафить, 669
цветной, 513
цебарка, 111
церква, 117
цикавый, 108, 120
цимбала медовучая, 152
циркушка, 290, 291, 301
цоб, 112
цобе, 112
цоб-цобе, 112
цыба, 294
цыбуля, 55
цыганка, 119
цыганочка, 118
чага, 419, 420

- чага, 691
 чакан, 55, 113
 чапары́га, 73
 чапары́жник, 73
 чапары́ш, 73
 чапать, 73
 чапельник, 51
 чаплейка, 111
 чаруши, 610
 часовен, 280
 частить, 41
 частуха, 29
 частушница, 108
 Чаща́, 379
 чекалдыкнуть, 120
 челку́шка, 405
 челпа́шка, 405
 чепать, 72
 чеперя́ха, 73
 черва́, 353, 355, 356
 че́рва, 353
 черва́к, 353, 355, 356
 через губу не переплюнет
 (кто-л.), 147
 через дорогу на впрысидки, 115
 череперя́шник, 73
 черёха, 692, 694
 чернилка, 117
 чернобровки, 113
 чернозём, 558, 560, 565
 черну́шки, 691
 чернядь, 192
 чеса́нки, 622
 чесать зубы, 146
 четвере́ни, 620
 че́бар, 604
 че́бор, 113
 че́рная барыня, 113
 че́рная земля, 558, 565
 че́рная мага, 114
 Че́санки, 622
 чибрик, 92
 чи́брик, 92
 чигля́вый, 722
 чижало, 117
 чижё́лый, 117
 чи́кнуть, 432
 чиковáть, 41
 чили́га, 52
 чипарига, 73
 чипары́га, 73
 чипары́к, 73
 чипары́с, 73
 чипарыжка, 73
 чипать, 72
 чипорас, 73
 чипоры́с, 73
 чипоры́га, 73
 чипуры́хи, 73
 чистилка, 111
 чистить зубы (кому-л.), 146
 чистобай, 45
 чистоба́й, 45
 чистотка, 108
 чисточко, 117
 читалка, 108
 читать молебну, 149
 чо́боты, 621
 чувал, 111, 119
 чувяки, 149
 чужая чужина, 122
 чунек, 299
 чуни, 110
 чу́ни, 618, 619
 чунька, 299
 чу́ня, 299
 чурк, 219, 225, 226, 228, 229
 чурка, 227, 228
 чу́рка, 226
 чурко́вый, 226

- чурок, 219, 225, 226, 228, 229
чурок, 225, 226
чурочек, 225
чурочек, 226
чурошная земля, 226
чурошный, 226
чухв́иснуть, 432
чухлото́вая земля, 561
чучикать, 117
- шабала, 610, 611
шабала́, 609
шабалить, 611
шабалка, 611
шабáлка, 610, 611
шабёр, 51
шадра, 670
шалюка, 108
шамкать, 44
шапку палкой не достанешь, 148
шапошник, 523
Ша́пти, 574
ша́рик, 90, 270
шарчонок, 112, 119
шататься как бурьян на кур-
гане, 644
шатун, 637, 639
швайка, 119
Швайка, 106
шенька, 296
шепéга, 72
шепéха, 72
шепéчка, 72
шептать, 39, 109
шестерикí, 620
шибка, 112
шизый, 191
шикóвник, 72
шиковый, 108
шилёвка, 119
шиленьник, 29
шипáрь, 72
шипéц, 72
шипíвка, 72
шипига, 72
шипíга, 72
шипíжина, 72
Шипíжник, 72
шипика, 71
шипíка, 71
шипíна, 72
шипíха, 72
шипипа, 71
шипíца, 71
шипичник, 71
шипíчник, 71
шипичня́г, 72
шипичняк, 71
шипичня́к, 71
шипíша, 72
шипíшка, 72
шипипшник, 71
шипкóвник, 72
шипнóвник, 72
шипове́ц, 72
шипóвка, 72
шиповник, 70
шиповня́к, 71
шипúга, 72
шипúльник, 72
шипульняк, 71
шипульня́к, 72
шипúля, 72
шипúчка, 72
шипúшник, 72
шипч́ина, 72
шй́пша, 72
шипшина, 72, 113
шип(ы), 72
шипья, 72

- широкоту́щий, 713
 шй́тка, 271
 шиш, 54
 шишига водяная, 149
 шишка, 109, 420
 шй́шка, 604
 шишкóвник, 72
 шкирд, 53
 шлéить, 41
 шлях, 162
 шорник, 523
 шпак, 112
 шпанка, 113
 шпаровать, 117, 118
 шпорыш, 113
 штаны́, 571
 Штаны́, 571
 шти, 303, 306
 шуметь, 35–38
 шупшина, 72
- щáвель ко́нский, 605
 щепéтник, 72
 щепица, 71
 щерица, 113
 щётка, 111
 щи, 303, 306
 щиканéц, 693
 щикунéц, 693
 щипй́га, 72
 щипичник, 70, 71
 щиповник, 71
 щипчина, 72
- эдак, 552
 эдакий, 552
 э(е)ента, 103
 э(е)нти, 103
 э(е)нтог, 103
 Эктáр, 406
- энта, 282
 энто, 282
 энтовать, 552
 энтог, 103, 282
 éтаваецца, 553
 этавать, 552, 556
 Этавать, 555
 этаваться, 553
 этовать, 552, 555
 этывать, 552, 555
- Ю́лейдать, 545
 юрайдать, 545
 юрайдать, 546
 Ю́райдать, 546
 юрандать, 545
 юрандать, 546
 Ю́рандать, 545, 546
 Ю́ргать, 546
 Юргонúть, 547
 юрить, 547
 Ю́рйть, 546
 Ю́ркать, 546
 Ю́рнуть, 547
 Ю́ройдать, 546
 юшка, 111, 119
- яблок, 280
 ягнак, 298
 ягнок, 298
 ягода, 51
 я́года, 604
 язёвый лоб, 147
 язык в зубах завяз (у кого-л.),
 146
 язык за зубы цепляется, 146
 яндова, 694
 яндóва, 694
 янтарй́, 60–63, 65, 66, 68
 янтарки, 65, 66

- янтáрки, 61–63, 65
янтáрные снизки, 65
янтáрные снизки, 60, 62, 63, 65, 66
янтáровые бусы, 61, 62, 65
янтáры, 61–63, 65, 66, 68
- яр, 641, 644
Яруга, 603
яру́жэжны́й лés, 603
ярушка, 292, 293
ярчонок, 298
ящeрка, 690